

Майкл

Почерк
МАСТЕРА

КРАЙТОН

**ПАРК ЮРСКОГО
ПЕРИОДА**

ЭКСМО

Норек
МАСТЕРА

Майкл

КРАЙТОН

***ПАРК
ЮРСКОГО
ПЕРИОДА***

РОМАН

МОСКВА
«ЭКСМО-ПРЕСС»
2001

УДК 820 (73)
ББК 84(7США)
К 78

Michael CRICHTON
JURASSIC PARK

Copyright © 1990 by Michael Crichton
Серийное оформление художника *С. Курбатова*
Серия основана в 2000 году

Крайтон М.

К 78 Парк юрского периода. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 544 с. (Серия «Почерк мастера»).

ISBN 5-04-004249-X

Ошеломляющие темпы развития генной инженерии привели к раскрытию тайны восстановления и клонирования ДНК динозавров. Один из наиболее ужасных кошмаров человечества стал явью: древние ящеры, вымершие миллионы лет назад, были воссозданы руками ученых. Грозная поступь фантастических чудовищ сотрясает Парк юрского периода, и тысячи людей со всего мира собираются устремиться туда, чтобы своими глазами увидеть зловещих доисторических хищников. Однако случается непредвиденное...

В «Парке юрского периода» Майкл Крайтон в очередной раз подтвердил свою славу непревзойденного мастера технотриллера. Несмотря на фантастический сюжет, книга потрясает своей достоверностью. На ее основе был создан культовый фильм, явившийся одним из наиболее значимых кинематографических событий 90-х годов XX столетия.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-04-004249-X

© Издание на русском языке. ЗАО
«Издательство «ЭКСМО», 2001
© Оформление. ЗАО «Издательство
«ЭКСМО-Пресс», 2001
© Перевод. Е. Шестакова, 2001

Предисловие

ПРОИСШЕСТВИЕ В «ИнГене»

В конце двадцатого столетия весь мир охватила научная золотая лихорадка невероятных масштабов: безудержная, неистовая погоня за барышами в коммерческом применении достижений геной инженерии. Эта отрасль науки развивалась столь стремительно — причем при минимальной огласке, — что ее настоящий размах и истинное содержание вообще трудно оценить.

Новые биотехнологии должны были стать основой величайших изменений в истории человечества. Уже к концу этого десятилетия биотехнологии наверняка займут даже более важное место в жизни человека, чем компьютеры и атомная энергия. Вот как сказал о них один из научных обозревателей: «Биотехнологии преобразят буквально все в нашей жизни: медицинское обслуживание, продукты питания, наше здоровье, развлечения, даже наши тела. Все переменится, ничто не останется прежним. Можно сказать, что биотехнологии изменят облик всей нашей планеты».

Однако биотехнологическая революция весьма отличается от всех прежних научных преобразований.

Во-первых, биотехнологические исследования чрезвычайно широко распространены. Америка вступила в эру атомной энергетики благодаря разработкам одного-единственного исследовательского центра — в Лос-Аламосе. Компьютерный век наступил благодаря усилиям примерно дюжины различных компаний. А исследования в области биотехнологий ведутся сейчас более чем в двух тысячах лабораторий — и это в одной только Америке. Около пятисот корпораций ежегодно вкладывают в эти разработки до пяти миллиардов долларов.

Во-вторых, большая часть биотехнологических исследований либо вообще бессмысленна, либо направлена на маловажные, пустячные цели. Порою можно подумать, что речь здесь идет о шутке — ну кто бы стал вкладывать

деньги, например, в выведение прозрачной форели только ради того, чтобы проплывающая рыба не мешала рассматривать речное дно? Или в выращивание новых пород деревьев — с квадратным стволом — для облегчения лесозаготовок. Или же в получение инъекционного экстракта ароматических клеток — для того, чтобы все время благоухать своими любимыми духами... Но все это не шутка. На самом деле, поскольку биотехнологии можно использовать в индустрии развлечений и прочих отраслях промышленности, которые традиционно удовлетворяли разнообразные человеческие капризы — как, например, производство косметики, — новые могущественные технологии находили все более и более странное, а порою даже причудливое применение.

В-третьих, работа над новыми технологиями никак не контролируется. За ней никто не следит. Не существует никаких федеральных законов, которые бы ее регламентировали. В отношении биотехнологий до сих пор не разработана официальная государственная политика — ни в Америке, ни где-либо еще в мире. Очень непросто выработать разумную политику в отрасли, которая производит буквально все, что угодно, — от лекарств и сельскохозяйственных культур до искусственного снега.

Но больше всего тревожит то, что среди самих ученых-генетиков не нашлось ни единого беспристрастного наблюдателя, который мог бы как-то контролировать направления научных разработок. Весьма примечательно, что практически каждый ученый, проводящий генетические исследования, живо заинтересован в коммерческом приложении биотехнологий. Среди них нет сторонних наблюдателей. У каждого — своя доля в биотехнологическом бизнесе.

Переход молекулярной биологии на коммерческую основу — самая потрясающая нравственная проблема в истории науки, тем более что произошло это с невероятной быстротой. На протяжении четырех столетий, со времен Галилея, ученые свободно и открыто исследовали разнообразные тайны природы. Для настоящих ученых не существовало никаких национальных разграничений, наука была для них превыше переменчивых политических доктрин и даже войн. Ученые всегда выступали против засекречивания исследований и неодобрительно смотрели

даже на обычай патентовать научные открытия — поскольку считали, что трудятся на благо всего человечества. И при жизни множества поколений открытия ученых действительно оставались до странности безличными.

И вот в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году двое молодых английских ученых, Джеймс Уотсон и Фрэнсис Крик, расшифровали строение ДНК¹. Их открытие стало настоящим триумфом человеческой мысли и духа. Оно разрешило извечную загадку, стоявшую перед человечеством, позволило понять устройство вселенной с научной точки зрения. И всем казалось, что имена ученых-первооткрывателей вскоре забудутся, а это открытие, так же как прочие, будет причислено к величайшим победам человечества.

Однако этого не случилось. Тридцать лет спустя практически все ученые — коллеги Уотсона и Крика — устремили свои усилия на разработку несколько иного направления науки. Исследования в области молекулярной генетики стали предметом грандиозных, в несколько миллиардов долларов, коммерческих сделок. Однако событие, радикально изменившее биологическую науку, совершилось не в 1953-м, а в апреле 1976 года.

Тогда, в апреле семьдесят шестого, произошла знаменательная встреча, о которой теперь известно каждому. К бизнесмену Роберту Свансону, и раньше не раз бравшемуся за рискованные коммерческие предприятия, пришел Герберт Бойер, ученый-биохимик из Калифорнийского университета. Вдвоем они основали компанию по разработке и применению придуманной Бойером технологии сшивания генов. Их новая компания, «Генотех», очень скоро стала крупнейшей и самой прибыльной среди прочих компаний, использовавших генную инженерию.

И вдруг выяснилось, что всем сразу же захотелось разбогатеть. Буквально каждую неделю стали появляться все новые и новые компании; ученые, все как один, бросились вовсю извлекать выгоду из достижений генной инженерии. И к 1986 году уже как минимум триста шестьде-

¹ ДНК — дезоксирибонуклеиновая кислота — молекула, в которой содержится генетическая информация. Состоит из двойной цепочки аминокислот. Находится в ядрах клеток.

сят два ученых, в том числе и шестьдесят четыре члена Национальной Академии наук, заседали в советах директоров биотехнологических фирм. А таких, которые не представляли напоказ свою связь с подобными компаниями или же занимали должности консультантов, было во много раз больше.

Необходимо уделить особое внимание тому, насколько значительный сдвиг произошел за это время в мировоззрении ученых. Раньше приверженцы «чистой науки» относились к бизнесу с пренебрежением и свысока смотрели на предприимчивых дельцов. Они считали, что погоня за наживой чужда и просто неинтересна людям интеллектуального склада — этим делом пристало заниматься разве что каким-нибудь торговцам. И производить целевые научные исследования для промышленности, даже в таких престижных лабораториях, как «Белл» или IBM, следует лишь тем ученым, которые не сумели получить университетский грант на свои разработки. Соответственно, приверженцы «чистой науки» чрезвычайно неодобрительно относились к ученым, которые работали по заказам промышленности, да и к самой промышленности тоже. В результате подобного упорного неприятия бизнеса университетские ученые были совершенно свободны от его порочного влияния. А если и возникала необходимость рассмотреть какой-нибудь научный вопрос, непосредственно касающийся промышленных технологий, незаинтересованные ученые могли обсуждать его на самом высшем уровне.

Но теперь все это осталось в прошлом. Сейчас весьма немногие молекулярные биологи и исследовательские учреждения никак не причастны к коммерческим структурам. Старые добрые времена миновали. А исследования в области генетики продолжаются. Ученые-генетики продвигаются вперед немыслимыми темпами. Но ведутся эти исследования в строжайшей тайне, поспешно и ради выгоды.

В этой насквозь пропитанной коммерцией среде неизбежно должна была возникнуть такая амбициозная компания, как «Интернациональные генетические технологии, инкорпорейтед» в Пало-Альто — «ИнГен». И вовсе

неудивительно, что генетический кризис, явившийся результатом деятельности этой компании, должен был остаться «за кадром». Ведь, в конце концов, все исследования, которые проводила компания «ИнГен», были строго засекречены, а сам инцидент произошел в одном из наиболее пустынных и удаленных уголков Центральной Америки, и свидетелями его стало всего около двух десятков человек. Причем в живых из них осталось гораздо меньше.

Даже когда все закончилось и «Интернациональные генетические технологии» пятого октября 1989 года обратились в «Отдел по делам об экономической несостоятельности» в Сан-Франциско, требуя защиты по статье одиннадцатой, — даже тогда это событие почти не привлекло внимания средств массовой информации. Объяснение этому очень простое: «ИнГен» стала уже третьей из мелких американских биоинженерных компаний, которые разорились в этом году, и седьмой по счету, начиная с 1986 года. Очень немногие из материалов судебного разбирательства стали достоянием прессы — поскольку кредиторами «ИнГена» были японские инвесторские консорциумы, такие, как Хамагури и Денсака, а эти компании всегда старались избежать ненужной огласки. Чтобы не допустить излишней огласки и в этом деле, Дэниэл Росс из адвокатской фирмы «Коуэн, Свейн и Росс», который консультировал «ИнГен», тоже посоветовал сослаться на традиции японских инвесторов. А несколько неожиданную петицию от вице-консула Коста-Рики просто оставили без внимания. Именно поэтому не стоит удивляться, что уже через какой-нибудь месяц все неприятности «ИнГена» были тихо и полюбовно улажены.

Все, кто участвовал в улаживании конфликта, в том числе и несколько именитых ученых-консультантов, дали подписку о неразглашении и не желали ни с кем обсуждать случившееся. Но множество сотрудников бывшей компании «ИнГен» никаких подписок не давали и, наоборот, горели желанием поговорить о весьма примечательных событиях, которые в конце концов привели к тем последним двум дням в августе 1989 года на небольшом островке, затерянном в океане к западу от берегов Коста-Рики.

Пролог

УКУС РАПТОРА

Мощные струи тропического ливня молотили по рифленой крыше больницы, с гулким рокотом проносились вниз по металлическим водосточным желобам, выплескивались на землю и растекались широкими потоками. Роберта Картер тяжело вздохнула и посмотрела в окно. Из больничного окна почти ничего нельзя было разглядеть — и пляж, и океан скрывала сплошная пелена дождя. Роберта представляла себе все совсем иначе, когда отправлялась в рыбацкий поселок Бахья-Анаско на западном побережье Коста-Рики, где она должна была проработать два месяца на должности участкового врача. Бобби Картер думала, что здесь ее ждет ласковое солнце и приятный отдых после двух лет изнурительной стажировки в Центре экстремальной медицины Майкла Ризи, в Чикаго.

И вот она уже три недели в Бахья-Анаско. И каждый божий день здесь идет дождь.

Впрочем, на все остальное просто грех жаловаться. Роберте пришлось по душе и удаленность Бахья-Анаско от населенных мест, и искреннее дружелюбие местных жителей. Система медицинского обслуживания в Коста-Рике — одна из двадцати лучших в мире, и даже в этой заброшенной прибрежной деревушке больница прекрасно оборудована и оснащена всеми необходимыми приборами и медикаментами. Ассистент врача, фельдшер Мануэль Арагон — грамотный специалист с хорошей практической подготовкой. Здесь Бобби вполне могла выполнять манипуляции такого же уровня сложности, как в Чикаго.

Но этот дождь! Постоянный, нескончаемый дождь!

Мануэль, сидевший в противоположном конце комнаты для осмотра больных, вдруг вскинул голову и сказал: — Вы слышите?

— Слышу, слышу, можешь не сомневаться, — отозвалась Бобби.

— Нет, я не об этом. Слушайте!

И вот она тоже уловила посторонний звук, пробивавшийся сквозь шум дождя, — низкий рокот, который все нарастал, становился все громче, пока не превратился в ясно различимый ритмичный стрекот винтов вертолета. Бобби подумала: «Но вертолеты не летают в такую погоду!»

Однако стрекот вертолета звучал уже совсем отчетливо, а потом показался и сам вертолет — машина вынырнула из пелены дождя очень низко над водой, взмыла выше, сделала круг, потом снова вернулась к береговой полосе. Бобби смотрела, как вертолет пролетел над водой, в ту сторону, где стояли рыбацьи лодки, потом свернул к шаткой пристани, потом снова полетел к пляжу.

Они ищут, где приземлиться.

Это был толстопузый «Сикорски» с голубой полосой вдоль борта и надписью «Транспорт компании «ИнГен». «ИнГен» — так называлась компания, строившая новый курортный центр на одном из островов, расположенных неподалеку отсюда. Поговаривали, что в этом курортном центре будут какие-то необычные эффектные зрелища, для которых возводились очень сложные конструкции, — многие местные жители нанимались рабочими на строительство, длившееся уже более двух лет. Бобби прекрасно представляла себе такие курорты — грандиозные американские центры отдыха с плавательными бассейнами и теннисными кортами, где отдыхающие могут пить коктейли и развлекаться, не вспоминая о реальной жизни, полностью оторванные от мира.

Бобби гадала — что же такого могло произойти на острове, какая крайняя необходимость вынудила вылететь на вертолете в такую ужасную погоду? Вертолет приземлился совсем близко, на мокрый песчаный пляж. Бобби разглядела через ветровое стекло, как пилот с облегчением вздохнул, благополучно посадив машину. Из кабины выпрыгнули люди в форме, большая боковая дверца распахнулась настежь. Бобби услышала крики — кричали по-испански. Мануэль дернул ее за рукав.

Звали врача.

...Двое чернокожих в летной форме несли к больнице безвольно обвисшее тело, а белый, в желтом непромокаемом плаще, выкрикивал приказы. На голове у него была бейсбольная кепочка, из-под которой выбились пряди рыжих волос. Бобби выбежала им навстречу.

— Здесь есть доктор? — спросил рыжий мужчина.

— Я — доктор Картер, — представилась Бобби.

Крупные капли дождя немилосердно барабанили по голове и плечам, она вмиг промокла насквозь. Рыжеволосый критически оглядел ее и нахмурился. Бобби была одета в обрезанные джинсы и майку-топ. На шее у нее висел стетоскоп, металлические части которого были тронуты ржавчиной — из-за соленого воздуха.

— Эд Регис. Мы привезли очень тяжелого пациента, доктор.

— Тогда вам лучше сразу доставить его в Сан-Хосе, — сказала Роберта. — Сан-Хосе — крупный город, а лететь до него отсюда всего минут двадцать.

— Мы бы так и сделали, но при этой погоде вертолет не сможет перевалить через горы. Придется вам лечить его здесь.

Бобби быстро зашагала рядом с больным, которого понесли внутрь клиники. Это был совсем молодой парень, почти мальчик, вряд ли старше восемнадцати лет. Приподняв залитую кровью рубашку, которой был накрыт паренек, Роберта увидела у него на плече глубокую рваную рану, и еще одну рану, не менее страшную — на ноге.

— Что с ним случилось?

— Несчастный случай на стройке, — объяснил Эд. — Парень упал. И попал под ковш экскаватора.

Паренек мелко дрожал всем телом. Он был без сознания, бледный как полотно.

Мануэль встречал их у двери клиники, выкрашенной в ярко-зеленый цвет. Он махнул рукой, показывая, куда идти. Раненого парня внесли внутрь и уложили на операционный стол, стоявший в центре комнаты. Мануэль приготовил аппарат для внутривенных инъекций, а Бобби тем временем включила закрепленную над столом бестеневую лампу, склонилась над больным и стала более внимательно исследовать его раны. Ей сразу стало ясно, что

повреждения крайне серьезные. Паренек почти наверняка погибнет.

Глубокая рваная рана тянулась от плеча почти через всю грудную клетку. Кожа на краях раны висела лохмотьями, из зияющего разрыва выпирала плоть. Плечо было сильно деформировано, в ране виднелись белые обломки костей. Вторая рана оказалась такой же глубокой, мышцы бедра были разорваны так, что обнажилась пульсирующая бедренная артерия. Роберте показалось, что ногу парня буквально вспороли и зверски разодрали.

— Расскажите-ка еще раз, как он был ранен, — попросила она.

— Сам я этого не видел, — откликнулся Эд. — Как мне сказали, его помяло экскаватором.

— Мальчик выглядит так, будто его искусал и порвал зверь, — возразила Бобби Картер, исследуя рану.

Как большинство врачей «Скорой помощи», она прекрасно помнила всех своих пациентов, даже тех, кого лечила много лет назад. Бобби дважды видела раны, нанесенные животными. Один раз это был двухлетний ребенок, которого покусал ротвейлер. Вторым пациентом был пьяный дрессировщик из цирка, с которым сводил счеты бенгальский тигр. В обоих случаях повреждения выглядели совершенно одинаково. Раны этого юноши тоже носили типичные черты повреждений, нанесенных животными.

— Зверь покусал? Да нет, что вы! Поверьте, это обычный экскаватор, — отвечая, Эд нервно облизывал губы.

Он заметно забеспокоился — как будто за ним числился какой-то грешок. Бобби удивилась — и почему он вдруг так разволновался? Раз уж на строительстве используют неквалифицированных рабочих из местных жителей, с ними постоянно должны приключаться всякие несчастные случаи.

Мануэль спросил:

— Будете обрабатывать рану?

— Да. Только сперва помой больного, — ответила Роберта.

Она наклонилась пониже и принялась ощупывать раны пальцами. Если паренька переехал экскаватор, наверняка в глубь раны должна была набиться земля. Но никакой грязи там не было — только скользкая, липкая,

пенистая слизь. И еще от раны исходил какой-то странный неприятный запах, похожий на вонь гниющего мяса, — запах смерти и разложения. Роберте никогда прежде не встречался подобный запах.

— Давно это с ним случилось? — спросила она.

— Примерно с час назад.

И снова Бобби отметила, как Эд занервничал. Похоже, он вообще был человеком беспокойным и несколько неуравновешенным. И с виду он совсем не походил на прораба со стройки. Скорее уж на какого-нибудь администратора, кабинетного работника. И сейчас Эд Регис явно выбит из привычной колеи.

Бобби Картер задумалась о ранах, которые предстояло обработать. Почему-то она была на все сто уверена, что имеет дело не с механической травмой. Раны этого парня просто выглядели совсем иначе. В них никакого загрязнения, никаких частиц почвы и совершенно отсутствуют признаки ушиба и сдавления. При любых механических травмах — и автодорожных, и производственных — практически всегда обязательно отмечаются симптомы ушиба и сдавления поврежденных тканей. А здесь — ничего подобного! Напротив, кожа молодого рабочего явно вспорота или разорвана — поперек плеча, и еще раз — поперек бедра.

Да, определенно эти раны выглядят так, будто нанесены животным. Однако, с другой стороны, большая часть тела пострадавшего осталась целой, а это как раз не типично для нападения животных. Бобби еще раз внимательно осмотрела голову раненого, туловище, руки...

Руки!

У Бобби мороз пробежал по коже, когда она рассмотрела руки юноши. Обе ладони были испещрены короткими, но глубокими порезами, запястья и предплечья посинели от кровоподтеков. Роберта достаточно проработала в Чикагском Центре экстремальной медицины, чтобы понять, что это означает.

— Хорошо, — сказала она. — А теперь — подождите снаружи.

— Почему это? — встревожился Эд Регис. Такое развитие событий явно пришлось ему не по вкусу.

— Вы что, собираетесь мне мешать? — Бобби выпроводила Эда на улицу и захлопнула дверь прямо у него пе-

ред носом. Она не знала, что тут творится, но ей все это определенно не нравилось.

Мануэль спросил:

— Мне мыть дальше?

— Да, давай, Мануэль, — сказала Роберта, а сама взяла свой маленький «Олимпус», фотоаппарат-«мыльницу», и сделала несколько снимков раны, со вспышкой — для лучшей освещенности. «Определенно, это выглядит, как укусы животного», — думала Бобби. Но вот парень застонал, Бобби отложила фотоаппарат в сторонку и наклонилась к нему. Губы паренька зашевелились, распухший язык почти не слушался.

— Raptor... Lo sa raptor... — прошептал раненый по-испански.

При этих словах Мануэль замер и в испуге отступил назад.

— Что это означает? — спросила Бобби.

Мануэль покачал головой.

— Не знаю, доктор. «Lo sa raptor» — no es español.

— Да? — А ей показалось, что это как раз по-испански. — Тогда давай, заканчивай его мыть.

— Нет, доктор. Плохой, очень плохой запах, — Мануэль сморщил нос, потом поспешно перекрестился.

Бобби еще раз присмотрелась к пенистой слизи, налипшей на рану. Бобби дотронулась до нее, растерла кончиками пальцев. Очень похоже на слюну...

Губы раненого снова зашевелились.

— Раптор... — прошептал он.

С откровенным ужасом в голосе Мануэль сказал:

— Оно его укусило...

— Что его укусило, Мануэль?

— Раптор.

— Да что такое этот раптор?

— Это значит «гупия».

Бобби нахмурилась. Насколько она знала, костари-канцы не особенно подвержены суевериям и религиозным предрассудкам, но в поселке не раз заговаривали об этом «гупия». Местные жители считали «гупия» чем-то вроде кошмарных призраков, безликих вампиров, которые крадут по ночам маленьких детей. По поверьям, эти

«гупия» когда-то населяли безлюдные коста-риканские горы, но теперь расселились и на прибрежных островах.

Мануэль продолжал потихоньку пятиться подальше от больного, непрерывно крестясь и бормоча под нос:

— Этот жуткий запах — это ненормально... Это «гупия», «гупия»...

Роберта уже готова была приказать ему вернуться к работе, как вдруг раненый паренек широко открыл глаза, поднялся и сел на операционном столе. Мануэль затрясся от страха. Парень что-то нечленораздельно промычал-простонал, потряс головой, повел из стороны в сторону широко распахнутыми, невидящими глазами, и тут его вырвало — он изверг из себя целый фонтан густой крови, перемешанной с осклизлыми кусками рвотных масс. Сразу же после этого мышцы юноши стали беспорядочно сокращаться, все тело содрогалась в конвульсиях. Роберта бросилась к нему, хотела поддержать, но не успела — парень повалился со стола прямо на выложенный плиткой пол операционной. Его снова вырвало кровью. Кровь была повсюду.

— Черт, что вы тут устроили? — спросил Эд, приоткрыв дверь. Но, увидев лужи темной крови, он мгновенно выскочил обратно, зажимая ладонью рот. Бобби подхватила палочку, чтобы вставить ее между зубами корчившегося в судорогах парня. Но, даже уже проделав это, она, как врач, понимала, что все бесполезно. Больной безнадежен. И вот тело паренька в последний раз изогнулось дугой и замерло, безвольно вытянувшись на полу.

Роберта опустилась на колени, собираясь делать искусственное дыхание рот-в-рот, но Мануэль метнулся к ней, схватил ее за плечи и оттащил назад.

— Нет! Не делайте этого, доктор! — страшным голосом проговорил он. — «Гупия» может перекинуться на вас!

— Мануэль, ради бога...

— Нет! — ассистент с мольбой уставился на нее. — Нет, пожалуйста, доктор! Вы просто не понимаете, что это такое...

Бобби взглянула на распростертое на полу тело и поняла, что искусственное дыхание тут уже все равно ни к чему. Вернуть юношу к жизни не было никакой возможности. Мануэль позвал людей, те вошли, подняли безжиз-

ненное тело и унесли. Зашел Эд. Вытирая губы тыльной стороной ладони, он пробормотал:

— Уверен, вы сделали все, что могли.

Двое чернокожих отнесли тело обратно, все они перегрузились в вертолет, и машина взмыла в небо. Роберта посмотрела им вслед.

— Так даже лучше, — сказал Мануэль.

А Бобби все думала о руках паренька. Они были покрыты кровоподтеками и ссадинами, очень характерными для повреждений, полученных при защите от нападающего животного. Роберта была совершенно уверена — мальчик погиб вовсе не от какого-то несчастного случая на строительстве. На него напал зверь, и юноша поднял руки, пытаясь защититься от животного.

— А где находится этот остров, с которого они прилетели? — спросила Роберта.

— В океане. Наверное, в сотне, еще сотне, и еще двадцати милях от побережья.

— Далековато для будущего курорта...

Мануэль посмотрел вслед улетающему вертолету.

— Надеюсь, они никогда сюда не вернутся.

«Ну, по крайней мере, у меня остались снимки», — подумала Бобби. Однако, когда она вернулась в операционную, выяснилось, что фотоаппарат бесследно исчез.

Поздно ночью дождь, наконец, закончился. Бобби ли стала свой потрепанный испанский словарь в мягкой обложке. Умиравший паренек несколько раз повторил слово «раптор», и, несмотря на возражения Мануэля, Роберта все же считала, что это слово — испанское. Так и оказалось — она нашла его в словаре. «Раптор» по-испански означало «насильник» или «похититель детей».

Тут было от чего призадуматься. Значение слова подозрительно точно подходило к тому мифическому существу, которое здесь называли «гупия». Роберте, конечно же, были чужды всяческие суеверия и предрассудки. И никакое привидение не смогло бы так изранить руки парнишки. О чем же все-таки пытался рассказать ей умирающий?

Из соседней комнаты донеслись стоны и тяжкие вздохи. У одной из поселковых женщин как раз начинались роды, и сейчас за ней присматривала местная повиваль-

ная бабка, Элена Моралес. Бобби заглянула в ту комнату и жестом попросила Элену на минуточку выйти.

— Элена...

— Si, доктор?

— Вы знаете, что такое «раптор»?

— Si, — Элена кивнула. — Это значит... Это такой человек, который приходит ночью и крадет деток.

— Похититель детей?

— Да.

— «Гупиа»?

Элена мгновенно переменялась в лице.

— Не говорите этого слова, доктор!

— Почему это?

— Нельзя говорить о «гупиа» в такое время! — настойчиво пробормотала повитуха, кивнув в сторону комнаты, из которой доносились вздохи и стоны роженицы. — Очень не умно говорить сейчас это слово.

— Но скажите, Элена, кусает ли раптор свои жертвы? Разрывает ли он их когтями?

— Кусает? Рвет когтями? — повторила Элена, явно озадаченная. — Да что вы, доктор! Нет, конечно! Раптор — это же человек, который просто крадет младенцев, — повитухе определенно не нравилась тема разговора, и она старалась поскорее с этим покончить. — Я позову вас, доктор, когда она будет готова. По-моему, это примерно через часик-другой, — сказала Элена и поспешила обратно, к роженице.

Бобби смотрела на звезды и вслушивалась в мирный плеск волн на побережье. В темноте ночи она различала смутные силуэты рыбачьих лодок, пришвартованных вдоль берега. В такую тихую и спокойную ночь казалось несусветной глупостью разговаривать о вампирах и похищенных младенцах.

Роберта снова вспомнила, как Мануэль уверял ее, что слово «раптор» не испанское. Из чистого любопытства она просмотрела свой краткий толковый словарь английских слов. И каково же было ее удивление, когда здесь тоже отыскилось это слово:

Raptor, существительное (происх. от лат. «raptor» — грабитель, похититель; фр. «raptus»): хищная птица.

1. ПЕРВОЕ ПОВТОРЕНИЕ

В самом первом коротком отрезке кривой заложены ключи к разгадке ее математической структуры.

Ян Малкольм

Почти рай

Майк Боумен радостно насвистывал, ведя свой «Лендровер» по заповеднику Кабо-Бланко, расположенному на западном побережье Коста-Рики. В это прекрасное июльское утро ехать было одно удовольствие — дорога вилась почти по самому краю горного утеса, и с нее открывались великолепные виды на джунгли и лазурную гладь Тихого океана. В путеводителе говорилось, что в Кабо-Бланко совершенно нетронутая дикая природа, что это почти рай. И глядя сейчас на эту первозданную красоту, Боумен с удовлетворением думал, какой удачный получился у них отпуск.

Майк Боумен, тридцати шести лет, занимался строительством жилых домов в родном Далласе. Свой двухнедельный отпуск он решил провести вместе с женой и дочерью в Коста-Рике. Вообще-то, изначально идея этой поездки принадлежала жене Майка. Элен прожужжала ему все уши, расписывая красоты национальных парков Коста-Рики, — «как здорово было бы показать все это Тине!». Однако, когда семейство прибыло в Коста-Рику, вдруг выяснилось, что Элен стремилась сюда вовсе не из-за красот дикой природы — на самом деле она намеревалась посетить клинику косметической хирургии в Сан-Хосе. Майк Боумен впервые услышал, какие чудесные — и к тому же недорогие — косметические операции делают в Коста-Рике, особенно в шикарных частных клиниках Сан-Хосе.

Естественно, у супругов случился по этому поводу грандиозный скандал. Майк подозревал, что Элен его обманывала — и оказалось, что это действительно так и

есть! Поэтому Майк уперся и запретил Элен даже думать о каких-то там косметических операциях. Да и вообще — это же просто смешно — Элен всего тридцать лет, она и так очень красивая женщина. Черт побери, да она однажды победила в конкурсе красоты и стала «Доморощенной Королевой» — когда училась в последнем классе школы. А это было всего десять лет назад. Но тем не менее Элен вечно сомневалась в своей привлекательности и очень волновалась из-за этого. Создавалось впечатление, что последнее время она больше всего беспокоилась о том, как бы не подурнеть, не утратить привлекательности.

Об этом и обо всем остальном — тоже.

«Лендровер» подпрыгнул на ухабе, из-под колес во все стороны полетела жидкая грязь. Элен спросила:

— Майк, ты уверен, что мы едем по правильной дороге? Мы уже несколько часов не видели ни единого человека!

— Пятнадцать минут назад мимо проехала другая машина, — напомнил он. — Помнишь, голубая такая?

— Но она ехала в другую сторону...

— Дорогая, ты ведь сама хотела, чтобы пляж был пустынным. Его ты и получишь.

Элен с сомнением покачала головой.

— Хочется верить, что ты прав...

— Да, папочка, надеюсь, ты прав, — сказала Кристина с заднего сиденья. Дочери было восемь лет.

— Поверьте, девочки, все нормально. Ну как тут можно ошибиться? — С минуту они ехали молча. — Здорово здесь, правда? Посмотрите, какая красотища за окном!

— Да, здорово! — согласилась Тина.

Элен достала компактную пудру и стала рассматривать себя в зеркальце, выискивая морщинки. Насмотревшись вдоволь, она тяжело вздохнула и спрятала пудру в косметичку.

Дорога стала хуже, и Майк полностью сосредоточился на машине. Внезапно через дорогу метнулась маленькая темная фигурка. Тина закричала:

— Смотрите, смотрите!

Животное мгновенно скрылось в джунглях.

— Что это было? Мартышка? — поинтересовалась Элен.

— Наверное, беличья обезьянка, — предположил Боумен.

— Можно, я ее запишу? — спросила Тина и достала карандаш. Она записывала и зарисовывала в тетрадку всех животных, которые встречались им на пути. Это было какое-то школьное задание на каникулы.

— Даже не знаю... — с сомнением произнес Майк.

Тина раскрыла путеводитель и пролистала страницы с изображениями животных, которые встречались в путеводнике.

— Вряд ли это была беличья обезьянка, — заключила девочка. — Скорее всего, нам попался просто еще один ревун. — Они уже видели нескольких обезьян-ревунов, пока ехали через джунгли. Тина еще почитала путеводитель и обрадовалась: — Ого! Они тут пишут, что «на пляжах Кабо-Бланко часто встречаются самые разные виды экзотических животных, в том числе обезьяны-ревуны, белолицые мартышки, трехпалые ленивцы и броненосцы». Пап, как ты думаешь, мы увидим трехпалого ленивца?

— Наверняка!

— Ой, правда?!

— А ты посмотри в зеркальце.

— Очень смешно, папа, — насупилась дочка.

Дорога в джунглях пошла под уклон, к берегу океана.

Майк Боумен чувствовал себя настоящим героем, когда они, наконец, доехали до пляжа. Огромная, шириной в целых две мили, полоса шикарного белого песка, и вокруг — ни души. Боумен остановил «Лендровер» в тени пальмовых деревьев, которые росли у края пляжа, и достал коробки с едой. Элен переоделась в купальный костюм и пожаловалась:

— Честно говоря, даже не представляю, как мне избавиться ото всех этих лишних килограммов...

— Ты выглядишь просто замечательно, — успокоил ее Боумен. Сам Майк считал, что жена даже слишком тощая, но он по опыту знал, что говорить об этом не стоит.

Тина выскочила из машины и побежала на пляж.

— Не забудь надеть панамку от солнца! — крикнула ей вслед Элен.

— Потом, мама! Я хочу сперва посмотреть, вдруг здесь есть ленивцы!

Элен Боумен с подозрением взглянула на пляж, потом на деревья.

— Ты думаешь, с ней ничего не случится?

— Сердце мое, здесь нет ни единого человека на много миль вокруг.

— А змеи? Вдруг здесь водятся змеи!

— О господи... Элен, на пляжах не бывает змей!

— Ну, а вдруг здесь...

— Дорогая! — с нажимом произнес Майк. — Змеи — пресмыкающиеся. Это холоднокровные животные. Они не могут поддерживать постоянную температуру тела. Температура песка сейчас — не меньше девяноста градусов¹. Если змея выползет на такой песок, она испечется заживо. Можешь мне поверить, никаких змей на пляже нет! — Майк посмотрел на дочь, которая вприпрыжку бежала по пляжу — темная точка на белой песчаной равнине. — Пусть себе бежит. Ты ведь хочешь, чтобы путешествие ей понравилось?

Боумен обнял жену за талию и притянул к себе.

Тина бежала, пока не запыхалась, потом повалилась на теплый песок и, весело смеясь, покатила кувырком к самой кромке воды. Океан был теплый и спокойный, на ровной глади воды не было даже самых маленьких волн. Тина посидела немного, отдышалась после бега. Оглянувшись назад, туда, где остались родители и машина, Тина даже удивилась, как далеко они.

Мама махала рукой, звала ее вернуться. Тина радостно помахала в ответ, делая вид, что не поняла, чего от нее хотят. Ей совсем не хотелось надевать панамку. И не хотелось возвращаться обратно и выслушивать бесконечные разговоры матери о том, как бы сбросить вес. Девочке хотелось остаться здесь и, может быть, — если повезет — увидеть ленивца.

Тина уже видела ленивца — два дня назад, в зоопарке в Сан-Хосе.

¹ 90 градусов по Фаренгейту = 32 градуса по Цельсию.

Ленивец был похож на мягкую игрушку из «Мuppet-шоу», он казался таким милым и совсем безобидным. В любом случае, ленивцы ходят так медленно, что она за просто сможет от него убежать.

Тина услышала, как мать ее зовет, и решила уйти с солнца и подальше от воды, в тень пальмовых деревьев. В этом уголке пляжа пальмы росли над переплетением кривых, узловатых корней мангровых деревьев, которые полностью перекрывали все проходы в глубь берега. Тина уселась на теплый песок и пнула ногой сухие листья, опавшие с мангровых деревьев. Она заметила на песке множество птичьих следов. Коста-Рика славилась тем, что здесь очень много разных птиц. В путеводителе говорилось, что птиц в Коста-Рике в три раза больше, чем в Америке и Канаде, вместе взятых.

Трехпалые птичьи следы на песке были самые разные: одни маленькие, тоненькие, едва заметные, другие — покрупнее и сильнее вдавленные в песок. Тина с интересом разглядывала следы и вдруг услышала чириканье и какой-то шорох, которые доносились из мангровых зарослей.

Интересно, чирикают ли ленивцы? Тина думала, что не чирикают, но кто его знает, как там оно на самом деле? Скорее всего это чирикала какая-то морская птица. Тина замерла на месте и стала ждать. В кустах снова что-то зашевелилось, и девочка увидела того, кто шуршал и чирикал. Всего в нескольких метрах от нее из переплетения мангровых корней выбралась ящерица и уставилась на Тину.

Девочка затаила дыхание. Надо же, новое животное для ее списка! Ящерица стояла на двух задних ножках, опираясь на толстый хвост, и смотрела на Тину. В таком положении ящерица была примерно тридцати сантиметров высотой. Кожица у нее была темно-зеленая, с яркими коричневыми полосками поперек спины. Ящерица показывала тоненькими передними лапками, которые заканчивались маленькими пальчиками с острыми когтями. Зверек потешно наклонил голову, как будто присматриваясь к девочке.

Тине зверушка понравилась. Эта ящерица такая миле-

нькая! Она похожа на большую саламандру. Тина медленно протянула руку с раскрытой ладонью.

Ящерица не испугалась. Она пошла к девочке, смешно переваливаясь на толстых задних лапках. Зверек был размером примерно с курицу и так же, как курица, дергал головой при ходьбе. Тина подумала, что из этой ящерицы получился бы чудесный домашний любимец.

Девочка обратила внимание на то, что ящерица оставляет на песке трехпалые следы, точно такие же, как следы птиц. А ящерица подошла уже совсем близко... Девочка сидела не шевелясь, чтобы не спугнуть маленькую зверушку. Тина даже удивилась, что зверек совсем ее не боится и так близко подходит, но потом вспомнила — это же заповедник, и все звери здесь знают, что они под защитой. Эта ящерица, наверное, совсем ручная. Возможно, она даже надеется, что Тина угостит ее чем-нибудь вкусненьким. Девочка пожалела, что не прихватила с собой никакой еды. Тина медленно протянула раскрытую ладонь, показывая зверьку, что в руке нет ничего съедобного.

Ящерица приостановилась, качнула головой и звонко чирикнула.

— Прости, но у меня ничего нет, — сказала девочка.

И тут, совершенно неожиданно, ящерица вдруг вспрыгнула на вытянутую руку девочки. Тина почувствовала, как маленькие острые коготки вцепились в ее ладонь. К тому же зверек оказался на удивление тяжелым.

А потом ящерица стала быстро карабкаться вверх по руке девочки, к ее лицу.

— Я просто хочу, чтобы она все время была на виду, вот и все. Я просто хочу ее видеть, — сказала Элен Боумен и еще раз посмотрела на пляж, прищурив глаза от яркого солнца.

— Я уверен, что с ней все в порядке, — откликнулся Майк, рассматривая еду, которую для них приготовили и запаковали в гостинице. Жареная курица и бутерброды с каким-то мясным паштетом. Вряд ли Элен станет есть что-нибудь из этого. Даже не попробует.

— А она не могла уйти с пляжа?

— Дорогая моя, нет, не могла.

— Здесь так пустынно... — пожаловалась Элен.

— По-моему, это как раз то, чего тебе так хотелось, — заметил Боумен.

— Да, хотелось...

— Ну так в чем тогда дело? Что тебе не нравится?

— Я только хочу, чтобы наша дочь все время была на виду, вот и все, — повторила Элен.

И тут в порыве ветра, налетевшего с океана, им слышался голос дочери. Тина отчаянно визжала.

Пунтаренас

— Полагаю, сейчас она уже чувствует себя довольно хорошо, — сказал доктор Круз, опуская прозрачный полóg пластикового кислородного тента над спящей Кристиной. Майк Боумен сидел возле кровати, рядом с дочерью. На Майка доктор Круз произвел хорошее впечатление: он явно знал свое дело и прекрасно говорил по-английски — научился во время стажировки в лучших медицинских центрах Лондона и Балтимора. Доктор Круз как будто излучал уверенность в себе и компетентность, да и сама клиника Санта-Марии, современная, лучшая в Пунтаренасе, славилась безукоризненной чистотой и квалифицированным персоналом.

И все равно Майк Боумен никак не мог успокоиться. Да и какое тут могло быть спокойствие, когда их единственная дочь страшно больна, а они так далеко от родного дома.

Когда Майк подбежал к Тине на пляже, девочка истерично рыдала. Вся ее левая рука была залита кровью и покрыта множеством небольших, но глубоких укусов, каждый размером с ноготь большого пальца. И еще по всей руке были размазаны хлопья липкой слизи, похожей на пенистую слюну.

Майк на руках понес дочку через весь пляж обратно к машине. Почти сразу рука Тины начала краснеть и опухать. Майк никогда в жизни не забудет той бешеной гонки назад, к цивилизованным местам. «Лендровер» с четырехколесным приводом ревел, как раненый зверь, оскальзываясь на покрытых жидкой грязью склонах холмов, а маленькая Тина кричала и плакала от боли и страха — ее рука все сильнее краснела и отекала. Они еще не доехали

и до границ заповедника, а отечность распространилась до самой шеи Тины, и девочка начала задыхаться...

— Теперь все с ней будет в порядке? — спросила Элен, глядя на дочь сквозь пластиковый кислородный тент.

— Я думаю, опасность миновала, — ответил доктор Круз. — Ей ввели еще одну дозу стероидов, и девочка дышит теперь значительно свободнее. Кроме того, смотрите — отечность на руке заметно уменьшилась.

— А что насчет этих укусов? — спросил Майк Боумен.

— Мы пока не идентифицировали животное, которое нанесло раны, — сказал доктор. — Мне самому никогда раньше не приходилось видеть такие укусы. Но обратите внимание, они теперь совсем незаметны. Было очень непросто добиться того, чтобы на коже не осталось никаких следов. Хорошо еще, что я сделал фотографии и позднее мы сможем провести идентификацию укусов по снимкам. Кроме того, при обработке ран я собрал образцы пенистой слизи и отправил на анализ — одну порцию в нашу клиническую лабораторию, вторую — в лабораторию в Сан-Хосе, а третью мы оставили в морозильной камере, на тот случай, если понадобится повторить исследование. У вас сохранились рисунки ящерицы, которые сделала девочка?

— Да, — Майк отдал доктору листы, на которых Тина по его просьбе изобразила искушавшее ее животное.

— Значит, именно это животное ее укусило? — спросил доктор Круз, рассматривая рисунок.

— Да, — подтвердил Майк Боумен. — Тина рассказала, что это была зеленая ящерица размером с курицу или с ворону.

— Я не знаю таких ящериц, — признался доктор. — Она нарисовала ее стоящей на задних лапах...

— Все правильно, — сказал Боумен. — Тина как раз говорила, что ящерица бегала на двух лапах.

Доктор Круз задумался, порассматривал картинку еще немного, потом предложил:

— Я не специалист по ящерицам. Знаете, что мы сделаем? Пригласим на консультацию доктора Гутierrez. Он — ведущий специалист-биолог в Национальном заповеднике Карара, это на другой стороне бухты. Возможно, он поможет нам опознать это животное.

— А нельзя пригласить кого-нибудь из Кабо-Бланко? — спросил Боумен. — Ведь это там Тину покусало животное.

— К сожалению, нельзя. В Кабо-Бланко нет постоянного научного персонала, и сейчас там не работает ни одна исследовательская группа, — пояснил доктор Круз. — Вы, наверное, были первыми людьми, которые попали на тот пляж за последние несколько месяцев. Но я уверен, доктор Гутьерес достаточно компетентен и сможет установить, что это за животное.

Доктор Гутьерес оказался крепким бородатым мужчиной, одетым в рубашку и шорты цвета хаки. Как ни странно, доктор Гутьерес был американцем. Когда его представили Боуменам, Гутьерес заговорил на прекрасном английском с мягким южным акцентом:

— Мистер и миссис Боумен, искренне рад вас видеть, — а потом рассказал, что он — биолог из Йельского университета, проводит здесь полевые исследования и работает в Коста-Рике уже пять лет. Марти Гутьерес внимательно обследовал Тину. Осторожно придерживая руку девочки, Гутьерес долго рассматривал через увеличительное стекло каждый след от укуса, а потом измерил их все с помощью карманной рулетки. Спустя некоторое время он отступил от Тины и кивнул самому себе, как будто приняв какое-то решение. После чего он изучил фотоснимки с изображением ран и задал доктору Крузу несколько вопросов о характере слизистых выделений. Доктор Круз сообщил, что образцы слюны животного только недавно отправлены в лабораторию на исследование и результаты пока неизвестны.

Наконец Гутьерес повернулся к Майку Боумену и его жене, которые с нетерпением ждали объяснений.

— Я думаю, с Тиной все будет в полном порядке. Но все же мне хотелось бы уточнить некоторые подробности, — сказал он. — По словам вашей дочери, ее укусила зеленая ящерица размером примерно в тридцать сантиметров, которая передвигалась на двух задних лапах и вышла на пляж из мангровых зарослей, так?

— Да, все правильно.

— И эта ящерица издавала определенные звуки?

— Тина говорила, что зверек вроде бы чирикал или попискивал...

— Вроде бы как мышь, так?

— Ну да.

— Хорошо. Я знаю, что это за ящерица.

И Гутьерес рассказал, что из шести тысяч разновидностей ящериц, которые существуют в природе, на задних ногах передвигаются только двенадцать видов. Из этих двенадцати в Латинской Америке водятся только четыре разновидности. А принимая во внимание окраску ящерицы, покусавшей Тину, это может быть только одна из четырех возможных.

— Так что я совершенно уверен — вашу девочку покусал *Basiliscus amoratus* — полосатая василисковая ящерица, которая водится в Коста-Рике и в соседнем Гондурасе. Когда эти ящерицы стоят, выпрямившись, на задних ногах, они действительно в высоту достигают примерно тридцати сантиметров.

— Они ядовитые?

— Нет, миссис Боумен. Совершенно неядовитые, — Гутьерес сказал, что покраснение и отеки на руке у Тины объясняются аллергической реакцией. — Согласно литературным данным, примерно у четырнадцати процентов людей сильная аллергия на пресмыкающихся. Похоже, ваша дочь относится к этим четырнадцати процентам.

— Она кричала, ей было очень больно.

— Наверняка ей действительно было очень больно, — согласился Гутьерес. — Слюна пресмыкающихся содержит большое количество серотонина, который вызывает просто чудовищную боль. — Он повернулся к доктору Крузу. — Полагаю, после введения антигистаминных препаратов артериальное давление у девочки быстро пришло в норму?

— Да, почти сразу, — подтвердил Круз.

— Вот видите — дело в серотонине. Все ясно, — сказал Гутьерес.

Но Элен Боумен было ясно еще далеко не все.

— А почему эта ящерица на нее набросилась?

— Ящерицы кусают людей довольно часто, — стал рассказывать Гутьерес. — Люди, которые ухаживают за

животными в зоопарках, постоянно ходят покусанные. А совсем недавно я слышал про случай, когда ящерица укусила младенца прямо в колыбели. Это случилось в Амалоэе, всего в шестидесяти милях от того места, где вы отдыхали. Так что укусы ящериц — вовсе не редкость. Что делала девочка перед тем, как ящерица ее укусила?

— Ничего. Она сказала, что просто сидела тихонько, стараясь не шевелиться, чтобы не отпугнуть животное.

— Значит, она просто сидела... — повторил Гутьерес и нахмурил брови. Потом покачал головой и сказал: — Вряд ли мы теперь сможем с точностью установить, что и как там произошло. Понимаете, поведение диких животных совершенно непредсказуемо.

— А почему у Тины вся рука была в пенистой слюне? — спросила Элен. — Я все время думаю о бешенстве...

— Нет-нет, это исключено, миссис Боумен, — сказал Гутьерес. — Пресмыкающиеся не болеют бешенством и не могут стать его переносчиками. У вашей дочери была просто сильная аллергическая реакция на укусы василисковой ящерицы — только и всего.

Потом Майк Боумен показал Гутьересу рисунок ящерицы, сделанный Тиной. Гутьерес кивнул.

— Да, я согласен, это довольно похоже на василисковую ящерицу. Но, конечно, рисунок не совсем правильный. Шея слишком длинная, и еще она нарисовала по три пальца на каждой ноге, а должно быть пять. Хвост слишком толстый и слишком высоко поднят. Но в целом это изображение вполне соответствует той ящерице, о которой шла речь.

— Но Тина как раз и говорила, что шея у ящерицы была какая-то слишком длинная, — настаивала Элен Боумен. — И еще она говорила, что пальцев было по три.

— Тина очень внимательная девочка, — добавил Майк Боумен.

— Наверняка так и есть, — Гутьерес улыбнулся. — И все же я уверен, что вашу дочь покусала обычная *Basiliscus amoratus*, на укусы которой у Тины развилась ярко выраженная аллергическая реакция. Обычно при хорошем лечении такое состояние проходит через двенадцать часов. Завтра утром с вашей дочерью все будет в порядке.

В современной, прекрасно оснащенной лаборатории

клиники Санта-Марии узнали, что американского ребенка осматривал доктор Гутиерес и определил животное, которое покусало девочку, — это оказалась обычная безвредная василисковая ящерица. И успокоенные лаборанты немедленно прекратили все дальнейшие исследования, несмотря на то, что при предварительном фракционном анализе были обнаружены несколько протеинов неизвестной биологической активности, с необычайно высокой молекулярной массой. Но в эту ночь смене лаборантов досталось много работы, и они просто упрятали образцы слюны в холодильник.

На следующее утро лаборант дневной смены стал проверять холодильник, сверяя надписи на образцах со списком больных. Выяснилось, что Кристина Боумен выписывается сегодня утром. Тогда лаборант, недолго думая, выбросил пробирки со слюной в мусорную корзину. Уже в корзине он заметил на одной из пробирок красную наклейку, которая означала, что образец следует переправить дальше, в университетскую лабораторию в Сан-Хосе. Лаборант выудил пробирку с красной меткой из урны и отправил ее куда следовало.

— Ну, давай, Тина. Скажи спасибо доктору Крузу, — Элен Боумен подтолкнула дочку вперед.

— Спасибо, доктор Круз, — послушно произнесла Тина. — Мне уже намного лучше. — Она потянулась, взяла доктора за руку и пожалала ее. Потом сказала: — А у вас другая рубашка.

Сперва доктор Круз не понял, о чем говорит девочка, а потом улыбнулся.

— Ты верно подметила, Тина. Когда я работаю в клинике по ночам, то наутро всегда надеваю свежую рубашку.

— А галстук оставляете тот же самый, да?

— Да, только рубашку надеваю другую.

Элен Боумен заметила:

— Вот, Майк же говорил вам, какая она наблюдательная.

— Да, это точно, — доктор Круз улыбнулся и сердечно пожал руку маленькой наблюдательной девочке. — Желаю тебе хорошо отдохнуть в Коста-Рике весь остаток каникул, Тина.

— Спасибо.

Семейство Боуменов уже собралось уходить, но доктор Круз вдруг спросил:

— Тина, ты хорошо помнишь ту ящерку, что тебя покусала?

— Угу.

— Помнишь, какие у нее ножки?

— Угу.

— На них были пальчики?

— Да.

— А сколько пальчиков было у ящерицы на ножках?

— Три! — не задумываясь ответила девочка.

— Откуда ты знаешь?

— Я специально смотрела, — сказала Тина. — Там на песке было много всяких птичьих следов, и все одинаковые, из трех пальцев, вот такие, — девочка расставила три пальца в стороны и показала, какие именно были следы. — А от той ящерицы тоже оставались на песке точно такие же.

— Ящерица оставляет такие же отпечатки на песке, как птицы, да?

— Ага! — кивнула Тина. — И ходит она тоже совсем как птица. Все время мотает головой то вниз, то вверх, вот так, — и девочка прошлась по комнате, кивая головой при каждом шаге.

После того как Боумены ушли, доктор Круз решил сообщить об этом разговоре Гутьересу, на биологическую станцию.

— Должен признать, случай, который произошел с этой девочкой, весьма необычен, — сказал Гутьерес. — Я собираюсь отправиться туда и лично провести кое-какие наблюдения. Теперь я не совсем уверен, что ее покусала василисковая ящерица. То есть совсем не уверен.

— Тогда что это могло быть?

— Послушайте, давайте пока не будем строить никаких догадок, — предложил Гутьерес. — Кстати, вам в клинике не приходилось слышать о других случаях, когда людей кусали ящерицы?

— Да нет, вообще-то.

— Если что-нибудь такое случится — обязательно дайте мне знать, дружище. Договорились?

Пляж

Марти Гутьерес сидел на пляже и следил за солнцем, которое опускалось все ниже и ниже. Вот край солнечного диска уже коснулся горизонта, на ровной глади залива заплясали ослепительные блики — а Гутьерес все сидел в тени пальмовых деревьев, возле непроходимых мангровых зарослей на пляже Кабо-Бланко. Насколько Марти смог определить, это было то самое место, где два дня назад сидела американская девочка Тина Боумен.

Он не соврал Боуменам, утверждая, что ящерицы кусают людей довольно часто. Однако Гутьерес никогда еще не слышал о том, что кого-то покусала полосатая василисковая ящерица. И уж точно никогда не бывало, чтобы после укусов ящерицы люди попадали в больницу. Кроме того, радиус укусов на руке Тины был необычно большим для василисковой ящерицы. Когда Гутьерес вернулся после консультации к себе на станцию, он добросовестно провел небольшое исследование в местной библиотеке и нигде не нашел ни единого упоминания об укусах василисковой ящерицы. Потом он попробовал отыскать сведения о подобных случаях в компьютерной базе данных Американского отделения Международной Научной Биологической библиотеки — с тем же результатом. Ничего не было известно ни об укусах василисковой ящерицы, ни о случаях госпитализации людей, которых она покусала.

Тогда Гутьерес позвонил медицинскому работнику в Амалойе, и тот подтвердил, что у них действительно был такой случай — младенца девяти дней от роду укусило за ногу какое-то животное, и бабушка ребенка — единственная, кто это животное видел, — утверждает, что это была ящерица. Судя по описанию, которое дала старушка, ящерица была зеленая, с коричневыми полосками на спине. Зверек укусил ребенка несколько раз, прежде чем старушка его отогнала.

— Необычный случай, — сказал Гутьерес.

— Да не особенно, — ответил врач из Амалойи, и рассказал, что случаи нападения ящериц на детей бывали и в других местах. Например, в Васкосе, еще одном прибрежном поселке неподалеку от Амалойи, ящерица тоже поку-

сала спящего ребенка. И еще такое же случилось в Пуэрта Сотреро. Все известные случаи произошли в последние два месяца. Всякий раз жертвами нападения ящериц становились спящие младенцы или маленькие дети.

Видя столь неожиданные, но вполне определенные совпадения, Гутьерес предположил, что имеет дело с новым, неизвестным ранее видом ящериц. В Коста-Рике вполне могло случиться подобное. Территория этой страны, шириной семьдесят пять миль в самой узкой части, по площади не больше штата Мэн. Но при таких незначительных размерах в Коста-Рике имеются необыкновенно разнообразные климатические зоны со своей специфической флорой и фауной — в прибрежных районах Тихого и Атлантического океанов, в четырех отдельных горных массивах с пиками высотой до четырех километров над уровнем моря и несколькими действующими вулканами. Здесь можно встретить дождевые леса, высокогорные леса, зоны умеренного климата, болотистые низины, засушливые пустыни. Такое многообразие экологических условий объясняет поразительное разнообразие растений и животных. В Коста-Рике только видов птиц в три раза больше, чем во всей Северной Америке. Здесь встречается более тысячи разновидностей орхидей. Более пяти тысяч видов насекомых.

Новые виды животных находят здесь постоянно, а в последние годы это стало случаться гораздо чаще, чем раньше, — по одной неприятной причине. Богатейшие леса Коста-Рики немилосердно вырубаются. И животные джунглей, лишившись привычных мест обитания, переселяются в другие районы. Иногда при этом резко меняются их повадки.

Поэтому появление новых, неизвестных видов животных вполне возможно. Но помимо радости от того, что наука обогащается новыми знаниями о животном мире, неизвестные животные несут в себе опасность новых, неизвестных заболеваний. Ящерицы являются переносчиками болезнетворных вирусов, и некоторые из них могут быть опасными для человека. Самое опасное заболевание, которое переносят пресмыкающиеся, — ящеровый энцефалит, которым болеют люди и лошади. Болезнь проявляется резкой слабостью и сонливостью. Гутьерес

понимал, что найти новую ящерицу очень важно — хотя бы для того, чтобы проверить ее на вирусоносительство и выяснить, не станет ли эта ящерица разносчиком какой-нибудь опасной болезни.

Он сидел на пляже, следил за медленно опускающимся солнцем и вздыхал. Может, Тина Боумен и видела новую ящерицу, а может, и нет. Сам Гуттиерес определенно никаких ящериц не видел. Рано утром он, исполненный радужных надежд, засел на пляже с пневматическим пистолетом, заряженным парализующими стрелками с лигamiном. Но оказалось, что целый день был потрачен зря. Скоро надо будет выезжать с пляжа обратно в холмы — Гуттиерес не хотел ехать по такой плохой дороге в темноте.

Он встал и пошел по пляжу. И тут заметил неподалеку темный силуэт обезьяны-ревуна, которая копошилась на песке у самого края мангровых зарослей. Гуттиерес пошел дальше, отойдя на приличное расстояние от деревьев, — где есть один ревуна, там их может быть целая стая. А если здесь живут ревуны, то лучше обойти их стороной, потому что эти обезьяны имеют отвратительную привычку поливать незваных пришельцев мочой.

Но эта обезьяна, по-видимому, была одна. Она передвигалась довольно медленно, часто останавливалась и присаживалась на задних лапах. Обезьяна что-то несла в зубах. Когда Гуттиерес подошел поближе, он увидел, что именно жует обезьяна, — изо рта ревуна торчал длинный хвост и задние ноги зеленой ящерицы. Даже с такого расстояния Гуттиерес разглядел на спинке ящерицы поперечные коричневые полосы.

Гуттиерес припал к земле и прицелился. Обезьяна-ревуна, привыкшая к безопасной жизни в заповеднике, совсем не испугалась, только с любопытством уставилась на человека. Она не убежала, даже когда мимо просвистела первая стрелка, — с первого выстрела Гуттиерес промахнулся. Когда вторая стрелка глубоко вонзилась ревуна в бедро, обезьянка заверещала, удивленно и злобно, выронила остатки своей добычи и помчалась в джунгли.

Гуттиерес встал и пошел подбирать трофей. Судьба обезьяны его особенно не волновала — доза транквилизатора в стрелке настолько невелика, что может вызвать у животного разве что некоторую заторможенность на не-

сколько минут. Теперь он думал о том, что делать со своей находкой. Сам он, конечно же, напишет предварительное сообщение, но останки ящерицы обязательно надо отослать в Соединенные Штаты, для окончательной идентификации. Только вот кому бы их отправить? Самым лучшим специалистом по ящерицам был Эдвард Х. Симпсон, заслуженный профессор зоологии из Колумбийского университета, который жил сейчас в Нью-Йорке. Этот элегантный пожилой мужчина с зачесанными назад седыми волосами был всемирно известным экспертом по таксономии ящериц. И Марти Гутierrez решил, что лучше всего будет отправить эту ящерицу профессору Симпсону.

Нью-Йорк

Доктор Ричард Стоун, заведующий Лабораторией тропических болезней при медицинском центре Колумбийского университета, часто говаривал, что от бывшего величия Лаборатории сейчас осталось одно название. В начале двадцатого столетия Лаборатория занимала весь четвертый этаж корпуса биомедицинских исследований и целые полчища биологов и лаборантов трудились в ней, пытаясь отыскать причины и источники желтой лихорадки, малярии и холеры. Но успехи медицины — и, в частности, исследовательских лабораторий в Найроби и Сан-Паоло — лишили Колумбийскую Лабораторию тропических болезней того важного места, которое она прежде занимала. Сейчас Лаборатория стала гораздо меньше, в ней работало всего двое лаборантов, и занимались они в основном выявлением тропических заболеваний у ньюйоркцев, которые где-нибудь путешествовали. Уютную праздную повседневность Лаборатории неожиданно нарушила посылка, которая пришла по почте сегодня утром.

— Боже мой, какая прелесть, — сказала сотрудница Лаборатории тропических болезней, прочитав сопроводительную записку на контейнере. — «Частично изжеванный фрагмент неидентифицированной ящерицы из Коста-Рики». — Лаборантка сморщила носик. — Это по вашей части, доктор Стоун.

Ричард Стоун подошел посмотреть, что это им прислали.

— Это материал из лаборатории Эда Симпсона?

— Да. Не понимаю только, почему они прислали эту ящерицу нам?

— Звонила его секретарша. Сказала, что Симпсон сейчас в Борнео, на полевых исследованиях, и пробудет там все лето, — пояснил Стоун. — А поскольку ящерица как-то связана с вопросом о контагиозных заболеваниях, нашу лабораторию попросили это проверить. Ну-ка, посмотрим, что тут у нас...

Белый пластиковый цилиндр походил на двухлитровый бидончик для молока, с запирающимися на замок металлическими задвижками и закручивающейся крышкой. На цилиндре была этикетка «Международный контейнер для транспортировки биологических образцов» и наклейки с предупреждающими надписями на четырех языках. Надписи предназначались для подозрительных таможенников — открывать контейнер строго запрещалось.

Очевидно, таможенники вняли предупреждениям — когда Ричард Стоун перенес контейнер на лабораторный стол для исследований и внимательно рассмотрел его при ярком свете, он увидел, что все пломбы целы. Стоун включил вытяжной шкаф, надел пластиковые перчатки и маску. Как бы то ни было, в лабораторию совсем недавно поступали образцы, зараженные возбудителями венесуэльской лошадиной лихорадки, японского В-энцефалита, кьязанурским лесным вирусом, вирусами Лангата и Мароха. Приняв все меры предосторожности, Стоун отвинтил крышку.

Зашипел выходящий газ, над контейнером взвилось облачко белого дыма. Стенки цилиндра резко охладились, покрылись изморозью. Внутри контейнера лежал пластиковый пакет размером с сэндвич, с замком-«молнией». Через прозрачные стенки пакета виднелось что-то зеленое. Стоун расстелил на столе хирургическую ткань и вытряхнул на нее содержимое пакета. Кусок замороженной плоти с гулким стуком упал на металлический стол.

— Хм-м... Выглядит вполне съедобно, — заметила лаборантка.

— Согласен, — сказал Стоун. — И чего они от нас хотят?

Лаборантка просмотрела сопроводительные документы.

— Ящерица укусила ребенка, из местных жителей. Их интересует, что это за ящерица и не переносит ли она при укусе какие-нибудь болезни. — Потом лаборантка достала детский рисунок, на котором была изображена ящерица, с подписью «Тина» в верхней части листа. — Кто-то из детей нарисовал ее.

Стоун мельком взглянул на рисунок.

— Опознать ящерицу мы, ясное дело, не сможем, — сказал он. — Зато проверить, какие болезни она переносит, довольно просто — если удастся выскрести из этого куска мяса хоть немного крови. Как они назвали эту ящерицу?

— «*Basiliscus amoratus* трехпалый, с генетической аномалией», — прочитала лаборантка.

— Хорошо. Тогда начнем. Пока эта штука разморозится, сфотографируйте ее и сделайте рентгеновские снимки — для протокола. А когда достанем кровь, проводите пробы на антитела, пока не получите какой-нибудь результат. Если что-нибудь будет неясно — обращайтесь ко мне.

Марти Гутьерес прочитал факс из Лаборатории тропических болезней Колумбийского медицинского центра. Послание было коротким:

«ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ: *Basiliscus amoratus* с генетической аномалией (передано из лаборатории доктора Симпсона).

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ: задний сегмент, ? частично съеденного животного.

ПРОВЕДЕННЫЕ ПРОЦЕДУРЫ: рентгенография, микроскопия, иммунологические реакции на вирусные, паразитарные и бактериальные антигены.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: гистологических и иммунологических признаков каких-либо опасных для человека инфекционных заболеваний в исследованном образце не выявлено.

Подпись: заведующий Лабораторией тропических болезней
Ричард А. Стоун, доктор медицины».

Гутиерес сделал из этого послания два важных вывода. Во-первых, специалисты из Колумбийского университета подтвердили его идентификацию неизвестного животного как василисковой ящерицы. Во-вторых, поскольку эта ящерица не переносит никаких опасных инфекций, то участвовавшие в последнее время случаи нападения ящериц на людей не нанесут серьезного урона здоровью населения Коста-Рики. Кроме того, он получил косвенное подтверждение своим предположениям относительно того, что ящерицы этого вида вынуждены переселяться из лесной зоны в другие места обитания и впервые столкнулись с человеком. Теперь Гутиерес был уверен, что вскоре, может быть, через несколько недель, ящерицы привыкнут к новым условиям существования и случаи их нападения на людей постепенно прекратятся.

Мощные струи тропического ливня молотили по рифленой крыше больницы в Бахья-Анаско. Приближалась полночь, электрические провода сорвало бурей, и света не было. Повитуха Элена Моралес при свете фонарика ухаживала за молодой матерью, как вдруг из соседней комнаты послышались странные звуки — какой-то писк и чириканье. Элена решила, что в дом пробралась крыса, и, быстренько положив на лоб спящей женщины прохладный компресс, пошла в соседнюю комнату взглянуть, как там новорожденный младенец. Когда Элена подошла к двери, она снова услышала чириканье и немного успокоилась. Наверное, это какая-нибудь птица искала, где бы спрятаться от дождя, и залетела в окно. Костариканцы считают, что если в дом с новорожденным залетает птица, это приносит удачу.

Элена открыла дверь. Младенец лежал в плетеной колыбели, завернутый в легкое одеяльце так, что виднелось только его личико. Вокруг колыбели сидели, сгорбившись, как страшные горгульи, три темно-зеленых ящерицы. Когда Элена вошла в комнату, ящерицы не испугались и не убежали, а только повернули головы и с любопытством уставились на нее. В свете фонарика Элена увидела, что морды ящериц перепачканы свежей кровью. Одна из ящериц тихонько чирикнула, подалась вперед и,

резко дернув головой, оторвала от младенчика очередной кусок плоти.

Элена закричала и бросилась вперед. Ящерицы мгновенно выпрыгнули через окно и растаяли в темноте ночи. Еще не добежав до колыбельки, Элена Моралес уже знала, что младенец наверняка мертв, — она увидела, что эти ящерицы сотворили с лицом ребеночка. А ящерицы, пронзительно пища и чирикаая, скрылись в дождливой ночи, оставив за собой только окровавленные отпечатки трехпалых лап — такие же, какие оставляют птицы.

Порядок данных

Чуть позже, немного успокоившись, Элена Моралес решила никуда не сообщать о нападении ящериц. Невзирая на тот ужас, который она только что испытала, Элена Моралес забеспокоилась, как бы в случившемся не обвинили ее саму — за то, что оставила младенца без присмотра. Поэтому повитуха сказала молодой матери, что младенец поперхнулся и задохнулся до смерти. А в определенную графу статистической медицинской карты, которую потом отослали в Сан-Хосе, Элена записала: «Синдром внезапной смерти новорожденных». Так обычно регистрировались все смерти очень маленьких детей, произошедшие от необъяснимых причин. Подобное случилось не то чтобы очень редко, и рапорт Элены Моралес приняли.

В университетской лаборатории в Сан-Хосе при исследовании образцов слюны ящерицы, покусавшей Тину Боумен, было сделано несколько примечательных открытий. В слюне, как и ожидалось, было обнаружено высокое содержание серотонина. Но среди белков этой слюны оказался настоящий монстр: один из самых огромных среди известных протеинов, с молекулярной массой почти в два миллиона. Его биологическую активность еще до конца не исследовали, но уже было ясно, что это сильный нервно-паралитический токсин, родственник яду кобры, но с более примитивной внутренней структурой.

А еще в лаборатории обнаружили, что в образце слюны содержатся следы гамма-аминометионингидролазы.

Поскольку этот фермент является маркером продуктов генной инженерии и никогда не встречается у диких животных, техники лаборатории решили, что вещество попало в исследуемый образец случайно, уже здесь, в лаборатории, и не стали упоминать об этом в отчете, который потом переслали в Пунтаренас, доктору Крузу — врачу, который прислал образец слюны на исследование.

Останки зеленой ящерицы благополучно лежали в морозильной камере Лаборатории тропических болезней Колумбийского университета — до возвращения из экспедиции профессора Симпсона, которого ждали не раньше чем через месяц. Так бы все и оставалось, если бы в Лабораторию тропических болезней не заглянула лаборантка по имени Элис Левин, которой случайно попался на глаза рисунок Тины Боумен. Едва увидев этот рисунок, Элис сказала:

— О, чей это ребенок нарисовал динозаврика?

— Что-что нарисовал? — переспросил Ричард Стоун, медленно обернувшись к ней.

— Динозавра. Вот это, смотрите. Мои малыши все время их рисуют.

— Это просто ящерица, — сказал Стоун. — Ящерица из Коста-Рики. Ее нарисовала какая-то местная девчушка.

— Да нет же! — Элис упрямо покачала головой. — Вы только посмотрите — все нарисовано правильно. Большая голова, длинная шея, стоит на толстых задних ногах, хвост — толстый и длинный. Это типичный динозавр!

— Этого не может быть. Ящерица всего тридцати сантиметров в высоту.

— Да? Так ведь были и маленькие динозавры, — не отступала Элис. — Поверьте, уж я-то знаю. У меня двое мальчиков, так что я в этом деле настоящий эксперт. Самые маленькие динозавры были размером даже меньше тридцати сантиметров. Микрозавры или как их там — точно не помню. Эти названия просто невыносимы. Запомнить их совершенно невозможно, если только тебе не десять лет от роду.

— Вы не понимаете, — сказал Ричард Стоун. — Здесь нарисовано современное животное, не ископаемое. Нам прислали кусок такой ящерицы — он в морозилке. — Сто-

ун даже пошел к морозильнику, достал фрагмент ящерицы и вытряхнул на стол перед Элис Левин.

Элис посмотрела на замороженный кусок тушки, на этот длинный хвост и трехпалые задние лапы и пожала плечами. Трогать тушку она не стала.

— Не знаю, — сказала Элис. — Но я бы сказала, что это и есть динозавр.

Стоун покачал головой.

— Это невозможно.

— Почему бы и нет? Это может быть какой-нибудь остаток или пережиток — или как там они их называют?

Стоун снова покачал головой. Элис трудно было назвать специалистом в таких сложных научных вопросах — она была всего лишь техником из бактериологической лаборатории, расположенной в том же корпусе, только этажом ниже. И у нее определенно богатое воображение. Стоун припомнил случай, когда Элис казалось, что ее упорно преследует один из санитаров хирургического отделения...

— Знаете, Ричард, а ведь если это действительно динозавр, то у кого-то могут возникнуть бо-ольшие проблемы.

— Это не динозавр.

— А это кто-нибудь проверял?

— Нет, — признался Стоун.

— Вот видите! Ну, так отошлите это в Музей Естественной Истории или еще куда-нибудь, — предложила Элис. — Нет, правда, лучше бы вам это сделать.

— Мне будет стыдно, если я такое вытворю.

— Хотите, Ричард, я сделаю это для вас? — предложила Элис.

— Нет, не надо.

— Так что, вы совсем ничего не собираетесь с этим делать?

— Ничегошеньки! — Стоун положил тушку ящерицы обратно в морозильник и захлопнул дверцу. — Это не динозавр. Это ящерица. И вообще, чем бы она ни была, эта зверюшка вполне может подождать, пока профессор Симпсон вернется из Борнео и опознает ее. Все, Элис, решено — эту ящерицу мы никуда не станем отсылать.

2. ВТОРОЕ ПОВТОРЕНИЕ

При последующих повторениях изгибов кривой могут появиться непредвиденные изменения.

Ян Малкольм

Берег Внутреннего моря

Алан Грант стоял на коленях, согнувшись почти до самой земли. Царила страшная жара — термометр показывал около сорока градусов по Цельсию. Колени болели, несмотря на то что Грант предусмотрительно надел резиновые прокладки-смягчители. Легкие горели от едкой щелочной пыли. Пот крупными каплями стекал со лба и падал на сухую землю. Но Грант не обращал внимания на эти мелкие неудобства. Все его внимание было приковано к кусочку земли площадью в двенадцать квадратных сантиметров, над которым он склонился.

Осторожно работая зубочисткой и мягкой косметической кисточкой из верблюжьей шерсти, Алан Грант очищал от земли маленький, тонкий L-образный фрагмент челюстной кости. Косточка была всего три сантиметра длиной и толщиной не больше мизинца. На ней хорошо сохранился рядок зубов — маленьких ровных выступов с характерным загибом к внутренней стороне. Когда он откопал эту кость, от нее откололись маленькие кусочки. Грант прервался ненадолго и обмазал кость слоем резиноцемента, а потом снова стал потихоньку высвобождать ее из земли. Не оставалось никаких сомнений, что перед ним — челюстная кость детеныша плотоядного динозавра. Ее обладатель умер семьдесят пять миллионов лет назад, в возрасте приблизительно двух месяцев. Если повезет, Грант надеялся отыскать и весь остальной скелетик. Тогда у него будет первый и единственный в мире полный скелет детеныша плотоядного...

— Эгей, Алан!

Алан Грант поднял голову и прищурил глаза от яркого света. Потом вытер рукой пот со лба и надел солнцезащитные очки.

Он вел раскопки на выветренном склоне холма, в пустынных землях за Змеиным озером в штате Монтана. Под

голубым куполом неба на многие мили вокруг раскинулись пологие, источенные ветрами холмы, из которых повсюду выглядывали глыбы ломкого белого известняка. Нигде ни деревца, ни кустика. Здесь не было ничего, кроме голых скал, раскаленного солнца и пронизывающих ветров.

Путешественникам здешние «плохие земли» казались пустынными, мрачными и унылыми. Но когда Грант оглядывался вокруг, его взору открывалась совершенно иная картина. Эта пустыня — все, что осталось от другого мира, совсем не похожего на наш, исчезнувшего с лица Земли восемьдесят миллионов лет назад. Перед мысленным взором Алана Гранта предстал теплый, заболоченный залив огромного Внутреннего моря, которое плескалось здесь в те давние времена. Это Внутреннее море было шириной более тысячи миль и занимало всю равнину от поднявшихся гораздо позже Скалистых гор до отвесных утесов Аппалачей. Весь запад Америки был тогда сокрыт под водами этого моря.

В те стародавние времена небо было затянуто тучами, темными от дыма множества действующих вулканов. Воздух был плотным, перенасыщенным углекислым газом. Вдоль всей береговой линии буйно раскинулись гигантские растения. В водах доисторического Внутреннего моря не было рыбы, зато там в изобилии водились разнообразные моллюски и черепахи. Над водами залива парили птерозавры, время от времени срываясь в пике, чтобы подхватить с поверхности воды съедобные водоросли. Несколько плотоядных динозавров бродило по болотистым берегам залива, среди высоких пальмовых деревьев. А неподалеку от берега в заливе был островок, совсем небольшой, площадью всего в пару акров. Окруженный густыми непроходимыми зарослями, этот островок был настоящим святилищем, в котором семейства травоядных утконозоподобных ящеров откладывали яйца в общие гнезда и выращивали свое крикливое потомство.

За миллионы лет, минувших с тех пор, бледно-зеленые щелочные воды залива обмелели, залив сперва превратился в озеро, а потом и вовсе исчез. Оголенная земля высохла и потрескалась под немилосердными лучами жаркого солнца. А прибрежный островок с яйцами дино-

завров превратился в выветренный пологий холм посреди пустыни на севере штата Монтана, где теперь проводил раскопки профессор палеонтологии Алан Грант.

— Эге-гей, Алан!

Грант поднялся с колен — бородатый мужчина лет сорока, с выпирающей бочкообразной грудной клеткой. Со стороны соседнего холма доносилось гудение портативного генератора и стук пневматического бурильного молотка, которым разбивали твердые горные породы. Алан увидел детей, которые работали возле бурильной установки, — дети осматривали крупные куски камня, выискивая в них окаменевшие остатки костей, а потом относили камни в сторону. У подножия холма был разбит лагерь — шесть индейских типи, в которых жили участники экспедиции, тент, заменивший столовую, и трейлер, где располагалась полевая лаборатория экспедиции. А в тени трейлера-лаборатории стояла Элли и махала Гранту рукой.

— У нас гости! — крикнула Элли и показала на восток.

Грант заметил облако пыли и голубой «Форд»-седан, который ехал к лагерю, подпрыгивая на ухабистой земле. Грант посмотрел на часы: как раз вовремя. Дети на другом холме повернули головы и с интересом разглядывали подъезжавшую машину. У них на Змеином озере редко бывали гости, и всем было жутко интересно, зачем юристу из Агентства по защите окружающей среды так срочно понадобилось встретиться с Аланом Грантом.

Но Грант знал, что палеонтология — наука об исчезнувшей жизни — в последние годы стала приобретать неожиданно важное значение для современного мира. Современный мир быстро изменяется, и насущные проблемы относительно погоды, вырубки лесов, глобального потепления и озонового слоя нередко становятся гораздо понятнее, если знаешь, как с этим обстояли дела в далеком прошлом Земли. Как раз такими сведениями и располагали палеонтологи. За последние несколько лет Алана Гранта уже дважды приглашали произвести экспертную оценку подобных вопросов.

Грант стал медленно спускаться по склону холма навстречу подъезжавшей машине.

Гость захлопнул дверцу своего «Форда» и закашлялся от въедливой белой пыли.

— Боб Моррис, из Агентства по защите окружающей среды, — представился он, протягивая Гранту руку. — Я из сан-францисского отделения.

Грант пожал ему руку и тоже представился, потом сказал:

— Вам, похоже, немного жарко. Хотите пива?

— О, господи! Конечно!

Моррису было чуть больше двадцати лет, одет он был в рубашку с галстуком, брюки от делового костюма и модные туфли с дырочками на носках. В руках он держал кейс с бумагами. Его туфли закрипели, когда Моррис пошел вслед за Грантом к трейлеру-лаборатории, а через модные дырочки в них сразу же набился песок.

— Когда я перевалил через холм и увидел ваш лагерь, то сперва подумал, что это индейская резервация, — сказал Моррис, указывая на типи.

— Нет, просто это самые подходящие жилища для такой местности, — ответил Грант и рассказал, что в 1978 году, когда сюда приехала первая экспедиция, они взяли с собой восьмискатные каркасные палатки «Северный Скат», самые современные на то время. Но палатки все время срывало ветром. Они перепробовали другие разновидности палаток и тентов — все с тем же неутешительным результатом. В конце концов экспедицию оснастили индейскими типи, которые оказались удивительно удобными и просторными внутри, а главное — устойчивыми на ветру. — Это типи черноногов, они ставятся на четырех опорах. Типи индейцев сиу ставятся на трех. Но здесь когда-то были земли черноногов, вот мы и подумали...

— Ага... Да, это, наверное, действительно очень удобно. Ваши типи прекрасно вписываются в пейзаж, — сказал Моррис, оглянувшись на пустынные земли, простирающиеся вокруг, и покачал головой. — Давно вы уже здесь находитесь?

— Где-то около шестидесяти ящиков, — ответил Грант. На лице Морриса отразилось недоумение, и Грант объяснил: — Мы отмеряем время по выпитому пиву. Начали мы в июне, и было у нас ровно сто ящиков. А теперь осталось всего ящиков сорок.

— А точнее — тридцать семь, — вклинилась в их разговор Элли Саттлер, ожидавшая их возле трейлера. Грант позабавился, глядя, как у Морриса отпала челюсть, когда молодой человек увидел Элли — стройную двадцатичетырехлетнюю девушку в коротко обрезанных джинсах и рабочей рубашке, завязанной узлом выше талии. Светлые волосы, зачесанные назад, оттеняли загорелую кожу цвета темной бронзы.

— Элли не дает нам расслабляться, — сказал Грант, представляя девушку Моррису. — Она — прекрасный специалист в своем деле.

— И чем же она занимается? — поинтересовался Моррис.

— Палеоботаникой, — ответила Элли. — И еще я делаю стандартные препараты в полевой лаборатории. — Она открыла дверь, и все вошли внутрь трейлера.

Кондиционер в трейлере работал на полную мощность, но охлаждал воздух только градусов до тридцати. И все равно после палящего зноя пустыни здесь, внутри, воздух казался свежим и прохладным. Вдоль стенок трейлера тянулось несколько длинных деревянных столиков и полок, на которых были аккуратно разложены препараты из хрупких маленьких косточек, все пронумерованные и снабженные соответствующими этикетками. Чуть дальше на столиках стояли керамические плошки и горшочки. Отчетливо ощущался крепкий кисловатый запах уксуса.

Моррис взглянул на кости и сказал:

— А я думал, динозавры были большими.

— Они и были большими, — ответила Элли. — Это все — кости динозавровых детенышей. Змеиное озеро имеет такое важное значение в основном потому, что в этом районе обнаружено очень много гнездовий динозавров. Пока мы не начали здесь раскопки, в мире практически ничего не было известно о детенышах динозавров. Раньше было найдено только одно-единственное гнездо динозавров — в пустыне Гоби. А мы обнаружили больше дюжины гнезд хадрозавров, и все они полны яиц и костей детенышей.

Пока Грант ходил к холодильнику за пивом, Элли показала гостю ванночки с уксусной кислотой, которые ис-

пользовались для отмыwania известняка с хрупких мелких костей.

— Похоже на куриные кости, — сказал Моррис, рассматривая содержимое керамических плошек.

— Да, их кости очень похожи на птичьи, — согласилась Элли.

— А это что такое? — спросил Моррис, показывая через окно на сложенные возле трейлера груды крупных костей, запакowanych в плотный пластик.

— Это обломки, — пояснила Элли. — Куски костей, которые были слишком фрагментированными еще когда мы достали их из земли. Раньше мы просто сбрасывали их в отвалы, а теперь отсылаем на генетические исследования.

— Генетические исследования? — переспросил Моррис.

— Вот, угощайтесь, — предложил Грант, вкладывая бутылку с пивом в руку гостю. Другую бутылку он протянул своей помощнице. Элли стала пить прямо из горлышка, запрокинув голову. Пока она пила, Моррис, не отрываясь, смотрел на ее длинную гибкую шею.

— Мы здесь не особенно придерживаемся этикета, — сказал Грант. — Может быть, пройдем в мой кабинет?

— Да, конечно, — согласился Моррис.

Грант провел его в дальний конец трейлера, где стояла старенькая кушетка, продавленный стул и оббитый, поцарапанный откидной столик. Грант уселся на кушетку, которая жалобно скрипнула и извергла целое облако белой меловой пыли. Грант откинулся на спинку кушетки и удобно устроил ноги в тяжелых ботинках на краю столика. Моррису он жестом предложил располагаться на стуле.

— Устраивайтесь поудобнее...

Алан Грант был профессором палеонтологии в Денверском университете и одним из лучших в мире полевых исследователей, но он никогда не придавал значения тонкостям этикета. Грант считал, что создан для простой жизни на открытом воздухе, «в поле». К тому же он отлично знал, что основная, самая важная часть работы в палеонтологии делается на полевых исследованиях, голыми руками. Профессор Грант терпеть не мог академических работников и музейных кураторов, которых он назы-

вал «диванными охотниками». И он прилагал определенные усилия, чтобы даже в поведении и одежде отграничить себя от этих «диванных охотников за динозаврами». К примеру, на свои лекции профессор Грант являлся в джинсах и теннисных туфлях.

Грант пронюхивал, как Моррис тщательно отряхивает сиденье стула от меловой пыли, прежде чем сесть. Наконец Моррис уселся, открыл кейс, порылся в своих бумагах и еще разок оглянулся на Элли, которая работала в противоположном конце трейлера — щипцами вынимала кости из ванночек с уксусной кислотой, — и не обращала на мужчин никакого внимания.

— Вы, наверное, даже не догадываетесь, зачем я к вам приехал? — спросил он.

— Честно говоря, путь вы проделали не близкий, мистер Моррис.

— Ну, тогда сразу перейдем к делу. Агентство по защите окружающей среды заинтересовалось деятельностью Фонда Хаммонда. Вы получаете из этого фонда определенные суммы...

— Да, последние пять лет, — кивнул Грант. — По тридцать тысяч долларов в год.

— Что вы вообще знаете о Фонде Хаммонда? — спросил Моррис.

Грант пожал плечами.

— Это довольно известный источник академических грантов на научные исследования. Они финансируют научные разработки по всему миру, в том числе спонсируют и нескольких исследователей-палеонтологов, которые занимаются динозаврами. Я знаю, что этот Фонд поддерживает Боба Керри, работающего в Тайрелле, на Альберте, и Джона Веллера на Аляске. Может быть, и кого-нибудь еще.

— Как вы думаете, почему Фонд Хаммонда спонсирует так много исследователей динозавров?

— Да, вы правы. Это потому, что старикан Джон Хаммонд повернут на динозаврах.

— Вы встречались когда-нибудь с Хаммондом лично?

Грант пожал плечами.

— Раз или два. Он приезжал сюда, ненадолго. Он ведь уже порядком в годах. Да, этот тип с причудами — знаете,

как это иногда бывает у богатых людей. Правда, всегда такой увлеченный... Почему бы это?

— Видите ли, Фонд Хаммонда на самом деле весьма таинственная организация, — сказал Моррис, разложил на столике отпечатанную на ксероксе карту с какими-то красными пометками и пододвинул ее Гранту. — Здесь отмечены раскопки, которые Фонд Хаммонда финансировал в прошлом году. Не замечаете ничего необычного в их расположении? Монтана, Аляска, Канада, Швеция... Все они находятся в северных районах, выше сорок пятой параллели. — Моррис выложил на столик и другие карты. — То же самое было и в прошлом году, и в позапрошлом — год за годом одно и то же. Исследования динозавров на юге — в Уте, Колорадо или в Мексике — никогда не получали дотаций из этого фонда. Можно сделать вывод, что Фонд Хаммонда почему-то финансирует только раскопки в холодных климатических зонах. И мы хотели бы знать — почему?

Грант быстро рассмотрел карты. Если этот фонд действительно финансирует только раскопки в районах с холодным климатом, то это и вправду довольно странно — потому что некоторые богатейшие залежи останков динозавров находятся как раз в жарких странах, и...

— И это не единственная странность, которая замечена за Фондом Хаммонда, — сказал Моррис. — Например, какое отношение могут иметь динозавры к янтарю?

— К янтарю? — удивился Грант.

— Вот именно. Это твердые желтые осколки окаменевшей древесной смолы...

— Я знаю, что такое янтарь, — сказал Грант. — Но почему вы об этом спрашиваете?

— Потому, что за последние пять лет Хаммонд закупил огромные количества этого вещества в Америке, Европе и Азии, в том числе и множество ювелирных украшений, имеющих ценность как музейные экспонаты. Фонд Хаммонда истратил на приобретение янтаря семнадцать миллионов долларов. И теперь Хаммонд владеет крупнейшим в мире частным собранием янтаря.

— Не могу понять, зачем бы это ему понадобилось?

— И никто не может, — сказал Моррис. — Насколько вообще можно судить, эти приобретения совершенно бессмысленны. Янтарь очень просто синтезировать. Он

не имеет никакой коммерческой или оборонной ценности. Нет никакого смысла его собирать. Но именно это и делает Хаммонд, и уже не один год.

— Янтарь... — Грант покачал головой.

— А этот его остров в Коста-Рике? — продолжал Моррис. — Десять лет назад Фонд Хаммонда арендовал у правительства Коста-Рики остров в океане. Предположительно для того, чтобы устроить там какой-то биологический заповедник.

— Мне об этом ничего не известно, — сказал Грант и нахмурился.

— Я смог узнать не так уж много, — признался Моррис. — Остров находится в сотне миль от западного побережья Коста-Рики. Местность на острове очень пересеченная, и он расположен в таком месте, где сочетание ветров и океанских течений создают над ним практически постоянную завесу тумана. Его так и называют — Туманный остров. «Isla Nublar» по-испански. Наверняка коста-риканцы страшно удивлялись, зачем кому-то может понадобиться такой клочок суши. — Моррис снова стал копаться в своем кейсе. — А, как я уже говорил, вы, согласно документам, получали гонорары за консультации, связанные с этим островом.

— Я?

Моррис выложил перед Грантом очередной лист бумаги. Это была ксерокопия чека, выписанного в марте 1984 года компанией «ИнГен, Инкорпорейтед», в Калифорнии, Пало-Альто, Фараллон Род. Чек был на сумму в двенадцать тысяч долларов и предназначался для Алана Гранта. В нижнем углу листа была пометка: «Услуги консультанта. Коста-Рика.

Ювенильное гиперпространство».

— Ах, вот оно что! Я помню это дело, — сказал Грант. — Оно было чертовски странным — наверное, потому я его и запомнил. Но вот только остров тут совершенно ни при чем.

Алан Грант отыскал первую кладку динозавровых яиц в Монтане еще в 1979 году, а за следующие два года нашел гораздо больше — но он не публиковал результаты своих исследований до 1983 года. И вот вышли в свет его статьи

с сообщением о находке останков тысяч утконозых динозавров, которые жили когда-то на побережье огромного Внутреннего моря, откладывали свои яйца в теплую грязь и совместно растили стайки детенышей, — и Грант мгновенно сделался знаменитостью первой величины. По всему миру стали появляться статьи о родительских инстинктах гигантских ящеров, с рисунками, на которых миленькие мордашки малюток-динозавров высывали носики из расколотой скорлупы. Гранта засыпали приглашениями и просьбами дать интервью, выступить с лекцией, написать книгу... Как правило, он всем отказывал — его интересовало только продолжение исследований. Именно в те безумные дни в середине восьмидесятых Грант получил приглашение от корпорации «ИнГен» поработать у них консультантом.

— До этого вы когда-нибудь слышали о корпорации «ИнГен»? — спросил Моррис.

— Нет.

— Каким образом они с вами связались?

— По телефону. Их представитель назвался Геннаро или Геннино — что-то в этом роде.

Моррис кивнул.

— Дональд Геннаро. Он действительно официальный представитель компании «ИнГен».

— Как бы там ни было, он хотел знать все о питании динозавров. И предложил мне написать об этом подробную статью. — Грант допил пиво и поставил бутылку на пол. — В особенности его интересовали повадки молодых динозавров. Детенышей и подростков. Этот Геннаро хотел выяснить, чем они питаются. Он, наверное, думал, что я все это знаю.

— А вы знаете?

— На самом деле — нет. Так я ему и заявил. Мы обнаружили множество костных останков молодых динозавров, но по ним мало что можно сказать об их пищевых предпочтениях. Но Геннаро был уверен, что мы публикуем далеко не все результаты своих исследований, и желал получить все, что у нас есть. И он предложил мне весьма солидный гонорар — пятнадцать тысяч долларов.

Моррис достал из кейса портативный диктофон и поставил на край столика.

— Ничего, если я буду вас записывать?

— Да пожалуйста.

— Итак, Геннаро позвонил вам в 1984 году. Что случилось потом?

— Ну, вы же видите, как мы здесь работаем. Пятнадцать тысяч долларов хватило бы на целых два сезона раскопок. И я пообещал ему сделать все, что в моих силах.

— Значит, вы согласились написать для него эту статью?

— Да.

— О питании молодых динозавров?

— Да.

— Вы встречались с Геннаро лично?

— Нет. Мы общались только по телефону.

— Говорил ли вам Геннаро, для чего ему нужны эти сведения?

— Да, конечно. Он собирался устроить что-то вроде музея для детей и хотел показать там маленьких динозавров. Он сказал, что нанял для этого нескольких научных консультантов, и даже назвал их имена. Там были палеонтологи — как я, математик из Техаса по имени Ян Малкольм и двое-трое экологов. Системные аналитики. Хорошая группа.

Моррис кивнул.

— Значит, вы согласились его консультировать?

— Да. Я согласился прислать ему полный отчет о результатах нашей работы — все, что нам известно о повадках утоклювых хадрозавров, которых мы здесь нашли.

— И какую же информацию вы ему передали? — спросил Моррис.

— Всю, какая была: особенности гнездовий, особенности разделения территорий, повадки при питании, поведение в стае. Все.

— И как отреагировал Геннаро?

— Он стал постоянно мне звонить. Иногда звонил посреди ночи. «Стали бы динозавры кушать вот это? А вот то? Могут ли они вести себя вот так?» И все остальное в том же духе. Я никак не могу понять, чего он так беспокоился? Нет, я тоже считаю, что динозавры важны, но ведь не настолько же! Все они вымерли шестьдесят пять мил-

лионов лет назад. Так почему он не мог подождать со своими звонками хотя бы до утра?

— Да, понимаю, — сказал Моррис. — А как же пятнадцать тысяч долларов?

Грант покачал головой.

— Этот Геннаро так меня достал своими звонками, что я позвонил ему сам и отказался от контракта. Мы сговорились на двенадцати тысячах. Это было примерно в середине восьмидесят пятого года.

Моррис сделал пометку в блокноте.

— А потом вы поддерживали какие-нибудь контакты с компанией «ИнГен»?

— После 1985 года — нет.

— А когда ваши исследования начал финансировать Фонд Хаммонда?

— Точно не помню — надо посмотреть... Но где-то примерно в то же время. В середине восьмидесятых.

— И вы знаете Хаммонда только как богатого любителя динозавров?

— Да.

Моррис снова сделал какую-то пометку в блокноте. Грант сказал:

— Послушайте, если ваша организация так интересуется Джоном Хаммондом и всеми его причудами — раскопками динозавров на севере, запасами янтаря, островом в Коста-Рике, — то почему бы вам просто не спросить об этом его самого?

— В настоящее время мы не можем этого сделать. Не имеем права, — пояснил Моррис.

— Но почему?

— Потому что у нас нет никаких доказательств того, что он и его люди совершают преступления, — сказал Моррис. — Хотя лично я уверен — Джон Хаммонд затеял что-то противозаконное.

— Первый тревожный сигнал я получил из Управления по перевозкам техники, — стал рассказывать Моррис. — Они следят за всеми перевозками американской техники, которая может иметь военное применение. Они сообщили о двух, возможно нелегальных, технических перевозках, совершенных по заказу компании «ИнГен».

Первое — «ИнГен» переправила на остров в Коста-Рике три крэевских КМП. «ИнГен» заявила, что эта техника предназначена исключительно для внутренних нужд компании и не будет перепродаваться на сторону. Но Управление по перевозкам техники не в состоянии представить, для чего им в Коста-Рике могут понадобиться такие огромные мощности.

— Три «Крэя»... Это что, какие-то особо мощные компьютеры? — спросил Грант.

— Чрезвычайно мощные. Это суперкомпьютеры с огромными возможностями. Для сравнения — три «Крэя» располагают большей компьютерной мощностью, чем все компьютеры любой другой частной американской компании, вместе взятые. И «ИнГен» отправила эти компьютеры в Коста-Рику. Остается только догадываться — зачем?

— Да, действительно. И зачем же? — спросил Грант.

— Никто не знает. Но они отправили туда еще и аппараты «Худ». Это беспокоит меня еще больше, — продолжал Моррис. — «Худ» — это автоматические генные секвенсеры, машины, которые сами подбирают генетические коды. Они настолько новые, что их пока еще даже не внесли в каталоги ограничений. Любая генетическая лаборатория с радостью заполучила бы такой аппарат — но не каждый может позволить себе его купить. Стоимость этой штуки — полмиллиона долларов. — Моррис порылся в бумагах. — Так вот, похоже на то, что «ИнГен» завезла на свой островок в Коста-Рике аж двадцать четыре секвенсера «Худ»... И снова они сказали, что техника предназначена не на экспорт, а только для внутренних нужд фирмы. И Управление по перевозкам техники ничего не смогло с этим поделать. Официально они не имеют никакого права контролировать использование вывезенной техники. Но совершенно ясно, что «ИнГен» основала на своем уединенном островке в Центральной Америке одну из самых мощных в мире лабораторий генетической инженерии. И это — в Коста-Рике, в стране, где нет практически никакого государственного контроля за подобными предприятими. Знаете, такое уже бывало и раньше.

Действительно, бывало, что американские биоинженерные компании работали в других странах, где их не

стесняли такие строгие запреты и ограничения, как в Америке. Самый вопиющий случай, рассказал Моррис, произошел с бешенством в «Биосине».

В 1986 году Генетическая Корпорация «Биосин Каптертино» исследовала на одной ферме в Чили свойства полученной генно-инженерным способом вакцины против бешенства. Они не поставили в известность об этом ни правительство Чили, ни работников фермы. Просто взяли и пустили вакцину в действие.

Эта вакцина содержала живые вирусы бешенства, генетически модифицированные так, что они должны были утратить вирулентность, — то есть предполагалось, что эти вирусы не заразны. Но вирулентность новой вакцины не была проверена, и сами сотрудники компании не знали наверняка, сможет вакцина вызвать бешенство или нет. Хуже всего, что вирус был видоизменен. Обычно бешенством можно заразиться только при укусах больного животного. Но биосиновский вирус получил способность проникать через альвеолярный барьер, и инфекция теперь могла передаваться просто при вдыхании зараженного воздуха. Сотрудники компании «Биосин» перевозили новую живую вакцину в Чили на обычном рейсовом самолете, в обычной багажной сумке. Моррис часто с ужасом представлял, что могло бы случиться, если бы капсула с вирусами ненароком разбилась во время перелета. Все, кто был в самолете, заразились бы бешенством.

И такая возмутительная, преступная безответственность осталась безнаказанной. Против компании «Биосин» не было предпринято никаких санкций. Чилийские фермеры, которые, сами того не зная, рисковали жизнью, работая со страшной вакциной, были просто невежественными крестьянами. У правительства Чили имелись другие, более важные заботы — как раз приближался очередной экономический кризис. А американские власти по закону не имели права вмешиваться. Поэтому Льюис Доджсон, генетик, который руководил исследованиями той вакцины против бешенства, до сих пор спокойно работает в компании «Биосин». А «Биосин» и сейчас так же преступно небрежна и безответственна, как прежде. Более того, прочие американские компании тоже кинулись открывать исследовательские центры в других странах —

там, где на генетические разработки смотрят сквозь пальцы. В таких странах, которые считают генную инженерию всего лишь одним из видов современных высоких технологий и с радостью приветствуют ее развитие на своей территории, совершенно не думая об опасности, которую таят в себе генетические исследования и разработки.

— Именно поэтому мы и начали расследование по делу компании «ИнГен», — сказал Моррис. — Примерно три недели назад.

— И что же конкретно вам удалось выяснить? — спросил Грант.

— Очень немного, — признался Моррис. — Когда я вернусь в Сан-Франциско, нам, скорее всего, придется прекратить расследование за отсутствием доказательств преступления. И, наверное, у меня больше нет к вам вопросов... — Тут он вдруг перестал рыться в своем кейсе и спросил: — Кстати, профессор, а что означает этот термин — «ювенильное гиперпространство»?

— Это просто красивое название для моего доклада, — сказал Грант. — «Гиперпространство» — это термин для обозначения многомерного пространства, такого, как в объемном тетрисе или трехмерных крестиках-ноликах. Если вам нужно полностью описать все повадки животного — где оно ест, спит, передвигается, — то лучше всего поместить животное в соответствующее многомерное пространство, модель естественной зоны обитания этого животного. Некоторые палеонтологи судят о повадках ископаемых животных по экологическим условиям, в которых они обитали. Так вот, мое «ювенильное гиперпространство» достоверно описывает все повадки молодых динозавров — но только если очень сильно поверить, что все так и было на самом деле.

В дальнем конце трейлера зазвонил телефон. Элли подняла трубку.

— Прямо сейчас он занят, у него деловая встреча. Вы не могли бы перезвонить чуть позже? — сказала она.

Моррис захлопнул кейс и поднялся.

— Спасибо вам за помощь и за пиво.

— Всегда пожалуйста, — ответил Грант.

И они с Моррисом пошли к двери.

— Хаммонд когда-нибудь заказывал у вас какие-ни-

будь физические материалы с этих раскопок? Кости, или яйца, или еще что-нибудь подобное?

— Нет, — ответил Грант.

— Доктор Саттлер упомянула, что вы проводите здесь какие-то генетические исследования...

— Это не совсем так, — сказал Грант и пояснил: — Когда мы добываем ископаемые останки, которые сильно повреждены или еще по каким-нибудь причинам не годятся для музейных экспозиций, мы отсылаем их в лабораторию, где эти кости перемалывают и пытаются извлечь из них протеины. Потом протеины идентифицируют, а отчеты по идентификации присылают обратно к нам.

— И что это за лаборатория? — спросил Моррис.

— Лаборатория медико-биологической службы на Соленом озере.

— Почему вы выбрали именно их?

— Они предложили нам самые выгодные условия.

— Эта лаборатория никак не связана с корпорацией «ИнГен»?

— Насколько мне известно — нет.

Они подошли к двери. Грант открыл дверь, и снаружи на него повеяло полуденным зноем. Моррис чуть задержался, надевая солнцезащитные очки.

— И последнее... — сказал Моррис. — Давайте предположим, что на самом деле «ИнГен» собирается делать не музейную экспозицию, а что-то другое... Вы можете представить, для чего еще им могли понадобиться сведения, содержащиеся в вашем докладе?

Грант рассмеялся.

— Конечно, могу. Для того, чтобы разводить детенышей хадрозавров.

Моррис тоже засмеялся.

— Детенышей хадрозавров... Да, на такое стоило бы посмотреть. А какие они с виду? Какого размера?

— Примерно вот такие, — Грант показал, разведя руки сантиметров на пятнадцать. — Размером с белку.

— И долго они растут, пока не достигнут размеров взрослого динозавра?

— Где-то года три, — ответил Грант. — Может, чуть больше или чуть меньше.

Моррис протянул ему руку.

— Ну что ж, еще раз спасибо вам за помощь.

— Всего вам хорошего. Удачной дороги! — Грант провожал молодого человека взглядом, пока тот шел к своей машине, а потом захлопнул дверцу трейлера.

— И что ты о нем думаешь? — спросил он у Элли.

— Он такой наивный...

— Как тебе понравилась та часть, когда он представил старика Хаммонда таким жутким архизлодеем? — Грант рассмеялся. — Да Хаммонд не больший злодей, чем Уолт Дисней. Кстати, кто там звонил?

— О! Какая-то девушка, по имени Элис Левин. Она работает в Колумбийском Медицинском центре. Ты с ней знаком?

Грант покачал головой.

— Нет...

— Так вот, речь там идет об идентификации каких-то останков. Она просила, чтобы ты ей перезвонил, как только освободишься.

Скелет

Элли Саттлер отбросила со лба прядку белокурых волос и снова все внимание обратила на ванночки с уксусной кислотой. Ванночек было шесть штук, они стояли рядом, в каждой следующей концентрация кислоты была больше, чем в предыдущей, — от пяти процентов в первой до тридцати в последней. Особенно внимательно надо было присматривать за более крепкими растворами, потому что кислота могла проесть известняк насквозь и разрушить окаменевшие кости. Косточки детенышей динозавров такие тонкие и хрупкие... Они и так сохранились буквально чудом, пролежав в земле восемьдесят миллионов лет.

Элли краем уха слышала, как Грант разговаривает по телефону:

— Мисс Левин? Это Алан Грант. Что там у вас за дело?.. Что у вас есть? Что?! — Грант расхохотался. — О, я сильно в этом сомневаюсь, мисс Левин... Нет, я в самом деле очень занят. Прошу прощения, но у меня совсем нет

свободного времени... Хорошо, я взгляну на них, но я почти уверен, что это действительно всего лишь василисковая ящерица. Но... Да, хорошо, давайте так и сделаем. Хорошо. Присылайте прямо сейчас. — Грант встал и покачал головой. — Ну и люди!

Элли спросила:

— Что там такое?

— Она хочет, чтобы я идентифицировал какую-то ящерицу. Сейчас придет мне ее рентгенограмму. — Грант подошел к факсу и стал ждать, когда придет сообщение. — А между прочим, у меня для тебя новая находка. Очень интересная.

— Да ну?

Грант кивнул.

— Наткнулся на нее как раз перед тем, как приехал этот паренек. На южном холме, в четвертом горизонте. Детеныш велоцираптора — челюсть с полностью сохранившимися зубами, так что никаких сомнений насчет идентификации. И место выглядит нетронутым. Может, нам даже удастся получить полный скелет!

— Просто фантастика! Насколько он маленький?

— Совсем молоденький. Примерный возраст — два, от силы четыре месяца.

— И это точно велоцираптор?

— Определенно он, — заверил девушку Грант. — Может быть, нам наконец улыбнулась удача.

За последние два года раскопок на Змеином озере группа находила только останки утконозых хадрозавров. Грант и его сотрудники уже получили убедительные доказательства того, что гигантские стада травоядных динозавров — в десять, а то и двадцать тысяч особей — бродили по равнинам Америки мелового периода, поедая буйную растительность, совсем как огромные стада буйволов — несколько миллионов лет спустя.

И чем дальше, тем настойчивей перед исследователями вставал вопрос: а где же хищники?

Ученые, конечно, и не ожидали, что останков хищных динозавров будет много. Если судить на основании данных, полученных при изучении популяций разных видов животных в природных заповедниках Африки и Индии,

то выходит, что примерно на каждые четыре сотни травоядных животных приходится всего один плотоядный хищник. Это означает, что стадо в десять тысяч утконозых хадрозавров может прокормить всего двадцать пять хищных тиранозавров. Так что вероятность того, что при раскопках им попадутся останки крупного хищного динозавра, была крайне низкой.

Но куда же подевались останки мелких хищников? На Змеиной Воде располагалось огромное количество гнездовий динозавров — в некоторых местах земля была буквально усыпана осколками скорлупы динозавровых яиц, а многие мелкие динозавры питались как раз яйцами. И здесь должны были во множестве находиться останки таких животных, как дромеозавры, овираторы, велоцирапторы и целурусы — динозавров размером от полутора до двух метров.

Но группа исследователей до сих пор не обнаружила ни единого плотоядного динозавра.

Может быть, этот скелетик велоцираптора означал, что удача, наконец, повернулась к ним лицом. Скелет велоцираптора, да еще и детеныша! Элли знала о самой потаенной мечте Алана Гранта — ему хотелось изучить все повадки детенышей плотоядных динозавров, точно так же, как он изучил повадки травоядных. Возможно, этот скелетик маленького велоцираптора — первый шаг к исполнению его давней мечты.

— Ты, наверное, в восторге... — сказала Элли.

Грант не ответил.

— Я говорю: ты, наверное, в восторге? — повторила она.

— Господи боже мой! — только и сказал Грант, не отрывая взгляда, от факса.

Элли взглянула через плечо Алана на рентгенограмму и только ахнула.

— Ты думаешь, это амасовый?

— Да, — кивнул Грант. — Или триасовый. Кости такие светлые...

— Но это не ящерица, — заметила Элли.

— Нет, никакая это не ящерица. По нашей планете за

последние двести миллионов лет не бегала ни одна трехпалая ящерица.

Первой мыслью Элли было, что им в руки попала подделка — потрясающе достоверная, мастерски выполненная, но тем не менее подделка, фальшивка. Каждый биолог знает, что подобные подделки встречаются не так уж редко. Самая знаменитая из них — так называемый «питлдаунский человек», оставалась нераспознанной в течение целых сорока лет, и изготовитель этой фальшивки до сих пор остался неизвестным. А совсем недавно видный астроном Фред Хойли заявил, что ископаемый крылатый динозавр, археоптерикс, который экспонировался в Британском музее, — тоже мошенническая подделка. Впрочем, позже было доказано, что археоптерикс — настоящий.

Залог успеха подобных подделок в том, что они предоставляют ученым именно то, что те жаждут увидеть. И, на взгляд Элли, рентгенографическое изображение ящерицы было совершенно правильным. Трехпалая лапа отлично сбалансирована. Наружный палец самый крупный, внутренний — самый маленький. Костные остатки четвертого и пятого пальцев располагались довольно высоко, возле метатарзального сочленения. Кости голени прочные, хорошо развитые и заметно длиннее бедренной кости. В тазобедренном сочленении прекрасно просматривалась вертлужная впадина. Хвост состоял из сорока пяти позвонков. Это определенно был скелет молодого прокомпсогнатуса.

— Возможно ли, что эта рентгенограмма — подделка? — спросила Элли.

— Даже не знаю... — задумался Грант. — Вообще-то, подделать рентгеновский снимок практически невозможно. И прокомпсогнатус — довольно малоизвестное животное. Почти никто из людей, интересующихся динозаврами, о нем даже не слышал.

Элли прочитала сопроводительную записку:

— Образец обнаружен на пляже Кабо-Бланко, шестнадцатого июля... По всей видимости, животное попало на обед обезьяне-реву и это — все, что уцелело. О!.. Они тут пишут, что такая же ящерица напала на маленькую девочку!

— Это вряд ли... — засомневался Грант. — Впрочем, все может быть. Прокомпсогнатус — динозавр таких маленьких размеров, что его принято считать животным-падальщиком, которое питается только мертвечиной. Что касается его размеров... — Грант быстро измерил снимок, — до бедра в нем примерно двадцать сантиметров, значит, все животное ростом сантиметров тридцать. То есть этот динозаврик размером с курицу. Для него даже ребенок должен выглядеть довольно устрашающе. Прокомпсогнатус мог бы напасть на младенца, но не на ребенка.

Элли, нахмурившись, рассматривала рентгенограмму.

— Ты думаешь, это действительно может быть повторное открытие? — спросила она. — Как получилось с целакантом?

— Возможно, — сказал Грант.

Целакант — это рыба длиной в полтора метра, которая считалась вымершей шестьдесят миллионов лет назад, пока в тысяча девятьсот тридцать восьмом году в океане не выловили живой экземпляр этого доисторического существа. И это не единственный подобный случай. Австралийский горный карликовый опоссум был известен только по ископаемым останкам, пока одного такого опоссума не обнаружили в мусорном баке в Мельбурне. А когда зоологи описали фруктовую летучую мышь из Новой Гвинеи по окаменевшим ископаемым останкам десятилетиями давности, то через некоторое время получили по почте эту самую мышь, вполне живую.

— Но неужели такое возможно? — настаивала Элли. — Как быть с его возрастом?

Грант кивнул.

— Да, возраст — это проблема.

Большинство вновь открытых древних животных были не особенно древними — ископаемые останки этих видов насчитывали всего около десяти-двадцати тысяч лет. Некоторые были древнее — на несколько миллионов лет. Целакант был среди них настоящим долгожителем — возраст ископаемых останков таких рыб достигал шестидесяти пяти миллионов лет. Но животное, рентгенограмму которого сейчас рассматривали Элли и Грант, было гораздо более древним. Динозавры вымерли еще в меловом

периоде, шестьдесят пять миллионов лет назад. Доминирующей формой животной жизни они были в юрском периоде, сто девяносто миллионов лет назад. А впервые динозавры появились в триасовом периоде, приблизительно двести двадцать миллионов лет назад.

Прокомпсогнатусы жили в раннем триасовом периоде — в такие отдаленные времена, что тогда даже сама наша планета выглядела совсем иначе, чем сейчас. Все континенты были соединены вместе в один массив суши — протоконтинент под названием Пангея, который тянулся от Северного до Южного полюса. Это был огромный материк, покрытый густыми лесами и непроходимыми зарослями папоротников, с несколькими большими пустынями. Нынешний Атлантический океан был узким озером между теми участками суши, которые впоследствии стали Африкой и Флоридой. Воздух был гораздо плотнее, чем сейчас. Земля теплее. Повсюду курились тысячи действующих вулканов. И в этих условиях на Земле жили прокомпсогнатусы.

— Ну, хорошо, — сказала Элли. — Мы знаем, что животные могут остаться практически неизменными с самых древних времен. Взять хотя бы крокодилов — это же самые настоящие обитатели триасового периода, и они прекрасно себя чувствуют в наши дни. Акулы — тоже из триасового периода. Значит, подобные прецеденты бывали и раньше.

Грант кивнул.

— Вопрос в том, как иначе можно это объяснить? — сказал он. — Либо этот снимок — подделка, в чем лично я сомневаюсь, либо это — повторное открытие. Чем еще это может быть?

Зазвонил телефон.

— Это снова Элис Левин, — предположил Грант. — Посмотрим, не сможет ли она переслать нам сам образец... — Он поднял трубку и удивленно посмотрел на Элли. — Да, я готов говорить с мистером Хаммондом. Да. Да, конечно.

— Хаммонд? Чего ему надо? — спросила Элли.

Грант покачал головой и ответил в телефонную трубку:

— Да, мистер Хаммонд. Да, я тоже рад снова вас слы-

шать... Да... — Он взглянул на Элли. — О, вы сделали это? О, неужели? Правда?

Он прикрыл рукой трубку и сказал Элли:

— Все такой же чудака, как и раньше. Ты должна это слышать!

Грант нажал кнопку громкоговорителя, и Элли услышала прерывистый старческий голос, который быстро продолжал:

— ...кучу неприятностей от одного парня из Агентства по защите окружающей среды, у которого, похоже, крыша поехала, и он, считай что по собственной инициативе, мотается по стране, донимает людей расспросами, лезет ко всем, всех будоражит... Надеюсь, к вам туда никто не заглядывал?

— Собственно говоря, заглядывал, — признался Грант.

Хаммонд фыркнул.

— Этого я и опасался. Такой хитрожопый парнишка по имени Моррис?

— Да, он представился как Моррис, — сказал Грант.

— Он вздумал опросить всех наших консультантов, — продолжал Хаммонд. — Как-то недавно появился к Яну Малкольму — помните, это математик из Техаса? Тогда я впервые услышал об этом Моррисе. И теперь мы до черта времени тратим на то, чтобы уладить это безобразие! Типичная манера правительственных чиновников влезать в чужие дела — ничего конкретного, никаких обвинений, одно только беспокойство от взбалмошного молодчика, которого никто не контролирует, а он мутит воду, разъезжая повсюду за счет добропорядочных налогоплательщиков. Он очень вам надоедал? Мешал вам работать?

— Да нет, не особенно.

— И очень жаль, — сказал Хаммонд. — Потому что я бы тогда обязательно нашел на него управу — если бы он вздумал вам мешать. Вообще-то я уже пнул под зад своих адвокатов, заставил их позвонить в это Агентство по защите окружающей среды и выяснить напрямую, какие у них ко мне претензии. Так вот, начальник этой конторы даже не знает, что ведется какое-то расследование! Можете вы себе такое представить? Проклятые бюрократы! Черт, я подозреваю, что этот дрянной мальчишка Моррис

живится в Коста-Рику, будет и там разнюхивать, наверняка попытается пробраться на наш остров... Вы в курсе, что у нас есть остров в Коста-Рике?

— Нет, я этого не знал, — сказал Грант и глянул на Элли.

— Так вот, мы выкупили остров и начали на нем наш проект — где-то четыре или пять лет назад. Точно уже не помню, когда. Называется Исла-Нублар — большой такой остров, в тысяче миль от берега. Скоро здесь будет биологический заповедник. Чудное местечко! Тропические джунгли. Знаете, доктор Грант, вам обязательно надо увидеть это своими глазами!

— Очень любопытно, конечно, но на самом деле... — сказал Грант.

— Все уже почти закончено, знаете ли, — продолжал Хаммонд. — Я отослал вам кое-какие материалы об этом местечке. Вы уже получили их?

— Вообще-то нет, но мы так далеко от...

— Ну, может, сегодня получите. Просмотрите все как следует. Остров просто великолепен! Здесь есть буквально все. Мы трудились над ним почти тридцать месяцев — только представьте! Огромный парк. Открывается в сентябре следующего года. Вам непременно надо на него взглянуть.

— Да, конечно, но все же...

— Собственно говоря, я бы хотел, чтобы вы обязательно его осмотрели, доктор Грант, — сказал Хаммонд. — Уверен, он покажется вам просто великолепным. Мне самому он ужасно нравится.

— Я сейчас как раз...

— Слушайте, вот что я вам скажу... — проронил Хаммонд таким тоном, как будто эта мысль только что пришла ему в голову. — На эти выходные я пригласил сюда кое-каких людей, которые нас консультировали, — на несколько дней, чтобы все как следует осмотреть. Естественно, все расходы — за мой счет. Будет просто ужасно, если вы не поделитесь с нами своим мнением.

— Наверное, я все-таки не смогу к вам вырваться, — сказал Грант.

— Ну, что ж это вы! Ведь это всего только на выходные, — произнес Хаммонд с раздражением и настойчиво-

стью, которые так присущи старикам. — Я приглашаю вас в гости на уикенд — вот и все, доктор Грант. Я вовсе не хочу мешать вам в работе. Кто-кто, а я прекрасно понимаю, каким важным делом вы заняты. Поверьте, уж я-то точно знаю. И я бы никогда не решился оторвать вас от работы. Но вы запросто можете подскочить сюда на эти выходные, а в понедельник уже снова будете у себя...

— Нет, я не могу, — решительно заявил Грант. — Я только что раскопал новый скелет, и...

— Вот и прекрасно, но все равно я настаиваю — вы должны приехать. — Хаммонд его даже не слушал.

— А еще мы только что получили некоторые свидетельства крайне удивительной, необычайной находки — судя по всему, обнаружен живой прокомпсогнатур.

— Что?! — Хаммонд тотчас же прервал свои излияния. — Я не ослышался? Вы сказали — живой прокомпсогнатур?

— Да, именно, — подтвердил Грант. — Это биологический препарат, часть тела животного, найденная в Центральной Америке. Часть живого ископаемого.

— Да что вы говорите? Живое ископаемое! Как необычно... — проговорил Хаммонд.

— Мы тоже так считаем, — сказал Грант. — Так что, как вы сами понимаете, сейчас не время отпрапляться...

— Вы говорите, в Центральной Америке?

— Да.

— А где именно в Центральной Америке его нашли, вы не знаете?

— На пляже под названием Кабо-Бланко, а где это — я точно не знаю...

— Понятно... — Хаммонд прокашлялся. — И когда же этот... гм... препарат попал к вам?

— Только сегодня.

— Ага, понятно — сегодня... Сегодня... Ясно... — Хаммонд снова прокашлялся.

Грант посмотрел на Элли и шепотом спросил:

— Ты понимаешь, что происходит?

Элли покачала головой и прошептала в ответ:

— По-моему, что-то подозрительное...

Грант прошептал:

— Посмотри, может, Моррис еще здесь?

Элли подошла к окну и выглянула, но машина Морриса уже скрылась из виду. Элли вернулась обратно.

А из громкоговорителя все еще слышался кашель Хаммонда.

— Э-э-э... Доктор Грант! Вы уже кому-нибудь рассказывали об этом?

— Пока нет.

— Хорошо, вот и хорошо... Да. Хорошо. Это... Приняться честно, доктор Грант, у меня тут небольшие затруднения, с этим островом... Чертовы защитники окружающей среды очень несвоевременно затеяли это свое расследование...

— То есть?

— Ну... У нас тут некоторые проблемы, кое-какие задержки... Достаточно будет сказать, что у меня здесь определенные затруднения, и я бы хотел, чтобы вы взглянули на мой остров. И высказали свои соображения. Я заплачу вам по обычному тарифу, как за консультацию в выходные дни — по двадцать тысяч в день. За три дня это составит шестьдесят тысяч долларов. А если вы прихватите с собой доктора Саттлер, ей мы тоже заплатим за консультацию, по тому же тарифу. Нам нужен и ботаник. Ну, что скажете?

Элли с Грантом переглянулись, и он ответил:

— Ну, мистер Хаммонд... Этих денег нам хватит на финансирование экспедиций в следующие два летних сезона.

— Да-да, конечно, конечно... — задумчиво пробормотал Хаммонд, как будто его занимало сейчас что-то другое, а мысли витали где-то далеко-далеко. — Я хочу, чтобы вы не испытывали никаких затруднений... Так, сейчас пошлю за вами самолет — он заберет вас с частного аэродрома в Чотиу. Знаете, где это? Всего в паре часов езды от того места, где вы находитесь. Приезжайте на аэродром завтра, к пяти вечера, — я буду ждать. Вас привезут прямо сюда. Вы сможете прилететь с доктором Саттлер?

— Я думаю, сможем.

— Хорошо. Вещей берите минимум, поезжайте налегке. Паспорта и визы вам не понадобятся — я об этом позабочусь. Все, увидимся завтра, — сказал Хаммонд и положил трубку.

Коуэн, Свейн и Росс

В светлых, озаренных ярким полуденным солнцем комнатах адвокатской конторы «Коуэн, Свейн и Росс» в Сан-Франциско хотелось думать только о чем-то радостном и приятном. Но Дональду Геннаро было вовсе не радостно. Он слушал, что ему говорили по телефону, и смотрел на босса, Дэниэла Росса, холодного и мрачного, похожего в своем темном костюме в узкую полоску на владельца похоронного бюро.

— Да, я понял, Джон, — сказал Геннаро. — И Грант согласился приехать? Хорошо, хорошо... Да, по-моему, получилось просто здорово. Мои поздравления, Джон! — Он положил трубку и повернулся к Россу.

— Хаммонду доверять больше нельзя. На него давят со всех сторон — Агентство по защите окружающей среды завело на него дело и начало расследование, он выбивается из графика на своем коста-риканском острове, и инвесторы начинают нервничать... Расползлось слишком много слухов о том, что там творится. Погибло слишком много рабочих. А теперь еще и этот случай с живым прокомпсо-что-то-там, которого нашли на материке...

— И что из этого следует? — спросил Росс.

— Может быть, и ничего, — сказал Геннаро. — Но Хамачи — один из основных наших инвесторов. На той неделе я получил весточку от представителя Хамачи из Сан-Хосе, столицы Коста-Рики. Так вот, он сообщает, что в последнее время на побережье появились ящерицы какого-то нового вида, которые кусают детей.

Росс удивленно приподнял брови.

— Новые ящерицы?

— Да. Мы не можем оставить это без внимания. Придется проинспектировать весь этот остров, и прямо сейчас, не откладывая дело в долгий ящик. Я сказал Хаммонду, чтобы он организовывал независимые инспекторские проверки на месте, каждую неделю в течение всего следующего месяца.

— А что тебе ответил Хаммонд?

— Отпирается. Говорит, что у него на острове полный порядок. И все меры предосторожности строго соблюдаются.

— Но ты ему не веришь?

— Не верю.

До того, как Дональд Геннаро пришел в компанию «Коуэн, Свейн и Росс», он работал на мелких должностях в нескольких инвесторских банках. Клиентам «Коуэна, Свейна и Росса», работавшим с новыми технологиями, постоянно требовались вливания капитала, и Геннаро помогал им быстро найти нужные деньги. Одним из его первых дел, еще в восемьдесят втором году, была помощь старику Джону Хаммонду, тогда еще семидесятилетнему, который собирал средства для учреждения корпорации «ИнГен». Им удалось тогда сколотить почти миллиард долларов — Геннаро навсегда запомнил эти бешеные гонки за капиталом.

— Хаммонд — мечтатель, — сказал Геннаро.

— И мечтатель потенциально опасный, — заметил Росс. — Нам вообще не следовало влезать в это дело. Что там у нас с финансами?

— Все надежно, — ответил Геннаро. — Мы при своих пяти процентах.

— Общих или ограниченных?

— Общих.

Росс покачал головой.

— Не надо было нам в это вступать...

— Тогда это казалось верным делом, — заметил Геннаро. — Черт возьми, это же было восемь лет назад! И потом, вспомни — план Хаммонда и тогда был чертовски рискованным. Ему пришлось подтягивать технические возможности до того уровня, который был нужен для его задумки. И никто по-настоящему не верил, что у него получится.

— Но, очевидно, у него все же получилось, — сказал Росс. — Как бы то ни было, я считаю, что инспекции на местности крайне необходимы. Что там у тебя с экспертами?

— Я буду работать с экспертами, которых Хаммонд уже нанял для консультаций, в самом начале проекта, — Геннаро положил список на стол Росса. — В первой группе — палеонтолог, палеоботаник и математик. Они соберутся на острове в эти выходные. Я отправлюсь вместе с ними.

— Думаешь, они скажут тебе правду? — усомнился Росс.

— Думаю, да. Никто из них не имеет никакого приватного интереса по отношению к острову, а один — математик Ян Малкольм — с самого начала открыто выступал против проекта. Он заявлял, что это просто не может сработать и никогда не сработает.

— А кто остальные?

— Еще один технический работник — аналитик компьютерных систем. Он проверит компьютеры парка и, если надо, отловит «жучков»¹. Компьютерщик прибудет на место в пятницу утром.

— Хорошо, — сказал Росс. — Это ты их приглашал?

— Хаммонд сам хотел позвонить им и попросил у меня разрешения на это. По-моему, он пытается делать вид, что на острове все идет нормально и эти приглашения — всего лишь обычная светская любезность. Как будто он просто желает показать им остров.

— Хорошо. Но ты обязательно за всем проследи. Держи все под контролем. Я хочу, чтобы к концу недели эти неприятности в Коста-Рике уладились, — Росс встал и вышел из комнаты.

Геннаро услышал хриловатый писк радиотелефона и задержался.

— Это Грант.

— Добрый день, доктор Грант. Это Дональд Геннаро. Я — адвокат компании «ИнГен». Не знаю, помните ли вы — мы с вами беседовали несколько лет назад...

— Да, я помню, — сказал Грант.

— Хорошо. Мне только что позвонил Джон Хаммонд и сообщил приятную новость — оказывается, вы скоро приедете на наш остров в Коста-Рике...

— Да. Полагаю, завтра мы уже будем там.

— В таком случае я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы так быстро откликнулись на приглашение. Ваш визит крайне желателен для всей корпорации «ИнГен».

¹ Здесь и далее слово «жучок» — БАГ (амер.) употребляется для обозначения технического дефекта в компьютерной программе.

Мы пригласили также Яна Малкольма, который так же, как вы, был одним из консультантов в самом начале проекта. Он, кажется, математик, из Техасского университета в Остине?

— Да, Хаммонд об этом упомянул.

— Вот и хорошо, — сказал Геннаро. — Собственно говоря, я тоже туда приеду. Вот о чем я еще хотел спросить — этот биопрепарат, который вы нашли — э-э-э... про... проком... Не помню, как его там?

— Прокомпсогнатус, — подсказал Грант.

— Вот именно. Этот препарат у вас? Я имею в виду — сам препарат?

— Нет, я видел только рентгеновский снимок. Сам препарат в Нью-Йорке. Мне звонила одна женщина из Колумбийского университета.

— Мне бы очень хотелось узнать об этом поподробнее, — сказал Геннаро. — Тогда я мог бы достать этот препарат для Джона Хаммонда — он, знаете ли, просто в восторге от подобной находки. Уверен, вам тоже хотелось бы взглянуть на сам препарат... Может быть, у меня получится доставить его на остров к тому времени, как вы туда приедете...

Грант рассказал ему все, что знал о препарате.

— Вот и хорошо... Спасибо, доктор Грант! Мое почтение доктору Саттлер. Рад буду увидеть завтра вас обоих, — сказал Геннаро и положил трубку.

Планы

На следующий день Элли прошла в дальний закуток трейлера с толстым почтовым конвертом в руках и сказала:

— Вот, посмотри, только что пришло. Дети прихватили с собой, когда возвращались из города. Это от Хаммонда.

Вскрывая конверт, Грант заметил на нем бело-голубую эмблему компании «ИнГен». Внутри не оказалось никакой сопроводительной записки, там была только подшитая пачка бумаг. Рассмотрев ее получше, Грант понял, что это светокопии каких-то документов, собранные в одну довольно толстую книжку. На обложке было: «Раз-

влечения для посетителей курорта «Исла-Нублар» (Полная программа «Охотничий домик»)).

— Что за ерунда такая? — удивился Грант.

Когда он пролистал книжицу, оттуда выпал листок бумаги.

«Дорогие Алан и Элли!

Как вы понимаете, мы еще не успели полностью подготовить соответствующие рекламные материалы. Но это позволит вам в общих чертах понять, что из себя представляет проект Исла-Нублар. По-моему, он просто великолепен!

Надеюсь вскоре лично обсудить это с вами! С нетерпением жду встречи!

С наилучшими пожеланиями, Джон».

— Ни черта не понимаю! — сказал Грант, пролистывая подшивку. — Здесь какие-то архитектурные планы.

Он раскрыл подшивку и прочитал на первом листе:

Развлекательный центр
и зона отдыха.

Курорт «Исла-Нублар»

Заказчик

«ИнГен», Пало-Альто,
Калифорния.

Архитектура

«Даннинг, Мерфи и
компания», Нью-Йорк.
Ричард Мерфи, автор проекта;
Теодор Чен, главный дизайнер;
Шелдон Джеймс, администратор.

Инженерные работы

структуральные — «Харлоу,
Уитни и Филдс», Бостон.
Механика — А.Т.Мисикава,
Осака.

Разработка ландшафта

Н.В.Кобайяши, Токио; главный
консультант — А.Р.Макасава.

Компьютерное
обеспечение

«Интегрированные
Компьютерные Системы,
Инкорпорейтед», Кембридж,
Массачусетс. Руководитель
проекта — Деннис Недри.

Грант пролистал дальше и стал просматривать планы. Все они были помечены грифом «Коммерческая тайна. Не копировать» и «Секретная производственная документация — не для распространения». Каждый лист был пронумерован, а в верхней части его стоял штамп с надписью: «Эти планы представляют секретную продукцию корпорации «ИнГен». Вы должны подписать документ 112/4а, иначе подвергнетесь преследованиям в судебном порядке».

— Они там все какие-то параноики — от этих штампов так и разит манией преследования, — сказал Грант.

— Может быть, на то есть свои причины? — заметила Элли.

Следующий лист представлял собой подробную топографическую карту острова. Очертаниями Исла-Нублар походил на перевернутую слезинку — округлый на севере, с далеко выдающимся в море узким мысом на юге. В длину остров был около восьми миль. Пометки на карте разделяли его на несколько обширных участков.

Самый северный был обозначен как «Зона посетителей». На этом участке имелось довольно много строений, с подписями: «Прибытие гостей», «Гостевой центр», «Администрация», «Энергоблок», «Установки по опреснению воды», «Склад», «Резиденция Хаммонда» и «Охотничий домик». Голубыми прямоугольниками обозначались несколько плавательных бассейнов, зелеными — теннисные корты. Деревья и кустарники были обозначены кружками.

— Похоже на нормальный курорт, — сказала Элли.

Дальнейшие листы содержали подробные планы «Охотничьего домика». В приближении домик выглядел довольно картинно: длинное приземистое здание с рядами пирамидальных надстроек на крыше. Прочие здания «Зоны посетителей» в крупном масштабе показаны не были.

Вся остальная территория острова выглядела еще более загадочно. Насколько Грант понял, в основном это было открытое пространство. По острову тянулась сеть дорог и тоннелей, кое-где встречались отдельно стоящие небольшие домики. Было и озеро — узкое и длинное, скорее всего искусственного происхождения, с бетонными

дамбами и ограждением. По всему острову были расположены большие округлые участки вообще без всяких признаков цивилизации. Каждый такой участок был помечен буквенно-цифровыми кодами: «П/Прок/В/2а», «Д/Три/Л/5 (4а+1)», «ВВ/Хадр/К/11(6а+33+дб)».

— Есть где-нибудь расшифровка этих кодов? — спросила Элли.

Грант быстро перелистал все страницы, но расшифровки кодов нигде не нашел.

— Наверное, они ее изъяли, — предположила девушка.

— Я же говорил тебе — параноики какие-то! — сказал Грант и стал рассматривать большие округлые участки, отделенные один от другого сетью дорог. Всего он насчитал на острове шесть таких участков. И каждый из них был отделен от дорог бетонным валом и рвом с водой, а с наружной стороны рва тянулись изгороди, отмеченные сверху маленьким значком, похожим на молнию. Алан с Элли долго не могли понять, что может означать эта молния, пока, наконец, не догадались, что так обозначается изгородь, по которой пропущен электрический ток.

— Чертовски странно — электрифицированные изгороди на курорте... — проронила Элли.

— И они тянутся на многие мили, — заметил Грант. — Бетонированные рвы с водой, да еще и эти изгороди — и, как правило, в тех местах, где поблизости проходит дорога.

— Совсем как в зоопарках...

Они вернулись к топографической карте всего острова и повнимательнее присмотрелись к обозначениям. Дороги на острове были расположены довольно необычно. Главная магистраль тянулась с севера на юг, прямо через гористую возвышенность в середине острова, причем в одном месте дорога, очевидно, была буквально вырублена в склоне горы, над рекой. Похоже было на то, что дороги прокладывались специально с тем расчетом, чтобы оставить свободными большие пространства, огражденные рвами с водой и изгородями под током. Кроме того, дороги были проложены над землей, выше изгородей — так, чтобы изгороди не мешали осматривать виды...

— Ты знаешь, некоторые сооружения тут просто ненормальных размеров. Вот посмотри только на это — бе-

тонированный ров с водой шириной десять метров! Похоже на какие-то военные укрепления, — заметила Элли.

— Точно так же, как вот эти здания.

В каждом из ограниченных открытых пространств находилось по несколько зданий, и все они были расположены в уединенных, удаленных от дорог уголках. Эти сооружения с очень толстыми стенами были целиком отлиты из бетона. На боковой проекции, в крупном плане, здания походили на какие-нибудь доты или бункеры из старых фильмов про войну — приземистые, с узкими маленькими окошками.

Внезапно снаружи прогремел взрыв, и Грант отложил бумаги в сторону, сказав:

— Пора нам браться за работу...

«Пли!»

Аппарат слегка завибрировал, и на мониторе компьютера вспыхнули ярко-желтые линии. На этот раз установка была задана верно, и Алан Грант различил прекрасно обрисованные контуры скелета, длинная шея дугой изогнута назад. Это безусловно был скелет совсем маленького детеныша велоцираптора, и, судя по всему, сохранился он прекрасно...

Монитор погас.

— Ненавижу компьютеры! — проворчал Алан, щурясь на солнце. — Что случилось на этот раз?

— Полетело питание, — сказал один из ребятишек. — Подождите минуточку.

Мальчишка принялся копать в перепутанном пучке проводов, которые торчали из тыльной стенки портативного компьютера. Компьютер у них стоял на пустом ящике из-под пива, на вершине Четвертого Холма, неподалеку от агрегата, который все члены экспедиции называли между собой «толкачом».

Грант уселся прямо на землю и посмотрел на часы. Потом сказал Элли:

— Придется делать все по старинке...

Мальчик услышал и поднял голову.

— Как же так, Алан?!

— Понимаешь, мне обязательно надо успеть на само-

лет. И я хочу, чтобы этот скелет остался целым и невредимым до моего возвращения.

Если начал раскапывать какую-нибудь окаменевшую кость — надо поскорее доводить дело до конца, иначе рискуешь потерять драгоценную находку. Хотя на первый взгляд пустынный ландшафт кажется совершенно неизменным, на самом деле это далеко не так — пологие холмы постоянно подвергаются выветриванию и эрозии. Они непрерывно разрушаются, иногда буквально на глазах. Здесь целый день слышится негромкий шорох катящихся по склонам холмов мелких камешков и песчинок. Кроме того, в любую минуту может пойти дождь — а даже самый маленький и недолгий дождик вполне способен смыть хрупкие кости динозаврового детеныша. А поскольку Грант частично обнажил скелетик, его тем более следовало понадежнее защитить от превратностей погоды.

Обычно места раскопок защищали, прикрывая сверху брезентом и выкапывая вокруг канавку для стока дождевой воды. Вопрос состоял только в том, насколько большой кусок брезента нужен, чтобы прикрыть весь спрятанный в земле скелет велоцираптора. Для определения этого в экспедиции имелся специальный прибор — ультразвуковой компьютерный томограф, УКТ. Прибор был совсем новый, и действовал он примерно так: «толкач» отстреливал в землю небольшие порционные заряды, а специальные датчики отслеживали прохождение ударной волны и передавали информацию на компьютер. Компьютер анализировал данные и выдавал на мониторе нечто вроде рентгенограммы внутренней структуры холма. Экспедиция использовала прибор все лето с переменным успехом.

«Толкач» стоял в шести-семи метрах отсюда — большой металлический ящик на колесах с приделанным к крышке зонтиком от солнца. Этот агрегат походил на тележку продавца мороженого, непонятно зачем поставленную посреди безлюдной пустыни. «Толкач» обслуживали двое юных сотрудников экспедиции — они закладывали в агрегат новые заряды.

До сих пор «толкач» и УКТ использовали только для приблизительного определения размеров и расположения находок, чтобы экспедиция могла вести раскопки более

целенаправленно. Но ребяташки утверждали, что уже в ближайшие несколько лет с помощью этого прибора можно будет получать настолько подробные изображения подземных залежей, что раскопки станут прицельными и для изъятия окаменелостей больше не придется перелопачивать горы лишней земли. Когда у ученых появятся подробные трехмерные изображения ископаемых костей, наступит новая эра археологии почти без раскопок.

Но пока об этом можно было только мечтать. Оборудование, которое безотказно работало в университетской лаборатории, в полевых условиях оказалось слишком привередливым и ненадежным.

— Долго еще? — спросил Грант.

— Сейчас, сейчас, Алан. Получилось совсем неплохо.

Грант вернулся к компьютеру и посмотрел на экран. Ярко-желтые линии складывались в рисунок полного скелета совсем молодого велоцираптора. Единственный коготь на пальце нижней конечности, который у взрослых животных представляет собой мощное изогнутое лезвие длиной больше десяти сантиметров, способное одним ударом распороть жертве живот, — у этого детеныша был не больше колючки шиповника. На экране эти когти вообще едва различались. Тем более что и взрослый велоцираптор — динозавр довольно легкого телосложения, животное с таким же тонким костным скелетом, как бывает у птиц, и, по-видимому, настолько же сообразительное.

Все кости скелета располагались в правильном порядке, только шея и голова отгибались далеко назад, к спине. Такое положение шеи и головы очень часто встречалось у ископаемых останков динозавров. Некоторые ученые даже придумали теорию для объяснения этого — они предположили, что смерть динозавров наступала в результате отравления какими-то растительными ядами-алкалоидами, вызывающими конвульсии. И изогнутые шеи мертвых динозавров — свидетельство того, что ящеры бились в судорогах предсмертной агонии. Грант разнес эту теорию в пух и прах. Он доказал, что у множества самых разных птиц и рептилий происходит посмертное сокращение мышц и связок тыльной стороны шеи, в результате которого шея и изгибается назад в характерную для останков динозавров позу. Это не имело никакого отно-

шения к причине смерти, дело только в особенностях высыхания скелета под солнцем. Но этот конкретный скелет был искривлен еще и в поперечном направлении — так, что вся правая нога задралась выше спины.

— Он как будто немного перекошен, — сказал один из ребят. — И это не из-за компьютера.

— Его перекосило время. Огромная бездна времени, — пояснил Грант.

Алан знал, что люди даже не могут себе представить геологическое время. Вся человеческая жизнь подчиняется совершенно другим временным понятиям. Яблоко краснеет за несколько минут. Столовое серебро темнеет за несколько дней. Навозная куча перегнивает за один сезон. Ребенок вырастает за десяток лет. Ни одно из этих повседневных изменений не может подготовить человека к пониманию того, что вмещают в себя восемьдесят миллионов лет — а именно такой промежуток времени прошел с тех пор, когда умер этот детеныш динозавра.

Читая лекции в университете, Грант прибегал к различным сравнениям, чтобы объяснить студентам понятие геологического времени. Если представить всю человеческую жизнь — примерно шестьдесят лет — как один день, то восемьдесят миллионов лет все равно будут длиться три тысячи шестьсот пятьдесят два года — даже древние египетские пирамиды существуют не так долго.

— А он не очень-то и страшный, — сказал мальчик.

— Он и не был страшным — по крайней мере, пока не становился взрослым.

Скорее всего этот детеныш велоцираптора питался падалью, объедая останки животных, убитых взрослыми хищниками, — после того как эти хищники насытятся и лягут спать на солнышке. За один присест хищные динозавры могли съесть до двадцати пяти процентов собственного веса, и после этого они укладывались спать. Детеныши безнаказанно копошились прямо под носом сонных, сытых взрослых и откусывали маленькие кусочки от остатков туши убитого животного. Эти детеныши наверняка были премиленькими созданиями.

А вот взрослые велоцирапторы — это совсем другое дело. Несмотря на относительно маленький вес — около ста двадцати килограммов, примерно столько же весит

леопард, — велоцираптор был, наверное, самым прожорливым, быстрым, сообразительным и кровожадным зверем, вооруженным для нападения острыми зубами, мощными когтистыми передними лапами и разрушительными одиночными когтями-лезвиями на ногах.

Велоцирапторы охотились стаями, и Грант не представлял себе эту потрясающую картину — десяток быстрых, поджарых зверей несется на огромной скорости, преследуя другого динозавра, гораздо крупнее любого из них; потом они вспрыгивают на спину жертве, вгрызаются ей в горло, разрывают когтями бока и живот...

— Скорее, мы опаздываем, — напомнила Элли, возвращая Алана к действительности.

Грант стал давать указания относительно того, как копать канавку для стока воды. Судя по томограмме, останки велоцираптора лежали довольно компактно. Значит, достаточно будет окопать канавкой площадку примерно в два квадратных метра. Тем временем Элли принесла кусок брезента и накрыла им тот участок на склоне холма, где лежал скелетик. Алан помог ей закрепить брезент.

— А как умер этот детеныш? — спросил один из ребят.

— Скорее всего, мы никогда не узнаем этого, — ответил Грант. — Детеныши вообще гибнут очень часто. В африканских национальных парках смертность молодняка хищников достигает семидесяти процентов. Он мог погибнуть от чего угодно — от болезни или потому, что отделился от группы, — да мало ли от чего? Может, на него даже напал какой-нибудь взрослый хищник. Мы знаем только, что эти животные охотились стаями, но об их взаимоотношениях внутри группы ничего не известно.

Студенты закивали головами. Все они изучали повадки животных и знали, например, что когда молодой лев становится новым вожаком прайда, он перво-наперво убивает всех детенышей. Причина этого естественна и очевидна: подчиняясь природным инстинктам, самец стремится распространить свой генофонд как можно шире и убивает чужих детенышей, чтобы самому покрыть самок, освободившихся от забот по уходу за детенышами других самцов.

Вероятно, в стае велоцирапторов тоже всем заправлял один самый сильный самец, вожак. Грант еще раз с сожа-

лением подумал, насколько же мало людям известно о динозаврах. После ста пятидесяти лет раскопок и исследований, проводившихся во всем мире, ученые все равно почти не представляют, какими же на самом деле были эти древние ящеры.

— Если мы хотим успеть в Чотиу к пяти, нам пора ехать, — сказала Элли.

Хаммонд

Секретарша Геннаро поспешно вошла в офис, неся новую дорожную сумку, с которой еще даже не оторвали магазинную этикетку.

— Знаете, мистер Геннаро, — сказала секретарша. — Когда вы забыли собрать вещи в дорогу, мне подумалось, что эта поездка вам не очень-то по душе.

— Может, ты и права, — согласился Геннаро. — Я не смогу попасть на день рождения своего ребенка.

В эту субботу у Аманды будет день рождения, и Элизабет пригласила на праздник два десятка крикливых четырехлетних сорванцов — друзей и подружек Аманды, — а также клоуна Каппи и чародея-фокусника. И жена вряд ли будет в восторге, узнав, что он на выходные уезжает из города по делам. Аманда наверняка тоже огорчится.

— Ну, так я собрала вам все, что смогла найти за такое короткое время, — сказала секретарша. — Здесь спортивные туфли вашего размера, легкая рубашка и шорты цвета хаки, набор для бритья. Еще — джинсы и свитер на тот случай, если вдруг похолодает. Машина уже ждет внизу, вас отвезут в аэропорт. Чтобы успеть на самолет, надо выходить прямо сейчас.

Секретарша удалилась. Геннаро пошел вниз, в холл, по пути сдирая с сумки магазинные наклейки. Когда он проходил мимо конференц-зала с полностью стеклянными стенами, оттуда вышел Дэн Росс.

— Желаю удачно съездить, — сказал он Геннаро. — Я хочу, чтобы ты ясно представлял, что мне нужно. Не знаю, насколько плоха ситуация на этом острове, Дональд, но если там действительно крупные неприятности, я хочу, чтобы ты сжег там все дотла.

— Господи, Дэн!.. Речь идет о таком крупном капиталовложении...

— Не сомневайся. Просто не думай об этом. Не думай — делай. Ты меня понял?

Геннаро кивнул.

— Понял. Но Хаммонд...

— К черту Хаммонда.

— Рад тебя видеть, мой мальчик! — слышался знакомый хриловатый голос. — Ну, рассказывай, как дела?

— У меня все в порядке, сэр, — ответил Геннаро. Он сидел, удобно устроившись в мягком кожаном кресле «Гольфстрима-2», который летел на восток, в сторону Скалистых гор.

— За все это время ты мне так ни разу и не позволил, — укоризненно произнес Хаммонд. — Я совсем потерял тебя из виду, Дональд. Как поживает твоя очаровательная супруга?

— Спасибо, хорошо. С Элизабет все в порядке. У нас маленькая дочь.

— Прекрасно, прекрасно... Дети — наша отрада в жизни. Ей наверняка понравится в нашем новом парке в Коста-Рике.

Геннаро успел забыть, насколько маленького роста Джон Хаммонд. Старик сидел в кресле и болтал ногами, пока говорил, — ноги его не доставали до пола. Хаммонд принадлежал к тому типу людей, которые всю жизнь выглядят как дети, хотя сейчас ему должно быть уже... сколько? Семьдесят пять? Или семьдесят шесть? Да, что-то вроде того. Хаммонд выглядел старше, чем Геннаро его помнил, но ведь они не виделись уже целых пять лет.

Хаммонд всегда любил и умел производить впечатление на людей — прирожденный шоумен. Тогда, в восемьдесят третьем году, когда они впервые встретились с Геннаро, Хаммонд повсюду возил за собой в тележке маленького слона. Слоник был двадцать пять сантиметров в высоту и тридцать — в длину, прекрасно сложенный, и даже с бивнями. Хаммонд привозил с собой слоника на собрания возможных вкладчиков. Обычно Геннаро вкатывал в зал тележку, накрытую легким одеяльцем, как чайный столик на колесиках, а потом Хаммонд произно-

сил речь о перспективах развития «потребительской биологии», как он это называл. В самый драматический момент речи Хаммонд театральным жестом сдергивал покрывало с тележки и показывал собравшимся миниатюрного слоника. И просил денег.

Слоник имел неизменный успех. Его ладное маленькое тельце, размером не больше кошки, обещало восхищенным слушателям невероятные чудеса, которые может породить лаборатория стэнфордского генетика Нормана Атертона, делового партнера Хаммонда в его новом рискованном предприятии.

Однако, рассказывая о своем слонике, Хаммонд очень многое недоговаривал. К примеру, хотя Хаммонд собирался основать генетическую компанию, в том, как его маленький слон появился на свет, вовсе не была замешана генетика. Атертон всего лишь взял эмбрион карликового слона и вырастил его в искусственной матке под воздействием гормональных препаратов. Да, действительно, это само по себе было удивительным достижением науки — но вовсе не тем, на что так таинственно намекал Хаммонд, демонстрируя это маленькое живое чудо.

Опять же, Атертон не мог создать других таких же миниатюрных слоников, хотя и пытался. С одной стороны, каждый, кто видел слоника, хотел иметь такого же у себя. С другой стороны, слоник был очень чувствителен к холодам, особенно зимой. Хаммонда самого пробирала дрожь, когда он видел, как маленькое хрупкое тельце животного содрогается от кашля. А иногда слоник просовывал бивни между прутьями решетки и принимался трясти и раскачивать тележку, как будто хотел вырваться на свободу. Не раз бывало, что слоник подхватывал какую-нибудь инфекцию и кожа вокруг бивней воспалялась. Хаммонд больше всего боялся, что слоник умрет прежде, чем Атертон сможет вырастить ему замену.

Кроме того, Хаммонд тщательно скрывал от будущих акционеров, что в процессе миниатюризации повадки слоника очень сильно изменились. И хотя маленькое животное внешне выглядело как слон, на самом деле это был быстрый и кровожадный хищник, который питался исключительно мясом. Хаммонд никому не позволял гладить

и кормить своего чудо-слоника — чтобы потом не объясняться по поводу откушенных пальцев.

И хотя Хаммонд клятвенно обещал, что через десять лет предприятие будет приносить верных семь миллиардов годового дохода, на самом деле его проект был в основном умозрительным, теоретическим. Хаммонд строил планы и был полон энтузиазма, но вовсе не было никакой уверенности в том, что его план сработает. Особенно учитывая то, что Норман Атертон — мозг проекта — страдал раком в последней стадии. Но эту подробность Хаммонд тоже не считал нужным кому-то сообщать.

И все-таки Хаммонду удалось, с помощью Геннаро, собрать нужную сумму. За время с сентября 1983-го по ноябрь 1985-го Джон Альфред Хаммонд со своим «толстокожим портфелем» набрал восемьсот семьдесят миллионов долларов — начальный капитал для финансирования компании под названием «Интернациональные генетические технологии, инкорпорейтед». Он мог бы собрать гораздо больше, если бы Хаммонд не настаивал на полной секретности и не обещал вернуть деньги лишь лет через пять. Эти условия отпугнули многих возможных инвесторов. В конце концов получилось так, что основными капиталовкладчиками компании стали японские консорциумы. Японцы оказались единственными, у кого хватало терпения ждать так долго.

Сидя в кожаном кресле самолета, Геннаро думал о том, какой уклончивый, скользкий тип этот Хаммонд. Старик совершенно игнорировал факт, что эту поездку организовал не он сам — его заставила это сделать адвокатская контора, в которой работал Геннаро. Наоборот, Хаммонд держался так, словно он по собственной прихоти пригласил нескольких знакомых отдохнуть в выходные на своем острове.

— Очень жаль, что вы не взяли с собой семью, дорогой Дональд, — сказал Хаммонд.

Геннаро пожал плечами.

— У моей дочери в субботу день рождения. Мы уже пригласили на праздник два десятка ребятишек. Будет большой торт и клоун. Ну, вы знаете, как это бывает.

— Да, понимаю... Детишки такое любят.

— Кстати, а ваш парк что, уже готов принимать посетителей? — спросил Геннаро.

— Ну, официально — еще нет, — сказал Хаммонд. — Но гостиница уже построена, так что остановиться есть где...

— А животные?

— Животные, естественно, все там. Все на своих местах.

Геннаро сказал:

— Кажется, вы говорили вначале, что их будет что-то около двенадцати...

— О, их гораздо больше, Дональд. Сейчас у нас двести тридцать восемь животных.

— Двести тридцать восемь?!

Старик радостно захихикал, его позабавило впечатление, которое произвела на Геннаро эта цифра.

— Такого вы себе даже представить не можете. У нас их целые стаи!

— Двести тридцать восемь... А сколько разновидностей?

— Пятнадцать различных видов, Дональд.

— Невероятно! Это просто фантастика. А как со всем остальным, что вы собирались устроить? Компьютеры, всякое оборудование...

— Все на месте, все на месте... — промурлыкал старик. — Все на нашем острове — настоящее произведение искусства. Да вы сами все увидите, Дональд. Это поистине удивительное зрелище. Вот почему это... беспокойство... кажется мне таким неуместным. С нашим островом пока не произошло совершенно никаких неприятностей.

Геннаро сказал:

— Тогда и инспекция пройдет без неприятностей.

— Я тоже так думаю, — кивнул Хаммонд. — Но это замедлит дело. Ведь на время официального визита все работы будут приостановлены...

— У вас и раньше бывали задержки. Вы отсрочили открытие парка.

— Ах, вы об этом... — Хаммонд вытащил шейный платок ярко-красного шелка из нагрудного кармана своей

спортивной куртки. — Это и должно было случиться. Должно было случиться...

— Почему? — спросил Геннаро.

— Ну, Дональд... Чтобы все как следует объяснить, надо начинать с самого начала, с исходной концепции нашего парка. Мы собирались создать самый современный, самый удивительный в мире парк развлечений, на основе сочетания новейших компьютерных и биологических технологий. Я не говорю уже об увеселительных прогулках. Это есть везде. Даже на Кони-Айленд. А искусственные ландшафты в наши дни вообще доступны буквально каждому. Бандитский притон, пиратское логово, Дикий Запад, землетрясение — этим сейчас никого не удивишь. Вот почему мы сделали основную ставку на биологические аттракционы. На потрясающие биологические аттракционы, которые способны поразить воображение всего мира.

Геннаро натянуто улыбнулся. Это было почти дословное повторение речи, которую Хаммонд произносил перед будущими инвесторами много лет назад.

— И мы никогда не забывали об основной цели нашего коста-риканского проекта — делать деньги, — продолжал Хаммонд. — Много, много денег.

— Я помню, — сказал Геннаро.

— А секрет добывания денег из парка развлечений состоит в максимальном сокращении численности обслуживающего персонала. Разносчики еды, продавцы билетов, команды уборщиков, рабочие-ремонтники... Мы собирались сделать парк, обслуживаемый минимальным количеством персонала. Вот почему мы так много денег вложили в компьютерные технологии — с компьютерами мы автоматизировали все процессы в парке, какие только возможно.

— Я помню...

— Но это же очевидно! Достаточно сложить вместе всех наших животных и наши компьютерные системы — и вы на коне! Кто, скажите мне, когда-либо располагал более мощной компьютерной системой, которая работает без сучка, без задоринки? Никто!

— Значит, у вас обычные задержки, как это всегда бывает перед открытием?

— Да, вот именно, — кивнул Хаммонд. — Задержки самые обычные.

— Я слышал, во время строительных работ происходили несчастные случаи, — сказал Геннаро. — Несколько рабочих погибло...

— Да, у нас было несколько несчастных случаев, — признал Хаммонд. — Но всего три из них — со смертельным исходом. Двое рабочих погибли при строительстве дороги в горах. Еще один погиб в январе — попал под землеройную машину. А за последние несколько месяцев у нас вообще не произошло ничего подобного. — Хаммонд положил руку на плечо молодого человека. — Дональд, дорогой, верьте мне, когда я говорю, что все на острове идет строго по плану. На нашем острове все в лучшем виде.

Включился интерком, и пилот сказал:

— Пожалуйста, пристегните ремни. Мы идем на посадку на аэродроме Чотиу.

Чотиу

Во все стороны, до самого горизонта, простиралась иссушенная солнцем равнина. Полуденный ветер носил по растрескавшемуся бетону взлетной полосы сухую пыль и шары перекасти-поля. Грант и Элли стояли возле своего джипа и ожидали, пока сверкающий «Грамман» делает круг над аэродромом и заходит на посадку.

— Терпеть не могу ждать толстосумов, — проворчал Грант.

Элли пожала плечами.

— Такая у нас работа...

Многие области науки, вроде физики или химии, уже давно перешли на государственное финансирование, но палеонтология до сих пор зависела исключительно от вкладов частных лиц. Самого Алана Гранта совершенно не интересовал этот остров в Коста-Рике, но Грант знал, что, если Джон Хаммонд попросит помочь с островом, он непременно поможет. Он просто обязан это сделать для человека, который финансирует его палеонтологические экспедиции. Такова изнанка отношений с богатыми покровителями науки — и так было всегда.

Маленький самолет приземлился и покатился по взлетно-посадочной полосе к Алану и Элли. Элли вскинула на плечо дорожную сумку. Самолетик остановился, и стюардесса в голубой форме открыла дверцу.

Грант поразился, насколько у этого самолета тесный, хотя и роскошно оборудованный салон. Ему пришлось идти пригнувшись, когда он отправился пожать руку сидящему в кресле Джону Хаммонду.

— Доктор Грант, доктор Саттлер, я рад, что вы смогли к нам присоединиться, — сказал Хаммонд. — Позвольте представить моего компаньона, Дональда Геннаро.

Геннаро был крепким, мускулистым мужчиной лет тридцати, в костюме от Армани и очках в тонкой металлической оправе. Грант с первого взгляда его невзлюбил. Они быстро обменялись рукопожатиями. Пожимая руку Элли, Геннаро с нескрываемым удивлением проронил:

— А вы, оказывается, женщина...

— Так уж получилось, ничего не поделаешь, — ответила Элли, и Грант понял, что ей этот Геннаро тоже не понравился.

Хаммонд повернулся к Геннаро и сказал:

— Вы, конечно же, знаете, чем занимаются доктор Грант и доктор Саттлер. Они — палеонтологи. Выкапывают из земли динозавров. — И расхохотался, как будто это занятие казалось ему чем-то очень забавным.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — попросила стюардесса, закрывая дверь. Самолет почти сразу же пошел на взлет.

— Вы должны нас извинить, — сказал Хаммонд. — Мы сейчас немного торопимся. Дональд считает, что очень важно поскорее добраться до места.

Пилот объявил, что через час будет посадка в Далласе, на дозаправку горючим, а потом самолет отправится прямо в Коста-Рику.

Прибытие — завтра утром.

— А долго мы пробудем в Коста-Рике? — поинтересовался Грант.

— Это зависит от многих факторов, — ответил Геннаро. — Нам нужно кое-что выяснить...

— Можете положиться на мои слова, — сказал Хам-

монд. — Уверен, мы пробудем там не больше сорока восьми часов.

Грант пристегнул ремень безопасности.

— Этот ваш остров, на который мы летим... Я никогда раньше о нем не слышал. Это что, какая-то тайна?

— Да, тайна — в своем роде, — ответил Хаммонд. — Мы очень, очень старались, чтобы никто не прознал о нем раньше времени — до того дня, когда остров, наконец, откроется — для изумления и развлечения посетителей.

Точка приложения усилий

Калифорнийская корпорация «Биосин Капертино» ни разу за все время своего существования не созывала экстренных заседаний Совета директоров. И вот теперь все десять директоров, сидящих в конференц-зале, были недовольны и раздражены непривычной спешкой. Было ровно восемь часов вечера. Директора минут десять оживленно переговаривались между собой, но постепенно все замолчали, и в зале стало тихо, слышался только шорох бумаг. Все с нетерпением поглядывали на часы.

— Кто-нибудь знает, чего мы ждем? — спросил один из директоров.

— Еще одного члена Совета, — ответил Льюис Доджсон. — Нам не хватает еще одного директора. — Он посмотрел на часы. Из офиса Рона Мейера сообщили, что тот вылетел из Сан-Диего шестичасовым самолетом. Даже принимая в расчет время на то, чтобы добраться сюда из аэропорта, Мейер уже должен быть здесь.

— Вам нужен кворум? — спросил еще кто-то.

— Да. Нужен, — ответил Доджсон.

Это заставило их на минуту заткнуться. Кворум означал, что Совету директоров предстояло принять какое-то очень важное решение. И, видит бог, они его примут — хотя Доджсон предпочел бы вообще не созывать никаких советов. Но Стейнгартен, глава корпорации «Биосин», был в этом вопросе тверд, как камень. Он сказал: «Вы обязательно должны получить их согласие на то, что задумали, Лью».

В зависимости от того, у кого спрашивать, Льюис Доджсон был известен или как самый энергичный и настой-

чивый генетик своего поколения, или как самый безрассудный и безответственный. Тридцати четырех лет, лысый, с хищным профилем, постоянно в напряжении. Джон Хопкинс отчислил его из университета за разработки генетического лечения людей без оформления соответствующих документов в Управлении по контролю за продуктами и медикаментами Департамента здравоохранения. Уже работая в «Биосине», Доджсон провел в Чили исследование альтернативной вакцины против бешенства. Сейчас Льюис Доджсон возглавлял в корпорации «Биосин» отдел готовой продукции, который занимался так называемой «обратной инженерией», — его сотрудники добывали образцы продукции конкурирующих фирм, раскладывали их на составляющие, досконально изучали и создавали собственную версию такого продукта.

В восьмидесятые годы не одна генетическая компания стала задаваться вопросом, как создать биологический аналог плеера «Сони Уокмен». Эти компании не интересовались здравоохранением или фармацевтикой, они делали ставку на спорт, развлечения, организацию досуга богатых бездельников, косметику и домашних любимцев. В девяностые годы спрос на продукцию «потребительской биологии» заметно возрос. И «ИнГен», и «Биосин» работали именно в этом направлении.

«Биосин» уже добился определенных успехов, сотворив полупрозрачную форель по заказу Общества охотников и рыболовов штата Айдахо. Такую форель легче заметить в воде, и это, безусловно, новый шаг вперед в развитии спортивного рыболовства. (По крайней мере, в Обществе охотников и рыболовов перестали поступать бесконечные жалобы на то, что они переловили всю рыбу в реках.) Правда, бесцветная форель время от времени гибнет от перегрева на солнце, а мясо у нее рыхлое и безвкусное — но об этих мелочах все как-то старались умалчивать. «Биосин» продолжал работы в этом направлении, и...

Дверь открылась, Рон Мейер вошел в конференц-зал и уселся в кресло. Теперь Доджсон, наконец, получил свой кворум. Он сразу же встал и обратился к директорам:

— Джентльмены! Мы собрались здесь сегодня вече-

ром, чтобы определить точку приложения наших усилий — «ИнГен».

Доджсон вкратце обрисовал предысторию. Компания «ИнГен» существует с тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, она была основана на деньги японских инвесторов. За это время «ИнГен» приобрел три крэевских КМП, самых мощных и современных суперкомпьютера. «ИнГен» арендовал остров в Коста-Рике. Собрал огромные количества природного янтаря. Делал необычно крупные денежные пожертвования зоопаркам по всему миру — от Нью-Йоркского Зоологического Общества до Рантапурского парка дикой природы в Индии.

— Невзирая на все эти подозрительные действия, мы до сих пор не имели ни малейшего представления о том, чем на самом деле занимается корпорация «ИнГен», — сказал Доджсон. — Очевидно, что эта компания особо интересуется животными. Кроме того, они наняли весьма интересную группу исследователей, род занятий которых относится к далекому прошлому — палеонтологов, ДНК-филогенетиков и тому подобных. И вот, в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году, «ИнГен» перекупает в Нэшвиле, штат Теннесси, небольшую малоизвестную компанию под названием «Продукты из микропористого пластика». Незадолго до этого эта сельскохозяйственная компания запатентовала новый пластик, обладающий свойствами яичной скорлупы. Новый пластик можно отливать в форме яйца и использовать для выращивания в нем куриных эмбрионов. Начиная со следующего года «ИнГен» использует весь объем продукции этого пластика исключительно для собственных нужд.

— Доктор Доджсон, все это очень интересно...

— И в то же самое время, — продолжал Доджсон, ни на что не обращая внимания, — на острове Исла-Нублар начинается крупномасштабное строительство: огромный размах земляных работ, включая создание в центре острова искусственного озера длиной в две мили. Планы строительства хранились под большим секретом, но все-таки нам стало известно, что «ИнГен» сооружает на острове частный зоопарк невиданных размеров.

Один из директоров подался вперед и спросил:

— Доктор Доджсон, ну и что с того?!

— Это очень необычный зоопарк, — ответил Доджсон. — Уникальный, единственный во всем мире. Похоже, «ИнГен» устраивает нечто совершенно необыкновенное. Они умудрились клонировать древних животных из прошлого.

— Каких же это животных?

— Животных, которые выводятся из яиц и которым в зоопарке нужно очень много свободного пространства.

— Да что это за животные?!

— Динозавры, — ответил Доджсон. — Они клонировали динозавров.

Обсуждение, которое разгорелось в Совете директоров после этого известия, казалось Доджсону совершенно неуместным. С богатыми людьми постоянно возникала одна и та же проблема — они вкладывали деньги в науку, но не знали толком, на что эта отрасль науки способна.

Собственно, еще в восемьдесят втором году в научной литературе проходила широкая дискуссия о практических возможностях выведения динозавров. С каждым следующим годом манипулировать с ДНК становилось все легче. Генетический материал добыли даже из египетских мумий и из чудом сохранившейся где-то шкуры квагги — зебровидного африканского животного, которое считается вымершим еще с тысяча восемьсот восьмидесятого года. А в тысяча девятьсот восемьдесят пятом, похоже, стало возможным восстановить структуру ДНК квагги и вырастить новое такое животное. В таком случае квагга стала бы первым вымершим животным, вновь возвращенным к жизни, реконструированным только по строению ДНК. А если возможно такое, то что же еще возможно? Мاستодонт? Саблезубый тигр? Вымершая птица дронг?

Или даже динозавр?

Конечно, во всем мире, насколько это известно, не осталось сохранившейся ДНК динозавра. Но если соответствующим образом обработать достаточно большие количества ископаемых костей динозавров, из них возможно выделить уцелевшие фрагменты динозавровой ДНК. Раньше считалось, что в окаменевших костных останках ДНК не сохраняется. Но современные исследо-

вания убедительно доказали, что это не так. А если собрать достаточное количество уцелевших фрагментов ДНК, из них вполне можно вырастить методом клонирования¹ живое существо.

Тогда, в восемьдесят втором, технологические трудности подобного процесса казались неразрешимыми. Но в теории никаких преград не существовало. Просто эта задача была трудной, дорогостоящей и с сомнительным положительным результатом. Но тем не менее получить нужный результат было возможно — если бы кто-то все же решил попытаться.

И, очевидно, компания «ИнГен» попыталась.

— Они создали единственный в своем роде, величайший в истории человечества аттракцион для туристов. Как вам известно, зоопарки чрезвычайно популярны. За последний год в зоопарках побывало больше американцев, чем на всех профессиональных баскетбольных и футбольных матчах, вместе взятых. Японцы тоже любят зоопарки — в Японии уже сейчас их более пятидесяти, и еще множество строится. А за посещение своего зоопарка «ИнГен» может заломить буквально любую цену — две тысячи долларов в день, десять тысяч долларов в день... А кроме этого, существует еще всякий мелкий ходовой товар — иллюстрированные книжки, футболки с рисунками, видеоигры, кепки, стилизованные мягкие игрушки, комиксы, домашние любимцы...

— Домашние любимцы?

— Да, конечно же! Если «ИнГен» смогла сотворить живых динозавров натуральных размеров, то почему бы им не создать карликовых динозавриков в качестве милых домашних зверушек? Маленькое запатентованное животное для дома — вы себе только представьте! Да они пойдут нарасхват! «ИнГен» сможет распродать миллионы таких зверьков. А еще «ИнГен», конечно же, позаботится о том, чтобы они могли питаться только кормами производства той же «ИнГен»...

— Господи... — вырвалось у кого-то.

¹ К л о н и р о в а н и е — выращивание целого организма из одной неполовой клетки.

— Но именно зоопарк будет главным украшением всего этого великолепия, — заявил Доджсон.

— Вы говорите, они запатентуют своих динозавров?

— Непременно! Любое животное, полученное методами генной инженерии, сейчас можно запатентовать. Верховный суд США принял такое решение в пользу Гарварда в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году. Динозавры станут законной собственностью «ИнГен», и никто другой не сможет легально их производить.

— А что мешает нам создать своих собственных динозавров?

— Ничего — кроме отрыва в пять лет, который есть у «ИнГен». Практически нереально догнать их в этом до конца столетия.

Доджсон сделал эффектную паузу и продолжил:

— Но, конечно, если нам удастся заполучить образцы ингеновских динозавров, мы смогли бы методами обратной инженерии разобраться в строении их ДНК и создать своих собственных динозавров, с некоторыми отличиями в ДНК, достаточными для того, чтобы обойти любые их патенты.

— А мы сможем получить образцы ингеновских динозавров?

Доджсон ответил, но не сразу:

— Надеюсь, сможем.

Кто-то прокашлялся и сказал:

— Но мы не должны нарушать никаких законов.

— Нет, конечно, нет! — быстро отозвался Доджсон. — Ничего противозаконного. Я имел в виду исключительно легальные способы добывания у «ИнГен» динозавровой ДНК. Через какого-нибудь недовольного сотрудника или наемного рабочего, с которым обошлись несправедливо... Что-нибудь вроде этого.

— И вы нашли такой легальный источник, доктор Доджсон?

— Нашел. Но боюсь, что действовать нам придется очень быстро, поскольку «ИнГен» переживает сейчас некий внутренний кризис, и мой источник должен успеть управиться со всем в течение следующих двадцати четырех часов.

В комнате надолго воцарилась тишина. Директора по-

глядывали на секретаршу, которая делала записи, и на магнитофон, стоявший возле нее на столике.

— Я не вижу надобности в вынесении формальной резолюции по этому вопросу, — сказал Доджсон. — Достаточно того, что ваше общее мнение однозначно... И я могу привести план в действие...

Директора один за другим стали кивать головами.

Никто не произнес ни слова. Ничей голос не был записан на магнитофон. Но все молчаливыми кивками выразили свое согласие.

— Благодарю вас за то, что вы поучаствовали в заседании, джентльмены, — сказал Доджсон. — Значит, я могу теперь действовать.

Аэропорт

Льюис Доджсон вошел в кафе при зале ожидания для отбывающих пассажиров аэропорта Сан-Франциско и быстро огляделся по сторонам. Его человек уже был на месте, ждал у стойки бара. Доджсон присел рядом с ним и поставил кейс на пол между стульями.

— А ты подзадержался, приятель, — упрекнул ожидавший его человек. Потом посмотрел на соломенную шляпу на голове у Доджсона и рассмеялся. — А это ты зачем нацепил? Для маскировки?

— Предосторожность никогда не помешает, — проговорил Доджсон, умиряя свой гнев. Он в течение шести месяцев с адским терпением и упорством культивировал этого человека, который с каждой следующей встречей становился все несноснее и самонадеяннее. Но Доджсон ничего не мог с этим поделать — оба прекрасно понимали, насколько высоки ставки в этой игре.

ДНК, полученная методами генной инженерии, была самым дорогостоящим товаром в мире на единицу веса. Единственная микроскопическая бактерия, такая маленькая, что ее даже не увидишь невооруженным глазом, но содержащая в себе гены противоангинозного фермента, стрептокиназы, или «антихолод», который предохраняет от подмерзания садовые растения, могла обойтись непосредственному покупателю в сумму более пяти миллионов долларов.

Такая вот правда жизни породила новый, причудливый мир промышленного шпионажа. И Доджсон на этом поприще был далеко не из последних. В тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году Доджсон уговорил одну обиженную начальством женщину-генетика уволиться из «Цетуса» и перейти в «Биосин», прихватив с собой пять новых штаммов бактерий, полученных методами генной инженерии. Эта смышленная дамочка попросту ввела по капле раствора с бактериями под каждый ноготь на руке и ушла из компании.

Но «ИнГен» подкинул Доджсону задачку потруднее. Теперь ему нужно было нечто большее, чем ДНК бактерий. Он хотел заполучить замороженные эмбрионы, зная, что «ИнГен» стережет свои эмбрионы с помощью самых совершенных систем охраны. Чтобы получить вожаделенные эмбрионы, Доджсону нужен был сотрудник «ИнГен», имеющий к ним доступ, который к тому же мог как-то обойти охранные приспособления. А найти такого человека не так-то просто.

Доджсон отыскал подходящего работника «ИнГен» только в этом году. Хотя этот человек и не имел непосредственного доступа к эмбрионам динозавров, Доджсон все равно постоянно поддерживал с ним связь, встречался с ним — как правило, у Карлоса и Чарли в Силиконовой долине — и время от времени оказывал ему небольшие услуги. И вот теперь компания «ИнГен» пригласила на остров консультантов и подрядчиков — это был как раз тот случай, которого Доджсон так долго ждал. Под шумок его человек смог бы добраться до строго охраняемых эмбрионов.

— Давай поближе к делу, приятель, — сказал тот. — А то у меня самолет через десять минут.

— Ты что, хочешь, чтобы я снова все тебе пересказал?

— Да нет же, черт возьми, доктор Доджсон! Я хочу наконец увидеть свои денежки.

Доджсон отшелкнул застешки кейса и немного приоткрыл его. Его сосед с нескрываемым интересом заглянул внутрь.

— Это что, все?

— Нет, только половина. Семьсот пятьдесят тысяч долларов.

— О'кей! Нормально... — мужчина повернулся к стойке и допил свой кофе. — Все нормально, доктор Доджсон.

Доджсон быстро застегнул кейс.

— Это — за все пятнадцать образцов, не забыл?

— Да помню я, помню. Пятнадцать штук замороженных эмбрионов. И как я, по-вашему, должен их вам отвезти?

Доджсон передал ему большой флакон пены для бритья фирмы «Жиллетт».

— В этом, что ли?

— В этом.

— Но они могут проверить мой багаж...

Доджсон передернул плечами.

— Нажми на верхушку.

Тот нажал, и на руку ему брызнула обычная белая пена для бритья. Он вытер руку о край своей тарелки и сказал:

— Недурно. Совсем недурно.

— Вообще-то флакон немного тяжелее обычного.

Последние два дня доджсоновская команда техников не покладая рук работала над этим флаконом. Доджсон быстро показал своему человеку, как им пользоваться.

— А сколько там внутри охлаждающего газа?

— Хватит на тридцать шесть часов. За это время эмбрионы должны быть доставлены в Сан-Хосе.

— Это уже забота твоего парня, который будет в лодке. Лучше присмотри, чтобы у него на борту оказался портативный морозильник.

— Я об этом позабочусь, — сказал Доджсон.

— И давай еще раз посмотрим наши условия...

— Сделка остается прежней, — твердо сказал Доджсон. — Пятьдесят тысяч долларов за доставку каждого эмбриона. Если они окажутся жизнеспособными — то еще по пятьдесят тысяч сверху за каждый.

— Все нормально, я не спорю. Но только чтоб в пятницу ночью меня обязательно ждала лодка у восточного берега острова. Не в северной бухте, куда причаливают большие корабли. В восточной бухте. Там есть маленький причал для хозяйственных нужд. Ты все понял?

— Понял. Когда ты снова будешь в Сан-Хосе?

— Наверное, в воскресенье. — Мужчина встал.

Доджсон забеспокоился.

— Ты точно умеешь управляться с...

— Умею. Уж поверь мне — умею.

— А еще мы считаем, что остров поддерживает постоянную радиосвязь со штаб-квартирой корпорации в Калифорнии, так что...

— Слушай, не суетись, я обо всем позабочусь. Расслабься и держи мои деньги наготове. Я приду за ними в воскресенье утром, в аэропорт Сан-Хосе. И смотри, чтобы все было в мелких купюрах!

— Не беспокойся, — сказал Доджсон. — Я буду тебя ждать.

Малкольм

Незадолго до полуночи он взошел на борт самолета в Далласском аэропорту — высокий, худощавый мужчина тридцати пяти лет, с редеющими волосами, одетый во все черное: черную рубашку, черные брюки, черные носки, черные спортивные туфли.

— О, доктор Малкольм! — привычно улыбаясь, воскликнул Джон Хаммонд.

Малкольм тоже улыбнулся.

— Привет, Джон. Да, боюсь, твоя извечная «немезида» снова с тобой.

Малкольм поздоровался за руку со всеми присутствующими, сопровождая рукопожатие словами:

— Я — Ян Малкольм. Как дела? А мое дело — математика.

Гранту показалось, что неожиданное приглашение на остров удивило Малкольма даже больше, чем всех остальных.

Грант, конечно же, много о нем слышал. Малкольм был одним из самых известных математиков последнего поколения, которых очень интересовало «как устроен реальный мир». Эти ученые по многим важным направлениям изменили старые традиции математической науки. Во-первых, они постоянно использовали в работе компьютеры, за что математики старой школы недовольно на них косились. Во-вторых, они работали практически только с нелинейными зависимостями, которые в целом на-

зывались теорией хаоса. В-третьих, эти математики были живо заинтересованы в том, чтобы их вычисления описывали только то, что действительно существует в реальном мире. И, наконец, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к живому, настоящему миру, а не к миру сухой отвлеченной науки, они одевались и вели себя с «отвратительным избытком индивидуализма», как назвал их стиль один пожилой академик. Короче говоря, эти молодые математики зачастую держались, как звезды эстрады.

Малкольм уселся в глубокое кожаное кресло. Стюардесса предложила ему напитки. Он попросил:

— Диетическую колу. Размешайте, но не взбалтывайте!

Влажный воздух Далласа просочился в салон через открытые иллюминаторы.

— Разве сегодня не слишком жарко для черного? — спросила Элли.

— Вы ужасно милы, доктор Саттлер, — откликнулся Ян Малкольм. — Я целый день буду смотреть только на ваши стройные ножки. Но — нет, черный цвет очень подходит для жаркой погоды. Если вспомнить об излучении черных тел, то придется признать, что черный — вообще самый лучший цвет в жару. Он излучает наиболее интенсивно. Как бы то ни было, я вообще одеваюсь только в два цвета — черный и серый.

Элли уставилась на него, раскрыв рот от удивления.

— Эти два цвета прекрасно подходят к любой ситуации, — продолжал разглагольствовать Малкольм. — И они неплохо сочетаются — я не буду выглядеть нелепо, если по ошибке надену серые носки с черными брюками.

— А вам не скучно все время носить только черное и серое?

— Ничуть! Напротив, так я чувствую себя более свободным. Я очень ценю свою жизнь и свое время и не желаю тратить его попусту, на раздумья об одежде. Я не хочу думать каждый день о том, что же мне надеть на следующее утро. И вообще, по-моему, в мире нет ничего скучнее моды. Разве что профессиональный спорт. Подумать только — взрослые люди играют друг с другом в мячик, а весь остальной мир платит бешеные деньги за то, чтобы им поаплодировать. Но в целом мода даже скучнее спорта. И утомительнее.

— У доктора Малкольма на все свои взгляды, — пояснил Хаммонд. — Он — человек твердых убеждений.

— И странный, как сумасшедший шляпник, — весело добавил Малкольм. — Но вы должны признать, что это далеко не маловажный вопрос. Мы живем в мире чудовищных условностей. Людям приходится вести себя так, а не иначе — потому что так принято! Они вынуждены беспокоиться о чем-то — только потому, что так принято. И никому не приходит в голову — почему это так? Ну, скажите, разве это не удивительно? В нашем обществе, перенасыщенном информацией, практически никто не думает своей головой. Нам следовало бы отмахиваться от ненужных бумаг, а мы отмахиваемся от мыслей.

Хаммонд повернулся к Геннаро и поднял руки.

— Это все вы — вы его пригласили.

— И вам повезло, что меня пригласили, — сказал Малкольм. — Потому что у вас, похоже, крупные неприятности.

— У нас все в порядке, — быстро ответил Хаммонд.

— Я всегда говорил, что с этим островом у вас ничего не выгорит, — нимало не смущаясь, продолжал Малкольм. — Я предрекал это с самого начала. — Он открыл свой кейс из мягкой кожи и достал оттуда какие-то бумаги. — И теперь, я уверен, все мы понимаем, что это будет не увеселительная прогулка в выходные. Похоже, вам придется по-быстрому прикрыть все это дело.

— Прикрыть дело? — Хаммонд в гневе вскочил со своего места. — Да вы что, это же просто смешно!

Малкольм пожал плечами, его совершенно не тронула испышка старика Хаммонда.

— Я прихватил с собой копии моих выкладок, чтобы вы тоже могли взглянуть, — сказал он. — А оригинал аналитического отчета я отправил в «ИнГен». Математические расчеты понять так сразу непросто, но я помогу вам разобраться, чтобы вы в них не увязли. Вы что, куда-то уходите?

— Мне надо еще кое-кому позвонить, — отговорился Хаммонд и вышел из салона в смежную кабинку.

— Ну, ничего, лететь нам еще долго... — заявил Малкольм, обращаясь к остальным. — По крайней мере, мои бумаги хоть как-то вас развлекут.

...Самолет летел сквозь ночь.

Грант знал, что те, кто плохо отзывается о Яне Малкольме, не так уж и неправы, и мог понять тех, кто считает, что Малкольм ведет себя чрезмерно грубо и бесцеремонно и слишком боек в практическом применении теории хаоса. И все-таки Алан взялся просматривать его бумаги, стараясь вникнуть в смысл уравнений.

Геннаро спросил:

— Ваши расчеты доказывают, что затея Хаммонда с этим островом обречена на провал?

— Совершенно верно.

— Согласно теории хаоса?

— Именно. Если быть более точным — согласно поведению системы в фазовом пространстве.

Геннаро отложил бумаги в сторону и сказал:

— Можете теперь объяснить мне все это простым английским языком?

— Конечно! — сказал Малкольм. — Только сперва давайте определимся, с чего мне начинать. Вы вообще имеете хоть какое-то представление о нелинейных зависимостях?

— Нет.

— А о притяжении случайностей?

— Нет.

— Прекрасно. Тогда начнем с самого начала, — он задумался, глядя в потолок. — Физики достигли значительных успехов в описании закономерностей поведения некоторых объектов — таких, например, как вращение планет по их орбитам, полет космических кораблей к Луне, движение маятников, пружин, катящихся шаров и тому подобных штук. Все это — объекты, движение которых подчиняется простым закономерностям. Оно описывается так называемыми линейными уравнениями, которые математики с легкостью разрешают. Мы делаем это уже много сотен лет.

— Пока понятно, — сказал Геннаро.

— Но есть и другие виды поведения физических объектов, которые физики почти не в состоянии описать. Например, турбулентные завихрения потоков. Так ведет себя вода, вытекающая из трубы. Воздух, обтекающий крыло самолета. Погода. Кровь, протекающая через серд-

це. Турбулентные явления описываются нелинейными уравнениями. А их очень трудно решить — практически невозможно. Поэтому физики так до конца и не понимают сущности подобных явлений. Как не понимали и десять тысяч лет назад. Новая теория, которая объясняет нелинейные уравнения, называется теорией хаоса. Собственно говоря, эта теория впервые появилась при попытке создать компьютерную модель изменений погоды, еще в шестидесятые годы. Погода представляет собой большую и сложную систему, а именно: атмосферу Земли в ее взаимодействии с земной поверхностью и солнцем. Поведение этой большой и сложной системы всегда было очень трудно понять. И, соответственно, люди никогда не могли как следует предугадывать погоду. Но главное, что вынесли исследователи из неудачных компьютерных моделей погоды, — это то, что даже если можно понять поведение системы, предугадать его все равно нельзя. Предсказание погоды невозможно в принципе. А причина в том, что поведение такой системы очень сильно зависит от изначальных условий.

— Что-то я потерял ход мысли... — сказал Геннаро.

— Если выстрелить из пушки ядром определенной массы, с определенной скоростью и под определенным углом к горизонту, а потом зарядить второе ядро, почти такой же массы, и снова выстрелить с такой же начальной скоростью и под тем же углом — что получится?

— Два ядра упадут примерно в одном и том же месте.

— Правильно, — похвалил Малкольм. — Так вот, это — линейная динамика.

— Понятно.

— Но если взять и запустить систему погоды с определенными начальными значениями температуры, скорости ветра и влажности, а потом повторить опыт с другой погодной системой, которая по исходным условиям практически не отличается от первой, — то вторая система будет вести себя вовсе не так, как первая. Со временем их поведение будет различаться все сильнее и сильнее, и очень скоро это будут две совсем разные, несколько не похожие одна на другую системы. Шторм с громом и молниями вместо спокойной солнечной погоды. Так вот, это — пример нелинейной динамики. Такие системы

крайне чувствительны к исходным условиям — малейшие отклонения со временем усиливаются.

— Похоже, я понял, — сказал Геннаро.

— Чаше всего в качестве примера приводят «эффект бабочки». Бабочка взмахнула крыльями где-то в Пекине — и погода в Нью-Йорке резко испортилась.

— Значит, хаос — это все случайное и непредсказуемое? Я правильно понимаю? — спросил Геннаро.

— Нет. На самом деле мы находим скрытые закономерности в совокупности изменений состояния сложных систем. Поэтому теория хаоса сейчас так широко применяется — ее используют для изучения буквально всего, от рынков сбыта и психологии взбунтовавшейся толпы до энцефалограммы больных во время эпилептических припадков. Любые сложные системы, изменения в которых развиваются непредсказуемо. Мы находим в них скрытые закономерности. Теперь понятно?

— Понятно, — кивнул Геннаро. — Но что это за скрытые закономерности?

— Они описывают поведение системы в фазовом пространстве.

— О господи! Все, что я хотел от вас узнать, — это почему остров Хаммонда обречен на провал? — не выдержал Геннаро.

— Я понимаю, — сказал Малкольм. — Я вывел это. Теория хаоса состоит из двух положений. Первое — сложные системы вроде погоды всегда подчиняются скрытым закономерностям. Второе, как бы обратная сторона первого, — простые системы могут вести себя как очень сложные. Возьмем, к примеру, бильярдные шары. Вы ударяете бильярдный шар кием, и он начинает кататься по столу, отскакивая от бортов. Теоретически это крайне простая система, почти ньютоновская. И если точно знать силу, с которой ударили шар, массу шара и угол, под которым этот шар ударяется о стенки, то можно легко просчитать дальнейшее поведение шара. В теории мы можем предсказать поведение шара на очень долгое время, если он все время будет ударяться о борта стола — вплоть до того, что можно точно определить местонахождение шара, скажем, хоть через три часа от исходной точки.

— Понятно, — кивнул Геннаро.

— Но на самом деле оказывается, что достоверно предсказать поведение шара можно только на несколько секунд, — продолжал Малкольм. — Потому что практически сразу же на поведение шара начинают оказывать воздействие очень малые случайности — неровности на его поверхности, мелкие включения в шерстяном покрытии стола... И очень скоро эти случайные мелочи разрушают все ваши самые точные расчеты. Вот так и получается, что даже очень простая система бильярдных шаров на столе ведет себя практически непредсказуемо.

— Да...

— А проект Хаммонда — животные внутри зоопарка — это всего лишь еще одна простая система, которая вскоре обязательно станет вести себя непредсказуемо.

— Так вы вывели это...

— Теоретически, — сказал Малкольм.

— Но разве не лучше самому осмотреть остров, чтобы узнать, что удалось Хаммонду на самом деле?

— Нет. Это совершенно необязательно. Подробности не имеют значения. Теория и так ясно говорит мне, что на этом острове очень скоро начнут происходить непредсказуемые случайности.

— И вы полностью полагаетесь на эту вашу теорию?

— Да, конечно, — сказал Малкольм. — Она совершенно достоверна, — он поудобнее устроился в своем кресле. — На острове уже возникли проблемы. Значит, скоро начнут происходить всякие случайности.

Исла-Нублар

Винты вертолета завертелись над головой, со свистом рассекая воздух и отбрасывая длинные тени на посадочную площадку аэропорта Сан-Хосе. Грант вслушивался в треск наушников, пока пилот разговаривал с диспетчером.

В Сан-Хосе к ним присоединился еще один пассажир, человек по имени Деннис Недри, который прилетел специально, чтобы их встретить. Толстый и неопрятный Недри жевал шоколадный батончик, и пальцы у него были перемазаны липким шоколадом, а на рубашке повисли обрывки фольги от конфетной обертки. Здраваясь, Не-

дри пробормотал что-то о том, что он следит за компьютерами на острове, а протянуть руку для рукопожатия не додумался.

Сквозь плексигласовый колпак кабины Грант смотрел, как уходит из-под ног бетонная площадка аэродрома и одинокая тень вертолета скользит по земле, — они полетели на запад, к горному хребту.

— Нам лететь примерно сорок пять минут, — сообщил Хаммонд, который устроился на одном из задних сидений.

Внизу проплывали невысокие холмы, но вскоре их не стало видно — вертолет взлетел выше пелены облаков, под яркое утреннее солнце. Сквозь облака поднимались утесы гор — Грант поразился, как много здесь вырублено лесов. Оголенные искаленные пустые пространства тянулись вдаль на многие километры.

— В Коста-Рике самый лучший контроль за численностью населения среди стран Центральной Америки, — сказал Хаммонд. — Но леса у них вырубаются совершенно бесконтрольно. Коста-Рика потеряла огромную часть своих лесных богатств, причем в основном в последние десять лет.

Вертолет перевалил через горный хребет и снова опустился ниже облаков по другую сторону гор. Грант увидел роскошные пляжи западного побережья. Внизу промелькнула маленькая прибрежная деревушка.

— Бахья-Анаско, — сообщил пилот. — Рыбацкий поселок, — он показал на север. — А вон там, чуть севернее, — заповедник Кабо-Бланко. У них там шикарные пляжи.

Пилот повел машину прямо на запад, над океанскими водами. Понемногу лазурная вода сменилась зеленой, а потом стала глубокого аквамаринового цвета. На волнах сверкали солнечные блики. Было около десяти часов утра.

— Еще несколько минут, и покажется наш остров, Исла-Нублар, — сказал Хаммонд.

Исла-Нублар, как пояснил Хаммонд, это не совсем остров. Скорее это нечто вроде горы в океане — поднятый на поверхность в результате вулканических процессов участок океанского дна.

— Вулканическое происхождение острова заметно

сразу, — рассказывал старик. — Во многих местах земля под ногами теплая от вулканического жара, кое-где есть действующие гейзеры. Из-за этого и еще из-за преобладающих океанских течений, Исла-Нублар постоянно окутан туманом. Когда прибудем на место, вы сами увидите... А вот и остров!

Вертолет рванулся вперед и вниз, к воде. Впереди действительно показался остров, гористый, с отвесными скалами и утесами, которые вздымались из воды.

— Господи, да он похож на Алякатрас¹! — воскликнул Малкольм.

Поросшие лесом утесы утопали в густом тумане, придавая острову довольно таинственный вид.

— Что вы, он гораздо больше, — возразил Хаммонд. — Восемь миль в длину и три мили в ширину в самом широком месте, общая площадь примерно двадцать две квадратные мили. Это будет самый большой частный зоопарк во всей Северной Америке.

Вертолет снова начал набирать высоту и повернул к северной оконечности острова. Грант попытался рассмотреть что-нибудь сквозь густую завесу тумана.

— Обычно туман не такой плотный, — сказал Хаммонд. В голосе его ясно слышалось беспокойство.

На северной оконечности острова горы поднимались выше всего — до шести с половиной километров над уровнем океана. Вершины прибрежных скал терялись в молочно-белом тумане, и все же Грант рассмотрел острые выступы утесов и бурлящие океанские волны под ними. Вертолет перелетел через горы.

— К сожалению, нам придется приземляться на острове, — сказал Хаммонд. — Я этого не люблю — лишний раз беспокоить животных... Кроме того, это иногда немного страшновато...

Хаммонд замолк, потому что заговорил пилот:

— Начинаем снижаться! Пристегните ремни, ребята.

Вертолет пошел вниз и в одно мгновение оказался внутри плотной завесы тумана. Грант слышал в наушниках ритмичный писк электронных приборов, но абсолют-

¹ Алякатрас — бывшая тюрьма на острове того же названия вблизи Сан-Франциско.

но ничего вокруг не видел. Потом туман немного поредел, так что сквозь него уже можно было различить очертания темно-зеленых ветвей, выступающих из молочно-белой дымки. Некоторые ветви находились совсем близко.

— Как, черт возьми, он это делает? — спросил Малкольм, но никто ему не ответил.

Пилот быстро переводил взгляд то направо, то налево, выискивая ориентир — хвойный лес. Деревья по-прежнему были на опасно близком расстоянии. Вертолет продолжал снижаться.

— Господи... — пробормотал Малкольм.

Писк в наушниках стал громче. Грант взглянул на пилота. Тот был полностью сосредоточен на управлении машиной. Грант посмотрел вниз через прозрачный колпак вертолета и различил на земле огромный флюоресцирующий крест. По углам креста горели сигнальные огни. Пилот немного скорректировал курс и мягко опустил машину на посадочную площадку. Шум моторов начал понемногу затихать и вскоре прекратился совсем.

Грант вздохнул с облегчением и отстегнул ремни безопасности.

— Надо выходить побыстрее, вот в эту сторону, — заторопил всех Хаммонд. — Потому что здесь, на этой вершине, бывает такой порывистый ветер, что... Ну вот, наконец мы в безопасности.

К вертолету подбежал какой-то человек — рыжеволосый мужчина в бейсбольной кепке. Он открыл дверцу и сказал:

— Привет всем, я — Эд Регис. Добро пожаловать на Исла-Нублар! И, пожалуйста, внимательно смотрите под ноги, когда будете идти.

Вниз по склону горы вилась узкая дорожка. Воздух был сырой и промозглый. Когда они спустились пониже, туман понемногу развеялся, и Грант смог лучше разглядеть окружающую природу. Он подумал про себя, что этот остров с виду напоминает скорее северо-запад Тихого океана, например — Олимпийский полуостров.

Регис подтвердил его догадки:

— Исходная экологическая система острова представ-

ляла собой лиственные дождевые леса — совсем не то, что на континенте, там почти повсюду классические дождевые леса. Но такой микроклимат у нас только на возвышенностях — на склонах северных гор. Флора остальных частей острова представлена в основном тропическими лесами.

Далеко внизу виднелись белые крыши каких-то больших зданий, утопающих в буйной зелени. Грант даже удивился — он не ожидал увидеть здесь такие современные, прекрасно спроектированные строения. Путники спустились еще ниже, завеса тумана осталась позади, и перед ними во всем своем великолепии открылась панорама острова, простирающегося далеко на юг. Как и сказал Регис, остров по большей части был покрыт непроходимыми тропическими лесами.

Глядя на юг, Грант заметил возвышающийся над пальмовой рощей необычный ствол дерева — голый, совсем без веток и листьев, просто длинный и толстый изогнутый обрубок. Но внезапно этот ствол зашевелился и развернулся вершиной к путникам. И тут Грант понял, что перед ним — вовсе никакое не дерево.

Это была длинная и толстая, изящно изогнутая шея гигантского животного, поднятая на пять метров от земли.

Это был живой динозавр.

Добро пожаловать на остров

— О господи! — тихо прошептала Элли. Все, не отрываясь, смотрели на животное, возвышающееся над деревьями. — Господи боже мой!

Первое, что она подумала, — динозавр потрясающе красив. На картинках в книжках динозавров изображали огромными, неповоротливыми тварями, но это изящное животное с длинной шеей двигалось плавно и легко, с каким-то царственным достоинством. И двигалось оно быстро — в его движениях не было заметно никакой заторможенности или сонливости. Динозавр стремительно побежал к людям. Он издал гулкий трубный рев, похожий на рев слона. В следующее мгновение над пальмовыми зарослями поднялась вторая огромная голова, третья, четвертая...

— О господи! — снова вырвалось у Элли.

...Геннаро не мог произнести ни слова. Он, единственный из присутствующих, знал, чего следует ожидать, — он знал об этом уже четыре года, — но в глубине души так и не смог до конца поверить, что такое возможно, и теперь стоял и молчал, словно пораженный громом. Перед ним внезапно явились живые свидетельства могущества современных генетических технологий — могущества, о котором было сказано столько красивых слов во время кампании по сбору средств и которое он раньше считал всего лишь ловким трюком, годным только для рекламных проспектов. Эти животные оказались такими громадными! Они просто гигантские! Больше, чем дом! И их здесь так много! Черт возьми, да это же настоящие живые динозавры! Настолько реальные, насколько это вообще возможно.

И Геннаро подумал: «Мы сделаем на этом парке целое состояние. Огромное состояние!»

И он понадеялся, что, с божьей помощью, на острове все пойдет благополучно.

Грант стоял на тропинке на склоне горы и не отрываясь смотрел на серые шеи динозавров, поднимавшиеся над пальмовыми деревьями. Его лицо покрылось бисеринками пота, голова слегка кружилась, как будто земля вдруг рванулась с места и стала стремительно уходить из-под ног. Он едва мог дышать. Потому что сейчас перед ним открылось зрелище, которое он даже не надеялся увидеть за всю свою жизнь. И вот он это видит, видит наяву.

Животные, которые паслись в окутанном туманной дымкой тропическом лесу, были определенно апатозавры — травоядные динозавры средних размеров. Потрясенному Алану припомнились научные сведения о них: северо-американские травоядные позднего юрского периода. Обычно их называют бронтозаврами. Впервые их останки обнаружены Э. Д. Коупом в Монтане, в тысяча восемьсот семьдесят шестом году. Этот вид динозавров связан с моррисоновской геологической формацией в Колорадо, Уте и Оклахоме. Совсем недавно Берман и Мак-Айтош внесли изменения в существовавшую классификацию диплодоков, основанную на очертаниях их

черепов. Традиционно считалось, что бронтозавры большую часть времени проводили, бродя по мелководным заливам, так как при их огромной массе в воде передвигаться было легче. Но эти, живые бронтозавры, которых Грант видел перед собой, находились явно не в воде и двигались, наверное, даже слишком проворно — их шеи скользили над верхушками пальмовых деревьев очень, очень быстро, на удивление быстро...

Грант громко расхохотался.

— В чем дело? — встревожился Хаммонд. — Разве что-то не так?

Грант покачал головой, но продолжал смеяться. Он просто не мог объяснить им, отчего ему так смешно, — Алан видел животных всего несколько секунд, но уже поверил в них и даже нашел в своих наблюдениях ответы на множество неразрешимых ранее вопросов, издавна занимавших палеонтологов всего мира.

Он все еще смеялся, а над зарослями покачивалось уже пятнадцать или шестнадцать длинных шей. Динозавры с интересом смотрели на группку людей. Они напомнили Гранту жирафов-переростков — у бронтозавров оказался такой же милый, хоть и глуповатый взгляд.

— Насколько я понимаю, это не электронные игрушки, — сказал Малкольм. — Зверушки выглядят слишком уж живо.

— Естественно, они живые! — откликнулся Хаммонд. — Так ведь и планировалось, разве нет?

Из зарослей, где стояли бронтозавры, снова донесся трубный рев. Сначала заревело одно животное, потом к нему присоединились все остальные.

— Слышите? Ревут, — сказал Регис. — Говорят нам: «Добро пожаловать на остров!»

Грант, как зачарованный, несколько минут стоял и слушал рев динозавров.

— Вам, наверное, интересно, что будет дальше? — спросил Хаммонд. — Мы продумали для вас полное расписание всего визита. На сегодняшнее утро у нас запланирована поездка по парку, вы сможете посмотреть на динозавров. На обеде я присоединюсь к вам и отвечу на все вопросы, если у кого-то они еще останутся. А теперь препоручаю вас мистеру Регису. Он вас проводит...

Вся группа пошла за Эдом Регисом к ближайшему зданию. Над дорожкой висел нарисованный от руки плакат со словами: «Добро пожаловать в парк юрского периода!»

3. ТРЕТЬЕ ПОВТОРЕНИЕ

При повторной перерисовке кривой подробности ее структуры становятся более явными.

Ян Малкольм

Парк юрского периода

Они шли к главному корпусу для посетителей по живому зеленому тоннелю из пальм, изогнувшихся над дорожкой наподобие декоративных арок. Гостей парка окружали целые заросли буйной тропической растительности, впрочем, размещенные в строгом, тщательно продуманном порядке — так, чтобы у всех, кто сюда попадал, создавалось стойкое впечатление, что они вступили в совершенно новый мир доисторических тропических лесов, оставив весь обычный мир где-то далеко позади.

Элли сказала Гранту:

— Они выглядят совсем неплохо.

— Да, — кивнул Алан. — Но мне бы хотелось рассмотреть их поближе. Я хочу потрогать подушечки их лап, осмотреть когти, своими руками ощупать их шкуру, открыть им челюсти и взглянуть на зубы. Пока я этого не сделаю, я не смогу до конца в них поверить. Но — да, согласен, выглядят они вполне прилично.

— Наверное, это несколько изменит вашу науку? — спросил Малкольм.

Грант покачал головой и сказал:

— Это изменит буквально всё.

Все сто пятьдесят лет, сколько существует палеонтология — с тех пор, как в Европе обнаружили кости гигантских доисторических животных, — изучение динозавров основывалось исключительно на методе научной дедукции. Палеонтологи могли только строить догадки и пред-

положения. Палеонтология была почти детективной наукой — ученые выискивали вещественные доказательства своих предположений в окаменевших костных останках и следах гигантских животных, исчезнувших с лица Земли много миллионов лет назад. И самыми лучшими палеонтологами считались те, кто умел на основе имеющихся свидетельств делать самые логичные умозаключения.

Все жаркие споры ученых по поводу динозавров основывались исключительно на логических предположениях — в том числе и горячее обсуждение вопроса о том, были ли динозавры теплокровными животными. Одним из самых активных участников этого обсуждения был профессор Алан Грант.

В научном мире принято было считать динозавров рептилиями, холоднокровными животными, которые получают тепло, необходимое для жизни, непосредственно из окружающей среды. Млекопитающие поддерживают постоянную температуру тела, извлекая энергию за счет переработки съеденной пищи. А пресмыкающиеся — или рептилии — этого не могут. И вот несколько палеонтологов, которых возглавили Джон Остром и Роберт Беккер из Йельского университета, высказали предположение, что концепция динозавров как медлительных холоднокровных существ не в состоянии объяснить некоторые особенности их костных останков. Эти ученые, пользуясь классическим дедуктивным методом, сделали ряд выводов на основании нескольких цепочек доказательств.

Во-первых, динозавры были преимущественно прямоходящими животными, в то время как подавляющее большинство современных ящериц и другие пресмыкающиеся передвигаются почти ползком, на четырех коротких, изогнутых ногах, прижимаясь к земле в поисках тепла. У ящерицы хватит энергии, чтобы пробежать выпрямившись, на задних лапах, лишь в течение нескольких секунд. Но у динозавров все конечности довольно длинные и прямые, а многие из древних ящеров вообще ходили только на мощных задних лапах. Среди современных животных только некоторые теплокровные млекопитающие и птицы могут передвигаться выпрямившись. Следовательно, типичная поза динозавров свидетельствует в пользу того, что они были теплокровными животными.

Потом Остром и Беккер занялись изучением обмена веществ в организме динозавров. Они подсчитали величину кровяного давления, необходимую для того, чтобы протолкнуть кровь, например, в шею брахиозавра, длина которой достигала шести метров. И на основании полученной цифры пришли к выводу, что такое давление может создать только мощное четырехкамерное сердце, какое свойственно только теплокровным животным.

Изучив отпечатки следов динозавров, сохранившиеся в окаменевшей грязи, эти ученые высчитали, что динозавры передвигались примерно с такой же скоростью, как человек. А для подобной физической активности необходимо поддерживать постоянную температуру тела.

Окаменевшие останки динозавров были обнаружены в арктической природной зоне, за Северным полярным кругом, — просто невозможно представить, что пресмыкающиеся могли жить в таком холодном климате. А последние работы по изучению группового поведения динозавров, основанные во многом на открытиях самого Алана Гранта, свидетельствуют о том, что у динозавров существовали сложные социальные взаимоотношения и древние ящеры совместно заботились о потомстве. А это совершенно нехарактерно для пресмыкающихся. Черепахи откладывают яйца, после чего теряют к ним всякий интерес. У динозавров же, очевидно, все обстояло совсем иначе.

Споры о теплокровной природе динозавров не утихали последние пятнадцать лет, и в конце концов новое представление о них как о быстрых, физически активных животных получило признание в научном мире. И все равно у этой концепции до сих пор находились ярые противники. Некоторые палеонтологи из-за этого вообще перестали разговаривать друг с другом.

Но теперь, когда с помощью клонирования наконец удалось вырастить живых динозавров — если, конечно, это действительно так, — вся палеонтология коренным образом переменится. Изучение динозавров по ископаемым останкам потеряет всякий смысл. Всем достижениям, которыми так гордились палеонтологи — музейным залам с огромными скелетами, вызывавшими такое восхищение у любопытных школьников, университетским

лабораториям, заставленным стеллажами с препаратами ископаемых костей, исследовательским диссертациям, научным журналам, — всему этому придет конец.

— А вы не очень-то взволнованы, — заметил Малкольм.

— Это уже обсуждалось в среде моих коллег. Многие считали, что такое возможно. Правда, вряд ли кто ожидал, что это произойдет так скоро, — ответил Грант.

— Обычная история! — рассмеялся Малкольм. — Все знают, что что-то обязательно случится, и все уверены, что это будет не скоро.

Проходя по дорожке, они больше не видели динозавров, но зато слышали их рев, доносившийся издали.

Грант сказал:

— Единственный вопрос, который меня занимает, — это откуда они взяли ДНК динозавров?

Грант знал, что уже не один год в генетических лабораториях Беркли, Токио и Лондона обсуждается возможность вырастить путем клонирования каких-нибудь исчезнувших животных — хоть тех же динозавров. И специалисты считают, что в принципе это вполне реально, — если только удастся добыть исходный материал — динозавровую ДНК. Проблема состоит в том, что все известные останки динозавров — окаменевшие, а в процессе окаменения ДНК разрушается, всю органику замещают неорганические соединения. Конечно, если бы удалось найти замороженного динозавра, или законсервированного в глубине торфяного болота, или мумифицированного в условиях жаркой пустыни — в таком случае вполне могла бы сохраниться ДНК, пригодная для генетических экспериментов.

Но никто и никогда еще не находил замороженных или мумифицированных динозавров. Соответственно, уже по одной этой причине клонирование динозавров считалось невозможным. Потому что клонировать просто нечего. И все самые современные генетические технологии ничего не могут с этим поделать. Это все равно что иметь в распоряжении ксерокопировальный аппарат, но не иметь оригинала, с которого можно делать копии.

Элли сказала:

— Воспроизвести настоящего динозавра невозможно,

потому что невозможно получить настоящую динозавровую ДНК.

— А вдруг существует способ, о котором мы просто не подумали? — возразил Грант.

— Какой это? — спросила девушка.

— Пока не знаю.

Они прошли за изгородь и увидели плавательный бассейн с проточной водой, которая выливалась из него несколькими небольшими водопадами в более мелкие каменные бассейны. Вокруг водоема росли огромные папоротники.

— Разве это не чудесно? — спросил Регис. — Эти растения воссоздают истинную атмосферу юрского периода, особенно в такие пасмурные дни. Это, конечно же, настоящие доисторические папоротники.

Элли ненадолго задержалась возле папоротников, чтобы рассмотреть их получше. Да, Регис сказал чистую правду — это действительно были древние папоротники вида *Serenna veriformans*, растения, окаменевшие остатки которых в изобилии находили в геологических формациях возрастом примерно в двести миллионов лет. Сейчас такие растения встречаются, в основном, только во влажных тропических лесах Бразилии и Колумбии. Но тот, кто разместил именно эти папоротники вокруг плавательного бассейна, наверняка ничего не смыслил в растениях и, конечно же, не знал, что споры этих папоротников содержат смертельно ядовитый алкалоид бета-карболин. Даже одного прикосновения к красивым, кружевным зеленым листьям достаточно, чтобы человек отравился и почувствовал себя дурно. А если вдруг какой-нибудь ребенок возьмет листья в рот, он почти наверняка погибнет, — алкалоид, содержащийся в папоротнике, в пятнадцать раз ядовитее олеандра.

«Люди иногда так легкомысленно относятся к растениям, — подумала Элли. — Они выбирают растения только по внешнему виду, как будто это картинка, которой собираются украсить стену. Им даже в голову не приходит, что растения — это живые создания, в которых интенсивно исполняются все жизненные функции: дыхание, питание, выделение, размножение — и защита».

Но Элли, как никто другой, знала, что в процессе эволюции между растениями постоянно происходила борьба за выживание, такая же, как в животном мире, а иногда и более жестокая. И ядовитые споры *Serenna veriformans* — далеко не самое изощренное средство из химического арсенала, выработанного растениями. Существуют растения, которые разбрызгивают вокруг себя ядовитый сок, отравляющий почву и подавляющий рост растений-конкурентов. У других растений стебель и листья напитаны алкалоидом, который делает их неприятными на вкус для насекомых и травоядных животных (и детей). Растения испускают особые феромоны — для общения друг с другом. Когда на одну дугласию — гигантскую пихту, произрастающую на Тихоокеанском побережье США и Канады, нападают жуки-короеды, она выпускает особые фитонциды, отпугивающие насекомых, и почти сразу то же самое делают другие дугласии, даже в очень отдаленных районах леса. Это происходит под воздействием предупредительного аллеохимиката — его выделяет растение, подвергшееся нападению.

Люди, которым жизнь дикой природы на Земле представляется в виде животных, привольно разгуливающих на фоне зелени, очень сильно ошибаются — они совсем не видят того, на что смотрят. Потому что этот «зеленый фон» тоже очень даже живой. Растения живут своей собственной жизнью — растут, перемещаются, извиваются, поворачиваются и тянутся к солнцу. И они непрерывно взаимодействуют с животными — защищаются от них толстой корой и колючками, отравляют их своими алкалоидами или, наоборот, служат пищей, чтобы обеспечить собственное размножение, разнести как можно дальше с помощью животных свои споры и семена. Жизнь растений — это сложный динамический процесс, которому Элли никогда не переставала изумляться. Однако, как ни прискорбно, большинство людей этого просто не понимают.

Вот и создатели парка юрского периода высадили ядовитые папоротники возле плавательного бассейна... Такая неосторожность — очень тревожный признак, который заставляет задуматься — действительно ли они здесь так

тщательно все продумали, как желают показать? Весьма сомнительно.

— Ведь это просто великолепно, не правда ли? — продолжал Эд Регис. — А если взглянуть вверх, то перед вами предстанет наш охотничий домик. — Элли подняла голову и увидела необычное, несколько картинное приземистое здание с рядами стеклянных пирамидок на крыше. — Именно в нем вы остановитесь, пока будете гостить в нашем парке.

Комнаты, которые выделили Алану Гранту, были заполнены в бежевых тонах, с мебелью из ротанга (особого вида пальмового дерева), покрытой темно-зеленым растительным орнаментом. Отделка номера была еще не совсем закончена — в чулане валялись какие-то доски, а на полу обрезки электрических проводов. В углу стоял телевизор, на котором лежал листок бумаги с программой:

2-й канал: «Гипсилофодонты в высокогорье».

3-й канал: «Земли трицератопсов».

4-й канал: «Динозавры болот».

5-й канал: «Страна хищников».

6-й канал: «Стегозавры юга».

7-й канал: «Долина велоцирапторов».

8-й канал: «Пик птерозавров».

Названия показались Алану чересчур завлекательными и напыщенными. Он включил телевизор, но на экране появились только черно-белые полосы. Алан выключил его, пошел в спальню и бросил чемодан на кровать. Над самой кроватью в потолке имелось большое окно с пирамидальным стеклянным колпаком, через которое ночью виднелось звездное небо. Это должно было вызывать довольно волнующее ощущение — как будто ты спишь прямо под звездами. Но прозрачный колпак был защищен прочными металлическими решетками, и небо получалось в клеточку, как в тюрьме. И днем на кровать падали перекрешенные полосы тени. В общем, из-за этих решеток портилось все впечатление.

Грант задумался. Он хорошо помнил планы Охотничьего домика, и никаких решеток на стеклянных пира-

мидках в планах не было. При внимательном осмотре он обнаружил, что решетки были добавлены позже — черную стальную раму закрепили снаружи стеклянных стен пирамидки, а потом к этой раме приварили прутья.

Несколько озадаченный, Грант перешел из спальни в гостиную. Из окна его гостиной был виден плавательный бассейн.

Тут в его номер вошла Элли и сказала:

— Кстати, Алан, ты в курсе, что эти папоротники ядовиты? И ты заметил, что-то не так с этими комнатами?

— Они изменили планы.

— Мне тоже так показалось, — девушка осмотрела комнату. — Окна слишком маленькие. И стекло явно повышенной прочности, небьющееся. А рамы — стальные. Интересно, зачем такие предосторожности? Между прочим, ты хорошо рассмотрел изгородь, когда мы сюда шли?

Грант кивнул. Все здание окружала решетчатая изгородь из стали толщиной в два с половиной сантиметра. Изгородь была умело декорирована растительностью и выкрашена в неброский темный цвет, но никакие косметические эффекты не могли скрыть толщину железных прутьев и трехметровую высоту ограждения.

— По-моему, этой ограды на плане тоже не было, — заметила Элли. — Создается впечатление, будто им почему-то пришлось превращать это место в неприступную крепость.

Грант посмотрел на часы.

— Нужно окончательно все проверить, а потом только спрашивать — почему? — сказал он. — Кстати, экскурсия начинается через двадцать минут.

Когда Землей правили динозавры

Все встретились в Гостевом центре — небольшом двухэтажном здании, сделанном целиком из стекла, с черными анодированными опорами и перекладинами. Гранту показалось, что это сооружение намеренно выстроили в суперсовременном стиле.

В Гостевом центре имелась небольшая аудитория, в которой основное место занимал огромный механический тиранозавр, *Tirannosaurus rex*, грозно нависавший у

входа и развернутый в направлении подиума. Над подиумом красовался плакат с надписью: «Когда Землей правили динозавры». Чуть дальше виднелись другие плакаты: «Что такое динозавр?» и «Мир в мезозойскую эру». Подиум был еще не совсем доделан, по всему полу тянулись в разные стороны какие-то шнуры и электрические провода. Геннаро взобрался на ступеньки подиума и обратился к Гранту, Элли и Малкольму с речью. В пустом зале его голос отдавался гулким эхом.

Хаммонд сидел сзади, скрестив руки на груди.

— Сейчас мы отправимся осматривать парк, — говорил Геннаро. — Уверен, что мистер Хаммонд и его сотрудники постараются представить нам все в лучшем виде. Но прежде чем мы начнем экскурсию, я хотел бы напомнить, зачем мы сюда явились и какое решение мне нужно принять до того, как мы покинем остров. В общем и целом, как вы уже поняли, этот остров — новый аттракцион для туристов. Он представляет собой нечто вроде зоопарка динозавров, выращенных с применением генной инженерии и содержащихся в близких к естественным условиям. Пока еще аттракцион закрыт для туристов, но должен открыться до конца этого года. Вопрос, который нам нужно совместно решить, один — безопасен ли этот парк? Безопасен ли он для посетителей и в безопасности ли находящиеся здесь динозавры?

Геннаро продолжал:

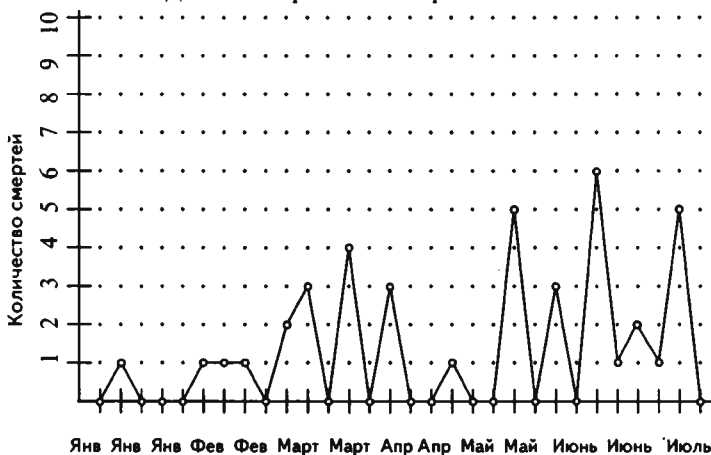
— Мы также должны разобраться с двумя тревожными сигналами, поступившими из разных мест. Во-первых, это опознанный доктором Грантом неизвестный ранее вид динозавров, который был обнаружен в Коста-Рике. У нас имеется только часть тела этого динозавра. Его нашли в нынешнем июле, на пляже, после того как это животное предположительно покусало там американскую девочку. Чуть позже доктор Грант расскажет о случившемся подробнее. Я затребовал фрагмент динозавра сюда из нью-йоркской лаборатории, где он хранится, — чтобы мы могли детально изучить его на месте. Но это еще не все.

В Коста-Рике хорошо налажена государственная медицинская служба, — Геннаро рассказывал дальше. — Они собирают для статистического анализа очень много

разнообразных сведений. И вот, начиная с марта этого года, в медслужбу стали поступать сообщения о случаях нападения ящериц на спящих в колыбелях младенцев. Кроме того, я должен добавить следующее — ящерицы кусали еще и стариков, которые очень крепко спали. О появлении таких ящериц время от времени сообщали из разных прибрежных поселков в районе между Исмалойей и Пунтаренасом. Но уже в апреле сообщения об укусах ящериц прекратились. Тем не менее я получил в Управлении здравоохранения в Сан-Хосе сведения о детской смертности в населенных пунктах западного побережья за этот год. Вы можете видеть их на таблице...

Геннаро выключил в зале свет и высветил на стене график:

Детская смертность: январь — июль

— Обратите внимание на две характерные особенности этой таблицы, — предложил Геннаро. — Во-первых, детская смертность в январе и феврале очень низкая, потом она резко повышается в марте, в апреле — снова снижается. А начиная с мая показатели детской смертности снова резко возрастают, и так продолжается вплоть до июля — то есть того времени, когда ящерица покусала американскую девочку. В Управлении здравоохранения считают, что на детскую смертность заметное влияние оказывают какие-то новые факторы, о которых медработники из прибрежных поселков просто не сообщают. Вто-

рая особенность таблицы — поразительно регулярное увеличение смертности каждые две недели. Это свидетельствует о том, что на детскую смертность влияет какое-то непостоянное явление, которое изменяется со строгой периодичностью.

Он снова включил свет.

— Вот какие тревожные сигналы мы должны разоб-
брать. А теперь, есть ли у кого-нибудь...

— Мы сэкономим массу драгоценного времени, — пре-
рвал его Малкольм, — потому что я могу все объяснить.

— Так объясните... — попросил Геннаро.

— Пожалуйста! Во-первых, скорее всего эти живот-
ные попали на материк с острова.

— Вот дерьмо! — проворчал Хаммонд себе под нос.

— Во-вторых, колебания детской смертности, кото-
рые так обеспокоили Управление здравоохранения, на-
верняка не связаны с удравшими животными.

Грант спросил:

— Почему вы так считаете?

— Вы все, наверное, обратили внимание на то, как колеблется частота детской смертности в этой таблице, — начал объяснять Малкольм. — Такая периодичность ха-
рактерна для многих сложных систем. Возьмем, для при-
мера, воду, капающую из неплотно закрытого крана. Если кран открыт совсем чуть-чуть, то капли падают постоянно — кап, кап, кап... Но если открыть кран чуть силь-
нее — в потоке воды появляются турбулентные завихре-
ния, и капли получаются разной величины — одни боль-
ше, другие меньше. И капают они уже иначе: кап-кап,
кап-кап, кап-кап... Примерно то же самое мы видим на
таблице. Можете сами попробовать. Турбулентные завих-
рения порождают нерегулярность — это основной при-
знак сложной системы. Точно такой же нерегулярный, но
периодичный график получается при описании распро-
странения в популяции любой новой болезни.

— Но почему вы так уверены, что это не связано со
сбежавшими динозаврами? — спросил Грант.

— Потому что это нелинейная зависимость, — пожал
плечами Малкольм. — Для такого понадобились бы мно-
гие сотни сбежавших динозавров. А мне что-то не верит-

ся, что их могло сбежать так много. Поэтому я считаю, что на периодичность детской смертности оказывает воздействие какой-то другой фактор, изменяющий качественные характеристики среды — подобно турбулентным завихрениям в струе воды.

Геннаро сказал:

— Но вы твердо уверены, что динозавры сбежали с острова?

— Вероятнее всего — да.

— Но вследствие чего?

— Вследствие того, что вы пытаетесь здесь воспроизвести. Подумайте, ведь этот остров — попытка воссоздать естественные природные условия, в которых когда-то обитали динозавры. Вы хотели искусственно создать изолированную территорию, на которой вымершие некогда животные чувствовали бы себя совершенно свободно. Правильно я понимаю?

— Да.

— С моей точки зрения, соблюсти эти условия практически невозможно. Математические расчеты здесь настолько очевидны, что не надо даже братья за калькулятор. Это все равно как если бы я спросил у вас, какой налог надо заплатить с дохода в миллиард долларов. Вам не придется это высчитывать — вы и так прекрасно знаете сумму налоговых вычетов. И точно так же я абсолютно точно знаю, что невозможно успешно воспроизвести таким образом природные условия или удержать животных в изоляции.

— Но почему бы и нет? В конце концов, существуют же зоопарки...

— В зоопарках не воспроизводятся естественные условия обитания, — заявил Малкольм. — Давайте проясним это до конца. При создании зоопарков берут уже существующие природные условия и немного их видоизменяют для того, чтобы обеспечить ограждение и укрытия для животных. И даже такие незначительные изменения не всегда оказываются удачными, а то и вообще невозможны. Животные постоянно убегают из зоопарков. Но зоопарки нельзя рассматривать в качестве модели этого парка на острове. Вы хотите сотворить в этом парке нечто

гораздо более претенциозное — это больше похоже на попытку построить на земле космическую станцию.

Геннаро покачал головой.

— Не понимаю, что вы имеете в виду?

— Ну, это же так просто! Предполагается, что все в вашем парке будет изолировано, ограничено территорией острова — за исключением разве что воздуха, который циркулирует свободно. Ничего не должно попадать внутрь этой закрытой системы, ничего не должно из нее выходить. Животные, которые здесь содержатся, ни в коем случае не должны взаимодействовать с огромной экосистемой всего остального мира. Они не должны отсюда убегать.

— А они и не убегают! — фыркнул Хаммонд.

— Такая полная изоляция невозможна, — спокойно возразил Малкольм. — Этого просто нельзя сделать, и все.

— Это возможно. Такое делается постоянно!

— Прошу прощения, но вы совершенно не понимаете того, о чем говорите, — сказал Малкольм.

— Ах ты, самонадеянный сопляк! — не выдержал Хаммонд. Он вскочил с места и быстро вышел из комнаты.

— Господа, господа, не надо ссориться. Ближе к делу, — предложил Геннаро.

— Прошу меня извинить, но факт остается фактом, — продолжал Малкольм. — То, что мы обычно называем «природой», на самом деле очень сложная система со множеством тонких внутренних взаимосвязей, которые мы зачастую просто не хотим воспринимать. Людям кажется, что достаточно вообразить себе упрощенную модель природы и наскоро сляпать ее из подручных материалов. Сколько раз это может повторяться? Сколько раз мы должны расшибить себе лоб, чтобы перестать биться о стену? Мы построили в Египте Асуанскую плотину и решили, что страна сразу начнет процветать. Но что получилось из этого на самом деле? Плодородная дельта Нила уничтожена, множатся паразитарные заболевания, вся экономика Египта подорвана. Мы построили...

— Прошу прощения, — прервал его Геннаро. — Мне показалось, я слышу шум вертолета. Наверное, это при-

везли препарат, чтобы доктор Грант на него взглянул. — И Геннаро направился к выходу. Все остальные последовали за ним.

Стоя на вертолетной площадке у подножия горы, Геннаро орал, перекрикивая шум работающих моторов вертолета. Он орал так, что вены у него на шее вздулись от напряжения.

— Что, что вы сделали? Кого вы там еще пригласили?!

— Успокойтесь, — попросил Хаммонд.

Геннаро даже взвизнул:

— Да у вас что, совсем мозгов нет, черт возьми?!

— А теперь лучше послушайте, что я скажу! — выкрикнул Хаммонд, расправив плечи и выкатив грудь. — По-моему, вам надо хорошенько кое-что уяснить...

— Нет! — рывкнул на него Геннаро. — Нет, это вам надо кое-что уяснить! Это вам — не светский прием! Это вам не экскурсия выходного дня!..

— Это мой остров! И я могу приглашать сюда кого пожелаю!

— На вашем острове идет серьезное расследование, поскольку ваши инвесторы подозревают, что ситуация здесь вышла из-под контроля. Мы считаем, что это очень опасное место, и...

— Но вы же не собираетесь закрыть мой проект, Дональд?

— Если придется — я это сделаю!

— Здесь безопасно — что бы там ни плел этот полоумный математик!..

— А это — вряд ли!

— И я собираюсь вам продемонстрировать, насколько здесь безопасно...

— А я приказываю вам посадить их обратно в вертолет и отправить отсюда как можно быстрее, — сказал Геннаро.

— Это невозможно, — Хаммонд пожал плечами и показал на облака. — Вертолет уже улетел.

И в самом деле, стрекот вертолета совсем затих.

— Черт вас побери, разве вы не понимаете, что подвергаете их совершенно ненужному риску?..

— Ой, да бросьте вы! — отмахнулся старик. — Давайте

обсудим это в другой раз. Я не хочу понапрасну расстраивать детей.

Грант повернул голову и увидел, как по горной тропинке от вертолетной площадки спускаются двое детей в сопровождении рыжего Эда Региса. Очкастый мальчик лет одиннадцати и девочка помладше — может, лет семи-восьми, в бейсбольной кепочке, из-под которой выбивались пушистые белокурые волосы. Через плечо у девочки висела бейсбольная перчатка. Ребятишки проворно спустились по дорожке и остановились неподалеку от Геннаро и Хаммонда.

Геннаро едва слышно прошептал:

— О господи!

— Ну же, что это вы, в самом деле! — сказал Хаммонд. — Их родители разводятся, и я хочу, чтобы малыши немного развеялись здесь в выходные.

Девочка весело замахала руками и крикнула:

— Привет, дедушка! А мы уже приехали!

Экскурсия

Тим Мерфи сразу сообразил, что тут что-то не так. Его дедушка стоял напротив молодого краснолицего дядьки и о чем-то горячо с ним спорил. А остальные взрослые рядом с ними казались смущенными, и как будто им было неловко. Алексис тоже почувствовала, что они появились не вовремя — девчонка немного отстала и начала подбрасывать в воздух свой бейсбольный мячик. Тим подтолкнул сестру:

— Давай, иди к ним!

— Сам иди, Тимми!

— Не выделяйся!

Лекс только посмотрела на него, а Эд Регис бодрым голосом заявил:

— Сейчас я вас со всеми познакомлю, и мы отправимся на экскурсию...

— Мне надо отойти, — сказала Лекс.

— Тогда я представляю тебя первой, — нашелся Эд Регис.

— Нет, мне надо в кустики! — заупрямилась девочка.

Но Эд Регис уже начал их со всеми знакомить. Сперва

он подвел ребят к дедушке — и дед обоих поцеловал, потом их представили человеку, с которым дедушка спорил. Это был крепкий, мускулистый парень, и звали его Геннаро. Остальных Тим по именам не запомнил. Там были еще молодая блондинка в коротких шортах и бородатый мужик в потертых джинсах и гавайской рубашке, который, похоже, много времени проводил на открытом воздухе. Потом еще был толстый парень-старшеклассник, который что-то там делал с компьютерами, и, наконец, — тощий парень в черном. Этот не стал здороваться за руку, а просто кивнул им. Тим попытался разобраться в новых впечатлениях и для того, чтобы сосредоточиться, уставился на длинные ноги блондинки. И тут до него внезапно дошло, кто на самом деле этот бородатый в джинсах.

— У тебя рот разинут, — сказала сестренка.

Тим, как зачарованный, произнес:

— А я его знаю!

— Ясно дело, знаешь — вас же только что познакомили.

— Нет! У меня есть его книга.

Бородатый мужчина спросил:

— Какая книга, Тим?

— «Исчезнувший мир динозавров», — без запинки ответил мальчик.

Лекс захихикала:

— Папа говорит, у Тима в голове одни динозавры...

Тим ее даже не услышал. Он лихорадочно вспоминал все, что знает о профессоре Алане Гранте. Алан Грант был одним из самых ярых защитников теории теплокровности динозавров. Он много лет проводил раскопки в месте под названием «Гора яиц» в Монтане, которое знаменито тем, что там найдено огромное количество динозавровых яиц. Профессор Грант откопал большую часть всех известных в мире динозавровых яиц. А еще он хорошо рисует и сам иллюстрирует свои книги.

— В голове одни динозавры? — переспросил бородатый мужчина. — Ну, должен признаться, у меня у самого точно такие же проблемы.

— Папа говорит, что динозавры — это глупость, а Тиму надо побольше бывать на воздухе и играть в подвижные игры, — сказала девочка.

Тиму стало неловко.

— Тебе, кажется, хотелось в кустики? — язвительно спросил он.

— Ничего, потом схожу.

— А ты вроде бы так спешила...

— Мне лучше знать! Разве я не права, а, Тимоти? — сказала девчонка и уперла руки в бока, копируя любимую мамину позу, — когда мама сердится, она всегда становится так.

— Знаете что? Давайте-ка лучше все вместе пойдем к домику для гостей, а оттуда отправимся на экскурсию! — предложил Эд Регис.

Все потихоньку пошли к этому самому домику. Тим случайно услышал, как Геннаро прошептал на ухо дедушке: «Я готов вас придушить за это», но потом Тим поднял голову и увидел, что профессор Грант идет совсем рядом.

— Сколько тебе лет, Тим?

— Одиннадцать.

— И давно ты интересуешься динозаврами? — спросил Грант.

Тим сглотнул и ответил:

— Уже давно, — мальчишка очень волновался — ведь он разговаривал с самим профессором Грантом! — Мы иногда ходили в музеи, когда мне удавалось уговорить родителей, то есть папу.

— Твоему папе это неинтересно?

Тим кивнул и рассказал Гранту о том, что случилось, когда их семейство последний раз побывало в Музее Естественной Истории. Мерфи-старший, папа Тимоти, посмотрел на один скелет и сказал:

— Вот это громадина!

Тим его поправил:

— Нет, папа, это динозавр средних размеров, называется «камптозавр».

— Да какая разница! По-моему, он просто здоровенный.

— Но папа, это скелет молодого динозавра. Взрослые были еще больше.

Отец прищурился, разглядывая экспонат.

— Надо же, аж из юрского периода!

— Да ты что! Нет, конечно! Из мелового.

— Мелового? Какая, к черту, разница между юрским периодом и меловым?

— Ну, примерно в сто миллионов лет, — сообщил Тим.

— Меловой был раньше?

— Нет, папа, позже. Юрский период древнее.

— Ну-у... — сказал папа, отступая на шаг. — Все равно, как по мне, эта скотина чертовски здоровая, — и повернулся к Тиму, ожидая его согласия. Тим знал, что с папой лучше соглашаться сразу, но только пробормотал в ответ что-то невразумительное. И они пошли к следующему экспонату.

Тим долго стоял перед скелетом тиранозавра, научное название — *Tyrannosaurus rex*, самого сильного и свирепого хищника за всю историю Земли. Наконец отец не выдержал и спросил:

— Что ты на него так уставился?

— Я пересчитываю позвонки, — ответил Тим.

— Позвонки?

— Это кости позвоночника.

— Я и без тебя знаю, что такое позвонки! — рассердился отец. Они постояли там еще какое-то время, потом отец спросил: — А зачем ты их считаешь?

— По-моему, они ошиблись. У тиранозавра в хвосте должно быть только тридцать семь позвонков. А в этом скелете — больше... — объяснил Тим.

Папа возмутился:

— Да что ты мелешь? Ты что, хочешь мне сказать, что в Музее Естественной Истории демонстрируют неправильный скелет?

— Но он неправильный...

Папа развернулся и зашагал к служителю музея, сидевшему в уголке.

— Тимоти! Что ты еще натворил? — спросила мама.

— Ничего я не натворил, — ответил Тим. — Я только сказал, что этот динозавр неправильный, и все...

Тут вернулся папа, чрезвычайно довольный, с улыбкой на лице — потому что служитель, конечно же, подтвердил, что в хвосте этого тиранозавра действительно некоторые позвонки лишние.

— Нет, но откуда ты узнал, а? — спросил папа.

— Прочитал, — сказал Тим.

— Просто удивительно, сын, — сказал папа и похлопал Тима по плечу. — Ты знаешь, сколько костей должно быть в хвосте какого-то динозавра! Впервые в жизни встречаюсь с подобным казусом. У тебя точно в голове — одни динозавры.

Потом папа заявил, что по телевизору показывают бейсбол, играет его любимая команда, и он хочет успеть посмотреть вторую половину матча. Лекс тоже захотела посмотреть бейсбол, и они ушли — все вместе. А Тим больше не увидел ни одного динозавра, хотя именно ради этого они и приходили в музей. Но у них в семье всегда так бывает...

«В семье всегда так бывало», — поправил себя Тим. Потому что теперь, когда отец с матерью разведутся, все, наверное, будет совсем по-другому. Папа уже переехал от них в другую квартиру, и, хотя поначалу было немножко непривычно, Тиму все равно так больше нравилось. Он подозревал, что у мамы есть любовник, но наверняка не знал, и уж точно ни за что не стал бы говорить об этом сестре. Лекс тяжело переносила разлуку с любимым папочкой и за последние несколько недель сделалась совершенно несносной. Девчонка стала такой противной, что...

— Это был номер 5027? — спросил Грант.

— А? Простите, я задумался, — сказал Тим.

— Я про того тиранозавра в музее. Это был экспонат номер 5027?

— Да. А откуда вы знаете?

Грант улыбнулся.

— Я уже не один год твержу им, чтобы его исправили. Но теперь они, наверное, уже никогда этим не займутся.

— Это почему?

— Из-за того, что здесь происходит, — ответил Грант. — Здесь, на острове твоего дедушки.

Тим покачал головой. Мальчик не понял, о чем говорит Грант.

— Мама сказала, что это просто курорт такой, ну, знаете — с бассейнами и теннисными кортами...

— Не совсем так, мой мальчик. Не совсем, — сказал Грант. — Потом как-нибудь объясню, когда мы будем одни.

«Ну вот, теперь из меня сделали чертову няньку, я должен подтирать сопли этой мелюзге!» — думал Эд Регис, ожидая возле Гостевого центра, и от раздражения притопывал ногой. Именно это и сказал ему старик: «Все выходные будешь присматривать за моими ребятишками. Не спускай с них глаз. Если что не так — ответишь за них головой!»

Эду Регису это совсем не понравилось. Он не заслужил такого обращения. Надо же так его унижить! Он не какая-то там нянька-сиделка.

И не какой-нибудь никчемный экскурсовод, пусть даже и для Особо Важных Персон. Он — начальник отдела по связям с общественностью в парке юрского периода, и до открытия парка — между прочим, осталось меньше года! — надо еще успеть выполнить огромный объем работ, а время уходит. На одно только то, чтобы договориться со всеми рекламными фирмами в Сан-Франциско и Лондоне и с агентствами в Нью-Йорке и Токио, ушла чертова уйма сил и энергии — особенно если учесть, что представителям агентств нельзя было даже намекнуть, что за аттракционы будут в нашем парке! Эти фирмы организовали несколько рекламных кампаний, так, ничего особенного, — и все безуспешно. С творческими личностями надо обращаться бережно. Их надо ценить и ободрять, чтобы они делали лучшее, на что способны. Нельзя заставлять людей творчества бессмысленно тратить свое драгоценное время, выгуливая по зоопарку толпу ученых.

Но таковы особенности работы в сфере рекламы и связей с общественностью — никто не желает видеть в тебе профессионала. Регис работает здесь уже семь месяцев, постоянно мотается то с острова, то на остров, а они все равно продолжают сваливать на него всякие щекотливые ситуации. Взять хотя бы тот несчастный случай в январе. С этим должен был разбираться Хардинг! Хардинг, или Оуэнс — главный подрядчик. Так нет же, пришлось все расхлебывать Эду Регису! Да какое он вообще имеет отношение к заботам о пострадавшем рабочем? А теперь

вот Региса снова осчастливили — взвалили на него обязанности няньки и экскурсовода. Регис повернулся и пересчитал людей. Так и есть, одного не хватает!

Но тут появилась Элли Саттлер — вышла из туалета.

— Ну, что ж, гости дорогие, давайте начинать экскурсию! Сейчас мы все поднимемся на второй этаж...

Тим вместе со всеми пошел за мистером Регисом по черным, подвешенным в воздухе ступенькам на второй этаж. Они прошли мимо надписи:

ЗАКРЫТАЯ ЗОНА.

ВХОД — ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ПАРКА

Мальчик разволновался, прочитав надпись. И вот они пошли по коридору второго этажа. Одна стена коридора была целиком стеклянная, сквозь нее виднелся балкон и окутанные туманом пальмовые деревья внизу. В противоположной стене было несколько дверей с трафаретными надписями, словно в каком-нибудь офисе: «ОХРАНА ПАРКА», «ОБСЛУЖИВАНИЕ ПОСЕТИТЕЛЕЙ», «ГЛАВНЫЙ МЕНЕДЖЕР»...

Коридор был разделен на две половины стеклянной перегородкой, тоже покрытой надписями:

ВНИМАНИЕ! БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ!

Лаборатория соответствует требованиям инструкции
УСГ П4/ЕК3 по работе с генетическим материалом.

Чуть пониже виднелись другие надписи:

ОСТОРОЖНО! ТЕРАТОГЕННЫЕ ВЕЩЕСТВА!
БЕРЕМЕННЫМ ЖЕНЩИНАМ ВХОДИТЬ ЗАПРЕЩЕНО!

и

ОПАСНО!

РАДИОАКТИВНЫЕ ИЗОТОПЫ! КАРЦИНОГЕНЫ!

Тиму становилось все интереснее и интереснее. Терагенные вещества! Штуки, с помощью которых делают чудовищ! Мальчику стало немного страшновато, и он даже немного растерялся, услышав, как Регис говорит:

— Не обращайтесь внимания на эти надписи, это все только для соблюдения требований по устройству лабораторий. Уверяю вас, здесь абсолютно безопасно. — И он по-

вел всех дальше, за стеклянную дверь. С той стороны у двери сидел охранник. Эд Регис обратился к экскурсантам:

— Вы, наверное, уже заметили, что на нашем острове минимальное количество персонала. Для того чтобы полностью обслуживать весь парк, достаточно всего двадцати человек. Конечно, когда парк начнет принимать посетителей, сотрудников будет больше, но пока у нас здесь только двадцать. Здесь находится пульт управления. Именно отсюда контролируется весь парк.

Все остановились и стали рассматривать через окна полутемную комнату, похожую на уменьшенную версию Центра управления космическими полетами. В комнате возвышалась огромная карта всего острова, нанесенная на прозрачное стекло, а перед ней — панели управления компьютерами и множество небольших работающих мониторов. На некоторых мониторах пробегали цифры, но большинство показывали видеоизображения разных частей парка. В комнате было только два человека, они стояли и разговаривали.

— Слева — наш главный инженер, Джон Арнольд, — Регис указал на худошавого мужчину в рубашке с короткими рукавами и при галстукке. Главный инженер курил сигарету. — А рядом с ним — один из охранников парка, Роберт Малдун, знаменитый белый охотник из Найроби. — Малдун был жилистый и мускулистый, одевался в хаки. Из нагрудного кармана его рубашки выглядывали темные очки от солнца. Он посмотрел на посетителей, коротко кивнул и повернулся к компьютерным мониторам. — Вам, конечно же, захочется лучше осмотреть эту комнату, — продолжал Эд Регис. — Но сперва давайте посмотрим, как нам удалось получить ДНК динозавров.

Дверь с табличкой «Экстракция», так же как все другие двери в здании, открывалась с помощью электронной карточки — удостоверения личности сотрудника. Эд Регис сунул карточку в анализатор, мигнула сигнальная лампочка, и дверь открылась.

За дверью оказалась маленькая комнатка, залитая зеленым светом. Четверо техников-лаборантов в рабочих халатах смотрели в мощные стереомикроскопы с двумя

зрительными трубами или разглядывали увеличенное изображение на видеоэкранах. В комнате было полно каких-то желтых камней. Эти желтые камни лежали на стеклянных стеллажах, в картонных коробках, в больших грузовых тележках на колесиках. На каждом камне имелась этикетка с надписью и порядковым номером.

Регис представил гостям Генри Ву, стройного человека лет тридцати.

— Доктор Ву — наш главный генетик. Сейчас он объяснит вам, чем мы здесь занимаемся.

Генри Ву улыбнулся.

— По крайней мере, я попытаюсь, — сказал он. — Генетика — довольно непростая наука. Но всем вам, наверное, очень интересно, откуда же взялись наши динозавры...

— Эта мысль не выходит у меня из головы, — признался Грант.

— Собственно говоря, существует два возможных источника динозавровой ДНК, — сказал Ву. — Иногда можно извлечь ДНК динозавров непосредственно из их костей — с помощью лоевской методики экстракции антител.

— И каково же качество получаемого материала? — спросил Грант.

— Конечно, самые легкорастворимые протеины утрачиваются в процессе окаменения, но около двадцати процентов белков остаются в пригодном для использования состоянии — если правильно измельчить кости и сделать из них вытяжки методом Лоя. Сам доктор Лой использует эту технику для получения протеинов вымерших сумчатых животных Австралии, а также для извлечения кровяных телец из останков древних людей. Его методика настолько тонкая, что позволяет работать всего с пятьюдесятью нанограммами материала — а это одна пятидесятиллиардная часть грамма.

— И вам удалось успешно применить его методику? — спросил Грант.

— Мы используем ее только как дополнительный метод, — ответил Ву. — Как вы сами понимаете, двадцати процентов исходного генетического материала явно недостаточно для нашей работы. Для клонирования необходи-

ма полная цепочка динозавровой ДНК. И мы ее получили, — он показал на склад желтых камней. — Мы извлекли ее из янтаря — окаменевших кусков смолы доисторических деревьев.

Грант посмотрел на Элли, потом — на Малкольма.

— Да, очень разумный подход, — кивнул Малкольм.

— Я по-прежнему ничего не понимаю, — признался

Грант.

Ву стал объяснять:

— Древесная смола нередко оказывается ловушкой для насекомых — они прилипают к смоле и остаются в ней навсегда. Внутри куска смолы древние насекомые прекрасно сохраняются без всякого окаменения. В янтаре можно обнаружить насекомых совершенно разных видов — в том числе и кровососущих, которые питались кровью крупных животных.

— Питались кровью... — повторил Грант и почувствовал, что не может закрыть рот от удивления. — Вы имеете в виду — питались кровью динозавров?..

— К счастью, это действительно так.

— А потом эти кровососы попадали в смолу... И кровь динозавров консервировалась внутри янтаря, — Грант покачал головой. — Черт возьми, а ведь здорово придумано! Это действительно может сработать...

— Уверяю вас, это действительно сработало, — сказал Ву.

Он подошел к одному из микроскопов. На предметном стекле был установлен кусочек янтаря с заключенным внутри насекомым. Увеличенное изображение передавалось на видеомонитор — сквозь толщу янтаря в тельце доисторического насекомого введена тончайшая полая игла.

— Если в теле этого насекомого содержатся какие-нибудь чужеродные клетки, мы можем извлечь их — и получим палео-ДНК, клетки с полностью сохранившимся генетическим материалом доисторических животных. Конечно, ДНК нужно сперва извлечь, потом реплицировать¹ и подробно изучить — и только тогда мы наверняка узнаем, ка-

¹ Репликация — процесс удвоения каждой из двух цепочек ДНК, который лежит в основе размножения клеток.

кому животному она принадлежит. Именно этим мы и занимались последние пять лет. Это длительный, трудоемкий и дорогостоящий процесс — но результат окупает все затраты. Собственно говоря, ДНК динозавров таким способом получить даже проще, чем генетический материал млекопитающих. Потому что в красных кровяных клетках млекопитающих нет ядра, а следовательно — нет и ДНК. Чтобы клонировать млекопитающее, понадобилось бы найти белую кровяную клетку, а они встречаются гораздо реже красных. Однако у динозавров красные кровяные клетки — с ядром, как у современных птиц. Это одно из доказательств того, что на самом деле динозавры — не пресмыкающиеся. Они гораздо ближе к птицам — можно сказать, что это бесперые, кожистые птицы.

Тим заметил, что профессор Грант отнесся к словам доктора Ву с недоверием, а неряшливому толстяку Деннису Недри вообще неинтересно слушать — как будто он и так уже все это знает. Недри с нетерпением поглядывал в сторону соседней комнаты.

— Я вижу, мистера Недри больше интересует следующий этап нашей работы — идентификация извлеченных ДНК, — сказал доктор Ву. — Для этого мы использовали мощные компьютеры.

Все прошли через раздвижную дверь в соседнюю комнату. Там было прохладно и слышалось постоянное негромкое гудение — работало какое-то мощное оборудование. Посреди комнаты выстроились круглые башни высотой в рост человека, а вдоль стен в несколько рядов стояли стальные коробки полутораметровой высоты.

— Перед вами самые современные, высокотехнологичные аппараты для отмывки образцов, — пояснил доктор Ву. — Ящики у стен — это автоматизированные генные секвенсеры Хамачи-Худа. Башни в центре комнаты — это КМП, мощные, высокоскоростные суперкомпьютеры «Крэя», которые управляют работой секвенсеров. Сейчас вы находитесь в сердце невероятно мощной генетической фабрики-лаборатории.

Здесь же располагалось и несколько компьютерных мониторов, изображения на которых сменялись так быстро, что практически ничего невозможно было рассмот-

реть. Ву нажал кнопку, и изображение на одном из мониторов застыло:

1	ГЦТТГЦТГ	ЦГТТТТЦЦ	ТАГЦТЦЦЦ	ЦЦЦЦТАГЦ	АГЦАТЦААА	АААТЦАГЦЦ
61	ГТТГГЦААА	ЦЦЦАЦАГ	АЦТААААГ	АЦЦАГЦТТ	ТЦЦЦЦТГГА	АГЦЦЦЦТЦ
121	ТГТТЦАГЦ	ЦТЦЦГЦТТА	ЦЦГГАТЦЦ	ГТЦЦЦТТТ	ЦТЦЦЦТЦГ	ГААГЦГТГЦ
181	ТГЦТАЦГЦ	ГТАГТТАЦ	ЦАГТЦГТГ	ТАГТЦГТЦ	ГЦТЦАААГ	ГГЦГТГТГ
241	ЦЦТТЦАГЦ	ЦГАЦЦГТЦ	ГЦТТАТЦГ	ГТААЦТАГ	ТЦТТГАТЦ	ААЦЦГГТАА
301	АГАГАЦАГ	ГТЦЦГЦАГ	ЦГЦТГТГТ	ЦАТТТЦГЦ	ГАГГАЦЦГ	ТТЦГЦТГГА
361	АТЦГЦЦТГ	ЦГТТГЦГ	АТЦГГААТ	ТТГЦТААГ	ТЦГЦТААГ	ЦТТГТТАЦ
421	ЦЦАААЦГТ	ЦГЦГАГАА	ЦАГЦЦАТТА	ТЦГЦГЦАТ	ГГЦГЦЦАЦ	ГЦГТГГЦТ
481	ГГЦГТТЦГ	АГЦЦГАГЦ	ГГАТГЦТТ	ЦЦЦАТТАГ	АТТЦТЦТГ	ЦТТЦГЦГГ
541	ЦЦЦГГТГЦ	АГЦЦАТЦТ	ГТЦАГЦАГ	ТАГАТГАТ	АЦАТЦАГГ	АЦАГЦТЦАА
601	ЦГГЦТЦТА	ЦАГЦЦТАА	ТЦГАТЦАТ	ГАЦЦГЦТА	ЦГЦАЦГЦГ	АТТТАГЦЦ
661	ЦААТГГАЦ	ГТТГЦТГЦ	ГТТТТЦАТ	АГЦТЦГЦЦ	ЦЦЦТГАЦА	ГЦАТЦАААА
721	ЦААГЦАГА	ГТГЦГААА	ЦЦГАЦГАЦ	ТАТААГАТА	ЦААГЦГТТ	ЦТГГАТЦАА
781	ГЦГЦТЦТЦ	ГТТЦГААЦ	ТЦЦГЦТТА	ЦГГАТАЦТ	ТЦЦГЦТТЦ	ТЦЦТЦГГГ
841	ЦТТЦТЦАТ	ГЦТЦАГЦГ	ТАГТАТЦТ	АГТЦГТГТ	АГГЦГТЦГ	ЦТЦААГЦТ
901	АЦГААЦЦЦ	ГТТЦАГЦЦ	ГАЦЦГЦГГ	ЦТТАТЦТГ	ТААЦТАЦТ	ЦТГАГТЦАА
961	АЦАЦАЦТА	АЦГГТГГЦ	АТГАТГТА	ГГЦГЦГЦЦ	ТАТАЦТГТ	ЦТГЦТЦЦЦ
1021	ГЦГГТЦАТ	ГАЦЦГГГЦ	АЦТЦГАЦТ	ГААТГГААГ	ЦГГЦГЦАЦ	ТЦГТАААГ
1081	ЦЦААГААТ	ГАЦЦААТЦ	АТТЦТГЦГ	АГААЦТГТА	АТГЦЦААА	ЦААЦЦТГГ
1141	ЦЦАТЦГЦТ	ЦЦЦАТЦЦ	АГЦАЦЦЦА	ЦГГГЦЦАТ	ЦТГГЦЦАГ	ГТТГГЦЦТ
1201	ГЦГЦАТГА	ГТГТ **	ЦТГТГТГТ	АГГАЦЦГЦ	ТАГЦТГГЦ	ГГТГГЦЦТ
1261	АГААТГАА	АЦГАТАЦГ	ГАГЦААЦТ	ГААГЦАЦТ	ЦТГЦТЦАА	АЦТЦТГЦА
1341	АААТГААТ	ГТЦТГГТТ	ТЦГТГТТЦ	ГТАААГЦТ	ГАААЦЦГГА	АГЦАГЦЦЦ

— Это структура небольшого фрагмента динозавровой ДНК, — сказал Ву. — Обратите внимание, последовательность состоит из комбинаций четырех основных компонентов — аденина, тимина, гуанина и цитозина, которые обозначены начальными буквами А, Т, Г и Ц. Этот фрагмент ДНК, вероятно, содержит инструкции по выработке какого-нибудь одного белка — скажем, гормона, или фермента. А полная молекула ДНК содержит три миллиарда таких вот фрагментов. Если просматривать каждую секунду по одному такому фрагменту, как на экране, непрерывно в течение восьми часов в день — для того чтобы увидеть всю ДНК, понадобится не менее двух лет. Вот какая она большая.

Ву показал на экран монитора.

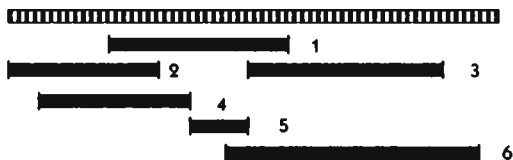
— Вы видите типичный пример участка динозавровой ДНК, поскольку в нем есть ошибка — вот здесь, в строке 1201. Большая часть цепочек ДНК, которые мы получаем, разорванные или неполные. Поэтому первое, что нужно сделать, — это восстановить их целостность. Эту работу выполняет компьютер. Специальная программа с помощью так называемых рестриктивных энзимов разрезает ДНК в местах повреждения и сшивает ее, подобрав подходящие элементы вместо недостающих.

1 ГЦГТТГЦТГГЦЦТТТТЦАТАГГЦТЦГЦЦЦЦЦЦГЦАГЦАТЦАЦАААААТЦГЦГЦ
 61 ГГТГГЦГААЦЦЦЦАЦАГЦАТЦАААГАТАЦАГЦГТТТЦЦЦЦЦЦТГГААГЦТЦЦЦТГ
 Hcn-04
 121 ТГТТЦЦАГЦЦЦГЦЦГЦТАЦЦГТАЦЦТГЦЦГЦЦТТТЦЦЦЦЦЦГГГААГЦГТГГЦ
 181 ТГЦТЦАГЦГТГТАГТЦАТЦЦАГТТЦГГТГГЦГТГЦГЦТЦЦААГЦТГГГЦТГГГТГ
 БронтIV
 241 ЦГТТЦАГЦЦЦГЦАЦЦГЦГЦЦТТЦТЦЦГТТАЦЦГТТААЦТАГЦТЦТГГАТЦЦААЦЦЦГТТА
 301 АГТАГЦАГЦГТГЦГЦАГЦГЦЦТГТТЦАТТТЦГЦГАГЦЦГЦТТЦГЦТГГАГ
 434-ДиксТл АолиБи
 361 АТЦГГЦЦТГТГЦТГТГГТАТТ ЦГГААТЦТГЦАГЦЦЦЦГЦЦТЦААГЦЦТТЦГЦАЦТ
 421 ЦЦАААЦГТТТЦГЦГАГААГЦАГЦЦАТТАТЦГЦГЦАТГГЦГЦЦАГЦГЦТГГЦТ
 481 ГГЦГТТЦГЦГАГЦГЦАГЦТГГТАГГЦЦТ ЦЦЦЦАТТАТГАТТЦТЦГЦТТЦЦГЦГЦ
 541 ЦЦЦГЦТГТГЦАГЦЦАТГЦТГЦЦАГЦАГТТАГТАГЦТАЦЦАТЦАГГЦАГЦТЦАА
 601 ГЦГЦЦТТЦАЦАГЦЦТААЦТЦГАТЦ АЦТГГАЦГЦГЦАТЦЦАЦГЦГЦАТТТАТЦЦГ
 Hcn-04
 661 ЦАЦАТГГАЦГЦТГЦТГГЦГТТТТЦАТАГГЦ ТЦЦГЦЦЦЦЦЦГЦАГЦАГЦАТЦАААА
 721 ЦААГТЦАГАГТГГЦГАААЦЦЦАЦАГЦАТТАААГАТАЦАГЦГТТТЦЦЦЦЦГГАА
 924-Каол-11 ДиноЛдн
 781 ГЦГЦТЦЦТГТТЦЦГЦАЦЦЦГЦЦГЦ ТТАЦГГАТАЦЦТГЦЦЦЦТТТЦЦЦЦТЦГГГ
 841 ЦТТТЦЦААТГЦТЦАГЦГТГАГТЦАТЦГЦГТТАГТГЦГТТГЦТЦЦААГЦГЦ
 901 АЦГААЦЦЦЦЦГТТЦАГЦЦЦАГЦЦГЦГЦЦТТА ТЦГГТААЦТАГТГТТГТАГТЦА
 961 АЦАЦАГЦТТААЦГГТТГЦАТГГАТТГАГЦГЦГЦЦЦАТАЦЦТГЦТГЦЦЦЦЦЦ
 1021 ГЦГТГЦАТГАГЦГГГЦАЦЦЦГ АЦЦТГААТГГААГЦГЦГЦЦАЦЦТГЦТААЦГГ
 1081 ЦЦААГААТТГГАГЦЦААТЦААТТЦТГГЦГАААЦТГГААТГЦЦАААЦЦААЦЦТГГ
 1141 ЦЦАТЦГЦЦЦГЦЦАТЦТЦАГЦАГЦЦ ЦАГЦГЦГЦЦАТЦЦГГЦАГЦГТТГТЦЦТ
 1416-ДиксТл
 ССнд-4
 1201 ГЦГЦАТГАТЦГТГЦТАЦСЦТГЦГТГГАГЦАЦЦГЦЦАГЦГЦГГ ГГТГГЦЦТЦАТ
 1281 АТГААТЦАЦГГАТАЦГЦАГЦГААЦГГААГ ЦГАЦТГЦТГЦЦАААЦЦГЦТГЦАЦЦТ

— А вот тот же участок ДНК, с обозначением точек воздействия рестриктивных энзимов. Как вы видите, в строке 1201 к каждой стороне цепочки на месте повреждения присоединены рестриктивные энзимы. Обычно мы предоставляем компьютеру самому решать, какие энзимы следует использовать. Но мы также должны знать, какими парами базовых компонентов нужно восполнять недостающий фрагмент. Для этого мы выстраиваем последовательности возможных вариантов рассеченных фрагментов — например, вот такие, как на таблице:

Выравненные последовательности рестриктивных энзимов.

Последовательность *11820 бпс

Последовательность *21202 бпс

Условные обозначения: с — соответствует; вс — вероятно соответствует; пс — полностью соответствует; пз — подбор закончен.

Потом нам нужно отыскать фрагмент ДНК, который перекрывает поврежденный участок, и посмотреть, каких элементов недостает. А когда это сделано, можно браться за восстановление поврежденного фрагмента. Темные полосы на таблице — это вырезанные рестриктивными энзимами маленькие фрагменты динозавровой ДНК, которые затем подвергаются анализу. Компьютер тщательно их проверяет, по-разному комбинирует и отыскивает перекрывающиеся отрезки — части генетического кода. Это чем-то похоже на складывание мозаичной картинки. Компьютер выполняет эту работу очень быстро.

```

1  ГЦГТГТГЦГТГЦГТТТТЦЦАТАГГЦТЦГЦ ЦЦЦЦЦТГАЦГАГЦАТЦАЦААААТЦАГЦГЦ
61  ГТГГЦГАААЦЦГАЦАГГАЦТАТАААГАТАЦЦАГГЦГТТТЦЦЦЦТГГАГЦТЦЦТЦГ
121  ТГТТЦЦГАЦЦЦТГЦГЦГТТАЦЦГГАТАЦ ЦТГТЦЦГЦТТТТЦЦЦЦТТЦГГААГЦГТГГЦ
181  ТГЦТЦАЦГТГТАГГТАЦТЦАГТТЦГГ ТГТАГ ГТЦГТТЦГТЦЦААГЦГТГГЦТГТГГГ
241  ЦЦГТТАЦГЦЦЦАЦЦГЦТГЦГЦТТАТЦЦГ ГТААЦТАТГЦТТТГАГТЦЦААЦЦЦГГТАА
301  АГТАГГАЦАГГТГЦЦГЦАГЦГЦТЦГГГТЦ АТТТТЦГЦГАГГАЦЦГТТТЦГЦТГГАГ
361  АТЦГГЦТГТГЦГТГЦГЦТТАТЦГГААТЦТ ТЦАЦГЦЦЦТЦГТЦААГЦЦЦТГТГЦАЦТ
421  ЦЦАААЦТТТЦГГЦГАГА АГЦАГГЦАТТАТ ЦГЦГГЦАТГЦГГЦЦАГЦГЦТГГГЦТ
481  ГЦГТТТЦГЦАГЦГЦАГГЦТГГАТГГЦЦТЦЦ ЦАТТАТГАТТЦТТЦТЦГТТЦГГЦГГ
541  ЦЦЦГЦТГТГАГГЦАТГЦТГТЦЦАГГЦАГГТ АГАТГАЦТААЦТАЦАГГАЦАГЦТЦАА
601  ЦГГЦТЦТААЦАГЦЦТАА ЦТТЦГАТЦАЦТГГА ЦГЦГТГАТЦГТЦАГГЦГАТТТАТГЦГ
661  ЦААТГГАЦЦГТГТГЦГТГТТТТЦАТАГГ ЦТЦГЦГЦЦЦЦЦТГАЦГАГЦАТЦАЦААА
721  ЦААГТГАГАГТГГЦГААА ЦЦГАЦАГГАЦАТ АААГАТАЦАГГЦГТТТЦЦЦЦТГГАА
781  ГЦГЦТЦТЦГТТТЦГЦАЦЦТГ ЦЦГЦТТАЦЦГ АТАЦЦТГТЦГЦЦТТТЦЦЦТЦГГГ
841  ЦТТТЦТЦААТГЦТЦАЦГЦТГТАГГТАЦТЦАГТ ЦГГТГТАГТ ЦГТТЦГЦТЦААГЦТГ
901  АЦААЦЦЦЦЦГТТЦАГЦЦГЦАЦГЦГЦГЦТ ТАТЦГГТААЦТАЦГТТТГГАГТЦЦА
961  АЦАЦАЦТТААЦГГТТГЦАТГГАТТГТАГЦГЦ ЦГЦЦЦТААЦТТГТЦТГЦЦЦЦЦЦ
1021  ГЦГТГЦАТГГАЦЦГГГ ЦЦАЦ ЦТЦАЦЦТГА АТГГААГЦГГЦГГЦАЦЦТГЦТААЦГГ
1081  ЦААГААТТГГАГЦЦАА ТЦААТТЦТТГГГААЦТГГААТГЦГЦАААЦЦААЦЦЦТГГ
1141  ЦЦАТЦГЦЦТЦГЦАЦТ ТЦАГЦАГЦЦГЦАЦ ЦГГЦГЦАТЦТГГЦАГЦГТГГГТЦЦТ
1201  ГЦГЦАТГАТЦГТГЦАГЦЦТ ГТЦГТГГАГЦАЦ ГЦТАГГЦТГГЦГГГТГГЦЦТАЦТ
1281  АТГААТЦАЦГГАТАЦГГА ГЦГААЦЦГААГЦ АЦТГЦТГТГЦААААГЦТГТГЦАЦЦТ
1341  АТГААТГГТЦТТЦГТТТЦГГ ТГТТТЦГТАААГТЦ ТГГАААЦЦГГГААГЦАГЦЦЦЦТГ

```

— И вот перед нами — новый вариант той же цепочки ДНК, дополненный и исправленный компьютером. В обычной лаборатории такую операцию выполняют в течение нескольких месяцев, мы же делаем это за считанные секунды.

— Значит, вы работаете с полной цепочкой ДНК? — спросил Грант.

— Нет, что вы! Это невозможно. Наука, конечно, ушла далеко вперед по сравнению с шестидесятью годами, когда на расшифровку одного только такого фрагмента, как на экране, лаборатории требовалось работать не меньше четырех лет. Сейчас наши современные компьютеры выполняют это за несколько секунд. И все равно, молекула ДНК слишком велика. Мы просматриваем только отдельные фрагменты ДНК, которые различны у

животных разных видов или отличаются от современных ДНК. Как выяснилось, у разных видов древних животных ДНК очень похожи, различия отмечаются всего в нескольких процентах нуклеотидов. Именно их мы и анализируем — и все равно это титанический труд.

Деннис Недри зевнул. Он давным-давно понял, что «ИнГен» занимается чем-то вроде этого. Еще пару лет назад, когда компания «ИнГен» наняла Недри для разработки компьютерных систем управления парком, один из изначальных параметров проекта занимал в записях объем в три миллиарда полей. Недри сперва подумал, что это какая-то ошибка, и позвонил в Пало-Альто, чтобы свериться с руководством. Но ему сказали, что никакой ошибки нет, все правильно — три миллиарда полей.

Недри за свою жизнь создал немало крупномасштабных компьютерных систем. Он сделал себе имя, разработав всемирную систему телефонной связи для многонациональных корпораций. Бывало, что такие системы занимали в записи миллионы полей. К такому Недри уже привык. Но компании «ИнГен» требовалось нечто только большее...

Озадаченный компьютерщик поехал к своему приятелю, Барни Феллоузу, в Симболик — это неподалеку от Кембриджского кампуса для сотрудников Массачусетского Технического университета.

— Барни, для какой базы данных необходимо три миллиарда полей в записи?

— Ты что-то путаешь, — со смехом сказал приятель. — Убери пару ноликов — и будет в самый раз.

— Нет, все правильно — я сверялся. Им нужно именно это.

— Они с ума посходили! Это не сможет работать, — сказал Барни. — Даже на самых быстрых процессорах, и под идеально ускоренными программами — все равно, поиск в такой раздутой базе данных будет занимать по нескольку дней. А то и недель.

— Ну да, я знаю... — согласился Недри. — Но мне повезло — им не нужно, чтобы я составлял программы поиска — они хотят только, чтобы я зарезервировал и разметил место в памяти для всей системы. И все равно... Для

чего, как ты думаешь, им могла понадобиться такая база данных?

Барни задумался.

— С тебя взяли подписку о неразглашении? — спросил он.

— Да, — кивнул Недри. Большинство фирм давало заказы только на таких условиях.

— Можешь сказать мне хоть что-нибудь?

— Это биоинженерная фирма.

— Биоинженерная? Ну, тогда все ясно...

— И что?

— Это молекула ДНК.

— Да ну, ты что! Проанализировать молекулу ДНК просто нереально. Тем более что это частная компания — Недри знал, о чем говорит: совсем недавно биологи обсуждали проект «Геном человека», целью которого было подробно проанализировать всю цепочку человеческой ДНК. Но это заняло бы не менее десяти лет слаженной, скоординированной работы множества лабораторий по всему миру — невероятно огромный масштаб работ, сравнимый разве что с «Проектом Манхаттан», связанным с разработкой атомной бомбы.

— Ну, я не могу себе представить, для чего еще им понадобились три миллиарда полей памяти, — пожал плечами Барни. — Может, разработчики этой системы — редкие оптимисты...

— Это уж точно, оптимисты, — подтвердил Деннис.

— Или, возможно, они собираются анализировать только фрагменты ДНК, но тогда у них должны быть программы с интенсивным использованием всей памяти, имеющейся на дисках.

Это уже больше походило на правду. Некоторые программы системного поиска жрут до черта-памяти.

— А ты знаешь, кто делал им программы? — спросил Барни.

— Нет. В этой компании все помешаны на секретности.

— Ну, так вот — я думаю, они собираются что-то крутить с ДНК. А какая у них машина?

— Мульти-КМП.

— Мульти-КМП?! Ты что, имеешь в виду больше одного «Крэя»? Ни фига себе! — Барни нахмурился и снова

задумался. — Можешь рассказать еще какие-нибудь подробности?

— Прости — не могу, — ответил Недри. И отправился обратно, разрабатывать системы управления.

Работа была крайне трудной и объемной и заняла больше года. Дополнительные трудности и неудобства вызывало то, что компания отказалась сообщить программисту, какие подсистемы они собираются использовать. Заказы были сформулированы предельно просто: «разработайте модуль для записи и хранения данных», или «разработайте модуль для визуализации изображения». Они сообщали, какие программы им требуются, но ничего не говорили о дальнейшем использовании программ. Недри пришлось работать буквально на ощупь, наугад. Поэтому, когда всю систему запустили, Недри несколько не удивился, что в ней обнаружились «жучки». А чего они еще хотели? На что рассчитывали? Теперь они запаниковали, вызвали его сюда, такие недовольные и злые из-за его «жучков»! Раньше надо было думать! Просто возмутительно!

Недри снова стал прислушиваться к рассказу экскурсовода, привлеченный вопросом Гранта:

— А когда компьютер уже проанализировал ДНК, как вы определяете, какому животному принадлежит генетический материал?

— Есть два способа проверки, — ответил Ву. — Первый — филогенетический анализ. ДНК видоизменяются с течением времени так же, как все остальное в организме — руки, или лапы, или любые другие физические признаки. Поэтому мы можем взять фрагмент неизвестной ДНК и приблизительно определить с помощью компьютера, к какому периоду эволюции данная ДНК относится. Это занимает много времени, но в принципе возможно.

— А второй способ?

Ву пожал плечами.

— Можно просто вырастить животное и опознать его по внешним признакам, — сказал он. — Обычно мы так и поступаем. Я покажу вам, как это делается.

По мере того как экскурсия продолжалась, Тим становился все нетерпеливее. Хотя обычно ему нравились всякие технические подробности, от такого их изобилия мальчик понемногу заскучал. Группа экскурсантов подо-

шла к следующей двери, с надписью «Выращивание». Доктор Ву открыл дверь с помощью своей личной карточки, и все вошли внутрь.

Тим снова увидел комнату с несколькими лаборантами, которые работали с микроскопами. В дальней части комнаты находилась секция, залитая синим ультрафиолетовым светом. Доктор Ву рассказал, что работа с ДНК требует прерывания митоза на точно определенных этапах, для чего в лаборатории используют чуть ли не самые ядовитые вещества в мире.

— Хелотоксин, колхициноиды, бета-алкалоиды, — говорил Ву, показывая на ряды пробирок, лежавших под ультрафиолетовыми лучами. — Эти вещества могут убить любое живое существо за пару секунд.

Тиму хотелось бы побольше узнать об этих ядах, но доктор Ву стал рассказывать совсем о другом — о том, как и неоплодотворенное крокодиловое яйцо помещают другую ДНК, а профессор Грант принялся задавать разные сложные вопросы. Тим стал разглядывать комнату. Возле одной стены стояли большие баллоны с маркировкой «жидкий азот». А еще в комнате имелись встроенные в стены большие морозильные камеры с полками, заполненными замороженными эмбрионами. Каждый образец был аккуратно завернут в тонкую серебристую фольгу.

Лекс откровенно скучала. Ей давным-давно надоела эта нудная экскурсия. Недри зевал вовсю. И даже доктору Саттлер, кажется, уже было неинтересно. Тиму тоже надоело разглядывать все эти сложные лаборатории. Мальчик хотел поскорее увидеть живых динозавров.

На двери следующей лаборатории висела табличка «Инкубатор».

— Там, внутри, немного жарковато и воздух очень влажный, — предупредил доктор Ву. — Мы поддерживаем там температуру около сорока градусов Цельсия и относительную влажность воздуха сто процентов. Кроме того, в инкубаторе воздух перенасыщен кислородом — тридцать три процента вместо шестнадцати с половиной, обычных для современной земной атмосферы.

— Вы воссоздали атмосферу юрского периода, — кивнул Грант.

— Да. По крайней мере, мы постарались это сделать. Если у кого-нибудь закружится голова — сразу скажите мне.

Доктор Ву сунул личную карточку в щель замка, и наружная дверь с тихим шипением скользнула в сторону.

— И еще одно: руками ничего не трогайте. Некоторые яйца очень чувствительны к воздействию кожных жиров. И берегите головы — сенсорные датчики в комнате постоянно движутся.

Он открыл внутреннюю дверь, и все вошли в инкубатор. Тим увидел просторную комнату, которая освещалась мощными инфракрасными лампами. На длинных столах лежало множество яиц. Они были как бы окутаны густым туманом, стелившимся над поверхностью столов. Из туманной дымки выступали только их округлые светлые контуры. Все яйца потихоньку шевелились, издавая негромкий шорох.

— В яйцах рептилий очень много желтка, но совершенно нет воды. Вода, необходимая эмбриону, добывается из окружающей среды — вот зачем здесь этот туман.

Доктор Ву рассказал, что на каждом столе — по сто пятьдесят яиц, содержащих новые, недавно полученные варианты ДНК. Каждая отдельная партия яиц обозначена буквенно-цифровым кодом на столах: например, Стег-458/2 или Триц-390/4. По пояс окутанные туманом работники переходили от одного яйца к другому, опускали руки в дымку и каждый час переворачивали яйца. Кроме того, они ежечасно проверяли температуру с помощью термосенсоров. Комната была оборудована следящими видеокамерами и датчиками движения. Над столами двигался автоматический термосенсор — он по очереди прикасался к каждому яйцу гибким зондом, тихонько пищал, и двигался дальше.

— В этом инкубаторе мы должны получить более десятка выводков животных разных видов, общим числом двести тридцать восемь живых детенышей. Процент выживания детенышей у нас около четырех десятых процента, и мы, естественно, всячески стараемся улучшить этот показатель. Но компьютерный анализ свидетельствует о том, что нам приходится бороться примерно с пятью сотнями различных факторов: сто двадцать из них касаются

условий окружающей среды, две сотни — внутризародышевые факторы, а остальные связаны непосредственно с самим генетическим материалом. Мы изготавливаем яичную скорлупу из особого пластика. Потом внутрь готового искусственного яйца помещается эмбрион, и яйцо попадает в инкубатор.

— И долго они растут?

— Динозавры взрослеют довольно быстро — они полностью вырастают примерно за три-четыре года. Поэтому у нас в парке уже есть некоторое количество взрослых животных.

— А что означают эти цифры и буквы?

— Кодировка обозначает разновидность экстрагированной ДНК у эмбрионов в каждой партии яиц. Первые четыре буквы — это сокращенное название животного, которое, как мы предполагаем, должно явиться на свет. Вот, например, «Триц» означает «трицератопс», «Стег» означает «стегозавр», и так далее.

— А что на вот этом столе? Здесь кодировка другая, — спросил Грант.

На табличке виднелся код: XXXX-0001/1. Чуть пониже было дописано: «Предположительно — Целу».

— Партия яиц на этом столе — с новым образцом ДНК, который мы получили совсем недавно, — ответил Ву. — Когда мы первый раз экстрагируем новую ДНК, то еще не знаем наверняка, что из нее может вырасти. Вот видите, здесь подписано: «Предположительно — Целу»? Значит, вероятнее всего, из этих яиц выведутся целурозавры. Если я правильно помню — небольшие травоядные динозавры. Я плохо разбираюсь в этих названиях — их так много... Науке известно что-то около трехсот разновидностей динозавров.

— Триста сорок семь, — подсказал Тим.

Грант улыбнулся и спросил:

— А сейчас кто-нибудь из них не собирается покинуть яйцо?

— Прямо сейчас — нет. Период инкубации у разных животных разный, но в среднем он продолжается около двух месяцев. Мы стараемся регулировать время выведения детенышей, чтобы это происходило не одновременно — а то обслуживающий персонал просто не справится

с таким объемом работы. Вы только представьте — за несколько дней должны вылупиться по полторы сотни маленьких динозавриков! Хотя, конечно, далеко не все из них выживают. А вот эти «иксы» на табличке могут означать совершенно любой день. Еще есть какие-нибудь вопросы? Нет? Ну, тогда давайте перейдем в ясли, где у нас содержатся новорожденные детеныши.

Эта комната была круглая и вся белая. Там стояло несколько аппаратов для выхаживания недоношенных детей, какие применяются и в обычных больницах, но сейчас все они были пустые. На полу валялось всякое тряпье и детские игрушки. Там же сидела спиной к вошедшим молодая женщина в белом халате.

— Что у тебя сегодня, Кати? — спросил доктор Ву.

— Немного, — отозвалась девушка. — Только один крошка-раптор.

— Дай-ка взглянуть на него...

Женщина встала и отошла в сторону. Тим услышал, как Недри пробормотал:

— Похоже на ящерицу...

Зверек на полу был меньше полуметра в длину, размером с маленькую обезьянку. Шкурка у него была темно-желтая, с коричневыми полосками поперек спины — словно у тигра. Очертаниями головы зверек и вправду походил на ящерицу, но он стоял вертикально, на крепких задних ножках, поддерживая равновесие с помощью длинного толстого хвоста. Мелкие передние лапки раскачивались в воздухе. Зверек склонил голову набок и с любопытством уставился на людей, которые, в свою очередь, разглядывали его самого.

— *Velociraptor*, — тихо произнес Алан Грант.

— *Velociraptor mongliensis*, — подтвердил доктор Ву. — Хищный динозавр. Этому крохе всего шесть недель.

— Я как раз недавно раскопал скелет раптора... — проронил Грант, наклоняясь пониже, чтобы как следует рассмотреть маленькое чудо. Ящерица тотчас же вспрыгнула ему на руку и вскарабкавшись повыше, потянулась через голову Гранта к Тиму.

— Ого!

— Они умеют прыгать, — сказал доктор Ву. — Мале-

нькие рапторы прыгают. Да, собственно говоря, и большие тоже.

Тим взял велоцираптора на руки и прижал к себе. Маленький зверек весил совсем немного, не больше килограмма. Кожица у него была теплая и совсем сухая. Небольшая аккуратная головка замерла в нескольких сантиметрах от лица мальчика. Темные, блестящие, как бусины, глазки пристально уставились на Тима. Из рта ящерицы время от времени высывался маленький раздвоенный язычок и мгновенно прятался обратно.

— Он меня не укусит? — поинтересовался мальчик.

— Нет, малышка настроена дружелюбно.

— Вы уверены? — с сомнением спросил Геннаро.

— Конечно! — ответил Ву. — Эта кроха совершенно безопасна — по крайней мере, пока не подросла. Но, в любом случае, у детенышей велоцираптора вообще нет зубов — даже «яичных».

— Что это за «яичные» зубы? — поинтересовался Нендри.

— Большинство динозавров рождаются с так называемыми «яичными» зубами — такими маленькими выступами на кончике носа, вроде рога у носорогов. С помощью этих зубцов новорожденные динозаврики разбивают изнутри скорлупу яйца. Но у рапторов нет даже этого. Они проделывают отверстия в скорлупе своими острыми носиками, а потом рабочие инкубатора помогают малышам выбраться наружу.

— Значит, здесь вам приходится помогать детенышам выбираться из яиц, — покачал головой Грант. — А как это происходит в природных условиях?

— В природных условиях?

— Да, когда они размножаются в природе, — уточнил Грант. — Когда они строят гнезда.

— О, они этого не могут, — сказал Ву. — Ни одно из наших животных не способно размножаться. Для этого у нас существует инкубатор и вот эти ясли. Так восполняются популяции всех животных в парке юрского периода.

— А почему ваши животные не могут размножаться?

— Ну, как вы сами понимаете, очень важно было лишить их возможности размножаться, — ответил доктор Ву. — При таких критических условиях обязательно нуж-

но предусмотреть систему ограничения роста численности популяции. Обычно она включает в себя два основных направления. В нашем случае животные не могут размножаться естественным путем по двум независимым причинам. Во-первых, они бесплодны, потому что мы стерилизуем каждую особь рентгеновским облучением.

— А во-вторых?

— Во-вторых, все животные в парке юрского периода — самки! — ответил Ву и победно улыбнулся.

Тут вмешался Малкольм. Он попросил:

— Расскажите об этом поподробнее, пожалуйста. Потому что, насколько я знаю, стерилизация облучением — довольно ненадежная процедура. Может быть неправильно подобрана доза излучения или неверно выбрана зона воздействия радиации — анатомическая зона на теле животного...

— Все это верно, — согласился Ву. — Но мы облучаем их до полного уничтожения ткани половых желез.

— А как насчет того, что все особи — женского пола? Это у вас как-то проверяется? — продолжал расспрашивать Малкольм. — Кто-нибудь из вас ходит и, так сказать, заглядывает динозаврихам под юбки? Я имею в виду — есть какие-нибудь надежные способы определения пола этих животных?

— Половые органы очень различаются в зависимости от вида животных. У некоторых динозавров различия между самцами и самками видны с первого взгляда, у других — почти незаметны. Но ответить на ваш вопрос о том, почему мы уверены, что все наши животные самки, очень просто. Мы сами создали их такими. Мы подбирали их хромосомы, мы следили за процессом развития эмбрионов внутри яиц. С точки зрения генной инженерии, производить самок намного проще, чем самцов. Вы, наверное, знаете, что эмбрионы всех позвоночных животных изначально женского пола? Все мы начинаем жизнь как самки. А уже потом, в процессе развития, на эмбрион воздействуют различные дополнительные факторы, например гормоны, в результате чего зародыш видоизменяется, и из него получается самец. А если на соответствующем этапе развития гормоны не действуют — зародыш

так и останется женским, и родится самочка. Поэтому все наши животные — самки. Мы просто привыкли говорить о некоторых динозаврах в мужском роде — например, о тиранозавре. Мы говорим о тиранозавре «он» — несмотря на то что на самом деле это «она». И, уверяю вас, размножаться они не могут.

Маленький велоцираптор фыркнул на Тима, а потом потерял носиком о шею мальчика. Тим захихикал.

— Она просит, чтобы ты ее покормил, — сказал доктор Ву.

— А что она ест?

— Мясо. Но эта малышка только что покушала, а следующее кормление у нее еще не скоро.

Крошка-велоцираптор отклонился назад, пристально посмотрел на Тима и затряс в воздухе тонкими передними лапками. Тим рассмотрел маленькие когти на каждом из трех пальцев «рук» раптора. А потом малышка снова ткнулась мордочкой ему в шею.

Профессор Грант подошел поближе и оценивающе взглянул на маленькое животное. Потрогал хрупкие когтистые пальчики. Спросил у Тима:

— Дашь мне поддержать?

Мальчик кивнул и передал зверька Гранту.

Грант перевернул велоцираптора на спинку и стал внимательно осматривать. Зверьку это явно не понравилось — он громко пищал и вырывался. Когда Грант поднял малышку высоко в воздух, чтобы рассмотреть ее в профиль, зверушка в испуге взвизгнула особенно пронзительно.

— Ей не по нраву такое обращение, — сказал Регис. — Она не любит, когда ее держат вдали от тела.

Маленький раптор верещал что было мочи, но Грант не обращал на это внимания. Он стал разминать пальцами хвост зверька, стараясь прощупать кости. Регис не держал:

— Доктор Грант, прошу вас...

— Я не причиняю ей боли.

— Доктор Грант! Эти создания — не из нашего мира. В те времена, когда они жили на Земле, еще не было лю-

дей, которые бы тыкали в них пальцами и кололи иголками.

— Я не колю ее иголками, и...

— Доктор Грант, оставьте ее в покое! — потребовал Эд Регис.

— Но...

— И немедленно! — Регис разозлился не на шутку.

Грант передал зверька Тиму. Животное сразу успокоилось и перестало пищать. Тим чувствовал, как в груди крошечного динозаврика бешено колотится маленькое сердечко.

— Прошу меня простить, доктор Грант, но эти создания в раннем возрасте очень нежные, — сказал Регис. — Мы уже потеряли нескольких из-за постнатального стрессового синдрома, связанного, очевидно, с неустойчивостью адренокортикальной системы. Иногда они умирают буквально в считанные минуты.

Тим приласкал малышку-раптора.

— Все хорошо, малыш, — сказал мальчик. — Успокойся, уже все в порядке.

Но маленькое сердечко билось все так же часто.

— Мы считаем особенно важным, чтобы с животными обходились как можно осторожнее, — сказал Регис. — Чуть позже вы сможете осматривать и изучать их, как вам заблагорассудится, — это я вам обещаю.

Но Грант не отступился. Он пристально посмотрел на зверька, которого держал Тим, и снова двинулся к нему.

Маленький велоцираптор разинул пасть и громко зашипел на Гранта, всем своим видом выражая злость и раздражение.

— Потрясающе! — заметил Грант.

— Можно, я останусь и немножко поиграю с ней? — спросил Тим.

— Только не сейчас, — сказал Эд Регис и глянул на часы. — Уже ровно три, и нам пора отправляться на прогулку по парку. Там вы увидите самых разных динозавров в естественных условиях, которые мы для них создали.

Тим поставил велоцираптора на пол и отпустил. Зверек стремглав бросился бежать в дальний конец комнаты, потом схватил в пасть кусок какой-то тряпки и принялся яростно терзать ее маленькими коготками.

Наблюдательный пост

По дороге к наблюдательному посту Ян Малкольм сказал:

— У меня к вам еще один вопрос, доктор Ву. Сколько разных видов динозавров вы уже вывели?

— Признаться, я точно не помню, — ответил Ву. — Кажется, сейчас у нас их что-то около пятнадцати. Пятнадцать разных видов. Кажется, так, Эд?

— Да, ровно пятнадцать, — подтвердил Регис.

— Как это — вы точно не знаете? — переспросил Малкольм, не скрывая изумления.

Ву улыбнулся.

— Я сбился со счета после первого десятка, — сказал он. — Видите ли, иногда случается и так: мы считаем, что животное создано правильно, то есть его ДНК воссоздана верно, — ведь это наша основная работа... А животное растет и развивается вроде бы как надо, но вдруг, в возрасте, скажем, шести месяцев, внезапно умирает. И мы понимаем, что где-то ошиблись. У животного, например, оказывается дефектным ген-релизер и, как следствие, не вырабатывается какой-нибудь необходимый для жизни гормон. Или обнаруживается еще какая-нибудь врожденная аномалия. И нам приходится возвращаться к самому началу и, как говорится, перерисовывать животное заново. — Доктор Ву снова улыбнулся. — Как-то я думал, что у нас получилось до двадцати разных видов динозавров. А теперь оказалось, что их только пятнадцать.

— А среди этих пятнадцати есть... Как его там, не помню? — Малкольм повернулся к Гранту.

— Прокомпсогнатус, — подсказал тот.

— У вас получились эти прокомпсогнатусы, или как их там? — спросил Малкольм.

— Да, конечно! — сразу же ответил Ву. — Компии — особенные животные. Мы вывели необычайно много особей этого вида.

— Почему же?

— Понимаете ли, мы старались сделать условия в парке юрского периода наиболее приближенными к естественным. А прокомпсогнатусы — это аутентичные животные-падальщики юрского периода. Вроде современных

шакалов. Поэтому мы хотели распространить компи как можно шире, чтобы они очищали природную среду от всяческих отбросов.

— Вы хотите сказать — чтобы они подъедали остатки трупов?

— И это тоже — если бы такие остатки имелись. Но у нас здесь всего двести тридцать восемь животных, и от них остается не так уж много недоеденной падали, — сказал Ву. — На самом деле нам нужно было, чтобы компи избавляли парк от отбросов несколько иного вида.

— И каких же?

— Ну... Как вы знаете, у нас на острове обитает несколько очень крупных травоядных животных, — начал рассказывать Ву. — Мы специально старались не создавать самых крупных из известных динозавров, и тем не менее по острову сейчас бродит несколько животных весом примерно по тридцать тонн каждое, и еще много других, весом от пяти до десяти тонн. Тут мы столкнулись с двумя затруднениями. Первое — их питание. Приходится каждые две недели завозить на остров еду для наших питомцев — ведь такой небольшой остров никак не может прокормить подобное количество крупных животных, даже недолгое время. А вторая проблема — их испражнения. Не знаю, видели ли вы когда-нибудь экскременты слонов, но, поверьте, они, так сказать, очень существенны — по объему. Каждая слоновья какашка размером примерно с футбольный мяч. Представьте себе испражнения бронтозавра, который в десять раз больше слона... А теперь вообразите кучи, которые наваливает целое стадо бронтозавров... Надо сказать, что самые крупные животные очень плохо переваривают пищу и их экскременты составляют весьма значительную часть съеденного. А за шестьдесят миллионов лет, минувших со времен, когда вымерли динозавры, очевидно, вымерли и бактерии, которые перерабатывали их экскременты. В общем, получилось так, что экскременты динозавров разлагаются очень и очень медленно.

— Да, это действительно проблема... — согласился Малкольм.

Ву продолжал совершенно серьезно:

— Мы долго бились над решением этой проблемы — и

все безрезультатно. Вы, наверное, знаете, что в Африке обитают особые насекомые — жуки-скарабеи, которые питаются слоновыми фекалиями. У множества других крупных животных тоже есть соответствующие животные-мусорщики, которые в ходе эволюции приспособились поедать их экскременты. Так вот — оказалось, что компи могут выполнять ту же функцию, могут поедать испражнения крупных травоядных динозавров и повторно их перерабатывать. А испражнения самих компи перегнивают очень быстро — они прекрасно разлагаются под воздействием современных бактерий. Поэтому мы создали достаточное количество компи — и наша проблема с горами фекалий благополучно разрешилась.

— И сколько же компи вы вырастили?

— Сейчас я точно не вспомню, но, кажется, первоначально мы запланировали популяцию в пятьдесят особей. Примерно столько мы их и вывели — тремя партиями. Мы закладывали партию яиц прокомпсогнатуса три раза через каждые шесть месяцев, пока количество животных не достигло запланированной цифры.

— За пятью десятками животных довольно трудно уследить, — заметил Малкольм.

— Наш наблюдательный пост спроектирован специально для этого. Вам покажут, как он работает.

— Да, конечно... — сказал Малкольм. — И все-таки, если бы один из ваших компи вырвался на волю и сбежал с острова...

— Они не могут сбежать с острова.

— Я знаю, но все-таки давайте представим, что это случилось...

— Вы, наверное, имеете в виду животное, которое нашли на пляже, на материке? — спросил Ву, приподняв брови. — То, что покусало американскую девочку?

— Ну, например.

— Я не представляю, как можно объяснить происхождение этого животного, но совершенно уверен, что оно — не наше, — заявил Ву. — И вот почему: во-первых, наши животные постоянно под наблюдением. Компьютер пересчитывает их через каждые пять минут. Если бы одно из них пропало — мы бы сразу об этом узнали.

— А во-вторых?

— Во-вторых — отсюда до континента больше ста миль. Лодка проплывает это расстояние за день. А во внешнем мире любое наше животное непременно погибнет в ближайшие двенадцать часов, — уверенно сказал Ву.

— Почему вы так считаете?

— Потому что я с самого начала прекрасно представлял себе, чем может закончиться подобная случайность, — резко отчеканил Ву, начиная проявлять признаки раздражения. — Послушайте, мы здесь и сами не дураки! Мы понимаем, что динозавры — существа из иного, доисторического мира. Они — часть давно исчезнувшей экологической системы, часть сложного, запутанного комплекса взаимосвязанных жизненных форм, вымерших миллионы лет назад. В современном мире для этих животных просто не существует естественных врагов — хищников, которые бы ограничивали разрастание численности их популяции. В наших интересах было позаботиться о том, чтобы динозавры просто не могли выжить в естественных природных условиях современного мира. Поэтому я сделал их лизин-зависимыми. Я встроил в их ДНК ген, который делает дефективным один из ферментов, участвующих в метаболизме белков. В результате в организме абсолютно всех наших динозавров не может вырабатываться аминокислота лизин. Они могут получать лизин только готовым, из внешней среды. И если наши динозавры перестанут получать лизин с пищей — мы снабжаем их специальными лизиновыми таблетками, — они в ближайшие двенадцать часов впадут в коматозное состояние и погибнут. Эти животные спроектированы с помощью генной инженерии — спроектированы так, чтобы они не могли выжить в дикой природе. Они могут жить только здесь, в парке юрского периода. Это вам не дикие животные. Они не на свободе — они во всех смыслах наши пленники.

— А это — наблюдательный пост, — сказал Эд Регис. — Теперь, когда вы узнали, как создавались наши животные, вам, наверное, хочется увидеть место, из которого ведется постоянное наблюдение за всем парком, — прежде чем мы отправимся...

Регис неожиданно замолчал. Через окошко с толстым

бронированным стеклом виднелась темная комната. Почти все мониторы были отключены, кроме трех, на которых светились только колонки каких-то постоянно меняющихся цифр и изображение большой лодки.

— В чем дело? — спросил Регис. — Вот черт! Они причаливают!

— Причаливают?

— Каждые две недели с континента приходит лодка с припасами. Единственное, чего не хватает этому острову, — это приличная гавань или даже хорошая пристань. Здесь чертовски трудно нормально пришвартовать лодку, особенно когда на море волнение. Это занимает немало времени. — Регис постучал в окошко, но оператор, сидевший внутри, не обратил на него никакого внимания. — Наверное, нам придется подождать.

Элли повернулась к доктору Ву и спросила:

— Вы, кажется, говорили о случаях, когда поначалу казалось, что животное развивается совершенно нормально, а потом, когда оно вырастало, начинали проявляться разные отклонения...

— Да, — кивнул генетик. — И я не вижу способа полностью избежать таких случайностей. Мы можем в точности воспроизвести ДНК, но ведь существует еще множество условий, необходимых для правильного развития эмбриона, — а они нам неизвестны. Поэтому не остается иного способа проверить, что все сделано правильно, кроме как вырастить взрослое животное.

Грант спросил:

— А как вы определяете, что оно развивается правильно? Ведь никто раньше никогда не видел этих животных?

Ву улыбнулся.

— Я часто об этом думал. Наверное, здесь кроется небольшой парадокс. Но ничего — надеюсь, со временем вы, палеонтологи, сравните наших животных с ископаемыми окаменелостями — останками их вымерших сородичей — и выясните, насколько правильно развивались наши динозавры.

Элли спросила:

— А вот то животное, которое мы только что видели, велоцираптор, — почему вы назвали его *mongoliensis*?

— По месту, где был найден кусок янтаря, — объяс-

нил Ву. — Янтарь, из которого мы добыли ДНК этого раптора, — из Китая.

— Как любопытно... — сказал Грант. — А я буквально только что раскопал детеныша *antirrhopus*. Кстати, а взрослые велоцирапторы у вас есть?

— Да, — не задумываясь ответил Эд Регис. — Восемь взрослых самок. Эти самочки — настоящие охотницы. Вы же знаете — они охотятся стаями...

— Мы увидим их во время экскурсии?

— Нет! — резко ответил Ву. Он явно забеспокоился, что было совершенно неожиданно. Повисла неловкая пауза. Ву и Регис переглянулись.

— Пока — нет, — бодро заявил Регис. — Велоцирапторов пока еще не переместили в обычный парковый вольер. Мы временно содержим их в отдельном загоне.

— А можно посмотреть на них прямо там? — спросил Грант.

— Ну... Да, конечно, можно... Вообще-то, пока мы ждем, — Регис глянул на часы, — вы можете пройтись туда и посмотреть, если хотите.

— Конечно, хочу, — сказал Грант.

— Да-да, конечно, — подхватила Элли.

— И я тоже хочу пойти посмотреть, — попросил маленький Тим.

— Тогда обойдите вокруг здания, и там, за служебными помещениями, увидите огороженный вольер. Только не подходите слишком близко к изгороди. А ты, малышка? Тоже хочешь пойти посмотреть на динозавров? — спросил Регис у девочки.

— Нет, — Лекс с надеждой взглянула на Региса и сказала: — А вы со мной не поиграете? Ну, хоть чуть-чуть?

— Да пожалуйста! — охотно согласился Эд Регис. — Давай спустимся вниз, на улицу, и поиграем, пока не откроется наблюдательный пост.

Грант с Элли и Малкольмом прошли на задворки главного корпуса. Маленький Тим пошел с ними. Грант любил детей — да и как было не любить людей, пусть даже и маленьких, которые так откровенно интересуются всем, что связано с динозаврами? В музеях Грант часто наблюдал за группами детей, которые с разинутыми от удивле-

ния ртами рассматривали возвышающиеся перед ними гигантские скелеты. Он пытался понять, почему динозавры неизменно вызывают у детишек такое восхищение? В конце концов он решил, что дети любят динозавров из-за того, что эти гигантские создания — наглядное воплощение невероятной силы и абсолютной власти. Динозавры подсознательно ассоциируются у них с образами родителей. Это же идеальные символические родители — таинственные, притягательные и пугающие. И дети искренне любят их, как любят своих родителей.

Грант подозревал, что именно поэтому детишки, даже самые маленькие, так хорошо запоминают названия динозавров. Алан никогда не переставал удивляться, слыша, как трехлетний малыш кричит в восторге: «Стегозавр!» Как будто тот, кто запомнит сложные названия древних ящеров, приобретает некую тайную власть над этими могущественными и страшными созданиями.

— Что ты знаешь о велоцирапторах? — спросил Грант Тима, только для того, чтобы завязать разговор.

— Это небольшие плотоядные динозавры, которые охотились стаями, так же, как дейнонихусы, — ответил мальчик.

— Совершенно верно, — похвалил его Грант. — Только теперь принято считать, что дейнонихус — это тоже разновидность велоцираптора. А мнение о том, что они охотились стаями, основывается лишь на некоторых косвенных сведениях. Отчасти подобное мнение сложилось из-за внешнего вида этих животных. Они сильные и быстрые, но довольно маленькие для динозавров. Велоцирапторы весили примерно сто — сто пятьдесят килограммов. Так что для охоты за гораздо более крупной добычей они, вероятно, должны были собираться в стаи. Кроме того, иногда при раскопках рядом с костями крупного динозавра обнаруживали несколько скелетов велоцирапторов — это тоже свидетельствует в пользу того, что они охотились группами. И, конечно же, у рапторов относительно крупный мозг для динозавра, а значит, они были более сообразительными, чем большинство других ящеров.

— И насколько сообразительными их считают? — спросил Малкольм.

— Это зависит от того, у кого вы спросите, — сказал Грант. — Когда некоторые палеонтологи стали склоняться к мнению, что динозавры являлись теплокровными животными, большинство из нас пришли к выводу, что они были гораздо умнее, чем принято было считать раньше. Но наверняка этого не знает никто.

Вскоре они дошли до хозяйственных помещений. Стал слышен низкий гул работающих генераторов, запах бензином. За небольшой пальмовой рощицей стояло большое приземистое бетонное здание с железной крышей. Звук явно исходил из этого сооружения. Все с интересом посмотрели туда.

— Это, наверное, генератор, — предположила Элли.

— Какой он большой! — воскликнул Грант, заглядывая внутрь.

Мощный источник энергии занимал еще два подземных этажа. Генератор представлял собой огромный комплекс из множества крутящихся турбин и проводов, уходивших под землю. Все это освещалось яркими электрическими лампочками.

— Зачем в увеселительном парке понадобились такие мощности? Этот генератор мог бы снабжать энергией городок средних размеров, — сказал Малкольм.

— Может быть, для компьютеров?

— Возможно...

Грант услышал блеяние и пошел на звук. Пройдя несколько метров к северу, он наткнулся на огражденный загон с козами. Алан быстро прикинул на глаз их количество — получалось что-то около пятидесяти или шестидесяти голов.

— Интересно, а это им зачем? — спросила Элли.

— Понятия не имею.

— Наверное, чтобы кормить динозавров, — сказал Малкольм.

И они пошли дальше, по узкой утоптанной тропинке, через бамбуковые заросли. Наконец тропинка привела их к двойной ограде около четырех метров высотой, из толстой стальной сетки. По верху каждого ряда вились кольца колючей проволоки. От дальней изгороди слышался негромкий гул, словно от высоковольтных электрических проводов.

Там, внутри, за изгородью, густо росли папоротники до полутора метров высотой. Гранту послышался какой-то звук — вроде фыркания или сопения, как будто кто-то принюхивался. Потом раздался звук шагов, захрустели ветки — к изгороди приближалось какое-то животное.

Потом все звуки затихли.

— Я ничего не вижу, — шепотом пожаловался Тим.

— Тихо, ш-ш-ш...

Грант терпеливо ждал. Прошло несколько секунд. В воздухе жужжали насекомые. А в зарослях папоротников по-прежнему никого не было видно.

Элли тронула его за плечо и на что-то указала.

Грант присмотрелся в том направлении и разглядел среди папоротников голову животного — совершенно неподвижную, полускрытую метелками папоротниковых листьев. Холодный, пристальный взгляд двух больших темных глаз был устремлен на людей.

Голова была около полуметра в длину. Длинный ряд мощных, острых зубов тянулся от заостренного носа до самых слуховых отверстий, которые были у динозавров вместо ушей. Эта голова напоминала очертаниями голову огромной ящерицы или крокодила. Глаза не моргали, животное замерло в полной неподвижности. Шкура динозавра была кожистая, с чешуйчатым рисунком и примерно такой же окраски, что и у того маленького велоцираптора, — желто-коричневая, с более темными красноватыми полосками поперек спины, будто у тигра.

Пока Грант рассматривал животное, одна из передних конечностей динозавра очень медленно двинулась вверх — чтобы отвести от морды ветку папоротника, заслонившую обзор. Грант заметил, что верхняя конечность раптора очень мощная и мускулистая. На этой «руке» было три пальца, каждый из которых заканчивался длинным изогнутым когтем. «Рука» динозавра медленно и осторожно отвела папоротник в сторону.

У Гранта мороз пробежал по коже. Он подумал: «А ведь этот зверь на нас охотится!»

Млекопитающие, и человек в том числе, ощущают нечто невыразимо чуждое в том, как рептилии выслеживают свою жертву. Неудивительно, что люди так ненавидят

всяких змей и крокодилов! Эта холодность, эта неподвижность — все это какое-то абсолютно неестественное. Когда человек оказывается среди аллигаторов или других крупных рептилий, он словно попадает в совершенно иную жизнь, совершенно другой мир — ныне исчезнувший с лица Земли. Животное, конечно, и не догадывается, что его заметили, что его...

Они напали внезапно и молниеносно — одновременно справа и слева. Два раптора с невероятной быстротой преодолели десять метров открытого пространства, отделявшего изгородь от папоротниковых зарослей. В мозгу Гранта запечатлелась фантастическая картина — мощные, мускулистые тела высотой с рослого человека, приподнятые для равновесия толстые хвосты, крепкие лапы с длинными кривыми когтями, разинутые пасти с двумя рядами острых белых зубов...

Издав низкий рык, животные метнулись к изгороди и взвились в воздух, выбросив вперед мощные задние лапы, вооруженные устрашающе огромными когтями-кинжалами — по одному на каждой ноге. Они на полной скорости врезались в ограждение, раздался треск электрических разрядов, во все стороны посыпались сверкающие искры.

Велоцирапторы, злобно шипя, рухнули на землю. Посетители, как замороженные, подступили поближе к изгороди. И только тогда бросилось в атаку третье животное — оно подпрыгнуло и ударило по изгороди на высоте груди. Тим испуганно вскрикнул, когда их осыпало дождем искр от электрического разряда. Рапторы недовольно заворчали, издав нечто среднее между рыком и шипением — звук, характерный для рептилий, — и, быстро скользнув назад, скрылись среди папоротников. За изгородью снова никого не было видно — от динозавров остался только легкий запах гнилого мяса и дымок от электрических разрядов.

— Вот это да-а-а... — вырвалось у Тима.

— Они такие быстрые! — сказала Элли.

— Стайные хищники, — проронил Грант, качая головой. — Стайные хищники, у которых на уровне инстинктов заложено искусство устраивать засады... Чудесно, просто чудесно...

— Только я бы не сказал, что они слишком уж сообразительные, — заметил Малкольм.

По ту сторону ограждения, среди пальмовых деревьев, раздалось негромкое фыркание. Между листьями показалось несколько голов. Грант посчитал их — три... четыре... пять... Животные следили за ними. Следили холодным, немигающим взглядом.

Чернокожий мужчина в служебной форме выбежал к ним из пальмовой рощи.

— С вами тут все в порядке?

— Да, все нормально, — ответил Грант.

— Сработал сигнал тревоги, — сказал негр и глянул на обожженную и покореженную изгородь. — Они на вас напали?

— Да, втроем.

Негр кивнул.

— Они все время так делают. Бьются об изгородь, получают удар электрошока. Наверное, никогда не научатся...

— Глуповатые они какие-то, правда? — спросил Малкольм.

Негр прищурился и посмотрел на Малкольма. Потом буркнул:

— Радуйтесь, что здесь такая крепкая ограда, сеньор. — И ушел.

Все нападение, от начала до конца, длилось не более шести секунд. Грант все никак не мог как следует обдумать свои впечатления. Динозавры двигались с умопомрачительной быстротой — они казались такие быстрые, что движения их казались почти незаметными.

Когда все пошли обратно к главному корпусу, Малкольм сказал:

— Потрясающая скорость...

— Да, — согласился Грант. — Они гораздо проворнее любой современной рептилии. Бычий аллигатор способен совершать быстрые броски — но только на короткую дистанцию, не больше полутора-двух метров. Крупные ищерицы, такие, как пятиногий дракон с Комодо, в Индонезии, могут бегать со скоростью пятьдесят километров в час — достаточно быстро, чтобы догнать бегущего чело-

века. И они убивают людей постоянно. Только те животные за изгородью, по-моему, двигались чуть ли не вдвое быстрее.

— С такой скоростью бегают гепард, — сказала Элли. — Больше ста километров в час.

— Вот именно.

— Я вспоминаю, как эти звери бросались вперед, — их движения больше походили на птичьи... — заметил Малкольм.

— Да.

В современном мире так быстро могут двигаться только очень мелкие млекопитающие, например, мангусты — охотники за кобрами. Мелкие млекопитающие и, конечно же, птицы. Африканская птица-секретарь — прирожденный змеелов, а еще орел-змеелов и казуар. Движения велоцирапторов произвели на Алана Гранта такое же впечатление молниеносной смертельной угрозы, как вызывали прежде казуары — когтистые страусоподобные птицы из Новой Гвинеи.

— Значит, эти велоцирапторы выглядят как рептилии — у них похожие внешние очертания тела и такая же кожистая шкура, но движутся и ведут себя они подобно птицам — с такой же быстротой и смертоносными инстинктами, как это бывает у хищных пернатых, — Малкольм высказал общее мнение. — Примерно так?

— Да, — согласился Грант. — Должен признать, что рапторам действительно свойственны характерные особенности разных биологических видов.

— Это вас не удивляет?

— Не особенно, — сказал Грант. — Примерно так палеонтологи и представляли себе динозавров много лет назад.

Когда в начале девятнадцатого века впервые были обнаружены окаменевшие кости гигантских животных, ученым пришлось признать, что эти скелеты принадлежали просто каким-то слишком большим представителям современных животных. Это было обусловлено сильным влиянием религии — считалось, что никакие животные не могут полностью вымереть, поскольку бог не допустит, чтобы даже малейшие из его созданий исчезли с лица Земли.

Со временем стало ясно, что религиозная концепция в этом смысле неверна, а гигантские кости принадлежат каким-то прежде неизвестным животным. Но вот каким именно?

В тысяча восемьсот сорок втором году Ричард Оуэн, выдающийся английский специалист по анатомии, назвал этих животных «динозаврами», то есть «ужасными ящерами». Оуэн пришел к выводу, что динозавры соединяют в себе некоторые признаки ящериц, крокодилов и птиц. В частности, бедренные кости динозавров совсем не такие, как бывают у ящериц. Напротив, они очень напоминают птичьи. И, в отличие от ящериц, многие динозавры передвигались, сохраняя вертикальное положение тела. Оуэн представлял динозавров как быстрых, очень подвижных животных, и весь ученый мир разделял его взгляды в течение последующих сорока лет.

Но потом были найдены действительно гигантские костные окаменелости — останки животных, весивших при жизни более тысячи тонн. И ученые постепенно стали склоняться к мнению, что динозавры были медлительными, неповоротливыми великанами, обреченными на вымирание. И образ динозавра как медлительной, заторможенной рептилии понемногу возобладал над более ранним представлением о древних ящерах как о быстрых, похожих на птиц, созданиях. В последние годы некоторые ученые, и среди них — Алан Грант, пересмотрели существовавшую прежде концепцию динозавров и снова вернулись к мысли о том, что эти древние животные были более активными — не такими, как рептилии, а скорее птицеподобными. Профессор Грант считался среди коллег одним из самых ярых защитников новой концепции повадок динозавров. Но теперь он сам вынужден был признать, что даже его самые смелые предположения не шли ни в какое сравнение с реальностью — он и представить себе не мог, насколько быстры эти крупные, сильные хищники.

— Собственно, вот к чему я веду, — продолжал Малкольм. — Как вы считаете, эти динозавры выглядят достаточно убедительно? Насколько они настоящие, на ваш взгляд как специалиста?

— Я бы сказал — да, они вполне настоящие.

— А эти согласованные действия при нападении?..

— Этого можно было ожидать, — сказал Грант.

Если судить по ископаемым костным останкам, добычей стаи велоцирапторов иногда становились очень крупные животные, весом до тысячи тонн, — например такие, как тенонтозавры, — которые к тому же могли бегать быстрее лошади. Без согласованности в действиях стаи велоцирапторы просто не могли бы успешно охотиться на такую крупную дичь.

— Но каким образом они общаются — у них ведь нет речи?

— Для совместной охоты речь вовсе не обязательна, — сказала Элли. — Шимпанзе постоянно охотятся группами — загоняют и убивают мелких марышек. Они общаются посредством взглядов.

— А действительно ли эти динозавры на нас напали?

— Да, несомненно.

— И они убили бы нас, если бы смогли? — спросил Малкольм.

— Я думаю, да.

— Я спрашиваю не просто так, — заявил математик. — Но сначала скажите: правда ли, что, как я слышал, крупные хищники, вроде львов и тигров, не бывают людоедами с рождения? Эти животные сперва должны каким-то образом на собственном опыте узнать, что человек — легкая добыча и убивать людей довольно просто. И только тогда они становятся людоедами. Это правда?

— Насколько я знаю, правда, — откликнулся Грант.

— А динозавры должны быть в этом отношении еще более нерешительными, чем львы и тигры. В конце концов, они — животные из совсем другого мира, из тех времен, когда людей просто не существовало, когда вообще не было никаких крупных млекопитающих. Один бог знает, что они должны были почувствовать, впервые увидев человека. Вот я и думаю — откуда они могли узнать, что человека легко убить?

Все четверо некоторое время молчали, пытаясь ответить себе на этот вопрос.

— Как бы то ни было, теперь мне более чем интересно увидеть здешний наблюдательный пост, — проронил наконец Малкольм.

Версия 4.4

— Они не доставили тебе никаких неприятностей? — спросил Хаммонд.

— Нет, — ответил Генри Ву. — Все прошло гладко, совершенно никаких неприятностей.

— Твои объяснения их устроили?

— Почему бы и нет? — Ву пожал плечами. — Я говорил только то, что существует на самом деле — в общих чертах. У нас, конечно, имеются кое-какие мелкие трудности... И как раз об этом я хотел бы с вами поговорить поподробнее, желательно прямо сейчас. Это, в каком-то смысле, вопрос эстетики...

Джон Хаммонд сморщил нос, как будто запахло чем-то неприятным.

— Эстетики? — переспросил он.

Они беседовали в гостиной уютного бунгало Хаммонда, построенного посреди небольшой пальмовой рощицы в самой северной части парка. Гостиная была просторная и удобная, в ней находилось с полдюжины видеомониторов, которые показывали животных в парке. На журнальном столике лежала папка, которую принес Ву, с надписью: «Усовершенствование животных. Версия 4.4».

Хаммонд смотрел на Генри Ву с привычной отеческой снисходительностью. Под этим взглядом тридцатитрехлетний ученый особенно остро ощущал, что всю свою профессиональную жизнь работал на Хаммонда. Хаммонд нанял его сразу по окончании университета.

— Конечно, для этого есть и некоторые практические основания, — сказал Ву. — И я считаю, что вы должны согласиться с моими рекомендациями относительно второй стадии. Мы должны перейти к версии 4.4.

— Ты хочешь заменить всех животных, которые у нас есть, новыми? — спросил Хаммонд.

— Да.

— Но зачем? Что с ними не так?

— Вообще-то, ничего, — ответил Ву. — Кроме одного — это настоящие динозавры.

— Генри, но ведь именно этого я от тебя и ждал, — с улыбкой произнес Хаммонд. — Ты предоставил то, что мне было нужно.

— Да, я знаю, — сказал Ву. — Но, видите ли... — он замылся. Как можно объяснить это Хаммонду так, чтобы тот понял? Последнее время старик почти не бывал на острове. А здесь сложилась очень странная ситуация, и Генри Ву хотел с ней разобраться. — Почти никто во всем мире никогда не видел настоящих динозавров. Никто не знает, какие они на самом деле.

— Да...

— Динозавры, которые у нас сейчас имеются, — абсолютно настоящие, — продолжил Ву и показал на мониторы. — Однако в определенном смысле они не такие, какими должны быть. И я могу сделать их лучше.

— В каком это смысле — лучше?

— Во-первых, они двигаются слишком быстро, — начал Генри Ву. — Люди не привыкли видеть крупных животных, которые так быстро бегают. Я опасаясь, как бы наши посетители не подумали, что динозавры у нас какие-то ускоренные, как это бывает в фильмах, которые прокручивают на повышенной скорости.

— Но, Генри, ты сам только что сказал — эти динозавры настоящие.

— Да, я знаю. Но мы очень легко можем вырастить более медлительных, так сказать, «одомашненных» динозавров.

— Одомашненные динозавры? — Хаммонд пренебрежительно фыркнул. — Такие динозавры никому не нужны, Генри! Люди захотят увидеть только все настоящее.

— Именно об этом я и хотел поговорить, — сказал Ву. — Я считаю, что людям больше понравятся не настоящие животные, а такие, какими они их себе представляют.

Старик Хаммонд нахмурился.

— Вы сами говорили, Джон, что наш парк предназначен для развлечения туристов, — продолжал Ву. — А между развлечениями и реальностью нет ничего общего. Развлечения — это, в некотором смысле, прямая противоположность реальности.

Хаммонд вздохнул.

— Генри, неужели ты снова начинаешь еще один бесконечный и бессмысленный спор? Ты же знаешь — я предпочитаю смотреть на вещи просто. Наши динозавры — настоящие, и...

— Извините — не совсем настоящие, — возразил Ву. Он прошелся по комнате, подошел к мониторам. — Зачем нам обманывать самих себя? Мы ведь здесь не *воссоздали* прошлое. Оно ушло, и его не вернуть. Его никак невозможно воссоздать. Мы только реконструировали прошлое — по крайней мере, некую его версию. И я считаю, что мы способны создать лучшую версию этого прошлого.

— Лучше, чем настоящая?

— Почему бы и нет? В конце концов, ведь в этих животных уже внесены некоторые изменения. Мы ввели в их ДНК гены-маркеры, чтобы наших динозавров можно было запатентовать, мы сделали их лизин-зависимыми... И мы совершили все, что в наших силах, для ускорения их роста и физического развития — чтобы животные выросли в кратчайшие сроки.

Хаммонд пожал плечами.

— Это неизбежно. Нам нельзя было ждать, теряя драгоценное время. Мы должны блюсти интересы своих инвесторов.

— Да, конечно! Но я спрашиваю только одно — стоит ли останавливаться на достигнутом? Почему бы не создать таких динозавров, которые нам больше подходят? Таких, которых ожидают увидеть наши будущие посетители. Таких, котрых нам же самим легче будет содержать. Более медлительных, более послушных — такие лучше подошли бы для нашего парка.

Хаммонд снова нахмурился.

— Но ведь тогда динозавры будут ненастоящими.

— Да они и сейчас ненастоящие! — вздохнул Ву. — Это я и пытаюсь вам объяснить. Здесь вообще нет ничего настоящего, — молодой ученый беспомощно пожал плечами.

Он уже понял, что ничего у него не получится. Хаммонд никогда особенно не интересовался техническими подробностями, а этот разговор касался именно технических деталей. Как можно донести до сознания Хаммонда смысл разрывов в цепочках ДНК, искажения в их структуре, пробелов в последовательностях аминокислот, которые Ву приходилось заполнять по своему разумению — в соответствии с самыми правдоподобными, статистически самыми вероятными предположениями, — которые

все равно оставались только предположениями. ДНК динозавров, добытые из кусков янтаря, — это как будто старые фотографии, которые следовало отретушировать. В основе того, что получилось, лежала первоначальная фотография — но в некоторых местах пришлось и подчищать, и дорисовывать. А в результате...

— Послушай, Генри, что я тебе скажу... — Хаммонд отечески приобнял молодого ученого за плечо. — Ты не обижайся, пожалуйста, но, по-моему, ты малость перетрудился. Ты долго и упорно вкалывал и проделал чертову уйму работы — чертову уйму! И вот, наконец, приходит время показать всему миру, чего ты достиг. Естественно, что ты немного волнуешься, начинаешь сомневаться в себе — и совершенно напрасно! Я уверен — все будет просто в восторге от того, что ты сделал. Просто в восторге!

Говоря все это, Хаммонд потихоньку уводил Генри Ву в сторону выхода.

— Но, Джон! Вы только вспомните: тогда, в восемьдесят седьмом, когда мы только начали заказывать средства сдерживания животных... Тогда у нас еще не было ни одной взрослой особи, поэтому пришлось все заказы делать почти наугад, рассчитав приблизительно, что нам может понадобиться. Мы заказали мощные шоковые разрядники, ружья, стреляющие электрическими сетями, машины с приделанными к ним штырями — специально для того, чтобы загонять крупных животных. Все было изготовлено точно в соответствии с нашими спецификациями. Теперь у нас полный склад таких приспособлений — и все они ни на что не годятся! Они все действуют слишком медленно! Их необходимо усовершенствовать. Вы знаете, что Малдун требует военное снаряжение — снаряды с системой самонаведения и винтовки с лазерными прицелами?

— Вот пусть Малдун об этом и беспокоится, — сказал Хаммонд. — Меня это не касается. Генри, у нас ведь здесь просто зоопарк!

Зазвонил телефон, и Хаммонд пошел поднимать трубку. Ву пытался придумать какой-нибудь другой способ решить эту проблему. Но приходилось признать, что теперь, после пяти долгих лет работы, парк юрского периода был уже почти закончен и Джон Хаммонд больше не желал прислушиваться к мнению Генри Ву.

А ведь были времена, когда Хаммонд слушал Ву очень внимательно, буквально ловил каждое его слово. Особенно когда старик только нанял его, двадцативосьмилетнего выпускника университета, который работал над докторской диссертацией в Стэнфорде, при лаборатории Нормана Атертона.

Внезапная смерть Атертона повергла всех сотрудников лаборатории не только в скорбь, но и в растерянность — никто не знал, что дальше будет с их диссертациями, с исследовательскими и научными программами лаборатории. Все было так неопределенно... Люди беспокоились из-за своей научной карьеры.

Через две недели после похорон Джон Хаммонд специально приехал, чтобы поговорить с Ву. Все в лаборатории знали, что Хаммонд как-то связан с Атертоном, но в подробности никто из сотрудников не был посвящен. И вот Хаммонд явился к Ву и повел себя с такой самоуверенностью и властностью, которые Генри Ву не забудет никогда.

— Норман говорил, что вы — лучший генетик в его лаборатории, — начал Хаммонд, сразу беря быка за рога. — Какие у вас теперь планы?

— Даже не знаю... Собираюсь продолжать исследования.

— Надеетесь получить университетский грант?

— Да.

— Бесполезная трата времени, — бесцеремонно заявил Хаммонд. — По крайней мере, если вы хоть немного цените свой талант.

Ву моргнул от удивления и неожиданности.

— Но почему?

— А вот почему. Давайте посмотрим фактам в лицо, — сказал Хаммонд. — Университеты в наше время отыграли роль ведущих научных центров страны. Сама их идея абсурдна. Их предназначение в истории науки исчерпано. И не смотрите на меня так удивленно. Я говорю только то, в чем уверен на сто процентов. Начиная со Второй мировой войны все действительно важные открытия делаются исключительно в частных лабораториях. Лазеры, транзисторы, вакцина от полиомиелита, микрочипы, голография, персональные компьютеры, изображения в

магнитном резонансе, послойная компьютерная томография — этот список можно продолжать до бесконечности. В университетских структурах подобное просто больше не делается, вот и все. И так — вот уже сорок лет. Если вы хотите совершить что-нибудь значительное в компьютерных технологиях или в генетике — не стоит обращаться в университеты. Не стоит, можете мне поверить.

Ву не нашелся что ответить.

— Вы только подумайте, ради бога, сколько всего вам придется сделать, чтобы начать новый проект, — продолжал Хаммонд. — Только для того, чтобы выклянчить грант, надо будет получить столько рекомендаций, заполнить столько бесполезных бумажек, в стольких инстанциях все согласовать и утвердить! А комиссия по выработке регламента? А министерство? А комиссия по университетским ресурсам? Как вы собираетесь получать добавочные рабочие помещения, если они вам понадобятся? Как нанимать дополнительных сотрудников — если в этом возникнет необходимость? И главное — сколько времени у вас уйдет на все это? Гениальный ученый не должен без толку терять время на нескончаемую бюрократическую возню, на всякие там комитеты и бессмысленную бумажную волокиту. Жизнь такая короткая, а ДНК — такая длинная... Если вы хотите сделать себе имя, если вы вообще хотите совершить что-то значительное в науке — держитесь подальше от этих университетов, вот вам мой совет.

В те дни Генри Ву действительно отчаянно хотел сделать себе имя в науке. И Джон Хаммонд целиком овладел его вниманием.

— Я говорю о настоящей работе, — продолжал Хаммонд. — О настоящих, результативных исследованиях. Что нужно ученому для работы? Время и деньги. Я предлагаю вам контракт на пять лет и фонды по десять миллионов долларов ежегодно. Пятьдесят миллионов долларов будут в полном вашем распоряжении — и никто не станет указывать, на что их лучше потратить. Решать будете вы. Все остальные просто уберутся с вашей дороги.

Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Ву долго молчал, обдумывая предложение, выискивая скрытый подвох. Наконец он спросил:

— А что вы хотите получить взамен?

— Я хочу, чтобы вы совершили невозможное, — сказал Хаммонд. — Сделали то, чего пока никто не смог сделать.

— Что вы имеете в виду?

— Я пока не стану посвящать вас в подробности, но в общем и целом дело касается клонирования рептилий, — объяснил Хаммонд.

— Не думаю, что это так уж невозможно, — заметил Ву. — Рептилии устроены более примитивно, чем млекопитающие. А клонирование широко практикуется уже десять или пятнадцать лет. Значит, вы имеете в виду некие фундаментальные усовершенствования?

— Я дам пять лет и огромную кучу денег тому, кто решится взяться за это дело, — сказал Хаммонд. — И прямо сейчас.

— Мои работы можно будет публиковать? — спросил Ву.

— Со временем.

— Но не сразу?

— Не сразу.

— А со временем — можно? — снова переспросил Ву, зацепившись за это условие.

Хаммонд даже рассмеялся и сразу же перешел на «ты».

— Насчет известности не беспокойся. Если у тебя все получится как надо, весь мир узнает о том, чего ты достиг, — это я тебе обещаю!

«И вот теперь весь мир действительно скоро узнает о том, чего я достиг», — подумал Ву. Позади пять лет напряженнейшей работы, до открытия парка осталось меньше года... Конечно, эти пять лет прошли не совсем так, как обещал Хаммонд. Все равно были люди, которые указывали Генри Ву, что и как делать, и не раз они оказывали на него ужасное давление. И сама работа оказалась не столько той, о которой рассказывал тогда Хаммонд, — это уже нельзя было назвать клонированием рептилий, поскольку вскоре выяснилось, что у динозавров слишком много общего с птицами. Пришлось заниматься клонированием птиц — а это совсем другое дело, чем работа с рептилиями. Гораздо более сложное. Кроме того, последние два года Генри Ву пришлось в основном выполнять работу администратора, руководить командами исследовате-

лей и контролировать компьютерные операции с генными секвенсерами. Но Генри совсем не интересовала работа администратора, у него не было никаких склонностей к такой работе. И его нанимали совсем для другого.

И все-таки он достиг успеха. Ему удалось совершить то, что считалось невозможным. Никто не верил, что можно это сделать — по крайней мере, за такое короткое время. И Генри Ву считал, что имеет определенное право влиять на происходящее здесь — он заслужил это право своим вкладом в достигнутое. А вместо этого его влияние тает с каждым днем. Динозавры уже существуют. Процедура их получения отработана до мельчайших деталей. Все технологии уже разработаны и проверены практикой. Джону Хаммонду больше не нужен Генри Ву.

— Все будет хорошо, — проронил Хаммонд в телефонную трубку. Потом немного послушал, посмотрел на Ву и улыбнулся. — Да, хорошо. Да. Хорошо. — Хаммонд положил трубку и спросил: — Так, о чем это мы говорили, Генри?

— О второй фазе, — напомнил Ву.

— Ах, да. Но мы уже обсуждали все это раньше, Генри...

— Да, но вы не понимаете...

— Извини, Генри, но я все прекрасно понимаю, — нетерпеливо оборвал его Хаммонд. — И должен честно тебе сказать, Генри, — я не вижу никаких причин для того, чтобы «усовершенствовать» динозавров, они и так самые что ни на есть настоящие. Любые изменения, которые мы вносили в их геном, были обусловлены либо законом, либо необходимостью. Возможно, в будущем нам придется вносить еще какие-нибудь изменения — например, чтобы животные не болели, или еще что-нибудь. Но мы не должны видоизменять динозавров только потому, что нам кажется, будто так они будут лучше. Сейчас у нас — настоящие динозавры. Именно их люди и хотят увидеть. Их они и увидят! Это наш долг, Генри. Это — честно, Генри.

И, все так же улыбаясь, Хаммонд отрыл дверь, чтобы Ву вышел.

Наблюдение

Грант настороженно смотрел на компьютерные мониторы в полутемном помещении наблюдательного поста. Грант не любил компьютеры. Он знал, что подобное отношение старомодно, что современные исследователи всю пользуются новой вычислительной техникой — но это не волновало. У некоторых ребят-студентов, работавших на него, было настоящее чутье, почти интуиция, необходимое для того, чтобы управляться с компьютерами. У Гранта никогда так не получалось. Компьютеры казались ему чуждыми, таинственными машинами. Даже самое простое различие между операционными системами и программами приводило его в смущение, он совершенно терялся — как будто попал в неизвестную страну со странными и непонятными обычаями. Но Грант заметил, что Геннаро вроде бы воспринимает компьютеры довольно спокойно, а Малкольм вообще чувствовал себя как в родной стихии и чуть поводил носом в предвкушении — словно ищейка, взявшая след.

— Хотите, я расскажу вам о нашей системе наблюдения? — предложил Джон Арнольд, главный инженер комплекса. Он сидел на крутящемся стуле в помещении наблюдательного поста. Вокруг располагались мониторы компьютеров. Главный инженер был жилистым худощавым мужчиной лет сорока пяти, он беспрерывно курил сигареты — одну за другой. — Наблюдательная система у нас — просто потрясающая! — сказал он и закурил очередную сигарету.

— Очень интересно, — откликнулся Геннаро.

— Возьмем для примера систему отслеживания животных, — Арнольд нажал какую-то кнопку на клавиатуре, и на вертикальной стеклянной карте высветились голубые пунктирные линии. — Это наш молодой тиранозавр, Т-рекс. Маленький рексик. Вот схема всех его перемещений по парку за последние двадцать четыре часа. — Он нажал другую кнопку. — А это — за предыдущие сутки. — Снова нажал на кнопку. — И еще за предыдущие.

Голубые линии на карте переплетались, образуя бесформенную густую сетку, похожую на детские каракули. Но весь этот запутанный клубок линий располагался то-

лько в одном секторе парка, около юго-восточного побережья острова.

— По этим линиям можно получить представление о том, где и в какое время он обычно бывает, — сказал Арнольд. — Он еще маленький и старается держаться поближе к воде — и подальше от большого, взрослого тиранозавра. Если наложить пути передвижения большого и маленького тиранозавров, мы увидим, что они никогда не пересекаются.

— А где сейчас большой тиранозавр? — спросил Геннаро.

Арнольд нажал еще одну кнопку. Голубые линии погасли, и на карте появилась одна-единственная светящаяся точка, а рядом с ней — кодовое название животного. Точка располагалась к северо-западу от побережья.

— Он сейчас вон там, — сказал Арнольд.

— А маленький рекс? Вы можете показать, где он?

— Господи, да я могу показать, где сейчас находится любое животное из тех, что обитают в парке! — воскликнул Арнольд. Карта засветилась, как новогодняя елка, — на ней вспыхнуло множество разноцветных огоньков, и рядом с каждой светящейся точкой был кодовый номер животного. — Вот, смотрите — здесь все двести тридцать восемь животных.

— Насколько точно определяется их местоположение?

— С точностью до полутора метров. — Арнольд затянулся сигаретным дымом. — Проще говоря, если сесть в машину и поехать туда, то животное окажется точно в том месте, какое обозначено на карте.

— Как часто возобновляются эти данные?

— Каждые тридцать секунд.

— Впечатляет... — сказал Геннаро. — А как это делается?

— По всему парку у нас расставлены детекторы, реагирующие на движение, — стал объяснять Арнольд. — По большей части они смонтированы на сети проводов, но есть и радиотелеметрические. Естественно, датчики движения не определяют непосредственно вид животного, но мы получаем изображения животных с видеомониторов и так идентифицируем их. Мы сами не всегда следим за мониторами, но компьютер делает это постоянно. Так мы определяем, где какое животное находится в данное время.

— Случалось ли, что компьютер выдавал неправильные сведения?

— Такое бывало только с животными небольших размеров, детенышами. Они очень маленькие, и компьютер иногда путает их изображения. Но такие ошибки обычно не очень мешают. Детеныши, как правило, держатся поблизости от стада взрослых животных. И, кроме того, компьютер периодически подсчитывает животных по категориям.

— Это как?

— Каждые пятнадцать минут компьютер автоматически пересчитывает животных каждого вида и выдает список по категориям, — сказал Арнольд. — Вот такой:

Общее количество животных в парке: 238

Виды животных	Версия	Ожидаемое	Действительное
Тиранозавры	2	2	4.1
Майязавры	21	21	3.3
Стегозавры	4	4	3.9
Грицератопсы	8	8	3.1
Прокомпсогнатусы	49	49	3.9
Отниелии	16	16	3.1
Велоцирапторы	8	8	3.0
Апатозавры	17	17	3.1
Хадрозавры	11	11	3.1
Дилофозавры	7	7	4.3
Итерозавры	6	6	4.3
Гипсилофодонты	33	33	2.9
Эуплоцефалиды	16	16	4.0
Стиракозавры	18	18	3.9
Микроцератопсы	22	22	4.1
Всего	238	238	—

Эта таблица содержит данные, полученные в результате совершенно отдельной процедуры подсчета. Они никак не связаны с данными системы отслеживания. Наши компьютеры не могут ошибиться, потому что используют две разные системы сбора информации, а потом сравнивают результаты подсчета. Если какое-нибудь животное исчезнет — мы обнаружим это в ближайшие пять минут.

— Понятно, — сказал Малкольм. — И что же, случилось когда-нибудь такое на самом деле?

— Вообще-то да, — ответил Арнольд. — У нас погибло несколько животных. Как-то отниелии защемило голову между ветками, и она задохнулась. Один из стегозавров издох от какого-то пищеварительного расстройства — они у нас до сих пор время от времени страдают кишечными болезнями. Еще было — гипсилофодонт упал и свернул себе шею. Так вот, всякий раз, когда животное переставало двигаться, датчики переставали его учитывать, и компьютер подавал сигнал тревоги.

— Через пять минут?

— Да.

Геннаро спросил:

— А что это за цифры в последней колонке?

— Там проставлены порядковые номера версий динозавровых ДНК. Чаше всего встречаются версии 4.3 и 4.1. Мы планируем постепенно полностью перейти к версии 4.3.

— Номера версий? Это что, как версии компьютерных программ? Новые модификации?

— Ну, в общем-то да, — согласился Арнольд. — В каком-то смысле это действительно как бы версии компьютерных программ. Если в ДНК обнаруживаются какие-то скрытые дефекты, лаборатория доктора Ву перерабатывает ее заново и выдает следующую версию.

Гранту почему-то не понравилось, что животным присваивают серийные номера, переделывают их, совершенствуют — будто это не живые создания, а какие-то компьютерные программы. Грант и сам пока не мог сказать, почему это его так беспокоило — мысль была слишком новой, — но он сразу же встревожился. Ведь, в конце концов, это живые создания...

Арнольд, по-видимому, понял, о чем думает Грант, потому что сразу сказал:

— Послушайте, доктор Грант, только не надо так волноваться из-за этих животных! Не следует забывать, что все они в буквальном смысле *созданы*. Созданы человеком. Ну, бывает — иногда что-то получается не так, как надо. И, естественно, когда мы выявляем дефекты, лаборатории доктора Ву приходится их исправлять. Поэтому нам, конечно же, обязательно надо отслеживать, к какой версии относится каждое животное.

— Да-да, конечно, в этом вы совершенно правы, — одобрительно заметил Малкольм. — Но давайте все же вернемся к методикам подсчета... Насколько я понял, все системы подсчета животных основаны на показаниях датчиков движения, так?

— Да.

— И эти датчики разбросаны по всей территории парка?

— Датчики снимают информацию с девяноста двух процентов территории острова. Разумеется, есть несколько участков, где их просто невозможно использовать, — сказал Арнольд. — Например, мы не ставили датчики вдоль речки, которая течет через джунгли, — потому что движение потоков воздуха над рекой и движение самой воды сбивает их показания. Но, в общем, датчики расположены практически везде. И если компьютер прослеживает животное до территории, которая не контролируется датчиками, он запоминает это и ждет, когда животное оттуда выйдет. Если животное не появляется слишком долго — компьютер подает сигнал тревоги.

— А теперь еще один вопрос, — продолжал Малкольм. — В вашей таблице указано количество прокомпсогнатов — сорок девять. Предположим, мы заподозрили, что некоторые из этих животных — с какими-то дефектами. Как можно это проверить?

— Есть два способа, — ответил главный инженер. — Во-первых, можно проследить передвижения каждого отдельного животного в группе. Компии — животные стадные, они держатся группами. У нас в парке таких групп две. Так что каждый отдельный компи может быть либо из группы А, либо из группы Б.

— Да, но...

— А второй способ — непосредственное визуальное наблюдение, — продолжал Арнольд. Он пощелкал кнопками клавиатуры, и на одном из мониторов появились и стали быстро сменяться изображения прокомпсогнатов, пронумерованные от одного до сорока девяти.

— Эти картинки...

— Это изображения каждого компи, полученные с парковых видеокамер за последние пять минут.

— Значит, если нужно, вы можете увидеть каждое животное в отдельности?

— Да. Я могу просмотреть видеоизображения всех животных в любое время.

— А как насчет физических мер защиты? — спросил Геннаро. — Они не могут выбраться из своих вольеров?

— Это абсолютно исключено, — уверенно ответил Арнольд. — Это очень дорогие животные, мистер Геннаро. И мы очень хорошо за ними присматриваем. Вокруг всех вольеров — по несколько рядов ограждений. Во-первых, это рвы с водой. — Он нажал кнопку, и на прозрачной карте высветилась частая сеть оранжевых линий. — Эти рвы не меньше четырех метров глубиной и постоянно заполнены водой. Вокруг вольеров с более крупными динозаврами водные преграды глубиной до пяти метров. Дальше — электрифицированные изгороди. — На карте засветились линии ярко-красного цвета. — У нас в парке восемьдесят километров электрифицированных ограждений четырехметровой высоты, в том числе изгородь длиной около тридцати пяти километров, которая окружает весь остров в целом. По этим ограждениям идет ток напряжением в десять тысяч вольт, и так по всему парку. Животные быстро приучаются не подходить слишком близко к оградам.

— Ну, а вдруг все-таки какой-нибудь зверь выберется на волю? — спросил Геннаро.

Арнольд фыркнул, пожал плечами и затушил окурок об пепельницу.

— Давайте только предположим, что это случилось, — упрости́вал Геннаро. — Что тогда?

Малдун прокашлялся и сказал:

— Тогда мы поедem туда и вернем животное на место. У нас полно всякого специального оборудования, просто на всякий случай, — электрошоковые ружья, электрические сети, транквилизаторы. Все оружие не смертельное — потому что, как уже сказал мистер Арнольд, это очень дорогие животные.

Геннаро кивнул.

— А если какое-нибудь животное выберется с острова?

— Оно погибнет в ближайшие двадцать четыре часа, — сказал Арнольд. — Эти животные созданы с помощью генной инженерии. Они просто не способны выжить в дикой природе.

— А как насчет самой системы наблюдения? — спро-

сил Геннаро. — Нельзя ли ее как-нибудь взломать или испортить?

Арнольд покачал головой.

— Система абсолютно надежна. Компьютерная сеть полностью изолирована от внешних воздействий. У наших компьютеров независимые источники питания — и основной, и аварийный. Сеть компьютеров острова никак не связана с внешним миром, так что на нее нельзя повлиять через Интернет. И у нас очень надежная программная защита.

Все немного помолчали. Арнольд закурил очередную сигарету.

— Тут до черта всякой секретности, всяких кодировок, — сказал он. — Система надежная до невозможности.

— Ну, если у вас такая хорошая система, она, наверное, работает безотказно и у вас не бывает с ней никаких проблем? — спросил Малкольм.

— Да что вы! Проблемы у нас постоянно, — ответил Арнольд и приподнял бровь. — Но все они никак не связаны с тем, что вас так беспокоит. Я понимаю, вы опасаетесь, как бы животные от нас не удрали, а то еще переберутся на континент и устроят там черт-те что... Да? Ну, так нас это нисколько не волнует. Мы-то знаем, какие эти динозавры болезненные и привередливые к внешним условиям. Их же вытащили из глубокой, доисторической древности, перенесли через шестьдесят пять миллионов лет в наш мир, чертовски отличающийся от их собственного, к которому они приспособлены. Ухаживать за ними — работка еще та! Вы, конечно, понимаете — люди и тысячу лет назад держали в зоопарках всяких млекопитающих и рептилий. Так что уже давно досконально известно, как содержать и как ухаживать за слонами или там крокодилами. Но динозавров-то никто раньше в зоопарках не держал! Это же совсем новые животные. Мы просто не знаем, чего им надо, чем их кормить, чем лечить. А они постоянно чем-то болеют...

— Болеют? — вдруг насторожился Геннаро. — А посетители никак не смогут от них заразиться?

Арнольд снова насмешливо фыркнул.

— Мистер Геннаро, а как вы думаете, хоть один человек когда-нибудь заражался, скажем, насморком от аллигатора из зоопарка? Зоопаркам нет до этого никакого

дела. Вот и нам тоже. Что нас действительно заботит — это как бы звери не передохли от этих своих болячек и не позаражали других зверей. Но у нас есть специальные программы, чтобы отслеживать и это тоже. Хотите посмотреть на показатели состояния здоровья большого рекса? Или на график его прививок? А может, показать вам карточку состояния его зубов? Это та еще картинка — когда ветеринары скребут его зубищи, чтобы, не дай бог, у твари не развился кариес...

— Я посмотрю — но не сейчас. Какнибудь в другой раз, — сказал Геннаро. — Что у вас с механическими системами?

— Вы имеете в виду фуникулеры? — уточнил Арнольд. Грант удивленно вскинул брови: фуникулеры?

— Ни одна из линий пока не работает, — рассказывал между тем Арнольд, главный инженер парка. — У нас намечены два маршрута — «Река в джунглях», где кабинки будут двигаться по канатной дороге, и «Среди птиц», — но линии еще не запущены в действие. Когда парк откроется, здесь вначале станет функционировать только основной маршрут, с динозаврами, — тот самый, по которому вы будете осматривать парк. Все другие маршруты мы планируем открыть для посетителей где-то еще через полгода или через год.

— Погодите-ка, — вмешался Грант. — Вы что, собираетесь устраивать здесь канатную дорогу, как в парках отдыха?

Арнольд сказал:

— У нас здесь зоологический парк. И мы будем проводить экскурсии по разным маршрутам. А «фуникулеры» — это просто такое название, вот и все.

Грант нахмурился. Снова его охватило какое-то внутреннее беспокойство. Алану Гранту почему-то оч-чень не понравилась идея устроить парк отдыха с живыми динозаврами...

А Ян Малкольм продолжал задавать вопросы:

— Значит, вы в одиночку можете управлять всем парком из этой комнаты?

— Да, — сказал Арнольд. — Если надо, я мог бы управиться со всем парком даже одной рукой. У нас тут все системы полностью автоматизированы. Компьютер может в течение сорока восьми часов сам, без вмешательства опе-

ратора, отслеживать животных, кормить их, когда нужно, поддерживать постоянный уровень воды в водоемах внутри вольеров.

— Это та система, которую проектировал мистер Недри? — спросил Малкольм. Деннис Недри сидел за компьютером в дальнем углу комнаты, жевал конфету и время от времени щелкал пальцами по клавишам.

— Да, это она, — согласился Недри, не отрывая взгляда от клавиатуры.

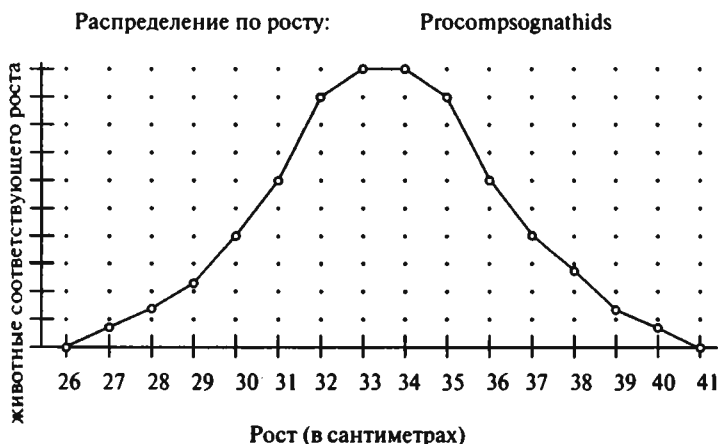
— Чертовски сложная система! — с гордостью произнес Арнольд.

— Все правильно, — равнодушно пробурчал Недри. — Осталось отловить всего одного или двух «жучков», сушая ерунда.

— А теперь вам, наверное, пора отправляться на экскурсию, — предложил Арнольд. — Если ни у кого больше нет никаких вопросов...

— Только один, последний, — сказал Малкольм. — Он касается статистики и научных исследований. Вы нам так хорошо продемонстрировали, как можно выследить и даже увидеть на мониторе каждого отдельного прокомпсогнатуса... А вы проводите какие-нибудь групповые исследования этих животных? Измеряете их, или там еще что-нибудь?.. Если мне понадобится узнать их средний рост или вес...

Арнольд просто нажал несколько кнопок. На мониторе появилась картинка:

— Это все делается очень просто, — сказал Арнольд. — Компьютер почти мгновенно снимает метрические данные во время анализа видеоизображений. Как вы видите, у нас получается нормальная кривая Гаусса — кривая распределения особей по росту в обычной популяции животных. Она показывает, что основная часть животных в группе среднего роста — это верхняя часть кривой, а маленьких животных и животных больше среднего роста гораздо меньше — это «усы» кривой.

— По-вашему, график распределения и должен был выглядеть именно так? — спросил Малкольм.

— Да, конечно. Такое распределение нормально для любой естественной биологической популяции, — заверил его Арнольд, закуривая еще одну сигарету. — Еще вопросы будут?

— Нет, спасибо. Я узнал все, что мне было нужно, — ответил Малкольм.

Когда экскурсанты вышли, Геннаро сказал:

— По-моему, эта их система вполне надежна. Не осталось ни одной лазейки, через которую животные могли бы удрать с острова. Как они могут сбежать?

— Нет, вы в самом деле не понимаете? — удивился Малкольм. — А по-моему, это очевидно.

— Стоп, погодите, — сказал Геннаро. — Вы что, считаете, что животные от них таки убегали?

— Я уверен, такие случаи были.

— Но как эти животные могли сбежать? Вы же сами все видели! Они постоянно пересчитывают всех своих зверей. Они могут увидеть каждое животное по отдельности и всех вместе. Они знают, где каждое животное находится в любое время. Ну разве может кто-нибудь сбежать в таких условиях?

Малкольм улыбнулся.

— Это вполне очевидно — исходя из ваших предположений.

— Ваших предположений, — возразил помрачневший Геннаро.

— Да, — согласился Малкольм. — Вот, смотрите. Что происходит в парке юрского периода? Группа ученых и инженеров попыталась создать новые, полностью соответствующие естественным природные условия. И уче-

ные на наблюдательном посту уверены, что эти условия и должны быть естественными. Как тот график, который нам только что показали. Но ведь это же сразу понятно — такая идеальная, правильная кривая распределения выглядит чудовищно неестественно для этого острова.

— Но почему?

— Да потому. Если исходить из того, что сказал нам чуть раньше доктор Ву, на острове просто не может быть популяций животных с такими кривыми распределения.

— Почему это? — снова спросил Геннаро.

— Потому что этот график характерен для нормальной биологической популяции в естественных условиях. А в парке юрского периода таких условий заведомо не может быть. Это — неестественный мир. Этот парк создан искусственно и только имитирует естественные природные условия. Это не настоящие джунгли, а действительно всего лишь парк, такой же, как традиционные японские сады. Природа, обработанная человеком так, что кажется более естественной, чем натуральная, дикая природа.

— Боюсь, я вас не понимаю, — признался немного раздосадованный Геннаро.

— Ничего, я уверен — после этой экскурсии вам все станет ясно, — сказал Малкольм.

Экскурсия

— Сюда, все сюда! — позвал Эд Регис. Рядом с ним стояла девушка и выдавала всем экскурсантам пробковые шлемы с надписью «Парк юрского периода» и маленьким синим изображением динозавра на головном ремешке.

Возле Гостевого центра выстроились в ряд несколько вездеходов марки «Тойота», выведенных из подземного гаража под главным корпусом. Водителей в машинах не было, моторы не работали. Двое служителей-негров в охотничьих костюмах открывали дверцы перед пассажирами.

— От двух до четырех человек в каждую машину, пожалуйста, от двух до четырех человек в каждую машину, — звучала запись из громкоговорителя. — Дети до десяти лет допускаются только в сопровождении взрослых. От двух до четырех пассажиров в каждую машину...

Тим смотрел, как в первый вздох усаживаются профессор Грант, Элли Саттлер, Малкольм и этот адвокат, Геннаро. Мальчик оглянулся на Лекс — сестренка стояла и колотила кулаком по своей бейсбольной перчатке.

Тим показал на первую машину и спросил:

— Можно, я поеду с ними?

— Извини, малыш, но им надо кое-что обсудить по дороге, — ответил Эд Регис. — Они будут говорить о всяких технических подробностях.

— А я всегда интересуюсь техническими подробностями, — сказал Тим. — Можно, я поеду с ними?

— Но ты и так сможешь услышать, о чем они говорят, — сказал Регис. — У нас машины могут связываться друг с другом по радио.

Подъехала вторая машина. Тим и Лекс забрались внутрь, Эд Регис — с ними.

— Эти машины работают на электроприводе, — пояснил Регис. — Они ездят только вдоль кабеля, по специальным дорожкам.

Тим порадовался, что ему досталось место на переднем сиденье — потому что там находились два компьютерных монитора, вмонтированных в приборную панель, и еще какой-то ящик, похожий на CD-ROM — компьютерный проигрыватель лазерных компакт-дисков. Еще на приборной панели был портативный приемник «уоки-токи» и что-то вроде радиопередатчика. Из крыши машины торчали две антенны, а в отделении для карт лежали какие-то странные очки.

Чернокожий служитель захлопнул двери вездехода. Машина загудела и тронулась с места. В машине, которая ехала впереди, трое ученых и Геннаро оживленно жестикулировали и переговаривались — похоже, обсуждали что-то интересное. Эд Регис предложил:

— Давай послушаем, что они говорят. — И включил переговорное устройство.

— Не знаю, что вы, по-вашему, здесь делаете... — звучал в интеркоме голос Геннаро. Он как будто был очень разозлен.

— Зато я прекрасно понимаю, зачем я здесь, — сказал Малкольм.

— Я пригласил вас, чтобы вы давали мне советы, а не

играли со мной в эти дурацкие игры! На черта мне сдались ваши заумные головоломки?! Мне принадлежит пять процентов от доходов этой компании, и я должен убедиться, что этот чертов Хаммонд добросовестно выполняет свои обязательства! А вы тут приезжаете, устраиваете черт-те что...

Эд Регис нажал кнопку интеркома и обратился к пассажирам первой машины:

— Эти легкие наземные вездеходы с электроприводом были специально построены для нашего парка компанией «Тойота» в Осаке. Они не загрязняют окружающую среду, а это очень важно для нашего парка. Мы надеемся, что со временем можно будет ездить на машинах прямо среди животных, как в национальных парках Африки. Ну, а пока мы можем предложить насладиться только экскурсией по заранее проложенному маршруту. — Он замолчал ненадолго и добавил: — Кстати, нам здесь слышно все, что вы говорите.

— О, боже! Я должен иметь возможность разговаривать свободно! — возмутился Геннаро. — Я не просил привозить сюда этих чертовых детей...

Эд Регис вяло улыбнулся и нажал кнопку.

— Может, давайте лучше начнем экскурсию?

В динамиках зазвучал трубный рев динозавров, на внутренних мониторах вспыхнула надпись: «Добро пожаловать в парк юрского периода!», и хорошо поставленный звучный голос произнес:

«Добро пожаловать в парк юрского периода. Вы отправляетесь в доисторический мир далекого прошлого, мир могучих созданий, которые давным-давно исчезли с лица земли. Вам посчастливилось — вы будете первыми людьми, которые увидят их своими глазами!»

— Это Ричард Кайли, — пояснил Эд Регис. — Мы не жалели денег и получили самое лучшее.

Вездеход как раз проезжал мимо зарослей низкорослых, кустистых пальмовых деревьев. Голос Ричарда Кайли вещал:

«В первую очередь обратите внимание на замечательную растительность, окружающую вас. Деревья, которые вы видите слева и справа от дорожки, называются цикады — это доисторические предшественники современных

пальм. Цикады были излюбленной пищей травоядных динозавров. Вы можете видеть и другие экзотические деревья — бенеттиталеаны и гингко. В мире динозавров встречаются и обычные, современные растения — пихты и кедры, а также болотные кипарисы. Их вы тоже вскоре увидите».

Вездеход медленно продвигался через заросли. Тим заметил, что изгороди и бетонные стены вдоль дорожки тщательно прикрыты зеленью, чтобы создавалось впечатление поездки через настоящие джунгли.

«Мы представляем себе мир динозавров как мир огромных животных-вегетарианцев, которые буквально проедали себе дорогу в зарослях гигантских растений болотистых лесов юрского и мелового периода — сотню миллионов лет назад, — рассказывал Ричард Кайли. — Но большинство динозавров были вовсе не такими огромными, как принято считать. Самые маленькие динозавры были размером с обычную домашнюю кошку, а чаще всего встречались звери величиной с пони. Эту экскурсию мы как раз и начнем с динозавров средних размеров, которые называются гипсилофодонтами. Посмотрите налево — возможно, вам повезет и вы прямо сейчас их увидите».

Все повернули головы налево.

Вездеход остановился на невысоком холме, где через просвет в зарослях открывался вид на восток. Поросший редким лесом склон сменялся равниной, покрытой какой-то желтоватой травой высотой по пояс человеку. Никаких динозавров не было видно.

— Ну, и где они? — спросила Лекс.

Тим посмотрел на приборную панель. Огоньки на передатчике мигали, CD-ROM крутился. Очевидно, диск управлялся какой-то автоматической системой. Мальчик подумал, что, наверное, мониторы в вездеходе как-то связаны с датчиками движения, с помощью которых в парке отслеживают животных. На экранах появились изображения гипсилофодонтов и краткие сведения об этих животных.

В динамиках снова зазвучал голос Ричарда Кайли:

«Гипсилофодонты — это газели мира динозавров. Быстрые маленькие животные, которые когда-то населяли огромные территории от Англии до Центральной Азии и

Северной Америки. Мы полагаем, что эти динозавры сумели так широко распространиться благодаря тому, что их челюсти и зубы лучше приспособлены для пережевывания травы, чем у других современных им животных. Собственно, само их название — «гипсилофодонты» — означает «остроконечные зубы». И получили они свое название из-за особого устройства зубов, которые затачиваются сами собой при пережевывании грубой растительной пищи. Вы можете видеть гипсилофодонтов прямо перед собой, а также, вероятно, среди ветвей деревьев».

— На деревьях?! — удивилась Лекс. — Динозавры — и на деревьях?

Тим взял бинокль и стал рассматривать окружающие заросли.

— Смотри, вон там, справа... — сказал он. — На полпути к тому толстому зеленому стволу...

В кружевной тени дерева, на одной из веток, замерев в полной неподвижности, сидело животное темно-зеленого цвета, размером с павиана. Оно было похоже на ящерицу, вставшую на задние лапы. Зверек удерживал равновесие с помощью длинного, свисающего вниз хвоста.

— Это — отниелия, — прошептал Тим.

«Маленькое животное на ветке называется «отниелия», — сообщил голос Ричарда Кайли. — Оно названо так в честь выдающегося исследователя динозавров девятнадцатого столетия, Отниела Марша из Йеля».

Тим разглядел еще двух животных, на более высоких ветках того же самого дерева. Все они были примерно одинакового размера и сидели совершенно неподвижно.

— Ску-у-ушно... — пожаловалась Лекс. — Они ничего не делают...

«Основное стадо животных находится сейчас на травянистой равнине прямо перед вами, — сообщил голос из динамика. — Мы сейчас вспугнем их с помощью простого звукового сигнала». И тут из громкоговорителя, закрепленного на изгороди, раздался долгий гнусавый крик, похожий на звук охотничьего манка для гусей.

Из высокой травы на поле сразу же поднялись шесть ящеричьих голов — по очереди, одна за другой. Выглядело это довольно комично, и Тим рассмеялся.

Головы снова скрылись в траве. Громкоговоритель

просигналил еще раз, и снова из травы поднялись головы ящериц — точно так же, как в первый раз — одна за другой. Просто удивительно, насколько однообразны были их движения.

«Гипсилофодонты — не особенно смышленные животные, — объяснил Ричард Кайли. — По уровню интеллекта их можно сравнить с домашней коровой».

Головы гипсилофодонтов были зеленого цвета, с темно-коричневыми и черными пятнами вдоль длинной шеи. Тим прикинул, что, судя по размеру головы, тело гипсилофодонта должно быть длиной около метра. Все животное было величиной примерно с оленя.

Некоторые гипсилофодонты увлеченно работали челюстями — пережевывали траву. Вот один из них поднял пятипалую переднюю лапу и почесал голову. Это движение сразу придало животному задумчивый, глубокомысленный вид.

«Вы можете заметить, что животные иногда чешутся — это происходит потому, что у них некоторые проблемы с кожей. Ветеринары парка юрского периода полагают, что виной этому либо какое-то грибковое заболевание, либо аллергическая реакция. Этот вопрос пока еще окончательно не выяснен. Не нужно забывать, что перед вами первые в истории человечества динозавры, которых теперь можно изучить живую».

Тут заработал электромотор вездехода, защелкали рычаги переключения передач. Услышав внезапный незнакомый звук, все стадо гипсилофодонтов мгновенно взлетело в воздух и большими прыжками понеслось прочь по травянистой равнине — совсем как стадо кенгуру. В ярком полуденном свете было хорошо видно, какие у этих животных мощные задние лапы и длинные хвосты. В несколько гигантских прыжков гипсилофодонты скрылись из виду.

«А теперь, после того как вы увидели этих чудесных травоядных динозавров, давайте посмотрим на других животных, чуть побольше».

Вездеход продолжал неторопливо продвигаться к южной части парка юрского периода.

Наблюдательный пост

— Коробка передач что-то барахлит, — сказал Джон Арнольд в полумраке наблюдательного поста. — Пусть техники как следует проверят переключатели на электрических цепях машин ВВ4 и ВВ5, когда они вернутся.

— Слушаюсь, мистер Арнольд, — раздался ответ в интеркоме.

— Это мелочь, — буркнул Хаммонд, который беспокойно расхаживал по комнате. Через окно были видны оба вездехода, ехавшие по парку с севера на юг. Малдун стоял в углу комнаты и молча смотрел в окно.

Арнольд отодвинул свое кресло от главной панели управления и закурил очередную сигарету.

— В нашем деле мелочей не бывает, мистер Хаммонд, — сказал он.

Арнольд всегда был не очень уравновешенным человеком, а сейчас нервничал даже больше обычного. Просто он слишком ясно осознавал, что в парке впервые по-настоящему проводится экскурсия. Дело в том, что команда Арнольда показывалась в самом парке не так уж часто. Иногда там бывал Хардинг, ветеринар. Рабочие, которые ухаживали за животными, тоже ходили в парк — к специальным домикам-кормушкам. Но в целом весь парк контролировался только с наблюдательного поста. И теперь, когда в парке появились первые посетители, у Арнольда возникло множество причин для беспокойства — мелких, но существенных.

Джон Арнольд был специалистом по сложным техническим системам. В шестидесятых годах он работал на производстве ракет системы «Полярис» для подводных лодок — но потом у него родился ребенок, и Арнольду разонравилось делать оружие. Тем временем диснеевская компания начала строить грандиозный развлекательный центр с очень сложным техническим оборудованием. Они нанимали тогда множество специалистов такого профиля. Арнольд участвовал в строительстве Диснейленда в Орlando, потом занимался обустройством других крупных развлекательных парков — «Волшебной горы» в Калифорнии, «Старой деревни» в Вирджинии, «Звездного мира» в Хьюстоне.

Из-за того, что Арнольд так долго работал в парках развлечений, у него в конце концов сложились довольно странные взгляды на жизнь. Арнольд в шутку утверждал, что весь мир представляет собой грандиозный развлекательный парк. Но в этой шутке была только доля шутки. Однажды, побывав во время отпуска во Франции, Арнольд сказал: «Париж — это просто увеселительный парк. Правда, развлечения там слишком дорогие, а служители — неприятные, угрюмые личности».

Последние два года Джон Арнольд разрабатывал маршруты экскурсий в парке юрского периода. Как инженер, он привык к долгосрочным графикам работ — Арнольд часто ссылался на то, что парк должен открыться к сентябрю, имея в виду сентябрь следующего года. А когда этот самый сентябрь приближался, Арнольд приходил в ужас от количества еще не доделанной работы. По собственному опыту главный инженер парка знал, что для того, чтобы как следует отладить даже один-единственный экскурсионный маршрут, иногда требуется несколько лет — не говоря уже о том, чтобы отрегулировать работу всего развлекательного комплекса целиком.

— Вы просто беспокойный человек, вот и все, — сказал Джон Хаммонд.

— Вовсе нет, — возразил Арнольд. — Вы же должны понимать, что, с точки зрения технического устройства, парк юрского периода — самый сложный и претенциозный развлекательный центр в истории человечества. Может быть, посетители об этом даже не подумают, но я-то точно знаю, что все обстоит именно так.

И он начал загибать пальцы:

— Во-первых, здесь нам приходится решать все проблемы, какие имеются в любом другом увеселительном парке, — организацию экскурсионных маршрутов, отслеживание очередности посещений, регулирование работы транспортной сети, снабжение посетителей питанием, обустройство жилых помещений, уборка мусора, охрана.

Во-вторых, нам приходится разбираться с проблемами любого крупного зоопарка — уход за животными, забота об их здоровье и соответствующих условиях содержания, кормление, очистка вольеров от грязи и навоза, защита от вредных насекомых, всякие болезни, аллергии,

паразиты. Кроме того, надо еще следить за исправностью ограждений и всего в подобном духе.

И, наконец, нам приходится как-то разбираться с проблемами содержания животных, которых никто и никогда прежде в зоопарках не держал.

— Ну, это совсем не так страшно, как все остальное, — заметил Хаммонд.

— Ну да, конечно! Вы просто бывали здесь так редко, что ничего толком не знаете, — возразил Арнольд. — Тиранозавры пьют воду из залива и время от времени болеют — а мы пока даже не знаем, почему. Самки трицератопсов стали убивать друг друга в драках за главенство в стае, и нам пришлось разделить их на более мелкие группы — до шести животных в каждой. А почему так происходит — мы до сих пор не знаем. У стегозавров часто на языках вскакивают волдыри и случается профузный понос. От этого чертова поноса у нас уже сдохло два стегозавра — и до сих пор никто так и не понял, почему они заболевают. У гипсилофодонтов — сыпь на коже. А велоцирапторы вообще...

— Ой, только не надо о велоцирапторах! Меня уже тошнит, когда вы начинаете распространяться об этих велоцирапторах, о том, что это самые кровожадные хищники, равных которым свет не видывал... — проворчал Хаммонд.

— Они действительно такие, — тихо проговорил Малдун. — Их всех надо уничтожить, всех до единого.

— Вы же хотели нацепить на них ошейники с дистанционным управлением, — напомнил Хаммонд. — И я, между прочим, согласился.

— Да. А они быстренько сжевали эти ошейники, — вздохнул Арнольд. — И даже если эти рапторы никогда не вырвутся на свободу, по-моему, мы должны признать, что парк юрского периода — заведомо опасное место.

— Твою мать! — сорвался Хаммонд. — Да вы вообще на чьей стороне, а?!

— Сейчас у нас пятнадцать видов ископаемых животных, и большинство из них — очень опасные звери, — сказал Арнольд. — Мы были вынуждены отсрочить запуск маршрута «Река в джунглях» из-за дилофозавров. Нам пришлось отказаться от проекта «Среди птиц» — по-

тому что птеродактили совершенно непредсказуемы. И эти задержки вызваны вовсе не техническими неполадками, мистер Хаммонд. Все это происходит из-за самих животных.

— У вас и технических неполадок полным-полно. Так что нечего сваливать все на животных! — возмутился Хаммонд.

— Да, у нас полно недоделок. Собственно говоря, единственное, что мы сделали, — это как следует отладили главный парковый аттракцион с машинами и связали CD-ROM внутри машин напрямую с датчиками движения. У нас ушли недели на то, чтобы все подогнать и настроить, и вот, пожалуйста, — коробки передач в машинах забарахлили в самый первый выезд! Коробки передач!

— Смотрите на это шире, — посоветовал Хаммонд. — В конце концов, с инженерной точки зрения вы все сделали правильно, и животные окажутся там, где должны оказаться. И, кроме того, у них постепенно выработается рефлекс на экскурсии.

С самого начала устроители парка свято верили в то, что у всех животных в конце концов вырабатываются стереотипные реакции на различные внешние воздействия, — любые животные, даже самые экзотические, должны вести себя в зоопарках примерно одинаково. Они должны привыкнуть к постоянно повторяющимся действиям и реагировать на них все время одинаково.

— Кстати, как там главный компьютер? — поинтересовался Хаммонд и глянул на Денниса Недри, который работал за терминалом в углу комнаты. — Этот чертов компьютер вечно преподносит нам сюрприз за сюрпризом.

— Уже все в порядке, — сообщил Недри.

— Если бы вы с самого начала сделали все нормально... — начал Хаммонд, но Арнольд остановил его. Арнольд знал, что пока Недри работает, его лучше не отвлекать.

— Это очень сложная система, — сказал Арнольд. — Такие системы просто обречены на неожиданные поломки. Они в любой момент могут выйти из строя.

Собственно говоря, Недри нашел в системе уже сто

тридцать неувязок, «жучков», и некоторые из них были весьма странного свойства. Например, такие.

Программа автоматического кормления животных перезаписывалась не через двадцать четыре часа, как ожидалось, а каждые двенадцать часов, и не регистрировала сведения о кормлении животных по воскресным дням. В результате чего персонал не мог правильно рассчитать, какое количество пищи животные съедают на самом деле.

Система безопасности, которая контролирует все двери, открывающиеся с помощью личных карточек персонала, как оказалось, может работать только от главного источника энергоснабжения и не переходит на аварийный режим питания от резервного энергоблока, когда основной генератор отключается. Так что при отключенном главном генераторе система безопасности фактически перестанет работать.

Программа поддержания естественного освещения, которая должна отключать фонари после десяти часов вечера, как выяснилось, срабатывает только по определенным дням недели — примерно через день.

Автоматическая система анализа фекалий (которую сотрудники между собой называли «авто-попа»), предназначенная для выявления паразитов в испражнениях животных, постоянно сообщала, что абсолютно все животные в парке страдают от паразита *Phagostomus venulosum*, хотя на самом деле ни одно животное этим не болело. А программа автоматически подсыпала им в пищу соответствующее лекарство. Более того: когда работники парка вручную выбирали медикаменты из бункеров, чтобы ненужные лекарства не сыпались в корм для животных, программа включала сигнал тревоги — сирену, которую невозможно было отключить вручную.

И таких неувязок в программах имелось огромное множество.

Когда Деннис Недри только приехал на остров, ему казалось, что за эти выходные он один по-быстрому разберется со всеми «жучками». Но, увидев полный список неполадок, Недри понял, что так просто тут ничего не выйдет. И теперь он позвонил всем программистам, которые на него работали, и сообщил, что придется отменить все планы на уикенд и работать круглосуточно до самого

понедельника. А Джону Арнольду Недри сказал, что ему понадобятся все телефонные линии, соединяющие Исла-Нублар с континентом, — только для того, чтобы перекачивать программные данные его сотрудникам и обратно на остров.

Пока Недри работал, Арнольд следил за тем, что делается в компьютере, по добавочному монитору. Не то чтобы главный инженер не доверял Недри — просто ему хотелось самому знать, что тот делает с компьютерными программами.

Арнольд следил за графиком в правом окне экрана, который отражал передвижения по парку двух экскурсионных электромобилей. Они как раз ехали вдоль речки, немного севернее авиария и вольеров с летающими ящерами.

«Если вы посмотрите налево, — сообщал из динамика голос Ричарда Кайли, — то увидите купол авиария парка юрского периода, который еще не совсем закончен и не готов принять посетителей. — Тим заметил вдалеке отблески света, которые отражались от белых металлических распорок. — А прямо перед вами, внизу, среди настоящих мезозойских джунглей протекает река. Если повезет, то там, в чаще возле реки, вы можете мельком увидеть одного из очень редких плотоядных динозавров. Смотрите внимательно!»

На мониторах внутри машины появилось изображение головы, очень похожей на птичью, с ярко-красным хохолком или гребнем на макушке. Но все, кто ехал с Тимом в машине, смотрели в окна. Электрический вездеход проезжал по узкой дорожке вдоль края высокого скалистого утеса, а далеко внизу, прямо под ними, бурлила быстрая горная река. С обеих сторон к реке очень близко подступали деревья, так что за пышной растительностью воды было почти не видно.

«Вон они, там, у реки, — пояснял голос из динамика. — Эти животные называются дилофозаврами».

Хотя Кайли говорил о нескольких животных, Тим пока заметил только одно. Дилофозавр шагал вдоль речки на задних лапах и пил воду. Строение тела у него было типичное для всех хищных динозавров — толстый, тяжелый

хвост, мощные задние лапы, длинная шея. Все трехметровое тело было сплошь покрыто желтыми и черными пятнами, совсем как шкура леопарда.

Но Тим больше всего заинтересовался головой ящера. Вдоль головы дилофозавра от глаз до кончика носа тянулись два широких извилистых гребня. На носу гребни соединялись, образуя фигуру, по форме похожую на букву V. Эти гребни у дилофозавра были разрисованы черно-красными полосками и узором напоминали раскраску попугая или тукана. Животное издавало протяжные звуки, похожие на гугуканье филина.

— А он симпатичный, — сказала Лекс.

«Дилофозавр — один из самых древних хищных динозавров, — продолжил рассказ Ричард Кайли. — Ученые отмечали, что у дилофозавров слишком слабые для хищников челюсти, и считали, что эти животные питались в основном падалью. Но теперь нам известно, что дилофозавры убивают жертву не силой челюстей, а ядом»

— Вот это да! А ведь точно! — улыбнулся Тим.

И снова до них донесся негромкий призывный клич дилофозавра.

Лекс завозилась на сиденье. Девочке стало немного страшновато.

— А они правда ядовитые, мистер Регис?

— Не волнуйся из-за этого, Лекс, — сказал Эд Регис.

— Нет, ну правда — они ядовитые?

— Вообще-то да.

«В специальных железах во рту дилофозавров вырабатывается сильный гемолитический яд — как и у некоторых современных рептилий, например гремучих змей. Уже через несколько минут после укуса дилофозавра жертва теряет сознание. А потом динозавр спокойно, не торопясь, добывает и поедает свою добычу. Благодаря этой своей особенности дилофозавры — одни из самых прекрасных, но и смертельно опасных животных, представленных в парке юрского периода».

Вездеход повернул за выступ скалы, и река в окаймлении джунглей осталась позади. Тим оглянулся, надеясь еще разок увидеть дилофозавра. Вот это здорово! Надо же — ядовитый динозавр! Мальчику страшно хотелось остановить машину и еще немного полюбоваться дило-

фозавром, но весь маршрут был полностью автоматизирован. Тим точно знал, что доктор Грант тоже был бы не прочь подольше порассматривать дилофозавра.

«А сейчас взгляните направо — там, на самом краю утеса, расположен великолепный ресторан высшего класса — «Гиганты». Шеф-повар Алан Ришар из всемирно известного французского ресторана всегда рад принять гостей. Вы можете сделать заказы прямо из своего гостиничного номера, набрав «четверку» на интеркоме», — вещал динамик.

Тим посмотрел направо, но на утесе ничего такого не было. Эд Регис сказал:

— Это пока еще только в планах. Ресторан начнут строить лишь в ноябре этого года.

«Продолжая наше доисторическое сафари, мы переходим к следующим интересным животным — крупным травоядным динозаврам. Посмотрите направо, и вы их увидите».

Тим увидел двух животных, неподвижно стоявших в тени большого дерева. Это были трицератопсы — размером и серой окраской они очень напоминали современных слонов, но на мордах у них имелись роговые наросты. Над каждым глазом вздымались вверх изогнутые полуметровые рога, похожие на слоновьи бивни. А третий рог, мощный и прямой, рос у трицератопсов прямо на носу, как у носорогов. В целом очертаниями морды эти животные больше всего походили именно на носорогов.

«В отличие от большинства других динозавров, у *Triceratops serratus* довольно плохое зрение. Они близоруки, как современные носороги, и обращают внимание в основном на движущиеся объекты. Они непременно напали бы на нашу машину, если бы оказались достаточно близко, чтобы ее разглядеть. Но не волнуйтесь, ребята, — все в порядке! Здесь мы с вами в полной безопасности.

На затылке у трицератопсов растет гребень довольно причудливой формы. Он очень прочный, потому что это — сплошная кость. Каждое животное весит приблизительно около семи тонн. Несмотря на столь устрашающий внешний вид, трицератопсы — довольно смысленные и миролюбивые животные. Они узнают тех, кто дает им пищу, и позволяют им себя ласкать. Вообще-то, наши

трицератопсы даже любят, когда им почесывают заднюю часть туловища».

— Почему они не двигаются? — спросила Лекс и опустила стекло в своем окне. — Эге-гей! Эй вы, тупые динозавры! А ну-ка, пошевеливайтесь!

— Не надо беспокоить животных, Лекс, — сказал Эд Регис.

— Это еще почему? Это же просто глупо — они торчат там, неподвижные, как картинки в книжке, — заупрямилась девочка.

Тем временем голос в динамике продолжал рассказывать:

«...добродушные доисторические великаны покажутся особенно тихими и мирными по сравнению с тем, что мы с вами сейчас увидим. Самый известный хищник в истории Земли — могучий плотоядный ящер, которого называют *Tyrannosaurus rex*».

— Ух ты, тиранозавр! — воскликнул Тим.

— Надеюсь, он будет поинтересней, чем эти тупицы, — сказала Лекс, отворачиваясь от трицератопсов.

Вездеход поехал дальше.

Большой рекс

«Могучие тиранозавры появились на закате эпохи динозавров. Динозавры правили миром в течение ста двадцати миллионов лет, но тиранозавры существовали только в течение последних пятнадцати миллионов лет этого периода».

Вездеход остановился на склоне горы. Отсюда открывался великолепный вид на заросли тропической растительности, спускавшиеся к самому берегу залива. Солнце клонилось к закату и скоро должно было опуститься в туманную дымку, которая заволокла горизонт. Весь парк юрского периода был залит мягким, приглушенным светом заходящего солнца. Тени заметно удлинились. По поверхности залива скользили розовые блики солнечных лучей. Вдалеке на юге виднелись апатозавры — крупные животные с изящно изогнутыми длинными шеями, они стояли у самого берега залива и отражались в беспокойной глади океанских вод. Было очень тихо, слышался то-

лько негромкий стрекот цикад. Стоя здесь, на этом холме, и глядя на простирающийся внизу лесистый склон у голубой лагуны, можно было поверить, что ты и впрямь каким-то чудом перенесся за миллионы лет до нашей эры, в исчезнувший доисторический мир.

— Впечатляет, не правда ли? — сказал Эд Регис по интернету. — Я иногда прихожу сюда вечерами и просто смотрю на закат.

Алана Гранта интересовали более насущные вопросы.

— Так где же тиранозавры? — спросил он.

— Хороший вопрос. Маленький рексик часто наведывается на побережье. Лагуна отгорожена от океана, и там много рыбы. Маленький рекс выучился ловить рыбу, причем он так интересно это делает — ловит ее не лапами, а пастью, окунает всю голову под воду и хватает рыбу прямо там. В точности так, как это делают птицы.

— Маленький тиранозавр?

— Ну да, малыш Т-рекс. Он еще детеныш, ему сейчас два года, и по размерам он примерно в три раза меньше взрослого. Ростом всего два с половиной метра, а весит только полторы тонны. Второй тиранозавр у нас совсем взрослый. Правда, сейчас я его не вижу.

— Наверное, охотится на апатозавров, — предположил Грант.

Регис засмеялся. Голос, искаженный радиопередатчиком, показался каким-то писклявым.

— Он бы обязательно так и сделал, если бы мог. Иногда он подолгу стоит возле лагуны и смотрит на них. Тогда его маленькие лапки просто подергиваются от ярости. Но территория, где обитают тиранозавры, очень хорошо отгорожена — самыми глубокими водными рвами и самыми прочными изгородами. Их не заметишь вот так, с первого взгляда, но, поверьте, они очень и очень надежны. Тиранозавры не могут никуда отсюда выбраться.

— И где же сейчас ваш тиранозавр?

— Прячется, — сказал Регис. — Он, знаете ли, немножко застенчив.

— Застенчив? — переспросил Малкольм. — Тиранозавр — и застенчив?

— Да, он обычно очень осторожен и старается все вре-

мя держаться незаметно. Днем он почти не показывается, особенно когда солнце слишком яркое.

— Почему?

— Мы думаем, это из-за того, что у тиранозавра очень нежная, чувствительная шкура, и он легко может получить солнечный ожог.

Малкольм рассмеялся.

Грант вздохнул.

— Да, вам суждено развеять немало иллюзий...

— Надеюсь, вы не разочаруетесь, — сказал Регис. — Просто придется немного подождать.

В это время раздалось жалобное бление, и посреди большой поляны из-под земли вынырнула клетка, доставленная сюда по подземному тоннелю с помощью гидравлических устройств. Решетчатые стенки клетки скользнули вниз, под землю, и посреди поляны осталась привязанная к столбику перепуганная коза, которая непрерывно блеяла — очень жалобно.

— Теперь смотрите! — сказал Регис.

Все приникли к окнам.

— Вы только посмотрите на них, — говорил Хаммонд, показывая на монитор на наблюдательном посту. — Им так интересно, что они едва не вылезают из окон. Не могут дождаться, когда это случится. Вот, смотрите, как жадны они до острых ощущений, как нравится им риск!

— Вот это меня и пугает, — сказал Малдун. Он крутил на пальце колечко с ключами и не сводил глаз с экскурсионных вездеходов. В парке юрского периода впервые появились настоящие экскурсанты, и Малдун полностью разделял опасения Арнольда.

Роберт Малдун был крупным мускулистым мужчиной лет пятидесяти, с яркими голубыми глазами и щеточкой седоватых усов. Малдун родился и вырос в Кении и так же, как его отец, большую часть жизни проработал проводником у богатых охотников на крупных африканских животных. Но начиная с тысяча девятьсот восьмидесятого года Роберт Малдун стал работать консультантом исключительно на устроителей зоопарков и национальных парков дикой природы. Его очень ценили как известного и уважаемого специалиста по африканским животным. В

лондонской «Таймс» даже появилась статья, в которой говорилось: «Роберт Малдун для зоопарков то же самое, что Роберт Трент Джонс для гольфа, — воплощение необъятных знаний и высшего мастерства».

В тысяча девятьсот восемьдесят шестом году Малдун работал на частную компанию в Сан-Франциско, помогал обустраивать национальный парк на одном из североамериканских островов. Малдун разработал различные виды ограждений для разных животных, продумал характеристики демонстрационных вольеров и жилых убежищ для львов, слонов, зебр и бегемотов. В его обязанности входило определять, каких животных можно содержать вместе, а каких следует разделить. Тогда эта работа казалась Малдуну простой и привычной — ничего особенного. Его гораздо больше занимала идея индийского парка под названием «Мир тигров» в южном Кашмире.

А потом, год спустя, Роберту Малдуну предложили новую работу — на должности главного смотрителя парка юрского периода. Предложение пришлось весьма кстати — Малдуну в то время как раз хотелось переехать из Африки. Кроме того, на новой работе ему полагалось весьма существенное жалованье. И Малдун подписал контракт на год. Он очень удивился, когда узнал, что этот парк на самом деле — собрание живых доисторических животных, сконструированных с помощью генной инженерии.

Работа была, конечно, очень интересной, но за долгие годы, проведенные в Африке, у Малдуна сложился весьма определенный, далекий от романтического взгляд на животных — из-за которого у него нередко возникали разногласия с калифорнийским руководством парка юрского периода, в частности, с этим коротышкой, что стоял сейчас рядом с Малдуном перед мониторами наблюдательно-го поста. Малдун считал, что генетическое клонирование доисторических динозавров — это одно, а содержание их в природных условиях — это уже совсем другое.

По мнению Малдуна, некоторые динозавры слишком опасны, и их никак нельзя держать в зоологическом парке. В частности, эти животные опасны уже потому, что пока еще слишком мало известно об их повадках. Например, никто даже не подозревал, что укусы дилофозавров смертельно ядовиты — пока наблюдатели не увидели, как

эти звери охотятся на местных крыс, обитавших на острове. Динозавр быстро кусал грызуна, а потом отступал в сторонку и ожидал, пока крыса подохнет. И даже тогда никто не заподозрил, что дилофозавры могут плевать ядовитой слюной — пока один из служителей едва не ослеп, когда слюна дилофозавра попала ему на лицо.

И только после этого Хаммонд дал согласие на исследование яда дилофозавров, в котором при внимательном изучении было выявлено семь различных смертельно опасных токсинов. Кроме того, было обнаружено, что дилофозавры способны плевать ядовитой слюной на расстояние до двадцати метров. Это грозило реальной опасностью — если дилофозавр плюнет в сторону экскурсионной машины, то посетители парка, неосторожно выглянувшие из окна, могут ослепнуть. Поэтому работники парка предприняли попытки удалить у дилофозавров железы, вырабатывающие яд. Таких попыток было несколько, причем на разных животных, но ничего не получилось. А все потому, что никто не знал, где именно у дилофозавров вырабатывается этот самый яд. И это никак невозможно узнать без тщательного патологоанатомического исследования трупа дилофозавра — а руководство парка строго-настрого запретило умерщвлять хотя бы одно-единственное животное для такого исследования.

Велоцирапторы беспокоили Малдуна еще больше. Эти звери — прирожденные хищники, с врожденным охотничьим инстинктом. Они не могут пропустить ни одной возможной жертвы. Они охотятся всегда, даже после того, как наедятся до отвала. Эти животные поразительно быстро двигаются — они бегают быстро и долго и совершают потрясающие прыжки как в длину, так и в высоту. Все четыре конечности велоцираптора снабжены смертельно опасными, мощными и острыми, как бритва, когтями. Один удар даже передней, более слабой, лапы велоцираптора способен рассечь человека почти напополам. Кроме того, у этих зверей мощные челюсти с острыми и крепкими зубами, они не кусают жертву, а разрывают ее на куски. Велоцирапторы гораздо сообразительнее всех остальных динозавров, и в них как будто природой заложена ненависть ко всяческим ограждениям — они все время пытаются разрушить забор вокруг своего вольера.

Каждый специалист по зоопаркам прекрасно знает, что некоторые животные особенно нетерпимо относятся к содержанию взаперти и всеми силами стараются удрать из клеток. Некоторые, например обезьяны или слоны, ухитряются открывать запоры на дверцах. Другие, такие, как дикие кабаны, проявляют просто дьявольскую изобретательность и умудряются снимать створки дверей с петель, приподнимая их своими мощными рылами. Ну кто бы мог подумать, что гигантский броненосец окажется таким клетконенавистником? Или, скажем, обычный американский лось? Однако лоси почти так же успешно справляются с запорами на клетках, как слоны, только действуют они не хоботом, а губами. Лоси почти всегда умудряются вырваться на свободу, — у них как будто особый, прирожденный дар открывать запоры.

И велоцирапторы, похоже, тоже наделены таким даром.

По уровню интеллекта рапторы вполне могут сравниться с шимпанзе. Как и у шимпанзе, у них имеются свободные и очень подвижные верхние конечности, которыми они могут открывать двери и манипулировать разными предметами. Им не составит труда открыть любой простой запор. И когда, как Малдун и опасался, одному из велоцирапторов удалось-таки удрать из вольера, эта зверюга убила двоих строительных рабочих и еще одного смертельно искалечила, прежде чем ее удалось отловить и водворить на место. После этого случая зону размещения туристов спешно переоборудовали. Пришлось добавить некоторые необходимые средства защиты — окна в зданиях застеклили бронированными стеклами, снаружи к оконным рамам приделали крепкие металлические решетки, всю территорию обнесли высокой стальной оградой, а на въезде установили прочные ворота с надежными запорами. Переобустроили и сам вольер, в котором содержались велоцирапторы. Стенки вольера оборудовали специальными электронными сенсорами, которые должны были подать сигнал тревоги в случае следующей попытки рапторов вырваться на свободу — в том, что такие попытки непременно будут, уже никто не сомневался.

Кроме того, Малдун потребовал, чтобы охрану парка снабдили подходящим оружием. Он заказал автоматиче-

ские винтовки и портативные ракетные установки, которые можно носить на плече. Охотники, как никто другой, знают, насколько трудно свалить с ног африканского слона весом в четыре тонны — а кое-какие здешние динозавры весят раз в десять больше слона. Руководство парка пришло в ужас и не пожелало даже слышать о том, что на острове появится хоть какое-нибудь оружие. Но Малдун пригрозил рассказать обо всем газетчикам, и в конце концов было найдено решение, которое отчасти удовлетворяло обе стороны. На остров завезли две изготовленные по спецзаказу портативные ракетные установки с лазерным наведением, и теперь они хранились под замком в специальной комнате в подвале под главным корпусом. Ключи от этой комнаты были только у Роберта Малдуна.

Именно эти ключи Малдун и вертел сейчас на пальце.

— Я пойду вниз, — наконец сказал он.

Арнольд кивнул, не отрывая взгляда от монитора. Два экскурсионных вездехода стояли на вершине холма и ожидали появления тиранозавра.

— Эй! — позвал Деннис Недри из своего угла. — Будете идти наверх, прихватите для меня бутылку колы, ладно?

Грант тихо сидел в машине и ждал. Вот коза заблеяла еще громче и жалобнее и принялась отчаянно бить копытами, пытаясь сорваться с привязи. Грант слышал по интеркому, как Лекс во второй машине испуганно спросила:

— А что будет с козочкой? Ее что, съедят?

— Я думаю, да, — ответил ей кто-то, а потом Элли отключила радио. В эту самую минуту порыв ветра донес снизу, с поляны, отвратительную вонь полуразложившегося мяса.

Грант прошептал:

— Он здесь.

— Она, — напомнил Малкольм.

Коза была привязана посередине поляны, в тридцати метрах от ближайших деревьев. Динозавр наверняка скрывался где-то среди деревьев, но сперва Грант не заметил там ничего подозрительного. Потом он сообразил, что высматривает животное слишком низко: голова динозавра возвышалась в шести метрах над землей, полускрытая пышными верхушками пальмовых деревьев.

Малкольм прошептал:

— Господи боже мой!.. Да эта чертова громадина размером с целый дом...

Грант рассматривал огромную голову, длиной в полтора метра, покрытую красновато-коричневыми пятнами, с невероятно мощными челюстями и гигантскими остроконечными зубами. Челюсти тиранозавра раскрылись и закрылись всего один раз. Но могучее животное все еще не покидало своего укрытия.

Малкольм шепотом спросил:

— А долго она будет выжидать?

— Может быть, три или четыре минуты. А может...

В это мгновение тиранозавр бесшумно подался вперед, и все его огромное тело сразу оказалось на виду. Ужасный ящер в четыре прыжка преодолел расстояние, отделявшее его от козы, резко пригнул голову и перекусил козе шею. Блеяние сразу же прекратилось. Стало очень тихо.

Вдруг тиранозавр насторожился и замер, склонившись над своей жертвой. Гигантская голова на длинной мускулистой шее стала поворачиваться в разные стороны — динозавр осматривался. И вот он снова замер, уставившись прямо на маленькие экскурсионные вездеходы, стоявшие на вершине холма.

Малкольм прошептал:

— Она нас видит?

— Да, конечно! — отозвался Регис по интеркому. — Давайте посмотрим, станет она есть козу прямо у нас на глазах или унесет ее куда-нибудь в кусты...

Тиранозавр наклонил голову и понюхал распростертую на земле козью тушку — быстрым, точным движением, совсем по-птичьи. Потом гигантское животное так же быстро подняло голову и стало настороженно озираться по сторонам. Оно внимательно осматривало окружающие заросли и часто-часто втягивало носом воздух, принюхиваясь.

— Совсем как птица, — сказала Элли.

Тиранозавр все еще стоял в нерешительности.

— Чего она опасается? — шепотом спросил Малкольм.

— Возможно, другого тиранозавра, — так же шепотом, ответил Грант.

Крупные хищники — например, львы или тигры — часто становятся излишне осторожными сразу после того, как прикончат свою жертву, и ведут себя так, будто никак не могут решить, что с ней дальше делать. В девятнадцатом столетии ученые-зоологи считали, что хищники в такие минуты терзаются чувством вины и раскаиваются в содеянном. Но современные ученые достоверно подсчитали частоту успешных и неудачных результатов охоты хищников, и оказалось, что долгие часы терпеливого выслеживания дичи и последний решающий бросок на жертву вознаграждаются далеко не всегда. Представление о «неумолимых хищниках с острыми когтями и клыками», от которых никто не уйдет живым, не совсем соответствует действительности. На самом деле хищники гораздо чаще упускают намеченную жертву, чем принято считать. И когда хищник наконец убивает какое-нибудь животное, он сразу же настораживается и высматривает, нет ли поблизости другого хищника, который не прочь напасть на удачливого охотника и похитить его добычу. Так что этот тиранозавр скорее всего опасался другого тиранозавра, который мог позариться на добытую им еду.

Но вот громадное создание снова склонилось над козьей тушкой. Зверь прижал тушку к земле могучей задней лапой и принялся терзать мясо своими огромными зубами.

— Она решила остаться, — прошептал Регис. — Чудесно!

Тиранозавриха снова подняла голову и посмотрела на вездеходы. В ее зубастой пасти виднелись рваные клочья окровавленной козьей туши. Зверь принялся пережевывать мясо, так что даже внутри вездеходов был отчетливо слышен хруст ломающихся костей.

— Ой, фу-у-у... — послышался через интерком голос Лекс. — Как проти-и-ивно...

И тогда, как будто решив лишний раз поосторожничать, тиранозавр подхватил с земли остатки козьей тушки и вместе со своей добычей бесшумно отправился обратно в джунгли.

«Дамы и господа, это был *Tirannosaurus rex*», — сообщил голос Ричарда Кайли.

Электромобили тронулись с места и медленно, почти бесшумно, поехали дальше сквозь густую поросль деревьев.

Малкольм откинулся на спинку сиденья и тихо проговорил:

— Фантастика!

Геннаро вытер пот со лба. Он был необычайно бледен.

Наблюдательный пост

Когда Генри Ву вошел в полутемное помещение наблюдательного поста, там все сидели молча и прислушивались к голосам из радиоприемника.

— ...Господи, если такая тварь вырвется на волю, ее никак невозможно будет остановить... — искаженный радиопередатчиком голос Геннаро казался необычно тоненьким и писклявым.

— Ее ничто не остановит, ничто...

— Такие громадины, у которых к тому же нет никаких естественных врагов...

— Господи, только подумаю об этом, и...

Хаммонд в сердцах выругался:

— Ну что за сволочи! Черт бы их побрал, этих людейшек! Все они — против нас...

Ву вопрошающе проворчал:

— До сих пор говорят о сбежавших животных? И почему это? Я не понимаю. Им давно пора убедиться, что у нас здесь все под надежным контролем. Мы спроектировали самих животных, и мы же спроектировали для них этот парк... — Он пожал плечами.

Генри Ву был глубоко убежден в надежности своих палео-ДНК, и точно так же искренне он верил в то, что весь парк тоже устроен абсолютно надежно. Все проблемы, связанные с ДНК, проистекали единственно из мелких нарушений в последовательности аминокислот, которые потом отражались в специфических нарушениях фенотипа полученных животных: например, не сворачивался какой-нибудь протеин или не активировался какой-нибудь фермент. И любые, даже самые сложные на первый взгляд проблемы решались довольно просто: нужно было только внести минимальные исправления в следующую версию той же ДНК.

Точно так же, считал Генри Ву, обстояло дело и с проблемами, которые могли возникнуть при обустройстве и обслуживании парка. Это могли быть только какие-нибудь досадные мелочи, небольшие случайные неполадки — ведь вся система управления парком была совершенно надежна. Не могло, просто не могло случиться ничего особо страшного, настолько серьезного, как, например, побег животных из вольеров. Ву считал бы просто оскорбительным для себя, если бы кто-то всерьез подумал, что он может связаться с настолько ненадежным предприятием, в котором могло произойти подобное.

— Это все Малкольм, — мрачно буркнул Хаммонд. — Это все он, это он настраивает их против нас. Помните, он с самого начала был против моей затеи? Все носился со своей дурацкой теорией про сложные системы, которые вроде бы нельзя контролировать, и про то, что воссоздать природу невозможно... Не понимаю, чего он так к нам цепляется? Мы ведь просто стараемся сделать здесь хороший новый зоопарк. В мире полно зоопарков, и все они нормально работают. Но этот чудак готов помереть, лишь бы только доказать, что его дурацкая теория верна. Надеюсь, ему не удастся застрашать Геннаро до такой степени, что тот с перепугу вздумает закрыть наш проект.

Ву спросил:

— А что, он может это сделать?

— Нет, — сказал Хаммонд. — Но может попытаться. Он может таких страстей нагородить нашим японским инвесторам, что они испугаются и перестанут снабжать нас деньгами. Или вот еще что он может сделать — поднять вонь в правительстве в Сан-Хосе, да так, что завоняет на всю Коста-Рику. Я этого парня знаю — он умеет устраивать людям неприятности.

Арнольд затушил свою сигарету.

— Давайте лучше подождем и посмотрим, чем все закончится, — предложил он. — Все мы верим в наш парк. Так давайте проверим, каков он в действии.

Малдун спустился на первый этаж, вышел из лифта, мимоходом кивнул охраннику и пошел по ступенькам в подвал. Включил там свет. В подвале располагался просторный гараж, в нём ровными рядами выстроилось два

десятка экскурсионных вездеходов. Эти небольшие уютные электромобили вскоре пристроятся один за другим в бесконечное кольцо и будут возить туристов вокруг парка, а потом возвращаться сюда, в гараж под центральным корпусом Гостевого центра.

В самом дальнем углу гаража стоял джип-вездеход с красной полосой на борту — одна из двух машин с бензиновыми двигателями, на которых можно было проехать в любую точку парка, даже внутрь вольеров, где содержались животные. Второй джип сегодня утром забрал Хардинг, здешний ветеринар. Джипы были разрисованы косыми полосками красного цвета — в таком виде трицепарты почему-то не обращали на машины внимания.

Малдун обошел джип и направился к задней стенке гаража. На бронированной двери в оружейную не было никаких особых обозначений. Малдун открыл своим ключом замок и широко распахнул тяжелую дверь. Внутри поблескивали ровные ряды вороненых оружейных стволов. Малдун взял со стойки портативный ракетомет системы «Рэндлер» и коробку с зарядами. Потом сунул под мышку еще пару серебристо-серых ракет.

Закрыв за собой дверь, Малдун сложил оружие на заднее сиденье джипа. А когда он уже выходил из гаража, в отдалении послышался низкий рокот — это были первые раскаты грома.

— Похоже, будет дождь, — промолвил Эд Регис, взглянув на небо.

Экскурсионные вездеходы снова остановились, на этот раз неподалеку от населенного динозаврами болота. Большое стадо апатозавров паслось у самого края лагуны. Гигантские доисторические вегетарианцы с аппетитом объедали нежные молодые побеги на верхушках пальмовых деревьев. Там же, совсем рядом, бродило и несколько утконозых хадрозавров, которые, по сравнению с гигантскими апатозаврами, казались почти карликами.

Тим, конечно же, знал, что на самом деле хадрозавры — вовсе никакие не маленькие. Просто апатозавры слишком уж крупные животные. Их непропорционально крохотные головы на длинных гибких шеях колыхались высоко в воздухе — метрах в пятнадцати над землей.

«Огромных животных, которых вы видите, обычно называют бронтозаврами, — снова зазвучал голос в динамиках вездеходов. — Но их научное название — «апатозавры». Вес — более тридцати тонн. Для сравнения — одно такое животное весит столько же, сколько целое стадо современных слонов. Хочу особо обратить ваше внимание на то, что излюбленные места обитания апатозавров — вдоль побережья лагуны — вовсе не заболочены. Несмотря на то что написано в книжках, бронтозавры стараются избегать болотистых мест. Наоборот, они предпочитают сухую, твердую землю».

— Лекс, ты знаешь, что бронтозавры — самые большие динозавры в мире? — сказал Эд Регис. Тим не стал его поправлять. На самом деле, брахиозавры были в три раза больше апатозавров. А некоторые ученые полагают, что ультразавры и сейсмозавры были еще крупнее. Так, например, считается, что сейсмозавры весили до сотни тонн каждый!

Рядом с апатозаврами паслись и более мелкие хадрозавры, — чтобы дотянуться до вкусных пальмовых листьев, им постоянно приходилось приподниматься на задние лапы. Но двигались они с поразительным изяществом, неожиданным у столь крупных животных. Несколько детенышей хадрозавров копошились под ногами у взрослых и поедали листья, выпадавшие из пасти более крупных животных.

«Динозавры в парке юрского периода не размножаются естественным путем, — напомнил голос из динамика. — Молодые животные, которых вы видите рядом со взрослыми, тоже выведены в нашем инкубаторе и познакомились со взрослыми всего несколько недель назад. Но взрослые животные все равно заботятся о них, словно о собственных детенышах».

В небе прогрехотал первый раскат грома. Небо быстро потемнело, стало как будто ниже, в воздухе повеяло какой-то смутной угрозой.

— Да, точно, — похоже, скоро будет дождь, — повторил Эд Регис.

Машина поехала дальше, а Тим оглянулся, чтобы еще разок посмотреть на хадрозавров. И вдруг сбоку от дорожки быстро промелькнуло небольшое животное с желтой

кожей. Вдоль спины были отчетливо видны темные коричневатые полосы. Мальчик мгновенно узнал животное и сразу крикнул:

— Стойте! Остановите машину!

— В чем дело, Тим? — спросил Эд Регис.

— Скорее! Остановите машину!

«Мы направляемся дальше, чтобы увидеть последнего из наших доисторических гигантов — стегозабра», — продолжал вещать ровный голос диктора Ричарда Кайли, записанный на лазерном диске.

— Так в чем дело, Тим?

— Я его видел! Я видел его, он был прямо на дорожке, вон там, где мы только что проехали!

— Кого ты там увидел?

— Раптора! И он был на свободе!

«Стегозабра — животные середины юрского периода. Они появились на Земле примерно семьдесят миллионов лет назад. Несколько этих замечательных травоядных динозавров обитают здесь, в нашем парке юрского периода», — рассказывал диктор.

— Да ну, что ты, Тим! Это не мог быть раптор, — постарался успокоить мальчика Эд Регис.

— Нет, я его видел! Остановите машину!

В интеркоме зашуршало, послышались голоса — это Грант и Малкольм услышали, о чем говорит Тим.

— Тим сказал, что видел раптора.

— Где?

— Сзади, в лесу возле дороги.

— Так давайте вернемся назад и посмотрим!

— Мы не можем вернуться назад, — объяснил Регис. — Эти машины могут ехать только вперед — они так запрограммированы.

— Так что, мы не можем вернуться? — удивился Грант.

— Не можем, — подтвердил Регис. — Мне очень жаль, но это такой экскурсионный маршрут...

— Тим, слушай, это профессор Малкольм, — перебил его другой голос по интеркому. — У меня к тебе только один вопрос насчет этого раптора. Как ты думаешь, какого он был возраста?

— Он был точно старше того малыша, которого нам

сегодня показывали, — ответил мальчик. — И младше, чем те, взрослые, что в вольере. Взрослые были высотой метра два. А этот где-то вполовину меньше.

— Хорошо, Тим, спасибо, — проронил Малкольм.

— Я видел его всего одну секунду, — сказал мальчик.

— Я уверен, что это был не раптор, — продолжал отпираться Эд Регис. — Это просто не мог быть раптор! Разве что одна из этих отниелий. Они вечно взбираются на высокие ветки, перепрыгивают через ограждения и вылезают из своих вольеров. У нас с этими отниелиями куча проблем — постоянно приходится их отлавливать и возвращать обратно.

— Я точно уверен — это был раптор, — повторил Тим.

— Я хочу есть! — заявила Лекс. Девчонка раскапризничалась — ей надоели «эти дурацкие тупые динозавры».

Возле мониторов наблюдательного поста Арнольд спросил у Ву:

— Что вы думаете о том, что сказал ребенок?

— Я думаю, что это скорее всего была отниелия.

Арнольд кивнул.

— Их так трудно отслеживать — они вечно сидят на деревьях, прячутся среди веток...

Для отниелий было сделано исключение в общей программе поминутного контроля за количеством животных в парке. Компьютеры постоянно недосчитывались то одной, то нескольких отниелий, когда те забирались высоко на деревья, а потом снова «находили» их, когда животные спускались на землю.

Хаммонд, раздосадованный как никогда, проворчал:

— Что меня больше всего бесит, так это то, что мы создали потрясающий, великолепный, просто фантастический парк, а наши самые первые посетители явились сюда, будто оценщики на торги — только и знают, что высматривать всяческие недочеты! Они совершенно не понимают, какой это чудесный парк!

— Это их проблемы, — веско заметил Арнольд. — Мы не можем заставить их испытывать восхищение. — Тут пискнул интерком, и кто-то прогнусавил: — Эй, Джон! Это «Энн Би», из дока. Мы еще не закончили разгрузку, но с юга надвигается сильный шторм, и прямо на нас.

Я не рискну остаться здесь, на привязи, если погода еще хоть чуть-чуть испортится.

Арнольд переключился на монитор, передающий изображение небольшого грузового корабля, пришвартованного к пристани в восточной части острова. Он нажал кнопку радиотрансляции и сказал:

— Много вам еще осталось, Джим?

— Только три контейнера с оборудованием, и все, — эти последние. Я не сверялся с накладной, но, по-моему, вы сможете как-нибудь обойтись без этих ящиков еще две недели. Ты же понимаешь, здесь не особо удобная бухта, а до берега отсюда добрая сотня миль.

— То есть ты просишь разрешения отвалить?

— Ну да, Джон, точно.

— Мне необходимо это оборудование! — воспротивился Хаммонд. — Это оборудование для лабораторий. Мы его ждали.

— Все это так, конечно, — сказал Арнольд. — Но вы ведь не захотели расходувать деньги на волнорезы и дамбу, чтобы защитить бухту от штормов. Из-за этого у нас такая поганая гавань. Если заштормит посильнее, волны просто разобьют корабль о прибрежные скалы. Я видел, как люди теряли корабли именно в таких ситуациях. И тогда у вас возникнут другие расходы — на покупку нового корабля, потом еще — на расчистку дока от обломков старого... И корабли вообще не смогут приставать к острову, пока мы не построим...

Хаммонд досадливо отмахнулся.

— Пусть катятся куда хотят!

— Эй вы, «Энн Би»! Отплытие разрешаю! — прокричал Арнольд в радиопередатчик.

— Пока! Увидимся через две недели! — раздалось в ответ.

На мониторе было видно, как команда матросов бежит по пристани, спешно готовя корабль к отплытию. Арнольд переключил монитор на другое изображение — на экране снова появились два экскурсионных вездехода, которые медленно продвигались через долину горячих источников.

— Где они сейчас? — спросил Хаммонд.

— Похоже на южную равнину, — сказал Арнольд.

В южной части острова вулканическая активность проявлялась гораздо сильнее, чем на севере. — То есть, другими словами, они уже почти добрались до стегозавров. Уверен — они обязательно остановятся и захотят посмотреть, чем там занимается наш айболит Хардинг.

Стегозавр

Как только электромобиль снова остановился, Элли Саттлер стала рассматривать стегозавра сквозь струйки пара, поднимавшиеся над горячими источниками. Животное стояло спокойно, не двигалось. А рядом со стегозавром она увидела джип с ярко-красной полосой на борту.

— Должен сказать, это довольно забавное животное, — сказал Ян Малкольм.

Туловище стегозавра было плотное и массивное, шести метров в длину, вдоль всей спины тянулись ряды вертикальных пластин. Из хвоста торчали острые шипы довольно устрашающего вида, длиной около метра каждый. Но зато голова этого динозавра была несуразно маленькая, с мутными тупыми глазками, какие бывают у очень глупой лошади.

Пока экскурсанты рассматривали стегозавра, из-за животного неожиданно вышел какой-то человек.

«Это наш ветеринар, доктор Хардинг, — сообщил Регис по радио. — Он ввел стегозавру снотворное, поэтому тот и не шевелится. Наш стегги что-то приболел».

А Алан Грант уже выбрался из машины и поспешил к неподвижному стегозавру. Элли тоже вышла, оглянувшись на второй вездеход и увидела, что его дверцы раскрыты, а дети повыпрыгивали наружу.

— А чем он болеет? — спросил Тим.

— Они и сами точно не знают, — ответила Элли.

Огромные кожистые пластины на спине стегозавра немного поникли. Животное дышало медленно и тяжело, с каждым вздохом из груди вырывались влажные хрипы.

— А он не заразный? — спросила Лекс.

Дети вместе с Элли подошли к маленькой голове стегозавра. Там Грант и местный ветеринар стояли на коленях и заглядывали стегозавру в рот.

Лекс сморщила носик.

— Да, эта скотинка и вправду здоровенная, — сказала она. — И какая вонючая!

— Это точно...

Элли тоже заметила, что от стегозавра исходит весьма неприятный резкий запах, чем-то похожий на запах протухшей рыбы. Этот запах был похож и еще на что-то, но Элли не смогла сразу вспомнить, на что. В любом случае, стегозавров она никогда раньше не нюхала и не могла знать заранее, чем они пахнут. Может, это у них такой специфический запах? Но Элли почему-то засомневалась. У большинства травоядных животных нет стойкого, сильного запаха. И испражнения их тоже почти не воняют. Обычно самые противные запахи исходят от животных, которые питаются мясом.

— Оно воняет потому, что заболело? — спросила Лекс.

— Возможно. И не забывайте, что ветеринар ввел ему транквилизатор.

— Элли, ты только посмотри на его язык! — сказал Грант.

Темно-багровый язык безжизненно свисал изо рта животного. Ветеринар посветил на язык фонариком, так что Элли ясно увидела слизистую, покрытую множеством симпатичных с виду серебристых пузырьков.

— Микровезикулы?.. Странно... — сказала Элли.

— У нас постоянные проблемы с этими стегозаврами, — пожаловался ветеринар. — Они все время болеют.

— И какие же симптомы? — спросила Элли, тем временем ковыряя язык стегозавра ногтем. Из лопнувших пузырьков сочилась прозрачная жидкость.

— Фу... — Лекс снова сморщила носик.

— Потеря ориентации, шаткость при ходьбе, затрудненное дыхание и сильная диарея¹, — ответил доктор Хардинг. — Похоже, это у них случается регулярно, каждые шесть недель.

— Они питаются систематически? — спросила Элли.

— Да, конечно. Животным таких размеров необходимо поедать каждый день не меньше двухсот пятидесяти

¹ Д и а р е я (diarrhea) — понос (лат.).

килограммов растительной массы. Им приходится питаться практически непрерывно.

— Тогда не похоже, чтобы это было отравление ядовитыми растениями, — поделилась своим мнением Элли. — Если животное все время ест, то ядовитые растения попадали бы ему в пищу постоянно и животное болело бы все время, а не через каждые шесть недель.

— Вот именно... — закивал головой ветеринар.

— Можно фонарик? — Элли взяла у Хардинга фонарь и посветила стегозавру в глаз. — Ваши транквилизаторы оказывают какое-нибудь действие на зрачок?

— Да. Должен быть миотический¹ эффект — от этого лекарства зрачки сужаются.

— Но у него мидриаз² — зрачки расширены, — заметила Элли.

Хардинг тоже осмотрел зрачки животного. Сомнений быть не могло: зрачки стегозавра были расширены и не реагировали на свет.

— Вот черт! Это явно какой-то фармакологический эффект...

— Да, — Элли встала с колен и огляделась вокруг. — Насколько обширна территория, на которой пасется это животное?

— Около пяти квадратных миль.

— И все выглядит примерно так же, как здесь? — спросила девушка.

Вокруг простирался обширный луг, на котором кое-где виднелись выступы горных пород и кучки камней. То там, то здесь из земли поднимались струйки пара — от горячих источников. День уже клонился к вечеру, небо под низкими серыми облаками окрасилось розовым в лучах заходящего солнца.

— В основном их территория расположена немного дальше, к северо-востоку отсюда, — сказал Хардинг. — Но когда животные заболевают, они обычно находятся где-нибудь поблизости от этого луга.

Элли раздумывала над этой странной загадкой. Как можно объяснить подобную периодичность отравлений?

¹ М и о з — сужение зрачка (лат.).

² М и д р и а з — расширение зрачка (лат.).

Осмотревшись вокруг повнимательнее, девушка показала рукой на какие-то растения и спросила:

— Видите вон те низкорослые, хрупкие с виду кустарники?

— Индейская сирень? Да, мы знаем, что она ядовита. Животные ее не едят, — сказал Хардинг.

— Вы уверены?

— Да, конечно. Мы следим за ними через видеокамеры, и я даже проверял состав экскрементов — чтобы убедиться наверняка. Стегозавры никогда не трогают кусты сирени.

Melia azedarach, которую еще называют китайской ягодой или индейской сиренью, — очень ядовитое растение, в нем содержится несколько токсичных алкалоидов. Китайцы используют это растение для того, чтобы травить рыбу.

— Они не едят эту сирень, — повторил ветеринар.

— Вот что интересно, — сказала Элли. — У этого животного имеются все признаки отравления токсинами *Melia azedarach*: заторможенность, микровезикулы на слизистых оболочках, расширение зрачка... — девушка-ботаник направилась к кустарникам и наклонилась, чтобы получше рассмотреть растения. Через некоторое время она сказала: — Вы не ошиблись, растения совершенно целы. Никаких признаков того, что их объедали животные.

— И не забывайте про шестинедельную периодичность отравлений, — напомнил ветеринар.

— Как часто стегозавры приходят на этот луг?

— Примерно раз в неделю, — сказал Хардинг. — Стегги медленно обходят кругами всю свою территорию, по пути объедая растения. Полный круг они делают примерно за неделю.

— Но болеют они через каждые шесть недель?

— Да.

— Мне скучно... — пожаловалась Лекс.

— Тс-с-с!.. Тихо! Доктор Саттлер старается разгадать научную загадку, — сказал Тим.

— Правда, пока безуспешно, — откликнулась Элли и пошла по лугу дальше.

А Лекс у нее за спиной жалобно спросила:

— Никто не хочет поиграть со мной в мяч?

Элли внимательно всматривалась в землю. Поле во многих местах было каменистым. Где-то слева журчал ручеек. Кое-где между камнями валялись осыпавшиеся ягоды. Может быть, животные поедают ягоды и травятся ими? Но это явная несуразица — ягоды индейской сирени ужасно горькие на вкус, животные не станут их есть.

— Ну что, нашла что-нибудь? — спросил Грант, догоняя Элли.

Девушка вздохнула.

— Одни только камни. Наверное, где-то поблизости отсюда есть пляж — смотри, какие они все гладкие и округлые. И лежат такими интересными маленькими кучками...

— Интересные маленькие кучки? — переспросил Грант.

— Да, везде, по всему лугу. Вот, посмотри — одна прямо перед тобой, — Элли показала, где.

И только сейчас поняла, на что она смотрит. Да, камни были округлые и гладкие, но только океан тут был совсем ни при чем. Ровно обкатанные голыши лежали одинаковыми небольшими кучками, как будто кто-то их так уложил.

Это были кучки желудочных камней.

Многие птицы и крокодилы заглатывают небольшие камешки, которые собираются в особом отделе их пищеварительного тракта — в так называемом «втором желудке». При сокращении мускулистой стенки этого «второго желудка» камни помогают раздробить твердую растительную пищу, прежде чем она попадет в основной желудок животного, и таким образом способствуют улучшению пищеварения. Некоторые ученые полагают, что динозавры тоже заглатывали «желудочные» камни. Дело в том, что зубы у травоядных динозавров слишком мелкие и слабо развитые и плохо приспособлены для пережевывания жесткой травы. Поэтому считается, что динозавры просто заглатывали сорванную траву целиком, а потом, уже внутри пищеварительного тракта, жесткие травянистые волокна перемалывались с помощью желудочных камней. Возле некоторых скелетов травоядных динозавров, примерно в области желудка, иногда находят кучки неболь-

ших камней. Но раньше эту гипотезу никак невозможно было проверить, и вот теперь...

— Это желудочные камни, — сказал Грант.

— Я тоже так думаю... Они заглатывают эти камни, а через несколько недель камни стираются, становятся гладкими — и стегозавры отрыгивают их, оставляя эти интересные маленькие кучки, а потом заглатывают новую порцию камней. А когда они собирают новые камешки, вместе с камнями заглатывают и ядовитые ягоды... И заболевают.

— Черт возьми, ты наверняка права, — сказал Грант.

Алан снова посмотрел на кучку гладких камешков и разгреб камни рукой — без какой-нибудь определенной цели, просто по давней привычке палеонтолога.

И вдруг он замер.

— Элли, ты только посмотри!

— А ну, отбей вот этот, малышка! Прямо в перчатку! — Лекс восторженно взвизгнула, и Геннаро бросил ей мяч.

Девочка отбила мячик с такой силой, что у Геннаро на мгновение онемела рука, когда он поймал мяч.

— Эй, полегче! Я же без перчатки!

— Слабак! — с пренебрежением бросила Лекс.

Раздосадованный Геннаро изо всех сил запустил в нее мячом и услышал громкое «Чвак!» — мяч ударился о кожаную перчатку.

— Ну, вот, это больше похоже на настоящий бросок, — снисходительно похвалила девчонка.

Геннаро стоял возле большого стегозавра, играл в мяч с девочкой и одновременно разговаривал с Яном Малкольмом:

— А этот больной динозавр — он тоже вписывается в вашу теорию?

— Что-нибудь подобное обязательно должно было случиться, — сказал Малкольм.

Геннаро покачал головой.

— Есть ли что-нибудь такое, чего не предусматривает эта ваша теория?

— Но при чем тут я? Это теория хаоса. Я заметил, что обычно никто не придает значения математическим зако-

номерностям. Это потому, что математики пытаются приложить к человеческой жизни слишком обширные закономерности. Гораздо большие, чем, к примеру, принцип Гейзенберга или теорема Геделя, о которых столько болтают. В основном все эти закономерности имеют чисто научный, академический интерес. Это, так сказать, вопрос философии. А теория хаоса, наоборот, описывает закономерности нашей повседневной жизни. Вот вы знаете, зачем были созданы первые компьютеры?

— Нет, — ответил Геннаро.

— Запусти его покруче! — заверещала Лекс.

— Компьютеры были созданы в конце сороковых годов, потому что некоторые математики — например, Джон Нойман — считали, что если у нас будет компьютер — машина, способная одновременно оперировать большим количеством переменных величин, — то можно будет точно предугадывать погоду. И человек наконец сможет постичь все тайны этого непредсказуемого явления. И, знаете ли, многие люди верили в эту сказку в течение целых сорока лет. Они верили, что предсказание основывается исключительно на отслеживании множества причинно-следственных связей. Если известно достаточное количество исходных данных — значит, можно предугадать все, что угодно. Это было самое распространенное научное заблуждение со времен Ньютона.

— И что же?

— Теория хаоса отправила его на свалку истории. Согласно этой теории, никакое определенное событие или явление вообще невозможно точно предсказать. Невозможно предсказать погоду больше, чем на несколько дней вперед. Все деньги, потраченные за последние несколько десятилетий на разработку долгосрочных предсказаний, выброшены на ветер. А это что-то около полумиллиарда долларов. Совершенно бесплодная, дурацкая затея, такая же бессмысленная, как попытки превратить свинец в золото. Мы смеемся над средневековыми алхимиками, которые искренне верили, что подобное возможно, — а ведь люди будущих поколений будут точно так же смеяться над нами. Мы пытались совершить невозможное — и без толку растратили на это кучу денег. Потому что существу-

ют некоторые категории явлений, предсказать которые заведомо невозможно.

— Это все утверждает ваша теория хаоса?

— Да, и просто удивительно, как мало людей стараются к ней прислушаться, — сказал Малкольм. — Я говорил об этом Хаммонду задолго до того, как он по-настоящему взялся за строительство парка. Вам хочется соорудить стадо доисторических зверей и поместить их на острове? Прекрасно! Очень милая, чудесная мечта. Просто очаровательно. Но она никогда не станет реальностью — такой, какой бы вам хотелось, какой вы ее задумали. Потому что эта система заведомо непредсказуема, точно так же, как погода.

— И вы ему это говорили? — спросил Геннаро.

— Да, конечно. И еще я указывал ему на то, в чем скорее всего должны проявиться отклонения от запланированного. Первое слабое звено — приспособляемость животных к условиям окружающей среды. Стегозавры существовали сто миллионов лет назад. Они не приспособлены к современным природным условиям. Состав воздуха сейчас совсем другой, уровень радиации — другой, состав почвы — другой, насекомые, паразиты, растительность — все теперь не такое, к какому приспособлены эти животные. Все изменилось. Процентное содержание кислорода в воздухе уменьшилось. Это бедное животное — все равно что человек на высоте три километра над уровнем моря. Послушайте, как тяжело оно дышит!

— А другие слабые звенья?

— Если рассматривать в общих чертах, то еще одно слабое звено системы — это возможности парка по контролю за распространением жизненных форм. Потому что вся история эволюции — это описание того, как разные жизненные формы преодолевали всевозможные ограничения. Жизнь постоянно рвется на свободу. Жизнь распространяется на новые территории. Это происходит не безболезненно, иногда даже с риском для самой жизни — но все равно жизнь так или иначе находит способ добиться своего, — Малкольм пожал плечами. — Вообще-то я не собирался тут философствовать, но так уж получилось.

Геннаро посмотрел вдаль. Грант и Элли стояли посреди луга, призывно размахивали руками и что-то кричали.

— Вы не забыли мою колу? — спросил Деннис Недри, когда Малдун вернулся на наблюдательный пост.

Малдун и не подумал ему отвечать. Он прошел прямо к мониторам и стал смотреть, что там творится в парке. Из радиоприемника слышался голос ветеринара, Хардинга, который говорил:

— ...стегозавром... наконец... разобрались... порядке...

— О чем это он? — спросил Малдун.

— Они сейчас на юге, в низине, — ответил Арнольд. — Там, где стегозавр. Поэтому так плохо слышно. Сейчас попробую переключить их на другой канал. Кстати, они выяснили, отчего у нас болели стегозавры. Травились какими-то ядовитыми ягодами.

Хаммонд кивнул и сказал:

— Я знал, что это в конце концов выяснится.

— Не очень-то впечатляет, — проговорил Геннаро, рассматривая в свете заходящего солнца маленькую белую пластинку, не больше почтовой марки. — Вы уверены насчет этой штуки, Алан?

— Абсолютно уверен, — сказал Грант. — Это определенно то, о чем я говорил, — обратите внимание на рисунок на внутренней, вогнутой поверхности. Переверните его, и увидите тонкий, едва заметный узор из расходящихся линий, которые складываются в маленькие неровные треугольнички.

— Да, я вижу.

— Так вот, я раскопал на Змеином озере в Монтане два яйца с точно таким же рисунком.

— То есть вы утверждаете, что это — кусок скорлупы от яйца динозавра?

— Да, я совершенно в этом уверен, — ответил Грант.

Хардинг покачал головой.

— Но наши динозавры не способны размножаться...

— Очевидно, все-таки способны, — возразил Геннаро.

— Наверное, это яйцо какой-нибудь птицы, — предположил ветеринар. — На этом острове больше десятка разновидностей птиц.

Грант покачал головой.

— Посмотрите на угол изгиба скорлупы. Она почти плоская. Значит, яйцо было очень большое. Кроме того,

посмотрите, какая эта скорлупа толстая. Если только у вас на острове не водятся страусы, это — скорлупа от яйца динозавра.

— Но они физически не способны размножаться! — не верил Хардинг. — Все животные на острове — самки.

— Я точно знаю только одно, — сказал Грант. — Это — яйцо динозавра!

— А вы не можете определить вид этого динозавра, хотя бы приблизительно? — спросил Малкольм.

— Могу. Это яйцо велоцираптора.

Наблюдательный пост

— Полная чушь! — буркнул Хаммонд, выслушав на наблюдательном посту сообщение по радио. — Это наверняка яйцо какой-нибудь птицы. Ничего другого там просто не может быть.

В радиоприемнике раздался треск, потом послышался голос Яна Малкольма:

— А давайте-ка мы проведем одну маленькую проверку... Вы ведь не против? Попросите мистера Арнольда, пусть запустит один из своих компьютерных подсчетов по категориям.

— Что, прямо сейчас?

— Да, сейчас. Я правильно понимаю — вы ведь можете вывести данные на монитор в машине доктора Хардинга? Так сделайте это, будьте так любезны.

— Да пожалуйста, — сказал Арнольд, и уже через минуту на мониторе наблюдательного поста высветилась таблица:

Виды животных	Версия	Ожидаемое	Действительное
Тиранозавры	2	2	4.1
Майязавры	21	21	3.3
Стегозавры	4	4	3.9
Трицератопсы	8	8	3.1
Прокомпсогнатусы	49	49	3.9
Отниелии	16	16	3.1
Велоцирапторы	8	8	3.0

Виды животных	Версия	Ожидаемое	Действительное
Апатозавры	17	17	3.1
Хадрозавры	11	11	3.1
Дилофозавры	7	7	4.3
Птерозавры	6	6	4.3
Гипсилофодонты	33	33	2.9
Эуплоцефалиды	16	16	4.0
Стиракозавры	18	18	3.9
Микроцератопсы	22	22	4.1
Всего	238	238	—

— Надеюсь, теперь вы довольны? — спросил Хаммонд. — Вы там видите таблицу, на своем мониторе?

— Видим, видим, — откликнулся Малкольм.

— Все подсчеты сходятся — как и всегда, — Хаммонд не смог скрыть удовлетворения.

— А теперь такой вопрос, мистер Арнольд, — сказал Малкольм. — Ваш компьютер можно перенастроить на поиск большего числа животных?

— Как это? — не понял Арнольд.

— А вы задайте другое ожидаемое общее число животных — например, двести тридцать девять.

— Минуточку... — Арнольд нахмурился и пощелкал клавишами. Через минуту компьютер выдал следующую таблицу:

Общее количество животных:

239

Виды животных	Версия	Ожидаемое	Действительное
Тиранозавры	2	2	4.1
Майязавры	21	21	3.3
Стегозавры	4	4	3.9
Трицератопсы	8	8	3.1
Прокомпсогнатусы	49	50	??
Отниелии	16	16	3.1
Велоцирапторы	8	8	3.0
Апатозавры	17	17	3.1
Хадрозавры	11	11	3.1
Дилофозавры	7	7	4.3
Птерозавры	6	6	4.3

Виды животных	Версия	Ожидаемое	Действительное
Гипсилофодонты	33	33	2.9
Эуплоцефалиды	16	16	4.0
Стиракозавры	18	18	3.9
Микроцератопсы	22	22	4.1
Всего	238	239	—

Хаммонд подался вперед.

— Это еще что за чертовщина?!

— У нас появился лишний компи...

— Но откуда?!

— Да не знаю я!

Радио снова затрещало.

— А теперь не могли бы вы настроить программу так, чтобы компьютер попробовал найти... Ну, скажем, ровно три сотни животных? — предложил Малкольм.

— Да что он такое несет? — возмутился Хаммонд. — Триста животных! Что он такое несет?!

— Минуточку... — сказал Арнольд. — Это можно очень просто проверить

Он снова пощелкал клавишами, и на мониторе высветилась строка:

Общее количество животных в парке:	239

— Я ни черта не понимаю! К чему это он клонит? — бушевал Хаммонд.

— Боюсь, я начинаю понимать... — тихо произнес Арнольд, пристально глядя на экран. Цифры в заглавной строке таблицы быстро менялись:

Общее количество животных в парке:	244

— Двести сорок четыре? — Хаммонд не поверил своим глазам. — В конце концов, что происходит?

— Компьютер гересчитывает животных в парке, — сказал Ву. — Всех животных...

— По-моему, он всегда делал именно это. — Хаммонд

развернулся и накиннулся на тихо сидевшего в углу программиста: — Недри! Это вы снова что-то напортачили?

— Нет, — спокойно ответил Недри, на минутку перестав стучать по своей клавиатуре. — Компьютер позволяет оператору вводить любое число в графу «Ожидаемое количество животных», чтобы ускорить процесс пересчета. Это не недостаток программы — наоборот, я сделал так специально, для удобства.

— Он прав, — поддержал программиста Арнольд. — Просто мы всегда ориентировались на заведомо известное количество животных — двести тридцать восемь. Мы ведь были уверены, что их никак не может быть больше...

Общее количество животных в парке:

262

— Погодите-ка... — сказал Хаммонд. — Но ведь эти животные не способны размножаться! Компьютер, наверное, пересчитывает полевых мышей или еще какую-нибудь мелкую живность.

— Я тоже так думаю, — согласился Арнольд. — Скорее всего, это какая-то ошибка в системе визуального наблюдения. Мы быстро это наладим.

Хаммонд повернулся к Ву.

— Они ведь не могут размножаться? Не могут?

— Не могут, — подтвердил Ву.

Общее количество животных в парке:

270

— Откуда они только берутся? — вырвалось у Арнольда.

— Да не знаю я, черт возьми! — отозвался Ву.

Оба не отрываясь смотрели, как меняются цифры в заглавной строке таблицы:

Общее количество животных в парке:

283

По радио донесся возглас Геннаро:

— Господи боже, да сколько же их тут?!

Потом послышался голос девочки:

— Я хочу есть! Когда мы поедem домой?

— Скоро, Лекс, уже скоро.

А на мониторе компьютера вспыхнуло сообщение об ошибке в программе:

**ОШИБКА! Неверно заданы параметры поиска!
300 животных не найдено.**

— Вот, пожалуйста, — ошибка! — сказал Хаммонд, кивая на монитор. — Я так и думал! У меня все время было такое ощущение, что где-то здесь наверняка кроется ошибка...

Но уже в следующее мгновение монитор мигнул и на экране появилась очередная таблица:

Общее количество животных в парке: 292

Виды животных	Версия	Ожидаемое	Действительное
Тиранозавры	2	2	4.1
Майязавры	21	22	??
Стегозавры	4	4	3.9
Трицератопсы	8	8	3.1
Прокомпсогнатусы	49	65	??
Отниелии	16	23	??
Велоцирапторы	8	37	??
Апатозавры	17	17	3.1
Хадрозавры	11	11	3.1
Дилофозавры	7	7	4.3
Птерозавры	6	6	4.3
Гипсилофодонты	33	34	??
Эуплоцефалиды	16	16	4.0
Стиракозавры	18	18	3.9
Микроцератопсы	22	22	4.1
Всего	238	292	—

Радио снова затрещало.

— Вот теперь ошибка в вашей системе очевидна, — сказал Малкольм. — Вы подсчитывали только ожидаемое количество динозавров. Вас беспокоило только, как бы они куда-нибудь не пропали. Вся эта программа рассчитана на то, чтобы сразу поднять тревогу, если животных почему-то вдруг станет меньше, чем было. Но на самом деле опасаться надо было другого. И вот, пожалуйста, — у вас оказалось больше животных, чем вы думали.

— Господи боже... — прошептал Арнольд.

— Но их не может быть больше! — возразил Ву. — Их никак не может быть больше, чем мы вырастили...

— Боюсь, может, Генри, — настаивал Малкольм. — Они все-таки способны размножаться.

— Нет!

— Ну, раз уж вам недостаточно даже такого доказательства, как яичная скорлупа, которую нашел Грант, тогда я постараюсь убедить вас на основании ваших собственных данных. Давайте посмотрим еще разок на график распределения копий по росту. Арнольд запросто вам его покажет.

Арнольд быстро вывел на экран нужный график.

— Ну, замечаете что-нибудь необычное? — спросил Малкольм.

— Ничего особенного. Это нормальная кривая Гаусса, — сказал Ву.

— Помнится, вы рассказывали нам, что выращивали своих компи в три захода — разве нет? И каждый раз с интервалами по шесть месяцев?

— Да...

— Но ведь тогда у нас должна была получиться совсем другая кривая, с тремя пиками, соответствующими каждой отдельной партии, — сказал Малкольм, набирая что-то на клавиатуре. — Примерно вот такая:

— Но вы получили не такой график, а совсем другой, — продолжал Малкольм. — График, который получается на самом деле, отражает нормальное распределение животных по росту в популяции, численность которой увеличивается естественным путем. А следовательно, ваши компи размножаются естественным образом.

Ву покачал головой.

— Они физически не способны к размножению.

— И все же они размножаются, точно так же, как размножаются отниелии, и майязавры, и гипси... И велоцирапторы.

— Боже! По парку свободно бегают рапторы! — ужаснулся Малдун.

— Ну, все не так уж плохо, — заявил Хаммонд, посмотрев на экран. — У нас произошло увеличение численности по трем, нет — по пяти категориям животных. Причем по двум из них увеличение крайне незначительное...

— Да о чем вы говорите?! — воскликнул Генри Ву. — Вы что, не понимаете, что это значит?

— Я прекрасно понимаю, что это означает, Генри, — ответил Хаммонд. — Это означает, что ты окончательно обнаглел и принялся самовольничать!

— Да нет же!

— Ты разводишь динозавров прямо там, в парке, Генри.

— Но они же все — самки! — упорствовал Ву. — Это невозможно. Здесь, наверное, какая-то ошибка. И посмотрите только на эти цифры — малый прирост численности у крупных животных, у майязавров и гипси. А у мелких прирост поголовья просто огромный. Это же бессмыслица какая-то! Здесь наверняка какая-то ошибка.

Снова включилось радио:

— Никакой ошибки нет, — сказал Алан Грант. — По-моему, эти цифры убедительно доказывают, что динозавры в парке размножаются. Примерно в семи различных местах на территории острова.

Гнездовья динозавров

Небо становилось все темнее и темнее. В отдалении грохотали раскаты грома. Грант и остальные прильнули к дверцам джипа и внимательно следили за тем, что показывал монитор, встроенный в приборную панель машины.

— Гнездовья динозавров? — растерянно произнес Ву по радио.

— Да, гнезда, — сказал Грант. — Если принять, что в каждой кладке обычно бывает от восьми до двенадцати яиц, то получается, что прокомпсогнатусы откладывают яйца в двух местах — то есть у ваших компи здесь два гнезда. У рапторов тоже два гнезда. У отниелий — одно. У гипси и майя — тоже по одному.

— А где эти гнезда?

— Мы попробуем их найти, — сказал Грант. — Динозавры обычно устраивают гнездовья в самых укромных местах.

— Но почему у крупных животных получилось так мало приплода? Если майязавры тоже откладывают по восемь-двенадцать яиц, то почему у них появился не десяток детенышей, а всего один?

— Все правильно, но не надо забывать, что по парку свободно разгуливают рапторы и компи, которые не прочь полакомиться яйцами более крупных динозавров и наверняка не упускают шанса поохотиться на только что вылупившихся из яиц детенышей.

— Но мы ни разу не видели ничего подобного, — заметил Арнольд по радио.

— Рапторы — ночные животные, — объяснил Грант. — Вы когда-нибудь наблюдали за парком ночью?

Повисла долгая тишина.

— Я так и думал, что не наблюдали, — сказал Грант.

— И все равно, это какая-то бессмыслица, — не унимался Ву. — Не могут же полсотни молодых динозавров прокормиться только за счет яиц из пары-другой чужих кладок!

— Верно, не могут, — согласился Грант. — Очевидно, они питались и чем-то другим. Например, мелкими грызунами. Есть же на острове мыши или крысы?

Снова все долго молчали.

— Давайте я догадаюсь, — предложил Грант. — Когда вы впервые приехали на остров, крысы доставляли вам массу неприятностей, правда? Но со временем эта проблема разрешилась как бы сама собой, так?

— Да. Все так и было...

— И вам даже в голову не приходило выяснить, почему это произошло...

— Послушайте, но как быть с тем обстоятельством, что абсолютно все наши животные — самки? Они не могут размножаться сами по себе, без самцов, — сказал Ву.

Грант уже обдумывал эту проблему. Совсем недавно он слышал об одном из последних исследований западно-германских ученых, в котором, как казалось Алану, и крылась разгадка. Грант задал Генри Ву очередной вопрос:

— Скажите, Генри, когда вы создавали ДНК динозавра, вам ведь приходилось восполнять поврежденные участки?

— Ну, да...

— А вы случайно не использовали для заполнения пробелов участки ДНК каких-нибудь других животных?

— Иногда использовал, — признал Ву. — Это единст-

венный способ собрать из обрывков нормальную ДНК. Иногда мы брали фрагменты ДНК некоторых видов птиц, иногда — фрагменты из ДНК рептилий.

— А вы никогда не использовали ДНК амфибий? В частности, ДНК лягушек?

— Может, и использовали — я сейчас точно не помню, но можно посмотреть.

— Проверьте, пожалуйста, — сказал Грант. — Я полагаю, в этом может крыться разгадка.

Малкольм спросил:

— ДНК лягушек? Но при чем тут лягушки?

Тут вмешался недовольный Геннаро:

— Послушайте, все это, конечно, очень интересно, но мы забываем о главном вопросе: убежали животные с острова на континент или нет?

Грант сказал:

— Я думаю, что на основании имеющихся сведений на этот вопрос пока нельзя ответить ничего определенного.

— А как вы собираетесь это выяснять?

— Я знаю только один верный способ, — ответил Грант. — Мы должны отыскать все гнездовья, тщательно их осмотреть и пересчитать все остатки яиц. Так мы точно узнаем, сколько новых животных появилось на острове. И тогда уже подсчитаем, все ли они остались здесь, или кто-нибудь пропал.

— Но ведь мы не сможем узнать, куда именно делись пропавшие животные, — может, они не убежали с острова, а погибли от какой-нибудь болезни, или их кто-нибудь съел? — заметил Малкольм.

— Согласен, — сказал Грант. — Но ведь это — только начало. Кроме того, я думаю, мы можем получить кое-какую добавочную информацию, если получше изучим графики распределения популяций.

— А как вы собираетесь искать эти гнезда?

— Вообще-то в этом деле нам может помочь компьютер, — предположил Грант.

— Ну что, мы уже едем домой? — спросила Лекс. — Я хочу есть!

— Да, мы уже едем, — ответил Грант и улыбнулся девочке. — Надо же, какая ты спокойная и терпеливая!

— Уже через двадцать минут мы сможем пообедать, — пообещал Эд Регис, направляясь к экскурсионным вездеходам.

— Я останусь еще ненадолго, — сказала Элли. — И сделаю несколько снимков камерой доктора Хардинга. Надо сфотографировать больного стегозавра — а то к завтрашнему утру эти везикулы у него на языке уже рассосутся.

— А я лучше вернусь, — сказал Алан Грант. — Поеду вместе с детьми.

— Я тоже, — присоединился к нему Малкольм.

— А я, наверное, останусь, — решил Геннаро. — Уеду потом на джипе, вместе с доктором Хардингом и мисс Саттлер.

— Хорошо, тогда мы поехали!

И они пошли к электромобилям. Малкольм спросил:

— Я не совсем понял, зачем остался наш адвокат?

Грант пожал плечами.

— По-моему, тут все дело в докторе Саттлер.

— Да ну? Наверное, это из-за ее шорт?

— Такое случалось уже не раз, — кивнул Грант.

Когда компания подошла к машинам, Тим спросил:

— Можно, я теперь поеду в передней машине, вместе с профессором Грантом?

Малкольм сказал:

— Извини, малыш, но нам с доктором Грантом надо кое-что обсудить.

— Я буду сидеть очень тихо. Буду только слушать и не скажу ни слова, — пообещал Тим.

— Это очень личный разговор, Тим, — сказал Малкольм.

— Слушай, Тим, давай лучше сделаем вот что, — пришел на выручку мальчику Эд Регис. — Пусть они вдвоем едут теперь на задней машине, а мы сядем в переднюю, и ты будешь смотреть вокруг через инфракрасные очки. Ты когда-нибудь смотрел через инфракрасные очки, Тим? Это очень чувствительный прибор ночного видения — ПНВ, — он улавливает любое инфракрасное излучение. Через такие очки в темноте все видно.

— Ладно, договорились, — согласился мальчик и направился к первой машине.

— Эй, так нечестно! Так нечестно! Почему это все достается только тебе, Тимми? — захныкала девочка и пошла за братом.

Эд Регис посмотрел им вслед и сказал Гранту:

— Могу себе представить, во что у нас превратится поездка обратно...

Грант и Малкольм забрались во второй вездеход. На ветровое стекло упало несколько капель дождя.

— Все, пора ехать, — сказал Регис. — Я тоже порядком проголодался. А на обед нам обещали приготовить чудесный банановый дайкири¹. Что скажете, ребята? По-моему, дайкири — это просто здорово! — Регис пнул ногой металлическую боковую панель электромобиля, сказал: — Ну все, пока! Увидимся в столовой, — пошел к первой машине и забрался внутрь.

На приборной панели мигал красный огонек. Как только все пассажиры расселись, вездеходы тихо зажужжали и тронулись с места.

Экскурсионные вездеходы ехали обратно в сгущающихся сумерках. Ян Малкольм был мрачен и время от времени настороженно поглядывал в окно. Алан заговорил первым:

— Ваша теория полностью себя оправдала. Вы, наверное, должны бы сейчас радоваться...

— Честно говоря, сейчас мне немного страшновато, — признался Малкольм. — Такое впечатление, что мы попали в очень опасное место.

— Почему?

— Не знаю — просто плохое предчувствие. Интуиция

— А математики верят в интуицию?

— Да. Интуиция в нашем деле очень важна. Вообще-то я думал о фрактальной геометрии, — сказал Малкольм. — Вы знаете, что такое фракталы?

Грант покачал головой.

— Нет, не знаю.

— Это такой раздел геометрии. Он связан с именем

¹ Д а й к и р и — коктейль из рома с фруктовым соком (чаще всего — лимонным или лаймовым), сахаром и льдом.

некоего Манделброта. В отличие от обычной Евклидовой геометрии, которую все мы проходили в школе — квадраты, кубы, сферы, — фрактальная геометрия описывает реальные объекты окружающего нас мира. Горы и облака — это фрактальные геометрические фигуры. Так что фрактальная геометрия, можно сказать, приближена к реальности. В каком-то смысле... Так вот, Манделброт с помощью своей методики обнаружил замечательную закономерность. Он нашел, что в разном масштабе предметы выглядят почти одинаково.

— В разном масштабе — как это? — спросил Грант.

— Ну вот, например большая гора, если смотреть на нее издали, имеет вполне определенную неправильную форму — форму горы. Но если подойти поближе и рассмотреть одну маленькую вершину этой большой горы, то оказывается, что вершина тоже имеет точно такую же форму горы. На самом деле можно увеличивать масштаб почти до бесконечности. И даже самая маленькая частичка камня, которую видно только под микроскопом, будет приблизительно той же формы, что и большая гора. В основе всех этих форм лежит одна и та же фрактальная фигура.

— Признаться, я не совсем понимаю, почему это вас так беспокоит? — сказал Грант и зевнул.

В воздухе отчетливо пахло серными испарениями вулканических источников. Вездеходы добрались до той части дороги, которая лежала вдоль береговой линии. Отсюда открывался вид на пляжи и океан.

— Это разновидность взгляда на мир, — сказал Малкольм. — Манделброт открыл однообразие всего, от меньшего до большего. То же однообразие, не зависящее от масштаба, наблюдается и в событиях.

— В событиях?

— Вот, возьмем хотя бы цены на хлопок, — сказал Малкольм. — Сохранились записи точных цен на хлопок на протяжении более ста лет. Если внимательно изучить график колебания этих цен, то выяснится, что форма графика всегда примерно одинакова, какой бы промежуток времени ни рассматривался — будь то один день, неделя, год или десять лет. И так — во всем. В каждом дне отражается вся жизнь. Вы начинаете с чего-то одного, а заканчи-

ваете чем-то совсем другим; отправляетесь в командировку, а попадаете совсем не туда, куда собирались... И даже в самом конце жизни все человеческое существование точно так же бессистемно. Вся жизнь человека имеет ту же форму, что и один день.

— Что ж, это тоже мировоззрение, — проронил Грант.

— Нет. Это мировоззрение — единственное, которое позволяет реально воспринимать действительность, — заявил Малкольм. — Видите ли, принцип однообразия явлений, заложенный в теорию фрактальности, указывает на неизбежность возвратов к тому, что уже было. Явления могут повторяться внутри самих себя, а это значит, что заранее предсказать развитие событий невозможно. События могут внезапно меняться, причем совершенно неожиданным образом.

— Ну, хорошо...

— Но люди привыкли тешить себя иллюзиями. Мы воображаем, что любая внезапная перемена — это что-то выходящее за пределы нормального, за границы обычного порядка вещей. Несчастливая случайность, вроде автомобильной катастрофы. Или же нечто, от нас не зависящее — как смертельная болезнь. Мы не желаем признавать, что внезапные, резкие и непредсказуемые изменения на самом деле естественным образом заложены в ткань существования. А ведь все обстоит именно так, — продолжал Малкольм. — И теория хаоса учит, что прямых линий в природе просто не существует, хотя мы привыкли верить в них — поскольку все в жизни, от физики до воображения, казалось бы, убеждает нас в том, что они есть. Но линейность насквозь искусственна, на самом деле прямых линий не бывает. Реальная жизнь — это цепочка сменяющих друг друга взаимосвязанных событий, которые появляются одно за другим, как бусины на нитке. Жизнь — это нескончаемая последовательность случайностей, каждая из которых может повлиять на последующие совершенно неожиданно, непредсказуемо, а иногда и губительно. — Ян Малкольм откинулся на спинку сиденья и задумчиво смотрел на другой электрокар, ехавший в нескольких метрах впереди них. — Такова истинная сущность внутреннего устройства нашей вселенной. Но мы, непонятно по какой причине, упорно

стараясь этого не замечать и ведем себя так, будто ничего подобного не существует.

И вдруг оба вездехода внезапно остановились.

— В чем дело? — спросил Грант.

Отсюда было видно, как дети, сидевшие в передней машине, показывают пальцами в сторону океана. Грант посмотрел туда и увидел невдалеке от берега темный силуэт лодки, которая привозила на остров припасы. Лодка медленно шла в сторону континента, возвращаясь в Пунтаренас.

— Почему мы остановились? — поинтересовался Малкольм.

Грант включил интерком. В динамике зазвучал голос девочки, которая возбужденно кричала:

— Смотри, смотри, Тимми! Видишь, они там!

Малкольм прищурился и посмотрел на лодку.

— Они говорят о лодке?

— Очевидно, да.

Тут из передней машины выпрыгнул Эд Регис и бегом подбежал к Гранту с Малкольмом. Заглянув в окно машины, Регис сказал:

— Вы меня простите, но эти дети будто взбесились. У вас есть бинокль?

— Зачем он вам?

— Девчушка как будто увидела что-то на лодке. Как будто какое-то животное... — сказал Регис.

Грант схватил бинокль и, облокотившись о край окна, стал смотреть в сторону океана. Вот он нашел темный продолговатый силуэт продовольственной лодки. Уже совсем стемнело, и лодка была почти не видна — только бортовые огни ярко светились на фоне темно-багрового сумеречного неба.

— Ну как, видите что-нибудь? — спросил Регис.

— Пока ничего особенного, — ответил Грант.

— Они прямо внизу, — подсказала Лекс по интеркому. — Смотрите, они внизу!

Грант чуть опустил бинокль и стал просматривать нижний край лодки, вдоль ватерлинии. Лодка была очень широкая, вдоль каждого борта по всей длине судна тяну-

лись щитки-волнорезы. Но в такой темноте Грант ничего не смог толком разглядеть.

— Нет, ничего не видно...

— Но я их вижу! — кричала Лекс. — Вон там, сзади. Смотрите, там, сзади!

— И как малышка видит в такой темноте? — удивился Малкольм.

— Дети очень хорошо видят, — сказал Грант. — Мы с вами давно успели позабыть, какое острое зрение было у нас в детстве.

Он медленно перевел взгляд в сторону кормы и вдруг тоже увидел животных. Их темные маленькие фигурки мелькали среди таких же темных контуров кормовых надстроек. Грант увидел животных мельком, но даже при таком плохом освещении сумел разглядеть, что эти животные высотой больше полуметра, стоят прямо, на двух задних ногах и удерживают равновесие, балансируя длинными толстыми хвостами.

— Ну что, увидели? — спросила Лекс.

— Да, я их вижу, — сказал Грант.

— Что это за зверьки?

— Это рапторы, — ответил Алан. — Детеныши рапторов. Их там двое. А может, и больше.

— О, господи! А лодка идет на континент! — воскликнул Регис.

Малкольм пожал плечами.

— Нечего так волноваться. Свяжитесь по радио с наблюдательным постом и скажите, пусть отзовут лодку обратно.

Эд Регис просунул руку через окно и схватил с приборной панели радиопередатчик. Послышалось шипение, хриплый треск статических разрядов и шелканье переключателя — Регис быстро переключал рацию с одного канала на другой, но все равно никак не мог выйти на связь с базой.

— Что-то тут не так, — сказал он. — Рация не работает!

Он бегом бросился к первому вездеходу. Грант и Малкольм видели, как Эд Регис нырнул внутрь, но скоро повернулся к ним и крикнул:

— С этой рацией тоже что-то не так! У нас вышли из строя обе рации. Я не могу связаться с базой!

— Тогда поехали дальше, — сказал Грант.

А на наблюдательном посту Роберт Малдун стоял и смотрел в широкое окно, из которого открывался прекрасный вид на весь парк. Ровно в семь часов вечера по всему острову автоматически включились кварцевые прожекторы, и раскинувшийся далеко к югу парк стал похож на полотнище черного бархата, усеянное причудливыми сияющими бриллиантами. Роберт Малдун больше всего любил смотреть на парк именно в это время суток. Тут в радиоприемнике послышался треск статических разрядов.

— Вездеходы снова поехали, — сообщил Арнольд. — Скоро будут здесь.

— Но почему они останавливались? — спросил Хаммонд. — И почему мы не можем с ними связаться?

— Не знаю, — сказал Арнольд. — Может, они отключили свои рации?

— А возможно, это из-за грозы, — предположил Малдун. — Гроза мешает радиопередаче.

— Они будут здесь через двадцать минут, — сказал Хаммонд. — Позвоните-ка на кухню, узнайте — все ли готово к обеду? Детишки наверняка проголодались.

Арнольд поднял телефонную трубку, но услышал не гудки, а только неразборчивое шипение.

— Что такое? В чем дело?

— Боже мой, да положите вы трубку! — возмутился Недри. — Вы же можете прервать поток данных!

— Вы что, заняли все телефонные линии? Даже внутреннюю связь?

— Я занял все линии, которые связывают остров с внешним миром, — сказал Недри. — Внутренняя связь должна работать.

Арнольд стал нажимать одну кнопку за другой — но на всех линиях слышался только бессмысленный треск и шум.

— Похоже, вы перехватили вообще все линии, — сказал он.

— Ну уж извините, — откликнулся Недри и зевнул. — Когда пройдет эта порция данных, я освобожу для вас пару каналов — минут через пятнадцать. Да, у меня получился тот еще уикенд! Работа, работа, работа... Пойду, наверное, сам возьму себе колы... — программист повесил на плечо свою сумку и пошел к двери. — Не трогайте мой компьютер, ладно?

Дверь за ним закрылась.

— Ну и противный этот жирный неряха! — сказал Хаммонд.

— Ага, — согласился Арнольд. — Но дело свое вроде бы знает.

В ярком свете кварцевых прожекторов клубы пара из горячих вулканических источников вспыхивали разноцветными радугами. Грант спросил по интеркому:

— Через какое время лодка должна добраться до континента?

— Обычно она идет около восемнадцати часов, — ответил Регис. — Иногда больше, иногда меньше — в зависимости от погоды. — Он глянул на часы и добавил: — Они будут на месте завтра утром, где-то около одиннадцати часов.

Грант нахмурился.

— Вы по-прежнему не можете связаться с наблюдательным постом?

— Да, пока ничего не получается.

— А как насчет Хардинга? Вы не пробовали связаться с ним?

— Да пробовал я. Но у него, похоже, просто выключено радио.

Малкольм покачал головой.

— Получается, что о животных на лодке знаем только мы с вами.

— Я пытаюсь дозвониться хоть до кого-нибудь, — сказал Эд Регис. — Нет, господи, нам совсем не нужно, чтобы эти звери попали на континент!

— А скоро мы доберемся до базы?

— Отсюда до базы ехать где-то еще шестнадцать-семнадцать минут, — ответил Регис.

Мощные кварцевые прожекторы сияли в темноте ночи, заливая дорожку, по которой двигались экскурсионные вездеходы, ослепительно-ярким светом. Кроны деревьев смыкались над головой, и Гранту казалось, что машины едут по светлому зеленому тоннелю из листьев. По ветровому стеклу барабанили крупные капли дождя.

И тут вездеход поехал медленнее, а потом и совсем остановился.

— Ну, что там еще, на этот раз?

Лекс пронила:

— Я не хочу останавливаться! Почему мы остановились?

Внезапно все прожекторы разом погасли, и парк погрузился в крошечную темноту. Лекс вскрикнула:

— Эй! Что это?!

— Наверное, какие-то неполадки с электричеством, — сказал Эд Регис. — Ничего, сейчас свет снова включат — через пару минут.

— Что за чертовщина?! — воскликнул Арнольд, глядя на мониторы.

— Что случилось? — спросил Малдун. — Отключилась подача энергии?

— Да, но только по периметру. В зданиях все работает нормально. Но снаружи, в парке, все обесточено. Освещение, видеокамеры — все!

Видеомониторы, на которые передавалось изображение со следящих камер, отключились и потемнели.

— А как наши два вездехода с экскурсией?

— Остановились где-то рядом с вольером тиранозавров.

— Ну, так позвоните техникам! Пусть включат энергию! — потребовал Хаммонд.

Арнольд взялся за телефон, но в трубке по-прежнему слышался только сухой треск: компьютеры Недри перекачивали друг у друга информацию.

— Телефоны не работают. Это все поганец Недри! Эй, Недри! Куда его черти понесли?!

...Деннис Недри распахнул дверь с табличкой: «Выращивание». Секретные замки, которые открывались только личными карточками сотрудников, при отключенном энергоснабжении периметра перестали срабатывать. Теперь любую дверь в этом здании можно было открыть просто так, без всяких карточек.

Проблемы с системой безопасности стояли на первом месте в списке неполадок в компьютерном обеспечении парка юрского периода. Недри все рассчитал правильно — вряд ли кто-нибудь догадается, что это вовсе не неполадка, что на самом деле он, программист, специально спроектировал систему безопасности именно так. Он встроил в систему классическую дверцу-ловушку. Вообще, вряд ли кто-нибудь из программистов, создававших обширные компьютерные системы, мог бы удержаться от искушения оставить маленькую тайную лазейку — дополнительный доступ к системе для собственного пользования. Отчасти это нужно было на тот случай, если неумелые пользователи как-нибудь случайно заблокируют систему, а потом вызовут программиста ее чинить — таким образом у создателя системы всегда будет возможность взлезть внутрь нее и исправить неполадки. А отчасти это было все равно что подпись художника под картиной: «Это сделал Килрой».

И еще — в какой-то мере это была как бы страховка на будущее. Весь этот проект парка юрского периода раздражал Недри; после того как он сделал работу, которую ему заказывали в самом начале, компания «ИнГен» потребовала дополнительных усовершенствований в программе, а платить за них отдельно отказалась. Они заявили, что это — всего лишь доработки, стоимость которых входит в первоначальный контракт. Инженеры натравили на Недри своих адвокатов, принялись писать письма другим его клиентам, в которых утверждали, что Деннис Недри — ненадежный партнер и не заслуживает доверия. Это была наглая ложь и клевета, но в конце концов Недри все же вынудили взяться за эту сверхурочную работу и бесплатно внести в программу для парка юрского периода все изменения, каких желал Хаммонд.

Вот почему потом, когда Льюис Доджсон из компании «Биосин» сделал ему определенное предложение, Не-

дри с готовностью его выслушал. И ответил, что вполне способен взломать систему безопасности парка юрского периода. Он мог проникнуть в любое помещение, вообще куда угодно по всему парку. Потому что это он, и никто иной, так ее запрограммировал. Просто на всякий случай.

Недри вошел в комнату, где выращивали эмбрионы динозавров. В лаборатории не было ни души — как и рассчитывал Недри, весь персонал в это время ушел на обед. Программист расстегнул свою сумку и вынул флакон с кремом для бритья фирмы «Жиллетт». Он отвинтил двойное дно и увидел, что внутри флакон разделен на множество небольших цилиндрических отделений.

Недри надел толстые резиновые перчатки и открыл морозильную камеру с надписью: «Жизнеспособный биологический материал. Хранить при температуре не выше 10 градусов Цельсия». Морозильник был размером с небольшой чулан, все пространство от пола до потолка занимали полки, на которых лежали в основном пластиковые упаковки с реагентами и биологическими жидкостями. Но внутри морозильника оказался еще маленький ящик с толстой керамической крышкой — специальный охлаждающий контейнер, наполненный жидким азотом. Недри открыл крышку, и из контейнера выехала кассета с маленькими пробирками, окутанная клубами пара от жидкого азота.

Эмбрионы были рассортированы по биологическим видам: стегозавр, апатозавр, хадрозавр, тиранозавр. Каждый эмбрион находился внутри тонкого стеклянного контейнерчика, обернутого сверху серебряной фольгой и упакованного в полиэтилен. Недри стал быстро отбирать по паре пробирок каждого вида и перекладывать их внутрь флакона из-под крема для бритья.

Набрав сколько нужно, он плотно завинтил дно флакона и особым образом нажал на крышку. Послышалось шипение выходящего газа, и флакон в его руках заметно охладился. Доджсон говорил, что действие охлаждающего газа продлится тридцать шесть часов. Этого более чем достаточно, чтобы успеть добраться до Сан-Хосе.

Недри вышел из морозильной камеры и вернулся в главное помещение лаборатории. Флакон с эмбрионами он сунул обратно в сумку и застегнул ее на «молнию».

Потом он вышел в коридор. Все похищение заняло меньше двух минут. Деннис Недри с удовольствием представил себе, в какой ужас придут сидящие на наблюдательном пульте, когда до них начнет доходить смысл случившегося. Все их секретные кодировки полетели коту под хвост, все телефонные линии намертво заблокированы. Без помощи Недри они ни черта не смогут сделать. На то, чтобы хоть немного восстановить порядок в программах, понадобятся многие часы работы... Но уже через несколько минут он, Недри, как ни в чем не бывало вернется на наблюдательный пост и быстренько все наладит.

И никто даже не заподозрит, что он сделал.

С довольной улыбкой на лице Деннис Недри спустился по лестнице на первый этаж, добродушно кивнул охраннику и пошел дальше вниз, в подземный гараж. Он прошел мимо выстроенных рядами электрических вездеходов, в дальний конец гаража, где стоял обычный джип с бензиновым двигателем. Забираясь в джип, Недри заметил на пассажирском сиденье какие-то странные серые трубы. Запуская мотор джипа, он еще подумал, что эти штуки похожи на пушки, из которых стреляют ракетами.

Недри глянул на часы — выехать отсюда в парк, а там напрямик к восточной пристани. Три минуты до пристани, и еще три минуты на то, чтобы вернуться обратно на наблюдательный пост.

Раз плюнуть!

— Чертова работа! — ругался Арнольд, колотя по кнопкам приборной панели. — Тут все перепорчено!

Малдун стоял у окна и смотрел на парк. Нигде не было ни огонька — освещалась только территория, непосредственно прилегающая к центральному корпусу. Малдун увидел нескольких сотрудников лаборатории, которые спешили укрыться от дождя. Похоже, никто из них даже не догадывался, что происходит что-то неладное. Малдун посмотрел на Гостевой корпус — там тоже ярко горел свет.

— Вот черт! — воскликнул Арнольд. — У нас серьезные неприятности.

— В чем дело? — поинтересовался Малдун. Он отвернулся от окна и потому не видел, как его джип выехал из гаража и помчался по дороге, ведущей в парк.

— Этот идиот Недри отключил систему безопасности! Все двери в здании открыты — заходи кто хочет! Кодовые замки не работают.

— Я предупрежу охранников, — предложил Малдун.

— Только это еще не все пряники, — сказал Арнольд. — Когда отключаешь систему безопасности в зданиях, одновременно отключаются все ограждения по периметру.

— Электрические изгороди? — переспросил Малдун.

— Да, электрические изгороди, — повторил главный инженер. — Все они сейчас обесточены. По всему острову.

— Ты хочешь сказать...

— Да! Животные могут выбраться из вольеров. — Арнольд нервно закурил очередную сигарету. — Может, ничего страшного и не случится, но кто его знает...

Малдун пошел к двери.

— Наверное, лучше я поеду и заберу людей из электромобилей, — сказал он. — Просто на всякий случай.

Роберт Малдун быстро спустился вниз, в гараж. Он пока не очень-то беспокоился из-за того, что изгороди обесточены. Большинство динозавров содержались в своих вольерах по девять месяцев и больше — они неоднократно пробовали бросаться на изгородь и всякий раз с одним и тем же довольно поучительным результатом. Малдун знал, как быстро животные приучаются избегать электрошоковых стимулов. Лабораторная морская свинка обучается всего после двух или трех шоковых стимуляций. Так что вряд ли динозавры станут теперь бросаться на изгороди.

Гораздо больше Малдун волновался из-за того, что могут выкинуть люди, оставшиеся в экскурсионных вездеходах. Он очень не хотел бы, чтобы им взбрело в голову покинуть машины — потому что когда электричество снова включится, электромобили сразу же поедут дальше по маршруту, независимо от того, будут в них люди или нет. А люди могут остаться где-нибудь там и потеряться в парке. Конечно, вряд ли они вздумают вылезать из ма-

шин в такой дождь. Но все же... Никогда не знаешь, чего ожидать...

Малдун вошел в гараж и поспешил к своему джипу. Проходя мимо электромобилей, он подумал: как здорово, что оружие уже лежит в машине, — и похвалил себя за предусмотрительность. Можно сразу выезжать не задерживаясь — так он успеет обернуться за...

Стоянка для джипов была пуста.

— Что за чертовщина?! — Малдун застыл на месте, потрясенный до глубины души.

Джипа не было на месте!

Что же за чертовщина здесь творится?

4. ЧЕТВЕРТОЕ ПОВТОРЕНИЕ

Скрытая нестабильность неизбежно начинает проявляться.

Ян Малкольм

Дорога

Крупные капли дождя гулко барабанили по крыше экскурсионного электромобиля. Тим водрузил на лоб инфракрасные очки — прибор ночного видения. Эта штука оказалась довольно тяжелой. Мальчик нащупал возле уха рычажок настройки и покрутил его, чтобы отрегулировать прибор. Сначала было видно просто фосфоресцентное свечение — путаница черно-зеленых электронных полутеней, а потом Тим ясно разглядел сзади второй вездеход, а внутри машины — профессора Гранта и доктора Малкольма. Вот это штука!

Доктор Грант всматривался в темноту через лобовое стекло электромобиля. Тим заметил, как он включает кнопку интеркома на приборной панели. В динамике сперва затрещало, а потом послышался голос доктора Гранта:

— Вы нас видите?

Тим взял у Эда Региса микрофон и ответил сам:

— Я вас вижу!

— Как вы там, в порядке?

— Все нормально, доктор Грант!

— Оставайтесь в машине.

— Да, конечно. Не волнуйтесь за нас, доктор Грант, — сказал Тим и выключил рацию.

Эд Регис фыркнул и пробурчал себе под нос:

— Куда ж нам выходить — в такой-то ливень?

Тим принялся рассматривать заросли по бокам от дороги. Электронный прибор ночного видения окрашивал листву в равномерный ярко-зеленый цвет, а за ней просматривались перекрещенные прутья решетчатой изгороди, более темного зеленого цвета. Электромобили остановились на склоне холма, а это означало, что где-то здесь, неподалеку, должен находиться вольер с тиранозаврами. Вот здорово было бы увидеть тиранозавра через эти инфракрасные очки! Жуть самая настоящая. Может, тиранозавр подойдет к ограде и посмотрит на них сверху... Интересно, будут у него глаза светиться в темноте, когда он их увидит? Вот было бы здорово посмотреть.

Но сколько Тим ни смотрел по сторонам, ничего интересного не появлялось, и мальчик оставил это занятие. Все, кто сидел в машинах, молчали. По крыше вездехода барабанил дождь. По окнам струились потоки воды — через них трудно было что-то разглядеть снаружи, даже с прибором ночного видения.

— Интересно, долго нам тут еще сидеть? — поинтересовался Малкольм.

— Не знаю. Минут пять, не больше.

— Знать бы, что у них там случилось...

— Наверное, короткое замыкание из-за дождя.

— Но это произошло, когда дождь еще только начинался.

И снова все надолго замолчали.

— Но ведь молний не будет, правда? — тоненьким от волнения голосом поинтересовалась Лекс. Она всегда очень боялась молний, и теперь сидела и нервно теребила свою бейсбольную перчатку.

Доктор Грант спросил:

— Что вы сказали? Нам плохо слышно.

— Это моя сестра разговаривает... — объяснил Тим.

— А, понятно...

Мальчик снова осмотрел джунгли через прибор ноч-

ного видения и снова ничего не увидел. По крайней мере, ничего настолько большого, что могло бы оказаться тиранозавром. Тим принялся раздумывать — не спят ли тиранозавры по ночам? Какие они животные — дневные или ночные? Мальчик точно не помнил — читал он где-нибудь об этом или нет. Но у него сложилось впечатление, что тиранозавры могут охотиться хоть круглые сутки — им все равно, что день, что ночь.

А дождь все лил и лил.

— Чертов дождь! Вот уж точно — свалился на голову, — проворчал Регис.

— Я есть хочу! — напомнила о себе Лекс.

— Я знаю, Лекс, — сказал Регис. — Но мы застряли здесь, девочка. Эти машинки ездят на электричестве, вдоль проводов, закопанных под дорогой.

— А надолго мы здесь застряли?

— Пока электричество не включат.

Слушая однообразный шум дождя, Тим почувствовал, что начинает засыпать. Мальчик зевнул и повернулся посмотреть на пальмовые деревья, что росли вдоль левой стороны дороги. И тут земля внезапно вздрогнула. Тим быстро обернулся и заметил краем глаза очертания темной фигуры, промелькнувшей через дорогу, между машинами.

— Господи!

— Что это было?

— Оно огромное, больше машины...

— Тим, слышишь меня?

Тим включил радио.

— Слышу!

— Ты разглядел, что это было, Тим?

— Нет. Я как раз смотрел в другую сторону.

— Черт возьми, что это было? — спросил Малкольм.

— Ты надел инфракрасные очки, Тим?

— Да, я смотрю через эту штуку, — ответил мальчик.

— Может, это был тиранозавр? — спросил Эд Регис.

— Вряд ли. Оно было прямо на дороге.

— Так ты его видел? — нервно произнес Регис.

— Нет, не видел.

Тим очень пожалел, что не разглядел животное, какое бы оно ни было. Тут внезапно ударила молния, и все поле

зрения в очках затмила ослепительно-яркая зеленая вспышка. Тим зажмурил глаза и стал считать:

— Тысяча один, тысяча два...

Лекс заплакала.

— О, нет...

— Успокойся, детка. Это всего лишь молния, — сказал Эд Регис.

Тим всматривался в придорожные заросли. Ливень припустил вовсю, тяжелые дождевые капли молотили по листьям деревьев, и из-за этого казалось, что все кусты и деревья шевелятся. Казалось, все джунгли разом ожили. Тим всматривался в листву...

Вдруг он замер. Там, за листьями, что-то было.

Он посмотрел чуть выше.

По ту сторону изгороди мальчик увидел полускрытое листьями массивное тело с чешуйчатой неровной кожей, похожей на древесную кору. Но это было не дерево... Тим поднял голову и посмотрел еще выше...

И увидел огромную голову тиранозавра, который стоял совсем рядом и смотрел через изгородь на два экскурсионных электромобиля. Полыхнула ослепительная вспышка молнии, гигантское животное трянуло головой и недовольно заревело. Потом снова стало темно и тихо, только дождь барабанил по листве.

— Тим!

— Да, доктор Грант.

— Ты видел? Что это?

— Видел.

Тим сообразил, что доктор Грант старается задавать вопросы так, чтобы не напугать его маленькую сестренку.

— Что там сейчас творится?

— Ничего, — ответил Тим, рассматривая тиранозавра через прибор ночного видения. — Он просто стоит по ту сторону изгороди.

— Мне отсюда почти ничего не видно, Тим.

— А я все вижу, доктор Грант. Он просто стоит там, и все.

— Хорошо.

Лекс плакала, громко всхлипывая.

Снова все замолчали. Тим рассматривал тиранозавра. Какая у него огромная голова! Животное переводило

взгляд с одной машины на другую, потом обратно. Тиму вдруг показалось, что тиранозавр смотрит прямо на него.

В инфракрасном свете глаза зверя светились ярко-зеленым.

Тима пробрала дрожь. Он перевел взгляд чуть ниже, с массивной головы и огромных челюстей на тело животного, на его непропорционально маленькие, но мускулистые верхние конечности. Тиранозавр взмахнул маленькими лапками в воздухе и вдруг ухватился за электрифицированную изгородь.

— Господи боже! — проговорил Эд Регис, глядя в окно.

«Самый ужасный хищник из всех, какие когда-либо существовали на свете. Самое кошмарное нападение в истории человечества...» Какая-то часть сознания Эда Региса по профессиональной привычке продолжала составлять текст отчета или какого-нибудь выступления. Но все его тело вдруг затрясло крупной дрожью, ноги заходили ходуном, так что свободные брюки полоскались, словно флаги на ветру. Господи, он перепугался до чертиков! Он не хотел здесь оставаться. Единственный из всех, кто сидел сейчас в экскурсионных электромобильчиках, Эд Регис точно знал, что случается, когда динозавр нападает на людей. Он видел, что тогда происходит с людьми. Он хорошо помнил изувеченные, разорванные в клочья тела рабочих, на которых нападали рапторы. Эта кошмарная картина, как живая, вставала перед его внутренним взором. А это вам не какой-нибудь раптор — это же рекс! Он во много раз больше раптора. Это же самый громадный плотоядный зверь из всех, какие когда-либо топтали Землю!

Господи боже!..

Тиранозавр заревел — ужасающий, кошмарный клич хищника из совсем другого мира. Эд Регис почувствовал, как по брюкам побежало что-то теплое и мокрое. Промелькнула мысль: «Боже! Я обоссался!» Ему было одновременно стыдно и страшно. Но Регис понимал, что надо срочно что-то предпринять. Нельзя было просто оставаться здесь и ничего не делать. Надо что-то делать... Хотя

что-нибудь! Трясущимися руками Эд Регис принялся шарить по приборной панели.

— Господи боже! — снова проговорил он.

— Нельзя ругаться! — сказала малышка Лекс и погрозила Регису пальчиком.

Тим услышал, что дверь машины открывается, и быстро повернул голову — поле зрения в приборе ночного видения пошло яркими полосами от резкого движения — как раз вовремя, чтобы увидеть, как Эд Регис, втянув голову в плечи, выходит из машины — в ночь, под проливной дождь.

— Эй! Куда это вы? — спросила Лекс.

Эд Регис, ни слова не говоря в ответ, развернулся и побежал в противоположную от тиранозавра сторону. Он быстро скрылся в зарослях. Дверь электромобиля так и осталась открытой нараспашку. Косые струи дождя быстро промочили приборную панель и обшивку.

— Он убежал! Куда он убежал? Он бросил нас! — выкрикнула Лекс.

— Закрой дверь! — велел Тим.

Но перепуганная девчонка не послушалась и начала кричать:

— Он нас бросил! Он бросил нас!

— Тим, в чем дело? Что случилось? Тим! — это доктор Грант заговорил с ними по радио.

Тим наклонился вперед и попытался захлопнуть дверь. Но с заднего сиденья он никак не мог дотянуться до ручки. Тим оглянулся назад, на тиранозавра. Снова полыхнула молния. Огромный черный силуэт возвышался над зарослями на фоне на мгновение посветлевшего неба.

— Тим, что случилось?

— Он бросил нас! Он бросил нас!

Ослепленный вспышкой молнии, Тим моргнул, чтобы восстановить зрение. Когда он снова смог видеть, тиранозавр стоял на прежнем месте, точно так же, как раньше, — чудовищно огромный и совершенно неподвижный. Потоки дождевой воды стекали с его зубастых челюстей. Передние лапы держались за изгородь...

Только сейчас Тим понял, что он видит: тиранозавр держался за изгородь!

Значит, по проводам ограждения больше не шел электрический ток!

— Лекс, закрой дверь!

Радио затрещало.

— Тим!

— Да, я слышу, доктор Грант.

— Тим, что случилось?

— Регис убежал от нас, — сказал Тим.

— Он... Что?!

— Он убежал. Наверное, он увидел, что в ограде больше нет тока, — сказал мальчик.

— В ограждении нет тока?! — переспросил Малкольм по радио. — Он что, говорит, что изгородь сейчас не под напряжением?

— Лекс! Закрой дверь, — снова повторил Тим.

Но девчонка только вопила, монотонно повторяя: «Он бросил нас! Он бросил нас!» — и Тиму ничего не оставалось, как выбраться наружу, под дождь, через заднюю дверь, и уже с улицы закрыть переднюю дверь. Снова вспыхнула молния, громыхнул раскат грома. Тим оглянулся и увидел, как тиранозавр раздирает прутья изгороди мощными задними лапами.

— Тимми!

Мальчик быстро заскочил обратно в машину и хлопнул за собой дверь. Очередной громовой раскат заглушил хлопок закрывшейся двери.

— Тим! Ты меня слышишь? Куда ты подевался? — спросил Алан Грант по радио.

Мальчик схватил рацию.

— Я здесь! — он повернулся к Лекс. — Запри двери на задвижки! Сядь в середину машины. И заткнись!

А снаружи тиранозавр повертел головой и шагнул вперед. Когтистая задняя лапа запуталась в перекрученных, обвисших прутьях изгороди. Лекс, наконец, увидела зверя и сразу перестала кричать. Девочка замерла, глядя на тиранозавра широко распахнутыми от ужаса глазами.

Радио снова затрещало.

— Тим!

— Да, доктор Грант.

— Оставайтесь в машине. Пригнитесь. Сидите тихо. Не двигайтесь и не шумите.

— Хорошо.

— Все будет хорошо. Не думаю, что он сможет открыть машину.

— Хорошо, — кивнул Тим и отключил радио. — Лекс, ты слышала, что сказал доктор Грант?

Сестренка молча кивнула. Она не могла оторвать взгляд от динозавра. Тиранозавр оглушительно заревел. В свете очередной вспышки молнии дети увидели, что зверь высвободил ногу из переплетения прутьев и подступил еще на шаг ближе.

Теперь зверь стоял на дороге, между двумя машинами. Тим больше не видел машину, в которой сидели Грант и Малкольм, потому что массивное тело тиранозавра загораживало весь обзор. Потоки ливня извилистыми ручейками стекали по шероховатой коже, обтягивающей мускулистые ноги животного. Головы тиранозавра не было видно, потому что она находилась гораздо выше крыши электромобиля.

Тиранозавр двинулся вперед и стал обходить машину, в которой затаились Тим и его сестренка. Зверь подошел и остановился у того самого места, где Тим выскакивал из машины. Где выскакивал из машины Эд Регис. Тиранозавр наклонил огромную голову и повел носом над размокшей землей.

Тим оглянулся на доктора Гранта и доктора Малкольма, сидевших во второй машине. Оба они напряженно всматривались в темноту ночи, повернув головы в сторону машины, рядом с которой присел тиранозавр.

Зверь раскрыл пасть, огромная голова приподнялась от грязи и замерла напротив боковых окон электромобиля. Во вспышке молнии дети увидели черный, маслянистый глаз тиранозавра, окруженный пленкой века.

Тварь заглядывала внутрь машины!

Лекс задышала неровно, прерывисто. Тим схватил ее за руку и сжал, надеясь, что девчонка не начнет кричать. Динозавр долго и внимательно рассматривал внутренности машины через боковое окно. Тим подумал, что, наверное, динозавр все-таки не сможет их увидеть, если они не пошевелиятся. Наконец гигантская голова снова поднялась и исчезла из виду.

— Тимми... — прошептала Лекс.

— Все в порядке, — тоже шепотом ответил мальчик. — Он нас не заметил.

Тим снова посмотрел назад, на вездеход доктора Гранта, когда их машину потряс сокрушительный удар. Ветровое стекло раскололось и покрылось паутиной мелких трещин. Тиранозавр ударил своей массивной головой о крышу экскурсионного вездеходика. Тима сильно тряхнуло, он распластался на сиденье. Очки ночного видения соскочили у него со лба и отлетели в сторону.

Мальчик быстро сел и принялся моргать — без инфракрасных очков в темноте ничего не было видно. Рот наполнился кровью — теплой и соленой.

— Лекс!

Сестренки нигде не было.

Тиранозавр стоял перед вездеходом. Грудная клетка животного равномерно вздымалась и опадала в такт дыханию, передние конечности перебирали воздух.

— Лекс! — шепотом окликнул сестру Тим. Наконец он расслышал тихий всхлип — девочка лежала где-то на полу под передним сиденьем электромобиля.

И тут огромная голова зверя снова резко опустилась, полностью загоротив потрескавшееся лобовое стекло. Тиранозавр еще раз ударил по крыше машины — теперь спереди. Тим судорожно вцепился руками в сиденье — машина подпрыгнула на колесах и заходила ходуном от напора зверя. Тиранозавр ударил еще раз, и еще, тараня металл массивной головой. Крыша машины прогибалась, металл сминался, как фольга.

Потом зверь обежал машину и стал сбоку. Его длинный толстый хвост заслонил весь обзор через боковые окна. Животное взревело — низкий громоподобный рык слился с очередным грозовым раскатом. Тиранозавр схватил зубищами задний бампер вездехода и, один-единственный раз тряхнув головой, оторвал его напроочь. Задняя часть машины на мгновение приподнялась в воздух, а потом со звучным плеском упала в лужу жидкой грязи, собравшуюся на дороге.

— Тим! — позвал доктор Грант по радио. — Тим, как вы там?

Тим схватил рацию.

— Нормально, доктор Грант!

Раздался ужасающий скрежет — когти тиранозавра раздирали металл крыши. У Тима сердце едва не выпрыгивало из груди. Через окна с правой стороны вездехода ничего не было видно, только чешуйчатый бок тиранозавра. Зверь прислонился к машине, которая колыхалась из стороны в сторону при каждом его дыхании. Все пружины и металлические соединения в машине жалобно скрипели.

Лекс снова всхлипнула. Тим отложил рацию и стал перебираться на переднее сиденье, поближе к сестренке. Тиранозавр снова заревел и ударил по машине сверху — покореженная крыша совсем прогнулась, вдавилась внутрь машины. Тим почувствовал резкую боль — погнувшейся крышей его садануло по затылку, и мальчик упал вниз, на пол, в проем между передними сиденьями, — туда, где располагался рычаг переключения скоростей. Тим увидел рядом с собой Лекс и испугался — у девочки вся голова была залита кровью. Похоже, Лекс была без сознания.

Машину снова трянуло, раздался треск и звон, и мальчика осыпало осколками разлетевшегося стекла. А еще Тим почувствовал, что прямо на него льет дождь. Он поднял голову и увидел, что лобовое стекло выбито, от него осталась только острая зазубренная кромка, а за ней — огромная голова тиранозавра.

Тиранозавр смотрел прямо на него.

Тима пробрала дрожь. Голова динозавра медленно двинулась к нему, кошмарная пасть с огромными зубами начала раскрываться... Между зубами виднелись застрявшие рваные клочья металла. На Тима повеяло горячим зловонным дыханием чудовища... Зверь разинул пасть и просунул огромный толстый язык сквозь разбитое окно внутрь машины. Язык динозавра ощупал внутренность машины — Тим почувствовал, как к нему прикоснулась горячая кожистая плоть ящера, покрытая влажной, липкой слюной, — и тут тиранозавр оглушительно взревел...

И резко отдернул голову от машины.

Тим выкарабкался из щели между сиденьями, стараясь не пораниться об острые выступы покореженного металла крыши. Впереди, на пассажирском сиденье, возле самой дверцы еще оставалось немного свободного места.

Тиранозавр стоял под дождем возле переднего крыла машины. Казалось, он был в растерянности из-за того, что с ним случилось. Из приоткрытой пасти ручьем бежала кровь.

Тиранозавр посмотрел на Тима одним глазом, по-птичьи повернув голову. Огромная голова вплотную приблизилась к вездеходу, нависла сверху и чуть сбоку. Кровь из порезанного о разбитое стекло языка смешивалась с потоками дождя и заливалась внутрь через пробитую крышу машины.

«Он не доберется до меня, — подумал Тим. — Он слишком большой».

Но вот голова динозавра убралась, и во вспышке молнии Тим увидел, как зверь заносит для удара могучую заднюю ногу. А потом мир вокруг Тима содрогнулся — экскурсионный вездеход подбросило в воздух и опрокинуло набок, окна залило грязью. Тим видел, как тело Лекс беспомощно перекаатилось и распростерлось вдоль окон. Тим и сам упал на боковую стенку машины, рядом с Лекс, ударившись при этом головой. Голова закружилась, все вокруг куда-то поплыло. Челюсти динозавра сомкнулись на крыше вездехода, зверь поднял машину в воздух и резко тряхнул.

— Тимми! — пронзительно завизжала Лекс прямо на ухо брату, так громко, что у него зазвенело в голове. Девочка внезапно пришла в себя, Тим схватил ее и прижал к себе, когда динозавр снова швырнул машину на землю. Мальчик здорово ударился обо что-то боком, а сверху на него упала сестра. Машину снова подняло в воздух и жутко затрясло. Лекс завопила: «Тим-ми-и-и!!!» — и тут дверца под ней распахнулась, и девочка вывалилась из машины в грязевую жижу. Тим не успел ничего крикнуть в ответ, потому что в следующее мгновение все вокруг завертелось, мимо скользнули стволы пальмовых деревьев — куда-то вниз и в сторону... где-то далеко-далеко внизу промелькнула земля... разинутая пасть тиранозавра... блестящий черный глаз... верхушки пальм...

А потом раздался пронзительный скрежет металла, машина выпала из пасти тиранозавра и полетела вниз. У Тима скрутило желудок, а в следующий миг мир погрузился в кромешную темноту и тишину.

Малкольм, сидевший в другой машине, только ахнул:
— Господи! Что он сделал с машиной?!

Грант поморгал, чтобы ослепленные вспышкой молнии глаза снова привыкли к темноте, и посмотрел вперед.

Вторая машина исчезла!

Алан не мог поверить своим глазам. Он подался вперед, стараясь получше рассмотреть дорогу сквозь исполо-
сованное потоками дождя лобовое стекло. Тиранозавр та-
кой огромный — наверное, он своим телом просто засло-
няет...

Нет. В свете следующей вспышки молнии Алан уви-
дел совершенно ясно: вторая машина исчезла.

— Что случилось? — спросил Малкольм.

— Не знаю.

Тут до них донесся едва слышный, заглушенный шу-
мом дождя визг маленькой девочки. Зверь стоял на дороге
впереди них, в темноте, но оба они уже достаточно хо-
рошо видели во тьме, чтобы разглядеть тиранозавра: тот
стоял, низко пригнув голову к земле, и к чему-то приню-
хивался.

Или пожирал что-то, лежащее на дороге.

— Вы что-нибудь видите? — спросил Малкольм, при-
шуриваясь.

— Нет, почти ничего, — отозвался Грант.

Дождь все так же барабанил по крыше вездехода. Алан
напрягал слух, надеясь снова уловить голос девочки, но
так ничего и не услышал. Двое мужчин сидели в машине
и прислушивались. Наконец Малкольм сказал:

— Это кричала девочка? Мне показалось...

— Мне тоже.

— Значит, это она?..

— Не знаю, — сказал Грант.

Он вдруг почувствовал, как все тело охватила неодо-
лимая усталость. Через залитое дождем лобовое стекло
машины виднелся размытый, неясный силуэт динозавра.
Тварь повернулась и пошла к их машине. Зверь медленно
и грозно надвигался на них.

Малкольм сказал:

— Знаете, в такие минуты у человека возникает ощу-
щение, что, наверное, лучше бы эти вымершие животные
так и оставались вымершими. Вам так не кажется?

— Да, — согласился Грант. Его сердце бешено колотилось.

— Э-э-э... У вас есть какие-нибудь предложения — что нам дальше делать?

— Я не могу сейчас нормально соображать, — признался Грант.

Малкольм повернул ручку двери, выскочил наружу и побежал. Но когда он это сделал, Грант понял, что его спутник опоздал. Тиранозавр уже подошел слишком близко. Полыхнула очередная вспышка молнии, и в ослепительно-белом свете Грант с ужасом наблюдал, как тиранозавр взревел и бросился вперед.

О том, что случилось потом, у Гранта сохранились весьма смутные воспоминания. Малкольм бежал, громко шлепая ногами по грязи. Тиранозавр быстро догнал его, массивная голова животного метнулась вниз, и Малкольма подкинуло в воздух, как тряпичную куклу.

Грант к тому времени тоже выскочил из машины. Холодные струи дождя стекали по его лицу, одежда мгновенно намокла и облепила тело. Тиранозавр повернулся к Гранту спиной, мощный хвост раскачивался в воздухе. Грант уже собрался было рвануть в заросли, как вдруг животное быстро повернуло к нему морду и оглушительно заревело.

Грант застыл на месте.

Он стоял не шевелясь, под проливным дождем, возле открытой передней дверцы электромобиля. Он был весь на виду, в каких-нибудь трех метрах от тиранозавра. Огромное животное снова заревело. С такого близкого расстояния рев казался особенно ужасным. Грант почувствовал, что дрожит от холода и страха. Он ухватился за металлическую створку двери, чтобы руки не так сильно дрожали.

Тиранозавр заревел еще раз, но почему-то не нападал. Зверь повернул голову и посмотрел на вездеход сперва одним глазом, потом другим. И ничего не сделал.

Тиранозавр просто стоял и присматривался к машине. «В чем же дело? Что происходит?» — думал Алан.

Огромные челюсти раскрывались и закрывались. Тиранозавр злобно зарычал, а потом вдруг поднял ногу и нанес сокрушительный удар по крыше вездехода. Острые

когти с металлическим скрежетом скользнули по крылу машины, едва не задев Гранта, который стоял здесь же, совсем рядом, совершенно неподвижный.

Гигантская лапа шлепнула по земле, расплескав во все стороны жидкую грязь. Голова на длинной шее медленно опустилась к самой машине. Животное принялось обследовать вездеход, громко фыркая носом. Вначале динозавр заглянул через переднее окно внутрь машины. Потом повернулся и направился к задней части вездехода, а по пути случайно пнул дверцу так, что она закрылась. Хищник надвигался прямо на Гранта. У Алана от страха кружилась голова, сердце едва не выскакивало из груди. Животное было так близко, что прямо в лицо Алану била отвратительная вонь гнилого мяса, смешанная со сладковатым запахом свежей крови и резким запахом самого хищника...

Алан напрягся в ожидании неизбежного конца.

Громадная голова проплыла мимо него к задней части электромобиля. Грант удивленно моргнул.

В чем дело?

Возможно ли, чтобы тиранозавр его не увидел? Очевидно, все-таки не увидел. Но как это могло случиться? И почему? Грант посмотрел назад, на животное, которое шумно обнюхивало задний бампер машины. Зверь подцепил носом бампер и дернул головой назад. И снова тиранозавр оказался совсем рядом с Грантом.

На этот раз черные, трепещущие ноздри животного остановились в нескольких дюймах от лица Алана. Дыхание динозавра было на удивление горячим. Однако это создание не принюхивалось, как собаки, — оно просто дышало. При других обстоятельствах эта особенность динозавра показалась бы Алану Гранту удивительной и замечательной. Но сейчас его занимало совсем другое.

Нет, динозавр определенно его не видит. И не увидит, пока Алан не пошевелится. Какая-то часть сознания ученого-палеонтолога даже нашла объяснение этому странному обстоятельству, а также причину, по которой...

Прямо у его носа распахнулась зубастая пасть тиранозавра, зверь запрокинул голову и заревел. Грант сжал кулаки и закусил губу, отчаянно стараясь не пошевелиться и не проронить ни звука.

Тиранозавр ревел.

Но теперь Алан начал понимать, что к чему. Животное его не видит, но знает, что он где-то здесь, возле машины. И оно пытается напугать его ревом, заставить дернуться в испуге и так выдать свое укрытие. Грант уверился, что пока он будет стоять неподвижно, динозавр не сможет его заметить.

Так ничего и не добившись, раздосадованное животное со злости пнуло машину гигантской задней лапой. Алан Грант почувствовал внезапную резкую боль, и сразу же — непередаваемое ощущение полета. Его тело взлетело в воздух... Наверное, это происходило довольно медленно, потому что Алан успел почувствовать, как мир постепенно становится все холоднее и холоднее... Он даже увидел где-то внизу землю, которая вдруг стремительно подскочила вверх и ударила его в лицо.

Возвращение

— О, черт! Вы только посмотрите на это! — сказал доктор Хардинг.

Они сидели в машине Хардинга — обычном джипе с бензиновым двигателем — и смотрели на дорогу через ветровое стекло, по которому туда-сюда гуляли «дворники»-стеклоочистители, разгоняя потоки дождевой воды. В желтом свете передних фар виднелось огромное дерево, упавшее на дорогу и полностью перегородившее проезд.

— Наверное, молния ударила, — предположил Геннаро. — Чертово дерево!

— Нам его не объехать, — сказал Хардинг. — Лучше я позвоню Арнольду, на пульт управления. — Он взял рацию и нажал на кнопку настройки. — Алло, Джон! Джон, вы меня слышите? Алло!

В динамиках раздавался только громкий нечленораздельный треск статических разрядов.

— Ничего не понимаю! Похоже, у нас отказала радиосвязь, — сказал ветеринар.

— Должно быть, это из-за грозы, — проронил Геннаро.

— Да, скорее всего так, — согласился Хардинг.

— Попробуйте связаться с экскурсионными машинами, — попросила Элли.

Хардинг переключил рацию на другие каналы — с тем же результатом. Связи не было.

— Ничего не выходит, — сказал ветеринар. — Наверное, они уже добрались до базового лагеря, а наша слабая рация туда не достает. В любом случае, по-моему, нам не имеет смысла оставаться здесь. Кто его знает, когда Арнольд пошлет сюда команду рабочих, чтобы оттащить с дороги это чертово дерево, — может, придется ждать не один час...

Он отключил рацию и переключил джип на задний ход.

— Что вы собираетесь делать? — поинтересовалась Элли.

— Вернусь до развилки и поеду по другой дороге — по служебной ветке, — стал объяснять Хардинг. — К счастью, у нас в парке проложена двойная сетка дорог. Одни дороги — для посетителей, а другие — для обслуживающего персонала. По ним развозят еду для животных и все такое прочее. Так что мы вернемся немного назад и поедем по такой служебной дороге. Она чуточку длиннее и не такая живописная, но, возможно, вам даже понравится. Если дождь не помешает, мы увидим кое-каких животных в ночное время. До базы доедем минут через тридцать-сорок — если только я не заблужусь.

С этими словами доктор Хардинг развернул джип и поехал обратно, на юг.

Полыхнула вспышка молнии, и все мониторы на наблюдательном пульте разом отключились. Арнольд подался вперед, все его тело напряглось. Господи, только не сейчас! Только не сейчас! Только этого не хватало — чтобы из-за грозы все вышло из строя. Все основные линии электропередачи, конечно, были защищены от перепадов напряжения, но Арнольд не знал, как в этом смысле обстоят дела с модемами, через которые Недри пересылал компьютерную информацию. Большинство людей даже не подозревают, что всю компьютерную сеть можно вывести из строя через модем. Разряд молнии шарахнет через телефонную линию по компьютеру, и — ба-бах! — мате-

ринская плата накрылась тазиком! И нет больше материнской платы. И нет больше винчестера. И нет больше операционной системы. И нет больше компьютера...

Мониторы мигнули — раз, другой... И вот, один за другим, снова стали загораться.

Арнольд вздохнул с облегчением и откинулся на спинку стула.

Он снова подумал о том, куда же мог запропасться чертов Недри. Пять минут назад Арнольд послал охранников, чтобы те обыскали хоть все здание, но нашли мерзавца. Жирный поганец наверняка засел в туалете и листает комиксы. Но охранники пока не вернулись и не позвонили.

Прошло уже пять минут. Если этот гад Недри в здании — его бы уже давно нашли.

Тут в комнату вернулся Малдун, хмурый и озабоченный.

— Кто-то угнал мой джип! — сообщил он с ходу. — Вы еще не связались с экскурсантами?

— Мы не можем достать их по рации, — сказал Арнольд. — А ничего другого не остается, потому что компьютерная связь отказала. Рации у нас слабые, но должны бы работать... Я перепробовал все шесть каналов. У них в машинах есть рации — я точно знаю, — но они почему-то не отвечают.

— Плохо дело, — сказал Малдун.

— Если вы хотите поехать туда, можно взять что-нибудь из служебного транспорта, — предложил Арнольд.

— Я бы и взял, — сказал Малдун. — Но весь служебный транспорт — в восточном гараже, а отсюда до него топать не меньше мили. Где Хардинг?

— По-видимому, возвращается сюда.

— Значит, он подберет по пути людей из электромобилей.

— Я тоже на это рассчитываю.

— Кто-нибудь сказал Хаммонду, что его детишки еще не вернулись?

— Черт, нет, конечно! Я не желаю, чтобы этот сукин сын мотался тут кругами и орал на меня, — ответил Арнольд. — Пока у нас все в порядке. Ну, пара вездеходов застряла в парке под дождем. Ничего, посидят немного —

пока Хардинг не подкинет их сюда на своем джипе. Или пока мы не найдем Недри, этого жирного ублюдка — и он вправит компьютерам мозги на место.

— Вы что, еще не починили компьютеры? — удивился Малдун.

Арнольд покачал головой.

— Я пытался. Но этот паршивец что-то сделал с системой — не знаю что, но чтобы ее наладить, мне пришлось бы взламывать все кодировки, а на это уйдет уйма времени — несколько часов. Нам нужен Недри. Нужно найти и притащить сюда этого сукина сына, и прямо сейчас!

Недри

Табличка на ограждении гласила: «Высокое напряжение! 10000 вольт! Не прикасаться!» — но Недри спокойно открыл замок на воротах голыми руками и распахнул ворота настежь. Потом сел в джип, выехал за ворота и вернулся, чтобы снова закрыть их за собой.

Теперь он был в самом парке, всего в миле от восточного причала. Недри вдавил педаль акселератора и припал к рулевому колесу, всматриваясь в ночь через залитое потоками ливня ветровое стекло джипа — дорога была узкая и извилистая, следовало смотреть в оба. Он вел машину очень быстро, даже слишком быстро по такой погоде, — но ничего другого не оставалось, надо было строго придерживаться расписания. Со всех сторон дорогу окружали непроходимые темные джунгли, но вскоре Недри стал различать просветы по левую сторону — там, где находилось океанское побережье.

Недри на все лады проклинал чертову грозу, которая стряслась так некстати. Из-за нее могло сорваться все дело. Потому что если лодка с ребятами Доджсона не дожидется его у восточного причала — считай, все пропало. Недри не мог сидеть там и дожидаться, пока они подъедут, — а то на наблюдательном пульте заметят, что он отсутствует слишком долго. Весь смысл плана заключался в том, что он успеет доехать до восточного причала, передать там эмбрионы и вернуться обратно всего за несколь-

ко минут, пока никто еще не обратил внимания на его отсутствие. План был хороший, очень хитрый и разумный. Недри тщательно все продумал, до малейших подробностей. Этот план сделает его богаче на полтора миллиона долларов. Столько он мог бы заработать лет за десять — и вот, получит все сразу, как говорится, в одном мешке — и без всяких там налогов. Это изменит всю его жизнь. Недри был чертовски осторожен. Он устроил ту последнюю встречу с Доджсоном в аэропорту в Сан-Франциско под тем предлогом, что ему хочется посмотреть на деньги, — а на самом деле Недри хотел записать на пленку разговор с Доджсоном и специально не раз называл того по имени. На всякий случай, чтобы Доджсон не забыл отдать вторую половину денег, Недри вложил копию записи в банку с эмбрионами. Короче, Недри подумал буквально обо всем, все предусмотрел заранее.

Кроме этой проклятой грозы.

Через дорогу прямо перед машиной быстро пробежало какое-то животное. Размером оно было примерно с большую крысу. Крысук молнией метнулся в заросли — только толстый длинный хвост мелькнул в свете автомобильных фар и исчез в кустах. Наверное, опоссум. Странно, что опоссум сумел выжить в этих местах. Динозавры, наверное, не прочь были бы перекусить зверушкой вроде вот этой.

Черт, где же этот проклятый причал?

Он ехал очень быстро, и прошло уже минут пять, не меньше. Он давно должен был доехать до этого восточного причала. Может, свернул где-нибудь не туда? Это вряд ли. Никаких развилки на дороге не было.

Так где же причал?

Недри испытал настоящий шок, когда, проехав за очередной поворот, увидел, что дорога заканчивается тупиком и упирается в бетонную стену высотой в рост человека, темно-серую, мокрую от дождя. Недри ударил по тормозам, джип крутануло и понесло по скользкой грязи куда-то вбок. На какое-то жуткое мгновение Деннису Недри показалось, что машина на полной скорости врежется боком в бетонный вал — Недри весь сжался, готовясь встретить удар, но в последний миг он бешено крутнул руль, и джип, проехав по инерции еще немного, остано-

вился. Фары оказались в каких-то тридцати сантиметрах от бетонной стены.

Недри перевел дух и посидел немного, прислушиваясь к ритмичному шелесту «дворников». Потом посмотрел назад, на дорогу, по которой приехал. Теперь ему стало совершенно ясно, что все-таки где-то он свернул не туда. Можно было поехать обратно по своим же следам и повернуть куда надо. Но это займет слишком много времени.

Лучше попробовать сориентироваться и выяснить, куда же, черт возьми, его занесло?

Недри выбрался из машины. По макушке забарабанили тяжелые капли дождя. Это был не дождь, а настоящий тропический ливень — потоки холодной воды так молотили по голове, что было даже больно. Недри посмотрел на часы, нажав кнопочку подсветки экрана. Прошло шесть минут с тех пор, как он выехал за ворота. Где же он, черт возьми, находится? Недри прошел вдоль бетонной стены — это была даже не стена, а барьер поперек дороги — обошел ее и услышал помимо шелеста дождя еще какое-то журчание. По ту сторону бетонного вала струился мощный поток воды. Может, это уже океан? Недри поспешил вперед. Пока он шел, глаза постепенно привыкали к темноте. По обеим сторонам дороги сплошной стеной стояли густые джунгли. Потоки ливня шелестели в листве.

Журчание стало громче. Недри поспешил вперед. Внезапно лес расступился, и ноги программиста увязли в мягкой жидкой грязи, а прямо перед собой Недри увидел темные воды реки. Река! Вот оно что! Он попал к реке, которая протекала в джунглях.

Черт возьми! Ну, хорошо — он у реки. Но — где именно у реки? В какой ее части? Река протекала почти через весь остров, на многие и многие мили. Недри снова взглянул на часы. Прошло семь минут. «Кажется, ты влип в неприятности, Деннис!» — сказал он вслух.

Как будто в ответ на его слова где-то в лесу раздалось гулкое уханье совы.

Недри не обратил внимания на этот звук — его больше беспокоили насущные проблемы. Время упущено, и с этим уже ничего не поделаешь. Первоначальный план,

так тщательно продуманный, сорвался. Все, что можно сейчас предпринять, — это вернуться на пульт управления и перенастроить компьютеры. А потом надо будет как-нибудь связаться с Доджсоном и «забить стрелку» на восточном причале на следующую ночь. Придется, конечно, повозиться, чтобы все прошло как надо, — но Недри думал, что как-нибудь с этим справится. Компьютер автоматически регистрирует и записывает все телефонные звонки — так что после разговора с Доджсоном придется снова залезть в компьютер и подчистить записи. Но одно совершенно ясно — не имеет смысла больше оставаться здесь, в парке, иначе заметят, что Недри слишком долго отсутствует.

Деннис Недри повернулся и стал выбираться обратно на дорогу, ориентируясь по свету фар джипа. Он промок до нитки и весь измазался в грязи. В джунглях снова что-то заухало. Но теперь Недри остановился и прислушался. Вообще-то, звук был не совсем похож на крик совы. И на этот раз уханье раздавалось чуть ближе, справа от того места, где стоял Недри.

Пока он стоял и прислушивался, в кустах что-то зашуршало, треснула сухая ветка. Потом снова стало тихо. Недри еще подождал и послушал. И звук снова повторился. Было похоже на то, что там, справа, по кустам ломится какое-то крупное животное, медленно, но уверенно приближаясь прямо сюда.

Какое-то большое животное. И совсем близко. Динозавр!

Надо поскорее убираться отсюда!

Недри побежал к машине. Он бежал, ломая ветки и вообще производя довольно много шума, но все равно ему было хорошо слышно, как животное продирается через заросли прямо к нему. И ухает на ходу.

Оно подбирается все ближе и ближе.

То и дело оскальзываясь в грязи, спотыкаясь о корни деревьев, Недри упорно продирался через перепутанные ветви кустарников. Впереди уже виднелись желтые круги света фар джипа на серой бетонной стене. Увидев машину, Недри почувствовал себя гораздо увереннее. Вот сейчас он заберется в джип и уедет отсюда к чертовой матери.

Недри вырвался из зарослей к бетонной стене и застыл, похолодев от страха.

Зверь уже поджидал его здесь.

Но почему-то не спешил приближаться. Динозавр стоял метрах в десяти от машины, за пределами освещенного пространства. Недри не ездил на экскурсию и не знал, каковы с виду разные типы динозавров, но это животное определенно выглядело как-то странно. Тело динозавра, трехметровой высоты, было окрашено в ярко-желтый цвет и все покрыто черными пятнами неправильной формы, а вдоль головы, над глазами, тянулись два красных гребня, которые сходились на носу в одну точку, образуя фигуру, похожую на латинскую букву V. Динозавр стоял на месте и не двигался, только еще раз издал этот чудной звук, похожий на уханье совы.

Недри подождал, опасаясь, как бы животное не бросилось на него. Но динозавр по-прежнему стоял на месте. Может быть, свет фар отпугивает его, заставляет держаться подальше — как огонь?

Динозавр посмотрел на Недри и дернул головой — это было одно-единственное быстрое, резкое движение. Недри почувствовал, как что-то с влажным шлепком ударило его в грудь. Он опустил взгляд и увидел, что к промокшей рубашке прилип какой-то серый пенистый комок. Недри с любопытством потрогал его пальцем, не понимая, что оно такое и откуда взялось...

Это была слюна.

Динозавр наплевал на него!

Отвратительная скотина! Недри снова посмотрел на динозавра и заметил, что тот еще раз дернул головой. Тотчас же в Недри попал второй плевок — на шею, прямо над воротом рубашки. Недри брезгливо отер плевков ладонью.

Господи, вот мерзость-то! Но тут Недри почувствовал, что по шее — там, куда попала слюна динозавра, — начинается жжение и зуд. Руку тоже начало жечь — так, как будто он облился кислотой.

Недри открыл дверцу машины и в последний раз оглянулся на динозавра, чтобы убедиться, что животное не собирается нападать, — и тут его глаза пронзила внезапная острая боль, словно ему в череп вогнали раскаленные иглы. Недри вскрикнул от боли, зажмурил глаза и

прикрыл их руками... И ощутил липкие, скользкие потеки слюны по обеим сторонам носа.

Плевок!

Динозавр заплевал ему глаза...

Недри едва успел осознать это, и тут невыносимая боль пронзила его с новой силой. Задышавшись от боли, он упал на колени, потом повалился на бок. Щека вдавилась во влажную землю, дыхание сделалось хриплым и прерывистым из-за ужасной, нечеловеческой боли в глазах. Хотя веки его были плотно сжаты, перед глазами как будто вспыхнули пятна ослепительно-яркого света.

Земля под ним стала ритмично вздрагивать — и Недри понял, что динозавр двинулся с места и приближается к нему. Он услышал, что тварь снова заухала, и, пересиливая жуткую боль, заставил себя разлепить веки. Но даже так Недри ничего не увидел, кроме ослепительно-белых пятен на черном фоне. Медленно, постепенно до него начал доходить смысл происходящего.

Он ослеп!

Уханье динозавра зазвучало громче. Недри неловко поднялся на ноги и привалился к машине, и тут на него накатила волна тошноты и слабости. Сильно кружилась голова. Динозавр был уже совсем рядом — Недри чувствовал, что он рядом, он даже слышал свистящее дыхание чертовой твари.

Но он по-прежнему ничего не видел.

Он ничегошеньки не видел, и от этого его страх превратился в настоящий ужас.

Недри вытянул вперед руки и принялся беспорядочно размахивать в воздухе перед собой, надеясь отпугнуть зверя или защититься от нападения, — он знал, что динозавр вот-вот на него набросится.

И тут Недри вдруг ощутил новую острую боль — как будто в живот ему вогнали нож. Недри замер, прижал руки к животу... И нащупал края разодранной рубашки, а потом — какую-то плотную, скользкую массу, на удивление теплую... И с ужасом понял, что держит в руках собственные внутренности. Динозавр вспорол ему живот, и внутренности вывалились наружу...

Деннис Недри упал на землю — нет, не на землю, а на что-то холодное, твердое и гладкое. Это была нога дино-

завра. И сразу же почувствовал, как по истерзанному телу разлилась новая волна боли — на этот раз боль гнездилась по обеим сторонам головы. Боль становилась все сильнее, Недри почувствовал, как его тело поднимается в воздух — и он понял, что динозавр держит его голову в пасти... Ужас от этого понимания слился с последним желанием — только бы все это закончилось поскорее...

Бунгало

— Еще кофе? — вежливо предложил Хаммонд.

— Нет, благодарю вас, — сказал Генри Ву, откинувшийся на спинку стула. — Я не могу больше ничего есть.

Они сидели в столовой небольшого уютного домика Хаммонда, который располагался в уединенном уголке парка, неподалеку от лабораторий. Ву не мог не признать, что бунгало, которое Хаммонд выстроил лично для себя, было на диво изящным, вся конструкция отличалась строгими и свободными линиями, почти в классическом японском стиле. Обед тоже был просто великолепен, особенно принимая во внимание нехватку обслуживающего персонала в столовой и кухне.

Но в поведении Хаммонда было что-то такое, что серьезно беспокоило Генри Ву. Старик как-то изменился за последние несколько часов... едва уловимо, но все же изменился. И пока они обедали, Ву все пытался разгадать, в чем же дело. За обедом Хаммонд был неестественно оживлен, балагурил, часто повторялся, все пытался рассказывать старые истории из своей жизни. И еще — он весь вечер был какой-то дерганный, неуравновешенный. То злился из-за пустяков, то вдруг впадал в слезливую сентиментальность. Правда, все эти странности можно было списать на его преклонный возраст. Как ни крути, а старику скоро стукнет семьдесят семь.

Нет, тут было что-то другое. Упорное нежелание прислушиваться к чужому мнению. Тупое упрямство, стремление во что бы то ни стало настоять на своем, сделать так, как хочется ему. И, наконец, полное нежелание вникнуть и разобраться в ситуации, которая сейчас сложилась в парке.

Ву никак не мог смириться с ужасным открытием — ведь выяснилось, что животные в парке размножаются. Он не хотел этому верить, пока лично не убедится, что все действительно так и есть. Когда Грант спросил об использовании ДНК амфибий, Генри намеревался сразу же пойти в лабораторию и проверить компьютерные данные обо всех подобных случаях. Потому что если динозавры в парке действительно способны размножаться, то все научные наработки, которые Генри Ву сделал в парке юрского периода, оказываются весьма сомнительными — и методики генетического усовершенствования, и методики генетического контроля за популяцией, буквально все... Даже на лизинговую зависимость нельзя теперь полностью положиться. И если эти животные действительно способны самостоятельно размножаться, то они, возможно, сумеют и выжить в естественных условиях дикой природы...

Генри Ву хотел немедленно проверить все имеющиеся у него данные. Но Хаммонд уперся, словно осел, и потребовал, чтобы Генри с ним отобедал.

— А теперь, Генри, приготовь местечко для мороженого, — сказал Хаммонд, отваливаясь от стола. — Наша Мария готовит восхитительное имбирное мороженое.

— Да, конечно, — согласился Ву, поглядывая на хорошенькую молчаливую девушку, которая прислуживала за столом. Он проводил девицу взглядом до самой двери и мельком глянул на единственный видеомонитор, встроенный в стену столовой. Монитор был темным, и ничего не показывал. — Между прочим, у вас отключился монитор, — сообщил Генри Хаммонду.

— Да ну? — старик Хаммонд обернулся и тоже посмотрел на монитор. — Наверное, это из-за грозы. Сейчас позвоню Джону на пульт, пусть проверит, — сказал он и потянулся к телефону.

Ву услышал, как в телефонной трубке вместо гудков раздалось сухое потрескивание. Хаммонд пожал плечами и положил трубку на рычаг.

— Телефоны тоже отключились, — сообщил он. — Или этот Недри до сих пор перекачивает данные. Да, этому парню пришлось отловить немало своих «жучков» в эти выходные. Недри, конечно, своего рода гений, но за

ним нужен глаз да глаз, чтобы он в конце концов сделал все как надо.

— Может, я схожу на пульт и узнаю, что там у них? — предложил Генри Ву.

— Нет-нет. Это совсем ни к чему, Генри, — сказал Хаммонд. — Если бы там что-то случилось, нас бы уже известили... Ах...

Мария вернулась в столовую, принесла две вазочки с мороженым.

— Тебе — совсем немножко, Генри, — сказал Хаммонд. — Это мороженое делают из свежего имбиря, он растет у нас в восточной части острова. Мороженое — моя старческая слабость... И все-таки...

Генри покорно взял маленькую ложечку и попробовал мороженое. За окном полыхнула молния, ударил гром.

— Как близко! — сказал Генри Ву. — Надеюсь, дети не испугаются молний.

— Это вряд ли, — откликнулся Хаммонд, смакуя мороженое. — Но я все-таки не могу не тревожиться из-за нашего парка.

Генри немного успокоился. Видимо, старик в конце концов начал всерьез задумываться о проблемах парка.

— И что же вас беспокоит?

— Ты же знаешь, Генри, мы ведь создавали парк главным образом для детей... Все дети любят динозавров. Они будут просто счастливы, когда попадут сюда. Маленькие детские личики засияют от счастья, когда детишки увидят наших динозавров, этих чудесных животных... Но я боюсь... Боюсь, что не доживу до той минуты, когда это произойдет. Вдруг случится так, что я не доживу до этого, вдруг я не успею увидеть радость на детских лицах...

— По-моему, у нас есть и другие проблемы... — нахмурился Ву.

— Но ничто не омрачает мои мысли так сильно, как это, — сказал Хаммонд. — Как то, что я могу не дожить и не увидеть сияющих, радостных детских лиц. Этот парк — наше величайшее достижение, настоящий триумф. Нам удалось свершить все, что мы задумали, удалось воплотить все самые смелые мечты. И, как ты, наверное, помнишь, главной нашей целью было заставить новейшие

технологии генной инженерии приносить доход — огромный доход, кучу денег.

Ву понял, что Хаммонд сейчас пустится пересказывать одну из своих старых речей, которые он толкал перед будущими инвесторами во время рекламной кампании. Генри поднял руку.

— Я знаю, что ты собираешься сейчас сказать, Джон...

— Если бы ты хотел основать генно-инженерную компанию, Генри, скажи, за что бы ты взялся? Что бы ты стал делать? Какие-нибудь лекарства от страшных недугов, чтобы осчастливить болезненное человечество? Нет, и еще раз нет! Что за дикая идея! Глупое, совершенно непродуктивное применение новых технологий.

Хаммонд, сокрушаясь, покачал головой и продолжил:

— Ты только вспомни, Генри, за что взялись первые генно-инженерные компании, вроде «Генотеха» и «Цету-са», — они занялись фармацевтикой, стали делать лекарства. Новые лекарства для больных людей. Очень, очень благородный порыв. Но, к сожалению, чтобы запустить в продажу лекарство, надо прорваться через кучу преград и препон. Начнем с того, что одно только Управление по контролю за продуктами и медикаментами потребует клинических испытаний твоего лекарства сроком от пяти до восьми лет — и то, если тебе очень повезет. Дальше — хуже. Когда ты выпустишь свою продукцию на рынок, тебя ожидают еще более неприятные сюрпризы. Вот, скажем, ты изобрел невиданное чудо-лекарство от рака или от болезней сердца — как это сделали парни из «Генотеха». И, скажем, ты хочешь назначить за свою продукцию приличную цену — к примеру, тысячу или две тысячи долларов за одну дозу. Ты воображаешь, что это твое законное право. В конце концов, ты ведь изобрел это лекарство, ты потратился на его производство и всякие испытания — следовательно, ты можешь продавать его по той цене, какую считаешь справедливой. Но неужто ты думаешь, что правительство позволит тебе это сделать? Нет, Генри, и еще раз нет. Они ни за что на это не согласятся. Больные люди не захотят платить по тысяче долларов за дозу необходимого им лекарства — вместо того, чтобы благодарить тебя, они примутся возмущаться. И Красный Крест тоже платить не станет — вместо этого они подни-

мут шумиху в прессе, завопят, что это грабеж среди бела дня и еще всякую подобную ерунду. И тебя так или иначе доконают — отказами в патентном бюро, задержками в разрешительных структурах, еще чем-нибудь — и в конце концов тебя просто вынудят продавать лекарство по возмутительно низкой цене. С точки зрения бизнеса такая благородная помощь страждущему человечеству — жутко невыгодное дело. Лично я никогда и ни за что не возьмусь помогать человечеству.

Генри слышал эти рассуждения и раньше — уже не раз и не два. Он понимал, конечно, что Хаммонд говорит чистую правду: биоинженерные корпорации, работавшие в области фармацевтики, постоянно страдали от притеснения со стороны всяческих разрешительных и патентных государственных организаций.

— А теперь давай посмотрим, насколько все проще и удобнее, если ты занимаешься бизнесом развлечений, — продолжал Хаммонд. — Развлечения и удовольствия — это тебе не жизненная необходимость. И правительство не вмешивается в развлекательный бизнес. Если я потребую пять тысяч долларов за билет в мой парк — кто посмеет мне это запретить и на каких основаниях? Ведь, по большому счету, людям вовсе необязательно сюда приезжать. И никакой грабеж здесь ни при чем — наоборот, высокие цены повышают престиж развлекательного центра. Посещение моего парка станет престижным признаком благосостояния — все американцы это жутко любят. Точно так же, как японцы — а у них, кстати, денег гораздо больше, чем у американцев.

Хаммонд доел свое мороженое, и Мария молча убрала его опустевшую вазочку.

— Она не здешняя, ты же знаешь, — заметил Хаммонд. — Сама она с Гаити, а мать у нее — француженка. Но, как бы то ни было, Генри, запомни, почему я занялся именно этим бизнесом, — я хотел, чтобы ни одно правительство в мире не смело совать нос в мои дела!

— Если уж говорить обо всем остальном мире...

Хаммонд улыбнулся.

— Мы уже арендовали землю в группе Азорских островов для европейского парка юрского периода. И, как ты знаешь, нам давным-давно принадлежит островок возле Гуама — там будет японский парк юрского периода.

Строительство этих двух парков мы начнем уже в следующем году. А года через три-четыре они откроются для посетителей. К тому времени только непосредственные доходы от моего парка достигнут десяти миллиардов долларов в год, и это еще без учета прибылей от торговли сувенирами, от телевидения и всяких второстепенных отраслей. Так что всего мы будем получать по двадцать миллиардов в год. И я даже не хочу связываться с производством ручных маленьких динозавриков — домашних питомцев для детворы, хотя Лью Доджсон уверен, что мы собираемся заняться и этим.

— Двадцать миллиардов долларов в год... — тихо повторил Генри Ву и покачал головой.

— Да, и это по самым скромным подсчетам. Мы можем себе позволить быть скромными, — с довольной улыбкой сказал Джон Хаммонд. — Хочешь еще мороженого, Генри?

— Вы нашли его? — спросил Арнольд, едва охранник показался в двери пульта управления.

— Нет, мистер Арнольд.

— Найдите его!

— Скорее всего его нет в здании, мистер Арнольд.

— Тогда проверьте весь городок, — велел Арнольд. — Осмотрите все подсобные помещения, осмотрите склады, кладовые — все, что угодно. Только найдите его!

— Дело в том, сэр... — охранник замялся. — Мистер Недри — это такой толстяк, да, сэр?

— Да, толстяк. Жирный неряха, — подтвердил Арнольд.

— Ну, так Джимми — он дежурит внизу, у главного входа — говорит, что видел, как какой-то толстяк пошел в гараж.

Малдун резко обернулся.

— В гараж? Когда это было?

— Минут десять назад. Ну, может, с четверть часа.

— Господи!.. — прошептал Малдун.

Джип резко затормозил и остановился.

— Прошу прощения, — сказал Хардинг.

В свете фар Элли увидела стадо апатозавров, перехо-

дивших через дорогу. Там было шесть взрослых животных, каждое размером с одноэтажный дом, и один детеныш величиной с крупную лошадь. Апатозавры двигались тихо, неспешным шагом, и не обращали никакого внимания на рокот мотора и свет фар джипа. Детеныш на минутку задержался, чтобы попить воды из лужи на дороге, а потом пошел дальше как ни в чем не бывало.

Точно такое же стадо слонов отреагировало бы на появление машины совершенно иначе — они бы тревожно затрубили и окружили детеныша, стараясь его защитить. Но эти животные не выказали никакого испуга.

— Они что, не видят нас? — спросила Элли.

— Как вам сказать... В буквальном смысле — видят, но не обращают внимания, — стал объяснять ветеринар. — Машина ничего для них не значит. Мы редко выезжали в парк в ночное время, и эти животные просто никогда раньше не видели машин. Мы для них просто странный предмет с непонятным запахом, часть окружающей обстановки. От нас не исходит никакой явной угрозы — поэтому они несколько не заинтересовались нашей машиной. Мне случалось выезжать по ночам к больным животным, и бывало, что эти ребятки перегораживали дорогу и толклись на ней целый час, а то и больше.

— И как же вы тогда поступали?

Хардинг улыбнулся.

— Я просто прокручивал запись рева тиранозавра. Это здорово их подгоняло. Не то чтобы эти животные сильно опасались тиранозавров... Апатозавры такие огромные, что у них нет естественных врагов-хищников.

Апатозавры с легкостью могут перешибить хребет тиранозавру одним взмахом хвоста. И они это прекрасно знают. Так же, как тиранозавры.

— Значит, они нас видят... И если мы выйдем из машины...

Хардинг пожал плечами.

— Скорее всего, они никак на это не прореагируют. У динозавров очень острое зрение, но зрительная система, в общем, такая же, как у лягушек, — она ориентирована на движение. Эти животные практически не замечают неподвижных объектов.

Огромные животные с блестящей мокрой кожей прошли дальше, дорога опустела. Хардинг запустил мотор.

— Ну вот и все. Можно ехать дальше.

Генри Ву сказал:

— Боюсь, на ваш парк тоже будут давить, точно так же, как давят на лекарства «Генотеха».

Они с Хаммондом перешли в гостиную и смотрели теперь на бушевавшую за окнами грозу.

— Не понимаю, почему? — спросил Хаммонд.

— Против вас могут выступить ученые. Возможно, они даже попытаются остановить вас.

— Ну, они все равно не смогут этого сделать, — заявил Хаммонд и наставил указательный палец на Ву. — Ты знаешь, почему ученые попытаются это сделать? Из-за того, что они захотят проводить здесь всякие исследования. А то как же! Исследования — единственное, что интересует ученых. Они неспособны что-либо создавать. Они не производят ничего нового. Они только исследуют, и все! Ну, так здесь их ожидает большой сюрприз.

— Я думал не об этом, — сказал Ву.

Хаммонд вздохнул.

— Не сомневаюсь, ученым действительно интересно это делать — исследовать. Но, видишь ли, дорогой Генри, эти животные слишком дорого стоят, чтобы производить на них исследования. Наши технологии способны творить настоящие чудеса, Генри, но эти технологии очень и очень дороги. Так уж получается, Генри, что окупить расходы на использование этих технологий можно только в бизнесе развлечений, — Хаммонд пожал плечами. — Что мы и собираемся сделать.

— Но если кто-то попытается прикрыть наш...

— Черт побери, Генри! Посмотри в лицо фактам. Будь реалистом, — раздраженно произнес Хаммонд. — Здесь тебе не Америка. Это даже не Коста-Рика. Это мой собственный остров. Он принадлежит мне, и никто не сможет запретить мне открыть здесь парк юрского периода для всех детишек мира, — старик хихикнул. — Или, по крайней мере, для богатеньких детишек. И можешь мне поверить, Генри — им здесь очень понравится.

Элли Саттлер, расположившаяся на заднем сиденье джипа, смотрела в окно. Машина уже двадцать минут колесила по промокшим от дождя джунглям, и до сих пор им встретилось только стадо апатозавров, переходившее дорогу.

— Мы уже совсем рядом с лесной рекой, — сообщил Хардинг, сидевший за рулем. — Она где-то там, по левую сторону от нас.

Внезапно он снова резко затормозил машину. Джип скользнул по грязи и остановился перед группой небольших зеленых динозавриков.

— Ого! Да у нас сегодня получилось целое представление! — сказал ветеринар. — Смотрите, это наши компи.

«Прокомпсогнатусы», — подумала Элли. Ей очень хотелось, чтобы Грант был сейчас с ними и посмотрел на этих крошек. Это были те самые животные, одно из которых они видели на рентгеновском снимке, который им прислали по факсу в Монтану. Маленькие зеленые прокомпсогнатусы метнулись через дорогу, задержались у противоположного края и стали с интересом рассматривать машину, коротко пересвистываясь и привставая на крепких задних ногах. Постояв немного, вся стайка зеленых динозавриков быстро упорхнула в кусты.

— Странно, — сказал Хардинг. — Не пойму, куда это они побежали? И с чего бы это? Обычно компи ночью не разгуливают по парку, а забираются на деревья и сидят там, пока не взойдет солнце. Они, вообще-то, дневные животные.

— Тогда почему они сейчас не спят? — спросила Элли.

— Даже не знаю. Компи питаются падалью, как птицы-стервятники. У них потрясающее чутье на падаль — эти малыши чуют умирающее животное за многие мили.

— Значит, они отправились к умирающему животному?

— Или к уже мертвому.

— А мы поедем за ними? — спросила Элли.

— Мне и самому стало любопытно, — признался Хардинг. — Собственно, почему бы нам и не поехать? Давай-те посмотрим, куда это они направились.

Ветеринар развернул машину и поехал следом за стайкой компи.

Тим

Тим Мерфи лежал в перевернутом электромобиле, прижавшись щекой к дверной ручке. Сознание возвращалось к нему медленно и постепенно. Мальчишке хотелось только одного — спать. Он заворочался, стараясь устроиться поуютнее, и почувствовал боль в щеке — он оцарапал скулу о металлическую дверь машины. Все тело болело. Болели руки, болели ноги и голова тоже болела — она болела сильнее всего. Из-за этой боли мальчику захотелось заснуть и не просыпаться.

Тим привстал, опершись локтем о сиденье, и открыл глаза. Желудок скрутило, и мальчика стошнило прямо на рубашку. Тим почувствовал противную горечь во рту и вытер губы тыльной стороной ладони. В висках пульсировала боль, слегка подташнивало и кружилась голова, словно при морской болезни. Мир вокруг Тима кружился и покачивался, как если бы мальчик сидел в лодке посреди бурного моря.

Тим застонал и перекатился на спину, отвернувшись от кучки рвотных масс. Из-за ужасной головной боли он дышал часто и прерывисто. А тут еще и эта тошнота с головокружением — как будто все кругом вертелось и раскачивалось. Мальчик открыл глаза и огляделся, пытаясь определить, куда его занесло.

Он находился внутри покореженного электромобиля. Но машина, по-видимому, была перевернута набок, потому что мальчик лежал на дверце возле переднего пассажирского сиденья, сверху виднелось рулевое колесо, а еще выше, над машиной, — ветви дерева, которые сильно раскачивались на ветру. Дождь почти прекратился, но капли воды по-прежнему капали на Тима через разбитое ветровое стекло машины — наверное, с листьев.

Тим принялся с интересом рассматривать осколки стекла. Мальчик не помнил, как оно разбилось. Он вообще не мог вспомнить ничего, что случилось после того, как машины остановились посреди дороги и он стал разговаривать с доктором Грантом по рации. Тогда еще на дорогу вышел тиранозавр. Это было последнее, что запомнилось Тиму.

Желудок снова сжался в комок, и Тим закрыл глаза,

ожидая, когда пройдет приступ тошноты. Мальчика встревожил странный ритмичный скрип — как будто где-то рядом поскрипывала корабельная оснастка. Голова по-прежнему кружилась, слегка подташнивало, и Тиму казалось, что вся машина под ним раскачивается из стороны в сторону. Мальчик открыл глаза и увидел, что это действительно так и есть — электромобиль и в самом деле раскачивался то вперед, то назад, лежа на боку.

Вся машина раскачивалась!

Тим неуверенно поднялся на ноги. Стоя на пассажирской дверце, мальчик оперся о приборную панель и выглянул наружу через разбитое лобовое стекло. Сперва он увидел только переплетение веток и густую листву, в которой гулял ветер. Но в листве кое-где были заметны просветы, и, присмотревшись, мальчик увидел через них землю...

Земля была далеко внизу, метрах в шести под ним!

Тим замер, не веря своим глазам. Экскурсионный вездеход лежал, перевернутый набок, в переплетении ветвей большого дерева, в шести метрах над землей, и сильно раскачивался из стороны в сторону при каждом порыве ветра.

— Вот черт! — вырвалось у Тима. И что же теперь делать? Мальчик приподнялся на носки, насколько мог высунулся наружу, чтобы лучше видеть, и оперся руками о рулевое колесо. Руль легко крутнулся, едва Тим его тронул. Раздался громкий треск, электромобиль сорвался с места и, ломая ветки, провалился на пару метров вниз. Тим широко распахнутыми от испуга глазами смотрел сквозь разбитое окно пассажирской двери на землю, которая стала теперь немного ближе — но все еще была далеко, далеко внизу.

— Вот черт, черт! — повторял мальчик. — Черт, черт, черт!

Снова раздался резкий треск — и электромобиль проехался вниз еще на метр.

Надо отсюда выбираться, и поскорее!

Тим посмотрел вниз, на свои ноги. Он стоял прямо на ручке двери. Мальчик присел на корточки и осмотрел дверную ручку. В такой темноте мало что можно было разглядеть, но мальчик все же увидел, что створка двери

сильно покорежена снаружи, ее заклинило намертво, и ручку повернуть не удастся. А если и удастся — все равно, через эту дверь выйти никак не получится. Тим покрутил другую ручку, пытаясь опустить оконное стекло, но стекло тоже заклинило. Тогда мальчик подумал о задней двери. Он встал, перегнулся через сиденье — и тут электро-мобиль резко качнуло назад. Вес Тима сместил центр тяжести.

Мальчик осторожно, медленно дотянулся рукой до ручки задней двери и надавил на нее.

Без толку — эта дверь тоже не открывалась.

Как же выбраться наружу?

Мальчик услышал внизу какое-то фырканье и посмотрел туда. Под деревом топталась какая-то темная фигура. Это определенно был не тиранозавр. Животное громко фыркало и сопело. Туловище у него было длинное и приземистое, похожее на толстую трубу, а хвост свисал как будто и спереди, и сзади. Тим разглядел вертикальные костяные пластины вдоль спины и острые длинные иглы на хвосте.

Это был стегозавр — наверное, совсем поправился после болезни. Интересно, куда могли подеваться остальные люди — Геннаро, доктор Саттлер, ветеринар? Последний раз мальчик видел их возле стегозавра. И сколько времени прошло с тех пор? Тим посмотрел на часы, но экранчик разбился и цифр не было видно. Мальчик снял часы и выбросил в окно.

Стегозавр пофыркал еще немного и потопал прочь. Вскоре он скрылся из виду, сопение затихло. Теперь тишину нарушал только свист ветра, шелест листьев и поскрипывание веток под электромобилем, который раскачивался на ветру и проседал все ниже и ниже.

Надо отсюда выбираться.

Тим ухватился за ручку и с силой крутнул ее из стороны в сторону. Но ручка так и не подалась — видно, застряла накрепко. Тут Тим сообразил, в чем дело, — задняя дверь была заперта на задвижку! Мальчик вытащил кнопку-задвижку и снова нажал на ручку двери. Задняя дверца тотчас же распахнулась, отвалилась вниз — и застряла в ветках.

Щель получилась не очень широкая, но Тим прики-

нул, что сможет через нее протиснуться. Затаив дыхание, мальчик начал медленно и осторожно перебираться через спинку переднего сиденья в заднюю часть машины. Ветки под электромобилем трещали и скрипели, но машина с горем пополам сохраняла равновесие. Опираясь о края дверного проема, Тим осторожно опустил ноги в узкую щель приоткрытой двери и протиснулся наружу. Вскоре он уже лежал животом на распахнутой дверце, а ноги его болтались снаружи. Мальчик повел ногами из стороны в сторону и уперся во что-то твердое — это была ветка дерева. Тогда Тим перенес вес тела на эту ветку.

Как только он это сделал, ветка согнулась, подалась вниз, дверца открылась шире — и мальчик вывалился из машины. Он падал — листья хлестали по лицу, тело ударялось то об одну ветку, то о другую. Было больно — ветки били по бокам, по животу, по голове так, что даже потемнело в глазах...

Наконец головокружительный спуск закончился — мальчик ударился животом о толстую горизонтальную ветвь и повис на ней, корчась от боли, не в силах вздохнуть.

А сверху снова раздался громкий треск. Тим поднял голову и посмотрел на застрявший на дереве электромобил — темная тень раскачивалась на пару метров выше той ветки, за которую зацепился мальчик.

Дерево снова затрещало. Машина сдвинулась с места и скользнула вниз.

Тим заставил себя двигаться — надо было поскорее спускаться на землю. Он же всегда любил лазить по деревьям. У него это так хорошо получалось! А по этому дереву лазить было одно удовольствие, оно как будто для этого создано — толстые, крепкие ветки свисали совсем рядом одна от другой, почти как ступеньки лестницы.

Хр-р-русть!..

Машина определенно сползала вниз.

Тим торопился, оскальзываясь на мокрых и отчего-то липких ветках. Мальчик спустился всего на метр или чуть больше, и тут ветви под машиной треснули в последний раз и вездеход медленно, очень медленно наклонился вперед. Тим увидел над головой зеленую решетку радиатора и круглые светлые пятна фар, которые надвинулись

на него — и вот машина сорвалась, полетела вниз, прямо на Тима, все быстрее и быстрее... И с грохотом врезалась в толстую горизонтальную ветку, с которой Тим только что убрался.

Машина остановилась.

Искореженная, погнутая решетка радиатора, похожая на перекошенную пасть злобного чудовища с фарами вместо глаз, зависла всего в нескольких сантиметрах от головы мальчика. Масло из порванных трубок капало Тиму на лицо.

А до земли все еще оставалось не меньше трех с половиной метров. Мальчик спустился пониже, нащупал ногой следующую ветку и перелез на нее. Он видел, как сильно прогнулась ветвь, на которую упал вездеход. И вдруг, не выдержав веса машины, та ветка переломилась, и вездеход ринулся вниз, прямо на голову Тиму. Тим понял, что не успеет ни увернуться, ни отскочить в сторону — машина обрушится на него всей своей тяжестью. И мальчик прыгнул вниз.

Все оставшееся до земли расстояние он пролетел, ни за что не цепляясь.

Ветки били его со всех сторон, листья больно хлестали по лицу и рукам, сверху проламывался сквозь переплетение ветвей экскурсионный вездеход — словно хищник, бросившийся в погоню за жертвой... Наконец Тим упал плечом на мягкую, влажную землю и сразу же откатился в сторону — так далеко, как только смог, — и прижался всем телом к толстому стволу дерева в то самое мгновение, когда вездеход с громким металлическим лязгом врезался в землю. Из-под капота машины внезапно вырвался сноп электрических искр — они разлетелись во все стороны, опалили Тиму кожу и, зашипев, угасли, упав на мокрую землю вокруг того места, где лежал мальчик.

Тим медленно поднялся на ноги. В темноте раздалось громкое сопение, и мальчик увидел, что стегозавр топает обратно, очевидно, привлеченный грохотом упавшей машины. Животное двигалось почти бесшумно, низко опустив голову. Вдоль изогнутой горбом спины в два ряда выстроились вертикальные костяные пластины. Тим подумал, что стегозавр напоминает огромную сухопутную

черепаху — он ведет себя в точности, как черепаха. Такой же неповоротливый. И, наверное, такой же тугодум.

Тим подобрал с земли камень и бросил в стегозавра.

— Пошел отсюда!

Камень с глухим стуком отскочил от пластины на спине зверя. Стегозавр не остановился — он, похоже, вообще не обратил на это внимания.

— Иди отсюда! Кыш! Пошел!

Тим бросил в зверюгу еще один камень, и на этот раз попал стегозавру по голове. Животное хрюкнуло, приостановилось, потом медленно развернулось и потопало обратно туда, откуда пришло.

Тим прислонился к искалеченному экскурсионному вездеходу и огляделся по сторонам. В темноте почти ничего не было видно. Тим знал, что надо как-то найти остальных и вернуться на базу, но он боялся заблудиться в ночных джунглях. Мальчик понимал, что находится где-то посреди парка, возможно, неподалеку от главной дороги. Если бы только можно было хоть как-то сориентироваться на местности... Ночью мало что можно разглядеть, но...

Тут Тим вспомнил про инфракрасные очки.

Мальчишка залез внутрь электромобиля через разбитое переднее стекло и быстро нашел свой прибор ночного видения, а потом еще и рацию. Рация, очевидно, сломалась, по ней ничего не было слышно, и мальчик ее бросил. А вот инфракрасные очки работали как надо. Тим надел их и увидел знакомое зеленое флюоресцентное свечение.

Через очки ночного видения Тим разглядел слева от себя поломанную ограду из металлических прутьев и пошел туда. Изгородь была трех с половиной метров в высоту, но тиранозавр без труда ее разворотил. Тим пролез через покореженную изгородь, пробрался сквозь густые заросли и вышел на дорогу.

Мальчик в инфракрасных очках ясно увидел второй вездеход, перевернутый на бок. Затаив дыхание, Тим подбежал к машине и заглянул внутрь. В машине никого не было. Где же доктор Грант и доктор Малкольм?

Куда все подевались?

Куда же все подевались?!

Мальчика охватила паника. Он стоял один-одинешенек в ночных джунглях, посреди пустынной дороги, возле пустого экскурсионного вездехода, и испуганно озирался по сторонам. Зеленоватые картинки в очках ночного видения быстро мелькали, изображение смазывалось... Мальчик заметил какое-то маленькое светлое пятнышко у самого края дороги. Это был бейсбольный мячик, с которым Лекс никогда не расставалась. Тим подобрал мячик и оттер от грязи.

— Лекс!

Тим закричал что было сил, не заботясь о том, что его могут услышать дикие звери. Он позвал сестру еще раз, а потом прислушался, но не услышал ничего. Только ветер свистел, шелестела листва, да с деревьев падали капли дождя.

— Лекс!

Вокруг мальчика сомкнулась глухая темная ночь. Тиму вдруг стало так жалко себя, что он присел прямо в грязь на дороге и немного поплакал. Вскоре мальчик чуть успокоился и перестал плакать. И услышал, как всхлипывает и плачет кто-то еще — очень тихо и где-то невдалеке от дороги.

— Давно это было? — спросил Малдун, возвратившись на пульт управления. Он принес с собой какой-то черный металлический футляр.

— С пол часа назад.

— Джип Хардинга должен бы уже вернуться.

Арнольд затушил недокуренную сигарету.

— Они должны вернуться с минуты на минуту.

— Недри все еще не нашли?

— Нет, пока не нашли.

Малдун открыл футляр, в котором оказалось шесть портативных раций.

— Я раздам эти штуки охране, — он подал одну из раций Арнольду. — Ты тоже возьми. Это наши аварийные рации. Естественно, их еще ни разу не включали. Сейчас поставим их на подзарядку, минут на двадцать, а потом попробуем связаться с машинами.

Генри Ву открыл дверь с табличкой «Выращивание» и вошел в темное помещение лаборатории. Здесь никого не было — наверное, все лаборанты еще обедали. Ву направился напрямик к компьютерному терминалу и открыл файлы с перечнем ДНК. Журнал учета ДНК существовал только в компьютерном варианте. Молекулы ДНК такие огромные, что запись всей последовательности аминокислот в ДНК каждого вида динозавров занимала на диске около десяти гигабайт. И сейчас Генри Ву должен был проверить составляющие ДНК всех пятнадцати видов — придется перелопатить чудовищный объем информации...

Генри по-прежнему не совсем понимал, почему профессор Грант придавал такую важность включениям в ДНК динозавров фрагментов ДНК лягушки. Какая, собственно, разница? Даже сам Ву не всегда мог отличить ДНК одного вида животных от другого. В любом случае, большая часть ДНК у всех живых существ практически одинаковая. ДНК — невероятно древняя субстанция. Современные люди, которые живут в своих городских квартирах и нянчат крикливых розовеньких младенцев, наверное, даже не догадываются, что в основе всей их жизни — и в основе всей жизни вообще — лежит химическое соединение, столь же древнее, как сама Земля. Жизнь на Земле началась с молекулы ДНК. Молекула ДНК настолько древняя, что ее собственная эволюция в целом завершилась, наверное, более двух миллиардов лет назад. И за все последующее время в ДНК появилось не так уж много изменений. Всего лишь несколько новых комбинаций старых генов — и не более того.

Если сравнить ДНК человека и ДНК какой-нибудь примитивной бактерии, выяснится, что в них различаются только около десяти процентов цепочек. Из-за такого ярко выраженного однообразия ДНК Генри Ву счел, что может использовать в качестве строительного материала любую ДНК, какую захочет. Создавая ДНК динозавров, Ву манипулировал с ДНК, как скульптор с куском мрамора. Из этого благодатного материала он мог сотворить все, что угодно.

Генри запустил программу поиска. Проверка должна была занять примерно две-три минуты. Чтобы не сидеть,

тупо уставясь в мерцающий экран, Генри встал и пошел по лаборатории, по привычке проверяя, все ли приборы и инструменты лежат на своих местах. Он мельком глянул на записывающее устройство на дверце морозильной камеры, которое регистрировало все изменения температуры в морозильнике. И заметил некоторую странность — совсем недавно, в течение последнего получаса, на графике отразился резкий перепад температуры. Это означало, что за последние полчаса кто-то побывал в морозильнике. Но кто это был и зачем ему понадобилось заглядывать в морозилку среди ночи?

Компьютер пискнул, сообщая, что проверка данных закончена. Ву вернулся к терминалу посмотреть, что получилось. А когда он это увидел, то разом позабыл обо всяких морозильниках и о странных перепадах температурного графика.

ПОИСКОВЫЙ АЛГОРИТМ ЛЕЙТЦКЕ: ПРОВЕРКА ДНК.

ДНК: Критерий проверки версий: включения ДНК амфибий (полная проверка всего материала, длина фрагмента > 0).

ДНК, содержащие включения ДНК амфибий	с указанием версии

Майязавры	версии 2.1 — 2.9
Прокомпсогнатпусы	версии 3.0 — 3.7
Онтиелии	версии 3.1 — 3.3
Велоцирапторы	версии 1.0 — 3.0
Гипсилофодонтиды	версии 2.4 — 2.7

Результат говорил сам за себя: в ДНК всех размножающихся динозавров содержались включения фрагментов ДНК амфибий, то есть лягушек. Ни у каких других динозавров лягушачья ДНК не использовалась. Правда, Ву по-прежнему не понимал, каким образом это напрямую связано со способностью к размножению. Но теперь уже

нельзя было отрицать, что Грант прав: динозавры действительно размножаются!

Генри Ву поспешил на пульт управления.

Лекс

Девочка сидела, скрючившись внутри большой, диаметром около метра, водосточной трубы, проложенной под дорогой. Она впилась зубами в кожаную бейсбольную перчатку и раскачивалась вперед-назад, раз за разом ударяясь головой о стенку трубы. Там, внутри, было совсем темно, но Тим все равно все видел через свои инфракрасные очки. С виду Лекс как будто была цела и невредима, и у Тима отлегло от сердца.

— Лекс, это я, Тим!

Девочка не ответила. Она продолжала все так же монотонно раскачиваться и биться головой о стену.

— Вылезай сюда!

Лекс отчаянно закрутила головой. Тим понял, что сестренка до смерти напугана.

— Лекс, вылезай! Если вылезешь — я дам тебе поносить очки ночного видения.

Девочка только покачала головой, но не сдвинулась с места.

— Смотри, что у меня есть, — сказал Тим и поднял руку с мячиком. Лекс повернула голову, но, наверное, просто не смогла ничего разглядеть в такой темнотище. — Это твой мячик, Лекс. Я нашел твой мячик.

— Ну и что?

Тим попробовал уговорить ее по-другому.

— Тебе там, наверное, неудобно? И холодно, да? Ты лучше вылезай наружу, ладно?

Вместо ответа Лекс снова принялась биться головой о стенку трубы.

— Ну почему ты не хочешь выйти, Лекси?

— Там животные.

Тим на мгновение растерялся. Его сестренка, сколько он помнил, ни разу не произносила слова «животные».

— Животные убежали, — сказал мальчик.

— Там этот, громадный. Тиранозавр.

— Его больше нет, он ушел.

— А куда он пошел?

— Не знаю. Но здесь, поблизости, его точно нигде нет, — заверил девочку Тим, надеясь, что это действительно так.

Лекс все равно не двинулась с места. Тим снова услышал, как сестренка ударяется головой о трубу. Мальчик присел возле трубы, так чтобы Лекс могла его видеть. Он уселся прямо на мокрую, холодную землю. Обхватил руками колени и стал ждать. Тим просто не мог придумать, что еще можно сделать.

— Ну, тогда я просто посижу здесь и отдохну, — произнес он вслух.

— А папа там?

— Нет, — ответил Тим. Ему вдруг стало не по себе. — Папа далеко. Он дома, Лекс.

— А мама?

— И мама тоже, Лекс.

— А хоть кто-нибудь из взрослых там есть? — спросила девочка.

— Вообще-то, пока никого. Но я знаю, они скоро придут. Они, наверное, уже идут к нам, прямо сейчас.

Тим услышал, как девочка завопилась внутри трубы, а потом выползла наружу. Малышка дрожала от холода, на лбу у нее запеклась кровь, но в целом с ней как будто все было в порядке.

Лекс огляделась по сторонам и удивленно спросила:

— А где доктор Грант?

— Не знаю...

— Ну, он же был здесь раньше!

— Был здесь? Когда?

— Раньше! — сказала Лекс. — Я его видела, когда сидела в трубе.

— А куда он пошел?

— Откуда я могу знать? — сказала Лекс и сморщила носик. А потом закричала, что было сил: — Эге-ге-е-ей! А-у-у-у! Доктор Гра-а-ант!

Доктор Грант!

Тим испугался, что ее крики могут привлечь внимание тиранозавра и зверь вернется, но почти сразу же раздался ответный крик, откуда-то справа, от перевернутого вездехода, возле которого Тим проходил пару минут на-

зад. Мальчик посмотрел в ту сторону и через свои инфракрасные очки с радостью увидел доктора Гранта, который шел к ним. У доктора Гранта была разорвана рубашка, а на плече виднелась большая ссадина, но все равно он выглядел неплохо.

— Слава богу! — сказал Грант. — А я как раз искал вас...

Весь дрожа, Эд Регис поднялся на ноги и отер холодную, мокрую грязь с рук и лица. Он провел препоганые полчаса, прячась между большими валунами на склоне холма, чуть пониже дороги. Регис понимал, конечно, что это не бог весть какое укрытие, но он был так перепуган, что не мог как следует соображать. Регис лежал в холодной грязной луже и пытался хоть немного успокоиться, прийти в себя, но перед его мысленным взором по-прежнему стоял тиранозавр. Тиранозавр, который шел к нему. Шел к машине.

Эд Регис весьма смутно помнил, что случилось после этого. Кажется, Лекс что-то кричала ему вслед, но он не остановился — он просто не смог остановиться! Он просто бежал, бежал и бежал. Когда ровная дорога кончилась, он споткнулся и кубарем покатился вниз по склону холма, пока не наткнулся на груды валунов. Ему тогда показалось, что это вполне подходящее укрытие — между валунами достаточно места, он сможет заползти в эту щель и притаиться там. Так он и сделал. Задыхаясь от ужаса, он ни о чем не мог думать — только о том, как бы спрятаться от тиранозавра. Уже лежа между валунами, за таившись в грязной луже, словно крыса, Эд Регис начал понемногу успокаиваться. Страх постепенно отступил, и Регису стало стыдно — потому что он бессовестно бросил детей на произвол судьбы и удрал, спасая свою шкуру. Регис понимал, что должен встать и вернуться обратно на дорогу, должен попытаться разыскать и спасти этих детей, ведь он всегда считал себя смелым и хладнокровным человеком, презирающим опасность. Но как он ни старался заставить себя выбраться из грязи и вернуться на дорогу, почему-то ничего не получалось. Снова и снова накатывали волны панического страха — до такой степе

ни, что у Эда Региса перехватывало дыхание и отнимались конечности. Он просто не мог заставить себя пошевелиться.

Кроме того, Эд Регис убеждал себя, что это все равно бесполезно. Если дети остались там, на дороге, они никак не могли уцелеть. И, конечно же, он, Эд Регис, теперь уже ничем не сумеет помочь бедняжкам. А значит, он с тем же успехом может оставаться в своем укрытии. Все равно, кроме него самого, ни одна живая душа не узнает, что здесь произошло. И он все равно ничего не мог сделать. Вот он ничего и не делал. Просто в течение получаса лежал, вжавшись в грязную землю за валунами, старался побороть страх и не думать о том, погибли ли дети, и о том, что скажет ему Хаммонд, когда об этом узнает.

Что заставило его, наконец, пошевелиться — так это странное ощущение во рту. В углу рта Регис почувствовал какое-то непонятное онемение и как будто зуд или покалывание. Сперва он подумал было, что поранился, пока катился по склону. Потрогав лицо, Регис нашупал у уголка рта какую-то припухлость. В этом месте кожа слегка зудела, но было совсем не больно. И тут Регис понял, что это за припухлость, — это была пиявка, которая впиалась ему в губу и набухла, насосавшись его крови! Отвратительная тварь почти забралась ему в рот! Содрогаюсь от омерзения, Эд Регис принялся отдиравать пиявку, чувствуя, как эта гадость отделяется от его плоти, а по губам и пальцам текут теплые струйки крови. Регис плюнул и отшвырнул противную тварь в сторону. И заметил еще одну пиявку, которая присосалась к руке. Он отодрал и эту — на руке осталась темная кровавая полоса. Боже мой, может быть, он вообще весь покрыт этой дрянью?! Это все из-за того, что он упал вниз с холма. Холмы в джунглях буквально кишат огромными пиявками. И темные, сырые расщелины в скалах — тоже. Что там рассказывали рабочие? Пиявки любят заползать под нижнее белье. Им нравятся укромные теплые местечки... Они заползают прямо в трусы и присасываются к...

— Э-е-е-ей!

Регис замер. Это определенно был человеческий голос — его донес порыв ветра.

— Э-ей! Ау-у-у! Доктор Гра-а-ант!

Господи, да это же кричит та маленькая девчонка!

Эд Регис прислушался. Похоже, девчонка просто звала Гранта — она кричала не от страха и не от боли. Просто звала, и все. И тут Регис сообразил, что все могло случиться не совсем так, как он себе представлял, — тиранозавр мог уйти с дороги, мог и вообще не наброситься на машины — а значит, все остальные могли остаться в живых... Грант и Малкольм. Вообще все они вполне могли остаться в живых. Осознав это, Регис мгновенно пришел в себя и перестал трястись — точно так же пьяные иногда мгновенно трезвеют, когда их хватают полицейские. И Регис сразу же почувствовал себя гораздо лучше, поскольку знал, что ему теперь следует делать. К тому времени, как Эд Регис выполз из расщелины между валунами, он уже почти придумал, что сейчас сделает и что станет говорить, под каким соусом подаст остальным то, что с ним случилось.

Регис старательно отер грязь с лица и вытер руки — следы пребывания в грязной луже. Он не стыдился того, что пришлось прятаться, но теперь настало время кое-что совершить. Регис принялся карабкаться вверх, к дороге. Но когда он пробирался сквозь густые заросли, то даже немного растерялся — машин нигде не было видно. И сам он все еще находился где-то у подножия холма. А экскурсионные вездеходы должны были стоять у самой вершины.

Регис стал подниматься на холм, туда, где остались вездеходы. Было очень тихо. Только под ногами при каждом шаге чавкала жидкая грязь. Девчонка больше не кричала. Интересно, почему она перестала кричать? Продвигаясь все выше и выше, Регис вдруг подумал, что с девчонкой могло что-то случиться... А если так, то ему совсем не следует туда идти. Может, тиранозавр до сих пор бродит где-нибудь поблизости? Регис пока еще не очень далеко отошел от подножия холма. Так зачем рисковать? Отсюда ведь гораздо ближе до дома.

А вокруг стояла такая тишина... Подозрительная, зло вещающая тишина.

Эд Регис повернулся и отправился обратно, в сторону базового лагеря.

...Алан Грант ощупал руки и ноги девочки, легонько надавливая то тут, то там. У нее как будто нигде ничего не болело. Просто удивительно — не считая царапины на лбу, Лекс была совершенно невредима.

— Я же говорила, что со мной все в порядке, — сказала малышка.

— Да, конечно, но я должен был сам во всем убедиться.

Мальчишке повезло гораздо меньше. Нос у него распух и сильно болел. Грант подумал, что, наверное, нос у паренька сломан. Правое плечо тоже все опухло — на нем виднелась широкая ссадина. Но зато с ногами, похоже, все было в порядке. И девочка, и мальчик вполне могли ходить сами. Это было очень важно.

Сам Грант тоже почти не пострадал — только на груди была глубокая и длинная царапина, в том месте, где тиранозавр случайно задел его когтем. Рана болела при каждом вздохе, но, похоже, была не слишком серьезная и несколько не ограничивала движения.

Алан решил, что, наверное, при ударе потерял сознание — поскольку у него не сохранилось практически никаких воспоминаний до того момента, когда он поднялся с земли в зарослях кустарника, примерно в десяти метрах от перевернутого вездехода. Он сразу почувствовал, что рана на плече сильно кровоточит, и залепил ее листьями. Вскоре кровотечение прекратилось. Тогда Алан встал и принялся осматривать местность, надеясь отыскать Малкольма и детей. Грант все не мог поверить до конца, что остался жив. И когда обрывки воспоминаний стали понемногу возвращаться к нему, Алан задумался о том, почему все случилось так, а не иначе. Тиранозавр мог запросто их всех поубивать. Почему же он этого не сделал?

— Я хочу кушать, — сказала Лекс.

— Я тоже, — отозвался Грант. — Мы должны выбраться обратно к цивилизации. И должны рассказать остальным о лодке.

— Там что, кроме нас, больше никто об этом не знает, да? — спросил Тим.

— Да. Поэтому мы должны вернуться и предупредить остальных.

— Тогда давайте пойдем по дороге в сторону гостиницы, — предложил мальчик и показал на дорогу, которая

спускалась вниз по холму. — Так мы можем встретить тех, кто поедет нам на помощь.

Грант обдумал эту возможность. Он все не мог забыть ту темную фигуру, которая перебежала дорогу между двумя вездеходами еще до того, как на них напал тиранозавр. Что же это было за животное? Алану приходило в голову только одно-единственное объяснение — это мог быть только молодой тиранозавр.

— Знаешь, Тим, по-моему, это не совсем хорошая идея. Вдоль дороги по обеим сторонам тянутся изгороди, — сказал Грант. — И если один из тиранозавров вдруг окажется на дороге — там, куда мы пойдем, — то нам даже некуда будет убегать.

— Тогда что, будем ждать здесь? — спросил Тим.

— Да. Разумнее всего остаться здесь и подождать, пока за нами кто-нибудь придет.

— Но я хочу есть! — заупрямилась Лекс.

— Надеюсь, нам придется ждать не очень долго, — Грант попытался успокоить малышку.

— Я не хочу здесь оставаться, — захныкала Лекс.

И тут снизу, от подножия холма, донесся чей-то кашель.

— Оставайтесь здесь, — велел Грант и бросился вперед, туда, откуда можно было посмотреть вниз.

— Сиди здесь, — сказал сестренке Тим и побежал следом за доктором Грантом.

Лекс, конечно же, побежала за ними.

— Не бросайте меня! Не бросайте меня, эй, вы!..

Грант схватил девочку и зажал ей рот ладонью. Лекс принялась вырываться, но Алан молча покачал головой и повернул девочку лицом к склону холма, чтобы ей тоже было видно.

У подножия холма они увидели Эда Региса — тот стоял, выпрямившись, и старался не двигаться. В джунглях вокруг него повисла гробовая тишина. Даже стрекот неугомонных цикад и кваканье лягушек внезапно резко оборвалось. Слышался только тихий шелест листвы и завывания ветра в кронах деревьев.

Лекс начала что-то говорить, но Грант тотчас же прижал девочку к стволу ближайшего дерева и силой заставил

вил спрятаться среди толстых, перекрученных корней, выступающих над землей. Тим подполз к ним и тоже припал к земле, затаился между корнями. Алан Грант прижал палец к губам, знаком давая понять, что надо сидеть тихо, а потом осторожно выглянул из-за дерева.

Внизу, на дороге, было очень темно. Ветер раскачивал кроны высоких деревьев, и лунный свет, пробивавшийся сквозь плотную завесу листвы, отбрасывал на дорогу неровные, редкие пятна тени. Эда Региса на дороге уже не было. Но Грант быстро нашел его — рекламный агент прижимался к толстому стволу большого дерева, обхватив его руками. И изо всех сил старался не пошевелиться.

В джунглях по-прежнему стояла тишина.

Лекс нетерпеливо дернула Гранта за рубашку. Ей хотелось знать, что происходит. И вдруг они услышали, как где-то совсем близко кто-то тихо фыркнул. Звук был едва различим за свистом ветра, но Лекс тоже его услышала — девочка сразу притихла и перестала капризничать.

Этот звук, легкий, словно вздох, повторился еще раз. Грант подумал, что это похоже на фыркание лошади.

Алан снова посмотрел на Региса. По стволу дерева скользили лунные блики и тени от качавшихся на ветру веток и листьев. И тут Алан разглядел еще одну тень, которая сливалась с другими тенями, но, в отличие от них, не двигалась: мощная изогнутая шея, квадратная голова...

Снова послышался легкий вздох.

Любопытный Тим подался вперед, чтобы лучше видеть. И Лекс тоже.

Раздался хруст сломавшейся ветки, и на дорогу выступил тиранозавр. Это был маленький тиранозавр, детеныш. Животное было всего двух с половиной метров ростом и двигалось несколько неуклюже, с потешной неловкостью маленького щенка. Молодой тиранозавр наклонился к самой земле и стал вынюхивать следы на дороге. Он шел медленно, останавливаясь при каждом шаге, чтобы принюхаться. Прошагав мимо дерева, у которого притаился Регис, он, по всей видимости, не заметил человека. Грант видел, как тело Региса немного расслабилось. Регис даже повернул голову, чтобы посмотреть на тиранозавра, который уже обошел дерево.

Тиранозавр прошел дальше по дороге и скрылся из

виду. Регис немного успокоился и расслабился и перестал так сильно прижиматься к дереву. Но в джунглях по-прежнему было подозрительно тихо. Регис еще с полминуты оставался возле дерева. Потом джунгли постепенно начали оживать: сначала заквакали древесные лягушки, потом застрекотала одна цикада, к ней присоединились другие... Регис отошел от дерева, встряхнул плечами, стараясь расслабиться после напряженного ожидания. Он вышел на середину дороги, поглядывая в ту сторону, куда удалился молодой тиранозавр.

Зверь напал слева.

Малыш-тиранозавр заревел и ткнул Региса головой в грудь. От этого пинка Эд Регис повалился с ног и распластался на земле. Он дико завизжал и вскочил на ноги, но тиранозавр снова бросился на него и, очевидно, пнул задней ногой, потому что Регис внезапно снова оказался на земле. Рекламный агент больше не стал вскакивать, он уселся на дорогу и принялся кричать на тиранозавра и размахивать руками — наверное, надеялся как-нибудь отпугнуть животное. Детеныша тиранозавра, казалось, сбили с толку странные звуки и движения, которые производила эта хрупкая на вид дичь. Двухметровый малыш приблизил голову к сидящему на дороге Регису и стал с любопытством принюхиваться. Регис что было сил двинул зверя кулаком прямо в нос.

— Поди прочь отсюда! Уходи! Пошел вон!!! — выкрикивал Регис как можно громче. И тиранозаврик действительно чуть отошел назад, так что Регис смог подняться на ноги. Регис снова заорал на него:

— Ага! Ты меня понял!!! Пошел прочь отсюда, ты! Отвали! Катись отсюда! — а сам стал потихоньку отступать назад, подальше от тиранозавра. Малыш-тиранозаврик с любопытством смотрел на непонятное, крикливое маленькое существо перед собой, но когда Регис отошел уже шагов на пять назад, динозавр снова подскочил к нему и снова сбил его с ног.

«Да он же с ним играет!» — догадался Грант.

— Эй! — крикнул Регис, очутившись на земле, но тиранозавр его не преследовал и не мешал подняться на ноги. Регис вскочил и продолжил отступление. — Ты, глупое животное! А ну, назад! Сидеть! Слышишь меня?

Назад! Место! — кричал он, словно цирковой укротитель зверей.

Молодой тиранозаврик заревел, но не стал бросаться на Региса. Регис уже добрался до самых зарослей у правого края дороги. Еще несколько шагов — и он будет в укрытии.

— Назад! Ты, скотина! Назад, я сказал! — выкрикивал Регис, и вот, в последнее мгновение, молодой тиранозавр прыгнул вперед и повалил его на землю. Регис упал на спину и закричал: — Эй, ты чего это?! А ну, прекрати!

Молодой тиранозавр быстро наклонил голову, и Регис пронзительно завизжал. Он больше ничего не говорил, только кричал — громко и пронзительно.

Но вот его крик резко оборвался. Когда молодой динозавр поднял голову, Грант увидел у него в пасти кусок окровавленной плоти.

— Ой, нет!.. — тихо проговорила Лекс. Тим резко отвернулся — его стошнило. Прибор ночного видения соскользнул у мальчишки со лба и упал на землю. Раздался резкий металлический лязг — очки стукнулись о камень.

Молодой тиранозавр фыркнул, поднял голову и посмотрел на вершину холма.

Тим успел подобрать свои очки, а Грант схватил обоих детей за руки и бросился бежать.

Пульт управления

Стайка прокомпсогнатусов спешила куда-то среди ночи. Динозаврики бежали вдоль дороги, и джип Хардинга следовал за ними, держась чуть сзади. Элли увидела впереди что-то странное:

— Смотрите, что это? Свет?

— Похоже на то, — сказал Хардинг. — Как будто фары машины.

И тут внезапно загудело и затрещало радио. Раздался голос Джона Арнольда:

— ...ня слышите?

— Ну вот и они! Наконец-то! — сказал Хардинг и нажал кнопку радиопередачи. — Да, Джон, мы тебя слышим! Мы неподалеку от реки, преследуем стаю компи. Они ведут себя крайне необычно...

Рация снова затрещала. Потом сквозь треск прорвались слова:

— ...нужна ваша машина...

— Что он там бормочет? — спросил Геннаро.

— Что-то насчет машины, — сказала Элли. В группе палеонтологов, работавших с Грантом на раскопках в Монтане, именно Элли обычно занималась радиосвязью. И за много лет она неплохо научилась распознавать скомканные, обрывочные сообщения. — По-моему, он говорит, что им нужна наша машина.

Хардинг снова нажал на кнопку.

— Джон? Как ты нас слышишь? Тебя почти не слышно! Как понял, Джон?

Полыхнула молния, в радиоприемнике раздался громкий треск статического разряда. Потом снова послышался хриплый голос Арнольда:

— ...вы сейчас...

— Мы примерно в миле к северу от вольера гипси. Едем вдоль реки, преследуем компи.

— Нет... Черт!.. ...щайтесь сюда... ...быстрее!

— Похоже, у них там какие-то неприятности, — сказала Элли и нахмурилась. Определенно, в голосе Арнольда ей послышалась тревога. — Может, нам действительно лучше вернуться?

Хардинг пожал плечами.

— У Джона вечно какие-то неприятности. Эти инженеры все такие — вы, наверное, и сами знаете. Они хотят, чтобы все шло, как в книжке написано, а так не бывает, — ветврач снова надавил на кнопку связи. — Эй, Джон! Повтори еще раз, пожалуйста, что ты там сказал?..

В динамике снова затрещали статические разряды. Вспыхнула молния — рация чутко отозвалась особенно громким треском и шорохом. Потом прорвался голос:

— ...Малдун... зять вашу машину... его...

Геннаро нахмурился.

— Он что, хочет сказать, что Малдуну нужна наша машина?

— Да, похоже на то, — сказала Элли.

— Но это же ерунда какая-то! Смысл? — сказал ветврач.

— ...гие...стряли... Малдуну нужна... шина...

— Ага, я поняла! — сказала Элли. — Другие машины застряли на дороге из-за грозы, и Малдун хочет поехать их забрать.

Хардинг пожал плечами.

— Почему бы ему не поехать на своей собственной машине? — Он нажал кнопку на рации. — Эй, Джон! Скажи Малдуну, пусть едет на своей машине! Его машина стоит в гараже.

Рация захрипела.

— ...не слушаете... ублюдки хреновы... машина...

Хардинг нажал кнопку и сказал:

— Я и говорю, она в гараже! Машина — в гараже, Джон.

Снова — треск статики.

— ...ее угнал... Недри...

— Кажется, мы так ничего толком и не расслышим, — сказал Хардинг. — Хорошо, Джон! Мы возвращаемся!

Он отключил рацию и развернул машину.

— Хотел бы я знать, чего они так переполошились!

Хардинг нажал на акселератор, джип взревел и понесся по ночной дороге напрямик к базе. Не прошло и десяти минут, как впереди показались огни охотничьего домика. Когда Хардинг припарковывал машину на стоянке возле Гостевого центра, к ним уже спешил Малдун, что-то крича и размахивая руками.

— Черт бы тебя побрал, Арнольд, сукин ты сын! Черт бы тебя побрал, а ну, быстро налаживай все, как было! Чтобы парк работал нормально! И немедленно! Верни моих внуков обратно! Живо! — Джон Хаммонд стоял посреди пульта управления, орал и топал ногами. Он проделывал это в течение последних двух минут, а Генри Ву тем временем тихонько стоял в углу, совершенно ошарашенный.

— Хорошо, мистер Хаммонд, — отвечал Арнольд. — Малдун уже отправился в парк, и именно с этой целью, — инженер отвернулся и закурил очередную сигарету. Этот Хаммонд — в точности такой же, как все большие начальники, которых Арнольд немало повидал на своем веку. И в Диснейленде, и в Военно-морском флоте — везде бо-

льшие начальники ведут себя одинаково. Им никогда нет дела до причины технических неполадок, они никогда не удосуживаются вникнуть в ситуацию — думают, что все проблемы можно решить только криком. Может, иногда это и срабатывает — например, когда они кричат своим секретаршам, чтобы подавали лимузин к парадному подъезду.

Но в той ситуации, с которой сейчас столкнулся Джон Арнольд, криком ничего нельзя было сделать. Компьютерам все равно — кричи на них, не кричи. И линии электропередачи от чьих-то дурацких криков тоже не восстановятся. Техническим системам совершенно безразличны любые, даже самые бурные излияния человеческих эмоций. Наоборот, от этих дурацких криков один только вред, потому что Арнольд уже окончательно уверился, что Недри никогда не вернется обратно, а значит, ему, Арнольду, придется самому разгадывать компьютерные кодировки и разбираться, что же там пошло не так. А это чертова уйма труднейшей работы — Арнольд должен быть спокойным и внимательным, чтобы сделать все как следует.

— Почему бы вам не спуститься вниз, в кафетерий? — предложил он Хаммонду. — Посидите, выпьете чашечку кофе. Как только что-нибудь станет известно, я вам сразу же сообщу.

— Мне не нужны здесь никакие «эффекты Малкольма»! — орал Хаммонд.

— Да забудьте вы про этот «эффект Малкольма»! — возмутился Арнольд. — Вы что, так и будете здесь торчать и мешать мне работать?!

— Черт бы вас побрал!

— Я позвоню вам, сэр, как только получу какие-нибудь известия от Малдуна, — сказал Арнольд.

Он нажал кнопку на терминале и увидел на экране знакомую череду заставок:

*/Основные модули парка юрского периода/

*/

*/Call Libs:

Include: biostat.sys

Include: sysrom.vst

```
Include: net.sys
Include: pwr.mdl
*/
*/Initialize
SetMain [42]2002/9A{ total CoreSysop %4 [vig. 7*tty]}
if ValidMeter(**mH).MeterVis return
Term Call 909 c.lev {void MeterVis $303} Random
(3#*MaxFid)
on SetSystem(!Dn) set shp_val.obj to lim(Val{d})SumVal
if SetMeter(mH) (**mH). ValidMeter(Vdd) return
on SetSystem(!Telcom) set mxcp1.obj to lim
(Val{pd})NextVal
```

Арнольд больше не работал с компьютером. Ему пришлось рыться в инструкциях в поисках кодировок — строчных записей команд, которые задают компьютеру. Только сейчас Арнольд с ужасом обнаружил, что полная программа парка юрского периода содержит более полу-миллиона строчек кода, и большая часть из них нигде не задокументирована, а остальные идут без каких-либо пояснений.

Ву подошел к нему.

— Что ты делаешь, Джон?

— Проверяю кодировки.

— Вручную, что ли? На это и вечности не хватит.

— Ну да, ты мне порасскажи! Будто я сам не знаю... — буркнул Арнольд в ответ.

Дорога

Малдун вел машину так быстро, что на крутых поворотах джип всеми колесами скользил по грязи. Геннаро сидел рядом с ним, сжав кулаки. Машина неслась по дороге на краю утеса, высоко над рекой, протекавшей в джунглях. Сейчас реки не было видно — она струилась где-то там, внизу, в темноте. Малдун с перекошенным от напряжения лицом гнал машину вперед.

— Далеко еще? — спросил Геннаро.

— Пять-шесть километров.

Элли и Хардинг не поехали, остались в Гостевом центре. А Геннаро предложил Малдуну свою помощь. Машина отклонилась в сторону.

— Уже целый час прошел, — сказал Малдун. — Целый час, как от них не слышно ни слова.

— Но у них же есть рации, — напомнил Геннаро.

— Да, но мы почему-то никак не можем с ними связаться, — ответил Малдун.

Геннаро помрачнел.

— Если бы мне пришлось целый час сидеть в машине под таким дождем, я обязательно попытался бы связаться по радио с базой или еще с кем-нибудь.

— Я тоже, — кивнул Малдун.

Геннаро покачал головой.

— Так вы действительно думаете, что с ними что-то случилось?

— Конечно, нельзя исключить, что с ними все в порядке, — ответил Малдун. — Но я окончательно поверю в это, только когда увижу их своими глазами. Нам осталось ехать всего несколько минут.

Дорога повернула и побежала вверх по склону холма. Когда джип подъехал к подножию холма, Геннаро вдруг заметил на дороге что-то белое — у самого края, возле кустов.

— Давайте глянем, что это, — сказал он, и Малдун резко затормозил. Геннаро выскочил из джипа и побежал вперед, чтобы при свете фар рассмотреть странный предмет. Сперва ему показалось, что это кусок одежды, но это была...

Геннаро остановился как вкопанный.

Даже с расстояния в шесть-семь шагов он прекрасно разглядел, что это такое. Адвокат снова двинулся вперед, но уже гораздо медленнее.

Малдун высунулся из окна машины и крикнул:

— Ну, что это?

— Нога, — ответил Геннаро.

Кожа на ноге была бледного бело-голубого цвета и заканчивалась рваными окровавленными клочьями в том месте, где когда-то было колено. Ниже щиколотки сохранился грязный белый носок и коричневый туфель без задника. Именно такие туфли носил Эд Регис.

Малдун тоже выбрался из машины, пробежал мимо Геннаро и присел возле оторванной конечности.

— О господи!

Малдун поднял ногу с земли и поднес к свету фар джипа. Когда он перевернул остаток ноги, из культы хлынула кровь и залила ему руки. Геннаро, который все еще стоял в трех шагах от страшной находки, быстро нагнулся, уперся руками в колени, зажмурил глаза и стал дышать как можно глубже, стараясь преодолеть накотившую тошноту.

— Геннаро! — резко проронил Малдун.

— Что?

— Отойдите. Вы загораживаете мне свет.

Геннаро вдохнул поглубже и отступил в сторону. Когда он отважился открыть глаза, то увидел, что Малдун все еще вертит в руках конечность, разглядывая ее с видом знатока.

— Нога оторвана по линии суставного сочленения, — сообщил Малдун результаты своих наблюдений. — Ее не откусили, а крутнули и оторвали. Попросту оторвали, и все.

Малдун встал и перевернул оторванную ногу так, чтобы оставшаяся в ней кровь стекла на землю. Он взялся измазанной в крови рукой за лодыжку, и на белом носке остался темный кровавый отпечаток ладони. Геннаро почувствовал, что его сейчас стошнит.

— Так, что тут случилось — понятно, — уверенно произнес Малдун. — До него добрался Т-рекс, — Малдун посмотрел вверх, на вершину холма, потом глянул на Геннаро — Эй, с вами все в порядке? Можете ехать дальше?

— Да. Могу, — сказал Геннаро.

Малдун пошел обратно к джипу, прихватив с собой ногу.

— Думаю, это нам лучше взять с собой, — сказал он. — Как-то нехорошо оставлять ее здесь. Черт, эта нога перепачкает нам всю машину! Посмотрите, может, на заднем сиденье найдется, во что ее завернуть? Газета там или пакет какой-нибудь...

Геннаро открыл заднюю дверцу и принялся рыться за задним сиденьем в поисках чего-нибудь подходящего. Он поразился, что можно хоть ненадолго переключиться

на какое-нибудь простое занятие, думать о чем-нибудь другом. Поиски тряпки или клеенки, в которую можно было бы завернуть оторванную ногу, полностью заняли его мысли, на время отогнав все страхи. Геннаро нашел полотняную сумку, в которой лежал ящик с инструментами, запасную крышку, картонную коробку и...

— Есть два тента, — сообщил он Малдуну. Тенты были сделаны из плотного непромокаемого пластика.

— Давайте один сюда, — сказал Малдун, который так и стоял снаружи, на дороге. Он завернул ногу в пластик и передал бесформенный сверток Геннаро. Тот удивился, каким тяжелым оказался сверток. — Положите ее там, сзади. И придавите чем-нибудь, чтобы не каталась по багажнику...

— Хорошо, — Геннаро уложил сверток в пространство за задним сиденьем и вернулся на свое место. Малдун уже сел за руль. Он запустил мотор, колеса джипа взвизгнули и крутнулись, разбрызгивая грязь, и вот джип рванулся с места и помчал вверх по дороге. Какое-то время нос машины был задран вверх, и фары освещали только кроны деревьев, но вскоре подъем стал не таким крутым, и Геннаро снова увидел в свете фар дорогу.

— Господи боже! — пробормотал Малдун.

Геннаро тоже это увидел — один-единственный электромобиль, перевернутый набок, прямо на середине дороги. Второго электромобиля вообще нигде не было видно.

— А где же вторая машина?

Малдун быстро огляделся по сторонам и указал влево.

— Вон она, — второй вездеходик, весь покореженный, лежал метрах в шести от дороги, под большим деревом.

— Но как он там оказался?

— Его швырнул туда тиранозавр.

— Швырнул?! — переспросил Геннаро.

Малдун помрачнел.

— Давайте-ка поскорее с этим заканчивать, — сказал он и выбрался из джипа. Они вдвоем с Геннаро побежали к вездеходу, лежащему под деревом. Лучи фонариков скользили из стороны в сторону в такт бегу.

Подойдя к машине поближе, Геннаро разглядел, насколько она изувечена. Он предусмотрительно приотстал, чтобы Малдун заглянул внутрь первым.

— Я бы не стал на вашем месте так волноваться, — заметил Малдун. — Вряд ли мы сейчас найдем хоть одного из них.

— Вы думаете, мы никого не найдем?

— Вот именно.

И Малдун рассказал, что за долгие годы, проведенные в Африке, ему несколько раз приходилось осматривать места нападения диких животных на людей. Один раз это был леопард — зверь подкрался ночью к лагерю, разорвал палатку и унес трехлетнего ребенка. Еще раз это было нападение буйвола, в Амбосилае, дважды Малдун видел нападения львов и один раз — крокодила, на севере, неподалеку от Меру. И в каждом случае на месте трагедии оставалось поразительно мало следов случившегося.

Люди неопытные и несведущие обычно воображают кошмарные следы нападения животного — им кажется, что в разодранной палатке должны валяться оторванные конечности, на земле должны остаться лужи крови и кровавые следы, уходящие куда-нибудь в кустарник, а неподалеку от лагеря обязательно обнаружатся обрывки окровавленной одежды. Но на самом деле ничего подобного обычно не бывает, особенно если жертвой стал маленький ребенок или младенец. Люди просто исчезают, и все — уходят куда-нибудь в кусты и не возвращаются. А ребенка хищник может убить, просто разок встряхнув или свернув ему шею. И на месте нападения — никакой крови.

Опять же, чаще всего от пропавшего человека вообще не остается никаких следов. Ну, разве что какая-нибудь пуговица, случайно оторвавшаяся от рубашки, или кусок резиновой подошвы от ботинка. Однако чаще всего следов нет совсем.

Хищник просто уносит ребенка — чаще всего в таких случаях страдают дети — и не оставляет ничего подозрительного. Поэтому Малдун считал, что, скорее всего, они не найдут вообще никаких останков пропавших детей.

Но когда Малдун заглянул в покореженный электро-мобиль, его ожидал сюрприз.

— Будь я проклят! — вырвалось у него.

Малдун попытался хотя бы примерно восстановить ход событий. Ветровое стекло электромобиля было разбито, но поблизости валялось не так уж много осколков стекла. А вот на дороге как раз осталась россыпь битого стекла. Значит, переднее окно разбилось еще там, на дороге, до того, как тиранозавр поднял машину и отбросил ее сюда. Но вездеход был очень сильно помят и искорежен. Малдун посветил фонариком внутрь машины.

— Ну как? Пусто? — дрожащим от волнения голосом спросил Геннаро.

— Не совсем... — ответил Малдун. Свет фонарика отразился от разбитой рации, а на полу салона лежало что-то черненькое и изогнутое. Передние дверцы были сильно побиты, их заклинило намертво, но Малдун забрался внутрь через распахнутую заднюю дверь и, перегнувшись через сиденье, подобрал эту черненькую вещь.

— Это — часы, — сказал он, разглядывая свою находку в свете фонарика. Это были обычные дешевые пластиковые часы с ребристым резиновым ремешком. Стекланый экранчик с цифрами был разбит, и часы ничего не показывали. Малдун подумал, что, скорее всего, эти часы принадлежали мальчишке. Правда, он не был до конца уверен в этом, но именно дети обычно носят такие часы.

— Что вы там нашли? Часы? — спросил Геннаро.

— Да. И еще — рацию, но она поломана.

— Это важно?

— Да. Есть и еще кое-что... — Малдун принюхался. Внутри машины пахло чем-то неприятным. Малдун осветил фонариком всю внутренность машины и в конце концов обнаружил на передней дверце брызги рвотных масс. Он потрогал их пальцем — жижа была довольно свежей. — Кто-то из детей, возможно, до сих пор жив.

Геннаро подозрительно прищурился.

— Откуда вы знаете?

— Часы, — коротко ответил Малдун. — Часы...

доказательство, — он передал часы Геннаро. Тот взял их, осветил фонариком и повертел в руках.

— Экран разбился, — заметил Геннаро.

— Да, — согласился Малдун. — А ремешок целый. Он расстегнут, а не разорван.

— И что это означает?

— Что ребенок выбросил поломанные часы.

— Но это могло случиться в любое время, — сказал Геннаро. — Может быть, даже до того, как на них напал динозавр.

— Нет. Эти жидкокристаллические экранчики очень прочные. Чтобы так разбить часы, нужно очень сильно по ним ударить. Значит, часы разбились во время нападения.

— Вот ребенок их и выбросил.

— А вы представьте себе, как это было, — предложил Малдун. — Подумайте — если на вас нападает тиранозавр, будете вы отвлекаться на то, чтобы выбросить поломанные часы?

— Может, их просто сорвало у него с руки.

— Почти невозможно сорвать часы с таким крепким ремешком с руки, не оторвав при этом саму руку. Тем более что застежка на ремешке цела. Нет, ребенок снял их сам. Посмотрел на часы, увидел, что они разбились, снял их и выбросил. То есть, у него было время, чтобы спокойно все это проделать, — сказал Малдун.

— И когда же это было?

— Это могло случиться только после нападения, — уверенно произнес Малдун. — Очевидно, после того как динозавр перестал нападать, ребенок оставался внутри машины. Кстати, рация тоже поломана — поэтому он и оставил ее здесь. Смышленный малыш — он понимал, что от разбитой рации не будет никакого толку.

— Если он такой смышленный, то куда он мог подеваться? — спросил Геннаро. — Потому что я бы, например, остался здесь, возле машины, и ждал бы, когда кто-нибудь придет и заберет меня.

— Логично, — согласился Малдун. — Значит, он почему-то не мог здесь оставаться. Возможно, тиранозавр вернулся. Или сюда забрело какое-нибудь другое животное. Как бы то ни было, что-то заставило его отсюда уйти.

— Тогда куда он мог направиться? — спросил Геннаро.

— Давайте посмотрим, вдруг мы сумеем что-нибудь определить по следам, — предложил Малдун и зашагал к дороге.

Геннаро смотрел, как Малдун что-то разглядывает на земле, подсвечивая себе фонариком. Малдун сидел на корточках, низко опустив голову, и внимательно всматривался в отпечатки следов на мокрой земле. Малдун почему-то был так уверен, что один из детей остался в живых после всего этого кошмара. Но Геннаро его доводы показались не слишком убедительными. Ужас, пережитый при виде оторванной человеческой ноги, сменился в душе Геннаро мрачной решимостью закрыть парк и уничтожить все, что есть на этом проклятом острове. Что бы там ни говорил этот Малдун, Геннаро подозревал, что это всего лишь ничем не обоснованные, пустые надежды...

— Видите вот эти следы? — спросил Малдун, не отрывая взгляда от земли.

— Какие следы?

— Вот, смотрите, это следы ног взрослого человека, они спускаются сюда, к нам, от дороги. Так... Похоже, этот человек был обут в какие-то туфли или ботинки на толстой резиновой подошве. И обратите внимание на характерную походку...

Геннаро видел там только одну грязь, и больше ничего. В лужицах грязной воды отражались блики от света фонариков. А Малдун продолжал:

— Видите — следы взрослого идут вот сюда, а здесь к ним присоединяются другие следы — маленькие и среднего размера... Они топчутся на месте, ходят кругами, одни следы накладываются на другие... Видимо, они долго стояли здесь и разговаривали... А вот — снова те же три пары следов... И они, похоже, бежали... — Малдун указал рукой в джунгли. — Они побежали туда. В парк.

Геннаро недоверчиво покачал головой.

— В этой грязи вы можете найти любые «следы», какие захотите...

Малдун выпрямился и отступил назад. Посмотрел на землю и вздохнул.

— Говорите, что хотите, но я готов поклясться, что один из детей остался в живых. Или даже оба. А может, и кто-нибудь из взрослых — если эти следы принадлежат не Регису, а кому-то другому. Придется нам обыскать весь парк.

— Что, прямо сейчас? Ночью? — спросил Геннаро.

Но Малдун его не слушал. Он пошел куда-то в сторону, к куче земли, которая была насыпана возле выхода дренажной трубы, проложенной под дорогой. Там Малдун остановился и присел на корточки.

— Во что была одета девочка? — неожиданно спросил он.

— Господи, да откуда же я знаю? — удивился Геннаро.

Медленно, шаг за шагом Малдун отходил все дальше и дальше от дороги. И вдруг оба услышали негромкий звук — чье-то хриплое, с присвистом, тяжелое дыхание. Это определенно дышало какое-то животное.

— Слышите?! — спросил Геннаро, которого внезапно обуял панический страх. — Наверное, нам лучше...

— Тс-с-с... — прошептал Малдун, приложив палец к губам.

Они затаились и стали прислушиваться, но так ничего и не услышали.

— Наверное, это просто ветер, — сказал Геннаро.

Хриплый звук раздался снова — на этот раз более отчетливо. И это точно был не ветер. Звук исходил из зарослей по ту сторону дороги, как раз оттуда, куда направлялся Малдун. Не похоже было, чтобы эти звуки издавало животное, но Малдун все же двинулся вперед со всей возможной осторожностью. Он поднял фонарик, осветил вверх и крикнул — но звук никак не изменился. Тогда Малдун подошел к зарослям и развел кусты в стороны.

— Ну, что там? — спросил Геннаро.

— Это Малкольм!

Ян Малкольм, смертельно бледный, лежал на спине, с безвольно разинутым ртом. Он дышал тяжело, с хрипом и свистом. Малдун передал фонарик Геннаро, присел рядом с Малкольмом и принялся его осматривать.

— Что-то я никак не найду раны, — сказал Малдун. — Голова целая, руки тоже, грудь...

Геннаро перевел луч фонарика на ноги Малкольма.

— Он наложил жгут! — Брючный ремень Малкольма был туго затянут на правом бедре. Геннаро посветил ниже, вдоль ноги. Лодыжка на правой ноге была вывернута под неестественным углом, брюки были изорваны в клочья и промокли от крови. Малдун осторожно дотронулся до вывернутой лодыжки — Малкольм застонал.

Малдун поднялся и отступил в сторону, раздумывая, что же предпринять. У Малкольма ведь могли быть и другие серьезные повреждения, невидимые при поверхностном осмотре. Может, у него сломан позвоночник? Тогда его нельзя переносить на другое место — любое движение может его убить. Но если оставить раненого здесь, он может умереть от травматического шока. Малкольм все еще жив только потому, что какое-то время был в сознании и смог наложить на ногу жгут, иначе он умер бы от потери крови. Возможно, он все равно обречен... А значит, если увезти его отсюда, большого вреда не будет.

Геннаро помог Малдуну перенести раненого. Они неуклюже подняли его на плечи и понесли. От движения Малкольм застонал, его прерывистое, хриплое дыхание стало громче.

— Лекс... Лекс, беги... Лекс... — неожиданно пробормотал Малкольм.

— Кто это — Лекс? — спросил Малдун.

— Кажется, так звали маленькую девочку, — ответил Геннаро.

Они отнесли Малкольма к джипу и уложили на заднее сиденье. Геннаро потуже затянул жгут. Малкольм снова застонал. Малдун отвернул повыше его рваную штанину и увидел рану — разможенные мышцы, среди которых торчали мелкие беловатые обломки костей.

— Нам придется отвезти его обратно, — сказал Малдун.

— Вы собираетесь уехать отсюда прямо сейчас? Но мы ведь еще не нашли детей! — сказал Геннаро.

Малдун покачал головой и сказал:

— Они скорее всего убежали в парк. А это двадцать квадратных миль джунглей. Найти что-нибудь на таком

огромном пространстве можно только с помощью следящих мониторов с датчиками движения. Если дети живы и шевелятся, двигательные сенсоры быстро обнаружат, где они находятся, и тогда мы поедем прямо туда и заберем их домой. А если мы прямо сейчас не отвезем доктора Малкольма к врачу, он умрет.

— Значит, придется возвращаться, — заключил Геннаро.

— Да, придется.

Они сели в машину. Геннаро спросил:

— И как же вы скажете Хаммонду о том, что его дети потерялись в парке?

— Да никак. Вы ему сами все расскажете.

Пульт управления

Дональд Геннаро в упор смотрел на Хаммонда, сидевшего в пустынном, еще не полностью обставленном кафетерии. Старик, совершенно спокойный, кушал мороженое маленькой ложечкой.

— Так, значит, Малдун уверен, что дети где-то в парке?

— Да, он так думает.

— Ну, тогда мы обязательно их отыщем.

— Надеюсь... — сказал Геннаро. При взгляде на этого старика, который безмятежно поглощал мороженое, адвоката пробрала дрожь.

— Я совершенно уверен — дети очень скоро найдутся. В конце концов, я ведь всегда говорил — этот парк и создан был для детей.

Геннаро сказал:

— Но, надеюсь, вы понимаете, сэр, что дети потерялись?

— Потерялись? — Хаммонд пренебрежительно фыркнул. — Естественно, понимаю, я еще не впал в старческий маразм, — он вздохнул и переменил тон. — Послушайте, Дональд, я хочу, чтобы вы правильно восприняли то, что у нас произошло. У нас случилась досадная поломка — из-за этой грозы или еще из-за чего-то, и в результате произошел этот прискорбный и достойный всяческого сожаления несчастный случай. Вот и все — ничего более! Мы занимаемся устранением неисправности. Арнольд

скоро разберется с компьютерами. Малдун скоро найдет и привезет детей — уверен, он вернется с ними раньше, чем я покончу с этой порцией мороженого. Так давайте просто спокойно сядем и немного подождем, хорошо?

— Ну, как скажете, сэр, — согласился Геннаро.

— Почему? — спросил Генри Ву, поглядывая на экран компьютера.

— Потому что я думаю, что Недри что-то намутил с кодировками, — сказал Арнольд. — Поэтому я их и проверяю.

— Ну, ладно. А ты просматривал настройки? — спросил Ву.

— То есть?

— Ну, не знаю... Например, система контроля за доступом — она ведь до сих пор работает? — подсказал Ву. — Запись доступа к программам с клавиатуры, и все такое...

— Господи! — воскликнул Арнольд и щелкнул пальцами. — Точно! Системы контроля можно отключить только с главной панели!

— Правильно, — сказал Ву. — Ну, если запись доступа работает нормально, ты можешь проследить все команды, которые Недри вводил вручную, с клавиатуры, и узнаешь, что он сотворил с компьютерами.

— Черт возьми, а ведь ты прав! Я действительно могу это сделать! — воскликнул Арнольд и принялся быстро щелкать по клавишам. — И почему мне это раньше не пришло в голову? Это же очевидно! В программной системе парка встроено несколько уровней контроля, в том числе и контроль за доступом к программам с клавиатуры, — все добавочные команды обязательно записываются в отдельный блок памяти. Вообще-то, эту систему изначально вводили для отлавливания «жучков», чтобы можно было вручную устранить дефекты программного обеспечения. Но она хороша и как часть системы безопасности.

Пока он говорил, на мониторе появился перечень всех команд, которые Недри сегодня днем вводил в компьютер:

13, 42, 121, 32, 88, 77, 19, 13, 122, 13, 44, 52, 77, 90, 13,
99, 13, 100, 13, 109, 55, 103, 144, 13, 99, 87, 60, 13, 44,
12, 09, 13, 43, 63, 13, 46, 57, 89, 103, 122, 13, 44, 52, 88,
9, 31, 13, 21, 13, 57, 98, 100, 102, 103, 13, 112, 13, 146,
13, 13, 13, 77, 67, 88, 23, 13, 13

system

nedry

go to command level

nedry

040/#xy/67&

mr goodbytes

security

keycheck off

safety off

sl off

security

whte_rbt.obj

— И что, это — все? — удивился Арнольд. — Он же ковырялся в компьютере несколько часов подряд! По крайней мере, насколько я помню.

— Возможно, он просто убивал время и только делал вид, что по уши занят работой, — сказал Ву. — Пока, наконец, не решил, что пора — и тогда отключил компьютеры и удрал.

Ряды чисел, которые шли вначале, были кодировкой системы ASC-II, которую Недри ввел в компьютер со своей клавиатуры. Цифры эти означали, что он использовал обычный доступ к компьютеру — как любой другой пользователь, который садился за машину. Значит, вначале Недри просто осматривался, проверял, что к чему — очень странное занятие для программиста, который создал всю систему программ для парка.

— Может, прежде чем лезть в программу, он проверял, не вносили ли вы за это время какие-нибудь изменения? — предположил Ву.

— Возможно... — согласился Арнольд, который пытался разобраться в том, что же Недри сделал с системой, и теперь просматривал перечень команд — строчка за

строчкой. — По крайней мере, мы можем выяснить, что он тут натворил.

«System» — это Недри послал запрос на то, чтобы перейти с обычного пользовательского уровня непосредственно к программным кодировкам. Компьютер потребовал его имя, и тот набил: «nedry». Такой пароль, очевидно, был заранее введен в систему контроля, и компьютер открыл ему доступ к системе. Потом Недри запросил переход на самый высокий уровень программного контроля — «go to command level». Для того чтобы пропустить его на этот сверхсекретный уровень, компьютеру потребовалось не только имя пользователя, но еще и цифровой код, и особый пароль. Недри ввел следующее:

```
nedry  
040/#xy/67&  
mr goodbytes.
```

И компьютер допустил его на высший командный уровень. Уже отсюда Недри запросил «security», то есть захотел влезть в систему безопасности. Поскольку, в соответствии с программой, после таких паролей пользователь имел полное право давать любые команды, компьютер покорно допустил Недри к системе безопасности. И тогда Недри набил следующие три строчки:

```
keycheck off  
safety off  
sl off.
```

— Он попытался отключить все системы контроля, — сказал Ву. — Не хотел, чтобы кто-нибудь знал, что он собирается сделать...

— Вот именно! — подтвердил Арнольд. — Но только он, наверное, не знал, что теперь уже нельзя отключить всю систему с какого-то другого модуля — вручную влезть в эти программы можно только при доступе с главной панели компьютера.

После того как Недри набрал три непозволительных команды, компьютер забеспокоился, но, поскольку набор

производил пользователь с самым высоким уровнем доступа, компьютер решил, что Недри просто забылся и по ошибке пытается сделать то, что заведомо невозможно сделать с того модуля, на котором он работает. Поэтому компьютер снова спросил у Недри, с какой подсистемой тот желает работать. Недри ответил:

Security.

И компьютер позволил ему остаться в этой подсистеме.

— А вот, наконец, и пароль, которым он взломал программу, — сказал Ву и показал на последнюю строчку команд, введенных Недри:

White_rbt.obj.

— Что за чертовщина? — удивился Арнольд. — «White_rbt» — это, наверное, «white rabbit», «белый кролик». Это что, его любимая шутка?

— Оно обозначено как объект поиска, — заметил Ву. В компьютерной терминологии словом «объект» обозначается блок кодировок, которые можно перемещать с места на место и использовать там, где нужно, — все равно как, скажем, стул, который можно переставлять по комнате в любое место. Объектом может быть серия команд для рисования какого-нибудь изображения, или для обновления заставки на экране, или для производства каких-нибудь вычислений.

— Давай посмотрим, в каком блоке кодировки эта штучка запрятана, — сказал Арнольд. — Может, сообразим, для чего она. — Он вышел в меню программных утилит и набрал на клавиатуре объект поиска:

FIND WHITE_RBT.OBJ.

Компьютер высветил следующую строку:

OBJECT NOT FOUND IN LIBRARIES.

То есть блок с таким названием в каталогах компьютера не значился.

— Ее нет, — подытожил Арнольд.

— А ты поищи не по названию, а по содержанию — просто включи поиск такой строки, — предложил Ву.

Арнольд напечатал:

FIND/LISTING: WHITE_RBT.OBJ.

На мониторе замелькали быстро сменяющиеся строки кодировок — компьютер просматривал все коды в поисках заданной последовательности знаков. Поиск продолжался почти целую минуту и вдруг прекратился.

— Есть! — воскликнул Бу. — Это даже не объект, это — команда!

Стрелка на экране указывала на одну из строчек программы:

```
curV = GetHandl {ssm.dt} tempRgn {itm.dd2}.
curH = GetHahdl {ssd.itl} tempRgn2 {itm.dd4}.
on DrawMeter(lgN) set shp_val.obj to lim(Val{d})-Xval.
if ValidMeter(mH) (**mH).MeterVis return.
if Meterhandl(vGT) (DrawBack(tY)) return.
limitDat.4 = maxBits (%33) to {limit .04} set on.
limitDat.5 = setzero, setfive, 0 {limit .2 — var(szh)}.
on white_rbt.obj call link.sst {security,perimeter} set to off.
vertRange = {maxRange setlim} tempVgn(fdn —
&bb $404).
horRange = {maxRange — setlim/2} tempHgn(fdn —
&dd $105).
void DrawMeter send_screen.obj print.
```

— Вот сукин сын! — вырвалось у Арнольда.

Бу покачал головой.

— Это вовсе не ошибка в кодировке...

— Да уж! Это секретная дверца в программу. Жирный ублюдок сделал ключ в виде названия блока, но на самом деле это команда, которая отключает систему безопасности и контроль периметра. И жирный говнюк получает доступ в любую точку парка...

— Но тогда мы, наверное, сумеем отменить эту команду? — спросил Бу.

— Да, мы сумеем, — Арнольд, нахмутив брови, смотрел на экран. — Осталось только выяснить, что это были

за команда. Я сейчас запущу отслеживающую программу. Посмотрим, что она нам накопает.

Ву встал со стула.

— Кстати, я совсем забыл — около часа назад кто-то заходил в морозильную камеру в лаборатории. Наверное, мне лучше проверить, все ли там на месте. Пойду, пересчитаю свои эмбрионы...

Элли была в своей комнате и как раз собиралась снять промокшую одежду и переодеться во что-нибудь сухое, но тут в дверь постучали.

— Это ты, Алан? — спросила девушка, но, открыв дверь, увидела на пороге Роберта Малдуна, который держал под мышкой какой-то пластиковый сверток. Малдун тоже промок до нитки, вся его одежда была заляпана грязью.

— Прошу прощения, но нам нужна ваша помощь, — и Малдун начал рассказывать резкими короткими фразами: — На электромобили около часа назад напал динозавр. Мы привезли сюда Малкольма. У него травматический шок — сильно повреждена нога. Он до сих пор без сознания. Я уложил его в постель, в его комнате. Хардинг скоро прибудет сюда.

— Хардинг? — переспросила Элли. — А что с остальными?

— Мы пока больше никого не нашли, — Малдун заговорил теперь медленнее и спокойнее.

— О господи!

— Но, судя по всему, доктор Грант и дети все еще живы. Я полагаю, они убежали в парк, доктор Саттлер.

— Убежали в парк?

— Да, скорее всего. Однако доктору Малкольму нужна помощь. Я уже позвонил Хардингу.

— А почему вы не вызвали врача?

— У нас на острове нет врача. Только Хардинг, ветеринар.

— Но вы ведь можете позвонить на континент, вызвать врача оттуда...

— Увы, нет, — покачал головой Малдун. — Телефоны не работают. Связи с континентом нет, — он поудобнее перехватил пластиковый сверток.

— А это что у вас? — спросила Элли.

— Ничего. Пожалуйста, идите к Малкольму и помогите Хардингу, — резко проронил Малдун и ушел.

Элли, потрясенная ужасным известием, бессильно опустилась на кровать. Вообще-то Элли Саттлер была не из тех женщин, которые склонны по поводу и без повода ударяться в панику, и она знала, что Гранту и раньше случалось выбираться из опасных ситуаций. Однажды он потерялся в пустыне и провел там целых четыре дня — под ним осыпался край утеса, Алан свалился в овраг глубиной метров триста и сломал правую ногу. У него не было ни капли воды, но Грант, со сломанной ногой, за четыре дня выбрался обратно, к лагерю.

Но, с другой стороны, эти дети...

Элли тряхнула головой, отгоняя прочь мрачные мысли. Дети, скорее всего, с Аланом. И если Алан ушел с детьми в парк, то... Кто лучше специалиста по динозаврам сумеет безопасно провести детей через парк юрского периода?

В парке

— Я устала, — пожаловалась Лекс. — Возьмите меня на ручки, доктор Грант!

— Ты уже большая, чтобы тебя еще на руках носить! — сказал Тим.

— Но я устала! — захныкала Лекс.

— Ну, ладно, Лекс, — согласился Грант и посадил девочку на закорки. — Ого, ну ты и тяжелая!

Было около девяти вечера. В небе сияла полная луна — яркое белое пятно, затянутое туманной дымкой. Короткие тени Гранта и детей падали прямо под ноги, на открытое пространство, которое нужно было пересечь, чтобы добраться до темнеющих впереди лесных зарослей. Алан задумался, пытаясь хоть приблизительно сориентироваться на местности. Поскольку они в самом начале пересекли линию ограждений, Грант резонно полагал, что сейчас они находятся где-то внутри вольера тиранозаври. Нельзя сказать, чтобы Алану сильно хотелось задерживаться в этом месте. Он хорошо помнил компьютерную схему круглосуточных передвижений тиранозавра — плот

ный клубок светящихся линий, локализованный в определенном, довольно маленьком участке пространства. И Алан с детьми находился сейчас как раз на этом самом участке...

Но еще Грант помнил, что тиранозавр был отделен от остальных животных — а значит, они выберутся из этого вольера, когда пересекут заградительную изгородь, или ров с водой, или то и другое сразу.

Но пока никакой изгороди не было видно. И никаких ровов с водой.

Девочка пристроила голову ему на плечо и принялась наматывать пряди волос на пальцы. Вскоре она задремала. Тим шагал рядом с Грантом.

— Ну, как ты там, Тим? — спросил Алан.

— Я в порядке, доктор Грант, — ответил мальчик. — Только, по-моему, мы сейчас прямо в вольере у тиранозавра...

— Совершенно верно. Но, надеюсь, мы скоро отсюда выберемся.

— Вы хотите уйти в заросли? — спросил Тим. Когда они подошли к лесу поближе, темные и мрачные заросли показались мальчику довольно страшными.

— Да, — кивнул Грант. — Я думаю, мы сможем сориентироваться по номерам на сенсорах движения.

Датчики движения представляли собой небольшие зеленые ящички, расположенные примерно в полутора метрах над землей. Некоторые из них стояли на открытой местности, на специальных подпорках, но большая часть датчиков была закреплена на деревьях. Ни один из датчиков сейчас не работал, поскольку, очевидно, энергоснабжение парка все еще было отключено. В центре каждого такого ящичка был вделан стеклянный объектив, а под ним значился цифровой код. Прямо впереди Грант разглядел при блеклом лунном свете датчик с номером Т/Ю/04.

Они вошли в лес. Со всех сторон громоздились высокие деревья с раскидистыми кронами, — но лунный свет все же проникал сквозь листву. Низко над землей, обволакивая могучие стволы и перекрученные корни деревьев, стелилась пелена молочно-белого тумана. Зрелище было таинственным и прекрасным, но идти по такому ту-

ману было очень трудно. Грант высматривал зеленые ящички с номерами. Похоже, цифры шли от больших к меньшим. Они уже прошли мимо Т/Ю/03, потом был датчик с номером Т/Ю/02. Вскоре показался и Т/Ю/01. Грант устал нести девочку и надеялся, что это закончится, как только они выйдут с территории обитания тиранозавра. Но среди деревьев показалось не ограждение, а только еще один датчик, и номер на нем был Т/С/01. На следующем зеленом ящичке был номер Т/С/02. И тогда Грант понял, что обозначения на датчиках проставлены по географическому принципу, в направлениях сторон света, как компас, и расходятся от центральной точки вольера к его краям. Алан с детьми двигались с юга на север, поэтому цифры южного направления, с пометкой «Ю», постепенно уменьшались до самого центра. А теперь они пошли от центра к северному краю вольера — и цифры, которые теперь шли с буквой «С», «север», снова стали увеличиваться.

— Ну, по крайней мере, мы хоть движемся в нужном направлении, — сказал Тим.

— Молодец! Правильно подметил, — похвалил мальчика Грант.

Тим улыбнулся и неожиданно упал, споткнувшись о невидимый в тумане корень. Мальчик быстро поднялся на ноги, и они пошли дальше. Какое-то время шли молча, потом Тим проронил:

— А мои родители разводятся...

Грант только вздохнул в ответ.

— Папа уже месяц как переехал от нас на другую квартиру — живет теперь отдельно, на улице Мельников.

Алан снова вздохнул.

— Он больше никогда не будет носить мою сестренку. Даже на руки ее не возьмет.

— И еще он говорил, что у тебя в голове — одни динозавры... — сказал Грант.

Тим вздохнул.

— Ага...

— Тебе его не хватает?

— Вообще-то, нет, — признался мальчик. — Только так, иногда... А вот ей без него очень плохо...

— Кому, вашей маме?

— Да нет — Лекс. У мамы есть любовник. Работает с ней вместе — там она с ним и познакомилась.

— Они снова помолчали. Позади остались датчики с номерами Т/С/03 и Т/С/04.

— Ты с ним встречался? — спросил Грант.

— Ага...

— Ну, и как он тебе?

— Да вроде ничего... — сказал Тим. — Он моложе моего папы, но уже совсем лысый.

— И как он к тебе отнесся?

— А не знаю. Вроде нормально. По-моему, он просто хотел мне понравиться. Даже не знаю, что с нами дальше будет... Мама иногда говорит, что нам надо продать дом и куда-то переехать. А иногда они с мамой дерутся — поздно ночью. Я сижу у себя в комнате и играю на компьютере, но мне все равно все слышно.

Алан вздохнул.

— А вы разведены? — спросил мальчик.

— Нет. Моя жена умерла много лет назад, — ответил Грант.

— И теперь вы — с доктором Саттлер?

Грант улыбнулся.

— Нет. Она — моя ученица.

— Вы что, хотите сказать — она до сих пор учится в школе?!

— В каком-то смысле — да... В высшей школе, — Алан замолчал и остановился ненадолго, чтобы переместить Лекс на другое плечо, а потом они пошли дальше — мимо сенсора с номером Т/С/05. Где-то вдалеке негромко рокотал гром. Гроза переместилась дальше к югу. В лесу было очень тихо — только стрекотали цикады и негромко квакали древесные лягушки.

— А дети у вас есть? — спросил Тим.

— Нет.

— А вы с доктором Саттлер поженитесь?

— Нет, она скоро выйдет замуж за хорошего парня из Чикаго — наверное, в следующем году.

— Надо же! — Тим заметно удивился, услышав это. Какое-то время мальчик помолчал, потом спросил: — Тогда на ком же вы собираетесь жениться?

— Вряд ли я когда-нибудь на ком-нибудь женюсь, — признался Грант.

— Я тоже, — сказал Тим.

Они еще немного помолчали. Потом мальчик спросил:

— Мы что, будем так идти целую ночь?

— У меня не хватит сил идти всю ночь напролет, — ответил Алан. — Мы обязательно остановимся и отдохнем хоть немного, — он глянул на часы. — Пока мы идем нормально. У нас осталось почти пятнадцать часов на то, чтобы вернуться и предупредить, кого следует, до того времени, когда корабль доберется до материка.

— А где мы устроим привал? — сразу же спросил Тим.

Алан и сам уже думал об этом. Сперва он было решил, что надо забраться на дерево повыше и там немного поспать. Но чтобы совсем не опасаться животных, пришлось бы забираться слишком высоко, и Лекс во сне могла случайно пошевелиться и упасть с дерева. И, кроме того, ветки деревьев слишком жесткие — на них совершенно невозможно нормально выспаться и отдохнуть. В любом случае Алан не смог бы там спать.

Нужно было отыскать по-настоящему надежное и безопасное укрытие. Тут Грант припомнил топографические планы парка, которые он рассматривал, пока летел на вертолете. И он вспомнил, что практически в каждом отдельном вольере виднелись одиночные строения непонятного назначения. Он не знал, что это были за строения, поскольку подробных топографических планов каждого такого здания в папке не было. Он не смог даже толком вспомнить, где именно располагались эти загадочные строения, помнил только, что они разбросаны по всей территории парка. Возможно, одно из них находится где-нибудь поблизости...

Но для того, чтобы найти такое здание, недостаточно было просто перелезть через ограду, преодолеть ров с водой и выбраться из вольера тиранозавра — нужно было применить совершенно особую тактику поиска. И лучшее, что можно придумать на такой случай, это...

— Тим, ты не поддержишь свою сестренку? Я собираюсь взобраться на дерево и осмотреться.

С высоких веток дерева открывался великолепный вид на джунгли. Направо и налево простирались густые кроны деревьев. А вот край леса оказался на удивление близко — впереди, совсем рядом, деревья заканчивались. Там виднелась высокая изгородь и бетонированный ров с водой, а за ними начиналось широкое открытое пространство. Грант решил, что там, скорее всего, находится вольер травоядных динозавров. Вдалеке, за полем, темнела еще одна полоса леса, а за ней поблескивала в лунном свете гладь океана.

Где-то вдалеке послышалось утробное рычание динозавра. Алан надел прихваченный Тимом прибор ночного видения и снова осмотрел парк. Он проследил взглядом вдоль сероватого изгиба бетонного рва и, наконец, нашел то, что искал, — темную извилистую ленту служебной дороги, которая вела к плоскому четырехугольнику крыши. Крыша располагалась совсем низко над землей, но все-таки это была крыша. И она находилась совсем близко — примерно в полукилометре от дерева, на котором сидел Алан.

Когда он спустился вниз, Лекс тихонько хныкала.

— Что случилось, Лекс?

— Я слышала животное.

— Оно далеко и не тронет нас. Ты, я вижу, проснулась? Тогда — пойдем!

И он повел детей к изгороди. Ограждение возвышалось почти на четыре метра, вдоль верхнего края кольцами вилась колючая проволока. В неясном лунном свете изгородь казалась особенно высокой. А сразу по ту сторону от изгороди начинался ров с водой.

Лекс с сомнением посмотрела на ограду.

— Сможешь перелезть через этот забор? — спросил Грант у девочки.

Лекс передала ему свою бейсбольную перчатку и мячик и принялась карабкаться на изгородь.

— Конечно, смогу! Запросто! А вот Тимми не сможет — спорим?

Тим вознегодовал:

— А ну заткнись, ты!

— Тимми боится высоты...

— Не боюсь я!

Девочка забиралась все выше и выше.

— А вот и боишься! Боишься, боишься!

— Не боюсь!

— Тогда лезь сюда, догони меня!

Грант повернулся к мальчику. Тот побледнел и не двигался с места.

— Справишься с этим забором, Тим?

— А то!

— Может, помочь?

— Тимми — кот, который гуляет сам по себе! — крикнула Лекс сверху.

— Дура! — буркнул мальчик и полез на изгородь.

— Какая холоднющая вода! — сказала Лекс.

Они стояли по грудь в грязной, вонючей, застоявшейся воде глубокого бетонированного рва. Через изгородь все перебрались без происшествий, только Тим разорвал рубашку, зацепившись за колючую проволоку на верхушке забора. Потом все по очереди соскользнули в ров, и теперь Грант выискивал способ отсюда выбраться.

— Ну, по крайней мере я помогла переташить Тимми через этот забор, — похвастала Лекс. — А то он так боялся — просто жуть!

— Вот спасибо, помогла! — ехидно пробурчал Тим. При свете луны мальчик хорошо видел плавающие по воде комки мусора. Все медленно двинулись вдоль края рва, глядя на противоположную сторону. Бетон везде был совершенно гладкий. Они никак не смогут вылезти по нему наверх.

— Фу-у... — сказала Лекс, показывая на грязную воду.

— Она тебя не укусит, Лекси, — съехидничал Тим.

Наконец Грант заметил место, где бетон немного рас трескался, а сверху почти к самой воде спускались побеги дикого винограда. Он подпрыгнул, ухватился за виноград и потянул — растение выдержало его вес.

— Вперед, ребятки! — И они стали карабкаться по виноград наверх, к открытому пространству по ту сторону рва.

Они в считанные минуты перешли через поле, добрались до невысокого земляного ограждения вдоль плохой — явно для служебного пользования — дороги,

в конце которой, справа, виднелось приземистое бетонное строение. По пути им попало два сенсора движения — Грант с беспокойством отметил, что датчики до сих пор не работают. Освещение парка тоже пока не включили. Прошло уже больше двух часов, как что-то случилось с системой энергоснабжения парка, и ее все еще не отремонтировали.

Далеко, в стороне, раздался рев тиранозавра.

— Он что, где-то здесь? — встревожилась Лекс.

— Нет. Мы сейчас совсем в другом секторе парка — не в том, где он, — успокоил девочку Грант.

Они съехали по поросшему травой склону вниз, к дороге, и пошли к бетонному зданию. В темноте оно выглядело довольно устрашающе — как будто какой-то бункер.

— Что это за место такое? — спросила Лекс.

— Здесь безопасно, — ответил Грант, надеясь, что говорит правду.

Ворота на входе в здание были такие большие, что через них запросто могла проехать грузовая машина. Сделаны они были из крепких, массивных металлических прутьев. Внутри здание походило на какой-то склад или большой сарай — там виднелись кипы травы и тюки готового сена, сваленные кучами среди всякого оборудования.

Ворота были заперты — на них висел тяжелый навесной замок. Пока Грант рассматривал замок, Лекс пролезла сбоку в проем между прутьями.

— Давайте за мной, ребята!

Тим пролез внутрь следом за сестрой.

— Кажется, у вас тоже должно получиться, доктор Грант, — сказал мальчик.

Он не ошибся. Грант с трудом, но все же сумел протиснуться между прутьями и тоже пробрался в сарай. Как только он оказался внутри, на него волной накатила неодолимая усталость.

— Интересно, есть здесь что-нибудь съедобное? — спросила Лекс.

— Боюсь, только сено, — сказал Грант. Он разворошил тюк сена и толстым слоем разбросал его по бетонному полу. Внутри сено оказалось теплым. Грант и дети зарылись в сено, стараясь согреться. Лекс свернулась кала-

чиком под боком у Гранта и сразу закрыла глаза. Тим обнял ее одной рукой и притянул к себе. Мальчик слышал в отдалении тяжелый топот динозавров.

Дети не стали разговаривать — они почти сразу задремали. Грант поднял руку, посмотрел на часы, но было слишком темно и он не разглядел циферблат. Рядом мирно посапывали спящие дети, от тепла их тел Алан и сам скоро согрелся.

Он закрыл глаза и мгновенно заснул.

Пульт управления

Малдун и Геннаро вошли на наблюдательный пост в ту самую минуту, когда Арнольд прищелкнул пальцами и сказал:

— Попался, сукин сын!

— Это вы к чему? — поинтересовался Геннаро.

Арнольд показал на монитор:

```
Vg1 = GetHandl {dat.dt} tempCall {itm.temp}
```

```
Vg2 = GetHandl {dat.itl} tempCall {itm.temp}
```

```
if Link(Vg1,Vg2) set Lim(Vg1,Vg2) return
```

```
if Link(Vg2,Vg1) set Lim(Vg2,Vg1) return
```

```
→ on white_rbt.obj link set security (Vg1), perimeter (Vg2)
```

```
limitDat.1 = maxBits (%22) to {limit .04} set on
```

```
limitDat.2 = setzero, setfive, 0 {limit .2 — var(dzh)}
```

```
→ on fini.obj call link.sst {security, perimeter} set to on
```

```
→ on fini.obj set link.sst {security, perimeter} restore
```

```
→ on fini.obj delete line rf white_rbt.obj, fini.obj
```

```
Vg1 = GetHandl {dat.dt} tempCall {itm.temp}
```

```
Vg2 = GetHandl {dat.itl} tempCall {itm.temp}
```

```
limitDat.4 = maxBits (%33) to {limit .04} set on
```

```
limitDat.5 = setzero, setfive, 0 {limit .2 — var(szh)}
```

— Вот, пожалуйста! — сказал Арнольд.

— И что это такое? — спросил Геннаро, глядя на экран.

— Я наконец нашел команду, которая восстанавливает нормальные кодировки. Команда называется «fini.obj». Она перезагружает часть программы и восстанавливает

обозначенные параметры — то есть ограждения и энерго-снабжение.

— Хорошо, — сказал Малдун.

— Но она делает и еще кое-что, — продолжал Арнольд. — Она еще и стирает строчки команд, которые ее запускают, и тем самым уничтожает все следы своего существования. Хитро придумано!

Геннаро покачал головой.

— Я не так уж хорошо разбираюсь в компьютерах. — Однако он знал достаточно, чтобы понимать — когда высокотехнологичной компании приходится прибегать к исходным кодировкам, это означает, что у компании очень, очень крупные неприятности.

— Ну вот, а теперь посмотрите сюда, — сказал Арнольд и набрал на клавиатуре команду:

FINI.OBJ.

Монитор мигнул, и изображение на нем мгновенно переменялось:

```
Vg1 = GetHandl {dat.dt} tempCall {itm.temp}
Vg2 = GetHandl {dat.itl} tempCall {itm.temp}
if Link(Vg1,Vg2) set Lim(Vg1,Vg2) return
if Link(Vg2,Vg1) set Lim(Vg2,Vg1) return
limitDat.1 = maxBits (%22) to {limit .04} set on
limitDat.2 = setzero, setfive, 0 {limit .2 — var(dzh)}
Vg1 = GetHandl {dat.dt} tempCall {itm.temp}
Vg2 = GetHandl {dat.itl} tempCall {itm.temp}
limitDat.4 = maxBits (%33) to {limit .04} set on
limitDat.5 = setzero, setfive, 0 {limit .2 — var(szh)}
```

Малдун бросился к окну.

— Смотрите!

По всему парку разом засияли тысячи мощных кварцевых прожекторов. Все подошли к окнам и стали смотреть.

— Здорово сработано! — воскликнул Арнольд.

А Геннаро спросил:

— Значит ли это, что напряжение в электрифицированных ограждениях восстановилось?

— Да, черт возьми! — ответил Арнольд. — Оно восстанавливается до полного накала за несколько секунд, потому что у нас на острове эти изгороди тянутся чуть ли не на сто километров, и генератор должен наращивать мощность постепенно. Но уже через полминуты все заработает, как по писаному, — Арнольд показал на прозрачную вертикальную карту территории парка.

По карте во все стороны от генератора быстро расплзались ярко-красные линии — по мере того, как восстанавливалось напряжение в электрифицированных ограждениях вольеров.

— А что с сенсорами движения? — спросил Геннаро.

— Они тоже заработали. Через несколько минут компьютер выдаст результаты подсчетов. Все работает, как раньше, — сказал Арнольд. — Сейчас половина десятого, а мы уже разгреблись со всей этой чертовщиной, и парк снова функционирует нормально!

Грант открыл глаза. Ослепительный бело-голубой свет заливал внутренность сенного сарая, проникая через решетчатые ворота. Это определенно был свет кварцевого прожектора. Значит, энергоснабжение парка восстановлено! Еще как следует не проснувшись, Алан посмотрел на часы: половина десятого. Он проспал всего пару минут. Он решил, что можно подремать еще несколько минуток, а потом уже он выйдет в поле, станет возле датчика движения и будет размахивать руками. Сенсор сработает, на наблюдательном посту это заметят и пришлют сюда машину... Его и детей заберут и отвезут на базу, и он скажет Арнольду, что надо связаться с кораблем и отозвать корабль обратно на остров, а потом все они мирно доспят остаток ночи в своих собственных постелях, в уютной гостинице...

Да, он сделает это прямо сейчас. Всего через пару минуточек... Алан зевнул и снова закрыл глаза.

— Что ж, все не так уж плохо, — сказал Арнольд, глядя на светящуюся карту. — У нас всего три отключения на весь парк. Я боялся, что будет гораздо хуже...

— Что за отключения? — забеспокоился Геннаро.

— Поврежденные участки изгороди, в которых может произойти короткое замыкание, автоматически отключаются от напряжения, — объяснил Арнольд. — Вот видите — у нас только три обрыва на линии. И только один большой, вот здесь, в двенадцатом секторе, рядом с главной дорогой.

— Это там, где тиранозавр прорвал ограждение, — сказал Малдун.

— Да, именно. А еще один обрыв — вот здесь, в одиннадцатом секторе, рядом со складом сена для наших травоядных.

— А почему ограждение разорвано здесь? — спросил Геннаро.

— Кто знает? Наверное, в изгородь ударила молния или ее порвало упавшим деревом, — ответил Арнольд. — Скоро мы сможем проверить, что там случилось, через следящую видеокамеру. А третий обрыв линии — возле лесной речки. Почему именно здесь — тоже понятия не имею.

Пока Геннаро смотрел на карту, на ней появлялись все новые и новые обозначения — какие-то зеленые точки и рядом с ними цифры.

— А это что такое? — спросил он у главного инженера.

— Это животные. Датчики движения снова заработали, и компьютер начал определять местонахождение всех животных, находящихся в парке. И всех остальных тоже — я имею в виду людей.

Геннаро стал вглядываться в карту еще внимательнее.

— Вы имеете в виду доктора Гранта и детей?..

— Да. Я перенастроил ожидаемое при поиске количество животных на цифру свыше четырехсот. И если люди передвигаются где-то там, в парке, сенсоры движения засекут их, посчитав за дополнительных животных, — пояснил Арнольд, тоже глядя на карту. — Но я пока не вижу ни одной лишней точки.

— Почему эта процедура длится так долго? — спросил Геннаро.

— Понимаете, мистер Геннаро, в парке на самом деле очень много движущихся объектов и помимо животных — например, ветки деревьев, которые раскачиваются на ветру, или летающие где угодно птицы, или еще что-нибудь подобное, — ответил Арнольд. — Компьютеру приходится отделять всю фоновую подвижность от передвижений животных. Это может занять... О, вот и все! Подсчет завершен.

Геннаро спросил:

— Дети нашлись?

Арнольд повернулся в кресле и снова посмотрел на карту.

— Пока нет. На карте нет никаких неопознанных объектов. Все подсчитанные животные — динозавры. Наверное, дети и доктор Геннаро забрались высоко на дерево или еще куда-нибудь, где мы не можем их увидеть. Но беспокоиться пока не стоит. Некоторых животных датчики тоже пока не обнаружили. Например, большого Т-рекса. Скорее всего потому, что он спит где-нибудь и не движется. Возможно, люди тоже спят. Мы пока не можем этого узнать.

Малдун покачал головой.

— Нам лучше начать работы с тем, что имеем, — сказал он. — Надо отремонтировать ограждения и вернуть разбежавшихся животных обратно в вольеры. Насколько я могу судить по данным компьютера, надо загнать на место штук пять динозавров. Я прямо сейчас пойду поднимать команды рабочих.

Арнольд повернулся к Геннаро.

— Может быть, вы узнаете, как состояние доктора Малкольма? Попутно скажете Хардингу, что примерно через час он понадобится Малдуну, чтобы присмотреть за отловом животных. А я сообщу мистеру Хаммонду, что мы заканчиваем чистку компьютера.

Геннаро миновал железные ворота и через главный вход вошел в охотничий домик. Он сразу увидел Элли Саттлер, которая спускалась по лестнице, неся чистые полотенца и котелок горячей воды.

— Здесь кухня находится в другом конце здания, — сказала Элли. — Мы кипятили там воду для перевязок.

— Ну, как он там? — поинтересовался Геннаро.

— Как ни странно, довольно неплохо.

Геннаро прошел следом за Элли к комнате Малкольма и остановился на пороге, донельзя удивленный — из комнаты доносился громкий смех. Математик лежал в постели и беседовал с Хардингом, который мерил ему давление.

— А другой парень и говорит: «Знаешь, Билл, скажу тебе честно — мне это не нравится. Лучше я, как раньше, буду пользоваться туалетной бумагой!»

Хардинг засмеялся.

— Неплохо, правда? — сказал Малкольм, улыбаясь. — О, мистер Геннаро! Что, пришли меня проведать? Ну вот, теперь вы знаете, что случается, когда пытаешься «подбросить ногу»¹ в неподходящий момент. В смысле — что случается с ногой...

Геннаро неуверенно вошел в комнату.

Хардинг сказал:

— Я ввел ему очень большую дозу морфина.

— Можете мне поверить — недостаточно высокую, — перебил его Малкольм. — Господи, ну до чего он жадный, вы не представляете! Лекарства для меня жалеет! Ну что, остальных уже нашли?

— Пока нет. Не нашли, — ответил Геннаро. — Но я рад, что с вами все в порядке.

— И как это я могу быть не в порядке — со множественным смещенным переломом ноги, который и выглядит-то не особо аппетитно, да к тому же еще и пованивать начинает... э-э-э... довольно пикантно... Но я всегда говорил, если у человека еще сохранилось чувство юмора...

Геннаро улыбнулся.

— Вы помните, что с вами произошло?

— Конечно, помню! — сказал Малкольм. — Вы что, думаете, человек может забыть, как его покусал тиранозавр-рекс? Ну уж нет, это я вам точно говорю — такое останется в памяти до конца моих дней. В моем случае это, возможно, будет не такой уж долгий срок. И все-та-

¹ «Подбросить ногу» — устойчивое словосочетание, означает «оказать помощь». «Подбросить ногу» всаднику — значит помочь сесть на лошадь.

ки — да, я все прекрасно помню, до мельчайших подробностей.

И Малкольм рассказал, как выпрыгнул из вездехода и побежал под дождем в джунгли и как его настиг тиранозавр.

— Черт, я сам во всем виноват — я бросился бежать, хотя зверюга была слишком близко. Но я ударился в панику. Как бы то ни было, эта тварь меня схватила.

— Как? — спросил Геннаро.

— За корпус, — сказал Малкольм и приподнял рубашку. На туловище, от плеча до середины живота, широким полукругом тянулась цепочка воспаленных ран от зубов тиранозавра. — Он схватил меня, поднял в воздух, встряхнул — чертовски крепко, скажу я вам, — а потом просто отшвырнул в сторону. И со мной было все в порядке — я, конечно, до чертиков перепугался, но, как бы то ни было, я был почти цел, пока он не бросил меня на землю. Я сломал ногу, когда упал. А покусал он меня не очень-то и сильно, — Малкольм вздохнул. — По сравнению со всем остальным.

Хардинг сказал:

— У большинства крупных хищников челюсти не слишком сильные. Главная их сила — в мощной мускулатуре шеи. Хищник только захватывает и удерживает жертву челюстями, а треплет и разрывает ее в основном за счет движений шейных мышц. Но когда добыча такая маленькая, как доктор Малкольм, — по сравнению с тиранозавром, конечно, — хищник может только встряхивать ее и бросать.

— Боюсь, вы правы, — подтвердил Малкольм. — Не думаю, что я выжил бы после подобной потасовки, если бы этот здоровенный парень взялся за меня всерьез. Сказать по правде, он напал на меня чертовски неуклюже, словно не знал, как обращаться с дичью меньше автомобиля или, скажем, небольшого домика.

— Значит, вы считаете, что он напал на вас не всерьез? — спросил Геннаро.

— Мне больно об этом говорить, — ответил Малкольм. — Но, если быть честным, — нет, мне не казалось, что я целиком завладел его вниманием. Он меня, конесч

но, схватил. Но, в конце концов, он весит восемь тонн. А я — нет.

Геннаро повернулся к Хардингу.

— Они сейчас собираются ремонтировать ограждения. Арнольд сказал, что Малдуну понадобится ваша помощь при отлове животных.

— Хорошо, — кивнул головой ветеринар.

— Ну, раз уж вы уходите, то оставьте мне хотя бы доктора Саттлер и ампулку морфина, — попросил Малкольм. — И, поскольку у нас здесь пока не случился эффект Малкольма...

— Что это еще за эффект Малкольма? — спросил Геннаро.

— Скромность удерживает меня от объяснений подробностей явления, названного в мою честь, — математик снова вздохнул и закрыл глаза. В следующее мгновение Малкольм уже спал.

Элли вышла в коридор вместе с Геннаро.

— Не обманывайтесь относительно его состояния, — сказала она. — Он очень плох. Когда прилетит вертолет?

— Вертолет?

— Его ногу срочно нужно оперировать. Проследите, пожалуйста, чтобы они вызвали вертолет — Малкольма надо как можно скорее отвезти в клинику.

Парк

Портативный генератор фыркнул, чихнул, а потом зарокотал ровно и размеренно — и на верхушках телескопических штативов вспыхнули мощные кварцевые прожекторы. Малдун слышал, как неподалеку, всего в нескольких десятках метров к северу, журчит лесная река. Он повернулся к ремонтному фургону и увидел, что один из рабочих выносит оттуда большую бензопилу.

— Нет, пила здесь не нужна! Неси только веревки, Карлос. Обпиливать дерево не понадобится.

Малдун повернулся и снова посмотрел на изгородь. Они не сразу отыскивали место обрыва проводов, потому что изгородь была почти полностью скрыта выросшим вплотную к ней невысоким деревом, которое называлось

«протокарпус». В этой части парка росло огромное количество протокарпусов, специально высаженных вдоль ограждения — их раскидистые ветви с красивыми листьями закрывали от взглядов посетителей металлические прутья изгороди.

Но это конкретное дерево было привязано неизолированной металлической проволокой к металлическим же опорам. Во время бури проволока порвалась, железная опора повалилась на изгородь — и вызвала короткое замыкание в сети. Конечно, ничего подобного не должно было случиться. Рабочие из землеустроительных команд были обязаны использовать возле изгородей только керамические опоры и изолированную проволоку с пластиковым покрытием. И вот, пожалуйста, мы имеем то, что имеем.

Тем не менее работы здесь было не очень много. Предстояло только отвести все ветки дерева от ограждения, вбить на место металлическую опору и поручить землеустроительной команде, чтобы поутру эту опору заменили на керамическую. На все это уйдет не больше двадцати минут. И это очень хорошо, потому что Малдун не хотел надолго задерживаться здесь. Он знал, что дилофозавры всегда бродят где-нибудь неподалеку от лесной речки. И пускай ограждение отделяет рабочих от реки, эти дилофозавры запросто могут плюнуть прямо сквозь изгородь. А слюна у них ядовитая — от нее люди мгновенно слепнут.

Тут к Малдуну подошел один из работников, Рамон.

— Сеньор Малдун, вы видите фонари, вон там?

— Что за фонари?

Рамон указал на восток, в джунгли.

— Я увидел их, когда выходил из машины. Вон там, в лесу. Плохо видно, но все-таки видно. Похоже на фары машины, но они не движутся, стоят на месте. Видите?

Малдун прищурился и посмотрел в том направлении, которое указал работник. Скорее всего это просто отблеск прожекторов, освещающих парк. Ведь электричество снова включили.

— Давай разберемся с этим попозже, — сказал он. — А сейчас идите и убирайте дерево с изгороди.

Настроение у Арнольда было приподнятое. Парк почти вернулся к нормальному рабочему распорядку. Малдун ремонтирует изгороди. Хаммонд уехал с ветеринаром следить за отловом животных. Несмотря на усталость, Арнольд чувствовал себя великолепно. Он даже почти смирился с присутствием этого адвокатишки, Геннаро.

— Так, значит, вы обеспокоены эффектом Малкольма? — спросил он.

— Мне просто интересно, — отговорился Геннаро.

— То есть, вы хотите, чтобы я объяснил, в чем не прав Ян Малкольм?

— Да, объясните, пожалуйста.

Арнольд закурил очередную сигарету.

— Это чисто технический вопрос.

— Ничего, я постараюсь как-нибудь вникнуть.

— Ну, ладно... Теория хаоса описывает нелинейные системы. Сейчас эта теория получила чрезвычайно широкое распространение. Ее используют для объяснения всего на свете — от колебания цен на бирже до сердечных ритмов. Это очень модная теория. И ее пытаются применять ко всем сложным системам, которые могут повести себя непредсказуемо. Понятно?

— Да, вполне, — сказал Геннаро.

— Ян Малкольм — математик, специализирующийся именно на теории хаоса. У него довольно своеобразная внешность и манеры, но главное, чем он занимается, помимо того, что одевается в черную кожу, это использование компьютеров для моделирования поведения сложных систем. А Джону Хаммонду нравится все новые течения в науке, вот он и пригласил Малкольма, чтобы тот создал компьютерную модель системы парка юрского периода. И Малкольм ее сделал. Все модели Малкольма представляют собой конфигурации фазового пространства на мониторе компьютера. Вы их когда-нибудь видели?

— Нет, — ответил Геннаро.

— Ну, так с виду они напоминают дико перекрученный пропеллер самолета. Малкольм считает, что поведение любой сложной системы повторяет кривизну плоскости пропеллера. Понимаете?

— Не совсем...

Арнольд поднял руку.

— Предположим, я капнул воду на тыльную сторону ладони. И капля вот-вот стечет с моей руки. Она может покатиться к запястью, а может — к большому пальцу. Может и вообще стечь в щель между пальцами. Я не знаю наверняка, куда, в какую именно сторону покатится эта капля. Единственное, что я точно знаю, — она будет двигаться вдоль поверхности руки. Ей просто некуда больше деться.

— Ну да, конечно, — согласился Геннаро.

— Так вот, теория хаоса рассматривает поведение сложной системы как движение капли воды по сложной поверхности, напоминающей своей формой плоскость пропеллера. Капля может скатиться вниз по спирали, а может соскользнуть к краю плоскости. В зависимости от обстоятельств, она может вести себя как угодно. Но всегда, в любом случае, она будет перемещаться только вдоль поверхности пропеллера.

— Понятно.

— В моделях Малкольма обычно есть бороздка, или резкая впадина, при попадании в которую капля воды станет быстро наращивать скорость. И он очень скромно назвал это ускоренное движение «эффектом Малкольма». Если сработает этот эффект Малкольма, вся система может внезапно разрушиться. Именно такую судьбу Малкольм предсказал нашему парку юрского периода, потому что в системе парка изначально заложена внутренняя нестабильность.

— Значит, изначально заложенная нестабильность... — повторил Геннаро. — И что вы сделали, когда получили его отчет?

— Мы, конечно же, не согласились с ним и ничего не стали предпринимать, — ответил Арнольд.

— Разумно ли это?

— Это очевидно, — сказал Арнольд. — В конце концов, мы ведь имеем дело с реальными, живыми системами. Это настоящая жизнь, а не компьютерные модели.

Яркий кварцевый прожектор освещал зеленую голову гипсилофодонта, бессильно свесившуюся из ременной перевязи. Глаза животного помутнели, язык вывалился из пасти.

— Осторожней, осторожней! — крикнул Хаммонд, когда заработал кран и динозавра начали поднимать.

Хардинг хмыкнул и поправил перевязь, чтобы ремни не передавливали шею динозавра — не хватало еще, чтобы из-за этой ерунды нарушилась циркуляция крови в сонных артериях! Кран загудел, поднял животное в воздух и перенес на открытую платформу грузовика. Гипси — динозавр не очень больших размеров, два с чем-то метра в длину и весом около двухсот килограммов. Кожа у него темно-зеленая, с коричневыми пятнами неправильной формы. Дыхание этой самки было замедленным, но ровным, и в целом с ней как будто все было в порядке. Хардинг несколько минут назад выстрелил в нее дротиком с транквилизатором и, похоже, подобрал как раз необходимую дозу. Подбор дозировки транквилизатора для крупных животных — всегда очень сложная процедура, вычислить правильную дозу очень трудно. Дашь чуть меньше, чем надо, — животное убежит в лес и свалится где-нибудь в такой чаще, откуда его не достанешь, да прежде еще поди найди его там. А если передозируешь транквилизатор — у животного может случиться сердечный приступ. Эта самка гипси только прыгнула один раз в сторону и тут же повалилась на землю. Значит, доза была подобрана верно.

— Эй, полегче! Следите за ней! — кричал Хаммонд на рабочих.

— Мистер Хаммонд, прошу вас... — вмешался ветеринар.

— Нет, пусть обращаются с ней поосторожнее...

— Они и так обращаются с ней достаточно осторожно, — сказал Хардинг. Ветеринар вскарабкался на платформу грузовика, куда только что опустили сонную гипси, и закрепил животное удерживающими транспортными ремнями. Потом Хардинг пристегнул на шею динозавру специальные воротник со встроенным электрокардиографом, для контроля сердечной деятельности животного, достал большой электронный термометр толщиной с ножку индейки и сунул его в прямую кишку гипси. На экранчике появились цифры температуры: 35.7 градусов Цельсия.

— Ну, как там она? — капризно спросил Хаммонд.

— С ней все в порядке, — ответил ветеринар. — Температура снизилась всего на полтора градуса.

— Это слишком много. Слишком низко! — заявил старик.

— Вы же не хотите, чтобы она проснулась и прыгнула с грузовика? — резко отчеканил Хардинг.

Когда Хардингу предложили работать в парке юрского периода, он возглавлял ветеринарную службу в зоопарке Сан-Диего и был лучшим в мире специалистом по болезням птиц и уходу за ними. Его приглашали на консультации по содержанию экзотических пернатых в зоопарки всего мира — доктор Хардинг постоянно летал то в Европу, то в Индию, то в Японию. Поэтому он сначала не особенно заинтересовался предложением этого маленького старичка — тот предлагал место главного ветеринара в частном развлекательном парке с животными. Но когда Хардинг поподробнее ознакомился с тем, чем занимается Джон Хаммонд... Такую возможность нельзя было упускать. Хардинг имел склонность к теоретической стороне науки и не смог преодолеть искушения написать первую в мире книгу-учебник по ветеринарии, из раздела внутренних болезней животных: «Болезни динозавров». К концу двадцатого столетия ветеринарная медицина стала развиваться очень быстрыми темпами, в ней применялись самые новые научные методики и самое современное медицинское оборудование. Ветеринарные клиники больших зоопарков мало чем отличались от больниц, в которых лечились люди. Новые учебники по ветеринарии представляли собой только улучшенное переложение старых. И даже для специалиста мирового класса практически не осталось поля деятельности в области новых исследований и открытий. А тут появилась возможность первым ухаживать за целым классом новых животных — это было грандиозно!

И Хардинг еще ни разу не пожалел о своем решении. Он накопил огромный опыт работы с этими удивительными животными. И не желал теперь выслушивать от Хаммонда всякие дурацкие замечания.

Гипси зафыркала и задергалась в привязных ремнях. Но дыхание у нее по-прежнему было замедленным, глаз

ные рефлексy тоже пока не восстановились. Пора было перевозить ее в вольер.

— Все в машину! — крикнул Хардинг. — Давайте вернем эту девочку на место!

— Живые системы совсем не похожи на механические, — продолжал рассказывать Арнольд. — В живых системах нет устойчивого равновесия. Они заведомо нестабильны. Живые системы внешне могут казаться равновесными и стабильными, но на самом деле такого никогда не бывает. В жизни все постоянно движется и изменяется. В каком-то смысле живые системы постоянно находятся на грани катастрофы.

Геннаро нахмурил брови.

— Но ведь очень многое не меняется — например, температура тела и еще много всякого другого...

— Температура тела изменяется постоянно, — возразил Арнольд. — По-сто-ян-но! Она циклично меняется в течение суток — самая низкая температура бывает утром, самая высокая — днем. Изменяется она и при перепадах настроения, при болезни, при физических нагрузках, при еде, при перемене температуры окружающей среды. Показатели температуры тела постоянно колеблются — то вниз, то вверх. На графике это будет выглядеть как линия, которая вся состоит из мелких зубчиков, потому что в каждое мгновение на величину температуры воздействует множество разных факторов, одни из которых вызывают ее повышение, а другие — понижение. Температура человеческого тела — заведомо нестабильный показатель. Точно так же, как любое другое проявление деятельности живых систем.

— Значит, вы полагаете...

— Малкольм — всего лишь теоретик, — продолжал Арнольд. — Сидя в своем кабинете, он придумал красивую математическую модель явления, и ему невдомек, что то, что кажется дефектами в структуре модели, на самом деле является неизбежным свойством системы, заложенным самой ее природой. Слушайте, когда я работал на военной базе, с ракетами, у нас было такое понятие, как «резонансное отклонение». Резонансное отклонение про-

исходит, если ракета хоть чуть-чуть неплотно лежит в пусковой установке. Значит, дело безнадежное. Значит, эта ракета неминуемо выйдет из-под контроля и ее невозможно будет вернуть на правильный курс. Таково свойство механических систем. Небольшое отклонение от нормы начинает катастрофически нарастать, и вся система самоуничтожается. Но любой живой системе такие небольшие отклонения присущи изначально. Они на самом деле показывают, что система живет и реагирует на изменения окружающей среды. Малкольм никогда не понимал этого.

— Вы уверены, что он этого не понимает? Он как будто бы очень ясно описывал разницу между живым и неживым...

— Послушайте, — сказал Арнольд. — Доказательство — вот оно, перед нами, — он показал на мониторы. — Пройдет не больше часа, и в нашем парке снова все наладится. Единственное, с чем мне осталось разобраться, это телефонные линии. Они почему-то до сих пор не включились. Но все остальное снова работает как прежде. И это — не какая-то там теория. Это реальность.

Хардинг вогнал иглу глубоко в шею животного и ввел усыпленной самке динозавра порцию стимулятора. Животное, боком лежавшее на земле, почти сразу же начало приходить в себя — оно зафыркало и принялось сучить в воздухе мощными задними ногами.

— Все назад! — скомандовал ветеринар, быстро отступая от динозавра. — Отходите назад!

Самка гипси быстро поднялась на ноги и теперь стояла, покачиваясь, как пьяная. Она изогнула свою ящеричью шею и обвела мутным взглядом кучку людей, отошедших подальше от освещенных ярким светом кварцевых прожекторов.

— Она какая-то вялая, — обеспокоенно заметил Хаммонд.

— Это ненадолго. Скоро пройдет, — успокоил его ветеринар.

Динозавр кашлянул, повернулся и медленно побрел через поле подальше от света.

— Почему она не прыгает?

— Скоро запрыгает, — сказал Хардинг. — Она полностью оправится от действия лекарств только где-то через час. С ней все в порядке, — он повернулся к машине. — Хорошо, ребята, а теперь поехали, посмотрим, что там у нас со стегозавром.

Малдун следил, как в землю забивают последние колья. Проволочные растяжки туго натянуты, все ветви протокарпусового дерева приподняты и надежно отодвинуты от ограждения. На серебристых прутьях изгороди виднелись черные, закопченные отметины в тех местах, где произошло короткое замыкание. Несколько керамических изоляторов у основания изгороди растрескались от перепада напряжения. Их, конечно, надо будет заменить, но только когда Арнольд отключит ток во всем ограждении.

— Пульт управления! Это Малдун. Мы готовы. Когда начинать ремонт?

— Хорошо, тогда отключаю ваш сектор прямо сейчас, — сказал Арнольд.

Малдун глянул на часы. Где-то вдалеке послышалось негромкое уханье, похожее на крик филина. Но Малдун знал, что такие звуки издают дилофозавры. Он повернулся к Рамону и сказал:

— Заканчивайте с этим побыстрее. Нам надо еще осмотреть остальные поврежденные участки.

Миновал час. Дональд Геннаро смотрел, как вспыхивали и изменялись зеленые точки и цифры на карте парка.

— Ну, что у вас сейчас?

Арнольд работал за компьютером.

— Я пытаюсь наладить телефонную связь, чтобы можно было позвонить насчет Малкольма.

— Нет, я имею в виду — там, в парке.

Арнольд глянул на карту.

— Похоже, они закончили с перевозкой животных и уже починили две секции изгороди. Как я вам и говорил, парк снова под контролем. Без всяких катастрофических

«эффектов Малкольма». Собственно, остался только последний, третий участок поврежденного ограждения...

— Арнольд! — раздался из динамика голос Малдуна.

— Да?

— Вы видели эту чертову ограду?

— Минуточку...

На одном из мониторов появилось изображение, снятое с какой-то высокой точки, — широкое поле, поросшее густой травой, которая колыхалась на ветру. Вдалеке виднелось приземистое бетонное строение.

— Это служебное помещение в вольере травоядных динозавров, — пояснил адвокату Арнольд. — Мы используем его как склад для вспомогательного оборудования, запасов корма для животных и прочего. Такие склады разбросаны по всему парку, они имеются в каждом вольере, — видеоизображение на мониторе изменилось. — А теперь я поворачиваю следящую камеру, чтобы была видна изгородь...

Геннаро увидел стену из толстой металлической сетки, сверкающую в свете кварцевых прожекторов. Одна из секций сетчатой стены была выломана, сорвана с места и валялась на земле. Возле этого прорыва виднелся джип Малдуна и команда рабочих рядом с ним.

— Ого! — сказал Арнольд. — Похоже, большой рекс пробрался в вольер травоядных.

Малдун сказал:

— Веселенькая у нас выдалась ночь!

— Его нужно немедленно оттуда удалить! — забеспокоился Арнольд.

— И как, по-вашему, мы должны это делать? — спросил Малдун. — У нас нет с собой ничего такого, что может подействовать на рекса. Ограждение мы починим, но я не собираюсь переться в вольер — по крайней мере, пока не рассветет.

— Хаммонду это не понравится...

— Обсудим это, когда я вернусь, — сказал Малдун.

— Сколько травоядных динозавров может убить тиринозавр? — спросил Хаммонд, расхаживая по комнате, в которой находился пульт управления.

— Возможно, только одного, — сказал Хардинг. — Травоядные довольно крупные, рексу даже одной туши хватит на несколько дней.

— Мы должны туда поехать и забрать его прямо сейчас, — решил Хаммонд.

Малдун покачал головой.

— Ночью я туда не пойду.

Хаммонд стал раскачиваться с носка на пятку и обратно, как он всегда делал, когда был очень зол.

— Вы, наверно, забыли, что работаете на меня?

— Нет, мистер Хаммонд, я ничего не забыл. Но там, в вольере травоядных, бродит взрослый тиранозавр. Как, по-вашему, я должен его ловить?

— У нас есть винтовки с транквилизатором.

— Наши винтовки стреляют дротиками, в которых транквилизатора — всего двадцать кубиков, — напомнил Малдун. — Этого достаточно для животных весом сто пятьдесят-двести килограммов. А тиранозавр весит восемь тонн. Он этой дозы даже не почувствует.

— Но вы требовали от меня более мощного оружия...

— Вот именно, требовал, мистер Хаммонд. Я заказал три вида мощного оружия, но вы отказали, и я получил только одно. Да и то сейчас неизвестно где — оно пропало. Его увез с собой Недри.

— Глупость дичайшая! Кто допустил такое?

— Недри — это не моя забота, мистер Хаммонд, — сказал Малдун.

— То есть как, вы хотите сказать, что сейчас у нас нет никакой возможности остановить тиранозавра? — переспросил Хаммонд.

— Именно это я вам и говорю, — сказал Малдун.

— Но это же нелепо!

— Это ваш парк, мистер Хаммонд. Вы же так не хотели, чтобы кто-то мог причинить вред вашим любимым зверушкам! И вот, пожалуйста, — по вольеру травоядных свободно разгуливает тиранозавр, и мы ни черта не можем с этим поделать, — и Малдун вышел из комнаты.

— Минуточку... — проронил Хаммонд и поспешил следом за ним.

Геннаро смотрел на экраны мониторов и прислу-

шивался к жаркой перепалке в коридоре. Он сказал Арнольду:

— Вот видите — ситуация в парке все-таки вышла из-под контроля...

— Не надо себя обманывать, — возразил Арнольд и закурил очередную сигарету. — Парк работает нормально. И рассвет наступит всего через пару часов. Возможно, за ночь мы потеряем пару травоядных динозавров, пока не вернем рекса на место. Но, можете мне поверить, сам парк полностью у нас под контролем.

Рассвет

Грант внезапно проснулся от громкого скрежета и резкого металлического лязга. Он открыл глаза и увидел, как мимо проезжает на конвейерной ленте большой тюк сена — наверх, к самому потолку. За первым тюком следовало еще два. Скрежет и лязг прекратились так же внезапно, как начались, и в бетонном сарае снова воцарилась тишина.

Грант сладко зевнул, потянулся со сна, поморщился от боли в плече и сел.

Сквозь боковые окна пробивался мягкий желтоватый свет. Наступило утро — он проспал всю ночь! Алан быстро глянул на часы — было уже пять утра. Но у него все еще оставалось, по меньшей мере, шесть часов на то, чтобы успеть отозвать корабль, привозивший на остров припасы. Алан снова лег на спину и застонал. Голова раскалывалась от боли, все тело ныло, будто его побили камни. Откуда-то из-за угла донесся громкий писк, как будто скрипело плохо смазанное колесо. А потом засмеялась Лекс.

Грант медленно поднялся и получше осмотрел строение, этой ночью послужившее им укрытием. Теперь, при дневном свете, стало ясно, что это действительно нечто вроде служебного помещения, которое использовали как склад или сарай — здесь хранились тюки сена и другое оборудование. На одной из стен Алан заметил серый металлический ящик и трафаретную надпись: «Подсобное помещение. Травоядные. (04)». Значит, здесь и правда вольтер травоядных динозавров — как он и предполагал.

Алан открыл ящик и увидел телефон, но когда он поднял трубку, оказалось, что телефон не работает — в трубке слышалось только шипение и треск. Наверное, телефоны еще не отремонтировали.

— Жуй свою травку, — говорила Лекс. — Что ты сопишь, как поросенок, Ральф!

Грант прошел за угол и увидел Лекс. Девочка стояла у самой решетки и протягивала охапку сена животному, которое топталось снаружи, просунув голову внутрь сквозь прутья. Животное напоминало большую розовую свинью. Именно оно и издавало те скрипучие звуки, которые слышал Грант. Собственно, это был детеныш трицератопса размером примерно с пони. У детеныша еще не было рогов на голове, только изогнутый костяной ободок выступал позади больших ласковых глаз. Животное просунуло голову сквозь прутья напротив Лекс и смотрело на девочку, как будто выпрашивало у нее еще немножко вкусного сена.

— Вот так-то лучше! — сказала девочка. — Не бойся, сена здесь — просто завались! — Она похлопала маленького динозаврика по голове. — Ты ведь любишь сено, правда, Ральф?

Лекс обернулась и увидела Гранта.

— Это Ральф, — сообщила она. — Я с ним дружу. Он любит сено.

Грант подошел поближе и поморщился от боли.

— Вы что-то плоховато выглядите, — сказала Лекс.

— Я и чувствую себя плоховато.

— Тим тоже. Нос у него совсем распух.

— А где Тим?

— Пошел пописать. Хотите помочь мне накормить Ральфа?

Маленький трицератопс посмотрел на Гранта. Сено свисало у него по обеим сторонам рта и падало на землю, когда зверек жевал.

— Он такой неряха! Все рассыпает, когда кушает, — сообщила девочка. — И еще он очень голодный.

Детеныш дожевал пучок сена и облизал губы. А потом открыл рот в ожидании новой порции угощения. Грант увидел острые маленькие зубы и выступающую вперед

верхнюю челюсть, крючком загнутую вниз, словно клюв попугая.

— Хорошо, я сейчас, — сказала Лекс, собирая сено с бетонного пола. — Честно говоря, Ральф, можно подумывать, что твоя мама тебя вообще не кормит.

— А почему ты называешь его Ральфом? — спросил Грант.

— Потому что он похож на Ральфа. На одного мальчика из моей школы.

Грант подошел поближе и дотронулся до нежной кожи на шее животного.

— Пожалуйста, можете его погладить, — предложила девочка. — Ральфу нравится, когда его гладят, правда, Ральф?

Шкурка зверька была теплая и сухая, а на ощупь напоминала сшитую из отдельных кусочков кожи поверхность футбольного мяча. Ральф негромко попискивал, когда Грант его гладил — малышу явно нравились ласковые прикосновения. Его толстый хвостик мотался из стороны в сторону от удовольствия.

— Он совсем ручной! — радовалась девочка.

Ральф, пережевывая сено, переводил взгляд с Лекс на Гранта и, по всей видимости, совсем их не боялся. Глядя на маленького трицератопса, Грант вспомнил, что у динозавров нет никаких инстинктивно заложенных реакций на человека.

— Может, я даже покатаюсь на нём, — сказала Лекс.

— Лучше не надо.

— Спорим, он не станет брыкаться? Вот будет здорово — прокатиться верхом на динозавре!

Грант посмотрел сквозь решетку на широкие, поросшие травой поля вольера травоядных динозавров. С каждой минутой становилось все светлее. Алан подумал, что, наверное, придется выйти наружу и задействовать один из сенсоров движения, которые он заметил в поле. В конце концов люди на наблюдательном пульте обратят на него внимание и пошлют помощь. И уже примерно через час за ними приедут. А вообще, Алану очень не нравилось, что телефоны до сих пор не работали...

Откуда-то снаружи слышалось громкое фырканье — такие звуки могла издавать очень, очень большая

лошадь. Детеныш трицератопса сразу забеспокоился. Он попытался высунуть голову наружу, но зацепился гребешком за прутья решетки, застрял и принялся испуганно пищать.

Фыркание раздалось снова, на этот раз гораздо ближе.

Ральф изо всех сил упирался в землю задними ногами, стараясь высвободить голову из решетки. Малыш дергал головой то вперед, то назад, но никак не мог отцепиться от прутьев.

— Ну что ты, Ральф... Успокойся! — сказала Лекс.

— Надо вытолкнуть его наружу.

Грант подошел, взял маленького трицератопса за голову, чуть повернул ее и толкнул вперед и немного в сторону. Гребень малыша проскочил между прутьями, и трицератопсик, потеряв равновесие, повалился на бок. И тут малыша накрыла чья-то огромная тень, показалась массивная нога — толще, чем ствол большого дерева. На ноге было пять округлых ногтей, совсем как у слона.

Ральф посмотрел наверх и запищал. К нему опустилась голова длиной почти два метра, с тремя длинными белыми рогами — по одному над каждым из больших коричневых глаз и еще один, поменьше, на кончике носа. Это была голова взрослого трицератопса. Огромное животное уставилось на Гранта и Лекс, медленно моргнуло, а потом обратило все внимание на малыша Ральфа. Самка трицератопса высунула из пасти длинный язык и облизала детеныша. Осчастливленный Ральф довольно пискнул и стал тереться о громадную ногу.

— Это что, его мама? — спросила Лекс.

— По-видимому, да.

— А мы покормим и маму тоже?

Но большой трицератопс уже подтолкнул малыша носом, и оба они потопали прочь от решетки, в поля.

— Пока, Ральф! — закричала Лекс и помахала рукой вслед уходящим животным. Тут, наконец, вернулся Тим.

— Знаете, что? — сказал Грант. — Я сейчас пойду вон туда, на холм, и задействую детектор движения, чтобы на пульте управления узнали, где мы. А вы, ребята, оставайтесь здесь и ждите меня.

— Нет! — фыркнула Лекс.

— Почему? Вы ведь будете здесь, в домике. Здесь безопасно.

— Вы же не бросите нас, правда? — спросила девочка. — Скажи, Тимми!

— Да...

— Ну, хорошо, — согласился Грант.

Они все вместе протиснулись между прутьями решетки и выбрались наружу.

Вот-вот должно было взойти солнце.

Воздух был теплым и влажным, небо расцветилось мягко-розовыми и багровыми переливами красок. Низко над землей стелилась плотная пелена молочно-белого тумана. Вдалеке, посреди поля, Грант и дети увидели, как мама-трицератопсика со своим малышом неспешно направляется к стаду утоклювых хадрозавров, которые мирно паслись на краю поля у самого залива — объедали листву с молодых деревьев.

Некоторые хадрозавры стояли по колено в озере. В ровной, спокойной глади озера отражались их массивные тела. Животные наклоняли плоские головы к самой воде, пили, потом снова поднимали головы и покачивали клювами из стороны в сторону. Какой-то любопытный малыш отошел от взрослых, храбро подобрался к самой кромке воды, потом запищал и бросился обратно. Взрослые смотрели на малыша с одобрением.

Немного дальше еще одна группа хадрозавров поедала листву с нижних веток деревьев. Животные время от времени привставали на задние ноги, опираясь передними на древесные стволы, чтобы дотянуться до более высоких веток. Еще дальше над кронами деревьев возвышался гигантский апатозавр. Его небольшая голова на длинной шее медленно покачивалась. Вся эта картина казалась настолько мирной, что Гранту даже в голову не приходили мысли о близкой опасности.

— Ого! А это что такое? — воскликнула Лекс, показывая на двух гигантских красных стрекоз, которые с шумным низким жужжанием пронеслись в воздухе у них над головами. Размах крыльев у этих насекомых был больше полутора метров.

— Это стрекозы — такие обитали на Земле в юрском периоде. В те времена все насекомые были огромных размеров, — объяснил Грант.

— А они не кусаются? — спросила девочка.

— Скорее всего, нет.

Тим вытянул руку в сторону, и одна из гигантских стрекоз присела ему на ладонь. Весило это насекомое прилично.

— Ой, Тимми, она тебя сейчас укусит! — предупредила Лекс брата.

Но стрекоза только повела вверх-вниз прозрачными крыльями в красных прожилках и, едва Тим пошевелил рукой, сразу же взлетела в воздух.

— А куда мы пойдем? — спросила девочка.

— Вон туда.

Они пошли через поле и вскоре добрались до черной коробочки на массивной металлической подставке — это был ближайший к бетонному домику детектор движения. Грант помахал рукой перед датчиком, потом помахал с другой стороны коробки, но ничего не случилось. Если телефоны до сих пор неисправны, то, возможно, детекторы движения тоже пока не работают.

— Ничего, давайте попробуем еще раз, — сказал Грант и показал на другой детектор, на противоположном краю поля. И тут где-то в отдалении послышался устрашающий рев какого-то большого зверя.

— Вот черт! — выругался Арнольд. — Просто не могу найти эту штуку, и все тут! — Он отхлебнул кофе из чашки и замутненным взглядом уставился на экран. Ему пришлось отключить все видеомониторы, для того чтобы найти нужную компьютерную кодировку. Арнольд зверски устал за эту ночь — ведь ему пришлось работать двенадцать часов подряд. Инженер повернулся к Генри Ву, который как раз вернулся из лаборатории.

— Чего ты там не можешь найти? — спросил Ву.

— Телефоны так и не заработали. Я никак не могу их подключить. Наверное, чертов Недри сотворил с ними какую-то пакость.

Ву поднял телефонную трубку и послушал, как в ней шипит и потрескивает.

— Похожий звук бывает, когда работает модем.

— Но сейчас никакие модемы не работают! — сказал Арнольд. — Я сходил вниз и сам отключил все наши модемы. Ты слышишь обычный белый шум, который просто похож на звуки работающего модема.

— Выходит, все телефонные линии отключены?

— В общем-то, да. Недри здорово поработал — ни черта не включается. Он встроил в программные кодировки какой-то шифр, и телефоны переклинило, а я не могу найти эту дописку к коду, потому что восстановительная программа стерла все добавленные к программе строчки. Но, по-видимому, команда на отключение телефонов сделана наподобие резидентного вируса и до сих пор гуляет где-то в памяти компьютера.

Ву пожал плечами.

— Ну и что? Достаточно просто перезапустить компьютеры. Отключи систему — и можно будет почистить память.

— Я никогда раньше такого не делал, — признался Арнольд. — И мне что-то неохота пробовать. Может, конечно, после перезагрузки все системы включатся и заработают нормально, а может, и не заработают. Я не очень разбираюсь в компьютерах. Если честно, ты тоже в этом не спец. А без телефона мы никак не сможем посоветоваться с настоящими программистами.

— Если эта резидентная команда записана в операционную систему, ее и не должно быть видно в кодировке. Можно, конечно, залезть в программы операционной системы и поискать там, но мы даже толком не знаем, что искать. Поэтому остается единственный выход — перезагрузить компьютер.

В комнату влетел — буквально ворвался — Геннаро.

— Телефоны до сих пор не работают!

— Мы разбираемся с этим.

— Вы с полуночи с этим разбираетесь! А Малкольму становится все хуже. Ему нужна нормальная медицинская помощь!

— Значит, нам все-таки придется отключить компьютеры, — сказал Арнольд. — Но я не уверен, что после перезагрузки все опять будет работать нормально.

Геннаро сказал:

— Посудите сами — здесь, наверху, в гостинице лежит тяжело раненный человек. Если им не займется знающий врач — он умрет. А вызвать врача невозможно, пока не работают телефоны. Возможно, уже умерли еще четверо людей. Так что не раздумывайте — отключайте все, что надо, только пусть заработают телефоны!

Арнольд еще немного помедлил.

— Ну, что же вы? — спросил Геннаро.

— Да дело в том, что... Возможно, система безопасности не позволит отключить компьютеры, и...

— Значит, отключите ко всем чертям эту хренову систему безопасности! — взорвался Геннаро. — До вас что, не доходит? Если Малкольму не оказать помощь — он умрет!

— Ну, ладно... — смирился Арнольд.

Он встал и подошел к главному терминалу. Открыл дверцы и снял металлические накладки-предохранители с выключателей системы безопасности. Потом отключил их все, один за другим.

— Вы этого хотели — вы это получили, — сказал Арнольд.

И отключил главный рубильник.

На пульте управления стало темно. Все мониторы погасли. Трое мужчин стояли в темной комнате.

— И долго нам теперь ждать? — спросил Геннаро.

— Тридцать секунд, — ответил главный инженер.

— Фу-у-у! — сказала Лекс и сморщила носик. Дети с Грантом шли через поле.

— Что такое? — спросил Алан.

— Ну здесь и воняет! Как из протухшего мусорного бака, — пожаловалась девочка.

Грант встревожился. Он посмотрел через все поле на дальние деревья, выискивая какое-нибудь движение. Но не увидел ничего подозрительного — в джунглях вроде бы царило спокойствие. Даже ветер почти не шевелил листву. Раннее утро было таким тихим и мирным...

— Наверное, тебе просто показалось, — сказал он.

— А вот и нет...

И тут сзади, оттуда, где паслось стадо утоклювых хадрозавров, донесся тревожный трубный рев. Сначала затрубило одно животное, потом к нему присоединилось

второе, третье, остальные подхватили — и вот уже все стадо хадрозавров трубило сигнал тревоги. Хадрозавры явно забеспокоились — они поспешно повыскакивали из воды, принялись вертеть головами из стороны в сторону, нервно забегали по берегу, выстраиваясь кольцом так, чтобы детеныши оказались в середине — взрослые животные собрались защищать своих малышей...

«Значит, они тоже почуяли этот запах», — подумал Грант.

Тиранозавр с оглушительным ревом выскочил из зарослей возле озера, в полусотне метров от Гранта и детей. Хищник огромными прыжками помчался через поле. Людей он пока не заметил — все внимание тиранозавра было приковано к стаду хадрозавров.

— Я же говорила! — взвизгнула Лекс. — Вечно меня никто не слушает!

Хадрозавры затрубили еще громче и в испуге бросились бежать. Грант почувствовал, как задрожала земля от топота громадных животных.

— Бежим, ребята!

Грант подхватил Лекс на руки, и они с Тимом пустились бежать через заросшее высокой травой поле. Оглянувшись назад, Алан увидел, как тиранозавр стремительно несется к озеру, а травоядные хадрозавры, громко и протяжно трубя, размахивают длинными мощными хвостами, пытаясь защититься от нападения. Послышался треск ломающихся деревьев, шумный шелест листьев обломанных веток, и когда Алан еще раз обернулся, то увидел, как тиранозавр настиг свою жертву.

В темной комнате пульта управления Джон Арнольд смотрел на часы и ждал. Тридцать секунд прошло. Память, наверное, уже очистилась. Арнольд включил главный рубильник энергоснабжения компьютеров.

И ничего не произошло.

У Арнольда все внутри похолодело. Он щелкнул рубильником туда и обратно — выключил и снова включил. И снова ничего не произошло. На лбу у главного инженера выступил пот.

— В чем дело? — спросил Геннаро.

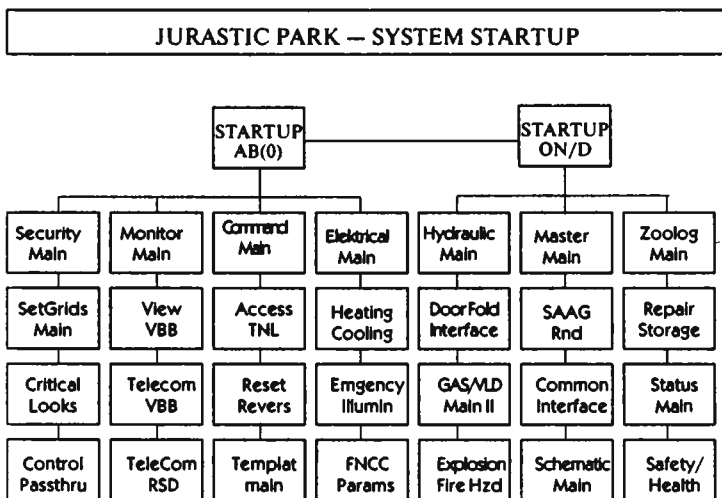
— Вот черт! — Арнольд только сейчас вспомнил, что перед тем, как включить компьютеры, необходимо заново подключить систему безопасности. Он перещелкнул в нужное положение все выключатели системы безопасности и снова прикрыл их предохранительными накладками. Потом перевел дыхание и еще раз дернул за рубильник.

В комнате зажегся свет.

Компьютеры запищали и начали перезагружаться.

Загудели видеомониторы.

— Слава богу! — проговорил Арнольд и поспешил к главному терминалу. На мониторе компьютера светилась схема:

Геннаро сразу же ухватился за телефонную трубку, но связи по-прежнему не было, телефон не работал. На этот раз в трубке не было слышно даже шипения и треска — вообще ничего.

— Эй, что за черт?!

— Погодите секундочку, — сказал Арнольд. — После перезагрузки все модули системы нужно подключать вручную, — и он быстро взялся за работу.

— Почему это вручную? — спросил Геннаро.

— Господи, да когда вы, наконец, дадите мне спокойно поработать?! — возмутился главный инженер.

Ву принялся объяснять:

— Эта система изначально не рассчитана на то, чтобы компьютер отключали и перезагружали. То есть, если питание все-таки отключилось — значит, где-то что-то вышло из строя. И, следовательно, нужно запускать каждый модуль системы вручную, по очереди, чтобы установить и ликвидировать причину неполадок. Если так не сделать, то загрузка всей системы застопорится на дефектном модуле — система автоматически отключится и снова начнет перезагрузку, потом, когда еще раз дойдет до неисправного модуля, снова отключится, и так далее, до бесконечности — получился бы замкнутый цикл отключений и перезагрузок.

— Ну все, поехали! — сказал Арнольд.

Геннаро поднял телефонную трубку и начал набирать номер, но вдруг замер, глядя на один из видеомониторов, и проговорил:

— Господи, вы только посмотрите, что там творится...

Но Арнольд его не слушал. Он как зачарованный смотрел на светящуюся карту, на которой несколько светящихся точек в районе озера внезапно начали быстро перемещаться — все в одном направлении. Светящиеся точки быстро кружились на месте, как будто попали в водоворот.

— Что происходит? — спросил Геннаро.

— Уткоклювы... — тихо ответил Арнольд. — Они от кого-то убегают...

Уткоклювы бежали на удивление быстро, тесно прижавшись друг к другу. Массивные животные сгрудились на бегу в плотную кучу. Взрослые хадрозавры громко ржали и трубили, детеныши пронзительно пищали и старались держаться подальше от огромных ног своих старших сородичей, чтобы их не растоптали. Несущееся по полке стадо хадрозавров подняло огромную тучу желтой пыли. Тиранозавра Грант не видел.

Хадрозавры мчались прямо на людей.

Держа Лекс под мышкой, Грант изо всех сил побежал

вместе с Тимом к скалистому выступу, на котором росло несколько высоких хвойных деревьев. Они бежали, а земля под ногами тряслась от топота гигантских животных. Рев приближавшихся динозавров оглушал, словно вой реактивных самолетов в аэропорту. Казалось, весь воздух превратился в сплошной рев, от которого заложило уши. Лекс что-то кричала, но Грант не слышал слов. Едва люди вбежали на холм, стадо хадрозавров их догнало. Вокруг Гранта и детей сомкнулись плотные ряды обезумевших от бега животных.

Мимо Алана промелькнули толстенные ноги динозавра, бежавшего впереди остальных, и сразу же вокруг стало темно от массивных тел — каждое животное весило около пяти тонн. Утконосы так плотно сбились в кучу, что за ними ничего нельзя было разглядеть. Перед глазами Гранта замелькало нагромождение тел — мимо проносились непомерно толстые конечности, массивные туловища... Животные крутились вокруг, как живой водоворот, сталкивались друг с другом и оглушительно ревели от боли и страха. Один утконос налетел на бегу на огромный валун — камень сорвался с места и покатился вниз по склону холма, куда-то в поле.

Сквозь плотную завесу желтой пыли совершенно не было видно, что делается внизу, под холмом. Грант и дети принялись карабкаться по валунам наверх, на вершину скального выступа. Хадрозавры ревели и трубили, где-то страшно рычал тиранозавр. Лекс больно впилась пальцами в плечо Гранта.

Какой-то хадрозавр с размаху ударился хвостом о скалу, оставив на поверхности камня кровавую полосу. Грант подождал, пока беснующееся стадо сместится немного левее, а потом подтолкнул детвору к самой большой сосне, и они начали быстро взбираться на дерево. Дети и Алан поспешно карабкались наверх, нащупывая руками ветки, а вокруг в клубах желтой пыли топотали огромные животные. Беглецы взобрались на высоту около шести метров, и тут Лекс намертво вцепилась в Гранта и отказалась лезть еще выше. Тим тоже устал, и Алан решил, что и на такой высоте они, наверное, будут в безопасности. В клубах пыли внизу мелькали толстые спины хадрозавров — животные оглушительно трубили и бегали

кругами по вершине холма. Грант поудобнее устроился на толстой ветке с шероховатой корой, закашлялся от пыли, потом закрыл глаза и стал ждать.

Когда стадо хадрозавров убежало, Арнольд получше настроил соответствующую наблюдательную камеру. Пыль постепенно оседала. Вот хадрозавры разбежались во все стороны, а тиранозавр остановился. Это могло означать только одно — хищник настиг свою добычу. Сейчас тиранозавр находился неподалеку от берега озера. Арнольд посмотрел на видеомонитор и сказал:

— Наверно, надо послать туда Малдуна... Пусть на месте посмотрит, насколько все плохо.

— Я скажу ему, чтоб отправлялся, — буркнул Геннаро и вышел из комнаты.

В парке

Послышался легкий, негромкий звук, похожий на потрескивание огня в очаге. Алан открыл глаза и увидел прямо перед собой громадную голову бежевого цвета. Голова заканчивалась плоским ртом, по форме напоминающим утиный клюв. Над этим утиным клювом выступали большие глаза, мягкие и добрые, словно у домашней коровы. Клюв раскрылся, и животное принялось объедать листву с мелких веток, совсем рядом с тем местом, где сидел Грант. Алан хорошо видел большие плоские зубы в утконосовой пасти. Животное пережевывало листья, время от времени прикасаясь к ноге Гранта теплыми, мягкими губами.

Это был утконосовый хадрозавр. Грант несказанно удивился, увидев его так близко. Не то чтобы Алан испугался этого динозавра — все известные виды утконосовых хадрозавров были травоядными, и этот экземпляр тоже вел себя в точности, как обычная корова. Несмотря на гигантские размеры животного, его поведение было таким спокойным и миролюбивым, что Грант ничуть не встревожился. Он остался сидеть на ветке, стараясь не шевелиться, и наблюдал, как животное ест.

Алан Грант удивился в основном потому, что живот-

ное показалось ему знакомым, почти родным — это наверняка был майязавр позднего мелового периода. Останки именно таких животных Грант раскапывал в штате Монтана. Алан Грант и Джон Хорнер были первыми учеными, подробно описавшими эту разновидность утконосовых хадрозавров. У майязавров уголки губ загибались кверху, отчего казалось, что животные все время улыбаются. Само название «майязавр» означало что-то вроде «добрая мама-ящерица». Считалось, что взрослые майязавры присматривают за своими яйцами и защищают детенышей, пока те не смогут сами о себе заботиться.

Грант услышал где-то под деревом требовательное чирканье, и огромная голова опустилась вниз. Алан немного передвинулся — ровно настолько, чтобы увидеть малыша-хадрозаврика, который бегал вокруг ног взрослого животного. Шкурка детеныша хадрозавра была темно-бежевая с черными пятнами. Взрослое животное опустило голову почти к самой земле и замерло в неподвижности, терпеливо ожидая, а малыш тем временем поднялся на задние лапы и, опираясь передними о мамину морду, стал объедать листья с веток, торчащих у нее из рта.

Мама-динозавриха спокойно подождала, пока малыш насытится. Потом маленький майязаврик опустился на все четыре ноги, а его мама снова подняла голову наверх, к тому месту, где сидел Грант.

Она опять принялась за еду — всего в нескольких сантиметрах от ног Алана. Грант с интересом рассматривал узкие, продолговатые дыхательные отверстия на верхней пластинке утиного клюва. Очевидно, хадрозавр не ощущал запаха людей. И, несмотря на то, что левый глаз животного уставился прямо на Гранта, хадрозавр почему-то никак на него не реагировал.

Алан вспомнил, что тиранозавр тоже потерял его из виду в прошлую ночь, и решил провести небольшой эксперимент.

Он кашлянул.

Хадрозавр мгновенно замер. Огромная голова застыла совершенно неподвижно, животное даже перестало жевать. Двигались только глаза — хадрозавр выискивал источник звука. Потом, несколько мгновений спустя, не об-

наружив никакой явной опасности, хадрозавр расслабился, успокоился и снова принялся за еду.

Потрясенный ученый задумался.

Сидевшая на соседней ветке Лекс проснулась, открыла глаза и сказала:

— Эй, а это еще что?!

Хадрозавр тревожно затрубил — так громко и неожиданно, что Лекс чуть не свалилась с ветки. Животное отдернуло голову от дерева и снова затрубило, подавая сигнал тревоги.

— Не пугай ее! — сказал Тим, который сидел над головой у Лекс.

Огромное животное отступило от дерева подальше. Малыш испуганно пискнул и спрятался между маминими ногами. А мама тем временем склонила голову и принялась подозрительно разглядывать ветки, на которых устроились Лекс и Грант. Из-за изогнутого, как будто в улыбке, клюва динозавр выглядел весьма потешно.

— Она что, онемела от страха? — спросила девочка.

— Нет, — сказал Грант. — Она просто удивилась. Ты закричала так неожиданно...

— Ну так что, даст она нам спуститься вниз, или как? — поинтересовалась Лекс.

Мама-хадрозавриха со своим малышом отошла от дерева метра на три и снова затрубила. Гранту показалось, что гигантская корова пытается их напугать. Но динозавриха как будто не знала, что делать дальше, и, похоже, немного растерялась. Какое-то время она топталась на месте, а потом ее голова снова показалась между ветками. Челюсти шевелились в предвкушении вкусной еды — животное определенно решило продолжить кормежку.

— Ну все! Я больше здесь не останусь! — сказала Лекс и принялась карабкаться вниз по веткам. Едва девочка двинулась с места, хадрозавр снова тревожно затрубил.

Грант не переставал удивляться. Он подумал, что животное, должно быть, совсем не видит людей, когда они сидят не шевелясь. И, скорее всего, хадрозавр совершенно забыл о них через какие-нибудь несколько минут. Точно так же вел себя тиранозавр — вот еще один классический пример особенностей зрения амфибий. При изуче-

нии поведения лягушек ученые установили, что амфибии замечают только движущиеся объекты — например, насекомых. А если что-то не движется — лягушки его практически совсем не видят. Выходит, такие же особенности зрения свойственны и динозаврам.

Как бы то ни было, на этот раз хадрозавр счел, что странные маленькие существа, которые карабкаются вниз по веткам дерева, могут оказаться небезопасными. Еще раз протрубив напоследок, мама-хадрозавриха неторопливо побрела подальше от дерева, подталкивая носом своего детеныша. Только один раз она остановилась, оглянулась на людей, а потом пошла дальше.

Тим, Лекс и Грант спустились на землю. Лекс принялась отряхивать с себя пыль. И она, и ее брат, и Алан Грант с ног до головы покрылись толстым слоем мелкой желтой пыли. Вся трава вокруг была истоптана ногами животных. Кое-где на земле виднелась кровь, пахло свежим навозом.

Грант посмотрел на часы и сказал:

— Нам пора идти, ребята.

— Нет! Я больше никуда не пойду! — заявила Лекс.

— Мы должны идти.

— Почему это?

— Потому что мы должны сообщить о том, что видели на корабле. И раз уж нас не обнаружили через детекторы движения, значит, придется добираться на базу своим ходом. Ничего другого не остается.

— А может, давайте поплывем на плоту? — предложил Тим.

— На каком плоту?

Тим показал на приземистый бетонный сарай с решетчатой дверью, в котором они прятались ночью. Сарай был всего в двух десятках метров отсюда, в поле.

— Я видел там плот, — сказал мальчик.

Грант сразу же оценил преимущества такого способа передвижения. Сейчас было семь часов утра. А им оставалось пройти еще около пятнадцати километров. Спустившись вниз по реке на плоту, они доберутся до базы гораздо быстрее, чем если пойдут пешком через поля.

— Пошли! — скомандовал Грант.

Арнольд запустил программу визуального поиска и стал смотреть, как на мониторах появляются разные виды парка. Видеоизображение менялось каждые две секунды. Смотреть на быстро мелькающие картинки было очень утомительно, но только таким способом можно было быстрее всего отыскать джип, который угнал Недри. И Малдун решительно потребовал именно такого поиска. Они с Геннаро отправились осматривать место панического бегства хадрозавров, но, поскольку было уже совсем светло, Малдун хотел, чтобы его джип, наконец, нашелся.

Включился интерком.

— Мистер Арнольд, можно перекинуться с вами словечком?

Это был Хаммонд. Его слова прозвучали, словно глас божий.

— Вы хотите прийти сюда, мистер Хаммонд?

— Нет, мистер Арнольд, — сказал Хаммонд. — Это вы приходите ко мне. Я в генетической лаборатории, вместе с доктором Ву. Мы вас ждем.

Арнольд вздохнул и отошел от мониторов.

Грант прошел в самую дальнюю, плохо освещенную часть бетонного сарая. Там были сложены пятигаллонные контейнеры с гербицидами, оборудование для опрыскивания деревьев, запасные покрышки для джипа, бухты проволоки для ограждений, четырехсоткилограммовые мешки с удобрениями, стопки коричневых керамических изоляторов, пустые канистры из-под бензина, рабочие фонари, провода и веревки.

— Что-то я не вижу никакого плота.

— Надо поискать еще...

Мешки с цементом, обрезки медной трубки, зеленая маскировочная сетка... И два пластиковых весла, висающие на крючьях, закрепленных в бетонной стене.

— Ну, хорошо, — сказал Грант. — Так где же все-таки плот?

— Он наверняка где-то здесь, — сказал Тим.

— То есть, ты что, не видел его?

— Нет. Но я увидел весла и решил, что плот тоже где-то здесь, — объяснил мальчик.

Порывшись еще какое-то время в сваленном в сарае оборудовании и снаряжении, Грант так и не нашел плота. Зато он обнаружил пачку топографических карт, скрученных в трубку и завернутых в пластик — чтобы не отсырели. Карты лежали в металлическом ящичке, прикрепленном к стене. Алан расстелил карты на бетонном полу, стряхнул с бумаги большого паука и принялся изучать местность. Он разглядывал карты довольно долго.

— Я проголодалась...

— Погоди минутку.

Это были очень подробные топографические карты центральной части острова — именно той, где они сейчас находились. Судя по карте, озеро сужалось и переходило в реку, которую они видели во время экскурсии. Речка изгибалась, поворачивала к северу... Потом протекала прямо через птичий вольтер... А оттуда до Гостевого центра оставалось всего около километра пути.

Алан перебрал листы карт. Как лучше всего добраться до озера? На карте было обозначено, что в этом сарае есть задняя дверца — в дальней стене. Грант присмотрелся и действительно нашел дверь, как раз в том месте, которое было указано на плане здания. Дверь была достаточно широкой — через нее свободно могла проехать машина. Когда Алан открыл дверь, то увидел мощенную камнем дорогу, спускавшуюся прямо к озеру. Дорога проходила немного ниже уровня земли, поэтому сверху ее не было видно. Очевидно, это была еще одна служебная дорога. И вела она к небольшой пристани на краю озера. А возле пристани виднелось маленькое строение с отчетливой трафаретной надписью: «ЛОДОЧНЫЙ САРАЙ».

— Эй! Смотрите, что я нашел! — сказал Тим и протянул Гранту плоский металлический ящичек.

Алан открыл ящик. Внутри оказался пневматический пистолет и матерчатый патронташ с дротиками. Дротики было шесть, на каждом надпись: «MORO-709».

— Полезная находка, Тим, — похвалил мальчишку Грант. Патронташ он перекинул через плечо, а пистолет сунул за брючный ремень.

— Это дротики с транквилизатором?

— Очевидно, да.

— Ну, что там с лодкой? — поинтересовалась Лекс.

— По-моему, она вон в том сарае, — сказал Грант.

И они пошли по дороге к пристани. Грант нес на плече весла.

— Надеюсь, этот плот достаточно большой, — сказала девочка. — Потому что плавать я не умею.

— Не волнуйся, — успокоил ее Грант.

— Может, мы поймаем какую-нибудь рыбу? — спросила Лекс и сморщила носик.

— Может, и поймаем, — ответил Алан.

По дороге они слышали какой-то ритмичный храп или фыркание, которое постепенно становилось все громче и громче. Но так же громко стрекотали цикады и жужжали мухи. И уже дойдя до конца дороги, подойдя к самому краю маленькой бетонной пристани, Грант увидел такое, что заставило его похолодеть от ужаса.

Там был тиранозавр.

Хищник сидел на земле в тени деревьев, вытянув вперед задние лапы. Глаза динозавра были открыты, но зверь не шевелился. Двигалась только его голова — медленно поднималась и опускалась каждый раз, когда динозавр всхрапывал. А так громко жужжали тучи мух, которые вились над тиранозавром, ползали по его морде, по запятнанным свежей кровью клыкам и когтям хищника и по красным, окровавленным остаткам недоеденной туши недавно убитого хадрозавра, которая валялась здесь же, рядом с тиранозавром.

Хищник был всего в каких-нибудь двадцати метрах от пристани. У Гранта появилось стойкое ощущение, что зверь его увидел, но, если и так, тиранозавр ничем этого не показал. Он просто сидел и время от времени похрапывал. Грант не сразу сообразил, в чем дело, — оказывается, тиранозавр спал. Сидел под деревом и спал.

Алан жестом велел Лекс и Тиму оставаться на месте, а сам медленно пошел к пристани, прямо на виду у тиранозавра. Огромное животное продолжало спать, негромко похрапывая.

Деревянный сарайчик у пристани был выкрашен в маскировочный зеленый цвет, — чтобы строение не выделялось на фоне листвы. Грант осторожно открыл дверь сарая и заглянул внутрь. На стене висело штук пять или шесть оранжевых спасательных жилетов, а на полу были

сложены несколько рулонов металлической сетки для ограждений, какие-то мотки веревки и два больших резиновых куба. Эти кубы были плотно обвязаны плоскими резиновыми ремнями.

Плоты!

Алан обернулся и посмотрел на Лекс.

Девочка одними губами прошептала:

— Лодки нет?

— Есть, — так же беззвучно ответил Грант.

Тиранозавр взмахнул передней лапой — зверь во сне отгонял назойливых мух, которые нахально вились вокруг его морды. Он отмахнулся от мух, но больше не шевелился. Грант вытащил один из кубов на пристань. Складной плот оказался на удивление тяжелым. Алан снял стягивающие резиновый куб ремни, отыскал баллон со сжатым воздухом... С громким шипением воздух начал наполнять баллоны плота, резиновый сверток стал быстро раздуваться, и вот, издав последний громкий хлопок, плот полностью развернулся на бетонных плитах причала. Алану этот звук показался кошмарно громким.

Грант обернулся и посмотрел на тиранозавра.

Ящер хрюкнул, всхрипнул чуть громче обычного и пошевелился. Грант приготовился бежать, но огромное животное только поворочалось немного и устроилось поудобнее, привалившись к стволу дерева. Тиранозавр раскрыл чудовищную пасть во всю ширину и издал рокошущий утробный звук — это была отрыжка.

Лекс с отвращением помахала перед носом рукой.

Грант весь покрылся потом от напряжения. Он подтащил плот к краю пристани и столкнул в озеро. Плот плюхнулся в воду с громким плеском.

Тиранозавр все не просыпался.

Алан привязал плот к причалу и вернулся в сарай, чтобы взять еще и пару спасательных жилетов. Он сложил спасжилеты на плот и махнул детям рукой, чтобы тоже шли на причал.

Лекс побледнела и замотала головой: «Нет!»

Грант жестом ответил: «Да!»

Тиранозавр спал.

Алан погрозил девочке пальцем, и Лекс тихонько подошла к нему. Тогда Алан знаками велел детям забираться

на плот. Они перелезли туда и надели спасательные жилеты. Тогда Грант тоже перебрался на плот и оттолкнулся от пристани. Плот медленно и беззвучно заскользил по озеру прочь от берега. Грант взял весла, закрепил их в резиновых уключинах и принялся грести, чтобы скорее убраться подальше от пристани.

Лекс села на дно плота и шумно вздохнула. А потом на лице девочки вдруг появилось испуганное выражение, и она крепко зажала рот ладонями. Тело девочки содрогнулось, послышались резкие, сдавленные звуки — Лекс изо всех сил сдерживала кашель.

Вечно она чихает, когда не надо!

Тим оглянулся на берег и свирепо прошептал:

— Лекс!

Она жалобно помотала головой и показала пальцем на шею. Тим понял, в чем дело, — у нее запершило в горле. Девчонке срочно нужно глотнуть воды. Грант был занят на веслах, поэтому Тим сам перегнулся через борт плота, зачерпнул в сложенные лодочкой ладони озерной воды и протянул воду сестренке.

Лекс больше не смогла сдерживаться и закашлялась. Тиму показалось, что ее громкий кашель раскатился над водной гладью, словно выстрелы из ружья.

Тиранозавр лениво зевнул и почесал себя за ухом задней ногой — совсем как собака. Снова зевнул, потянулся. Ящер отяжелел после недавнего сытного обеда, и потому поднялся с земли медленно и неспешно.

Лекс кашляла уже не так громко. В горле у нее как будто что-то булькало.

— Лекс, заткнись! — страшным шепотом проговорил Тим.

— Я не могу! — прошептала она в ответ и снова закашлялась. Грант греб изо всех сил, стараясь отогнать плот на самую середину озера.

Тиранозавр на берегу встал в полный рост.

— Я не могу остановиться, Тимми! — жалобно взвизгнула девчонка. — Ничего не могу с собой поделаться!

— Тише, ты! Тш-ш-ш-ш!..

Грант греб изо всех сил.

— И все равно, это уже не имеет значения, — сказала Лекс. — Мы уже далеко от берега. А плавать он не умеет.

— Ах ты, идиотка такая! Конечно же, он умеет плавать! — напустился на нее братец.

Тиранозавр на берегу прошелся по причалу и прыгнул в воду. И быстро поплыл на середину озера, к плоту.

— Ну откуда я знала? — захныкала Лекс.

— Все знают, что тиранозавры умеют плавать! Это во всех книжках написано! Вообще, все пресмыкающиеся умеют плавать!

— А змеи не умеют.

— Дура ты набитая! Умеют змеи плавать, еще как умеют!

— Сядьте на дно и за что-нибудь ухватитесь, — командовал Грант. Алан смотрел на плывущего тиранозавра — ученого интересовало, как ящер передвигается в воде. Вода доходила тиранозавру до середины груди, но животное как-то умудрялось держать голову довольно высоко над поверхностью озера. Тут Грант сообразил, что ящер вовсе не плывет, а идет по дну, потому что в следующее мгновение тиранозавр почти весь ушел под воду. Теперь над водой виднелась только верхняя часть головы — глаза и ноздри. Сейчас тиранозавр выглядел совсем как крокодил. И плыл он точно так же, как плавают крокодилы — загребая мощным хвостом из стороны в сторону, так что вода позади него вскипала бурунами. Грант увидел даже зубчатый гребень вдоль спины и хвоста, который время от времени показывался над поверхностью озера.

«Ну в точности крокодил, — подумал несчастный Грант. — Самый большой крокодил в мире».

— Простите, доктор Грант! — запричитала Лекс. — Я не нарочно! Я не хоте-е-ела!

Грант оглянулся через плечо. В этом месте озеро было не больше ста метров в ширину, и плот успел доплыть почти до самой середины. Если Алан снова начнет грести, то опять приблизится к берегу, на мелководье. В более мелкой воде тиранозавр снова сможет идти по дну и будет двигаться быстрее и свободнее. Грант развернул плот носом к северу и снова принялся грести.

— Что вы делаете?!

Тиранозавр был уже всего в нескольких метрах от плота. Грант слышал шумное сопение ящера, которое бы-

стро приближалось. Он глянул на весла — они были сделаны из легкого пластика и совсем не годились в качестве оружия.

Тиранозавр откинул голову назад и широко разинул пасть, продемонстрировав два ряда изогнутых острых зубов, а потом одним мощным рывком бросился на плот. Он совсем чуть-чуть не дотянулся до кормы резинового плотика. Огромная голова шлепнулась в воду, и плот на гребне поднявшейся волны отнесло немного вперед.

Тиранозавр нырнул под воду, оставив за собой только струйку пузырьков воздуха. Волны улеглись, поверхность озера снова стала ровной и гладкой. Лекс уцепилась за выступ на борту плотика и посмотрела назад.

— Он что, утонул?

— Нет, — коротко ответил Грант. Он увидел поднимающиеся к поверхности пузырьки воздуха... Потом по воде пробежала легкая рябь... Быстро приближаясь к плоту...

— Держитесь крепче! — крикнул Алан, и тут громадная голова динозавра врезалась снизу в дно плота. Плот накренился и подпрыгнул в воздух, а потом снова упал на воду. Всех, кто был на плоту, страшно потрянуло.

— Сделайте что-нибудь! — пронзительно завизжала Лекс. — Сделайте же что-нибудь!

Грант вытащил из-за пояса пневматический пистолет, зарядил отравленным дротиком. Оружие в его руках казалось смешным и жалким, слишком маленьким по сравнению с гигантским зверем. Но это был шанс. Если дротик попадет тиранозавру в какое-нибудь чувствительное место, например, в глаз или в нос...

Динозавр снова всплыл на поверхность рядом с плотом, открыл пасть и заревел. Грант прицелился и выстрелил. Дротик с транквилизатором свистнул в воздухе и вошел в шею ящера. Тиранозавр потрянул головой и снова заревел.

И тут, совершенно неожиданно, раздался ответный рев — откуда-то с берега.

Грант обернулся и увидел на берегу возле пристани молодого тиранозавра, который навис над остатками недоеденной туши хадрозавра и ревел, заявляя свои права на добычу. Молодой тиранозавр оторвал кусок мяса от

туши, потом поднял голову и снова заревел. Большой тиранозавр тоже это увидел и сразу же понял, в чем дело. Ящер мгновенно развернулся и быстро поплыл обратно к берегу, чтобы защитить свою добычу.

— Он уходит! — радостно взвизгнула девочка и захлопала в ладоши. — Уходит, уходит! Ля-ля-ля-ля-ля-ля! Безмозглое животное!

Молодой динозавр на берегу вызывающе ревел. Разъяренный взрослый тиранозавр на полной скорости выскочил из воды и помчался от пирса вверх по склону холма. Брызги воды летели во все стороны с огромного мокрого тела. Молодой тиранозавр, едва заведя более крупного, быстро пригнул голову и кинулся прочь, унося в зубах оторванный кусок мяса.

Большой тиранозавр помчался за ним вдогонку и, пробежав мимо останков туши хадрозавра, скрылся за гребнем холма. Вскоре над озером разнесся его последний устрашающий рев, а потом плот обогнул излучину озера и повернул на север, к реке.

Вконец измотанный греблей, Грант поднял весла из воды и откинулся назад. Грудь его быстро вздымалась и опускалась, он никак не мог отдышаться. Уставший донельзя, Алан лег на дно плота.

— С вами все в порядке, доктор Грант? — спросила Лекс.

— Надеюсь, теперь ты будешь в точности выполнять все, что я скажу?

— Ну, да-а-а... — сказала девочка и вздохнула — как будто Грант потребовал от нее чего-то совершенно невыполнимого. Потом Лекс опустила руку в воду и какое-то время сидела так.

— Вы больше не гребете, — сказала она.

— Я устал.

— Тогда почему мы до сих пор плывем вперед?

Грант сел и посмотрел на воду. Плот действительно двигался — все дальше и дальше на север.

— Наверное, нас несет течением.

Течение уносило их на север, к Гостевому центру. Грант взглянул на часы и с изумлением обнаружил, что сейчас только четверть восьмого. Последний раз он смот-

рел на часы всего пятнадцать минут назад. А кажется, что прошло добрых два часа.

Грант лег на ребристое резиновое дно плотa, закрыл глаза и заснул.

5. ПЯТОЕ ПОВТОРЕНИЕ

Потоки в системе становятся
все более выраженными.

Ян Малкольм

Поиски

Геннаро сидел в джипе, прислушивался к монотонному жужжанию мух и смотрел вдаль, на пальмовые деревья, которые медленно покачивались на теплом ветру. Его изумила картина, которую он увидел. Это походило на поле боя. Земля на сотню метров в любом направлении плотно утоптана, трава вокруг примята, деревья поломаны. Одна большая пальма даже вырвана с корнями из земли. Потоптанная трава во многих местах обильно сбрызнута свежей кровью, точно так же, как каменистый холм вон там, справа.

Малдун, который сидел рядом с Геннаро с бутылкой виски в руках, посмотрел на все это и сказал:

— Так, все ясно. Рексик ворвался в стадо хадрозанров, — Малдун отхлебнул еще немного из бутылки и заткнул горлышко пробкой. — Тут до хрена мух.

Они смотрели и ждали.

Геннаро побарабанил пальцами по приборной панели.

— А чего мы тут ждем?

Малдун ответил не сразу.

— Рекс шляется где-то неподалеку, — сказал он и, прищурившись, посмотрел на окружающие поля, залитые ярким утренним солнцем. — А у нас нет никакого стоящего оружия против этой твари.

— Но мы же в джипе!

— Этот ящер запросто догонит и перегонит любой джип, мистер Геннаро, — сказал Малдун и покачал голо-

вой. — Раз уж мы съехали с дороги и отправились в эти дикие места... На такой местности из нашего четырехколесного друга можно выжать не так уж много — от силы семьдесят-восемьдесят километров в час. Рекс легко нас догонит — даже не запыхается, — Малдун вздохнул. — Но я что-то не вижу здесь особой подвижности. Ну что, готовы вы к опасностям и приключениям?

— Готов, — отозвался Геннаро.

Малдун запустил мотор. Услышав внезапный шум, две небольшие отниелии высунули головы из густой травы прямо впереди по курсу машины. Малдун повел джип по широкому кольцу вокруг истоптанного пространства, потом повернул к середине и ездил кругами по сужающейся спирали, пока, наконец, не попал на то место, где они с Геннаро видели маленьких отниелий. Там Малдун остановил джип, вышел из машины, а дальше пошел пешком по примятой и спутанной траве. Когда он остановился, в воздух поднялся огромный рой мух.

— Ну, что там? — спросил Геннаро.

— Принесите мне рацию, — сказал Малдун.

Геннаро взял рацию, выбрался из машины и поспешил к тому месту, где стоял Малдун. Он издалека почуял противный сладковатый запах разлагающейся плоти. В густой траве виднелся темный силуэт лежащей на земле крупной туши с криво выгнутыми в стороны ногами, покрытой запекшейся кровью.

— Молодой хадрозавр, — определил Малдун, рассматривая труп животного. — Все стадо бросилось бежать, а этот молодой отстал, отделился от толпы — и Т-рекс его завалил.

— Откуда вы знаете? — спросил Геннаро. На туше хадрозавра виднелось множество следов от укусов.

— Это понятно по экскрементам. Видите вон там, в траве, кучку таких белых, как мел, комьев? Это нагадил хадрозавр. У них экскременты всегда белого цвета, из-за мочевой кислоты. А теперь посмотрите вон туда, — Малдун показал на другую кучу навоза, высотой примерно по колено рослому человеку. — Это наследил тиранозавр.

— А может, тиранозавр подошел позже?

— Да вы только гляньте на следы зубов, — сказал Малдун. — Видите вот эти маленькие полукружья? — он

показал на следы укусов на животе мертвого хадрозавра. — Это от отниелий. Видите, ранки не кровоточат? Значит, они нанесены уже после смерти животного. Их нанесли звери, которые питаются падалью, — отниелии. Но этот хадрозавр погиб явно от рваной раны на шее — видите, вот здесь, над плечевыми гребнями? И это определенно сделал Т-рекс.

Геннаро склонился над тушей. При виде неестественно выгнутых, растоптанных конечностей огромного животного у него появилось ощущение нереальности происходящего. А Малдун, стоя позади него, щелкал переключателем, настраивая рацию.

— Арнольд!

— Слушаю, — раздался в ответ голос Джона Арнольда.

— Мы нашли дохлого хадрозавра. Молодого, — он присел, разогнал мух и осмотрел клеймо на коже мертвого животного, в нижней части правой ноги. — Экземпляр номер ХД-09.

Рация затрещала, и Арнольд сказал:

— Я для тебя тоже кое-что нашел.

— Да ну? И что же?

— Я нашел Недри.

Джип прорвался сквозь заросли пальмовых деревьев, которые тянулись вдоль главной дороги, и выехал на узенькую служебную дорожку, ведущую к лесной реке. В этой части парка было очень жарко, со всех сторон дорогу обступали непроходимо густые, зловонные джунгли. Малдун вел машину, сверяясь с картой местности, которая светилась на встроенном в приборную панель мониторе бортового компьютера. Компьютер показывал карту этого участка парка и наложенную на нее сетку координат.

— Они нашли его через мониторы дистанционного наблюдения, — сказал Малдун. — В секторе 1104. Это прямо впереди нас.

Они проехали еще немного, и Геннаро увидел впереди бетонный вал и джип, припаркованный возле преграды, поперек дороги.

— Он, наверное, свернул не там, где надо, — предположил Малдун. — Вот говнюк!

— Что он увез? — спросил Геннаро.

— Ву говорит, что не хватает пятнадцати эмбрионов. Прикидываете, сколько это может стоить?

Геннаро покачал головой.

— Где-то от двух до десяти миллионов, — сказал Малдун и тоже покачал головой. — На мелочи он не разменивался.

Когда они подъехали ближе, Геннаро разглядел тело, лежащее возле машины. Тело было каким-то бесформенным и почему-то зеленого цвета. Но когда джип остановился возле него, от тела во все стороны разбежались маленькие зеленые фигурки.

— Компии, — сказал Малдун. — Выходит, до него добрались компии...

Полтора десятка прокомпсогнатусов, маленьких хрупких хищников размером не больше утки, остановились у кромки джунглей и, возбужденно стрекоча, уставились на людей, выбиравшихся из джипа.

Деннис Недри лежал животом кверху. Его толстошеекое мальчишеское лицо покраснело и вздулось. Над разинутым ртом и вывалившимся распухшим языком роились жирные зеленые мухи. Тело было сильно покалечено — живот распорот так, что внутренности вывалились наружу, одна нога отъедена напроочь. Геннаро быстро обернулся и посмотрел на маленьких компии, которые стояли совсем неподалеку, раскачиваясь на задних ногах, и с любопытством разглядывали людей. Геннаро заметил, что у этих маленьких динозавриков на конечностях по пять пальцев, как у человека. Зверьки ловко почесывали передними лапками свои мордочки, от чего жутковатое сходство с людьми только усиливалось, так что...

— Черт возьми! — вдруг сказал Малдун. — А ведь это проделали не компии!

— Что?

Малдун покачал головой.

— Видите вот эти пятна? На рубашке и на лице? От них идет такая противная сладковатая вонь, словно от высохшей блевотины...

Геннаро закатил глаза. Да, он ясно чувствовал этот отвратительный запах.

— Это слюна дилофозавра, — пояснил Малдун. — Дилофозавры ею плюются. Видите, у этого ублюдка повреждены глаза? Покраснели, налились кровью... Когда плевок дило попадает в глаза — это больно, но не смертельно. Конечно, придется пару часов промывать глаза антитоксином — у нас по всему парку есть запасы этой штуки, просто на всякий случай. Но этому мерзавцу они не помогли — дило ослепили его, а потом распорили ему брюхо. Да уж, не самая приятная смерть. Наверное, есть все-таки в мире справедливость.

Прокомпсогнатусы завершали и принялись подпрыгивать на месте, когда Малдун открыл заднюю дверцу джипа и взял с сиденья серую металлическую трубу и плоский футляр из нержавеющей стали.

— Все на месте, — сказал он и протянул Геннаро два темных цилиндрика.

— Что это такое? — спросил адвокат.

— Именно то, чем оно кажется. Ракеты, — Геннаро отступил назад и пошел обратно к машине.

Малдун сказал:

— Эй, смотрите, куда ступаете. А то еще споткнетесь или влезете во что-нибудь...

Геннаро аккуратно обошел тело Недри. Малдун отнес портативную ракетную установку ко второму джипу и положил на заднее сиденье. Потом сел за руль.

— Ну все, поехали!

— А как быть с ним? — спросил Геннаро, показывая на тело.

— Да никак! Нам с вами и без того есть чем заняться, — ответил Малдун и нажал на газ. Оглянувшись назад, Геннаро увидел, что маленькие зеленые компи уже продолжили пиршество. Один зверек прыгнул на лицо Недри и устроился прямо на губах, намереваясь закусить его носом...

Лесная река стала уже. Берега сошлись совсем близко, так что кроны деревьев, растущих вдоль реки, сомкнулись над водой и закрыли солнце. Тим слушал, как кричат птицы, и смотрел на маленьких динозавриков, которые сно

вали в ветвях деревьев и пронзительно верещали. Но эти звуки раздавались довольно редко, в остальное время в прибрежных джунглях стояла тишина. Под пологом густой листвы было жарко, воздух почти не двигался — не было ни ветерка.

Грант посмотрел на часы. Восемь утра.

Плот медленно скользил по глади реки, пятнистой от пробивающихся сквозь листву солнечных лучей. Как бы то ни было, Гранту казалось, что теперь они плывут даже быстрее, чем раньше. Спать Алану больше не хотелось, он лег на спину и принялся рассматривать ветви деревьев, нависающие над рекой. Краем глаза Алан заметил, как Лекс за чем-то потянулась к ветвям.

— Эй, ты что делаешь? — спросил он.

— Как вы думаете, их можно есть, вон те ягодки? — девчушка показала на деревья. Некоторые ветки нависали так низко, что до них без труда можно было дотянуться рукой. Тим тоже посмотрел и увидел на некоторых деревьях гроздьях ярко-красных ягод.

— Нельзя, — отрезал Грант.

— А почему-у? Эти маленькие динозаврики их едят! — девочка показала на мелких ящеров, которые быстро и ловко перебирались с ветки на ветку.

— Нельзя, Лекс.

Девочка вздохнула и надулась, обиженная таким строгим приказом.

— Вот бы папочка был с нами! — мечтательно сказала она. — Папочка всегда знает, что нужно делать.

— Да что ты такое мелешь! — возмутился Тим. — Он никогда не знал, что делать!

— А вот и знал... — со вздохом произнесла Лекс. Она смотрела на деревья, мимо которых они проплывали, на большие скрюченные корни, изгибавшиеся к самой воде. — Просто не ты был его любимчиком...

Тим отвернулся и ничего не ответил.

— Ну, ничего, не расстраивайся. Папочка и тебя тоже любит. Даже несмотря на то, что ты вечно копаешься в компьютере и совсем не занимаешься спортом.

— Наш папа — настоящий фанат спорта, — пояснил Тим Гранту.

Алан кивнул. Наверху, в кронах деревьев, маленькие

бледно-желтые динозаврики размером около полуметра легко перепрыгивали с ветки на ветку. У них были крючковые, загнутые вниз носы, похожие на клювы попугаев.

— Знаешь, Лекс, как называются эти малютки? Микроцератопсы, — сказал Тим.

— Экая важность!

— Я подумал, может, тебе интересно...

— Только очень маленькие мальчики интересуются динозаврами, — заявила сестренка.

— Это кто так говорит?

— Папочка.

Тим уже собрался наорать на нее, но тут Грант поднял руку и сказал:

— Дети! Тихо!

— Это почему? — заупрямилась Лекс. — Я могу делать все, что захочу, если...

И вдруг она замолчала на полуслове, потому что тоже услышала... Где-то впереди, ниже по течению реки, раздался ужасный крик, от которого кровь застывала в жилах.

— Ну, так где же этот чертов рекс? — спросил Малдун по рации. — Потому что мы его здесь не видим.

Они с Геннаро вернулись в вольер травоядных динозавров, чтобы осмотреть вытоптаный участок поля, по которому убегало стадо хадрозавров. Тиранозавра нигде не было видно.

— Сейчас проверю, — сказал Арнольд и отключился.

Малдун повернулся к Геннаро.

— Он сейчас проверит! — язвительно повторил охотник. — Какого черта он не проверил раньше? Какого черта он не следит за этой тварью? Чем он там вообще занимается?

— Не знаю, — ответил Геннаро.

— Его нигде не видно, — сообщил Арнольд.

— То есть как это — нигде не видно?

— На мониторах его нет. И детекторы движения его тоже не обнаруживают.

— Вот черт! — ругнулся Малдун. — Это уже слишком!

Что у нас за датчики движения такие? Вы еще не нашли Гранта и детей?

— Детекторы движения не обнаруживают и их тоже.

— Ну, так что мы теперь должны делать? — спросил Малдун.

— Ждать, — ответил Арнольд.

— Смотрите! Смотрите!

Прямо впереди возвышался величественный купол авиария. Раньше Грант видел это сооружение только издали и только теперь понял, насколько оно огромно — около четверти мили в диаметре, если не больше. Сквозь полупрозрачную пелену тумана тускло поблескивала сеть металлических опорных конструкций, и в первое мгновение Грант подумал, что стекло, наверное, должно весить не одну тонну. Но когда плот приблизился к грандиозному сооружению, Алан разглядел, что никакого стекла нет — только металлические распорки. А проемы между опорными конструкциями затянуты тонкой сеткой.

— Оно еще не достроено, — сказала Лекс.

— А по-моему, оно и должно быть таким открытым, как сейчас, — возразил Грант.

— Но ведь тогда все птицы поразлетаются кто куда.

— Нет, если это очень большие птицы, — сказал Грант.

Река принесла плотик к подножию гигантского сетчатого купола, а потом плотик проплыл под краем купола, внутрь. Алан и дети смотрели вверх, запрокинув головы. Плот плыл дальше, вниз по реке, теперь уже внутри купола. Через несколько минут стены авиария вознеслись так высоко, что их почти нельзя было разглядеть сквозь завесу тумана.

Грант сказал:

— Я припоминаю, что здесь как будто должна находиться вторая гостиница...

И вскоре они действительно увидели, что чуть дальше к северу над кронами деревьев возвышается крыша здания.

— Вы хотите здесь остановиться, доктор Грант? — спросил Тим.

— Может, где-нибудь здесь есть телефон. Или детекторы движения. — Грант повернул руль, направляя плот к берегу. — Мы должны попытаться — вдруг удастся выйти на связь с пультом управления. А то как бы не было поздно.

Все выбрались на берег, оскальзываясь на влажной земле, и Грант вытащил плот из воды. Потом он взял веревку, крепко привязал плот к дереву и отправился вместе с детьми к зданию через густые заросли пальмовых деревьев.

Авиарий

— Я никак не могу понять, в чем дело! — говорил Арнольд в трубку телефона. — Я нигде не могу найти ни рекса, ни Гранта с детьми!

Арнольд сидел за терминалом компьютера и пил кофе — не помня уже, какую по счету чашку. Все горизонтальные поверхности вокруг Арнольда и весь пульт управления были заставлены грязными бумажными тарелками с недоеденными сэндвичами. Арнольд зверски устал. Уже наступила суббота, восемь часов утра. Прошло четырнадцать часов с того момента, когда Недри испортил компьютерную систему, управлявшую работой парка юрского периода. Арнольд терпеливо и добросовестно подключал обратно все подсистемы и модули, один за другим.

— Все системы парка снова запущены и функционируют нормально. Телефоны работают. Я уже вызвал для вас доктора, — доложил он.

Малкольм на другом конце провода закашлялся. Он находился в своем гостиничном номере и разговаривал с Арнольдом по телефону.

— Значит, у вас проблемы с детекторами движения?

— Ну да — я не могу найти то, что ищу.

— Например, тиранозавра?

— Его сейчас вообще нигде не видно. Около двадцати минут назад он направился на север, вдоль берега озера, и пропал из виду. Я не понимаю, почему так случилось, разве что тиранозавр снова лег спать.

— А Гранта и детей вы тоже не можете найти? — спросил Малкольм.

— Да.

— Ну, по-моему, все очень просто. Ваши детекторы движения просматривают неправильные зоны.

— То есть как это — неправильные? — возмутился Арнольд. — Они проверяют девяносто два процента...

— Вот именно — только девяносто два процента площади парка. Я помню. Но если вы выведете на карту остальные восемь процентов, то, насколько я понимаю, получится, что все эти восемь процентов территории топологически взаимосвязаны — то есть каждый участок ненаблюдаемой территории переходит в другой такой же участок. Поэтому, скажем, животное может свободно перемещаться по всему парку, а вы не сможете его увидеть, если оно будет придерживаться служебных дорог или этой лесной реки, или пойдет по прибрежным зонам, или еще по каким-нибудь подобным местам.

— Пусть даже так, — сказал Арнольд. — Но только животные слишком глупы, у них не хватит соображения, чтобы это понять.

— Пока еще не совсем понятно, насколько сообразительны животные, — заметил Малкольм.

— Вы думаете, Грант и дети специально идут как раз по таким местам?

— Нет, конечно! Грант определенно не дурак, и он, конечно же, хочет, чтобы вы их обнаружили. Они наверняка размахивают руками перед каждым детектором движения, который встречается им на пути. Однако у них, очевидно, есть и некоторые другие проблемы, о которых нам ничего неизвестно. Или, может быть, они движутся по реке.

— Не могу себе представить, как можно идти вдоль реки? Там на берегах такие непролазные заросли, что пройти практически невозможно.

— А вообще можно добраться по реке прямо сюда?

— В принципе, да, но эта дорога очень опасна. Река протекает через авиарий...

— Почему авиарий не включен в экскурсию? — спросил Малкольм.

— У нас там возникли определенные трудности...

Вначале мы собирались устроить в авиарии вторую гостиницу для туристов, чтобы посетители парка могли наблюдать птеродактилей с той высоты, на которой они летают. Сейчас у нас в авиарии четыре птеродактиля — собственно, это так называемые церадактили, подвид птеродактилей, который питается в основном рыбой.

— И что с ними не так?

— Когда мы закончили постройку купола, то поместили птеродактилей туда, чтобы те привыкли к местности. Это была большая ошибка с нашей стороны. Оказалось, что эти ящеры-рыболовы строго блюдут свою территорию.

— То есть?

— Эти твари ревностно оберегают свою территорию от любых вторжений, — сказал Арнольд. — И они набрасываются на любое животное, которое забредает на помеченный ими участок.

— Они нападают?

— Да, и весьма впечатляюще, — ответил Арнольд. — Птеродактили взмывают под самый купол авиария, а потом складывают крылья и пикируют вниз. Пятнадцатикилограммовый ящер падает на человека, стоящего на земле, словно тонна кирпича. Рабочие теряли сознание и получали серьезные ранения.

— А сами птеродактили нормально переносили такие упражнения?

— Им ничего не делалось.

— Значит, если дети сейчас в авиарии...

— Их там нет, — сказал Арнольд. — По крайней мере, я надеюсь, что они не там.

— И это — гостиница? — спросила Лекс. — Да это какие-то развалины!

Гостиница в вольере птеродактилей была построена под куполом, высоко над землей. Здание стояло на высоких деревянных колоннах посреди рощи хвойных деревьев. Но эта гостиница явно была недоделана, даже не покрашена. В пустых оконных проемах не было ни стекол, ни даже рам. И здание, и деревья вокруг были заляпаны широкими потеками какой-то белой краски.

— Наверное, они еще не закончили здесь строители.

ство, — пояснил Грант детям, стараясь не выдать своей растерянности. — Что ж, пойдемте обратно к плоту.

Пока они шли, из-за деревьев выглянуло солнце и утро сразу стало казаться более приветливым. Грант смотрел на решетчатые тени, которые отбрасывали вознесенные на такую высоту строения. Потом он заметил, что земля и листва окрестных деревьев тоже залепаны такими же белыми потеками — это было определено то же самое белое вещество с примесью мела, что и на стенах строения. И только сейчас Алан обратил внимание на противный, крепкий запах, который пропитал здесь все вокруг.

— Ну тут и воняет! — сказала девочка. — А от чего эти белые кляксы?

— Похоже на испражнения рептилий. Или птиц.

— А почему не достроили гостиницу?

— Не знаю...

Они вышли на небольшую открытую полянку, поросшую невысокой травой. Кое-где в траве виднелись яркие венчики полевых цветов. И тут внезапно раздался долгий, протяжный свист. И сразу же прозвучал ответный свист, откуда-то из леса.

— Что это?

— Не знаю.

И тут Грант увидел на траве какую-то темную тень. Тень очень быстро неслась через полянку. В считанные секунды тень пронеслась над ними. Алан посмотрел вверх и увидел гигантскую темную фигуру, которая скользила в небе над лесом и загораживала солнце.

— Ого! Это что, птеродактиль? — спросила Лекс.

— Да, — ответил Тим.

Грант ничего не ответил. Его до глубины души потрясла невиданная картина — огромное крылатое создание, свободно и легко парящее в небесах. Птеродактиль свистнул еще раз, изящно развернулся на крыле и снова повернул в их сторону.

— И почему их не показывали на экскурсии? — удивился Тим.

Грант как раз думал о том же самом. Летающие динозавры были так прекрасны, так грациозны, когда они свободно и легко парили в небе над лесом. Грант все смотрел на небо — и вот там показался второй птеродактиль, потом — третий, четвертый.

— Наверное, потому, что гостиница здесь еще не достроена, — предположила Лекс.

Грант понял, что это не обычные птеродактили. Они слишком большие. Скорее всего, это церадактили, огромные крылатые рептилии раннего мелового периода. Когда они парили высоко в небе, то снизу казались похожими на небольшие самолеты. А когда птеродактили спустились пониже, Алан хорошо рассмотрел их перепончатые крылья с размахом не меньше четырех-пяти метров, покрытые густой шерстью тела и кожистые головы — совсем будто у крокодилов. Алан вспомнил, что церадактили питаются в основном рыбой. Их останки находили в Южной Америке и в Мексике.

Лекс ладонью прикрыла глаза от солнца и посмотрела на небо.

— А они ничего нам не сделают?

— Это вряд ли, — сказал Грант. — Эти ящеры питаются рыбой.

Один из птеродактилей заложил в полете вираж и пошел вниз по крутой спирали. Огромная темная тень со свистом пронеслась над головами людей, обдав их волной теплого воздуха и крепкого, застарелого, кисловатого запаха.

— Вау! Какие они громадные! — воскликнула Лекс. Потом еще раз спросила: — А они точно ничего нам не сделают?

— Не должны.

Второй птеродактиль тоже ринулся вниз — еще быстрее, чем первый. Он налетел спереди и пронесся почти над самой головой Гранта. Перед глазами Алана промелькнула зубастая пасть и покрытое мехом тело ящера. Птеродактиль напомнил ему гигантскую летучую мышь. И еще Алан поразился, насколько хрупкими кажутся эти существа. Огромные крылья — тонкие, полупрозрачные розоватые перепонки, растянутые на хрупких, изящных пальцах.

— Ой! — вскрикнула Лекс и схватилась руками за голову. — Оно меня укусило!

— Оно — что? — переспросил Грант.

— Оно меня укусило! Укусило! — Когда девочка отвела руку, Алан увидел, что ладонь у нее в крови.

А в вышине еще двое птеродактилей сложили крылья и с громким свистом устремились к земле.

— Бежим! — Грант схватил детей за руки, и они побежали через поляну, под прикрытие деревьев. Алан слышал быстро приближающийся свист, и в последнее мгновение бросился на землю и потянул за собой детей. А два птеродактиля, хлопая крыльями, с пронзительным свистом пронеслись над ними. Грант почувствовал, как острые когти крылатой рептилии вспороли рубашку у него на спине.

— Ой, фу-у-у! — с отвращением проронила Лекс. Алан повернул голову и увидел, что девочку с головы до ног обдало жидкой белой струей птичьих испражнений.

Грант поднялся на ноги.

— Бежим!

Он уже почти бросился бежать, и вдруг Лекс в ужасе пронзительно завизжала. Алан обернулся и увидел, что один из птеродактилей вцепился девочке в плечо когтистой задней лапой. Огромные кожистые крылья, полупрозрачные в дневном свете, оглушительно хлопали с обеих сторон от Лекс. Птеродактиль пытался подняться в воздух, но девочка оказалась слишком тяжелой для него. При каждой неудачной попытке взлететь крылатый динозавр яростно колотил девочку по голове своим длинным заостренным клювом.

Лекс дико визжала и размахивала над головой руками, отбиваясь от животного. Грант сделал единственное, что пришло ему в голову, — он с разбегу прыгнул на птеродактиля, сбив его на землю весом своего тела. Птеродактиль опрокинулся на спину, Алан придавил его покрытое пушистым мехом тело к земле. Животное пронзительно заверещало и забилось под ним. Алан пригнул голову, уворачиваясь от зубастой пасти ящера, и подался чуть назад, когда огромные крылья стали биться о его тело. Он как будто оказался внутри сорванного тента во время бури в пустыне. Алан ничего не видел, ничего не слышал — вокруг не было ничего, кроме пронзительного визга животного и хлопанья сильных кожистых крыльев. Когтистые задние лапы яростно рвали рубашку у него на груди. Лекс снова закричала. Грант оттолкнул от себя птеродактиля и откатился в сторону. Ящер заверещал еще

громче и принялся извиваться на земле, хлопая крыльями и пытаясь перевернуться со спины на живот. В конце концов ящер сложил крылья, как гигантская летучая мышь, и перекатился на бок, потом приподнялся на когтистых крылатых лапах и заковылял в сторону. Алан застыл в изумлении.

Птеродактили умеют ходить, опираясь на крылья! Значит, нелепые, как раньше казалось Алану, предположения Ледерера на самом деле верны! Но тут налетели другие птеродактили, у Алана закружилась голова, он пошатнулся и увидел, как Лекс убегает, подняв руки над головой... Тим закричал, что было сил...

Первый птеродактиль спикировал на девочку, она бросила в него чем-то, а ящер неожиданно присвистнул, подхватил это и взмыл вверх. Двое других птеродактилей тотчас же взлетели в небо, бросившись за ним вдогонку. Последний, четвертый, подпрыгнул и тоже взлетел, беспорядочно хлопая крыльями, и помчался догонять остальных. Грант следил за ними взглядом, пытаясь рассмотреть, что же там у них происходит. Трое птеродактилей гнались за первым и злобно верещали.

Алан и дети остались на поляне одни.

— Что случилось? — спросил Грант у девочки.

— Они забрали мою перчатку! — выкрикнула Лекс. — Мою «Даррил Стробери Специал»!

И они пошли дальше. Тим обнял сестренку за плечи.

— Ну как ты, нормально?

— Да, конечно, дурак ты этакий! — огрызнулась девочка и сбросила его руку с плеча. Потом посмотрела на носящихся по небу крылатых ящеров. — Хоть бы они подавились и сдохли!

— Точно! — согласился Тим.

Вскоре они увидели на берегу свой плот, привязанный к дереву. Грант посмотрел на часы. Половина девятого. В течение следующих двух с половиной часов обязательно надо добраться до людей.

Лекс заметно повеселела, когда плот снова проплыл под серебристыми металлическими опорами, и купол авиария остался позади. Берега речки сошлись еще ближе, кроны деревьев, росших вдоль реки, снова перепле

лись и закрыли небо. Теперь река стала совсем узкой, в некоторых местах ширина потока была не больше трех метров. Зато течение стало очень быстрым, и плот заметно набрал скорость. Лекс подняла руку и трогала проносящиеся над плотом низкие ветви.

Грант сидел на корме, положив голову на разогретый солнцем борт плота, и прислушивался к журчанию воды под ребристым резиновым днищем. Теперь они продвигались вперед гораздо быстрее, чем раньше. Ветки, нависающие над головой, стремительно проносились назад. Это создавало приятное ощущение скорости. Плот несся по реке так быстро, что лица пассажиров даже обдувал легкий ветерок, даря приятную прохладу в застоявшемся воздухе замкнутого пространства, ограниченного сомкнутыми над рекой древесными кронами. Кроме того — и это главное — теперь они должны доплыть до Гостевого центра гораздо быстрее, чем рассчитывал Алан.

Грант не имел ни малейшего понятия о том, насколько далеко они уже продвинулись по реке. Но сейчас плот наверняка уже на много километров отделился от бетонного домика в вольере травоядных, в котором они провели ночь. Может, километров на шесть, а то и на все восемь. Или даже больше. А значит, сейчас они находились примерно в часе ходьбы от гостиницы — если оставить плот и пойти пешком. Но после событий в авиарии Гранту не очень-то хотелось отходить далеко от реки. В конце концов, сейчас они довольно неплохо проводят время.

— А я вот думаю — как там мой Ральф? — сказала Лекс. — Вдруг он умер или с ним еще что-нибудь случилось?

— Уверен, с ним все в порядке, — откликнулся Грант.

— Я все думаю — разрешил бы он мне на себе покатасться? — Девочка вздохнула. На такой жаре ее стало клонить в сон. — Вот было бы здорово — поездить верхом на Ральфе!

Тим обратился к Алану.

— Помните разговор прошлой ночью, возле стегозавра?

— Ты о чем? Вообще-то, помню.

— Как вы догадались спросить про ДНК лягушек?

— Это все из-за проблемы размножения, — сказал

Грант. — Они никак не могли объяснить, почему динозавры сохранили способность размножаться даже после того, как их облучили, тем более что все особи здесь женского пола.

— Ну, да...

— Так вот, облучение — не очень надежная процедура для этой цели, и довольно часто эта методика не срабатывает. Вероятно, в данном случае так и получалось. Но оставалась еще одна проблема — ведь все динозавры в парке изначально были женского пола. Как могут они размножаться, если здесь только самки?

— Вот именно, — кивнул Тим.

— Так вот, в животном мире существуют подчас совершенно невероятные способы полового размножения.

— Тим у нас очень интересуется сексом, — вставила Лекс.

Ни Грант, ни Тим не обратили внимания на ее замечание. Алан продолжал рассказывать:

— Например, у некоторых животных половое размножение осуществляется совсем без того процесса, который мы обычно называем сексом. Мужская особь выделяет сперматофоры, которые содержат сперму, а спустя какое-то время самка просто подбирает такой сперматофор. Такой способ полового размножения не требует почти никакой разницы между мужскими и женскими особями, как мы к тому привыкли. Самцы и самки некоторых видов животных очень похожи и не отличаются друг от друга, как мужчины и женщины.

Тим кивнул.

— А как это происходит у лягушек?

И тут Грант внезапно услышал откуда-то сверху возбужденный стрекот микроцератопсов, которые вдруг бросились врассыпную, на бегу раскачивая ветки деревьев. Слева из переплетения веток высунулась громадная голова тиранозавра, и в следующее мгновение зубастые челюсти ящера щелкнули совсем рядом с бортом плота. Лекс завопила от страха, Грант схватился за весла и принялся лихорадочно грести, чтобы отогнать плот поближе к противоположному берегу. Но речка в этом месте была совсем узкой — всего около трех метров в ширину. А тиранозавр застрял в плотном переплетении ветвей — он дер

гал головой, мотал шеей из стороны в сторону, но ничего не получалось. Разъяренный ящер взревел и отдернул голову обратно.

Сквозь просветы в джунглях, с обеих сторон окружавших реку, они видели огромную темную фигуру тиранозавра, который продвигался на север и явно высматривал местечко, где можно было пробраться через прибрежные джунгли к реке. Все микроцератопсы перебрались на деревья противоположного берега и теперь тревожно верещали и прыгали с ветки на ветку. На плоту Грант, Тим и Лекс беспомощно смотрели, как тиранозавр снова попытался прорваться к воде через плотный заслон прибрежных джунглей. Но на берегах реки деревья росли слишком близко одно от другого, их ветви переплелись так, что даже тиранозавр не смог разорвать эту живую преграду. Тогда тиранозавр снова спустился вниз по течению, обогнал лодку, и, неистово раскачивая деревья, еще раз попробовал пробиться к воде.

И снова у него ничего не вышло.

Тогда ящер отошел в глубь леса и направился дальше на север, по течению реки.

— Ненавижу это животное! — сказала Лекс.

Грант, потрясенный до глубины души, оперся спиной о борт плотика. Если бы тиранозавр сумел прорваться сквозь деревья, Алан совершенно ничего не мог бы сделать, чтобы спасти себя и детей. Река была такой узкой, что даже плот едва помещался на ней. Они плыли сейчас внутри узкого полутемного тоннеля. На быстром течении резиновые борта плота раз за разом терлись о мокрую землю подступивших вплотную берегов.

Алан посмотрел на часы. Почти девять. Плот продолжал плыть по течению.

— Эй, слушайте! — сказала Лекс.

Впереди послышалось сердитое рычание и частое громкое уханье. Звуки доносились из-за поворота реки чуть ниже по течению от того места, где сейчас находился плот. Алан прислушался и снова услышал уханье.

— Что это? — спросила Лекс.

— Не знаю, — ответил Грант. — Но эти звуки издает явно не одно животное — их там несколько.

Он подгрел к дальнему от тиранозавра берегу и, ухва-

тившись за ветки, остановил плот. Снова раздалось недовольное, раздраженное рычание крупного зверя. Потом — снова многоголосое уханье.

— Похоже на крики целой стаи филинов, — сказал Тим.

Малкольм застонал.

— Еще не пора колоть мне морфин?

— Пока нет, — сказала Элли.

Малкольм вздохнул и спросил:

— Сколько у нас здесь воды?

— Не знаю... Вообще-то, здесь полно воды — из кра-на...

— Нет, я не то имею в виду. Сколько у нас запасено воды? Что, вообще нет запасов?

Элли пожала плечами.

— Нет.

— Тогда пройдите по комнатам на нашем этаже и наполните все ванны водой.

Элли нахмурилась.

— И еще, — продолжал Малкольм. — Есть у вас хоть пара раций типа уоки-токи? Фонарики? Спички? Запасы пищи? Ну, и остальное вроде этого.

— Я посмотрю, если хотите. Вы полагаете, здесь случится землетрясение?

— Да, что-то в этом духе, — ответил Малкольм. — Эффект Малкольма всегда порождает катастрофические последствия.

— Но Арнольд говорит, что все системы уже работают нормально.

— Как раз в такое время все и случается.

Элли сказала:

— Вы, похоже, не особенно высокого мнения об Арнольде, правда?

— С ним самим все в порядке. Он нормальный инженер. Ву — точно такой же. Они оба — техники. А следовательно, они просто не умеют правильно думать. И видят, и могут оценивать только непосредственные, самые доступные для понимания следствия каких-либо ситуаций. У них узкое мышление — сами они называют это «сосре-

доточенностью». А того, что творится вокруг, такие люди просто не замечают. И не замечают общих закономерностей. Потому и получаются острова вроде этого — именно из-за суженного мышления. Такая нелепость — создать животное и не предвидеть, что оно окажется настоящим и будет вести себя, как нормальное живое существо, а значит, непредсказуемо. Например, попытается сбежать на волю. Они просто не могут этого понять.

— А вам не кажется, что это общее свойство человеческой природы?

— О господи, конечно нет! — воскликнул Малкольм. — Это все равно что сказать, будто яичница с беконом на завтрак заложена в природе человека. Это совсем разные понятия. Просто таковы особенности западного воспитания, и во всем остальном мире людей просто тошнит от одной мысли об этом, — Малкольм скривился от боли. — Из-за этого морфина я что-то ударился в философию...

— Хотите воды?

— Нет, спасибо. Я расскажу вам о главной проблеме с инженерами и учеными. Ученые старательно нагородили огромную кучу всякого дерьма собачьего только для того, чтобы объяснить, как и почему они стремятся «постичь законы природы». Все это правдоподобно с виду, однако на самом деле ими движет совсем иное. Никто не станет стараться ради такой бессмысленной абстракции, как «поиск истины». На самом деле ученые всегда стремятся к каким-то достижениям. Они думают только о том, удастся ли им что-то совершить. И они почему-то никогда не задумываются — а стоит ли вообще совершать это «что-то»? Для собственного удобства они просто отмахиваются от таких вопросов, считая их несущественными и бессмысленными. Для них главное одно — если этого не сделают они, значит, сделает кто-то другой. Ученые почему-то свято верят в неизбежность научных открытий. И потому все они стараются совершить эти открытия первыми. Таковы у них правила игры. Даже открытия приверженцев чистой науки оказывают точно такое же агрессивное, разрушительное действие. Для того чтобы сделать открытие, необходима масса дорогого оборудования, а потом это открытие буквально переворачивает мир с ног

на голову. Ускорители элементарных частиц повреждают почву и оставляют массу радиоактивных отходов. Космонавты оставляют следы на Луне. Всегда и повсюду остается какой-нибудь след того, что здесь побывали ученые и сделали свои открытия. Любое открытие — это насилие над естеством природы. Всегда! Но ученые не могут иначе. Им необходимо во что-нибудь запускать свои инструменты. Им необходимо оставлять свои следы на всем, к чему они прикасаются. А просто наблюдать они не могут. Они не могут просто понимать явления и оценивать их по достоинству. Они не могут просто принять законы природы и следовать им. Им обязательно нужно сотворить что-нибудь неестественное! Таков удел ученых, и теперь у нас целые человеческие сообщества пытаются быть учеными... — Малкольм вздохнул и откинулся на подушки.

Элли сказала:

— По-моему, вы все-таки несколько преувеличиваете...

— Скажите, как выглядит через год место, где вы проводили раскопки?

— Весьма неприглядно, — признала Элли.

— Вы ведь не рекультивируете землю после раскопок, не высаживаете обратно растения?

— Нет.

— А почему?

Девушка пожала плечами.

— Наверное, на это просто не хватает денег...

— То есть денег едва хватает на раскопки, а на восстановление земель ничего не остается?

— Но мы же работаем только в пустынях...

— Да, это всего лишь пустыни... — сказал Малкольм и покачал головой. — Всего лишь мусор. Всего лишь отходы. Всего лишь побочные эффекты... Я хочу, чтобы вы поняли — ученых просто вполне устраивает такое положение вещей. Им нужен этот мусор, овраги, отходы, им нужны все эти побочные эффекты. У них просто такой способ самоутверждения. Это заложено в структуру самой науки, и постепенно это превращается в настоящее стихийное бедствие.

— Но в чем же выход?

— Избавиться от тех, кто страдает узостью мышления. Лишить их власти и влияния.

— Но тогда мы утратим все возможности...

— Да какие там возможности! — раздраженно воскликнул Малкольм. — Количество времени, которое женщины уделяют домашним хлопотам, не изменялось с тысяча девятьсот тридцатого года, несмотря на все технические новшества. Все эти вакуумные пылесосы, мойки-сушилки, прессователи мусора, удалители отходов, ткани, которые можно постирать и сразу надеть... Почему при всех этих усовершенствованиях у женщин уходит столько же времени на уборку дома, как во времена наших бабушек?

Элли спросила:

— Вы что, хотите повернуть время вспять?

— Нет, — ответил Малкольм. — Я хочу, чтобы люди, наконец, проснулись и открыли глаза. У человечества накопился четырехсотлетний опыт современных научных достижений, и нам уже пора бы научиться понимать, когда эти достижения хороши, а когда — нет. Пришло время нам всем измениться.

— Пока мы не уничтожили планету?

Малкольм вздохнул и закрыл глаза.

— О господи!.. Это-то как раз волнует меня меньше всего...

Грант медленно и осторожно продвигал плот вперед по темному тоннелю лесной реки, перехватываясь с одной ветки за другую. Звуки становились все слышнее. И вот, наконец, Алан увидел динозавров.

— Это те самые, которые плюются ядом? — тихо спросил Тим.

— Да, — ответил Алан. — Дилофозавры.

На берегу реки стояли два дилофозавра, каждый ростом около трех метров. На спинах шкура у них была пятнистая, черно-желтая. А животы дилофозавров были светло-зеленого цвета, словно у ящериц. По верху головы от глаз к носу тянулись два ярко-красных гребня, образуя нечто вроде выпуклой буквы V. Животные очень напоминали птиц, особенно тем, как двигались. Дилофозавры

наклонялись, чтобы попить воды из речки, а потом запрокидывали головы, чтобы проглотить воду — совсем как куры, и при этом издавали своеобразное сердитое уханье.

Лекс прошептала:

— Мы вылезем из лодки и пойдем по берегу?

Грант покачал головой. Дилофозавры гораздо меньше тиранозавров, они свободно могут пробраться через плотные прибрежные заросли. И, похоже, двигаются они достаточно быстро.

— Но мы же не сможем проплыть мимо них на лодке, — прошептала девочка. — Они же ядовитые!

— Придется все-таки как-нибудь проплыть... — сказал Грант.

Дилофозавры все так же то пили воду, то поднимали головы и ухали. Они как будто разыгрывали друг перед другом какое-то причудливое, многократно повторяющееся ритуальное действие. Животное, которое стояло справа, наклонялось к воде, широко открывало пасть, демонстрируя ровные ряды длинных острых зубов, и ухало. Стоявшее слева ухало в ответ, а потом тоже наклонялось, чтобы попить, во всех подробностях повторяя каждое движение первого дилофозавра. А потом вся последовательность действий повторялась снова точно таким же образом.

Грант обратил внимание на то, что животное, которое стояло справа, чуть поменьше ростом, и пятна у него на спине меньшего размера, и красные гребни на голове не такие яркие, как у второго...

— Черт возьми, да это же брачный танец! — догадался Алан.

— Мы сможем проплыть мимо них? — спросил Тим.

— Вряд ли, пока они стоят там, где стоят, — ответил Грант. — Они же сейчас у самой кромки воды.

Грант знал, что животные могут разыгрывать подобные брачные ритуалы в течение многих часов, обходясь без еды и совершенно не обращая внимания на то, что происходит вокруг... Он глянул на часы. Двадцать минут десятого.

— Так что же нам делать? — спросил Тим.

Грант вздохнул.

— Даже не знаю...

Он откинулся на толстый борт надувного плота, и тут дилофозавры внезапно прервали свой однообразный брачный танец, встревоженно затрубили и принялись угрожающе рычать — то вместе, то по очереди. Алан поднял голову, и увидел, что оба животных отвернулись от реки и внимательно смотрят куда-то в сторону.

— Что случилось? — спросила Лекс.

Грант улыбнулся.

— По-моему, нам, наконец, кто-то помог, — сказал он и оттолкнул плот от берега. — Так, дети, ложитесь на дно плота и не шевелитесь. Мы постараемся побыстрее проплыть мимо них. Но запомните хорошенько: что бы ни случилось, не вздумайте двигаться и ничего не говорите. Понятно?

Плот понесло вниз по течению, напрямик к ухажущим дилофозаврам. Он быстро набирал скорость. Лекс улеглась на дно у ног Гранта и уставилась на Алана широко раскрытыми от страха глазами. С каждой секундой они все ближе подплывали к дилофозаврам, которые по-прежнему смотрели куда-то в сторону, не обращая внимания на реку. Но на всякий случай Алан все же достал пневматический пистолет, проверил заряды и передвинул перевязь так, чтобы дротики было удобно вынимать.

Плот скользил все дальше вниз по течению. В воздухе стал чувствоваться специфический запах дилофозавров — сладковатый и при этом очень противный, какой-то тошнотворный, похожий на запах высохших рвотных масс. Уханье дилофозавров стало громче. Плот обогнул последний поворот реки, и Грант затаил дыхание. Дилофозавры стояли всего в паре метров отсюда и рычали на деревья по ту сторону реки.

Как Грант и подозревал, рычали они на тиранозавра. Громадный хищник снова пытался продраться через плотные прибрежные заросли, а дилофозавры ревели на него и яростно топали ногами по грязи. Плот скользил по реке мимо них. Тошнотворная вонь стала совершенно невыносимой. Разъяренный тиранозавр взревел — наверное, заметил плот. Но в следующее мгновение...

Бум!

Плот неожиданно резко остановился. Его прибило к берегу всего в нескольких метрах ниже по течению от того места, где стояли дилофозавры.

Лекс прошептала:

— Вляпались!

Послышался долгий царапающий звук — дно резинового плота терлось о плотный прибрежный ил. А потом плот снова поплыл. Его понесло вниз по течению, все дальше и дальше от дилофозавров. Тиранозавр в последний раз оглушительно взревел и убрался из зарослей. Один из дилофозавров удивленно проводил его взглядом, потом протяжно ухнул. Второй дилофозавр ухнул в ответ.

А плот несло все дальше вниз по течению.

Тиранозавр

Джип рвался вперед под палящим солнцем, подпрыгивая на ухабах. Малдун сидел за рулем, Геннаро — рядом. Они ехали не по дороге, а напрямик через поле. В сотне метров к востоку виднелась полоса густых, непроходимых зарослей пальмовых деревьев и всяческих кустарников, тянувшаяся вдоль берегов лесной реки. Джип подъехал к подножию холма. Здесь Малдун остановил машину.

— Черт, ну и жара! — сказал он, вытирая ладонью пот со лба. Малдун отхлебнул глоток виски из бутылки, которую держал между колен, потом предложил выпить Геннаро.

Геннаро пить не захотел. Он посмотрел на поля вокруг, над которыми подрагивало марево разогретого воздуха, потом перевел взгляд на бортовой компьютер и видеомонитор, встроенный в приборную панель джипа. Монитор показывал обычные виды парка, переданные с видеокамер дистанционного наблюдения. По-прежнему не было никаких признаков Гранта и детей. И тиранозавра.

Затрещала рация.

— Малдун!

Малдун взял микрофон и щелкнул переключателем.

— Слушаю!

— У вас бортовой монитор включен? Я нашел рекса. Он в секторе 442. Направляться в сектор 443.

— Погоди-ка... — сказал Малдун и поправил настройки видеомонитора. — Ага, я тоже его поймал. Идет вдоль реки... — Животное скользило среди листвы прибрежных зарослей, направляясь к северу.

— Вы там с ним поосторожнее! Просто обездвигьте его, и все.

— Спокойно, Джон! — ответил Малдун и прищурился от солнца. — Я не собираюсь его убивать.

— Не забывайте, тиранозавр — гвоздь нашего аттракциона для туристов! — напомнил Арнольд.

Малдун отключил рацию.

— Идиот недоделанный! Он до сих пор еще лепечет о каких-то туристах! — Малдун запустил мотор. — Ну что, поехали, догоним рексика и всадим ему дозу наркоты...

Джип взрыхлил колесами землю и рванул вперед.

— Вам ведь хочется это сделать, правда? — спросил Геннаро.

— Да, мне давно хотелось всадить иглу в этого ублюдка, — признался Малдун. — О, а вот и он!

Джип резко остановился. Через ветровое стекло Геннаро увидел тиранозавра — зверь был прямо впереди них. Он шел вдоль реки, пробираясь сквозь пальмовые заросли.

Малдун допил последнее виски, что оставалось в бутылке, и бросил пустую емкость на заднее сиденье. А потом потянулся за футляром с оружием. Геннаро смотрел на видеомонитор, который показывал их джип и тиранозавра. Наверное, следящая видеокамера расположена на одном из деревьев где-то позади машины.

— Нужна ваша помощь, — сказал Малдун. — Открой-те вон тот железный ящик, что у вас под ногами.

Геннаро вытащил из-под ног бронированный стальной чемоданчик фирмы Холлибуртон. Внутри контейнер был заполнен пористой пеной, в которую были заботливо уложены четыре стеклянных цилиндра, каждый размером с поллитровую молочную бутылку. На цилиндрах виднелись этикетки с надписью «MORO-709». Геннаро вынул один такой цилиндр.

— Обломите кончик ампулы и насадите на него иглу, — велел Малдун.

Геннаро нашел в контейнере пакет с огромными иглами — толщиной с палец взрослого мужчины. Он надел иглу на цилиндр, как ему и сказал Малдун. Вокруг противоположного конца цилиндра был приделан гибкий противовес-стабилизатор.

— Там внутри поршень, — объяснил Малдун. — Когда игла обо что-то ударяется, поршень автоматически выдавливает содержимое ампулы.

Малдун тем временем достал из футляра пневматическое ружье и положил себе на колени. Эта штука с толстым стволом из тяжелого серого металла показалась Геннаро похожей на базуку или портативную ракетную установку.

— А что такое «MORO-709»?

— Обычный транквилизатор для животных, — объяснил Малдун. — Его применяют во всех зоопарках мира. На первый раз попробуем всадить ему тысячу кубиков, — и он открыл затвор ружья. Камера для заряда была такой большой, что туда свободно можно было засунуть кулак. Малдун вставил цилиндр с иглой в зарядную камеру и защелкнул затвор.

— Тысячи кубов должно хватить, — сказал Малдун. — Слонам обычно всаживают по двести кубиков, но в слоне всего две-три тонны веса. А тиранозавр весит восемь тонн, и характер у него гораздо более злобный. На это тоже надо обращать внимание, когда подсчитываешь дозу.

— Почему? — поинтересовался Геннаро.

— Доза зависит отчасти от массы тела животного, отчасти — от его темперамента. Если вогнать одинаковую дозу семьсот девятого, скажем, слону, бегемоту и носорогу — слона эта доза надежно усыпит, он сразу заснет на месте и будет стоять, где стоял, как статуя. Бегемот только малость затормозится — станет сонливым, но по-прежнему будет двигаться. А вот носорог от той же дозы только разъярится и бросится в драку. Но, с другой стороны, если погоняться за носорогом на машине, он уже через пять минут свалится замертво от адреналинового шока. Какое странное сочетание мощи и хрупкости, правда?

Малдун медленно повел джип к реке, подбираясь поближе к тиранозавру.

— Но все они млекопитающие — и слоны, и носороги, и бегемоты... Мы хорошо знаем, как обходиться с млекопитающими. По всему миру полным-полно зоопарков, в которых содержат млекопитающих — львов, тигров, медведей, слонов. О рептилиях известно гораздо меньше... А о динозаврах вообще ничего не известно. Динозавры — совсем новые животные.

— Вы считаете их рептилиями? — спросил Геннаро.

— Нет, — ответил Малдун, переключая передачи. — Динозавров нельзя отнести ни к одному из известных классов животных, — он аккуратно объехал большой валун. — Вообще-то, насколько мы поняли, динозавры так же разнообразны, как современные млекопитающие. Некоторые из них милые и совсем ручные, а у некоторых характер злобный и очень вредный. Некоторые видят хорошо, некоторые — плохо. Одни — тупые, как пробка, а другие — очень и очень сообразительные.

— Как, например, рапторы? — подсказал Геннаро.

Малдун кивнул.

— Да, рапторы — очень умные твари. Очень умные. Можете мне поверить — все наши нынешние неприятности ни в какое сравнение не идут с тем, что мы поймали бы, если бы велоцирапторы выбрались из своего загона. Ага... Так, отсюда мы, похоже, сможем добраться до нашего рексика.

Тиранозавр впереди остановился, просунул голову сквозь листву и принялся высматривать что-то на реке. Потом попробовал пролезть через плотное переплетение веток, но ничего не получилось. Тогда ящер высунул голову из зарослей, прошел чуть дальше вниз по течению и снова попробовал прорваться к реке.

— Интересно, что он там высматривает? — сказал Геннаро.

— Кто его знает? Может, хочет добраться до микроце-ратопсов — это они прыгают по веткам там, на другом берегу, и так верещат. Забавно было бы посмотреть, как он будет за ними гоняться...

Малдун остановил джип примерно в полусотне мет-

ров от тиранозавра, развернул машину, но глушить мотор не стал.

— Пересаживайтесь за руль, — скомандовал он. — А на свое сиденье поставьте ящик с ампулами.

Потом Малдун взял еще один цилиндр с транквилизатором, положил его в нагрудный карман и вышел из машины.

Геннаро перебрался на водительское сиденье.

— А раньше вам часто приходилось такое делать?

Малдун хмыкнул.

— Ни разу! Попробую попасть ему в голову, сразу за слуховым отверстием. Посмотрим, как подействует оно оттуда. — Он отошел метров на десять от джипа и присел, опершись одним коленом о землю. Потом пристроил на плече толстенную трубку пневморужья, выдвинул телескопический прицел и стал целиться в тиранозавра, который пока не обращал на людей никакого внимания.

Геннаро увидел, как над пневматическим ружьем взвилось бледное облачко газа, в воздухе мелькнула белая полоска дротика и полетела к тиранозавру. Но больше ничего не произошло.

Тиранозавр медленно повернулся и с любопытством посмотрел в ту сторону, где стояла машина. Ящер поворачивал голову то одним боком, то другим, как будто разглядывал их левым и правым глазом по очереди.

Малдун положил пусковую установку на землю и зарядил второй ампулой с транквилизатором.

— Вы попали в него? — спросил Геннаро.

Малдун покачал головой.

— Промазал! Черт бы побрал эти лазерные прицелы... Гляньте, нет там в контейнере запасной батарейки?

— Чего-чего? — не понял Геннаро.

— Батарейки! Серая такая, размером с палец...

Геннаро склонился над открытым контейнером и стал искать батарейку. И тут джип затрясся, изображение на мониторе начало мигать. Батарейка все не находилась. Тиранозавр взревел. Геннаро ужаснулся. Это был совершенно кошмарный утробный рев, оглушительно громкий, от которого, казалось, содрогнулась вся земля. Геннаро сразу же выпрямился и схватился одной рукой за

руль, а другой — за рычаг переключения скоростей. По рации передали:

— Малдун! Это Арнольд. Немедленно убирайтесь отсюда! Уезжайте! Быстро!

— Я знаю, что делаю, — сказал Малдун.

Тиранозавр бросился к машине.

Малдун не двинулся с места. Не обращая внимания на чудовищное создание, которое неслось прямо на него, Малдун медленно и аккуратно поднял ружье, прицелился и выстрелил. И снова Геннаро увидел облачко белого дыма и белую полосу дротика с транквилизатором, которая вырвалась из ствола и полетела к животному.

И снова ничего не случилось. Тиранозавр ничуть не замедлил бега.

Только теперь Малдун вскочил на ноги и побежал к машине, крича на бегу:

— Гони! Гони!

Геннаро нажал на газ, машина рванула вперед. Малдун прямо на ходу вспрыгнул на подножку у задней двери джипа. Тиранозавр быстро приближался. Малдун открыл дверцу и забрался внутрь.

— Гони, черт тебя подери! Скорее!

Геннаро молчал и гнал машину прочь от страшного зверя, не разбирая дороги. Джип сильно подскакивал на рытвинах и ухабах, иногда передняя часть машины взлетала так высоко, что через лобовое стекло было видно только небо, но потом джип снова падал на колеса и снова летел вперед. Геннаро направлял машину к небольшой группе деревьев впереди и чуть слева. Он не отпускал педаль газа до тех пор, пока не увидел в зеркале заднего обзора, что тиранозавр остановился, заревел в последний раз и повернул обратно.

Тогда Геннаро поехал медленнее.

— Господи...

Малдун сокрушенно покачал головой.

— Могу поклясться — во второй раз я в него попал!

— А по-моему, вы снова промахнулись.

— Наверное, иголка отломалась раньше, чем сработал поршень...

— Признайтесь, вы все-таки промахнулись...

— Да... — сказал Малдун и тяжело вздохнул. — Я оба

раза промазал. В этом чертовом лазерном прицеле сели батарейки. Я сам виноват — не проверил их, хотя ружье целую ночь пропадало неизвестно где. Поехали обратно, возьмем новые заряды.

Джип повернул на север, к Гостевому центру. Малдун включил рацию.

— Эй, Арнольд!

— Да, я слушаю...

— Мы возвращаемся на базу.

Река стала теперь совсем узкой, с очень быстрым течением. С каждой минутой плот скользил по воде все быстрее и быстрее. Это уже чем-то напоминало аттракцион в увеселительном парке.

Лекс сидела, крепко держась за борт надувного плота, весело визжала и кричала:

— Ух ты! Быстрее, быстрее!

Грант, прищурившись, смотрел вперед. Река была все такой же темной, как раньше, но где-то далеко впереди виднелся яркий солнечный свет — очевидно, в том месте плотная завеса деревьев заканчивалась. Оттуда доносился какой-то низкий рокот. И река тоже как будто резко заканчивалась, обрывалась подозрительно ровной поперечной линией...

Плот все быстрее неся вперед.

Грант схватился за весла и принялся лихорадочно гребсти.

— Что случилось? — спросили дети.

— Там — водопад! — коротко объяснил Грант.

Плот вынырнул из темного тоннеля под ослепительно-яркий свет утреннего солнца и, подхваченный быстрым течением, стремительно понесся к краю водопада. Отсюда грохот падающей воды казался оглушительно громким. Алан греб, изо всех сил налегая на весла, но ему удалось только развернуть плот поперек течения — не более того. Река неумолимо сносила плот к водопаду.

Лекс вцепилась в Гранта и закричала:

— Я не умею плавать!

Алан заметил, что девочка к тому же еще и не застегнула свой спасательный жилет, но с этим уже ничего нельзя было сделать — на кошмарной скорости плот броси-

ло прямо к водопаду, и весь мир, казалось, превратился в сплошной грохот падающей воды. Грант быстрым рывком всадил весло глубоко в воду. Весло почти сразу же за что-то зацепилось. Грант налег на него всем весом, удерживая плот на месте. Быстрое течение швыряло резиновое суденышко из стороны в сторону, плот чудом держался на самом краю обрыва, но все-таки не падал. Грант, удерживая весло, заглянул через край водопада. Вода летела вниз с высоты не меньше пятнадцати метров в небольшое озерцо, бурлящее от падающих потоков.

А посредине бурного озерца стоял тиранозавр и явно кого-то поджидал.

Лекс в ужасе завопила, и в это мгновение плот крутануло течением и перевернуло. Задняя часть опрокинутого плота на миг зависла над обрывом, и Алана и детей швырнуло вниз, в воздух и ревущую воду. Грант раскинул руки, но схватил только воздух, а потом все вокруг внезапно замедлилось и наступила мертвая тишина.

Алану казалось, что он несколько бесконечных минут падал в пустоту. Он успел хорошо разглядеть малышку Лекс, которая летела рядом с ним, судорожно вцепившись в свой оранжевый спасжилет. Ему вполне хватило времени на то, чтобы рассмотреть Тима, который падал, глядя вниз, на дно. И на то, чтобы как следует разглядеть белую, пенистую стену водопада и бурлящие далеко внизу воды озера, к которым он медленно приближался в полном безмолвии.

А потом Алан почувствовал обжигающий хлопок и очутился в холодной воде, бурлящей от белых пузырьков воздуха. Алан изогнулся всем телом и вынырнул на поверхность. Его закрутило в стремительном потоке и понесло вниз по течению. Алан успел краем глаза заметить огромную ногу тиранозавра, мимо которой его пронесло течением. Грант быстро проплыл через небольшое озерцо и попал в вытекающий из озера поток. Он подплыл к берегу, попытался зацепиться за теплые, нагретые солнцем камни, но соскользнул обратно в воду. Тогда Алан попробовал ухватиться за низко свисающую к воде ветку — это ему удалось, и, наконец, он сумел выбраться из стремите-

льного потока. Кашляя и отхаркивая воду, Алан выполз животом на каменистый берег и обернулся как раз вовремя, чтобы заметить коричневый надувной резиновый плот, который промчался мимо него вниз по течению. Потом Грант заметил Тима. Мальчишка из последних сил боролся с течением, стараясь выгребсти к берегу. Алан протянул руку и подтащил паренька к себе, помог ему выбраться на берег.

Потом Алан снова повернул голову и посмотрел на водопад. И увидел, что тиранозавр стоит, опустив голову в воду прямо у своих ног. Огромное животное мотало головой, расплескивая в обе стороны целые тучи брызг. В зубах у тиранозавра что-то было.

Вскоре тиранозавр поднял голову и выпрямился во весь рост.

Из пасти у него свисал оранжевый спасжилет Лекс.

А в следующее мгновение сама Лекс вынырнула на поверхность чуть ниже по течению, совсем рядом с длинным хвостом тиранозавра. Девочка лежала на воде лицом вниз, река быстро уносила по течению ее неподвижное маленькое тело. Алан снова бросился в бурную реку и через несколько секунд уже вытаскивал девочку на камни. Тело Лекс безжизненно висело у него на руках. Лицо ее посерело, изо рта лилась вода.

Грант перевернул девочку на спину и уже собрался делать ей искусственное дыхание рот в рот, но тут Лекс дернулась всем телом и закашлялась. Потом ее вырвало желто-зеленой жижей, и девочка снова зашлась в кашле. Она открыла глаза и вяло улыбнулась.

— Привет! У нас получилось! — проронила она.

Тим заплакал. Лекс снова закашлялась и сказала:

— Эй, это еще что? Ты чего плачешь?

— Потому что!

— Мы о тебе беспокоились, — добавил Грант.

Вниз по течению проплыли мелкие клочья пенопласта — тиранозавр распотрошил спасательный жилет. Животное все еще стояло спиной к людям и высматривало их в водопаде. Но в любую минуту тиранозавр мог обернуться. Тогда он непременно их заметит...

— Дети, за мной! — скомандовал Грант.

— А куда мы пойдем? — кашляя, спросила Лекс.

— Пойдемте же! — Алан спешно искал хоть какое-нибудь укрытие. Внизу по течению реки виднелась только открытая равнина, заросшая невысокой травой — укрыться там было совершенно негде. А сверху по течению был динозавр. И вдруг Грант заметил на берегу узенькую тропинку, вытоптанную в грязи. Тропка тянулась вдоль реки и, похоже, вела к водопаду.

И на этой тропинке Алан разглядел отчетливые отпечатки обутых человеческих ног. Человек прошел по тропке в сторону водопада.

Тиранозавр, наконец, развернулся всем телом, зарычал и посмотрел вдаль, на травянистую равнину. До животного, похоже, дошло, что добыча и на этот раз от него ускользнула. И теперь тиранозавр высматривал их ниже по течению реки. Грант и дети припали к земле среди высоких папоротников, росших на берегу, и затаились. Потом Алан осторожно повел детей в сторону водопада.

— Куда мы идем? — тихо, шепотом спросила Лекс. — Мы же возвращаемся обратно!

— Знаю.

Они подошли к водопаду совсем близко. Шум падающей воды стал гораздо громче. Камни здесь были мокрыми и скользкими, дорожка совсем раскисла и превратилась в сплошную жидкую грязь. В воздухе вокруг водопада клубилось туманное марево мелких водяных брызг, из-за которого почти ничего не было видно. Они шли как будто сквозь облако. Дорожка, казалось, вела прямо в стену падающей воды, но когда они подошли ближе, то увидели, что на самом деле тропка огибает водопад и уходит куда-то в глубь скалы.

Тиранозавр по-прежнему озирает равнину ниже по течению. Теперь ящер стоял спиной к Алану и детям. Они поспешили вперед по тропинке и почти нырнули за водопад, когда Алан краем глаза заметил, что тиранозавр снова обернулся. Но теперь они уже совсем скрылись за водопадом, и Алан ничего не мог разглядеть через сверкающий серебристый полог водных струй.

Грант огляделся по сторонам и очень удивился. За стеной водопада оказалось небольшое свободное про-

странство размером примерно с чулан. И все это пространство было битком набито разными механизмами — электрическими насосами, фильтрами для воды и обрезками труб. Все было мокрое и холодное.

— Он нас заметил? — спросила Лекс. Девочке пришлось кричать изо всех сил, чтобы ее услышали за грохотом водопада. — Где мы? Что это за место? Он нас видел?

— погоди минутку! — прокричал в ответ Грант. Он стал осматривать сложное здесь оборудование. Это определенно была техника парковой службы. И здесь наверняка есть электричество, от которого это оборудование работает. А значит, где-нибудь здесь, возможно, найдется и телефон для связи с центром управления. Алан стал пробираться через груды фильтров и кусков труб к дальней стене этой необычной каморки.

— Что вы делаете? — спросила Лекс.

— Ищу телефон.

Часы показывали десять утра. Оставалось чуть больше часа на то, чтобы связаться с кораблем, прежде чем тот пристанет к берегу континента.

В дальней стене каморки Алан обнаружил металлическую дверь с табличкой: «Склад 04». Но эта дверь была надежно закрыта. Рядом с дверью Алан увидел прорезь для личной карточки служащего, с помощью которой, очевидно, и открывался замок на этой двери. Вдоль стены рядом с дверью стоял ряд металлических контейнеров. Алан открыл один, другой, третий, но внутри ящиков лежали только таймеры и запасные переключатели. Телефона не было. И ничего подходящего, чтобы открыть дверь.

Он едва не пропустил небольшой ящик на стене по левую сторону от двери. Алан открыл коробочку и обнаружил внутри панельку с девятью кнопками с цифрами. Кнопки были покрыты пятнами зеленоватой плесени. Но, похоже, это был единственный способ открыть дверь. У Алана почему-то сложилось стойкое убеждение, что по ту сторону двери обязательно найдется телефон. На дверце металлического ящика были нацарапаны четыре цифры — «1023». Грант последовательно нажал на кнопки с соответствующими цифрами.

И дверь с тихим шипением отъехала в сторону. За дверью открылся зияющий черный провал и бетонные ступе-

ни, ведущие куда-то вниз. На одной из стен Алан увидел трафаретную надпись «Подзарядка служебного транспорта. 04/22» и стрелку, указывающую вниз. Неужели там, внизу, действительно есть машина?

— Идите сюда, ребята!

— Не выдумывайте, доктор Грант! Я туда не пойду, — неожиданно заявила Лекс.

— Ну что ты, Лекс! Пойдем! — сказал Тим.

— Не пойду я туда! Там темно, нет света, и вообще... Нет, никуда я не пойду.

— Ну ладно, — сказал Грант. На споры и уговоры не было времени. — Ничего, я пойду сам. А вы оставайтесь здесь и ждите меня. Я скоро вернусь.

— А куда вы пойдете? — внезапно встревожившись, спросила девочка.

Грант прошел за дверь, в темноту. Раздался писк какой-то электроники, и вдруг дверь резко захлопнулась у него за спиной.

Грант очутился в кромешной темноте. Поборов беспокойство, Алан повернулся к двери и ощупал ее влажную поверхность. Дверь была совершенно гладкой — ни кнопок, ни ручки, ни замка. Тогда Алан стал тщательно ощупывать стены возле двери, надеясь отыскать выключатель, или пульт с кнопками, или хоть что-нибудь...

На стенах ничего не было.

Алан изо всех сил сдерживал накатившую волну страха, когда его пальцы, наконец, на что-то наткнулись. Это был небольшой металлический цилиндр. Алан пробежал пальцами по расширяющейся к одному концу поверхности, по гладкому плоскому кругу на торце... Фонарь! Алан включил фонарь. Луч света оказался на удивление мощным и ярким. Он еще раз осмотрел дверь, теперь подсвечивая себе фонарем, но так и не понял, как ее можно открыть с этой стороны. Значит, придется попросить, чтобы дети открыли дверь снаружи. А пока...

Грант подошел к бетонной лестнице. Ступени были влажными и скользкими от покрывающей бетон плесени. Алан осторожно двинулся вниз. Пройдя несколько шагов, он вдруг услышал где-то внизу тихое сопение и скрежет когтей по бетону. Алан достал пистолет с транквилизирующими дротиками и стал спускаться еще осторожнее.

Лестница поворачивала, и когда Алан зашел за угол, яркий свет фонаря отразился от какой-то гладкой плоскости. В следующее мгновение Алан ее разглядел. Машина! Это был небольшой электромобиль вроде тех, на которых переезжают с места на место во время игры в гольф. Машина стояла перед въездом в длинный подземный тоннель, вероятно, тянувшийся куда-то на много километров. Возле руля ярко светилась красная лампочка — значит, аккумуляторы машины заряжены.

Грант снова услышал сопение, где-то сзади. Он мгновенно развернулся, поднял фонарь и увидел светлую фигуру животного, которое поднялось на задние лапы и, разинув пасть, прыгнуло на него. Оно еще летело, когда Алан вскинул пистолет и выстрелил. Животное упало на него, сбilo с ног своим весом. Алан быстро перекатился в сторону. Луч фонарика бешено мотался из стороны в сторону. Но животное не поднялось, а осталось лежать, где упало. Рассмотрев его при свете фонаря, Алан дико расхохотался.

Это был велоцираптор, но совсем молоденький — не больше года. Животное было величиной с не очень крупную собаку — примерно шестьдесят сантиметров в холке. Молодой велоцираптор неподвижно лежал на бетонном полу и дышал медленно, с трудом. Из шеи под нижней челюстью торчал отравленный дротик. Алан подумал, что доза транквилизатора, наверное, слишком велика для такого малыша, и сразу же выдернул дротик из тела раптора. Велоцираптор посмотрел на него почти остекленевшим взглядом.

Алана не покидало стойкое ощущение, что маленькое существо разумно и не станет вредить ему без причины. Это весьма отличалось от слепой ярости взрослых рапторов, которых он видел в вольере... Алан погладил малыша-раптора по голове, стараясь его успокоить. Потом хорошенько рассмотрел его тело. Маленький раптор весь дрожал — наверное, из-за действия транквилизатора. И тут Грант заметил, что этот малыш — самец.

Маленький детеныш велоцираптора и к тому же — самец! У Алана не оставалось никаких сомнений относительно его происхождения. Этот велоцираптор родился на воле.

Взбудораженный своим открытием, Алан поспешил наверх по лестнице, обратно к двери. Подсвечивая себе фонариком, он внимательно обследовал совершенно гладкую поверхность двери и прилегающих к ней стен. Трогая руками дверь, Алан понял, что заперт и никак не сможет открыть дверь изнутри — разве что у детей хватит ума набрать код и открыть ее снаружи. Алан слышал их голоса по ту сторону двери — тихо и невнятно, но слышал.

— Доктор Грант! Доктор Грант! — кричала Лекс и колотила кулачками по двери.

— Да успокойся ты! Он скоро вернется, — сказал Тим.

— Но куда он пошел?

— Слушай, ты! Доктор Грант знает, что делает. Он вернется к нам через пару минут.

— Пускай он вернется прямо сейчас! — Девчонка уперла кулачки в бока и сердито топнула ножкой.

И в это мгновение сквозь завесу водопада внутрь с ревом просунулась голова тиранозавра.

Тим оцепенел от ужаса и, открыв рот, уставился на тиранозавра. Лекс дико взвизгнула и бросилась на землю. Голова тиранозавра повернулась из стороны в сторону и убралась обратно. Но Тим видел тень огромного зверя, падающую с той стороны на серебристую завесу водных струй.

Мальчик схватил сестренку за руку и потащил за собой в глубь маленькой пещерки. И тотчас же голова тиранозавра снова ворвалась внутрь, из кошмарной разинутой пасти высунулся огромный язык и быстро спрятался обратно. От головы во все стороны летели брызги воды. Потом тиранозавр снова убрал голову из-под водопада.

Лекс, дрожа от страха, всем телом прижалась к брату.

— Ненавижу это животное! — прошептала девочка. Она попробовала пробраться еще глубже в каменную нишу, но пещера была слишком маленькой и в ней повсюду стояло и лежало всякое оборудование, так что спрятаться здесь было негде.

Тиранозавр еще раз засунул голову в пещеру под водопадом, только на этот раз он двигался гораздо медленнее, и положил голову на пол пещерки. Ящер принялся ню-

хоть воздух, фыркая и широко раздувая ноздри. Его голова продвинулась под водную завесу недостаточно глубоко — глаза зверя находились по ту сторону водопада.

Тим подумал: «Он нас не видит. Он знает, что мы здесь, но не видит нас!»

А тиранозавр все принюхивался.

— Что он делает? — спросила Лекс.

— Тихо ты!

Тиранозавр издал долгий утробный рык и медленно разинул пасть. Оттуда высунулся толстый, мясистый язык чудовищных размеров — иссиня-черный, немного раздвоенный на кончике. Язык тиранозавра достигал почти полутора метров в длину и свободно дотягивался до дальней стенки пещеры. С противным царапаньем и скрежетом громадный язык прошелся по водным фильтрам. Тим и Лекс вжались в проем между трубами.

Тиранозавр медленно обшаривал пещерку языком. Черный язык двигался то вправо, то влево, влажно шлепая по гладким поверхностям механизмов. Раздвоенный кончик чуть изгибался и обвивался вокруг труб и клапанов, тщательно их ощупывая. Тим заметил, насколько подвижен и чувствителен этот огромный мускулистый язык — тиранозавр действовал языком, совсем как современный слон действует своим хоботом. Раздвоенный язык двинулся вдоль правой стенки пещеры, скользнул по ноге Лекс.

Девочка тихонько взвыла.

Язык тотчас же замер на месте, изогнулся, как змея, и начал медленно подниматься вверх вдоль тела девочки...

— Не шевелись! — прошептал Тим.

...мимо ее лица, потом вдоль плеча Тима, и, наконец, обвился вокруг головы мальчика. Тим крепко-накрепко зажмурил глаза, когда влажная, слюнявая мускулистая поверхность накрыла его лицо. Язык тиранозавра был горячим, от него сильно воняло мочой.

Тиранозавр обвил языком голову Тима и начал медленно, очень медленно подтягивать мальчика к разинутой пасти.

— Тимми... — прошептала насмерть перепуганная Лекс.

Тим не мог ей ответить — его рот и вся нижняя часть

лица были прикрыты черным языком тиранозавра. Мальчик все видел, но не мог говорить. Лекс потянула брата за руку.

— Давай же, Тимми!

Тиранозавр тащил мальчика к страшной разинутой пасти, к фыркающим ноздрям. Тим уже чувствовал кожей горячее дыхание зверя. Лекс вцепилась брату в руку и старалась оттащить его обратно, но у нее, конечно же, не хватало силенок, чтобы преодолеть мощь огромного животного, которое держало Тима крепко и отпускать явно не собиралось. Тим высвободил руку из хватки сестренки и попытался приподнять обеими руками сжимающее его мускулистое полукольцо языка, чтобы потом сбросить его со своей головы. Он не смог сдвинуть черный язык с места. Тогда мальчик изо всех сил уперся пятками в грязный земляной пол пещеры, но тиранозавр, по-видимому, даже не заметил его усилий и продолжал так же медленно, но верно затягивать мальчика себе в пасть. Лекс обхватила брата вокруг талии и принялась оттащить назад. Она что-то кричала, но Тим вдруг как-то разом обессилел и ничем не мог ей помочь. Тело мальчика безвольно обвисло, перед глазами у него поплыли цветные круги и звезды... На него накатила волна какого-то необычайного умиротворения, он безропотно покорился неизбежности и позволил тащить себя куда угодно...

— Тимми!

И вдруг язык неожиданно расслабился и соскользнул с головы мальчика. Тим был с ног до головы покрыт отвратительной, липкой, пенистой слюной. Язык тиранозавра расслабился и упал прямо в грязь. Гигантские челюсти захлопнулись, прикусив его высунутый кончик. Из ран хлынула темная горячая кровь, полилась на землю и смешалась с жидкой грязью. Но ноздри огромного ящера по-прежнему мерно раздувались в такт тяжелому дыханию.

— Что он делает? — закричала Лекс.

И тут голова ящера медленно, очень медленно заскользила назад, оставляя на грязном полу пещерки длинную глубокую борозду. Наконец голова тиранозавра совсем вынырнула из пещеры. Выход из пещеры снова заслонила сверкающая серебристая стена водопада.

Пульт управления

— Ну все, порядок! — сказал Арнольд. — И с рексом мы, наконец, разделались, — главный инженер откинулся в кресле и довольно улыбнулся. Закурил последнюю сигарету и смял пачку. Все, конец, сделан последний шаг, парк вот-вот полностью вернется в нормальное состояние. Осталось только поехать туда и перевезти тиранозавра в его вольер.

— Вот сукин сын! — воскликнул Малдун, глядя на монитор. — А ведь я его таки достал! — Он повернулся к Геннаро. — Только проклятой зверюге понадобился целый час, чтобы это прочувствовать.

Генри Ву нахмурился, глядя на экран.

— Но в таком положении он может захлебнуться и утонуть...

— Черта с два он утонет, — возразил Малдун. — Никогда не видел зверя, которого так трудно убить.

— Я считаю, что нам надо выехать туда и возвратить животное на место, — сказал Арнольд.

— Мы так и сделаем... — согласился Малдун, но без особого воодушевления.

— Это очень ценное животное!

— Знаю, что ценное, — проворчал Малдун.

Арнольд повернулся к Геннаро. Его переполняло радостное ощущение полного триумфа.

— Ну, что я вам говорил? Парк вновь функционирует абсолютно нормально! Что бы там ни предсказывал Малкольм со своими математическими моделями, мы снова держим весь парк под контролем!

Геннаро показал на монитор за спиной у Арнольда и спросил:

— А это что такое?

Арнольд повернулся. Это была ячейка показателей состояния системы, в верхнем углу монитора. Обычно эта ячейка пустовала. Арнольд очень удивился, увидев, что сейчас на квадратике в углу экрана мигает желтая надпись: «Аварийный блок питания почти исчерпан!» Сперва он даже не понял, что означает эта надпись. Почему это аварийный блок питания должен быть исчерпан? Ведь система подключена к обычному, а не к аварийному источ-

нику энергоснабжения. Арнольд подумал, что это, наверное, обычная проверка состояния дополнительного источника энергии, как, например, проверка уровня горючего или остатка энергии в аккумуляторах...

— Генри! Посмотри сюда, — Арнольд подозвал Генри Ву.

Ву спросил:

— Почему ты подключился к аварийному аккумулятору?

— Я не подключался...

— Судя по всему, ты туда все-таки подключился.

— Не понимаю, в чем дело... Как такое могло случиться? — опешил Арнольд. — Да нет, не может быть!

— Распечатай таблицу данных проверки состояния системы — в ней должны содержаться сведения о работе всех подсистем и модулей парка за последние несколько часов.

Арнольд нажал нужные кнопки, и в углу зажужжал принтер. Ву пошел туда, посмотреть на распечатку.

Арнольд немигающим взглядом уставился на экран. Квадратик в углу монитора из желтого превратился в красный, и надпись в нем немного изменилась: «Аварийный блок питания полностью исчерпан!» А потом там появились цифры и начался медленный отсчет от двадцати к нулю.

— Не понимаю, что происходит? — пробормотал Арнольд.

Тим осторожно прошел несколько метров по грязной, мокрой тропинке и вышел на яркий солнечный свет. Мальчик посмотрел на озерцо возле водопада и увидел, что тиранозавр лежит на боку и медленно плывет вниз по течению.

— Надеюсь, эта скотина сдохла! — сказала Лекс.

Но Тим прекрасно видел, что это не так. Грудная клетка динозавра медленно, но размеренно вздымалась и опускалась, а одна лапа судорожно подергивалась. Но с тиранозавром определенно что-то было не так. И тут Тим разглядел белый цилиндрический флакон, который торчал в затылке тиранозавра, сразу за слуховым отверстием.

— В него попали дротиком с транквилизатором! — сообразил мальчик.

— Вот и правильно. Так ему и надо, — обрадовалась Лекс. — Эта скотина чуть не сожрала нас!

Тим смотрел, как медленно и тяжело дышит поверженное животное, с каким трудом дается ему каждый вздох. И мальчику почему-то вдруг стало жаль тиранозавра. Было что-то очень неправильное в том, чтобы такое большое и могучее создание вот так валялось в грязной луже. Тиму не хотелось, чтобы тиранозавр умер.

— Но он же не виноват, что он такой!.. — сказал мальчик.

— Ну да, конечно! Он нас чуть не сожрал, а ты говоришь — он не виноват!

— Но он же хищник, плотоядный. Он просто делал то, что и должен делать.

— Ты бы так не выступал, если бы сейчас болтался у него в желудке! — заявила Лекс.

И вдруг шум водопада стал другим. Оглушительный рев воды, падающей с пятнадцатиметровой высоты, превратился в мягкий, тихий плеск. Широкая завеса серебристых водных потоков стала уже, прозрачней, а потом и вообще превратилась в тонкую струйку.

А затем вода совсем перестала течь.

— Тимми... Водопад остановился! — сказала Лекс.

Вода теперь только капала сверху отдельными каплями, как будто из неплотно закрытого крана. Озерцо под бывшим водопадом перестало бурлить и быстро успокоилось. Дети стояли возле ничем теперь не прикрытого углубления в скале, набитого всякими механизмами, и смотрели вниз, на озеро.

— Но водопады не должны останавливаться! — сказала девочка.

Тим покачал головой.

— Наверное, что-то случилось с электричеством... Кто-то вырубил электроэнергию.

Все водные насосы и фильтры в маленькой пещерке разом перестали работать, контрольные лампочки на приборах мигнули и отключились. Стало очень тихо. Потом раздался щелчок электрического замка и дверь в дальней стене пещерки медленно открылась.

Грант вышел наружу, щурясь от яркого света, и сказал:

— Молодцы, ребята! Сумели открыть дверь.

— Мы тут ни при чем, — сказала Лекс. — Мы ничего не сделали.

— Кто-то отключил электроэнергию, — пояснил Тим.

— Это все не важно, — сказал Грант. — Пойдем, увидите, что я нашел!

Арнольд, оцепенев от потрясения, тупо уставился на монитор.

А компьютеры отключались один за другим, мониторы гасли, свет в комнате тоже погас, и на пульте управления воцарились мрак и всеобщее смятение. Все почему-то разом закричали. Малдун откинул с окон темные шторы, впуская в комнату солнечный свет, а Генри Ву вырвал из принтера лист с распечатанной таблицей.

— Вы только посмотрите...

Время	Модуль	Состояние системы
5:12:44	Безопасность-1 откл.	В рабочем состоянии
5:12:45	Безопасность-2 откл.	В рабочем состоянии
5:12:46	Безопасность-3 откл.	В рабочем состоянии
5:12:51	Команда отключить энергию	Энергия отключена
5:13:48	Команда включить энергию	Энергия отключена
5:13:55	Безопасность-1 вкл.	Энергия отключена
5:13:57	Безопасность-2 вкл.	Энергия отключена
5:13:59	Безопасность-3 вкл.	Энергия отключена
5:14:08	Команда включить энергию	Энергия включена — Аварийный источник питания

5:14:18	Мониторинг — главный пульт	В рабочем состоянии — Аварийный источник питания
5:14:19	Безопасность — главный пульт	В рабочем состоянии — Аварийный источник питания
5:14:22	Пульт управления — главный	В рабочем состоянии — Аварийный источник питания
5:14:24	Лаборатория — главный пульт	В рабочем состоянии — Аварийный источник питания
5:14:29	ТелеКом-VBB	В рабочем состоянии — Аварийный источник питания
5:14:32	Карта-схема — главный пульт	В рабочем состоянии — Аварийный источник питания
5:14:37	Камеры наблюдения	В рабочем состоянии — Аварийный источник питания
5:14:44	Контроль проверки состояния	В рабочем состоянии — Аварийный источник питания
5:14:57	Предупреждение: Проверьте состояние ограждений (NB!)	В рабочем состоянии — Аварийный источник питания
9:11:37	Предупреждение: Остаточный заряд батарей — 20%	В рабочем состоянии — Аварийный источник питания
9:33:19	Предупреждение: Остаточный заряд батарей — 10%	В рабочем состоянии — Аварийный источник питания
9:53:19	Предупреждение: Остаточный заряд батарей — 1%	В рабочем состоянии — Аварийный источник питания
9:53:39	Предупреждение: Остаточный заряд батарей — 0%	Энергия отключена

Ву сказал:

— Ты отключил питание сегодня в пять тридцать утра, а когда снова включил, то подсоединил систему к аварийному источнику энергии.

— Боже правый!.. — прошептал Арнольд. Получается, основной генератор энергии так и не включался с тех пор, как он отключил систему. И когда система снова заработала, она подпитывалась только от аварийного аккумулятора... Сперва Арнольду показалось, что что-то здесь не так, что-то неправильно, но потом он внезапно понял — нет, наоборот, все как раз правильно, *нормально!* Именно так и должно было случиться. В этом был определенный смысл: вначале включается запасной блок питания, а потом, уже за счет его энергии, запускается главный генератор, потому что для запуска основного генератора требуется слишком много стартовой энергии. Система намеренно так спроектирована, и это вполне разумно.

Но Арнольду никогда раньше не приходилось отключать и снова запускать всю систему управления парком. И когда в парке снова появился свет и компьютеры на пульте управления снова заработали, ему даже в голову не пришло, что главный генератор так и остался выключенным.

Но именно так все и было, и все остальное время — пока они выслеживали рекса и делали то одно, то другое — парк получал электроэнергию только из аварийного блока питания. Собственно, все вовсе не так уж плохо... До главного инженера только сейчас начал доходить смысл происходящего...

— А что означает вот эта строка? — спросил Малдун, показывая на лист распечатки.

05:14:57 Предупреждение: Проверьте состояние ограждений (NB!)

В рабочем состоянии — аварийный источник питания [AV09].

— Это предупреждение, которое модуль контроля за состоянием системы передал на мониторы пульта управления, — пояснил Арнольд. — Оно касается ограждений.

— Вы видели это предупреждение?

Арнольд покачал головой.

— Нет, я его не заметил. Наверное, тогда я как раз говорил с вами по рации. Или еще на что-то отвлекся... Как бы то ни было — этого предупреждения я не видел.

— А что означает это «Проверьте состояние ограждений»?

— Ну, я не могу сказать точно, но мы же работали на аварийном блоке питания... — ответил Арнольд. — А аккумулятор дает недостаточно электроэнергии, чтобы поддерживать должное напряжение в электрифицированных изгородях, поэтому они автоматически отключились от питания.

Малдун взвыл.

— Так электрические ограждения выключены?

— Да.

— Что, все? По всему парку? С пяти утра, уже пять часов?

— Да.

— И ограда в вольере велоцирапторов?

Арнольд вздохнул.

— Да.

— Господи боже! — проронил Малдун. — Пять часов... Эти твари могли уже вырваться на волю.

И тут откуда-то издалека донесся жуткий крик.

Малдун бросился собирать по всей комнате портативные рации и быстро заговорил:

— Так, мистер Арнольд идет в технический отсек и включает главный генератор. Доктор Ву, вы останетесь здесь, на пульте управления. Вы здесь единственный, кто еще умеет обращаться с компьютерами. Мистер Хаммонд, вы возвращаетесь обратно в гостиницу. Не спорьте, просто выполняйте все, что я вам скажу. Уходите прямо сейчас. Закройте ворота на засов и оставайтесь там, пока я не свяжусь с вами по рации. Я помогу Арнольду разобраться с рапторами, — Малдун повернулся к Геннаро. — Хотите еще опасностей и приключений?

— Признаться, не особенно... — Геннаро был бледен как мел.

— Ну и ладно. Тогда идите с остальными в гостиницу, — Малдун отвернулся. — Ну все! А теперь — пошли!

Хаммонд взвизгнул:

— Эй, что вы собираетесь сделать с моими животными?!

— Вопрос поставлен неверно, мистер Хаммонд! — резко оборвал его Малдун. — Сейчас важно другое — что они собираются сделать с нами?

С этими словами Малдун быстро вышел из комнаты и поспешил вниз, в свой кабинет. Геннаро последовал за ним.

— Что, передумали? — бросил на ходу Малдун.

— Может быть, вам понадобится помощь... — сказал адвокат.

— Может, и понадобится... — Малдун вошел в комнату, на двери которой висела табличка: «Главный смотритель животных», подхватил на плечо серую стальную трубу портативной ракетной установки и открыл панель в стене позади рабочего стола. В сейфе лежало шесть цилиндрических гильз и шесть зарядов.

— С этими чертовыми динозаврами одна морока, — проговорил Малдун. — У них слишком децентрализованная нервная система. Эти твари умирают далеко не сразу, даже если точно попасть им в головной мозг. И телосложение у них неслабое — ребра такие прочные, что целиться в сердце бессмысленно. В конечности или там в заднюю часть туши тоже можно не стрелять — от этого мало толку. Они медленно истекают кровью, медленно умирают. — Малдун открыл одну за другой все шесть гильз и поочередно вставил в них заряды. Потом достал прочный ремень с крупными ячейками, протянул его Геннаро и сказал: — Наденьте это.

Геннаро затянул ремень на поясе, и Малдун передал ему патроны.

— Как по мне, то единственный способ свалить такую тварь — это разорвать ее на куски. Жаль, что у нас здесь только шесть зарядов. Велоцирапторов в загородке было восемь — на два больше. Ну все, пошли! От меня — ни на шаг! У вас патроны.

Малдун выскочил из кабинета и побежал по коридору, время от времени выглядывая через застекленную галерею на дорожку, которая вела к техническому отсеку. Геннаро пыхтел рядом с ним, стараясь не отставать. Они

спустились на первый этаж, выбежали за стеклянные двери, и тут Малдун остановился.

Арнольд стоял, прижимаясь спиной к стене техотсека. А спереди на него наступало трое рапторов. Арнольд где-то подобрал палку и теперь размахивал ею перед носом у велоцирапторов и что-то кричал. Подойдя поближе, рапторы перераспределили силы — один остался в центре, двое других разошлись по обе стороны от него. Ящеры двигались плавно, не спеша, словно выполняя точно отработанный прием. Геннаро содрогнулся.

Они охотятся стаей!

Малдун присел на одно колено, пристроил на плече пусковую установку.

— Заряжай! — коротко приказал он.

Геннаро вставил патрон в заднюю часть ракетной установки. Раздалось негромкое жужжание электрического спускового устройства. И ничего не случилось.

— Господи, вы вставили его задом наперед! — воскликнул Малдун и наклонил ствол, чтобы патрон выпал. Геннаро успел подставить руки и подхватил патрон, потом снова зарядил оружие, на этот раз правильно. Рапторы зарычали на Арнольда, но в следующее мгновение животное, которое было слева, буквально взорвалось — верхняя часть туловища взлетела в воздух, из развороченного корпуса во все стороны хлынула кровь, заляпала стену здания — по стене расплылось жирное красное пятно, как будто туда угодил огромный перезревший помидор. Нижняя часть туловища осела на землю — когтистые лапы яростно молотили воздух, длинный хвост метался из стороны в сторону.

— Это немного охладит их пыл, — сказал Малдун.

Арнольд бросился бежать к двери технического отсека. Велоцирапторы развернулись и двинулись теперь к Малдуну и Геннаро. Подобравшись ближе, они снова разошлись в стороны. Издалека, со стороны гостиницы, доносились душераздирающие вопли.

Геннаро сказал:

— Там, наверное, что-то случилось...

— Заряжай! — скомандовал Малдун.

...Генри Ву услышал взрыв и глянул на дверь комнаты, в которой размещался пульт управления. Генри обошел приборную панель, потом остановился. Ему так хотелось выйти и убежать отсюда, но он знал, что должен оставаться на месте. Если Арнольд сумеет снова включить подачу электричества — хотя бы на одну минуту — то он, Генри Ву, сможет опять запустить главный генератор.

И потому он должен остаться в комнате.

Внизу кто-то закричал. Генри показалось, что кричит Малдун.

Малдун почувствовал обжигающую боль в лодыжке и повалился на придорожную насыпь, но сразу же вскочил и побежал. Оглянувшись, он увидел, что Геннаро тоже бежит, только в противоположную сторону — в джунгли. Рапторы не обращали на Геннаро никакого внимания. Они преследовали только Малдуна. Ящеры были уже в каких-нибудь двадцати метрах от него. Малдун закричал, что было сил, и побежал, а сам тем временем как-то отстраненно подумал: «Какого черта я так напрягаюсь? Куда бежать? К чему все это?» — потому что он прекрасно понимал — ему осталось жить секунд десять, не больше, а потом рапторы его настигнут.

Десять секунд.

А может, даже меньше.

Элли пришлось помогать Малкольму перевернуться на бок, когда доктор Хардинг вводил ему очередную дозу морфина. После инъекции Малкольм вздохнул и бессильно откинулся на спину. Он слабел с каждой минутой. По радио слышались чьи-то неразборчивые пронзительные вопли, а со стороны Гостевого центра доносились приглушенные звуки взрывов.

В комнату вошел Хаммонд и спросил:

— Ну, как он?

— Пока держится, — ответил Хардинг. — Кажется, начинает бредить.

— Ничего подобного! — слабым голосом возразил Малкольм. — Голова у меня совершенно ясная, — он прислушался. — Похоже, там началась настоящая война?

— Рапторы вырвались из вольера, — сообщил Хаммонд.

— Понятно, — сказал Малкольм. Он дышал неглубоко и прерывисто. — И как только такое могло случиться?

— Это все из-за неполадок в системе. Арнольд не сообразил, что подключил систему к аварийному блоку питания. Мощности аккумулятора на все не хватало, и электричество в ограждениях автоматически отключилось.

— Понятно...

— Да катись ты к черту, надменная свинья!

— Позволю себе напомнить — я, кажется, предупреждал, что целостность ограждений будет нарушена, — сказал Малкольм.

Хаммонд вздохнул и тяжело опустился в кресло.

— Черт бы все это побрал... — пробормотал старик, качая головой. — Я не должен был пренебрегать вашим мнением. Вы ведь с самого начала говорили: то, что мы попытались сотворить на этом острове — исключительно пустая затея. Тогда, несколько лет назад, я, как и мои сотрудники, был совершенно уверен, что возможно клонировать ДНК вымерших животных и вырастить их. Это казалось нам превосходной, замечательной идеей — устроить нечто вроде путешествия во времени. Это было бы единственное в мире настоящее путешествие во времени. Мы собирались, так сказать, вернуть вымерших животных к жизни. А поскольку идея и вправду оказалась просто замечательной и у нас была реальная возможность осуществить ее, мы сразу же взялись за дело. Мы приобрели этот остров, и нам удалось все, что мы задумали. Вот — все очень просто!

— Просто? — переспросил Малкольм. У него вдруг откуда-то взялись силы на то, чтобы присесть в постели. — Просто? Да вы еще больший дурак, чем я думал! А я и раньше-то считал вас дураком из дураков.

Элли сказала:

— Доктор Малкольм! — и попыталась уложить его обратно. Но Малкольм не собирался успокаиваться. Он показал рукой на рацию, из которой доносились вопли и выкрики.

— А это тогда что? Что, по-вашему, там творится? — спросил Малкольм. — Вот она, ваша простая затея. Про-

стая, дальше некуда! Вы создали новые жизненные формы, о которых никто в мире совершенно ничего не знает. Ваш доктор Ву не удосужился даже запомнить названия тех существ, которые создавал. Его нисколько не интересовало, как эти животные называются, не говоря уже о том, что они из себя представляют! Вы создали огромное количество новых, совершенно неизученных животных за очень короткое время, животных, о которых практически ничего не знали, и вы почему-то искренне считали, что животные будут тупо выполнять все, чего вы от них потребуете, только потому, что это вы их создали, а следовательно — по вашему мнению — они вам принадлежат! Но вы забыли, что они — живые создания. Они наделены своим собственным разумом и могут не захотеть выполнять ваши прихоти. Вы забыли, насколько мало вообще известно об этих животных, вы забыли, насколько вы сами некомпетентны в обращении с существами, которых так легкомысленно называете простыми!.. Господи боже... — Малкольм закашлялся и упал на подушки. — Знаете, чем порочна современная наука? — спросил Малкольм. — Она похожа на огромное богатство, которое досталось по наследству какому-нибудь бестолковому неумехе. А какие задницы все эти богачи, независимо от пола, — это вам хорошо известно. Это срабатывает всегда!

— О чем это он? — спросил Хаммонд.

Доктор Хардинг знаком дал понять, что Малкольм, наверное, просто начал бредить. Малкольм хитро подмигнул и сказал:

— Хотите, я вам объясню, «о чем это я»? Практически любой вид могущества требует значительных жертв от того, кто этого могущества жаждет. Таков принцип ученичества, он существует многие века. И неважно, какое именно могущество вы желаете обрести. Стать президентом компании. Получить черный пояс по карате. Стать гуру, духовным наставником. Чего бы ни пожелал достичь человек — чтобы это получить, он должен потратить свое время, накопить знания и практический опыт, одним словом, он должен затратить определенные, и весьма немалые, усилия. Чтобы много получить — нужно многое отдать взамен. Желанное могущество должно очень много значить для человека, который его жаждет.

И тогда, когда он получит то, к чему стремился, — это будет его собственное, неотъемлемое, заслуженное могущество. Его уже никак нельзя отнять — оно в самом человеке, в его натуре. Это в буквальном смысле плод его собственных усилий. И вот что особенно интересно в этом процессе, — продолжал Малкольм. — К тому времени, когда человек, например, в совершенстве постигнет искусство убивать голыми руками, он к тому же становится настолько зрелым и сознательным, что очень серьезно обдумывает, когда стоит применять свои умения, а когда — нет. То есть приобретенное таким образом могущество как бы несет в себе встроенный механизм контроля. Усилия, затраченные на приобретение могущества, внутренне изменяют человека настолько, что он не станет злоупотреблять своей силой.

А могущество, которое дает современная наука, подобно унаследованному богатству, — оно дается человеку безо всяких усилий. Достаточно просто прочитать о том, что сделали другие, и все — вот и сделан очередной шаг к могуществу. Можно начать учиться и в очень молодом возрасте. Можно очень быстро наращивать свое заемное могущество. И не понадобится десятки лет упорно трудиться, приобретая свой собственный научный опыт и знания. Учитель здесь тоже не особенно нужен — на старых, умудренных жизнью ученых никто сейчас не обращает внимания. Не требуется никакого смирения перед природой. В философии современных ученых важно только одно — как-бы-побыстрее-разбогатеть и как-бы-поскорее-сделать-себе-имя... Мошенничество, ложь, фальсификации — все допустимо, все идет в ход. Плохо, когда это делает кто-то другой, не ты и твои коллеги, — вам можно все! И никто не посмеет вас за это осудить. Никаких идеалов просто не существует. Все занимаются одним и тем же — пытаются сотворить что-то великое и как можно быстрее!

А стоя на плечах у гигантов, можно очень высоко дотянуться — и очень быстро сотворить что-нибудь этакое. Пускай вы даже не понимаете толком, что вы создали, но вы уже объявили об этом, запатентовали это и пустили в продажу. А у того, кто это купит, сознательности и ответственности еще меньше, чем у вас. Покупатель просто

приобретает могущество за деньги, покупает, как любую другую собственность. Покупателю даже в голову не придет, что в обращении с могуществом необходима какая-то сознательность...

Хаммонд снова спросил:

— Вы понимаете, о чем это он?

Элли кивнула.

— А я что-то потерял нить разговора... — признался Хаммонд.

— Тогда объясню попроще — для тех, кто не понял, — сказал Малкольм. — Мастер карате не убивает людей голыми руками. Он не выходит из себя и не убивает свою жену. Убийцами становятся люди, в которых нет выдержки и внутренней дисциплины, люди безответственные и несознательные — те, которые получают способность убивать на дурняк, купив в магазине какой-нибудь дешевенький пистолет. И именно такой тип могущества разрешает и всячески поощряет современная наука. Именно поэтому вы и считаете, что создать парк развлечений, вроде вашего, очень просто.

— Но это же действительно просто! — возразил Хаммонд.

— Тогда почему у вас с ним столько неприятностей?

Руки Джона Арнольда дрожали, а голова шла кругом от волнения, но он все же сумел открыть дверь технического отсека и проскользнул внутрь. Господи, ну и темнотища! До него не сразу дошло, что так и должно быть — ведь если электричество отключено, свет гореть не будет. В лицо Арнольду пахнуло прохладным воздухом подземелья, он кожей ощутил темную глубину двух подземных этажей, в которых размещался технический отсек. Так, теперь нужно отыскать помост и узкую лесенку, по которой рабочие спускаются вниз. И надо идти поосторожнее, а то недолго и шею свернуть в такой темноте.

Где же лестница?

Арнольд вытянул руки и медленно пошел вперед, нащупывая путь, как слепой. Но вскоре он понял, что это бесполезно. Так он ничего не найдет. Надо как-нибудь осветить этот подвал. Арнольд вернулся к двери и немно-

го приоткрыл ее — сантиметров на десять. Через такую щель внутрь проникало достаточно света. Но только дверь была на пружине и захлопывалась автоматически. Арнольд быстро скинул один туфель и подпер им дверь.

Теперь, при свете, он сразу же разглядел лестницу и направился туда. Он шел по помосту из рифленого железа, прислушиваясь к эху своих шагов, — один шаг звонкий, другой, мягкий, тихий. Неважно, зато теперь здесь хоть что-то можно разглядеть. Лестница, по которой можно спуститься в подвал, к генератору, была совсем близко, всего в десяти метрах от входа.

И вдруг снова стало темно.

Свет исчез.

Арнольд обернулся к двери и с ужасом понял, что свет заслонило тело велоцираптора, который подошел к двери, нагнулся и стал обнюхивать его туфлю.

Генри Ву нервно расхаживал по комнате. Он трогал руками панели компьютеров, прикасался к экранам мониторов. Ву не мог усидеть на месте и постоянно двигался. Он почти обезумел от нервного напряжения.

Генри в сотый раз перебирал в уме всю последовательность действий, которые ему предстояло совершить. Надо будет сделать все очень быстро. Как только засветится первый же монитор, он наберет...

— Ву! — захрипела рация.

Он схватил аппарат и нажал нужную кнопку.

— Да, это я! Слушаю!

— Ну что, включилось это хреново электричество? — Это говорил Малдун. Но его голос звучал как-то странно, как-то гулко, что ли?

— Нет еще! — сказал Ву. Он улыбнулся, радуясь, что Малдун остался жив.

— Арнольд вроде бы смог прорваться в техотсек, — сказал Малдун. — Хотя, вообще-то, точно я не знаю...

— Где ты сейчас? — спросил Ву.

— Залез в трубу.

— Что?

— Залез в какую-то сраную трубу! — заорал Малдун. — И мной сейчас кое-кто очень интересуется!

«Скорее даже не залез, а втиснулся в трубу», — поду-

мал Малдун. Неподалеку от Гостевого центра, считай, что на заднем дворе, были сложены в кучу обрезки водопроводных труб. И Малдун, как какой-нибудь загнанный заяц, успел за несколько секунд протиснуть свое тело внутрь трубы, которая оказалась ближе всех. Метровая труба была слишком тесным вместилищем для такого крупного мужчины, как Малдун, но, по крайней мере, велоцирапторы уж точно не смогут забраться в трубу следом за ним.

Нет, вряд ли они сюда сунутся — особенно после того, как он отстрелил ногу одному из них, самому нахальному, когда этот любопытный ублюдок подобрался слишком близко к трубе. Раненый раптор, завывая, ускорился прочь на трех костях, а остальные стали относиться к человеку с ружьем заметно уважительнее. Малдун жалел только об одном — что не дождался, пока эта скотина сунет в трубу свой любопытный нос. Вот когда надо было нажимать курок!

Ничего, такая возможность ему еще представится. Вон их сколько снаружи — штуки три или четыре, рычат, завывают, суетятся вокруг груды труб.

— Да уж, вниманием я не обижен, — сказал он по рации.

Ву спросил:

— А у Арнольда есть с собой рация?

— Это вряд ли, — ответил Малдун. — Сиди на месте и жди, когда все утрясется!

Малдун не видел второго конца трубы и не знал, чем она заканчивается — он забрался внутрь слишком быстро. А повернуться в трубе и посмотреть было невозможно — слишком тесно. Малдун надеялся, что с того конца труба чем-нибудь закрыта. Господи, не хватало только, чтобы какая-нибудь тварь сунула голову внутрь и тяпнула его за задницу! Такая перспектива Малдуна отнюдь не радовала.

Арнольд попятился спиной к лестнице. Велоцираптор был от него всего в десяти метрах. Он уже вошел внутрь. Зверь явно искал его. Арнольд ясно слышал клацанье смертоносных когтей о металлический пол.

Но раптор продвигался вперед медленно и осторожно.

Арнольд знал, что велоцирапторы очень хорошо видят в темноте, но, вероятно, холодный ребристый металл помоста и незнакомые технические запахи заставили ящера так осторожничать. Арнольд понял, что эта неуверенность зверя — его единственный шанс. Все будет в порядке, если он успеет дойти до лестницы и спуститься на нижний этаж...

Потому что Арнольд совершенно точно знал — велоцирапторы не умеют карабкаться по лестницам. Особенно по узким металлическим лестницам с тонкими перекладинами.

Арнольд глянул через плечо назад. До лестницы осталось всего метра полтора. Еще несколько шагов...

И вот он уже на лестнице! Отступив назад, Арнольд почувствовал под ногой первую перекладину и начал быстро спускаться вниз по почти вертикальной узкой лестнице. Наконец он почувствовал под ногами бетонный пол нижнего этажа. Раптор недовольно рычал где-то наверху, у входа на лестницу, в шести метрах над головой Арнольда.

— Не выйдет, парень! — сказал Арнольд и повернулся к лестнице спиной. Он был сейчас совсем рядом с аварийным генератором. Еще несколько шагов — и он его увидит, даже при таком тусклом освещении...

Сзади послышался глухой удар.

Арнольд обернулся.

На бетонном полу стоял велоцираптор и сердито рычал.

Он спрыгнул вниз!

Арнольд быстро огляделся в поисках какого-нибудь оружия и вдруг осознал, что его бросили спиной на бетонный пол. Что-то тяжелое давило на грудь так, что невозможно было дышать. И Арнольд понял, что животное стоит на нем, а в следующее мгновение почувствовал, как длинные когти раздирают ему грудь. В лицо Арнольду пахло отвратительным, вонючим дыханием зверя, который наклонился к нему. И тогда Арнольд открыл рот и закричал...

Элли держала в руках рацию и слушала. Еще двое костариканских рабочих пробрались в гостиницу. Они, похоже, знали, что здесь безопаснее. Но за последние неско-

лько минут больше никто не пришел. И снаружи вроде бы все поутихло. Малдун спросил по радио:

— Сколько времени уже прошло?

— Четыре или пять минут, — ответил Ву.

— Арнольд должен бы уже управиться, — сказал Малдун. — Если бы он мог это сделать, то уже сделал бы. Есть какие-нибудь предложения?

— Нет.

— От Геннаро ничего не слышно?

Геннаро нажал на кнопку.

— Я здесь!

— Где тебя черти носят? — спросил Малдун.

— Иду к техническому отсеку, — ответил Геннаро. — Пожелай мне удачи.

Геннаро присел под кустом и прислушался.

Прямо перед ним лежала засеянная травой дорожка, ведущая к Гостевому центру. Геннаро прикинул, что технический отсек должен находиться немного восточнее. В ветвях щебетали птицы. Над землей клубилась легкая туманная дымка. Вдалеке заревел велоцираптор. Судя по звуку — где-то справа. Геннаро не пошел по дорожке, а углубился в заросли и стал пробираться лесом.

«Хотите еще опасностей и приключений?»

«Признаться, не особенно...»

Он тогда не соврал — ему и вправду не хотелось ни приключений, ни опасностей. Но Геннаро казалось, что он придумал план, или по крайней мере нашел уловку, которая могла сработать. Если обойти весь комплекс зданий Гостевого центра с северной стороны, то можно подобраться к техническому отсеку с тыла. А все рапторы, скорее всего, находятся возле других зданий, с южной стороны. Им нет никакого смысла уходить в джунгли.

По крайней мере, Геннаро очень надеялся, что это действительно так.

Он пробирался сквозь джунгли, стараясь двигаться как можно тише, но и сам с сожалением замечал, что производит довольно много шума. Геннаро заставил себя идти медленнее. Сердце бешено колотилось. Кустарник рос очень густо, сквозь заросли почти ничего не было

видно уже на расстоянии двух метров. Геннаро начал беспокоиться, что совсем заблудился и не сможет выйти к техотсеку. Но вот, наконец, справа над деревьями показалась крыша здания.

Геннаро пробрался к зданию, обошел его. За углом обнаружилась дверь. Он открыл дверь и проскользнул внутрь. Там было очень темно. Геннаро обо что-то споткнулся.

Это был мужской туалет.

Геннаро нахмурился. Потом открыл дверь настежь и пошел в глубь здания. Прямо впереди он увидел узкую лестницу, по которой можно было спуститься вниз. И вдруг Геннаро осознал, что толком не знает, куда идти. А рации при нем уже не было.

Проклятье!

Наверное, где-нибудь здесь, в техническом отсеке, отыщется другая рация. Или, может, лучше просто поискать генератор? Геннаро знал, как должен выглядеть генератор. Скорее всего, он где-то внизу, в подвальном этаже. И лестница как раз ведет вниз...

Внизу было еще темнее и практически ничего нельзя было разглядеть. Геннаро на ощупь двинулся вдоль каких-то труб, прикрывая рукой голову, чтобы ни обо что не удариться.

Вдруг откуда-то послышался звериный рык. Геннаро замер и прислушался, но звук не повторился. Тогда он двинулся дальше, еще осторожнее, чем раньше. Что-то капнуло ему на плечо, потом на ладонь. Что-то жидкое и теплое, как вода. Геннаро растер каплю между пальцами.

Что-то липкое. Он поднес ладонь к носу и принюхался.

Кровь!

Геннаро поднял голову и посмотрел вверх. На трубах, словно на насесте, сидел велоцираптор — всего в паре метров от Геннаро. Кровь капала с его когтей. Геннаро как-то отрешенно подумал, не ранено ли животное? И побежал. Раптор прыгнул ему на спину, свалил на землю.

Но Геннаро был сильным мужчиной. Он сумел подняться, пинком отшвырнул раптора в сторону и перекатился по бетонному полу вперед. Он вскочил, развернулся — и увидел, что раптор лежит на боку, там, куда он

его отпихнул, тяжело дышит и конвульсивно дергает лапой.

Значит, зверь все-таки ранен! У него повреждена нога — непонятно как и почему.

Добить подлую тварь!

Геннаро огляделся в поисках хоть какого-нибудь оружия. Раптор по-прежнему лежал на бетоне и все так же бился в корчах. Геннаро как безумный оглядывался по сторонам. Должно же здесь быть что-нибудь, ну хоть что-то, что сойдет за оружие! Когда он снова посмотрел туда, где лежал раптор, там уже никого не было.

Зверь зарычал. Низкий рык эхом отразился от стен огромного полупустого помещения, в котором царила кромешная темнота.

Геннаро повернулся кругом, ощупывая пространство вытянутыми руками. Вдруг в правую руку вонзилось что-то острое, Геннаро дернулся от резкой боли.

Зубы!

Раптор укусил его!

Зверь дернул головой и свалил Дональда Геннаро на бетонный пол.

Ян Малкольм лежал в постели, в насквозь промокшем от пота белье, и вслушивался в хриплый треск радиоприемника.

— Ну, что там? — спрашивал Малдун. — Есть что-нибудь?

— Пока ничего, — отвечал Генри Ву.

— Черт!

Потом радио какое-то время молчало.

Малкольм вздохнул и сказал:

— Я не могу ждать, пока он придумает еще какой-нибудь план.

— Чего бы я хотел, — сказал Малдун, — так это собрать всех людей в гостинице и перегруппировать наши силы. Но как это сделать — не знаю.

— Здесь возле Гостевого центра стоит джип, — откликнулся Ву. — Если я к тебе подъеду, ты сможешь перебраться в машину?

— Возможно, и смогу. Но тебе нельзя оставлять пульт управления.

— Я все равно пока ничего не могу здесь сделать.

— Он чертовски прав, — заметил Малкольм. — Пульт управления без электричества — это уже никакой не пульт управления...

— Ну, ладно, — согласился Малдун. — Давай попробуем. А то все это как-то не очень хорошо выглядит.

Лежа в постели, Малкольм пробурчал:

— Не очень хорошо выглядит — это еще слабо сказано. Все это похоже на настоящую катастрофу.

Ву сказал:

— Но рапторы погонятся за нами и перейдут к гостинице...

— Здесь мы все равно лучше защищены, — ответил Малкольм. — Так что давайте, приезжайте.

Рация отключилась. Малкольм закрыл глаза и постарался дышать помедленнее, экономя силы.

— Постарайтесь успокоиться, — попросила его Элли. — Не волнуйтесь...

— Вы поняли, о чем мы недавно говорили, — сказал Малкольм. — Обо всех этих попытках контроля... Мы говорили о западном мировоззрении, существующем уже пять сотен лет. Оно начало зарождаться в те времена, когда итальянская Флоренция была самым значимым городом в мире. Тогда основная идея науки, которая теперь стала основой современного мировосприятия, была еще совсем новой, захватывающе необычной — о том, что реальность объективна и рациональна и не зависит ни от верований человека, ни от его национальности. Это была многообещающая идея, которая давала надежду на будущее и позволяла отринуть всю старую средневековую систему взглядов, просуществовавшую много сотен лет. Средневековый мир с его феодальной политикой, религиозными догмами и ненавистническими суевериями разваливался на куски перед новой наукой. Но на самом деле так получилось только потому, что старый средневековый порядок больше не соответствовал существующим реалиям. Старые порядки не срабатывали ни в экономике, ни в интеллектуальной жизни — они не могли удовлетворить запросы нового, нарождающегося мира.

Малкольм закашлялся, потом снова продолжил:

— А теперь эта самая наука превратилась в систему

верований, которой уже много сотен лет. И, как средневековая система до нее, наука уже не вполне соответствует потребностям нового, изменившегося мира. Наука набрала такую мощь, что уже стали очевидны ее практические ограничения. Но какими бы ни были достижения науки, миллиарды людей по-прежнему живут в одном маленьком мире, тесно связанные между собой множеством связей. И наука не может подсказать нам, что делать с этим миром или как в нем жить. Наука может построть ядерный реактор, но не может объяснить людям, что строить его не надо. Наука может создать пестициды, но не может убедить людей, что применять их нельзя. И все в мире начало загрязняться — вода, воздух, почва — из-за бездумного использования достижений науки, — Малкольм вздохнул. — Теперь это уже очевидно практически для каждого.

Он замолчал и долго лежал, закрыв глаза. Дыхание его было тяжелым и размеренным. Элли показалось, что он, наконец, заснул, но Малкольм вдруг снова присел на кровати.

— И в то же самое время наука утратила свою великую способность все объяснять. Со времен Ньютона и Декарта наука давала людям иллюзию полного контроля над природой. Считалось, что наука со временем может объяснить буквально все происходящее в окружающем нас мире — через постижение законов природы. Но в двадцатом столетии это убеждение развеялось раз и навсегда. Во-первых, принцип неопределенности Гейзенберга установил пределы тому, что мы можем узнать о субатомном пространстве. «Ну и что? — можете возразить вы. — Люди ведь не живут в субатомном пространстве, и кому какая разница, что там происходит? Практически это никак не влияет на нашу повседневную жизнь». Потом теорема Гейделя установила такие же ограничения для математики — официального языка любой науки. Математики считали, что их язык несет в себе изначально заложенную особенную истинность, происходящую от законов логики. А теперь оказалось, что сама логика — понятие произвольное и неопределенное. Она вовсе не так абсолютна, как принято было считать раньше. А теория хаоса доказала, что вся наша каждодневная жизнь наполнена неопре-

деленностью и непредсказуемостью. Это так же естественно, как внезапная буря с грозой, предугадать которую тоже невозможно. И вот теперь великая иллюзия всемогущества науки, иллюзия полного контроля разума над природой, которая господствовала несколько сотен лет, должна умереть — и случится это уже в нашем столетии. А вместе с ней отойдет и безоговорочная вера в науку, в право науки делать то, что она делает. Люди всегда верили: если науке пока еще что-то неизвестно, со временем она обязательно все постигнет. А теперь оказалось, что это далеко не так. Это только пустая похвальба ученых, свято верующих во всемогущество науки. Они и сами обмануты, они ошибаются искренне — как ребенок, который бесстрашно прыгает с крыши, искренне веря, что умеет летать.

— Ну, это уж слишком, — проронил Хаммонд, качая головой.

— Мы с вами — свидетели упадка и гибели научной эпохи. Наука, так же, как все изжившие себя системы, самоуничтожается. Набрав огромную мощь, она оказывается не в состоянии совладать с этим могуществом. Потому что все сейчас происходит очень и очень быстро. Пятнадцать лет назад все сходили с ума по атомной бомбе. Вот это было настоящее могущество! Никто тогда больше ни о чем не думал. И вот, всего через десять лет после атомной бомбы, мы получаем новую могущественную силу — генетику. А генетика на самом деле гораздо могущественнее атомной бомбы. И она может попасть в руки кому угодно. Ее продукты попадают в комплект принадлежностей садовника. В школьную лабораторию, где дети учатся ставить всякие опыты. В дешевые лаборатории всяческих террористов и политических диктаторов. И у каждого, кому попадет в руки такая мощь, должен возникнуть естественный вопрос: «Что я буду делать с таким могуществом?» А это, пожалуй, единственный вопрос, на который современная наука не может ответить.

— И что же теперь будет? — спросила Элли.

Малкольм пожал плечами.

— Изменения.

— Но какие изменения?

— Все крупные изменения в чем-то подобны смер-

ти, — ответил Ян Малкольм. — Пока это не случится, невозможно узнать, что будет после.

Он замолчал и снова закрыл глаза.

— Бедняга... — пробормотал Хаммонд.

Малкольм вздохнул.

— Вы хоть немножко понимаете, насколько мало шансов у вас, или у любого другого из нас, выбраться с этого острова живыми?

6. ШЕСТОЕ ПОВТОРЕНИЕ

Восстановление системы оказывается невозможным.

Ян Малкольм

Возвращение

Электромотор мерно жужжал, машина быстро неслась вперед по темному подземному тоннелю. Грант сидел за рулем и правил, опустив одну ногу на пол. Тоннель был очень однообразным, только иногда наверху попадались отверстия воздухопроводов. Эти отверстия, очевидно, были прикрыты козырьками, чтобы внутрь не попадала дождевая вода, поэтому через них в тоннель проникало очень мало света. И все же Грант во многих местах замечал белые кучки испражнений животных. В тоннеле определенно бывало очень много животных.

Примостившись рядом с ним на переднем сиденье, Лекс посветила фонариком назад, туда, где лежал усыпленный велоцираптор, и спросила:

— А почему он так тяжело дышит?

— Потому что я выстрелил в него дротиком с транквилизатором.

— А он не умрет?

— Надеюсь, нет.

— А зачем мы везем его с собой?

— Чтобы доказать людям на базе, что динозавры действительно размножаются на воле, — сказал Грант.

— Почему вы так уверены, что они размножаются?

— Потому, что этот рапторчик очень молодой, — ответил Грант. — И потому, что это динозавровый мальчик.

— Да ну? — Лекс принялась с интересом рассматривать сонное животное, освещая его фонариком.

— Да. Посмотрела? А теперь, пожалуйста, свети вперед, на дорогу, хорошо? — Грант протянул руку к девочке, показывая ей часы. — Сколько сейчас времени, видишь?

— Десять часов пятнадцать минут.

— Хорошо.

Тим сказал:

— Значит, у нас осталось всего сорок пять минут на то, чтобы связаться с кораблем.

— Мы уже почти приехали, — успокоил его Грант. — По моим прикидкам, мы сейчас подъезжаем к Гостевому центру, — он еще сомневался в этом, но тут тоннель начал плавно подниматься, вынося их к поверхности земли, и...

— Ух ты! — воскликнул Тим.

Машина на огромной скорости вылетела из темноты тоннеля на яркий солнечный свет. В воздухе клубился легкий туман, частично скрывая очертания здания, которое возвышалось прямо перед ними. Но Грант с первого взгляда узнал главный корпус Гостевого центра. Они подъехали напрямик к воротам подземного гаража!

— Ура! Мы сделали это! Ура! — радостно завопила Лекс, подпрыгивая на сиденье. Грант завел машину в гараж. Возле одной из стен гаража он нашел пустые клетки для животных. Алан перенес маленького велоцираптора в клетку и поставил туда же посудину с водой. А потом все пошли вверх по лестнице на первый этаж Гостевого центра.

— Сейчас я съем гамбургер! И жареную курицу по-французски! И шоколадный молочный коктейль! И больше никаких динозавров! Ура! Ура! Ура!

Они дошли до вестибюля, открыли дверь.

И замерли на пороге.

Стеклянные двери главного входа в Гостевой центр были выбиты, по всему полу вестибюля валялись осколки стекла. В огромном холле клубился серовато-белый туман. Плакат с надписью «Когда миром правили динозавры» был наполовину сорван и, поскрипывая на ветру, болтался на одном гвозде. Громадный макет тиранозавра был перевернут набок и валялся на полу, растопылив

лапы в воздухе и демонстрируя начинку из металлических распорок и пластиковых трубок. Снаружи через разбитые окна виднелись окутанные плотной завесой тумана заросли пальмовых деревьев — неясные тени в молочно-белом мареве.

Тим и Лекс, прижавшись друг к другу, стояли возле опустевшей конторки охранника. Грант схватился за валявшуюся на столе рацию и лихорадочно перебирал все каналы.

— Алло, это Грант! Есть там кто-нибудь живой? Алло, это Грант! Вы меня слышите?

Лекс уставилась на тело охранника, которое лежало на полу за конторкой, немного правее. Ей были видны только ноги и нижняя часть туловища.

— Алло, это Грант! Алло!

Девочка наклонилась вперед и попыталась заглянуть за конторку. Грант схватил ее за рукав и удержал.

— Эй, прекрати. Не надо.

— Он что, умер? А что это такое на полу? Кровь, да?

— Да.

— А почему она не красная?

— Ты ненормальная! — сказал Тим.

— Почему это я ненормальная? Вот и нет.

Рация затрещала, и раздался голос:

— Господи, Грант? Это действительно вы?

Потом послышался другой голос:

— Алан! Алан! Это я, Элли!

— Это я, — ответил Грант.

— Слава богу! — сказала Элли. — С тобой все в порядке?

— Да, у меня все нормально.

— А что с детьми? Ты их не видел?

— Дети со мной, — сказал Грант. — С ними тоже все в порядке.

— Слава богу!

Лекс присела и попробовала прокрасться вокруг стола. Алан поймал ее за щиколотку.

— Лекс, стой на месте!

Радио захрипело:

— ...и где вы сейчас находитесь?

— В холле. В холле главного корпуса Гостевого центра.

По радио он услышал приглушенный возглас Генри Ву:

— Боже правый! Они прямо там!

— Послушай, Алан, — заговорила Элли. — Рапторы вырвались из вольера. Они умеют открывать двери. Они могут быть внутри того здания, где вы находитесь.

— Прекрасно! А вы где?

— В гостинице.

Грант спросил:

— А где все остальные? Малдун, другие?

— Мы потеряли нескольких людей. А все оставшиеся собрались здесь, в гостинице.

— А телефоны хоть работают?

— Нет. Вся система отключена. Ничего не работает.

— Как можно снова запустить систему?

— Мы пытаемся это сделать.

— Мы должны сделать это и как можно быстрее, — сказал Грант. — Прямо сейчас! Если этого не сделать, то через полчаса рапторы попадут на материк.

И он начал рассказывать о корабле, который привозит на остров продовольствие, и о рапторах, которые на нем уплыли, но Малдун прервал его:

— Доктор Грант! Вы, кажется, не совсем понимаете, что здесь происходит. Через полчаса, может быть, никого из нас здесь уже не будет...

— То есть?

— Рапторы охотятся на нас. Две этих твари сейчас сидят над нами на крыше.

— Ну и что? Ведь гостиница надежно защищена от животных.

Малдун кашлянул.

— Как выяснилось, нет. Я, например, никогда не думал, что животные будут пытаться залезть внутрь через крышу, — рация затрещала. — ...ревья посадили слишком близко к ограждению. Эти чертовы рапторы перебрались через ограду, а потом забрались на крышу. А стальные решетки на верхних окнах должны были быть электрифицированными, но ведь электричество отключено... Они прогрызают решетки.

Грант переспросил:

— Как это — прогрызают решетки? — Он нахмурился,

пытаясь представить себе эту картину. — И насколько быстро?

— Быстро, — ответил Малдун. — У них мощные челюсти — развивают давление до пятнадцати тысяч фунтов на квадратный дюйм. Рапторы — как гиены, они могут перекусывать стальные прутья и... — передача снова на несколько мгновений прервалась треском статических разрядов.

— Насколько быстро они это делают? — снова спросил Грант.

Малдун ответил:

— По-моему, у нас есть минут десять-пятнадцать, пока они проделают достаточно большую дыру и пролезут через нее в здание. А когда рапторы окажутся внутри... О, минуточку, доктор Грант...

Радио отключилось.

Рапторы уже перегрызли первый прут решетки на окне над кроватью Малкольма. Один из ящеров ухватился за свободный конец прута и потянул его на себя, стараясь отогнуть. Раптор уперся мощной задней лапой в оконное стекло, стекло лопнуло, засыпав осколками постель, на которой лежал раненый. Элли осторожно убрала с простыней самые крупные куски стекла.

— Господи, какие они противные, — проговорил Малкольм, глядя вверх, на рапторов.

Теперь, когда стекло разбилось, в комнате было хорошо слышно, как сопят и рычат животные, как скрежещут их зубы о металлические прутья. На тех участках решетки, в которые вгрызались велоцирапторы, прутья засеребрились свежезачищенным металлом и стали заметно тоньше. На постель Малкольма и на прикроватный столик сверху падали хлопья пенистой слюны рапторов.

— Ну, по крайней мере пока они еще не пробрались, — откликнулась Элли. — Чтобы влезть внутрь, им придется перегрызть хотя бы еще один прут.

Ву сказал:

— Если бы Грант как-нибудь смог пробраться в техническое отделение...

— Черт возьми! — выругался Малдун, хромая по ком-

нате — у него была вывихнута лодыжка. — Он все равно не успеет туда добраться. Не успеет вовремя включить энергию. Этих тварей уже не остановить.

Малкольм кашлянул и тихо, едва слышно сказал:

— Да...

— Что он говорит? — переспросил Малдун.

— Да, — повторил Малкольм. — Успеет, если мы сможем...

— Что сможем?

— Отвлечь... — Малкольм застонал.

— Кого отвлечь? И как?

— Пойти к ограждению...

— Так, пойти к ограждению. А что дальше?

Малкольм слабо улыбнулся.

— Просунуть... руки...

— Господи! — выдохнул Малдун и отвернулся.

— Погодите! — сказал Генри Ву. — А ведь он прав! Здесь, на крыше, только двое рапторов. Значит, еще четыре штуки где-то снаружи. Мы можем выйти наружу и отвлечь их внимание!

— И что тогда?

— И тогда доктор Грант сможет свободно пройти в техотсек и запустить генератор.

— А потом вернуться на пульт управления и по новой включить систему?

— Вот именно!

— Мы не успеем, — сказал Малдун. — Не успеем...

— Но если мы сможем отвлечь внимание рапторов, может быть — даже выманить их вниз с крыши... Это может сработать. Во всяком случае, попытаться стоит.

— Приманка, — сказал Малдун.

— Вот именно.

— И кто из нас будет приманкой? Я на это дело не годюсь — у меня повреждена нога.

— Это сделаю я, — вызвался Ву.

— Нет! Ты среди нас единственный, кто умеет общаться с компьютерами, — возразил Малдун. — Ты нужен, чтобы рассказать Гранту, как запустить систему.

— Значит, это сделаю я, — сказал ветеринар.

— Нет! Вы нужны раненому, — возразила Элли. — Пойду я.

— Черт, не нравится мне все это, — буркнул Малдун. — У нас тут будет полно рапторов — и на крыше, и внизу...

Но Элли уже наклонилась и стала потуже затягивать шнурки на кроссовках.

— Только не говорите доктору Гранту, — попросила девушка. — Он будет волноваться, а это нам ни к чему.

В вестибюле было очень тихо. Повсюду клубился густой туман. Рация молчала уже несколько минут. Тим сказал:

— Почему они с нами не разговаривают?

— Я хочу кушать... — пожаловалась Лекс.

— Они придумывают план действий, — сказал Грант.

Тут снова заработала рация. Заговорил Ву:

— Грант, вы меня слышите? Грант!

— Да, я здесь, — ответил Алан.

— Слушайте! Оттуда, где вы сейчас, вам видна тыльная сторона Гостевого комплекса?

Грант выглянул через заднюю стеклянную дверь на окутанные туманом пальмовые заросли.

— Да.

Ву продолжал:

— В пальмовой роще есть тропинка, она ведет прямо к техническому зданию. Там сложено всякое оборудование, и там же находятся генераторы. Вы ведь видели вчера это здание?

— Да, видел, — ответил Грант, удивившись про себя — разве это было только вчера? Кажется, с тех пор прошло уже много лет...

— А теперь послушайте... Мы постараемся подманить всех рапторов сюда, к гостинице. Правда, не уверен, что нам это удастся. Поэтому будьте очень осторожны. Нам нужно еще пять минут.

— Хорошо... — согласился Грант.

— Вы оставите детей в кафе, там с ними ничего не случится. Когда пойдете, возьмите рацию с собой.

— Хорошо.

— Перед тем как идти, — выключите рацию, чтобы не производить никакого шума. Свяжетесь с нами, только когда будете уже в техотсеке, там, где генераторы.

— Хорошо.

Грант отключил рацию. Лекс отошла чуть назад и спросила:

— Мы что, идем в кафе?

— Да.

И они пошли через затянутый туманом вестибюль к кафетерию.

— Хочу гамбургер! — сказала Лекс.

— К сожалению, электричества нет, так что мы ничего не сможем приготовить.

— Тогда я съем мороженое.

— Тим, ты останешься с сестрой, будешь за ней присматривать.

— Хорошо, доктор Грант.

— Мне придется ненадолго вас оставить.

— Я знаю.

Они подошли ко входу в кафетерий. Грант открыл дверь. В кафе ровными рядами стояли квадратные столики, вокруг них — стулья. Дети вошли, Алан распахнул стальную дверь пошире, чтобы было видно. Возле самой двери он увидел кассовый автомат и подставку с пачками жевательной резинки и шоколадными батончиками.

— Так, ребята. Мне нужно, чтобы вы сидели здесь, что бы ни случилось. Понятно?

— Оставьте нам рацию, — попросила Лекс.

— Не могу. Она мне понадобится. Просто оставайтесь здесь, и все. Я постараюсь вернуться поскорее. Договорились?

— Договорились...

Грант запер дверь. В кафе стало совершенно темно. Лекс цепко схватила брата за руку и попросила:

— Включи свет!

— Не могу. Электричества нет, — ответил Тим и надел свои очки ночного видения.

— Тебе хорошо... А как же я?

— А ты просто держись за меня. Сейчас раздобудем какой-нибудь еды, — и мальчик повел сестренку за собой. В флуоресцентном зеленом свете он хорошо видел столики и стулья. Справа светился ярко-зеленым кассовый аппарат и подставка с конфетами и жевательными резинка-

ми. Тим сгреб целую горсть шоколадных батончиков и сунул сестре:

— Вот, держи!

— Я же тебе говорила — хочу мороженого! А конфет не хочу!

— Все равно держи.

— Хочу мороженого, Тимми...

— Ну ладно, ладно... Сейчас.

Тим набил карманы шоколадными батончиками и повел сестренку дальше, в глубь обеденного зала. Лекс дернула его за руку.

— Я ничего не вижу!

— Просто держись за меня и иди.

— Тогда иди медленнее.

На противоположном конце обеденного зала были еще одни двери — с небольшими круглыми оконцами посредине. Эти двери, скорее всего, вели на кухню. Тим толкнул одну дверцу, и она легко распахнулась настежь.

Элли Саттлер вышла наружу через стеклянную парадную дверь Гостиничного комплекса. Ее голые ноги и лицо окутала холодная сырость туманной дымки. Сердце Элли бешено колотилось, хотя девушка и знала — здесь, за изгородью, она в полной безопасности. Толстые металлические прутья решетчатой ограды виднелись сквозь туман прямо впереди, совсем недалеко.

Но что было там дальше, за изгородью, Элли не видела. Уже через двадцать метров совершенно ничего нельзя было разглядеть — все тонуло в плотной молочно-белой завесе тумана. Рапторов тоже нигде не было видно. В зарослях вокруг гостиничного двора было просто-таки подозрительно тихо.

— Э-гей! — натянутым от волнения голосом выкрикнула Элли куда-то в туман.

Малдун стоял у входа, прислонившись к дверному косяку, и давал советы:

— Ну, это вряд ли сработает. Надо шуметь посильнее.

Он, прихрамывая, вышел к самой изгороди, неся в руке какой-то металлический прут, который подобрал в

гостинице, и принялся колотить по решетчатой ограде, как будто созывая рапторов на обед.

— Все собирайтесь сюда! Кушать подано!

— Очень смешно, — заметила Элли и беспокойно оглянулась на крышу. Раптор там уже не было.

— По-английски они не понимают, — сказал Малдун. — Но в целом уже сообразили, к чему все это...

Элли очень волновалась, и шутки Малдуна казались ей несколько неуместными. Девушка посмотрела в сторону окутанных туманом зданий Гостевого центра. Малдун продолжал колотить прутком по решетке. Как ни плохо было видно в таком тумане, Элли все-таки сразу заметила за оградой смутные очертания фигуры ящера. Велоцираптора.

— Вот и первый посетитель, — сказал Малдун.

Раптор мгновенно исчез — бледная тень в молочном тумане. Но почти сразу же он появился вновь, хотя близко к ограде не подходил и вообще, казалось, животному совершенно безразличны все эти звуки, исходящие от гостиницы. Элли встревожилась не на шутку. Если им не удастся отвлечь на себя внимание рапторов, Гранту будет угрожать серьезная опасность.

— Вы слишком шумите, — сказала она Малдуну.

— Черт, ну да!

— Не стоит так шуметь, прошу вас.

— Я знаю этих тварей...

— Вы пьяны, — сказала Элли. — Давайте я сама с этим управлюсь.

— И как, интересно, вы намерены это сделать?

Элли не ответила и пошла к воротам.

— Говорят, эти рапторы очень сообразительны...

— Ну да! Эти твари ничуть не глупее шимпанзе.

— И у них хороший слух?

— Великолепный!

— Значит, они должны узнать этот звук, — сказала она и открыла засов на воротах. Металлические петли ворот, которые покрылись ржавчиной из-за постоянных туманов, оглушительно закрипели. Элли закрыла ворота, а потом снова открыла — и снова раздался тот же противный громкий скрежет заржавевшего металла.

Девушка оставила створки ворот приоткрытыми.

— Я бы не стал этого делать, — заметил Малдун. — Если хотите открыть ворота, дайте мне сходить за пусковой установкой.

— Так идите же!

Малдун вздохнул, что-то припоминая.

— Ага, заряды остались у Геннаро...

— Ну, тогда просто смотрите, что будет, — сказала Элли и вышла за ворота. Сердце у нее в груди билось так громко, что девушка почти не чувствовала земли под ногами. Она отошла от ограды в глубь парка — металлическая решетка позади нее поразительно быстро скрылась за туманом. Вскоре ее уже совсем не было видно.

Как Элли и рассчитывала, пьяный Малдун забеспокоился и начал громко кричать на нее, звать обратно.

— Черт бы тебя побрал, девка! Что ты такое творишь?!

— Только не надо называть меня «девкой»! — крикнула она в ответ.

— Я буду тебя называть так, как захочу, мать твою так! — заорал Малдун.

Элли его не слушала. Она медленно повернулась, напрягшись всем телом, и внимательно осмотрелась по сторонам. Она отошла от ограды примерно на два десятка метров. Плотные потоки тумана стекали с листья, словно дождевые потоки. Элли окружал мир серо-белых теней. Мышцы ее рук и ног окаменели от напряжения. Девушка всматривалась в туман так пристально, что у нее скоро заболели глаза.

— Эй ты, дуреха! Ты меня еще слышишь? — орал Малдун.

«Насколько быстры эти животные? — думала Элли. — Сумеют ли они перехватить меня, когда я побегу обратно? Отсюда, в общем-то, не так уж далеко до ворот...»

Они напали.

Внезапно.

Совершенно беззвучно.

Первое животное вынырнуло из листьев у основания дерева слева от Элли. Едва оно подалось вперед, девушка бросилась бежать. Второй раптор напал справа — тварь определенно намеревалась перехватить девушку на бегу и прыгнула... Раптор взвился в воздух, растопырив готовые терзать добычу длинные когти, но Элли нырнула к земле,

как калифорнийская кукушка¹, ящер пролетел над ней и растянулся в грязи. Элли помчалась дальше. Она бежала изо всех сил, не осмеливаясь оглянуться назад, ее дыхание стало глубоким и частым. Впереди вынырнули из тумана прутья ограды, Элли увидела Малдуна, который пошире раскрывал для нее ворота, протягивал ей руки и орал что-то непотребное. Вот Малдун схватил ее за руку и затащил внутрь ограды, дернув так сильно, что Элли не устояла на ногах и упала. Малдун захлопнул ворота. Элли обернулась как раз вовремя, и увидела, как двое — а потом даже трое — велоцирапторов в ярости бросаются на решетку ограждения.

— Здорово у тебя вышло! — крикнул Малдун и принялся дразнить рапторов. Он кривлялся перед оградой, рычал на ящеров, и они ярились, буквально сходили с ума от злости. Рапторы напрыгивали на ограждение, вцеплялись в него когтями и карабкались наверх — один ящер добрался так почти до самого верхнего края ограды.

— Черт, что за тварь! Чуть не перелезла! Здорово эти ублюдки прыгают!

Элли поднялась на ноги и осмотрела покрытые ссадинами и царапинами ноги. Из разбитого колена сочилась кровь. Но думала она только об одном: здесь только три велоцираптора! И еще двое — на крыше. Значит, еще один где-то в другом месте...

— Эй, давай, помогай мне! А то они потеряют к нам всякий интерес!

Грант вышел из Гостевого центра и быстро пошел вперед, в туман. Он сразу отыскал тропинку в пальмовой рощице и двинулся по ней на север. Вскоре впереди в тумане замаячили прямоугольные очертания технического блока.

Сперва Алан не увидел никакой двери. Он обошел здание, повернул за угол и там обнаружил забетонированную площадку с навесом — стоянку для служебного транспорта. Грант поднялся на площадку и увидел над на-

¹ Калифорнийская кукушка — небольшая птичка, которая бежит очень быстро, иногда бежит по дороге рядом с автомобилями.

весом поворачивающуюся вертикально дверь из ребристого металла. Дверь была заперта на замок. Алан спрыгнул на землю и пошел дальше в обход здания. Пройдя еще немного направо, он наткнулся уже на обычную дверь. Эта дверь была полуоткрыта — подперта мужским тупфлем, чтобы не захлопнулась.

Грант вошел внутрь и прищурился, чтобы глаза быстрее привыкли к темноте. Он внимательно прислушался, но не услышал ни звука. Тогда Алан достал рацию и включил ее.

— Это Грант, — сказал он. — Я внутри.

Генри Ву смотрел наверх, на разбитое окно. Двое рапторов по-прежнему возились возле решетки, но их как будто немного отвлекли звуки, раздававшиеся внизу, возле входа в гостиницу. Генри подошел к боковому окну и выглянул наружу. Там трое рапторов продолжали атаковать ограду. Элли бегала перед решеткой взад и вперед — здесь, за прочными прутьями ограды, ей уже не угрожала реальная опасность. Но рапторы больше не обращали на нее особенного внимания. Теперь они как будто играли — по очереди отбегали от ограды, потом возвращались и грозно рычали на изгородь, потом припадали к земле, вскакивали, снова отбегали и, наконец, напрыгивали на решетку. Такое поведение животных действительно походило на какую-то игру — они нападали явно не всерьез, а как бы напоказ.

— Ну точные тебе птицы! — сказал Малдун. — Устроили тут целое представление.

Ву кивнул.

— Они очень умные. Они понимают, что не смогут до нее добраться. Поэтому и не тратят сил впустую.

Рация захрипела, послышался обрывок слов Гранта:

— ...нутри.

Ву схватил рацию.

— Повторите еще раз, доктор Грант!

— Я внутри, — сказал Грант.

— Доктор Грант, вы — в техническом блоке?

— Да, — ответил тот. Потом добавил: — Наверное, вы лучше называйте меня Аланом.

— Хорошо, Алан. Если вы стоите возле восточной двери, то над головой у вас должно быть много всяких труб и проводов. — Ву закрыл глаза, представляя себе то место. — Прямо впереди будет большое пустое пространство — оно тянется еще на два этажа вниз, под землю. А слева от вас будет металлическая лестница с перекладами, довольно узкая.

— Вижу лестницу.

— Идите вдоль мостков.

— Иду, — в рации едва слышно отдавалось эхо его шагов по металлическому полу.

— Когда пройдете метров шесть или семь, посмотрите — там должна быть еще одна дорожка, направо.

— Вижу, — сообщил Грант.

— Идите по ней.

— Хорошо.

— Когда дойдете до конца, там будет нормальная лестница вниз. Вы спуститесь по ней в подвальный бункер.

— Так, вижу лестницу.

— Спускайтесь!

Последовала долгая пауза. Генри Ву нервно теребил свои влажные волосы. Малдун помрачнел, нахмурился.

— Все, я спустился до самого низа, — сообщил Грант.

— Хорошо, — сказал Ву. — Теперь осмотритесь. Прямо перед вами должны быть две большие ярко-желтые цистерны с надписями «Огнеопасно».

— Тут написано «Не огнеопасно». И еще что-то написано внизу, по-испански.

— Это они и есть, — сказал Ву. — Это цистерны с топливом для генераторов. Одна из них пуста, поэтому нам надо переключить генераторы на другую. Посмотрите на верхушки цистерн — там из них должны выходить такие белые трубки...

— Полиэтиленовые, четырехдюймовые?

— Да. Полиэтиленовые. Посмотрите, куда ведут эти трубки.

— Хорошо. Смотрю... Ой!

— Что случилось?

— Да так, ничего. Ударился головой.

Снова повисла пауза.

— С вами все в порядке?

— Да, все нормально. Только... Головой вот ударился. Растяпа!

— Следите за трубками.

— Да, да, конечно, — сказал Грант. В его голосе чувствовалось раздражение. — Так, все. Трубки идут к серому алюминиевому ящику с вентиляционными отверстиями по бокам. На нем надпись — «Хонда». Похоже на генератор.

— Точно, это генератор и есть, — сказал Ву. — Если обойти его сбоку, там будет панелька с двумя кнопками.

— Так, вижу. Две кнопки, желтая и красная.

— Да, все правильно. Нажмите сперва желтую, а потом, не отпуская ее, надавите на красную.

Последовала долгая пауза. Молчание тянулось почти целую минуту. Ву и Малдун переглянулись.

— Алан!

— Ничего не получается, — сказал Грант.

— Вы нажали желтую кнопку, потом, не отпуская ее, нажали красную? — переспросил Ву.

— Да, я так и сделал, — раздраженно сказал Грант. — Я сделал все так, как вы мне сказали. Внутри ящика что-то зашумело, потом раздалось какие-то щелчки — очень быстро так, шелк-шелк-шелк, а потом шум прекратился, и больше ничего не было.

— Попробуйте еще раз!

— Уже попробовал, — сказал Грант. — Ничего не получилось.

— Так, дайте подумать... — Ву нахмурился. — Похоже, генератор начал заводиться, но почему-то не завелся... Алан!

— Я здесь.

— Обойдите генератор — пройдите на другую сторону, туда, куда входит пластиковая трубка.

— Ладно. — Грант помолчал немного, потом сказал: — Трубка проходит в круглый черный цилиндр, похожий на топливный насос.

— Все правильно, — отозвался Ву. — Это он и есть — насос для подкачки топлива. Посмотрите на маленький клапанчик на верхушке насоса.

— Клапан?

— Он должен быть прижат к верхней части насоса ма-

ленькой металлической пластинкой. Ее можно повернуть в сторону.

— Так, нашел. Но только клапан повернут набок, а не вверх.

— Ничего. Отодвиньте пластинку, клапан откроется...

— Оттуда выходит воздух.

— Хорошо. Подождите пока...

— ...А теперь полилась жидкость. По запаху похоже на бензин.

— Да, правильно. Теперь закрывайте клапан, — Ву повернулся к Малдуну и покачал головой. — Надо же — испортился клапан... Алан!

— Да.

— Попробуйте снова нажать кнопки.

Уже через минуту Ву услышал по рации, как генератор чихнул пару раз, затарахтел, разгоняясь, а потом мерно загудел.

— Заработало! — сообщил Грант.

— Молодец, Алан! Вы справились!

— Что мне делать теперь? — спросил Грант. Голос его звучал глухо, из-за шума генератора было плохо слышно слова. — Здесь даже свет не зажегся.

— Возвращайтесь на пульт управления, и я расскажу вам, как вручную запустить всю систему.

— Это я и должен теперь сделать?

— Да.

— Хорошо, — согласился Грант, — я свяжусь с вами, когда буду на месте.

Рация последний раз зашипела и затихла.

— Алан!

Рация молчала.

Тим и Лекс прошли через вращающиеся двери в задней стене обеденного зала и попали на кухню. Посредине просторной комнаты стоял длинный стол из нержавеющей стали, слева находилась огромная печь со множеством горелок, а чуть дальше обнаружилась большая холодильная камера — отдельная теплоизолированная комната, в которой хранились замороженные продукты. На кухне были и другие холодильники, поменьше размером.

Тим начал открывать их один за другим. Когда мальчик открывал дверцы холодильников, наружу каждый раз вырывалось облачко холодного воздуха, которое сразу же обращалось в пар.

— Интересно, как получается, что холодильники и сейчас работают? — спросила Лекс.

— Они не работают.

— На них на всех горят маленькие синие огоньки.

— Это сигнальные лампочки.

— Какие такие сигнальные лампочки? — У них дома тоже был холодильник, но никаких синих лампочек на нем не было.

— Неважно, — сказал Тим, открывая следующий холодильник. — Но они означают, что я смогу приготовить тебе что-нибудь съедобное.

В холодильниках было полным-полно всевозможных продуктов — пакеты с молоком, коробки со свежими овощами, стопка бифштексов, рыба... Не было только мороженого.

— Ты еще не перехотела мороженого?

— Нет, Тимми, я же тебе сказала — хочу мороженого!

Осталось осмотреть только самый большой холодильник. В холодильную камеру вела массивная стальная дверь с большой поперечной ручкой. Тим налег на ручку, открыл дверь — за ней была огромная морозильная камера. Целая комната, в которой было жутко холодно.

— Тимми...

— Ты что, не можешь подождать еще пару минут? — раздраженно сказал мальчик. — Я пытаюсь найти тебе мороженое.

— Тимми... Кажется, здесь кто-то есть...

Девочка говорила шепотом, поэтому до Тима не сразу дошел смысл последних слов. Но как только Тим понял, что это может значить, он сразу же подскочил к выходу из холодильной камеры и выглянул из-за двери, сквозь облако светящихся бледно-зеленым светом испарений. Лекс стояла возле стального разделочного стола и смотрела в сторону кухонной двери.

Тим услышал низкий свистящий звук, похожий на шипение огромной змеи. Звук ритмично то усиливался, то стихал. Это, конечно, мог быть и ветер, но Тим почему-то точно знал, что ветер здесь ни при чем.

— Тимми... — прошептала девочка. — Я боюсь...

Тим быстро подкрался к кухонной двери и через окошко выглянул наружу.

В темной столовой ровными рядами стояли прямоугольные столики. А между ними, скользя легко и неслышно, как кошмарный призрак, бродил велоцираптор. Ящера выдавало только его свистящее дыхание.

Грант шел по темному подвалу технического бункера, определяя направление на ощупь, по нависающим сверху трубам. Он возвращался к лестнице. Идти в темноте было трудно. Шум генератора почему-то мешал сориентироваться. Алан благополучно нашел лестницу и уже начал подниматься, как вдруг расслышал за шумом генератора еще какой-то звук.

Он постоял, прислушиваясь.

Это кричал человек.

И голос был похож на голос Геннаро.

— Где вы? — выкрикнул Грант.

— Здесь, наверху! — откликнулся Геннаро. — В грузовике!

Грант не видел никакого грузовика. Он прищурился, взгляделся в темноту. Что-то можно было разглядеть только боковым зрением. Алан с трудом различил очертания каких-то зеленых блестящих фигурок, быстро прошмыгнувших в темноту. Потом он увидел и грузовик и сразу же двинулся к нему.

От леденящей тишины у Тима мороз пробежал по коже.

Велоцираптор был около шести футов ростом, очень плотного телосложения. Его мощные задние ноги и длинный хвост не были видны за рядами столов. Тим видел только крепкую, мускулистую грудную клетку и сильные передние лапы — раптор держал их на весу, рядом с туловищем. Страшные когтистые пальцы то сжимались, то разжимались. Через прибор ночного видения мальчик хорошо рассмотрел переливчатый пестрый узор на спине животного. Велоцираптор был насторожен, он продвигался вперед неспешно, все время оглядываясь по сторо-

нам. Голова велоцираптора поворачивалась из стороны в сторону быстрыми, резкими рывками, словно у большой птицы. Кроме того, при ходьбе раптор все время кивал головой в такт шагам, длинный толстый хвост то поднимался, то опускался — все это еще больше усиливало сходство велоцираптора с птицей.

Гигантская хищная птица.

В столовой было темно, но велоцираптор, наверное, очень хорошо видел, потому что свободно шел прямо между рядами столов. Время от времени ящер наклонял голову и заглядывал под столики. Тим ясно слышал хриловатое, свистящее дыхание раптора, когда тот принюхивался. Посмотрев, что там под столами, ящер резко вскидывал голову назад, как птица.

Тим наблюдал за велоцираптором до тех пор, пока не убедился — животное определенно направляется в сторону кухни. Неужели раптор отслеживает их по запаху? Во всех книжках говорилось, что у динозавров было плохо развито обоняние. Но этот динозавр как будто действительно что-то вынюхивал. Тем более вряд ли стоит сейчас полагаться на книжки — откуда те, кто их писал, могли знать, каковы динозавры на самом деле? А перед ними настоящий живой динозавр.

И он идет сюда.

Тим быстро прошел в глубь кухни.

— Есть там кто-нибудь? — шепотом спросила Лекс.

Тим не ответил. Он молча схватил сестренку за руку и запихнул под стол в дальнем углу, за большой мусорный бак. Потом наклонился к самому ее уху и строго прошептал:

— Сиди здесь! — а сам побежал к холодильной камере.

Мальчик схватил с полки холодильника стопку бифштексов и помчался обратно к двери. Там он осторожно положил на пол один кусок мяса, отошел на несколько шагов назад и положил второй кусок...

Оглянувшись, Тим заметил, что Лекс выглядывает из-за мусорного бака. Он махнул рукой, показывая девочке, чтобы спряталась обратно. Потом положил на пол третий кусок мяса, четвертый и так далее. Мальчик раскладывал мясо на полу, отступая все дальше в глубь кухни.

Шипение стало громче, и вот когтистая лапа толкнула дверь, огромная голова просунулась внутрь. Велоцираптор осторожно огляделся.

Ящер не сразу вошел в кухню.

Тим замер в неподвижности, присев у ножки стального разделочного стола в дальнем углу комнаты. Он не успел как следует спрятаться. Голова и плечи мальчика торчали над крышкой стола. Тим был практически на виду у велоцираптора.

Мальчик медленно и осторожно скользнул под стол... Ящер мгновенно повернул голову и уставился прямо на него.

Тим замер. Он все еще был на виду, но если не двигаться... Тим мысленно повторял себе: «Только бы не пошевелиться, только бы не пошевелиться...»

Велоцираптор неподвижно застыл у двери.

Зверь принюхивался.

«Здесь темнее, чем в столовой, — подумал Тим. — И он уже не так хорошо все видит. Потому и осторожничает».

Мальчик почувствовал крепкий мускусный запах большой рептилии и увидел через свои инфракрасные очки, как динозавр беззвучно зевнул, задрав кверху длинный острый нос и обнажив ряды бритвенно-острых зубов. Потом велоцираптор снова двинулся вперед, поводя головой из стороны в сторону. Большие выступающие глаза страшно вращались в костяных глазницах.

Сердце у Тима билось быстро-быстро. Почему-то встретиться с таким животным на кухне оказалось еще ужаснее, чем где-нибудь в лесу. Размеры ящера, его стремительные, резкие движения, острый запах, шипящее дыхание...

Вблизи велоцираптор казался гораздо страшнее тиранозавра. Тиранозавр — огромное и сильное, но не особенно сообразительное животное. А велоцираптор был ростом с высокого человека, но он явно был очень быстрым и очень умным. Тим боялся его страшных внимательных глаз даже больше, чем острых зубов.

Велоцираптор принюхался и пошел вперед — прямо к тому месту, где пряталась Лекс! Наверное, он все-таки ее учуял! Сердце Тима бешено колотилось.

Велоцираптор остановился и медленно наклонил голову к полу.

Он нашел бифштекс!

Тиму хотелось нагнуться и заглянуть под стол, но мальчик не отваживался пошевелиться. Он замер в неподвижности, наполовину присев за столом, и слушал, как чавкает велоцираптор, поедая мясо. Динозавр сожрал бифштекс целиком, вместе с косточкой.

Велоцираптор поднял изящную вытянутую голову, огляделся по сторонам и снова принулся. Вот он заметил второй кусок мяса и быстро двинулся к нему. Наклонился.

И — ничего.

Раптор не стал есть бифштекс.

Голова быстро поднялась над разделочным столом. У Тима страшно болели ноги от неподвижного сидения в неудобной позе, но мальчик не пошевелился.

Почему раптор не стал есть второй бифштекс? Десятки разных объяснений пронеслись в голове Тима: животному не понравился вкус бифштекса, ему не понравилось, что мясо холодное, ему не понравилось, что мясо не живое, оно заподозрило, что это — ловушка, оно учуяло Лекс, оно учуяло Тима, оно увидело Тима...

Теперь велоцираптор двигался очень быстро. Он нашел третий бифштекс, наклонил голову к мясу, но почти сразу выпрямился и пошел дальше.

Тим затаил дыхание. Динозавр был сейчас всего в паре метров от него. Тим хорошо видел, как перекачиваются мышцы под гладкой кожей животного. Он видел запекшуюся кровь на когтях динозавра, и красивый линейный рисунок между пятнами на спине раптора, и складки кожи под нижней челюстью.

Велоцираптор принулся. Потом он вдруг резко повернул голову вправо и в упор посмотрел на Тима. У мальчика перехватило дыхание от страха. Все его тело застыло в напряжении. Он видел, как поворачиваются глаза гигантской рептилии — велоцираптор осматривал комнату. Потом снова втянул носом воздух, принулся.

«Он меня заметил!» — с ужасом подумал Тим.

Но тут ящер опять повернул голову вперед и двинулся дальше, к пятому куску мяса. Тим думал: «Лекс, только

бы ты сидела тихо, только бы ты не шевельнулась — что бы ни случилось, только бы ты не пошевелилась!..»

Велоцираптор понюхал бифштекс и прошел дальше. Теперь ящер стоял напротив раскрытой двери морозильной камеры. Тим видел, как струи зеленоватого пара вытекают из холодильника и клубятся на полу, у ног животного. Одна большая когтистая лапа приподнялась, потом медленно, беззвучно опустилась. Динозавр замер в нерешительности. «Там слишком холодно! — подумал Тим. — Он не хочет туда идти, потому что там слишком холодно, слишком холодно — и он не хочет идти, не хочет, не хочет, не хочет...»

Динозавр вошел внутрь морозильной камеры.

Вот за дверным проемом скрылась голова ящера, потом тело, потом мощный хвост...

Тим вскочил на ноги, бросился к холодильной камере и всем весом налег на массивную дверь из нержавеющей стали, стараясь побыстрее ее захлопнуть. Дверь захлопнулась, прищемив кончик длинного хвоста — и замок не защелкнулся! Велоцираптор оглушительно взревел. Тим невольно подался назад, отступил на шаг — и хвост скрылся за дверью! Тим снова налег на дверь и отчетливо услышал щелчок замка. Дверь закрылась!

— Лекс! Лекс! — закричал Тим. Он слышал, как раптор бьется о дверь с той стороны, чувствовал, как вибрирует сталь под напором ящера. Тим знал, что внутри на двери есть плоская круглая ручка — если велоцираптор случайно надавит на нее, то дверь распахнется. Чтобы этого не случилось, нужно вставить в замок предохранительную задвижку.

— Лекс!

Лекс уже была рядом.

— Чего тебе?

Тим навалился всем телом на поперечную дверную ручку и удерживал ее, чтобы дверь не открылась.

— Здесь есть задвижка! Маленькая такая задвижка! Вставь задвижку!

Велоцираптор ревел, как лев, но толстая стальная дверь немного приглушала эти кошмарные звуки. Раптор бросался на нее всем телом.

— Я ничего не вижу! — закричала Лекс.

Задвижка болталась на коротенькой цепочке прямо под дверной ручкой.

— Да вот же она!

— Я не вижу! — снова крикнула Лекс, и Тим вспомнил, что у девчонки ведь нет инфракрасных очков и она действительно ничего не видит в такой темноте.

— Нашупай ее!

Мальчик видел, как Лекс подняла свою тоненькую ручку, потянулась к нему, дотронулась до его руки и почти сразу нашупала задвижку. Тим почувствовал, как сестренка напугана — она дышала часто и неровно и дрожала всем телом. И тут велоцираптор снова всем своим весом толкнул дверь — и дверь приоткрылась... Господи, дверь открылась! Однако животное не ожидало этого и уже повернулось, чтобы еще раз броситься на дверь. Тим успел снова захлопнуть дверь. Лекс стояла рядом с ним в темноте и держала в поднятой руке задвижку.

— Я нашла ее! — крикнула девочка и вставила штырек в отверстие. Но задвижка выпала и снова закачалась на цепочке.

— Сверху вставляй! Сверху!

Лекс еще раз на ощупь нашла задвижку, подняла ее, обернув цепочку вокруг ручки, и вставила в отверстие. Попала!

Дверь заперта!

Велоцираптор ярился внутри морозильной камеры и бешено ревел. Тим и Лекс отодвинулись от двери. Динозавр неустанно бросался на дверь морозильника. При каждом ударе тяжелые стальные петли, вделанные в стену, поскрипывали, но держали. Тим решил, что ящеру вряд ли удастся открыть дверь и выбраться наружу.

Велоцираптор надежно заперт в морозильнике.

Мальчик вздохнул с облегчением.

— Пойдем!

Он взял сестренку за руку, и они побежали.

— Вы должны были их заметить, — говорил Геннаро Гранту, который вел его к выходу из технического бункера. — Их тут собралось десятка три. Комп! Мне пришлось забраться в кабину грузовика, чтобы от них отделаться. Эти твари облепили все ветровое стекло. Сидели там

и каркали, как стервятники. А когда вы пришли, они все убежали.

— Они питаются падалью, — пояснил Грант. — На тех, кто движется и выглядит сильным и способным за себя постоять, они не нападают. Они набрасываются только на мертвых или на умирающих — словом, на неподвижную добычу.

Геннаро и Грант поднимались вверх по лестнице, к выходу из здания.

— А что случилось с тем раптором, который на вас напал? — спросил Грант.

— Даже не знаю... — ответил Геннаро.

— Он ушел?

— Я не видел. Мне удалось от него удрать, наверное, только потому, что эта зверюга была ранена. Я так понял, Малдун прострелил ему ногу, ящер забрался сюда и здесь сидел и истекал кровью. А потом... Не знаю. Возможно, он ушел в джунгли. Возможно, где-нибудь подох... Я не видел.

— А может, он и до сих пор где-то здесь, — сказал Грант.

Ву смотрел через окно на рапторов, бегающих за оградой возле гостиницы. Они все еще как будто играли — вполсили напрыгивали на изгородь, делая вид, что нападают на Элли. Животные «играли» так уже довольно долго — Ву подумал, что даже слишком долго. Казалось, велоцирапторы стараются отвлечь на себя внимание Элли точно так же, как девушка пыталась отвлечь на себя их внимание.

Генри Ву всегда плохо понимал мотивы поведения динозавров. Вообще-то, это его не слишком и интересовало — ведь поведенческие аспекты были лишь вторичными по отношению к структуре ДНК, так же как выработка белков. Невозможно точно предсказать поведение животных и тем более невозможно его контролировать — разве что очень грубыми способами. Такими, например, как создание искусственной зависимости от определенных пищевых компонентов, путем внедрения в ДНК дефектных генов, отвечающих за выработку некоторых ферментов.

Однако, в общем и целом, поведение животных практически невозможно даже понять, а уж тем более — предугадать. Определить поведение животного по структуре его ДНК нельзя. Это абсолютно невозможно.

Поэтому работа Генри Ву с ДНК динозавров была исключительно эмпирической. В каком-то смысле это была грубая и неквалифицированная работа — как если бы современный мастер взялся чинить антикварные механические часы своего прадедушки. Ву имел дело с материальным реликтом далекого прошлого, с предметом, созданным из старинных материалов и по старинным методикам. Если эта штука вдруг заработает, современный человек просто не сможет понять, почему она действует. Ведь древний механизм уже много раз подвергался всевозможным усовершенствованиям в процессе эволюции — в течение многих веков и даже геологических эр. И точно так же, как современный часовой мастер исправляет антикварные часы буквально наугад, не зная заранее, будут ли они работать после такого ремонта, так и Генри Ву вносил исправления в ДНК динозавров, не зная заранее, как это отразится на поведении животных — в лучшую или в худшую сторону. Поэтому Ву брался вносить исправления в ДНК, только когда налицо были грубые отклонения в поведении — когда животные почему-то бездумно бросались раз за разом на электрифицированные изгороди и явно не обучались их избегать, или, например, когда динозавры по неясной причине сильно терлись боками о стволы деревьев, до крови раздирая себе кожу. Такие отклонения в поведении заставляли Генри Ву снова садиться за «чертежную доску» и заново строить цепочку ДНК.

Из-за ограничений, обусловленных его наукой, динозавры в парке казались Генри Ву очень таинственными и загадочными существами. Он абсолютно не был уверен, что поведение этих животных хоть сколько-нибудь соответствует поведению их исторических прототипов. Так ли вели себя в далеком прошлом их генетические предки? Ответа на этот вопрос никто не знал и узнать его не было никакой возможности.

И хотя сам Генри Ву никогда бы этого не признал, то обстоятельство, что попавшие на волю животные в парке

стали размножаться, доказывало огромную ценность его работы. Если искусственно полученные животные стали размножаться, значит, они совершенно полноценные представители своего вида по одному из главнейших показателей. Это означало, что Генри Ву, так или иначе, удалось сложить части головоломки абсолютно правильно. Ему удалось заново воссоздать животных, исчезнувших миллионы лет назад, причем так хорошо, что эти животные даже могли самостоятельно воспроизводить самих себя в потомстве.

Но сейчас, наблюдая за рапторами у ограды, Генри Ву забеспокоился. Слишком они были упорны, слишком настойчиво старались отвлечь внимание Элли. Велоцирапторы — очень сообразительные животные, а умным животным быстро надоедают бессмысленные занятия. Однако умные животные способны заранее продумывать свои действия и...

Хардинг вышел из комнаты Малкольма в коридор.

— Где Элли?

— Там, снаружи.

— Лучше отзовите ее, пусть зайдет в гостиницу. Рапторы ушли от окна на крыше.

— Давно? — спросил Ву, подходя к двери.

— Да только что, — сказал Хардинг.

Ву распахнул парадную дверь и крикнул:

— Элли! Элли, скорее идите внутрь!

Девушка обернулась, удивленно вскинула брови.

— У меня все нормально, я полностью контролирую ситуацию...

— Сюда! Быстро!

Элли покачала головой и сказала:

— Я знаю, что делаю.

— Элли, черт возьми! Быстро сюда!

Малдуну не понравилось, что Ву открыл дверь нараспашку и стоит на пороге. Он уже совсем было собрался ему об этом сказать, как вдруг заметил быстро метнувшуюся сверху тень и сразу понял, что сейчас случится. В следующее мгновение Ву сшибли с ног, он упал на землю перед дверью. Элли закричала. Малдун бросился к двери, выглянул наружу и увидел, что Генри Ву лежит на земле лицом кверху, с распоротым животом, над ним склонился

раптор и мотает головой из стороны в сторону, трепля горячие внутренности, а Ву, еще живой, пытается руками оттолкнуть от себя голову ящера, который пожирает его заживо. Элли перестала кричать и со всех ног побежала куда-то вдоль ограды. Малдун одним рывком захлопнул дверь. У него голова шла кругом от ужаса. Все это случилось так быстро!

Хардинг сказал:

— Он спрыгнув с крыши?

Малдун кивнул. Потом подошел к окну и посмотрел на тех рапторов, которые остались за оградой. И увидел, что они уже убежали, но не вдогонку за Элли.

Рапторы побежали к Гостевому центру.

Грант подошел к углу технического бункера и стал осматриваться, стараясь что-либо разглядеть сквозь густой туман. Он слышал рычание рапторов — похоже, звери приближались сюда. Вскоре Алан их увидел — рапторы действительно бежали к Гостевому центру.

Он оглянулся на Геннаро.

Тот покачал головой.

Грант наклонился к Геннаро, прошептал ему на ухо:

— У нас нет выбора. Мы должны запустить компьютер, — и шагнул в туман.

Геннаро пошел за ним.

Элли мчалась вперед, не останавливаясь, не думая, куда бежит. Когда рапторы спрыгнули внутрь ограды, во двор гостиницы, и напали на Ву, она просто повернулась и побежала — побежала изо всех сил, к дальнему краю гостиничного комплекса. Между гостиницей и оградой было открытое пространство шириной около пяти метров. Элли бежала, не слыша звуков погони, она слышала только свое собственное сбивчивое дыхание. Она повернула за угол и увидела высокое дерево, растущее совсем рядом со зданием гостиницы. Девушка подбежала к дереву, подпрыгнула, уцепилась за нижнюю ветку и стала быстро взбираться наверх, подтягиваясь и перескакивая с ветки на ветку. Ей не было страшно. Элли даже развеселилась, когда оступилась и кувыркнулась головой вниз —

ноги взлетели выше головы. Она успела удержаться и не упала — ловко обвила ногами ближайшую ветку, напрягла пресс и быстро подтянулась кверху, на прежнее место.

Элли забралась уже довольно высоко — метра на четыре над землей, а рапторы все не показывались. Она уже совсем обрадовалась, но тут из-за угла выскочило первое животное, пасть — в крови, с клыков свисают обрывки окровавленной плоти. Девушка быстро полезла наверх. Она подтягивалась на руках, перебрасывала тело с ветки на ветку и взбиралась все выше и выше. Она вскарабкалась уже на высоту вровень с крышей гостиницы и снова посмотрела вниз.

Два велоцираптора тоже лезли на дерево.

Элли залезла по дереву выше гостиничной крыши. Крыша здания была совсем рядом, всего в полутора метрах от нее. Девушка видела стеклянные пирамидки верхних окон, окутанные туманом. На крыше была дверь, значит, через нее можно пробраться внутрь здания. Одним мощным рывком девушка перепрыгнула расстояние, отделявшее дерево от крыши гостиницы, и приземлилась на засыпанную гравием прогулочную дорожку на крыше. Элли не удержалась на ногах и упала, расцарапав лицо о гравий, но боли не почувствовала — она почему-то ощущала только непонятное радостное возбуждение, как будто играла в какую-то игру, в которой обязательно должна была победить. Элли быстро поднялась на ноги и бросилась к двери, ведущей на лестницу. Она слышала, как рапторы раскачивают дерево, перепрыгивая с ветки на ветку и взбираясь все выше и выше, — значит, они все еще на дереве...

Девушка добежала до двери и рванула за ручку.

И тут оказалось, что дверь заперта на замок.

Элли не сразу сообразила, насколько все плохо — нелепое радостное возбуждение затуманило ей разум. Дверь заперта изнутри. А она — на крыше и никак не может спуститься вниз. Потому что дверь — заперта!

Элли бросилась к краю крыши, надеясь отыскать какой-нибудь спуск, но увидела внизу только зеленовато-голубое пятно плавательного бассейна, видневшееся сквозь туман. Площадка вокруг бассейна была залита бетоном. Три, а то и три с половиной метра бетона. Слиш-

ком широко, чтобы перепрыгнуть одним махом. И никаких деревьев поблизости, чтобы можно было спуститься вниз. Никаких ступенек. Никакой пожарной лестницы.

Ничего.

Элли обернулась и увидела, что рапторы легко перепрыгнули с дерева на крышу. Она побежала к другому краю крыши в надежде, что там найдется еще одна дверь, но двери не было.

Рапторы стали медленно подкрадываться к девушке. Они подступали все ближе, беззвучно скользя между стеклянными пирамидками окон. Элли еще раз глянула вниз. Край бассейна был в трех метрах от здания.

Слишком далеко. Она не допрыгнет.

Рапторы были уже совсем близко, они начали расходиться в стороны. Элли ни с того ни с сего подумала: «Неужели это всегда так? Маленькая промашка — и все кончено». Ей по-прежнему было не страшно, а даже весело, радостное возбуждение еще не отступило, и, вопреки всему, девушке не верилось, что рапторы действительно на нее охотятся, она не могла поверить, что ее жизнь может вот так нелепо оборваться. Элли Саттлер казалось, что это невозможно. Ее оберегала своеобразная защитная реакция организма — непробиваемая веселость. Девушка просто не верила, что с ней может случиться что-то страшное.

Рапторы зарычали. Элли подалась назад, к самому краю крыши. Потом она глубоко вдохнула и бросилась бежать к противоположному краю. Уже добежав до края крыши, она снова увидела внизу бассейн и поняла, что вода слишком далеко, но в ее голове пронеслась только шальная мысль: «Какого черта?» — и Элли прыгнула.

Ее обожгло болью от удара, а потом со всех сторон обволокло холодом. Элли с головой ушла под воду. Получилось! Девушка вынырнула на поверхность, посмотрела вверх и увидела, что рапторы наблюдают за ней, стоя у края крыши. И тут она поняла, что если ей удалось допрыгнуть до бассейна, то рапторы тоже смогут это сделать... Элли плескалась в воде и думала, умеют ли велоцирапторы плавать, хотя почему-то она точно знала, что умеют. Они, наверное, плавают почти так же, как крокодилы.

И вдруг рапторы повернули головы и скрылись из виду — отошли от края крыши. Элли услышала голос Хардинга, который звал ее:

— Саттлер!

Она поняла, что Хардинг открыл дверь на крыше. И рапторы теперь занялись ветеринаром.

Элли быстро выбралась из бассейна и бегом бросилась к гостинице.

Хардинг взбежал наверх по лестнице, ведущей к выходу на крышу, перепрыгивая через две ступеньки за раз, и, не задумываясь, распахнул дверь.

— Саттлер! — позвал он.

И замер на месте. Между стеклянными пирамидками на крыше клубился густой туман. Рапторов нигде не было видно.

— Саттлер! — крикнул он еще раз.

Хардинг думал только об Элли, поэтому не сразу понял свою ошибку. Он вспомнил, что где-то здесь должны быть и велоцирапторы. И он должен был их увидеть... В это мгновение из-за края двери к нему метнулась когтистая лапа велоцираптора, когти разодрали грудь... Хардинг дернулся от страшной боли и, собрав все силы, отпрыгнул назад и захлопнул дверь, прищемив ящеру лапу. Откуда-то снизу закричал Малдун:

— Она здесь, она уже внутри!

Раптор по ту сторону двери взвыл, Хардинг снова хлопнул дверью по его лапе — когтистая конечность отдернулась, дверь с резким металлическим лязгом закрылась, замок защелкнулся. Хардинг закашлялся и упал на пол.

— Тимми, а куда мы идем? — спросила Лекс. Они поднялись на второй этаж Гостевого центра и вошли в длинный коридор со стеклянной стеной, который тянулся вдоль всего здания.

— К пульту управления, — ответил Тим.

— А где это?

— Где-то здесь, уже близко, — Тим читал надписи на табличках на всех дверях, мимо которых они проходили.

Похоже, это были кабинеты сотрудников: «Охрана парка»... «Обслуживание посетителей»... «Главный менеджер»... «Главный механик»...

Мальчик и девочка подошли к стеклянной перегородке с надписью: «Закрытая зона. Вход — только для сотрудников парка».

В перегородке была специальная щель для личных карточек персонала, но Тим просто толкнул дверь рукой, и она открылась.

— Почему она открылась?

— Электричество отключено, — объяснил Тим.

— А зачем мы идем на пульт управления? — спросила Лекс.

— Мы найдем там рацию. Нам нужно кому-нибудь позвонить.

За стеклянной перегородкой коридор был точно таким же: с одной стороны — стеклянная стена, с другой — ряд дверей. Тим вспомнил это место, они проходили здесь во время экскурсии. Лекс шагала рядом с братом. Где-то вдалеке послышалось рычание велоцирапторов. Животные, похоже, приближались к Гостевому центру. Потом Тим услышал, как шлепают лапы животных по стеклянным ступенькам где-то внизу.

— Они там... — прошептала девочка.

— Не бойся.

— Что они там делают?

— Неважно.

«Смотритель животных»... «Главный инженер»... «Пульт управления»...

— Сюда! — сказал Тим и открыл дверь. Комната, в которой располагался пульт управления, была точно такой же, какой он ее запомнил. В центре стоял большой стол с четырьмя компьютерными мониторами, вокруг него — четыре кресла. В комнате было темно, но все мониторы светились — на каждом высвечивалось несколько рядов разноцветных квадратов.

— И где здесь рация? — спросила Лекс.

Но Тим уже забыл про рацию. Мальчик подался вперед, не сводя глаз с компьютерных мониторов. Мониторы светились! Это могло означать только одно...

— Наверное, электричество снова включили...

— Ой! — вскрикнула Лекс и вся сжалась.

— Что такое?

— Я наступила на чье-то ухо... — прошептала девочка.

Тим не заметил тела, когда вошел. Он оглянулся и увидел, что на полу валялось одно только ухо.

— Какая гадость! — сказала Лекс.

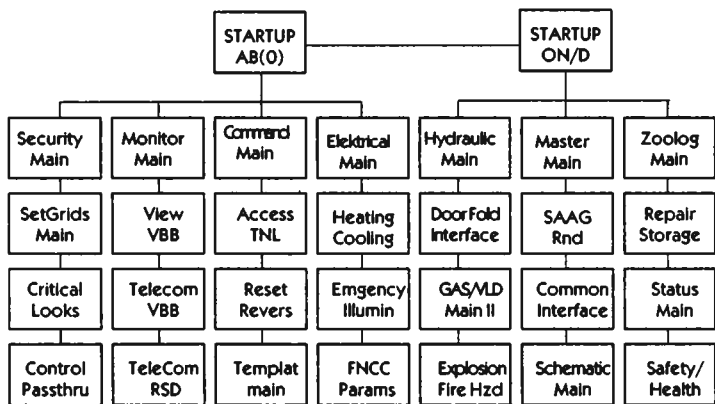
— Не обращай внимания, — посоветовал Тим сестре и повернулся к мониторам.

— А где все остальное от этого уха? — спросила Лекс.

— Да какая тебе разница?

Мальчик внимательно рассмотрел изображение на мониторе. Там было несколько рядов цветных прямоугольников с надписями:

JURASTIC PARK — SYSTEM STARTUP

Тимми, не лезь туда! Это не игрушка, — сказала Лекс.

— Не бойся, не полезу.

Тим уже видел такие сложные компьютеры — такие компьютеры стояли у папы на работе. Они контролировали все механизмы, находившиеся в зданиях, — от лифтов и охранных приспособлений до систем кондиционирования. Внешне те компьютеры выглядели примерно так же, как эти, но обычно надписи на них были проще и понятнее. И почти всегда на экране имела табличка с надпи-

сю «Справка» — на тот случай, если понадобится что-то узнать о том, как устроена система. Здесь не было никакой справочной таблички. Тим на всякий случай повнимательнее рассмотрел все высветившееся на экране.

И заметил, что в верхнем левом углу экрана мигают какие-то цифры — 10:47:22. Тим не сразу понял, что это электронные часы. Значит, осталось всего тринадцать минут, прежде чем корабль, привозивший на остров припасы, пристанет к материку. Но сейчас мальчика больше волновала судьба людей, оставшихся в гостинице.

Вдруг мальчик услышал характерный треск и шипение — обернувшись, он увидел, что Лекс держит в руках рацию и тычет пальцем в разные кнопки.

— Как эта штука работает? — спросила девочка. — Почему она у меня не работает?

— Дай сюда!

— Это мое! Я первая ее нашла!

— Дай сюда рацию, Лекс!

— Я первая ее нашла, я и буду говорить!

— Лекс!

Вдруг рация включилась, и хриплый голос Малдуна произнес:

— Что за хрень тут творится?!

Лекс от неожиданности разжала пальцы, и рация упала на пол.

Грант, пригнувшись, затаился среди пальмовых деревьев. Сквозь клубы тумана он видел рапторов, которые рычали и прыгали возле Гостевого центра, толкая головами оконное стекло. Но вот что странно — время от времени то один, то другой ящер переставал рычать и как будто к чему-то прислушивался. А еще рапторы почему-то то и дело тоненько поскуливали.

— Что они делают? — шепотом спросил Геннаро.

— Похоже, пытаются пробраться в кафетерий, — сказал Грант.

— А что такого в кафетерии?

— Я оставил там детей...

— Как вы думаете, смогут они пробить стекло?

— По-моему — вряд ли. Нет, наверное, не смогут.

Грант продолжал следить за рапторами и вдруг услышал, как где-то вдалеке заработала рация. Рапторы ожились и стали прыгать все выше и выше, пока, наконец, один из ящеров не вскочил на балконную галерею второго этажа, а оттуда легко пробрался сразу на второй этаж Гостевого центра.

На пульте управления Тим быстро подхватил рацию, которую уронила Лекс, и нажал на нужную кнопку.

— Алло! Алло!

— ...ты, Тим? — говорил Малдун.

— Да, я!

— Где вы находитесь?

— На пульте управления.

— Это просто здорово, Тим! — воскликнул Малдун.

— Если кто-нибудь скажет мне, что и как делать, я смогу запустить компьютеры.

Малдун ответил не сразу.

— Алло! Вы меня слышите? — встревожился Тим.

— Понимаешь, Тим, все не так просто... — сказал Малдун. — У нас тут не осталось никого, кто знает, как обращаться с компьютерами... То есть, никто не знает, как их запустить...

Тим сказал:

— Вы что, смеетесь? Как это — никто не знает? — это было совершенно невероятно.

— Никто, — Малдун помолчал, потом сказал: — Я думаю, надо что-то сделать с главной энергосистемой... Тим, ты ведь, кажется, немного разбираешься в компьютерах?

Тим посмотрел на монитор. Лекс дернула его за рукав.

— Тимми, скажи, что не разбираешься!

— Да, немного разбираюсь. Но совсем немного, — ответил мальчик.

— Все равно придется попробовать, — настаивал Малдун. — У нас тут никто в них не понимает. И Грант тоже не специалист по компьютерам.

— Ну, ладно, — сказал Тим. — Я попробую, — он отключил рацию, повернулся к монитору и стал внимательно изучать надписи на табличках.

— Тимми! Ты же не знаешь, что надо делать! — сказала Лекс.

— Знаю.

— Ну, если знаешь — то делай.

— Сейчас, сейчас... -- чтобы хоть с чего-то начать, мальчик пододвинул кресло поближе к столу и стал нажимать на клавиши перемещения курсора. Эти клавиши должны были передвигать курсор в нужную часть экрана. Но сколько он ни нажимал на клавиши со стрелками, — ничего не получалось. Тогда Тим попробовал нажимать другие клавиши. Картинка на экране не изменилась.

— Ну вот видишь! — сказала Лекс.

— Что-то здесь не так... — проронил Тим и нахмурился.

— Ты просто не знаешь, что делать! — заявила Лекс.

Мальчик снова внимательно изучил изображение на экране, а потом и весь компьютер. На клавиатуре этого компьютера не было обычного верхнего ряда функциональных клавиш, которые обязательно имелись на всех обычных клавиатурах. И монитор здесь был цветной, и гораздо больше обычного. Потом Тим заметил на боковой части монитора ряд красных светящихся кнопок.

Маленькие красные кнопки окружали экран со всех сторон... Что же это за кнопки? Для чего они? Мальчик протянул руку к кнопкам, на пальцы упал слабый красноватый отблеск.

Тим дотронулся до экрана. Компьютер запищал. Изображение на экране мгновенно изменилось.

Прямоугольник с надписью «Access TNL» — «Доступ» — засветился красным, а поверх таблицы высветилось сообщение: «Вы получили доступ к программе. Выберите модуль на главном экране».

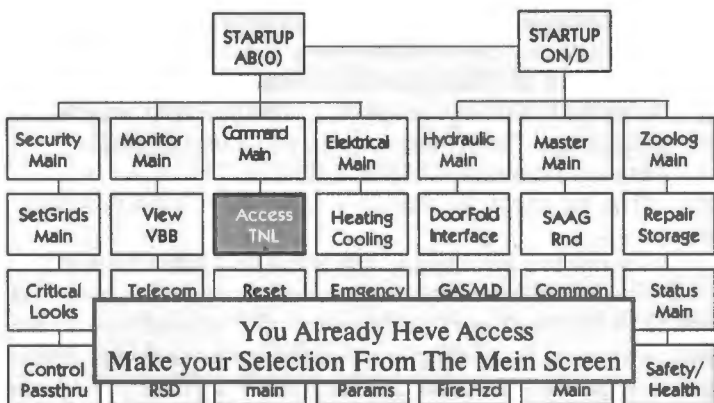
В следующее мгновение прямоугольник с сообщением исчез и изображение на экране снова стало таким, каким было раньше.

— Что случилось? — спросила Лекс. — Что ты сделал? Ты до чего-то дотронулся.

«Ну конечно же! — подумал Тим. — Я дотронулся до экрана. Это монитор с функциональным экраном! А красные огоньки вдоль края — это, наверное, инфракрасные сенсоры». Тим никогда раньше не видел таких мо-

ниторов, хотя и читал о них в журналах. Он дотронулся до кнопки «Reset» — «Перезагрузка».

JURASTIC PARK — SYSTEM STARTUP

Изображение на экране мгновенно изменилось. Там появилась надпись:

«Компьютер перезагружен. Выберите модуль на главном экране».

По рации послышалось рычание рапторов.

— Я хочу посмотреть, — сказала Лекс. — Нажми на «VIEW»!

— Нет, Лекс.

— А я хочу посмотреть! — заупрямилась девчонка и, прежде чем Тим успел перехватить ее руку, нажала на клавишу «VIEW» — «Просмотр». Изображение на экране сразу же переменялось.

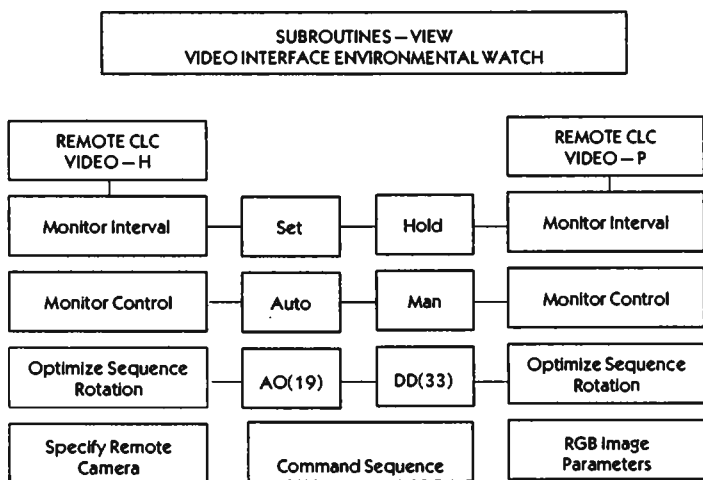
— Ух ты! — восторженно ахнула девчонка.

— Лекс, и как теперь это убрать?

— Смотри! Заработало! Ха!

Видеомониторы по всей комнате включились, на них стали быстро сменяться изображения, переданные с видеокамер, расположенных в разных частях парка. Боль-

шая часть мониторов показывала смутные сероватые картины — все в парке было затянуто плотной завесой тумана, но вот на одном мониторе появилось изображение гостиницы с раптором на крыше, а на другом — ясный солнечный день и прибывающий корабль... Ясный солнечный день?..

— Что это значит? — Тим наклонился к монитору.

— Что?

— Эта картинка!

Но изображение уже сменилось другим — теперь мониторы показывали помещения гостиницы, все комнаты, одна за другой. Вот дети увидели Яна Малкольма, лежащего в кровати...

— Останови это! — потребовала Лекс. — Я их вижу!

Тим дотронулся до монитора поочередно в нескольких местах и вывел на экран вспомогательное меню, потом — другие вспомогательные меню...

— Подожди! Ты все испортишь... — заныла Лекс.

— Да заткнись ты! Не мешай! Ты же ничего не знаешь про компьютеры!

Теперь на экране высветился полный список всех мониторов. Один из них был обозначен «охотничий домик: 2-4 уровни». Возле другого была подпись: «Запись: корабль (среда)». Тим еще несколько раз нажал на экран.

Изображение на всех мониторах в комнате снова переменялось. На одном появился корабль посреди океана. Это был тот самый корабль, который доставлял на остров продовольствие. Вдалеке впереди корабля виднелась земля — Тим разглядел даже дома на берегу и большую пристань. Мальчик узнал пристань — позавчера они пролетали над ней на вертолете. Это была пристань в Пунтаренасе. Корабль должен был причалить всего через несколько минут.

Но тут внимание мальчика переключилось на другой монитор — тот показывал крышу гостиницы, затянутую серовато-белым туманом. Тим увидел двух велоцирапторов, наполовину скрытых стеклянными пирамидками. Ящеры методично поднимали и опускали головы, как будто пытались что-то пробить острыми носами.

А на третьем мониторе появилось изображение комнаты в гостинице. На кровати лежал Ян Малкольм, рядом с ним стояла Элли Саттлер. Оба смотрели вверх. Тут к ним подошел Малдун, хмурый и озабоченный, и тоже посмотрел вверх.

— Они нас видят! — сказала Лекс.

— Нет, не видят.

Затрещала рация. Малдун на мониторе поднес рацию к губам и сказал:

— Тим, ты меня слышишь?

— Слышу! — сразу же отозвался мальчик.

— В общем-то, время у нас на исходе, — сказал Малдун. — Так что поторопись там, постарайся все-таки как-нибудь включить энергоснабжение. — Тим услышал по рации злобное рычание рапторов и увидел, что один из ящеров просунул свою продолговатую голову сквозь стекло и быстро начал расширять дыру, яростно работая мощными челюстями.

— Скорее, Тимми! — закричала Лекс. — Включай энергию!

Энергоснабжение

Тим внезапно растерялся — стараясь вернуть на главный монитор первоначальное изображение, мальчик запутался во множестве вспомогательных окошек-экранов.

В большинстве компьютерных операционных систем была предусмотрена одна специальная клавиша, с помощью которой можно сразу убрать все вспомогательные программы и вернуться к предыдущему экрану или к основной таблице — главному меню. Но в этой системе такой клавиши не было, по крайней мере, найти ее Тим не смог. Мальчик точно знал, что в операционную систему обязательно должны быть встроены команды-подсказки, но и их он тоже не смог найти. А тут еще Лекс прыгала вокруг, дергала его за рубашку и верещала над ухом, мешая сосредоточиться.

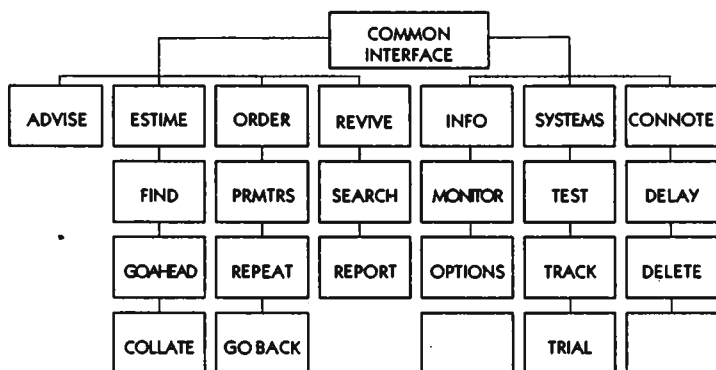
Наконец Тиму удалось вывести на экран главное меню. Мальчик и сам не понял толком, как это у него получилось, но меню вернулось. Тим стал искать нужный модуль.

— Делай же что-нибудь, Тимми! — орала Лекс прямо в ухо.

— Ты можешь помолчать хотя бы минуту? Заткнись! Не мешай мне! — Он нажал на «Template-main». Экран заполнился сложной диаграммой с множеством стрелок и взаимосвязанных прямоугольников.

Не то... Не то.

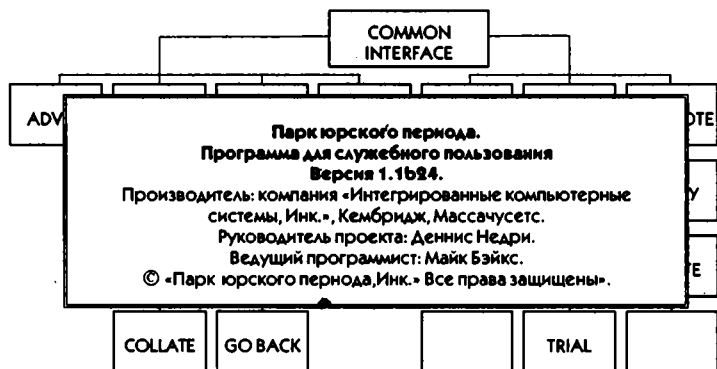
Тим нажал на «Common interface». На экране появилось следующее:

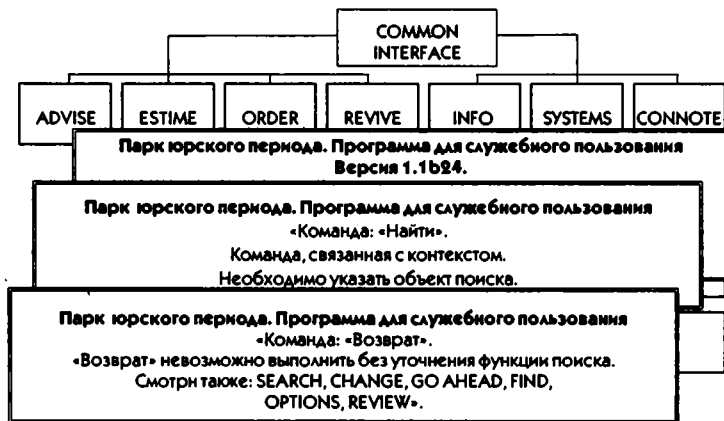
— Что это еще такое, Тимми? — спросила Лекс. — Почему ты не включаешь энергию?

Тим старался не обращать на нее внимания. Может быть, что-нибудь полезное найдется в блоке «INFO»? Он нажал на прямоугольник с надписью «INFO».

Поверх меню появилась табличка:

— Тимми-и-и! — завизжала Лекс, но он уже нажал на другой прямоугольничек с надписью «FIND». И получил еще одну непонятную табличку:

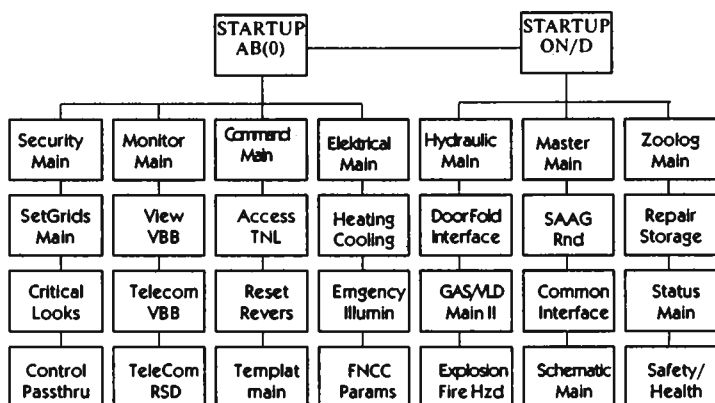
Тогда Тим нажал на «GO BACK». На экране прибавилась еще одна табличка.

Малдун спросил по рации:

— Ну, как там дела, Тим?

Тим даже не стал отвечать. Он лихорадочно нажимал одну кнопку за другой.

И вдруг, совершенно неожиданно для самого Тима, на экране снова появилась таблица главного меню:

Тим еще раз перечитал названия модулей. «ELECTRICAL MAIN» и «SETGRIDS DNL», скорее всего, имеют какое-то отношение к запуску энергосистемы. «SAFETY/HEALTH» и «CRITICAL LOCKS» — тоже, наверное, очень важные модули. Мальчик слышал рычание рапторов. Надо принимать решение. Надо выбирать. Тим нажал на «SETGRIDS DNL» и даже застонал, увидев на экране новую таблицу:

SET GRIDS DNL

CUSTOM PARAMRTERS

STANDARD PARAMERTERS

ELECTRICAL SECONDARY (H)

MAIN GRID LEVEL

A4

B4

C7

D4

E9

MAIN GRID LEVEL

C9

R5

D5

E3

G4

ELECTRICAL SECONDARY (P)

MAIN GRID LEVEL

A2

B3

C6

D11

E2

MAIN GRID LEVEL

C9

R5

D5

E3

G4

MAIN GRID LEVEL

A8

B1

C8

D8

E8

MAIN GRID LEVEL

P4

R8

P4

E5

L6

ELECTRICAL SECONDARY (M)

MAIN GRID LEVEL

A1

B1

C1

D2

E2

MAIN GRID LEVEL

C4

R4

D4

E5

G6

Тим не знал, что делать дальше. И нажал «STANDARD PARAMETERS». На экране высветилось:

СТАНДАРТНЫЕ ПАРАМЕТРЫ:

Энергоснабжение парка	B4-C6	Энергоснабжение внешнего ограждения	C2-D2
Энергоснабжение зоологического комплекса	BB-07	Энергоснабжение ограды вольеров	R4-R4
Энергоснабжение гостиницы	F4-D4	Энергоснабжение технического блока	E5-L6
Энергоснабжение главного корпуса	C4-G4	Энергоснабжение сенсорных устройств	D5-G5
Энергоснабжение хозяйственных помещений	АН-B4	Энергоснабжение основных структур	A1-C1

Непрерывность линий не определялась.

Энергоснабжение охранных устройств — автоматическое.

Тим в отчаянии покачал головой. Он не сразу понял, что на этот раз компьютер предоставил действительно ценную информацию. Теперь мальчик знал маркер энергоснабжения гостиницы! Он набрал на клавиатуре F4.

Энергоблок F4 (Энергоснабжение гостиницы)

Команда не может быть выполнена. Ошибка 505.

(Энергию невозможно подключить из-за ошибки в команде.

Посмотрите Инструкцию, стр. 4.09 — 4.11).

— Не сработало, — сказала Лекс.

— Сам вижу! — Тим нажал другую клавишу. Монитор мигнул, и на экране снова появилось то же самое изображение:

Энергоблок F4 (Энергоснабжение гостиницы)

Команда не может быть выполнена. Ошибка 505.

(Энергию невозможно подключить, несоответствующая команда.

Просмотрите Инструкцию, стр. 4.09 — 4.11).

Тим старался не паниковать и спокойно обдумать положение. Пытаясь включить энергоснабжение гостиницы, он по каким-то причинам задал компьютеру ошибочную команду. И компьютер сообщил, что энергию такой командой подключить невозможно. Но что это означает? Почему команда не соответствует?

— Тимми... — сказала Лекс, дергая его за рукав.

— Не сейчас, Лекс!

— Сейчас, Тимми, сейчас! — сказала девочка и повернула его голову от компьютера. И тут Тим услышал рычание рапторов.

Звуки доносились из коридора.

Рапторы уже почти прогрызли второй прут решетки в разбитом окне над кроватью Яна Малкольма. Животные свободно просовывали головы сквозь образовавшееся отверстие и яростно рычали на собравшихся внизу людей. А потом снова высовывались обратно и упорно продолжали грызть металл.

Малкольм сказал:

— Уже недолго осталось. Минуты три, может, четыре, — он нажал кнопку рации и сказал: — Тим, ты меня слышишь? Тим!

Ответа не было.

Тим выскользнул за дверь и увидел велоцираптора в дальнем конце коридора. Ящер стоял возле балконной галереи. Мальчик застыл в недоумении. Как раптор смог выбраться из морозильника?

Но тут на балконе внезапно появился второй ящер, и Тим понял. Велоцираптор не выбрался из холодильника — это совсем другое животное. Он пришел откуда-то из другого места и запрыгнул на балкон снизу. Второй

раптор беззвучно вспрыгнул на балкон и уселся на перила. Тим не мог поверить своим глазам. Такие огромные животные — и так легко подпрыгивают на высоту больше трех метров! У них, наверное, потрясающе мощные нижние лапы.

Лекс прошептала:

— Ты же говорил, что они не смогут...

— Тс-с-с!.. — Тим старался что-нибудь придумать, а сам, как зачарованный, следил за рапторами. Вот уже третье животное вспрыгнуло на балкон. Велоцирапторы прошли внутрь коридора и какое-то время бесцельно топтались на месте. А потом все вместе, единой слаженной группой, двинулись вперед. Рапторы направлялись к Тиму и Лекс.

Мальчик тихо и осторожно толкнул спиной дверь, чтобы вернуться на пульт управления. Но дверь не открылась. Тим нажал сильнее.

— Мы закрыты снаружи! — прошептала Лекс. — Смотри!

Она показывала на щель для личных карточек персонала, встроенную рядом с дверью. Возле щели светилась яркая красная лампочка. Значит, охранная система дверей была каким-то образом активирована.

— Идиот! Ты закрыл нас снаружи!

Тим посмотрел вдоль коридора. Там было еще несколько дверей, но возле каждой светилась красная лампочка работающего охранного приспособления. Это означало, что электронные замки на всех дверях заперты. И им с Лекс совершенно некуда спрятаться.

Но вот Тим заметил чуть дальше по коридору какое-то тело на полу. Это был мертвый охранник. На поясе у охранника Тим увидел белый прямоугольник личной карточки.

— Туда! — прошептал Тим сестре. Они быстро побежали к охраннику. Тим схватил карточку, и они бросились бежать обратно. Но велоцирапторы, конечно же, успели их заметить. Ящеры зарычали и перекрыли детям обратный путь к двери в комнату пульта управления. Животные рассеялись по сторонам, окружая Тима и Лекс. Они непрерывно рычали и начали ритмично опускать и поднимать головы.

Велоцирапторы готовились к нападению.

Тим сделал единственное, что пришло ему в голову в такой ситуации. Он открыл карточкой охранника ближайшую дверь и затащил Лекс туда. Когда дверь с тихим шипением начала закрываться за ними, велоцирапторы бросились в атаку.

Гостиница

Ян Малкольм растягивал каждый вздох, словно это был последний вздох в его жизни. Помутневшим взглядом он наблюдал за велоцирапторами, которые возились с решеткой у него над головой. Хардинг измерил ему кровяное давление, нахмурился и повторил процедуру. Элли Саттлер сидела, завернувшись в одеяло, и дрожала от холода. Малдун сидел на полу, привалившись спиной к стене. Хаммонд молча стоял посреди комнаты. Все напряженно вслушивались в треск рации.

— Что же случилось с Тимом? — спросил Хаммонд.

— Не знаю...

— До чего они противные! Просто отвратительные, правда? — сказал Малкольм.

Хаммонд покачал головой.

— Кто бы мог подумать, что все так обернется?.. Кто мог такое вообразить?

— Малкольм, например, — заметила Элли.

— Я не воображал, — возразил Малкольм. — Я это вычислил.

Хаммонд вздохнул.

— Только не надо снова об этом, пожалуйста... Он может часами попрекать меня: «Я же вам говорил, я вас предупреждал...» Но ведь никто не хотел, чтобы так случилось...

— Хотел, не хотел — это здесь ни при чем, — произнес Малкольм, не открывая глаз. Он говорил медленно, потому что его до предела накачали обезболивающим. — Все зависит от того, что вы собирались здесь устроить. Когда охотник идет в лес за добычей, чтобы накормить свою семью, разве он собирается господствовать над природой? Нет, конечно! Он понимает, что природа — выше него.

Она выше его понимания. И он не сможет над нею властвовать. Может разве что только обожествлять Мать-природу и молить ее о том, чтобы позволила воспользоваться богатствами своих лесов для того, чтобы прокормиться. И охотник молится — он знает, что не властен повелевать природой. Наоборот, его судьба и судьба его семьи — во власти природы. А вы решили покорить природу, поставить ее себе в услужение. Вы решили, что сможете властвовать над силами природы — и это было вашей ошибкой. С этого и начались все ваши неприятности, потому что вы задумали заведомо невозможное. Несмотря на все самые сложные технические приспособления, которые, как вам казалось, давали вам власть над природой. Но управлять природой невозможно — у вас бы так никогда и не получилось этого и никогда не получится. Не надо путать совершенно разные понятия. Можно построить корабль, но нельзя сотворить океан. Можно построить самолет, но нельзя создать небо. Человеческие силы гораздо более ограничены. Человеческий разум вовсе не так всемогущ, как это принято считать.

— Я что-то опять не понимаю — о чем вы? — вздохнув, проронил Хаммонд. — Куда девался Тим? Он всегда был таким рассудительным мальчиком...

— Я уверен, что он пытается как-нибудь справиться с ситуацией, — сказал Малкольм. — Как и любой другой из нас.

— И Грант тоже... Что случилось с Грантом?

Грант подошел к задней двери Гостевого центра — из этой самой двери он выходил двадцать минут назад. Он подергал за ручку — дверь была заперта. Алан заметил маленький красный огонек — проклятье! Охранная система снова заработала. Все двери с электронными замками закрылись! Он торопливо обежал здание, вошел через разбитую стеклянную дверь в главный холл и задержался возле конторки охранника — там, где он в прошлый раз нашел рацию. Рация тихо шипела. Алан быстро прошел в кафетерий, потом — на кухню. Он искал детей. Дверь на кухню была открыта, дети куда-то пропали.

Тогда Грант поднялся по лестнице на второй этаж и уперся в стеклянную перегородку с надписью «Закрытая зона». Чтобы пройти дальше по коридору, нужна была служебная карточка-отмычка, а у Алана ее не было.

Войти в коридор он не мог.

Где-то дальше по коридору раздалось рычание велоцирапторов.

К лицу Тима прикоснулась гладкая кожа рептилии, острые когти вспороли рубашку. Тим испуганно вскрикнул и упал на спину.

— Тимми! — завизжала Лекс.

Тим быстро поднялся на ноги. У него на плече, вцепившись коготками в рубашку, висел маленький детеныш велоцираптора и громко верещал от страха. Оказывается, Лекс и Тим попали в «детскую», где содержали маленького раптора. На полу валялись разбросанные игрушки — желтый мячик, кукла, пластмассовая погремушка.

— Это детеныш раптора! — сказала Лекс, показывая на животное, уцепившееся за плечо Тима.

Малыш-раптор ткнулся мордочкой в шею мальчика. «Бедняжка, наверное, проголодался!» — подумал Тим.

Лекс подошла поближе — зверек перепрыгнул ей на плечо и ткнулся носиком в шею.

— Почему он это делает? Он что, боится? — спросила девочка.

— Не знаю, — пожал плечами Тим.

Лекс сняла малыша у себя с плеча и пересадил на плечо к брату. Зверек требовательно верещал, подпрыгивал у Тима на плече и быстро вертел головой, оглядываясь по сторонам. Маленький раптор определенно чем-то озабочен и...

— Тимми! — прошептала Лекс.

Как оказалось, когда они вошли в «детскую», дверь за ними не захлопнулась. И теперь сюда пробрались взрослые велоцирапторы — сначала один, а за ним другие...

Детеныш заволновался еще сильнее, заверещал громче и принялся прыгать на плече у мальчика. Тим понимал, что надо поскорее отсюда убираться. А вдруг детеныш сможет как-нибудь отвлечь внимание велоцирапто-

ров? В конце концов, это же их детеныш! Мальчик схватил детеныша и швырнул через всю комнату, к большим рапторам. Малыш заверещал и юркнул под ноги взрослым. Первый раптор наклонился и осторожно обнюхал детеныша.

Тим схватил Лекс за руку и потащил за собой в глубь комнаты. Нужно поскорее найти дверь и выйти отсюда...

Позади раздался пронзительный визг. Тим быстро оглянулся и увидел детеныша в пасти взрослого велоцираптора. Второй раптор подскочил и ухватил зубами ноги детеныша, пытаясь выдрать кусок из рта своего сородича. Детеныш верещал, а двое взрослых рапторов сцепились друг с другом из-за добычи. Кровь разорванного детеныша крупными каплями падала на пол.

— Они его сожрали... — прошептала Лекс.

Велоцирапторы дрались над останками детеныша — то отступали, то набрасывались друг на друга. Тим нашел в дальнем углу комнаты еще одну дверь — не запертую — и выскочил наружу, волоча за собой сестру.

Они попали в другую комнату. По темно-зеленому освещению Тим понял, что это — опустевшая лаборатория, в которой проводили экстракцию динозавровой ДНК. На столах стояли ряды брошенных стереомикроскопов, высокочувствительные мониторы показывали увеличенные черно-белые изображения древних насекомых — мушек и москитов, которые много миллионов лет назад кусали динозавров и сосали их кровь. Эту кровь ученые использовали теперь, чтобы воссоздать динозавров для парка юрского периода. Мальчик и девочка побежали через лабораторию к выходу, выбежали в коридор через главную дверь — наверное, при открывании этой двери срабатывал сигнал тревоги, потому что как только дети выскочили в узкий переход за лабораторией, где-то под потолком, у них над головой, оглушительно завыла сигнальная сирена и начали периодически вспыхивать и гаснуть лампы. Тим и Лекс бежали по коридору, а свет то включался — ослепительно-яркий, то выключался — и тогда в коридоре становилось совершенно темно. Даже за ревом сирены Тим ясно слышал сопение и рев рапторов, которые гнались за ними по пятам. Лекс хныкала и под-

вывала от страха. Тим увидел впереди еще одну дверь, с синим значком биологической опасности. Он толчком распахнул дверь, вбежал в следующую комнату и вдруг врезался во что-то большое и мягкое. Лекс дико завизжала от ужаса.

— Тихо, дети, успокойтесь, — сказал кто-то.

Тим заморгал, не веря своим глазам. Перед ним стоял профессор Алан Грант. А рядом — мистер Геннаро.

Когда Грант прошел до стеклянной перегородки в коридоре, он только через пару минут сообразил, что у мертвого охранника, который лежал в вестибюле Гостевого центра, должна быть личная карточка, открывающая двери. Грант вернулся в вестибюль, быстро нашел карточку, открыл дверь в перегородке и поспешил дальше по коридору второго этажа. Он шел на звуки, которые издавали рапторы, и вскоре обнаружил животных, дерущихся из-за чего-то в динозавровых «яслях». Грант догадался, что дети, наверное, прошли в следующую комнату, и быстро побежал по коридору в лабораторию, где извлекали ДНК динозавров.

Там он и встретился с детьми.

А за ними в лабораторию ворвались велоцирапторы. Животные как будто на мгновение растерялись, увидев перед собой больше людей, чем они рассчитывали.

Грант толкнул детей к Геннаро и быстро сказал:

— Спрячьте их куда-нибудь!

— Но...

— Туда! — Грант показал через плечо адвоката на дальнюю дверь. — Постарайтесь добраться до пульта управления. Там вы наверняка будете в безопасности.

— А вы что собираетесь делать? — спросил Геннаро.

Рапторы стояли у двери. Грант сообразил, что первые двое ждут остальных — ждут, когда вся группа соберется вместе, чтобы потом начать охоту привычным способом. Они ведь охотятся стаями! У Гранта мороз пробежал по коже.

— Я кое-что придумал, — сказал он. — А теперь — уходите!

Геннаро быстро увел детей. Рапторы медленно двинулись к Гранту, обходя суперкомпьютеры, огромные де-

монстрационные мониторы, на которых до сих пор мерцали бесконечные последовательности аминокислот в схемах ДНК. Рапторы надвигались на Гранта слаженной группой, без колебаний и задержек. Они время от времени наклоняли головы к полу, нюхали воздух.

Грант услышал, как за спиной шелкнул замок закрывшейся двери. Оглянувшись через плечо, он увидел Геннаро и детей, стоявших по ту сторону стеклянной перегородки и смотревших на него. Геннаро качал головой.

Грант понял, что это означает. Там, дальше, не было двери на пульт управления. Геннаро и дети оказались в ловушке — они были заперты в небольшом пространстве за стеклянной перегородкой.

Значит, настало время действовать.

Грант медленно двинулся в обход лаборатории, уводя рапторов от Геннаро и детей. Ближе ко входу он заметил еще одну дверь с табличкой «Лаборатория». У него сложилось нечто вроде плана, и он очень надеялся, что это сработает. На двери с надписью «Лаборатория» красовался синий значок биологической опасности. Рапторы придвигались все ближе. Грант бросился к двери, рывком открыл ее и метнулся внутрь, в теплую, влажную тишину.

Он обернулся.

Да!

Он попал именно туда, куда хотел! Это было помещение, в котором выращивали эмбрионы динозавров — под мощными инфракрасными лампами на длинных столах лежали бесконечные ряды яиц, окутанных плотным клубящимся туманом. Механические руки непрерывно двигались, с мерным жужжанием и легким клацаньем переворачивая яйца с боку на бок. Клубы тумана перетекали через края столов и спускались на пол, а там растворялись и исчезали.

Грант бегом бросился в дальний конец лаборатории, в небольшую комнатку со стеклянными стенами, залитую интенсивным ультрафиолетовым светом. Одежда Алана

замерцала, окрасилась в темно-синий цвет. Он быстро огляделся. Стеклянные стеллажи были заставлены баночками с реактивами, стаканами с пипетками, стеклянными блюдечками... там было полно всевозможного хрупкого лабораторного оборудования.

Рапторы ворвались в комнату. Вначале они осторожничали, принюхивались, втягивая носами влажный теплый воздух, рассматривали странные длинные столы, полные яиц. Первое животное отерло окровавленную морду тыльной стороной передней лапы. Рапторы бесшумно скользнули вдоль длинных металлических столов. Они шли размеренно, неторопливо, слаженной группой, время от времени наклоняя головы к полу и заглядывая под столы.

Они его искали.

Грант присел, подобрался к дальней стене стеклянной лаборатории, посмотрел наверх и, наконец, увидел то, что искал, — металлический ящик с недвусмысленной маркировкой. На нем были нарисованы череп и перекрещенные кости. Надпись на ящике гласила: «Внимание! Биологические токсины типа А4. При работе соблюдать все меры предосторожности!» Грант помнил, как Регис во время экскурсии говорил, что это очень мощные яды. Всего несколько молекул такого вещества убивают почти мгновенно...

Ящик лежал на лабораторном столе. Грант попробовал просунуть под него руку, но не смог. Тогда он попытался открыть ящик, не снимая со стола, и снова ничего не получилось. На контейнере с ядами не было никакой ручки, никакой крышки — по крайней мере, Алан ничего подобного не нашел... Он медленно поднялся, глянул через плечо на рапторов, которые расхаживали между столами в основном помещении лаборатории.

Алан снова обратил внимание на контейнер. Он заметил необычную металлическую пластину, вделанную в стол рядом с ящиком. Похоже на электрическое устройство с круглой крышкой, спрятанное под плоскостью стола. Алан сдвинул крышку, увидел кнопку и нажал на нее.

С легким шипением контейнер выдвинулся из стола вверх, к потолку.

Алан увидел стеклянные полки, уставленные бутылочками. На каждой бутылочке была маркировка — череп и скрещенные кости. Он стал просматривать надписи на этикетках: ССК-55... Тетра-альфа-секретин... Тимолевин Х-1612... В ультрафиолетовом свете жидкости в бутылочках отсвечивали бледно-зеленым. Алан заметил на одной из полок лоток со шприцами. Шприцы были маленькие, и в каждом поблескивала бледно-зеленым какая-то жидкость. Пригнувшись в темно-синей комнатке, Алан потянулся к лотку со шприцами. Иголки на шприцах были покрыты пластмассовыми колпачками. Он взял один шприц и зубами стянул с иглы пластмассовый колпачок. Осмотрел тоненькую иглолку...

И двинулся вперед. К рапторам.

Всю свою жизнь Алан Грант изучал динозавров. И только сейчас он понял, насколько мало на самом деле он о них знал. Велоцирапторы были мелкими плотоядными динозаврами, такими же, как овирапторы или, к примеру, дромеозавры. Палеонтологи считали, что эти животные питались в основном краденными яйцами более крупных динозавров. И сам Грант тоже всегда думал, что велоцирапторы не упускали случая закусить яйцами других динозавров, как некоторые виды современных птиц, которые охотно поедают чужие яйца.

Пригнувшись, Алан подкрался к краю ближайшего стола с динозавровыми яйцами. Он медленно поднялся, окутанный клубами тумана, и взял с поворачивающейся подставки крупное яйцо. Оно было размером почти с футбольный мяч, бледно-кремовое, с тонкими розовыми прожилками. Осторожно держа яйцо в руках, Алан проколол скорлупу тонкой иглой и впрыснул внутрь содержимое шприца. Яйцо засветилось бледно-голубым.

Грант снова пригнулся. Под столами ему хорошо были видны ноги велоцирапторов и клубы тумана, стекающего со столов. Алан толкнул светящееся яйцо, и оно покатилось по полу к велоцирапторам. Рапторы насторожились, услышав негромкое постукивание катящегося яйца, быстро завертели головами по сторонам. А потом продолжили все так же медленно и методично обыскивать помещение.

Яйцо остановилось в нескольких метрах от ног ближайшего раптора.

Черт!

Грант снова проделал ту же процедуру: взял со стола яйцо, опустил на пол, проколол, впрыснул внутрь яд из шприца и толкнул яйцо, чтобы оно покатилося по полу. На этот раз яйцо остановилось у самых ног одного из велоцирапторов. Оно даже легонько ударилося о длинный коготь большого пальца на лапе зверя.

Раптор наклонил голову и удивленно посмотрел на этот неожиданный подарок судьбы. Потом осторожно обнюхал светящееся яйцо. Покатал его носом по полу...

И пошел дальше, больше не обращая внимания на бледно-голубой светящийся шар.

Динозавр все так же медленно продвигался вперед, продолжая исследовать комнату.

Не сработало.

Грант взял со стола третье яйцо и зарядил его ядом из другого шприца. Взвесил засветившийся шар в руках и покатил по полу, но только на этот раз он катнул отравленное яйцо очень сильно, как шар в кегельбане. Яйцо, громко рокоча и подпрыгивая, быстро покатилося по полу.

Один из велоцирапторов обратил внимание на звук, пригнул голову, заглянул под стол, увидел катящееся к нему яйцо и инстинктивно решил схватить движущийся предмет. Ящер бесшумно скользнул между столами, чтобы перехватить катящийся шар. Хищная морда нырнула вниз, челюсти раптора клацнули, раздробив скорлупу яйца.

Раптор выпрямился. Из его пасти стекали струйки бледно-голубого яичного белка. Животное шумно облизнулось, фыркнуло. А потом раптор наклонился и еще раз укусил яйцо и подлизал растекшийся по полу белок. Но по виду животного никак нельзя было сказать, что с ним что-то не так. Раптор снова наклонился, чтобы доесть остатки разбитого яйца. Грант пригнулся и стал наблюдать, что будет дальше...

Велоцираптор посмотрел вдоль пола через всю комнату. И увидел Алана. Зверь смотрел прямо на него!

Велоцираптор яростно взревел и бросился к Гранту, пересекая комнату длинными, невероятно быстрыми прыжками. Грант оцепенел от ужаса и мог только наблюдать за приближающимся животным. Но внезапно раптор захрипел, как будто стал задыхаться, еще мгновение — и массивная туша повалилась на пол, мордой вниз. Мощный хвост забился в конвульсиях. Раптор хрипел и задыхался, время от времени громко повизгивая. Из пасти у него пошла пена. Голова моталась из стороны в сторону. Хвост конвульсивно дергался и молотил по полу.

«Один есть!» — подумал Грант.

Но что-то долго он не умирает. Алану казалось, что ящер будет подыхать до бесконечности. Он взял со стола следующее яйцо и тут заметил, что остальные рапторы в комнате замерли, где стояли, и прислушивались к звукам, которые издавало умирающее животное. Но вот один из них кивнул головой, потом второй... Первое животное двинулось к бьющемуся в предсмертных корчах сородичу — посмотреть, что с ним случилось.

Подышающий раптор извивался на полу, все его тело корчилось в судорогах. Зверь жалобно стонал и повизгивал. Из пасти у него натекло столько пенистой слюны, что за клочьями пены на полу почти не было видно головы. Раптор дергался и жалобно стонал от боли.

Второй раптор подошел к умирающему, склонился над ним и внимательно осмотрел. Его, похоже, удивили эти предсмертные корчи сородича. Ящер с любопытством поглядел на покрытую пеной голову, потом потянулся носом к подергивающейся шее, обнюхал вздымающуюся грудную клетку, лапы...

И вдруг укусил лежащего на полу раптора за ногу.

Умирающий раптор взревел, внезапно вскинул голову, изогнулся и вонзил зубы в шею обидчика.

«Уже два!» — подумал Грант.

Но стоявший раптор легко, одним рывком освободился от хватки умирающего. Из раны на его шее хлынула кровь. Велоцираптор поднял когтистую заднюю лапу и одним быстрым мощным движением вспорол живот умирающему. Внутренности из распоротого брюха вывалились на пол, как толстые скользкие змеи. Оглушительный

визг умирающего велоцираптора заполнил комнату. Второй раптор отвернулся, как будто ему надоело возиться с полудохлым, но еще огрызающимся животным.

Ящер пересек комнату и вдруг наткнулся на светящееся яйцо! Грант следил, как раптор наклонился к бледно-голубому шару и куснул его. Из пасти ящера брызнула светящаяся жидкость.

«Вот теперь — точно два», — подумал Алан.

На второго раптора яд подействовал почти мгновенно — зверь закашлялся и повалился на пол. Падая, он перевернул стол. Сотни яиц попадали на пол и раскатились во все стороны. Грант с тревогой посмотрел на них.

Ведь оставался еще третий раптор.

У Алана был еще один шприц. Но когда на полу валялось столько яиц, надо было поскорее придумывать какую-нибудь другую уловку. Алан лихорадочно раздумывал, что бы предпринять, и тут последний оставшийся раптор раздраженно фыркнул. Грант поднял взгляд — зверь смотрел прямо на него!

Довольно долго велоцираптор не двигался с места — просто стоял и смотрел на Алана. Но вот ящер медленно, осторожно двинулся к нему. Охота началась. Велоцираптор часто наклонял и поднимал голову, заглядывая сперва под столы, потом осматривая все над столами. Животное передвигалось бесшумно, медленно и очень осторожно — куда только подевалась та яростная стремительность, которую ящеры демонстрировали в парке! Велоцираптор остался один и держался очень осторожно. Он ни на миг не сводил взгляда с Гранта. Алан быстро огляделся. Укрыться здесь было совершенно негде. Он ничего не мог предпринять...

Грант тоже не сводил взгляда с последнего велоцираптора, который медленно, не спеша подступал к нему. И Грант тоже двинулся с места. Он старался оставить между собой и наступающим раптором как можно больше столов. Медленно... Очень медленно... Алан двинулся влево... В багровом полумраке инкубатора ящер неуклонно приближался к нему. Ноздри животного мерно раздувались в такт шипящему дыханию.

Под ногами Гранта хрустели раздавленные яйца, к по-

дошвам прилипал клейкий белок. Пригибаясь за столами, Алан нащупал в кармане твердую коробку рации.

Рация!

Алан вытащил ее из кармана и включил.

— Алло! Это Грант.

— Алан? — раздался в ответ голос Элли. — Алан?!

— Слушай, — тихо сказал Алан. — Поговори со мной.

— Алан, ты где?

— Говори, Элли! Просто говори — все равно что! — попросил Грант и запустил рацию по полу через всю комнату к приближающемуся раптору.

А сам присел за ножкой стола и замер, ожидая, что будет дальше.

— Алан! Скажи что-нибудь, Алан! Скажи что-нибудь, Алан...

Рация зашипела, а потом замолчала. Замолчала насовсем. Велоцираптор приближался. Тишину нарушало только негромкое шипящее дыхание ящера.

Рация молчала.

Да что с ней такое?! Неужели Элли не поняла, чего от нее хотят? Раптор подступал все ближе в красноватом сумраке.

— Алан!..

Услышав тонкий голос, раздавшийся из рации, раптор на миг замер, остановился. Принюхался, выясняя, есть ли в комнате кто-нибудь еще.

— Алан, это я! Я не знаю, слышишь ли ты меня...

Велоцираптор отвернулся от Гранта и пошел на звук, к рации.

— Алан!.. Пожалуйста, скажи что-нибудь...

Ну почему он не отбросил рацию подальше? Раптор шел к источнику звука, но все равно был еще слишком близко к Гранту. Массивные лапы вышагивали по полу совсем рядом. Грант хорошо рассмотрел пятнистый рисунок на блестящей зеленоватой шкуре ящера, потеки застывшей крови на огромных когтях. Он ощущал крепкий мускусный запах, исходивший от рептилии.

— Алан, ты меня слышишь?.. Алан!..

Велоцираптор наклонился к рации, толкнул ее носом. Он повернулся к Гранту спиной. Огромный толстый хвост замер в воздухе прямо у Алана над головой. Грант

привстал, глубоко вогнал иглу шприца в хвост животного и впрыснул всю порцию яда в плоть ящера.

Велоцираптор взревел и подпрыгнул на месте. С кошмарной, невероятной быстротой ящер развернулся к Гранту оскаленной пастью, голова его метнулась вперед, челюсти сомкнулись на ножке стола. Велоцираптор мотнул головой, стол перевернулся, Грант упал на спину — он был теперь полностью открыт. Раптор вскинулся, навис над Грантом, задев при этом головой инфракрасные светильники, обогревавшие инкубатор. Красные фонари закачались, по комнате в сумасшедшей пляске заметались багровые тени.

— Алан!..

Раптор резко подался назад и занес заднюю лапу с огромными когтями для удара. Грант быстро перекатился по полу в сторону, и страшная когтистая лапа просвистела мимо — ящер промахнулся. Совсем чуть-чуть, но промахнулся. Алан почувствовал резкую боль в плече, из рваной раны хлынули теплые струйки крови. Алан покатился по полу, давя яйца, пачкая руки, лицо о клейкую массу яичного белка. Раптор снова ударил ногой — на этот раз по рации. Во все стороны брызнули искры и осколки пластика. Разъяренный ящер взревел, снова ударил — и снова промахнулся. Алан докатился до стены — больше убежать было некуда. Зверь занес лапу для последнего удара...

И вдруг завалился на спину.

Животное задергалось, стало извиваться в корчах, из оскаленной пасти хлынула пенистая слюна.

Тут в инкубатор вошли Геннаро, Тим и Лекс. Грант жестом велел им держаться подальше от велоцираптора. Девочка посмотрела на умирающего ящера и тихо сказала:

— Ух ты!

Геннаро помог Гранту подняться, и они все вместе бегом бросились к пульту управления.

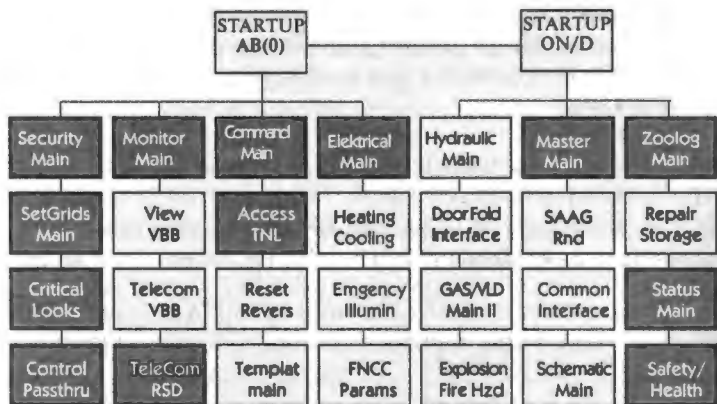
Пульт управления

Тим несказанно удивился, увидев, что мониторы на пульте управления то вспыхивают, то гаснут. Лекс спросила:

— Эй, в чем дело? Что тут творится?

На экранах компьютеров светилась таблица главного меню. Но только теперь некоторые блоки таблицы были отмечены световой маркировкой.

JURASTIC PARK — SYSTEM STARTUP

Тим увидел, как доктор Грант, явно озадаченный, поглядывал на мониторы и неуверенно протянул руку к клавиатуре.

— Я ни черта не понимаю в компьютерах... — признался Грант и покачал головой.

Но Тим уже усаживался в кресло перед компьютером. Устроившись, мальчик стал быстро дотрагиваться пальцами до разных частей экрана. На видеомониторах появились разные картины — корабль, прибывающий в Пунтаренас, был уже всего в паре сотен метров от пристани.

В гостинице рапторы свешивались с потолка внутрь комнаты Малкольма. По радию хорошо было слышно их яростное, злобное рычание.

— Сделай что-нибудь, Тимми! — крикнула Лекс.

Тим нажал на «SETDGIDS DNL», несмотря на то, что этот блок меню и так светился.

На экране тотчас же появилось:

Предупреждение: команда не будет выполнена!

Энергии вспомогательного генератора недостаточно!

— Что бы это значило? — задумался Тим.

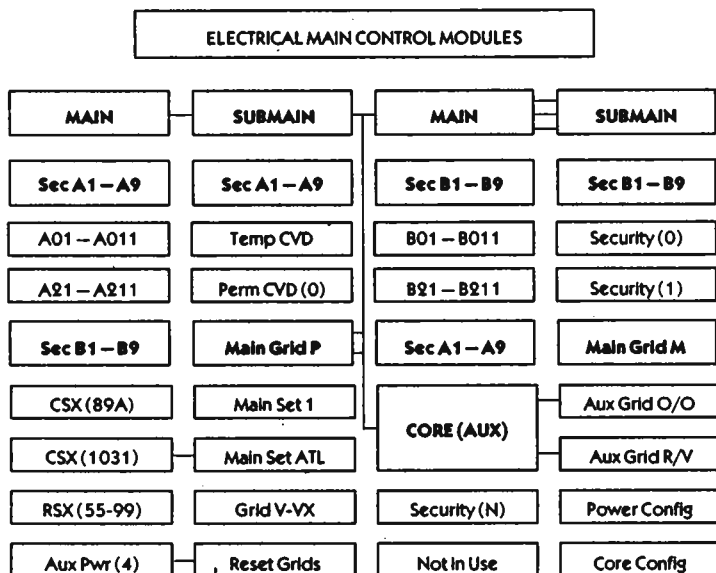
Геннaro прищелкнул пальцами.

— Такое уже было раньше! Это значит, что в аварийном блоке питания заканчивается энергия. Ты должен подключиться к основному генератору!

— Да?

Мальчик нажал на светящийся прямоугольник с надписью «ELECTRICAL MAIN», вызывая модуль управления главным источником питания.

На экране вспыхнула таблица вспомогательного меню, совершенно непонятная:

Тим застонал.

— Что ты сделал? — спросил Грант.

Весь экран начал мигать.

Тим нажал на «MAIN».

И ничего не случилось. Экран по-прежнему мигал.

Тогда Тим нажал на «MAIN GRID P». У мальчика все внутри похолодело от страха. На экране вспыхнула надпись:

MAIN POWER GRID NOT ACTIVE /
AUXILLARY POWER ONLY

«Главный источник энергии не активирован, действует только вспомогательный блок питания».

Экран по-прежнему мигал.

Тим нажал на «MAIN SET 1». Сразу же загорелась надпись:

MAIN SET ACTIVATED

«Главный генератор активирован»!

В комнате вспыхнул свет. Все мониторы разом перестали мигать.

— Ура! Получилось! Получилось!

Тим нажал на «RESET GRIDS» — «Перезагрузка энергосистем».

Сперва ничего не произошло. Тим глянул на видеомониторы, потом снова повернулся к экрану компьютера. Там появилась надпись:

КАКУЮ ЧАСТЬ ЭНЕРГОСИСТЕМЫ ВЫ ЖЕЛАЕТЕ
ПЕРЕЗАГРУЗИТЬ?

ПАРКОВЫЙ МОДУЛЬ

ТЕХНИЧЕСКИЙ МОДУЛЬ

ОХРАННЫЙ МОДУЛЬ

ГОСТИНИЧНЫЙ МОДУЛЬ

ДРУГИЕ

Доктор Грант что-то сказал — что именно, Тим не расслышал. Мальчик услышал только, что его голос дрожит от волнения. Грант обеспокоенно смотрел на Тима.

Тим чувствовал, как сердце часто-часто колотится в груди. Лекс что-то вопила над ухом, но Тиму некогда было разглядывать видеомониторы. Он и так прекрасно слышал хруст металлических решеток и злобный рев велоцирапторов в гостинице. Потом донесся голос Малкольма, который произнес: «Господи!»

Тим нажал на «ГОСТИНИЧНЫЙ МОДУЛЬ».

На экране появилось:

УТОЧНИТЕ МАРКИРОВКУ МОДУЛЯ ДЛЯ ПЕРЕЗАГРУЗКИ!

Какое-то ужасное, бесконечное мгновение Тим не мог вспомнить нужный номер, но потом все-таки вспомнил — F4 — и набрал.

АКТИВИРУЕТСЯ ГОСТИНИЧНЫЙ МОДУЛЬ F4.

Тим увидел на видеомониторе, как прогрызенная оконная решетка взорвалась снопами искр — искры падали с потолка прямо в комнату Малкольма. Потом монитор вдруг вспыхнул белым, изображение исчезло.

— Что ты наделал! — заорала Лекс, но уже в следующее мгновение изображение появилось снова. Все увидели рапторов, застрявших в проломе оконной решетки. Животные визжали и извивались в судорогах, а закороченная электрическая цепь оконной решетки сыпала обжигающими искрами. Внизу, в комнате, Малдун и остальные что-то радостно кричали. Их голоса из рации звучали тонко и слабо.

— Получилось! — воскликнул Грант и хлопнул Тима по плечу. — Получилось, Тим! У тебя все получилось!

Все вскочили с мест и начали радостно прыгать по комнате, но тут Лекс вдруг спросила:

— А корабль?

— Какой корабль?

— Ну, корабль! — повторила девочка и показала на другой монитор.

На другом мониторе был виден корабль, который поворачивал налево и готовился пристать к берегу — здания, которые виднелись за кораблем, стали теперь гораз-

до крупнее и двигались вправо от судна. Тим увидел матроса, который шел по палубе к носовой части корабля, готовясь пришвартовать корабль к пристани.

Тим быстро забрался обратно в кресло перед компьютером и снова вывел на экран главное меню.

Мальчик еще раз внимательно изучил надписи на прямоугольных блоках таблицы. И «TeleCom VBB», и «TeleCom RSD» казались вполне подходящими — эти модули системы определенно имели какое-то отношение к телефонной связи. Тим решил начать с блока «TeleCom RSD». Он прикоснулся к этому прямоугольнику, и компьютер высветил надпись:

**ВАМ ПОСТУПИЛО 23 ЗВОНКА И/ИЛИ СООБЩЕНИЯ.
ЖЕЛАЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ИХ СЕЙЧАС?**

Тим сразу нажал «НЕТ».

— А вдруг с корабля тоже звонили? — закричала Лекс. — Вдруг так ты быстрее узнаешь их номер?

Тим проигнорировал ее вопли.

**ВВЕДИТЕ НОМЕР, ПО КОТОРОМУ ВЫ ЖЕЛАЕТЕ
ПОЗВОНИТЬ
ИЛИ НАЖМИТЕ F7 ДЛЯ ВЫХОДА В ДИРЕКТОРИЮ.**

Тим нажал F7, и на экран мгновенно выплеснулось огромное количество телефонных номеров с подписями — директория оказалась поистине громадной. К тому же номера были расположены не в алфавитной последовательности, и Тим просматривал их довольно долго, прежде чем обнаружил нужный номер:

КОРАБЛЬ «ЭНН БИ» (ФРЕДДИ) — 708-3902.

Теперь осталось только сообразить, как набрать с компьютера телефонный номер и дозвониться до корабля. В нижней части экрана светился ряд слов:

ПОЗВОНИТЬ СЕЙЧАС ИЛИ ПОЗВОНИТЬ ПОЗЖЕ?

Тим нажал на «ПОЗВОНИТЬ СЕЙЧАС».

ИЗВИНИТЕ, СВЯЗЬ ПО ДАННОМУ НОМЕРУ
НЕВОЗМОЖНА.

НОМЕР НАБРАН НЕВЕРНО (ОШИБКА 598).

ПОЖАЛУЙСТА, ПОВТОРИТЕ НАБОР.

Тим снова попробовал набрать тот же номер.

Послышались длинный гудок, а потом короткие и прерывистые гудки. Компьютер с потрясающей быстротой автоматически набирал нужный номер.

— Ну как? — спросил Геннаро.

— Ты, конечно, молодец, Тимми, — сказала Лекс. — Но только они уже почти пристали...

На видеомониторе корабль полностью завершил разворот и почти вплотную подошел бортом к причалу Пунтаренаса. Тут раздался громкий писк телефона, и чей-то голос сказал из динамика:

— О, привет, Джон! Это Фредди. Что там у тебя?

Тим поднял трубку на телефонном аппарате, который стоял на столе возле компьютера, но услышал только длинный непрерывный гудок.

— Алло, Джон! Это Фредди. Ты меня слышишь?

— Отвечайте же! — сказала Лекс.

Все бросились поднимать трубки всех телефонов, какие были в комнате, но везде слышались только гудки. Наконец Тим заметил еще один телефонный аппарат, подвешенный сбоку на приборную панель компьютера. На трубке этого телефона мигала красная лампочка.

— Эй, пульт управления, алло! Это Фредди! Вы меня слышите? Отвечайте!

Тим схватил телефонную трубку.

— Алло, это Тим Мерфи. Нужно, чтобы вы...

— Повтори еще раз, Джон! Плохо слышно.

— Не приставайте к берегу! Вы меня поняли?

С корабля ответили не сразу. Потом удивленный голос сказал:

— Похоже, это какой-то пацан балуется...

Тим закричал в трубку:

— Не приставайте к берегу! Возвращайтесь на остров!

Голоса в трубке зазвучали как будто в отдалении, чуть приглушенно:

— Как, он сказал, его зовут? Мерфи?

Второй голос ему ответил:

— Да имени я толком не расслышал...

Тим растерянно посмотрел на остальных. Геннаро протянул руку к трубке.

— Дай-ка я с ними поговорю. Тим, ты можешь найти мне полное имя этого Фредди?

В телефоне что-то затрещало, потом снова донесся голос:

— ...если это какая-то дурацкая шутка или еще что-то вроде... чертов оператор... то еще...

Пальцы Тима летали над клавиатурой — мальчик искал способ выяснить, кто такой этот Фредди с корабля...

— Вы меня слышите? — сказал Геннаро в трубку. — Если слышите — ответьте немедленно!

— Слушай, сынок! Я не знаю, что ты за черт такой и откуда взялся, — растягивая слова, ответил Фредди с корабля, — но поверь, твои дурацкие шутки вовсе не смешны. Мы почти вошли в док, и у нас впереди еще до хрена работы. А теперь объясни нормально, кто ты такой, и сваливай с этого канала, понял?

Тим нашел то, что искал. На экране высветилось:

ФАРЕЛЛ, ФРЕДЕРИК Д. (КАПИТАН КОРАБЛЯ.)

— Посмотрим, насколько вас устроит такое объяснение, капитан Фарелл, — грозно проговорил Геннаро в трубку. — Если вы немедленно не повернете корабль и не вернетесь на остров, вас обвинят в злостном нарушении пятьсот девятого параграфа Должностного Морского Кодекса. За такое преступление вас ожидают строгие санкции — лишение капитанской лицензии, денежный штраф в размере до пятидесяти тысяч американских долларов и до пяти лет тюремного заключения! Вы хорошо меня поняли?

Капитан ответил далеко не сразу.

— Вы меня поняли, капитан Фарелл? — повторил адвокат.

Послышался приглушенный ответ:

— Я понял...

А потом другой голос сказал:

— Лево руля! — и корабль начал удаляться от пристани.

Лекс радостно рассмеялся. Тим без сил откинулся на спинку кресла и отер пот со лба.

Грант сказал:

— А что это за такой Должностной Морской Кодекс?

— Да черт его знает! — пожал плечами Геннаро.

Все, довольные жизнью и собой, смотрели на видеомонитор. Корабль определенно отошел от берега и направился в открытый океан.

— Ну, кажется, самое трудное закончилось, — с облегчением произнес Геннаро.

Грант покачал головой и возразил:

— Боюсь, самое трудное только начинается...

7. СЕДЬМОЕ ПОВТОРЕНИЕ

Математика требует все большего и большего мужества, чтобы принять результаты ее применения.

Ян Малкольм

Уничтожение мира

Малкольма перенесли в другую гостиничную комнату, положили в чистую постель. Хаммонд заметно оживился, расправил плечи, повеселел и начал суетиться вокруг.

— Вот и хорошо, — говорил старик. — Наконец-то все уладилось, все бедствия позади...

— Какие это бедствия вы имеете в виду? — поинтересовался Малкольм.

— Ну как же? — удивился Хаммонд. — Они не вырвались на волю и не перевернули мир с ног на голову!

Малкольм приподнялся на локте.

— Неужели это вас так беспокоит?

— Ну конечно же! Мы избежали огромной опасности, — ответил Хаммонд. — Ведь эти животные, прирощенные безжалостные хищники, могли вырваться на кон-

тинент! Они натворили бы немало бед — они уничтожили бы всю планету!

— Самовлюбленный идиот! — рассердился Малкольм. — Вы хоть немного понимаете, о чем говорите? Вы что, думаете, что можете уничтожить целую планету? Господи, какими же разрушительными силами вы должны обладать... — Малкольм откинулся на подушки. — Вы не можете уничтожить планету. Вы не можете устроить ничего даже близко похожего на планетарную катастрофу.

— Но большинство людей считают, что наша планета в опасности, — возмущенно заявил Хаммонд.

— Ну, так вот — это не так, — отчеканил Малкольм.

— Любой эксперт вам скажет, что на планете не все в порядке!

Малкольм вздохнул.

— Вот что я скажу вам о нашей планете... Ей четыре с половиной миллиарда лет. И примерно столько же времени на планете существует жизнь — три миллиарда и восемь миллионов лет. Почти четыре миллиарда лет назад на Земле возникла первая бактерия. А потом уже появились многоклеточные организмы, чуть позже — первые сложные живые существа сперва в воде, затем на суше. Постепенно сменялись эпохи, когда были наиболее широко распространены различные классы животных — сперва амфибии, потом динозавры, потом млекопитающие... Каждая эпоха господства того или иного класса длилась много миллионов лет. Великие династии живых существ зарождались, переживали пору расцвета, а потом вымирали. Все это происходило на фоне постоянно резко сменяющихся природных условий — на месте равнин поднимались высокие горные пики, бушевали вулканы и землетрясения, горы старели и разрушались, на планету падали кометы и метеоры, уровень воды в океанах поднимался и спадал, целые континенты перемещались с места на место... Бесконечные, непрерывные и резкие изменения... Даже самые значительные современные географические образования на планете произошли в результате столкновения двух великих континентов, из-за которого стали подниматься вершины Гималайского горного хребта и продолжают подниматься в течение последних не-

скольких миллионов лет. В свое время планета все это пережила. Точно так же она, несомненно, переживет и нас.

Хаммонд нахмурился.

— Только потому, что это длится столь долгое время, нельзя считать, что так будет всегда! Если бы произошел несчастный случай с каким-нибудь атомным реактором, и радиационное загрязнение...

— Ну, допустим, что-нибудь такое случилось, что-нибудь совершенно кошмарное, — сказал Малкольм. — Допустим, взорвался какой-нибудь очень большой атомный реактор. И что? Все растения и животные погибнут, и вся поверхность планеты на сотни тысяч лет останется радиоактивной. Но жизнь на Земле и тогда не исчезнет. Живые организмы все равно уцелеют — где-нибудь в глубине земли или замороженные в арктических льдах. А потом, спустя все эти тысячи лет, планета снова станет пригодной для жизни — и жизнь снова распространится по всей планете. Процесс эволюции начнется заново. Возможно, живым организмам понадобится несколько миллиардов лет на то, чтобы снова достичь нынешнего уровня развития. И, конечно же, новые жизненные формы будут совсем не такими, как сейчас. Нас больше не будет, но планета спокойно это переживет. Жизнь на Земле спокойно переживет наше безрассудство. Только мы почему-то упорно верим, что это не так...

Хаммонд попытался возразить:

— Но ведь если озоновый слой станет тоньше...

— То на поверхность земли будет попадать больше ультрафиолетового излучения, — подхватил Малкольм. — Ну и что с того?

— Ну... Из-за этого бывает рак кожи.

Малкольм только покачал головой.

— Ультрафиолетовое облучение полезно для живых организмов. Это могучий источник жизненной энергии. Ультрафиолетовое облучение стимулирует мутации, изменения генов. Если будет больше ультрафиолетового излучения, появится большее количество новых форм жизни.

— А множество других просто вымрет! — добавил Хаммонд.

Малкольм вздохнул.

— Неужели вы думаете, что на нашей планете такое случается впервые? Вы что, не знаете про кислород?

— Я знаю, что кислород необходим для жизни.

— Это сейчас он необходим, — сказал Малкольм. — Но на самом деле кислород — это метаболический яд. Это коррозионный газ. Такой же, как фтор, который используют для вытравливания стекла. И когда кислород впервые появился на Земле как побочный продукт жизнедеятельности определенных видов бактерий — скажем, около трех миллиардов лет назад, — это породило настоящий кризис среди всех других жизненных форм на нашей планете. Тогда эти растительные клетки просто загрязняли атмосферу смертоносной отравой. Они выделяли в процессе дыхания смертельно ядовитый газ, и концентрация этого газа в земной атмосфере непрерывно нарастала. На таких планетах, как, скажем, Венера, в атмосфере всего около одного процента кислорода. А концентрация кислорода на Земле быстро и непрерывно нарастала — пять, десять, пятнадцать, а потом — аж двадцать один процент! Земная атмосфера, считай, почти целиком состоит из ядовитого газа! Это же совершенно несовместимо с жизнью!

Хаммонд забеспокоился.

— Не пойму, к чему это вы клоните? Современные загрязняющие природу вещества тоже будут как-нибудь востребованы — так, что ли?

— Нет, — ответил Малкольм. — Я считаю, что жизнь на Земле всегда сможет сама о себе позаботиться. Для отдельного человека сто лет — уже довольно долгий срок. Сто лет назад у нас не было автомобилей, не было самолетов, компьютеров, антимикробных вакцин... Это был совсем другой мир, не такой, к какому мы привыкли. Но для Земли какая-нибудь сотня лет — ничто! И миллион лет — ничто! Жизнь этой планеты измеряется гораздо более долгими периодами. Мы не в состоянии даже представить себе медленные и могучие ритмы ее жизни... Но что самое страшное — мы даже не пытаемся это сделать. У нас не хватает на это смирения. Мы существуем на пла-

нете всего один краткий миг, и если завтра все мы исчезнем — планета этого даже не заметит.

— А мы, скорее всего, таки исчезнем... — раздраженно фыркнув, сказал Хаммонд.

— Да, — согласился Малкольм. — Такое вполне возможно.

— Так вот вы к чему ведете! Значит, по-вашему, люди не должны заботиться о сохранении окружающей среды?

— Совершенно верно. Не должны.

— И что тогда?

Малкольм закашлялся и отрешенно посмотрел куда-то вдаль.

— Давайте проясним вот что... Это не планета на грани катастрофы. Это мы, люди, на грани катастрофы... Мы не можем уничтожить планету или сохранить ее. У нас не хватит на это сил. Но, возможно, у нас хватит сил на то, чтобы сохранить самих себя.

Все под контролем

Прошло четыре часа. Близился вечер, солнце начало клониться к закату. Кондиционеры в комнате пульта управления снова заработали, компьютеры тоже функционировали нормально. Насколько можно было выяснить, из двадцати четырех человек, остававшихся на острове, восемь погибли и еще шесть пропали.

В Гостевом центре и гостинице «Охотничий домик» снова заработали охранные системы. Вся северная часть острова, похоже, была свободна от динозавров. Геннаро связался с властями из Сан-Хосе и запросил помощи. Солдаты коста-риканской Национальной гвардии уже отправились на остров вместе с вертолетом медицинской авиации, который должен был забрать раненого Малкольма в госпиталь. Но представители коста-риканских властей из Сан-Хосе в телефонных разговорах очень осторожно проявляли огромную подозрительность — прежде чем послать на остров гвардейцев, они, несомненно, не раз связывались с Вашингтоном и все перепроверяли. За всей этой волокитой прошел почти целый день, и

если вертолеты не успеют прилететь засветло — им придется ожидать до следующего утра.

Но людям на острове все равно не оставалось ничего другого — они могли только сидеть и ждать. Продовольственный корабль возвращался к острову. Команда обнаружила троих молодых рапторов, прицепившихся к кормовой пристройке, и уничтожила животных. На самом острове непосредственная опасность для людей как будто миновала — все оставшиеся в живых собрались в Гостевом центре или в гостинице. Тим довольно неплохо управлялся с компьютером. Мальчик быстро разбирался, что к чему в этой системе, и вот — высветил на экран очередную таблицу:

Общее количество животных в парке: 292

Виды животных	Версия	Ожидаемое	Действительное
Тиранозавры	2	1	4.1
Майязавры	22	20	??
Стегозавры	4	1	3.9
Трицератопсы	8	6	3.1
Прокомпсогнатусы	65	64	??
Отниелии	23	15	3,1
Велоцирапторы	37	27	??
Апатозавры	17	12	3.1
Хадрозавры	11	12	3.1
Дилофозавры	7	4	4.3
Птерозавры	6	5	4.3
Гипсилофодонты	34	14	??
Эуплоцефалиды	16	9	4.0
Стиракозавры	18	7	3.9
Микроцератопсы	22	13	4.1
Всего	292	203	—

— Что за черт? — удивился Геннаро. — Теперь эта штука говорит, что животных меньше, чем должно быть!

Грант кивнул.

— Очевидно.

Элли сказала:

— В парке юрского периода все, наконец, под контролем...

— Что вы имеете в виду?

— Установилось равновесие, — Грант показал на мониторы. На одном из мониторов гипсилофодонты стремительно взбирались повыше на деревья, когда на западном краю поля показалась группа охотящихся велоцирапторов.

— Электрический ток в ограждениях много часов был отключен, — пояснил Грант. — Животные разных видов перемешались. И популяция динозавров достигла равновесия — естественного равновесия юрского периода.

— Вряд ли кто-нибудь предполагал, что такое случится... — вздохнул Геннаро. — Разные виды животных не должны были здесь перемешиваться.

— Да, наверное. Но они перемешались.

На другом мониторе Грант увидел, как другая группа велоцирапторов мчится на огромной скорости к взрослому хадрозавру, весившему не менее четырех тонн. Хадрозавр повернулся и попытался удрать, но один из рапторов вскочил на спину неповоротливому гиганту и вонзил зубы в его длинную шею, в то время как остальные велоцирапторы забежали вперед, окружили огромное животное и принялись кусать его за ноги, стараясь в прыжке распороть мощными когтями задних лап мягкое, плохо защищенное брюхо хадрозавра. Шестеро рапторов разделились с огромным хадрозавром в считанные минуты.

Грант молча наблюдал за охотой рапторов.

Элли спросила:

— Ты именно так это себе и представлял?

— Теперь я даже не могу сказать, как я это себе представлял, — ответил Алан. — Но... Нет, наверное, не совсем так.

Малдун тихо проговорил:

— Знаете, а ведь все взрослые рапторы сейчас, похоже, охотятся в поле...

Грант не сразу обратил внимание на его слова. Он увлеченно наблюдал на мониторах за поведением гигантских древних животных. Где-то на юге взрослый стегозавр размахивал шипастым хвостом, отгоняя молодого тиранозавра, который растерянно смотрел на это и время от времени бросался вперед, безуспешно пытаясь куснуть стегозавра за утыканный острыми шипами хвост. В западном регионе взрослые трицератопсы сражались друг с другом — огромные динозавры боролись, скрестив мощные рога. Одно животное уже лежало на земле, истекая кровью, и медленно умирало.

Малдун сказал:

— Доктор Грант, нам осталось около часа светлого времени суток — если вы хотите попробовать отыскать это их чертово гнездо.

— А ведь правда... Да, я хочу его найти, — согласился Грант.

— Я тут подумал... — сказал Малдун. — Когда сюда придут коста-риканские солдаты, они, скорее всего, решат разобраться с островом по-военному, своими методами. То есть постараются все здесь уничтожить как можно быстрее и эффективнее.

— Вы чертовски правы, — согласился Геннаро.

— Они, наверное, забросают остров бомбами с воздуха, — предположил Малдун. — Или, может, напалмом, или нервно-паралитическим газом — неважно, все равно с воздуха...

— И хорошо, если они так сделают, — заметил Геннаро. — По-моему, этот остров — слишком опасное место. Его необходимо уничтожить. Нужно уничтожить всех животных, какие есть на острове, — именно это и должны сделать костариканцы. Я считаю, что вполне можно положиться на их опыт в такого рода операциях. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Вполне, — сказал Грант.

— Тогда о чем речь? — спросил адвокат. — Это военная операция. Так пусть военные ею и занимаются.

У Гранта сильно болела свежая рана на спине — от когтей раптора.

— Нет, — твердо проронил он. — Позаботиться об этом обязаны мы.

— Пусть все-таки этим занимаются специалисты, — настаивал Геннаро.

Грант вспомнил, как всего шесть часов назад нашел Геннаро, дрожащего и насмерть испуганного, когда тот прятался в кабине грузовика от стаи прокомпсогнатов. И вдруг, потеряв всякое терпение, схватил адвоката, встряхнул и приложил спиной о бетонную стену.

— Слушай, ты, сволочь! Ты лично несешь ответственность за то, что здесь случилось, и тебе пора бы уже привыкнуть к этой мысли!

— Да, да, конечно, — откашливаясь, пробормотал Геннаро.

— Нет, похоже, ты не понял, — продолжал Алан. — Я помню, ты все время отрешивался от всякой ответственности, с самого начала!

— Черт возьми...

— Ты раскрутил инвесторов, чтобы они вложили деньги — и немалые — в дело, в котором ни ты сам, ни тем более они ни черта не смыслят! Ты тоже владеешь частью капитала в этом деле — в деле, которое никто из вас не смог довести до ума. Вас не интересовало, какую деятельность развил здесь человек, которого ты лично знал как отъявленного лжеца. И вы допустили, чтобы этот человек натворил здесь кучу бед, доверив ему самые могущественные и опасные технологии современности! И теперь ты смеешь утверждать, что не увиливаешь от ответственности!

Геннаро снова прокашлялся.

— Э-э-э... Но ведь теперь я не уклоняюсь от ответственности...

— Не-е-ет... Ты и теперь от нее уклоняешься. Но больше такого не будет! — Алан отпустил Геннаро, и тот согнулся, пытаясь отдышаться. Грант повернулся к Малду-ну. — Чем мы вооружимся?

— У меня есть несколько сетей и электрошокеры.

— Насколько действенны эти шокеры? — спросил Алан.

— Это что-то вроде жезлов для отпугивания акул, — начал объяснять Малдун. — У них специальные наконечники, на которые выведены контакты — при касании происходит энергетический разряд. Высокое напряжение, малая сила тока. Не смертельно, но надежно выводит из строя.

— Это не подойдет, — сказал Грант. — Для гнезда — не подойдет.

— О каком гнезде идет речь? — поинтересовался Геннаро.

— О гнезде велоцирапторов, — пояснила Элли.

— Рапторов?!

Грант спросил у Малдуна:

— У вас есть ошейники с радиоизлучателями для отслеживания животных?

— Наверняка есть.

— Прихватите один. И есть еще что-нибудь такое, чем можно будет защищаться?

Малдун покачал головой.

— Ну, тогда возьмем то, что есть.

Малдун ушел. Грант повернулся к Геннаро.

— Ваше дело с этим островом потерпело полную неудачу, Геннаро. Ваш эксперимент провалился. И вы обязаны разобраться с этим бедствием. Но вы не сможете с этим справиться, пока не осознаете до конца размеры бедствия. Мы должны отыскать все гнезда динозавров, которые имеются на острове. Особенно — гнезда рапторов. Они наверняка хорошо спрятаны. Мы должны найти их, осмотреть и пересчитать остатки яиц. Мы должны сосчитать всех животных, рожденных на острове. И только потом можно позволить солдатам выжечь остров дотла. Но сперва... Сперва мы должны кое-что сделать сами.

Элли рассматривала настенную карту, на которой сейчас было высвечено местонахождение животных разных видов. Тим работал за компьютером, что-то набирал на клавиатуре. Элли показала на карту.

— Все рапторы держатся в южной части острова, поблизости от долины гейзеров. Наверное, им нравится тепло.

— А там есть какие-нибудь укромные местечки?

— Судя по всему, есть... — сказала Элли. — Вот здесь — массивные бетонные резервуары-водохранилища для контроля уровня воды в южных низинах. Водохранилища эти подземные и занимают довольно обширное пространство. Подземелье и вода.

Грант кивнул.

— Значит, там они и устроились.

Элли добавила:

— По-моему, эти пещеры, кроме всего прочего, еще и как-то сообщаются с пляжами — Девушка повернулась к компьютерному столу и попросила: — Тим, покажи нам все ответвления от водохранилищ. — Тим ее не слушал. — Тим!

Мальчик сосредоточенно щелкал клавишами.

— Погодите... Я, кажется, что-то нашел, — проговорил он.

— И что же?

— Какой-то склад без маркировок. Что там внутри — я не знаю.

— Значит, там может быть какое-нибудь оружие, — сказал Грант.

Все прошли на задний двор возле хозяйственных построек, нашли и открыли бронированный люк — под ним обнаружили бетонные ступени, ведущие вниз, под землю.

— Чертов Арнольд! — буркнул Малдун, спускаясь по ступенькам. — Он ведь все время знал про этот склад!

— А может, и не знал, — возразил Грант. — Он ни разу о нем не вспомнил и не пытался сюда пойти.

— Ну, тогда Хаммонд знал. Кто-то же обязательно об этом знал!

— Кстати, а где сейчас Хаммонд?

— В гостинице.

Они спустились до конца лестницы и наткнулись на стеллаж, на котором рядами стояли новенькие противогазы в пластиковых коробках. Осветив фонариками все помещение склада, Грант и Малдун увидели множество тяжелых баллонов из толстого стекла, высотой около полу-

метра, с металлическими крышками. Внутри баллонов находились небольшие темные шарики. Грант подумал, что эта комната похожа на склад гигантских горошин черного перца.

Малдун откупорил баллон и вынул один черный шарик. Повертев его в руке под светом фонарика, Малдун нахмурился и тихо ругнулся.

— Черт!

— Что это? — спросил Грант.

— «MORO-12». Ингаляционный газ нервно-паралитического действия. Эти маленькие штучки — газовые гранаты. И их тут до черта...

— Тогда — начнем... — мрачно проронил Алан.

— Я ему нравлюсь! — улыбаясь, сказала Лекс. Они стояли в подземном гараже Гостевого центра, возле клетки с маленьким раптором, которого Грант привез из тоннеля. Девочка гладила маленького велоцираптора через прутья клетки. Животное охотно терлось боком о ее руку.

— Ты с ним поосторожнее, Лекс, — предупредил Малдун. — Эти зверьки чертовски больно кусаются.

— Я ему нравлюсь, — повторила Лекс. — Познакомьтесь, его зовут Кларенс!

— Кларенс?

— Да, — уверенно ответила девочка.

Малдун принес небольшой кожаный ремешок-ошейник, к которому была приделана маленькая металлическая коробочка. Застегивался ошейник пряжкой-липучкой. Грант слышал в наушниках частое попискивание электронного датчика, реагирующего на сигналы из коробочки — радиомаркера.

— Как же мы наденем ошейник на раптора?

Лекс, которая все еще гладила животное, просунув руку сквозь прутья клетки, сказала:

— Спорим, он даст мне надеть на себя эту штучку?

— Даже не знаю... — сказал Малдун. — Я бы побоялся. Эти животные совершенно непредсказуемы.

— Нет, я знаю, он мне поддастся, — заверила Лекс.

Тогда Малдун передал ошейник девочке. Лекс протя-

нула ремешок маленькому раптору, чтобы тот его обнюхал. А потом девочка медленно обвила ремешком шею раптора. Когда она застегивала пряжку ошейника, животное забеспокоилось и вдруг сделалось ярко-зеленым. Но рапторчик быстро успокоился, и кожа его снова побледнела.

— Черт бы меня побрал! — воскликнул Малдун.

— Он хамелеон, — пояснила Лекс как ни в чем не бывало.

— Другие рапторы этого не умеют, — сказал Малдун и нахмурился. — Наверное, это животное, рожденное на воле, чем-то отличается от остальных... Да, кстати! — Он повернулся к Гранту. — Как же получилось, что они стали размножаться, если все наши динозавры от рождения были самками? Вы так и не объяснили насчет этой лягушачьей ДНК.

— Не лягушачьей ДНК, а ДНК амфибий, — уточнил Грант. — Но интересующий нас феномен был тщательно изучен на примере лягушек. В частности, на западно-африканских видах лягушек, если я правильно вспомнил.

— Так что же за феномен?

— Полоролевая трансформация, — ответил Грант. — Проще говоря, это перемена пола, — и Грант рассказал, что науке известно несколько видов растений и животных, которые способны в течение жизни изменять свой пол, — орхидеи, некоторые рыбы, креветки, лягушки. Лягушки, которых наблюдали в процессе откладывания яиц, через некоторое время могли совершенно перемениться с виду, превращаясь в полноценных самцов. Вначале у них меняется поведение — они перенимают воинственные повадки самцов, потом меняется голос — они учатся издавать характерный для самцов-лягушек свист, затем происходит внутренняя гормональная стимуляция и вырастают мужские половые железы, и, в конце концов, эти особи могут плодотворно спариваться с самками.

— Вы, наверное, шутите? — удивился Малдун. — И из-за чего такое происходит?

— Очевидно, половая трансформация стимулируется однополым окружением, когда все животные в группе —

самки. В нашем случае у некоторых амфибий пол спонтанно начал меняться с женского на мужской.

— Вы думаете, что именно это и произошло с нашими динозаврами?

— Пока мы не знаем лучшего объяснения — да, — сказал Грант. — Я думаю, что так все и случилось. Ну что, а теперь, наверное, отправимся на поиски гнезда?

Они забрались в джип, а Лекс вытащила маленького велоцираптора из клетки. Животное в ее руках казалось совсем спокойным, совершенно ручным. Девочка последний раз погладила зверька по головке и отпустила.

Но малыш-раптор не спешил убежать.

— Уходи, Клеменс! Иди, иди! Иди домой! — сказала девочка.

Раптор развернулся и юркнул в заросли.

Грант взял приемник и надел наушники. Малдун вел машину. Джип потарахтел по главной дороге прямо на юг. Геннаро повернулся к Гранту и спросил:

— А как выглядят эти гнезда?

— Не знаю.

— Я думал, вы как раз их и раскапываете...

— Мы откапываем окаменевшие остатки динозавровых гнезд, — сказал Грант. — Все окаменелости спрессованы миллиардами лет и выглядят совсем иначе, чем исходный материал. Есть, конечно, определенные предположения, научные гипотезы, реконструкции... Но на что были похожи гнезда динозавров на самом деле — этого никто не знает.

Грант прислушался к писку радиодатчика и показал Малдуну, что надо повернуть немного западнее. Похоже было на то, что Элли не ошиблась в своих предположениях, и гнездо рапторов действительно расположено где-то поблизости от долины гейзеров.

Грант покачал головой и сказал:

— Вы, наверное, просто не понимаете... Нам далеко не все известно даже о гнездовьях современных репти-

лий — крокодилов, аллигаторов. Изучать этих животных очень трудно. Но все-таки кое-что о повадках рептилий известно. Например, у американских аллигаторов только самки охраняют гнездо с отложенными яйцами — до тех пор, пока детеныши не появятся на свет. Самцы бычьего аллигатора ранней весной целыми днями лежат рядом с самкой-партнершей и выдувают пузыри у нее на щеках, чтобы добиться расположения, так что самка в конце концов соглашается приподнять хвост и позволяет самцу ввести половой орган. А к тому времени, когда самка начинает строить гнездо — у аллигаторов это случается примерно через пару месяцев, — самца при ней уже давным-давно нет. Самка аллигатора ревностно охраняет гнездо с яйцами — конический холмик высотой около метра. А когда детеныши начинают проклевываться из яиц, самка нередко помогает им освободиться от скорлупы, а потом подталкивает новорожденных аллигаторчиков к воде — иногда даже переносит их туда во рту.

— Значит, взрослые аллигаторы защищают маленьких?

— Да, — сказал Грант. — Более того, взрослые рептилии защищают не только собственных детенышей, но и чужих. Когда маленькие аллигаторы начинают кричать от страха или боли, любое взрослое животное, которое их слышит — неважно, родитель или нет, — яростно бросается защищать малышей. И не просто старается отпугнуть обидчика, а нападает на него всерьез, злобно и безжалостно.

— О-о... — Геннаро замолчал.

— Но динозавры — не рептилии, — спокойно заметил Малдун.

— Вот именно! Повадки динозавров при гнездовье должны, скорее всего, напоминать поведение какого-нибудь вида птиц.

— То есть, другими словами, вы просто этого не знаете, — подытожил Геннаро. — Как не знаете, на что похожи их гнезда, да?

— Нет, не знаю.

— Да... Ну и эксперты у нас собрались! — проворчал Геннаро.

Грант не обратил внимания на его слова. В воздухе уже отчетливо запахло серными испарениями. А впереди показались поднимающиеся к небу струйки дыма из гейзеров.

Они выбрались из машины и пошли дальше пешком. Геннаро заметил, что земля под ногами очень теплая, можно даже сказать — горячая. То там, то здесь из-под земли выплескивались потоки пузырящейся, кипящей грязи и вылетали высокие, почти в рост человека, струи едко пахнувшего серой разогретого дыма. Ему казалось, что он очутился в аду.

Он посмотрел на Гранта, который шел рядом и прислушивался к пisku в наушниках. Грант, в своих туристских ботинках, джинсах и гавайской рубашке, казался очень спокойным. А вот Геннаро было совсем не спокойно. Он боялся этого кошмарного, вонючего места, напоминающего адскую бездну, боялся велоцирапторов, которые вполне могли бродить где-нибудь неподалеку. Геннаро не понимал, почему Грант так спокоен.

А эта девушка, Саттлер! Она тоже совершенно невозможно идет рядом с Грантом и спокойно оглядывается по сторонам.

— Не понимаю, почему вы так беззаботны? — обратился Геннаро к Гранту. — Разве нет причин тревожиться?

— Мы обязаны это сделать, — ответил Алан. Это было единственное, что он сказал.

Группа продвигалась все дальше и дальше в глубь долины вулканических гейзеров. Геннаро ощупал газовые гранаты, закрепленные на поясе.

— Почему он не боится? — спросил он у Элли.

— Может, и боится, — ответила девушка. — Но он всю свою жизнь об этом мечтал.

Геннаро понимающе кивнул и задумался — каково это? Есть ли что-нибудь такое, о чем он сам мечтал всю свою жизнь? И понял, что никогда ни о чем особенном не мечтал.

Грант прищурился от солнца, глядя вдаль. Впереди, за завесой дымных испарений, сидело какое-то небольшое

животное и смотрело на приближающихся людей. Потом животное вскочило и убежало прочь.

— Это наш раптор? — спросила Элли.

— Да, наверное. Или какой-нибудь другой. Но это определенно детеныш велоцираптора.

— Он приведет нас к гнезду? — спросила Элли.

— Возможно.

Элли уже рассказала Алану о том, как рапторы разыгрывали настоящий спектакль перед оградой вокруг гостиницы, отвлекая ее внимание, пока другие рапторы карабкались на крышу. Такое расчетливое поведение было за пределами умственных способностей практически всех современных земных животных. Обычно считалось, что продумывать и воплощать сложные последовательности целенаправленных действий могут только три биологических вида — шимпанзе, горилла и человек. А теперь оказалось, что динозавры тоже на такое способны.

Молодой велоцираптор снова показался людям, а потом заверещал и отпрыгнул в сторону. Со стороны действительно могло показаться, что животное куда-то их ведет.

Геннаро нахмурился.

— Насколько они разумны?

— Если считать, что они сродни птицам, кто знает? — ответил Грант. — Некоторые современные исследователи обнаружили, что у серых попугаев символическое мышление развито почти в такой же степени, как у шимпанзе. А шимпанзе определенно используют при общении язык символов. Ученые доказали, что по эмоциональному развитию попугаи примерно соответствуют уровню развития трехлетнего ребенка. А в их сообразительности никто и не сомневается. Попугаи определенно способны мыслить символами.

— Только вот я никогда не слышал, чтобы попугаи кого-нибудь убили, — мрачно заметил Геннаро.

В отдалении слышался приглушенный рокот прибоя — океанский берег был совсем рядом. Долина гейзеров осталась позади, люди вышли на равнину, усеянную множеством валунов. Маленький раптор вскарабкался на камень, а потом вдруг исчез из виду.

— Куда он делся? — спросила Элли.

Грант прислушивался к радиосигналам в наушниках. Писк передатчика внезапно прекратился.

— Он удрал.

Все бросились вперед и увидели среди нагромождения валунов небольшую дыру в земле, похожую на кроличью нору. Дыра была чуть больше полуметра в диаметре. Пока они смотрели, маленький раптор показался снова — высунул мордочку из норы, а потом быстро спрятался обратно.

— Ни за что! Я ни за что туда не полезу! — заявил Геннаро.

Грант ничего не сказал. Они с Элли начали выкладывать прихваченное снаряжение. Грант достал маленькую видеокамеру, изображение с которой передавалось на небольшой портативный монитор, привязал ее к веревке и спустил в дыру.

— Так вы ничего не увидите, — с сомнением произнес Геннаро.

— Все равно надо проверить, — заявил Грант.

Сверху в тоннель проникало достаточно света, так что на мониторе были хорошо видны гладкие земляные стены. А потом тоннель внезапно резко расширился. Микрофон с камеры передавал пронзительное верещание маленьких динозавров. И более низкий звук — топот множества ног. Судя по звукам, животных там было довольно много.

— Да, похоже, мы нашли гнездо, — сказала Элли.

— Но вы же ни черта не видите! — проворчал Геннаро, отирая со лба холодный пот.

— Не вижу. Зато прекрасно слышу, — ответил Грант. Он еще немного послушал, потом вытащил видеокамеру наружу и положил на землю. — Ну что ж, начнем! — И Грант полез к дыре. Элли взяла фонарь и электрошокер. Грант надел противогаз, присел и уже собрался нырнуть в дыру, но Геннаро его задержал:

— Вы же не собираетесь в самом деле туда лезть?

Грант кивнул.

— Ничего страшного в этом нет. Сперва полезу я, потом Элли, а потом — вы.

— Нет, погодите еще минутку! — встревожился Геннаро. — Почему нам обязательно надо туда лезть? Разве нельзя просто сбросить вниз газовые гранаты, а потом уже спуститься и все проверить? По-моему, это гораздо разумнее того, что предлагаете вы.

— Элли, ты не забыла фонарь?

Девушка передала фонарь Гранту.

— Ну, так что? — беспокоился Геннаро. — Может, лучше сделаем, как я сказал?

— Ничего хорошего из этого не выйдет, — ответил Грант и решительно повернулся к дыре. — Вы когда-нибудь видели животное, умирающее от нервно-паралитического газа?

— Нет...

— Обычно такие отравляющие вещества вызывают предсмертные судороги. Очень сильные судороги.

— Ну, это, конечно, неприятное зрелище, но...

— Поймите, мы ведь идем в гнездо для того, чтобы пересчитать остатки яиц и точно выяснить, сколько животных родилось на острове, — стал объяснять Грант. — Если сперва уничтожить животных газом — некоторые из них могут упасть на гнездовье и в предсмертных судорогах разрушить все, что там было. И мы ничего не узнаем.

— Но...

— Это вы сотворили этих животных, мистер Геннаро!

— Я их не сотворял.

— Их сотворили ваши деньги. Вы приложили массу усилий для того, чтобы они появились на свет. И потому они — ваше творение. И вы не должны просто так уничтожить их только потому, что немножко их боитесь.

— Я не немножко боюсь, — буркнул Геннаро. — Я напуган до чертиков...

— Идите за мной, — велел Грант. Элли передала ему электрошокер. Алан спиной вперед просунулся в дыру и крикнул. — Тесновато здесь!

Он шумно выдохнул сквозь маску противогаза, протянул руки вперед и вверх и вскоре полностью исчез в норе.

Дыра в земле зияла черной пустотой.

— Ну, что там с ним? — беспокойно спросил Геннаро.

Элли подошла поближе, наклонилась к самой дыре и прислушалась. Потом включила портативную рацию и негромко позвала:

— Алан!

Он долго не отвечал, потом тихо произнес:

— Я на месте...

— С тобой все в порядке, Алан?

Снова — долгая тишина. Когда Грант, наконец, заговорил, его голос звучал как-то странно, почти благоговейно:

— Да, все нормально...

Почти парадигм

В гостинице Хаммонд расхаживал из стороны в сторону по комнате Малкольма. Хаммонд был раздосадован и смущен. Израсходовав последние силы на гневную вспышку, Малкольм впал в коматозное состояние, и Хаммонд как будто впервые по-настоящему осознал, что он действительно может умереть. Конечно, медицинский вертолет вызвали, но кто знает, когда он прибудет на остров? Мысль о том, что Малкольм скоро может умереть, ужасно беспокоила и страшила старика Хаммонда.

И, как ни странно, оттого, что Хаммонд не любил Малкольма, ему было только хуже. Даже хуже, чем если бы умирал его друг. Хаммонд думал, что если Малкольм умрет — его смерть окажется последней каплей в потоке хлынувших на него самого несчастий, последним упреком, которого ему уже не вынести.

Как бы то ни было, воняло в комнате просто кошмарно. Совершенно кошмарная вонь! Запах мертвой, разлагающейся человеческой плоти.

— Все это... парад... — едва слышно проговорил Малкольм, беспокойно ворочаясь на подушках.

— Он пришел в себя? — спросил Хаммонд у ветеринара.

Хардинг покачал головой.

— Что он сказал, вы не расслышали? Кажется, что-то насчет рая?

— Я не услышал, — ответил доктор.

Хаммонд еще немного походил взад-вперед по комнате. Распахнул окно пошире, чтобы впустить побольше свежего воздуха. В конце концов, не в силах больше выносить одуряющий смрад разложения, старик спросил:

— Как вы думаете, Хардинг, снаружи сейчас безопасно? Можно спокойно прогуляться?

— По-моему, там все в порядке. Эта зона вроде бы очищена от животных.

— Ну, хорошо... Тогда я, наверное, ненадолго выйду. Пройдусь, подышу воздухом.

— Хорошо, — согласился Хардинг, следя за уровнем лекарства в капельнице, он внутривенно вводил Малкольму антибиотики.

— Я скоро вернусь, — пообещал Хаммонд.

— Да, да, конечно.

И Хаммонд ушел, вышел на дневной свет, гадая, почему это он вдруг решил оправдываться перед Хардингом. В конце концов, ведь это — всего лишь один из его наемных служащих. И Хаммонд вовсе не обязан перед ним объясняться.

Старик вышел через ворота за гостиничную ограду и стал осматривать парк. Уже близился вечер, начинал подниматься туман, и солнце временами скрывалось за тучами. Сейчас солнце как раз показалось из-за туч, и Хаммонд воспринял это как своего рода знамение — благоприятное знамение, которое обещало его парку большое будущее. Даже если этот дерганый придурок Геннаро решит выжечь остров дотла, все равно это не так уж и важно.

Хаммонд знал, что в двух отдельных тайниках в штаб-квартире «ИнГена» бережно хранятся десятки замороженных эмбрионов. И будет совсем несложно разморозить их и снова вырастить — где-нибудь на другом острове, в другой части света. А если там тоже начнутся какие-то неприятности — что ж, они сумеют как-нибудь с ними справиться. Неприятности — это своего рода двигатель прогресса. Ведь прогресс — это и есть разрешение насущных проблем.

Размышляя об этом, Хаммонд пришел к заключению,

что Генри Ву на самом деле не подходил для такой работы. Ву был слишком неаккуратен и небрежен, а это совершенно недопустимо в таком грандиозном предприятии. И еще этот Ву был одержим идеей всяческих усовершенствований. Вместо того чтобы просто делать динозавров, он хотел их зачем-то усовершенствовать! Хаммонд в глубине души мрачно подозревал, что именно это и стало причиной гибели парка.

Весь этот кошмар — из-за Ву!

Опять же, надо признать, что Джон Арнольд тоже не особенно подходил на роль главного инженера такого парка. Конечно, у Арнольда были весьма солидные рекомендации, но все же на этом поприще его карьера определенно клонилась к закату. И он вечно досаждал своими дурацкими капризами! Организатор из него был — ни к черту. Он очень многое упускал из виду. Причем иногда не придавал должного значения даже весьма важным обстоятельствам... Чрезвычайно важным.

Хаммонд решил, что, честно говоря, ни Арнольд, ни Ву не обладали одним важным качеством — обоим катастрофически не хватало воображения. Они просто не в состоянии были вообразить себе как наяву этот великолепный, потрясающий, чудесный парк, в котором детишки жмутся к сеткам ограждений и глядят как зачарованные на удивительных животных, на оживших героев их любимых книжек. Им не хватало настоящего воображения, не хватало этой чудесной способности представить себе — и предвидеть — будущее. Способности собрать все силы и сделать это воображаемое будущее настоящим.

Нет, ни Ву, ни Арнольд для этой грандиозной задачи совершенно не годились.

И, если уж на то пошло, Эд Регис тоже был не лучшим выбором на свою должность. Хардинг — тоже ничего особенного, так себе. Малдун — редкостный пропойца... Все время хлещет виски.

Хаммонд покачал головой. В следующий раз он будет более тщательно подбирать людей.

Занятый этими мыслями, Хаммонд неспешно шагал к своему бунгало по узенькой тропинке, которая бежала к северу от гостиничного комплекса. Он прошел мимо ра-

бочего, который вежливо поклонился хозяину острова. Хаммонд даже кивком не ответил на приветствие. Он считал коста-риканских рабочих непозволительно дерзкими и наглыми. Надо, наконец, признать и то, что было поистине глупостью выбрать для воплощения своих замыслов этот жалкий островок у берегов Коста-Рики. Он больше не повторит столь очевидных, глупых ошибок...

Хаммонд шел по тропинке и вдруг услышал кошмарный, оглушительный рев тиранозавра — казалось, животное где-то совсем близко... Хаммонд обернулся так быстро, что поскользнулся и упал на дорожку. Старик посмотрел туда, откуда он пришел, и, как ему показалось, увидел среди листвы рядом с тропинкой темную фигуру молодого тиранозавра, который двигался к нему.

Что здесь делает тиранозавр? Почему он не в вольере?

Сперва Хаммонд рассердился, но потом ему на глаза попался коста-риканский рабочий, который со всех ног убегал, спасая свою жизнь. Тогда старик поднялся на ноги и, не разбирая дороги, ломанулся в заросли на противоположной стороне от тропинки. В лесу было темно, Хаммонд ничего не видел. Он обо что-то споткнулся, упал, зарывшись лицом в мокрые листья и липкую, влажную землю. Старик поднялся, снова бросился бежать, поскользнулся в грязи и еще раз упал, снова встал и опять побежал. Местность пошла под уклон, старик разогнался и не сумел удержать равновесие. Он беспомощно повалился и покатился вниз по склону, переворачиваясь через голову на мягкой, влажной земле, и остановился только в самом низу, у подножия холма. Старик лежал лицом в какой-то грязной холодной луже, вода пузырилась, тихо журчала и затекала ему в нос.

Он лежал, окунувшись лицом в маленький ручеек.

Он ударился в панику — ну что за глупость! Надо было бежать к бунгалу! Хаммонд обругал себя последними словами. Поднявшись на ноги, старик вдруг почувствовал резкую боль в правой лодыжке — было так больно, что на глазах выступили слезы. Он испугался и прижался ошупывать лодыжку — вдруг кости сломаны? Хаммонд стис-

нул зубы и заставил себя перенести весь вес на больную ногу. Черт!

Нога почти наверняка сломана.

На пульте управления Лекс жаловалась брату:

— Ну почему они не взяли нас с собой к гнезду?

— Это слишком опасно, Лекс, нам нечего там делать, — ответил Тим. — Мы должны оставаться здесь. Вот послушай! — Мальчик нажал какую-то кнопку, и из динамиков по всему парку пронесся записанный на пленку рев тиранозавра.

— А ничего! — сказала Лекс. — Это лучше, чем когда ревел тот...

— Хочешь сама попробовать? — предложил Тим. — Если нажать еще вот здесь — получится эхо.

— Дай попробовать! — Девочка нажала на кнопку. Снова раздался рев тиранозавра. — А нельзя, чтобы он рычал дольше?

— Можно, — пожал плечами Тим. — Сейчас мы нажмем вот здесь, на эту штучку...

Лежа на дне оврага, возле ручейка, Хаммонд прислушивался к реву тиранозавра, раскатившемуся по замершим джунглям.

Господи!..

Старика пробирала дрожь от этого жуткого звука. Ужасающий зов чужого, далекого мира. Хаммонд ждал, что случится дальше. Что делает здесь этот чертов тиранозавр? Догнал ли он того рабочего? Хаммонд ждал и прислушивался, но слышал только звонкий стрекот цикад. Потом он вдруг осознал, что лежит, задержав дыхание, и шумно выдохнул.

С поломанной ногой ему не выбраться наверх по скользкому склону. Придется лежать здесь, на дне оврага, и ждать, пока тиранозавр не уйдет, а потом можно будет позвать на помощь. А пока кричать нельзя — это слишком опасно...

И тут старик услышал усиленный громкоговорителем голос девочки:

— Ну, Тимми, дай мне попробовать и эту кнопочку! Ну, дай! Я хочу, чтобы оно рычало!

Дети!!!

Тиранозавр снова заревел, но на этот раз в страшном реве определенно слышались музыкальные обертона, нечто вроде отдаленного, повторяющегося несколько раз эха.

— Вот здорово! — сказала девочка. — Давай еще раз так сделаем!

Это все устроили чертовы дети!

Господи, ну зачем он притащил на остров этих проклятых детей? Не следовало этого делать! От них с самого начала были одни неприятности. Никому не хотелось, чтобы они здесь появлялись. Хаммонд привез их сюда в надежде, что дети как-нибудь отговорят Геннаро, не дадут ему уничтожить такой потрясающий аттракцион, но Геннаро все равно твердо вознамерился это сделать, дети там или не дети... Выходит, эта бестолковая детвора забралась на пульт управления и устроила себе развлечение... Да кто им позволил туда забраться?!

Хаммонд рассердился, заволновался и почувствовал, что задыхается. Старик постарался успокоиться. Все в порядке. Ничего страшного пока не случилось. Надо только взобраться на холм, а там уже останется не больше сотни метров до его собственного бунгало, да и до Гостевого центра — примерно столько же. Хаммонд уселся на влажной земле и прислушался к звукам окружающих джунглей. А потом, немного подождав, начал звать на помощь.

Голос Малкольма был чуть громче шепота:

— Все это... выглядит совсем иначе... с другой стороны...

Хардинг наклонился поближе, чтобы расслышать слова больного.

— С другой стороны? — переспросил он, думая, что Малкольм говорит о смерти.

— Когда... изменяется, — сказал Малкольм.

— Изменяется?

Малкольм не ответил. Потом пересохшие губы боль-

ного снова задвигались и он выговорил одно только слово:

— Парадигм...

— Парадигмальные изменения? — переспросил Хардинг. Он знал, что это такое. Последние два десятилетия было модно употреблять этот термин в разговорах о достижениях современной науки. Это слово, «парадигм», означало примерно то же, что и «модель», но ученые употребляли его в несколько более широком значении — это был как бы более объемный взгляд на мир. Парадигмальными изменениями назывались глобальные научные открытия, которые коренным образом изменяли все понимание устройства мира. Такие открытия были относительно редкими — они случались примерно раз в столетие. Например, дарвиновская теория эволюции вызвала парадигмальное изменение в биологии. Квантовая механика тоже вызвала парадигмальное изменение в науке, но не такое масштабное.

— Нет, — сказал Малкольм. — Не... Парадигм... После...

— После парадигма? — снова переспросил Хардинг.

— Не позаботился... Что... Больше не будет...

Хардинг вздохнул. Несмотря на все его усилия, состояние Малкольма быстро ухудшалось. У больного уже явно начинался предсмертный бред. Температура повысилась дальше некуда, а антибиотики уже заканчивались.

— О чем вы не позаботились?

— Ни о чем, — сказал Малкольм. — Потому что... Все выглядит совсем иначе... С другой стороны.

И Малкольм неожиданно улыбнулся.

Спуск

— Вы — сумасшедшие, — сказал Геннаро Элли Саттлер, глядя, как девушка, вытянув вперед руки, протискивается спиной вперед в эту кроличью нору. — Вы сумасшедшие, раз делаете такое!

Девушка улыбнулась и спокойно ответила:

— Может, вы и правы.

Она уперлась руками в стену лаза, продвинулась чуть дальше и полностью скрылась в дыре.

Черный зев дыры снова распахнулся.

Геннаро весь вспотел. Он повернулся к Малдуну, который стоял возле джипа.

— Я не собираюсь этого делать! Я туда не полезу!

— Полезете.

— Я не могу... Я не могу этого сделать!

— Эй, они там вас ждут, — сказал Малдун. — Вы должны идти к ним.

— Один бог знает, что там, внизу, — пробормотал Геннаро. — Говорю вам, я туда не полезу! Я не могу...

— А придется...

Геннаро повернулся, глянул на черную дыру, потом снова оглянулся на Малдуна.

— Нет, я не могу. И вы не сможете меня заставить.

— У меня на этот счет свое мнение, — спокойно возразил Малдун и взвесил в руке металлический прут с блестящим наконечником. — Никогда не пробовали на своей шкуре, что такое электрошок?

— Не-е-ет...

— В общем-то, ничего особо страшного, — начал объяснять Малдун. — От этого очень редко умирают. Обычно электрошокер просто сшибает с ног. Отрубает сознанию. Ну, наверное, вы еще обмочитесь и обгадитесь. Но никаких необратимых последствий обычно не бывает. По крайней мере, у динозавров. Люди, вообще-то, гораздо меньше по размеру...

Геннаро расширенными от ужаса глазами уставился на прут в руке Малдуна.

— Вы не осмелитесь...

— По-моему, вам лучше просто спуститься вниз и пересчитать этих динозавров, — посоветовал Малдун. — И поживее.

Геннаро посмотрел на черную дыру в земле, на этот жадный зев кошмарной бездны... Потом оглянулся на Малдуна с электрошокером в руке — такого огромного, грозного и безжалостного...

Геннаро обливался холодным потом, голова у него кружилась от страха. Он шагнул к дыре. Издалека отвер-

стие в земле казалось меньше, но с каждым шагом оно представлялось Геннаро все огромнее.

— Ныряй! — поторопил его Малдун.

Геннаро просунул ноги в отверстие, но дальше продвинуться не смог — ему было слишком страшно... Он не мог заставить себя опуститься ногами вперед в ужасную черную неизвестность, поэтому в последнее мгновение Геннаро повернул обратно, выбрался из дыры, развернулся и, натянув на себя маску противогаза, нырнул в лаз головой вперед, выставив перед собой руки и отталкиваясь ногами. По крайней мере, так он хотя бы будет видеть, куда лезет...

И вдруг он сорвался и заскользил вниз, в непроглядную черноту... Он успел заметить, как грязные земляные стены исчезли, провалились в темноту, а проход стал уже... Гораздо уже... Стены лаза сдвинулись, проход стал теснее, и вот уже Геннаро сходил с ума от боли и страха — стены сдавливали его со всех сторон, и чем дальше он продвигался, тем хуже было ползти, стены узкого лаза выдавливали воздух из его легких, сжимали все тело, будто тисками. Геннаро смутно осознавал, что тоннель начал плавно подниматься кверху — лаз был таким тесным, что адвокат стал задыхаться, перед глазами у него поплыли цветные круги и звезды, боль в теле сделалась невыносимой...

И вот тоннель внезапно снова повернул книзу и стал чуть пошире. Геннаро ощутил под ладонями шершавую, твердую и холодную поверхность бетона, воздух стал прохладнее. Стены больше не сдавливали тело, и Геннаро пополз дальше, упираясь руками в бетонный пол.

А потом упал.

Голоса во тьме. Его ощупывают чьи-то пальцы, чьи-то руки тянутся к нему от шепчущих ртов. Воздух холодный, как в пещере.

— ...порядке?

— Как будто в порядке.

— Вроде бы дышит...

— Хорошо.

Мягкая женская рука погладила его по лицу. Так, это Элли.

— Вы меня слышите? — шепотом спросила девушка.

— Почему вы говорите шепотом? — спросил Геннаро.

— Потому что... — она показала на что-то рукой.

Геннаро приподнялся, перевернулся на живот, потом медленно встал на ноги. Глаза постепенно начали привыкать к скудному освещению. И первое, что он увидел в этой тьме, — это глаза. Сияющие зеленые глаза.

Десятки глаз — вокруг, со всех сторон.

Они попали на бетонный выступ, на что-то вроде дамбы, которая возвышалась примерно на два метра над полом. Большие металлические ящики с распределительными щитами внутри служили импровизированным укрытием, заслоняя людей от взглядов двух взрослых велоцирапторов, которые стояли всего в полутора метрах от дамбы. Животные были темно-зеленого цвета, с еще более темными коричневыми полосами поперек спины, словно у тигров. Рапторы стояли, выпрямившись, на задних лапах, удерживая равновесие с помощью мощных мускулистых хвостов, вытянутых назад. Взрослые животные не издавали ни звука, они внимательно озирали все вокруг огромными темными глазами. У ног взрослых копошились, тоненько вереща, совсем маленькие, новорожденные велоцирапторчики. Чуть поодаль играли, рыча и гоняясь друг за дружкой, более крупные детеныши — подростки.

Геннаро не смел дышать.

Два велоцираптора!

Распластавшись на бетонном выступе, он был всего на полметра выше голов взрослых рапторов. Рапторы вели себя настороженно, они встревоженно поднимали и опускали головы и время от времени недовольно фыркали. Вскоре оба раптора отошли от бетонного возвышения, вернулись к основной группе животных.

Когда его глаза немного привыкли к тусклому освещению, Геннаро лучше рассмотрел место, в котором они очутились. Это была какая-то гигантская подземная пещера, но она носила явные следы рукотворного проис-

хождения — на полу виднелись швы соединения бетонных плит и утолщения в тех местах, где в бетон были вмурованы металлические прутья арматуры. В этом огромном пустом помещении было полным-полно животных — Геннаро прикинул, что здесь никак не меньше трех десятков велоцирапторов. А то и больше.

— Это колония, — сообщил Грант. — Четыре или шесть взрослых, а остальные — дети и подростки. Как минимум из двух кладок. Одна — прошлогодняя, другая — этого года. Этим малышам на вид примерно четыре месяца. Значит, они родились где-то в апреле.

Один из совсем маленьких рапторчиков, любопытствуя, вскарабкался на бетонный вал и, тоненько вереща, поскакал к людям. Зверек был всего метрах в трех от них.

— Боже мой! — прошептал Геннаро. Но как только детеныш куда-то отправился, один из взрослых рапторов подскочил к нему, поднял голову и аккуратно подтолкнул детеныша носом, чтобы тот возвращался. Малыш протестующе заверещал и вспрыгнул взрослому на нос. Взрослый раптор, двигаясь медленно и осторожно, позволил детенышу взобраться себе на голову, а потом спуститься по шее на спину. Оказавшись в этом безопасном месте, детеныш снова повернулся и громко заверещал на троих пришельцев.

Взрослые как будто до сих пор не заметили людей.

— Не понимаю, — прошептал Геннаро. — Почему они на нас не нападают?

Грант покачал головой.

— Наверное, они нас не видят. И сейчас в гнездах нет яиц... Поэтому они спокойны и не так подозрительны.

— Спокойны?! — возмутился Геннаро. — Долго мы еще будем здесь сидеть?

— Мы не уйдем, пока не пересчитаем животных, — ответил Грант.

Грант успел разглядеть три отдельных гнезда, очевидно, принадлежащих трем разным родительским парам. Каждая семья владела территорией, непосредственно прилегающей к гнезду, хотя детеныши как будто не при-

знавали этих границ и свободно перебежали от одного гнезда к другому. Взрослые рапторы нежно заботились о малышах, внимательно присматривали за ними. К более крупным детенышам взрослые относились не так мягко — они время от времени грозно фыркали на подростков, когда те заигрывались и начинали драться всерьез.

И тут молодой рапторчик подскочил к Элли и потерял голову о ногу девушки. Элли увидела на шее у маленького велоцираптора кожаный ремешок с черной металлической коробочкой. С одного края коробочка была мокрой и раздражала кожу животного.

Малыш жалобно хныкал.

Один из взрослых рапторов внизу заинтересовался и повернул голову на звук.

— Думаешь, надо снять с него ошейник? — тихо спросила Элли у Гранта.

— Да. Только быстро, — сказал Алан.

— Ну... ладно, — согласилась девушка и присела на корточки возле маленького животного. Рапторчик снова захныкал.

Теперь уже оба взрослых настороженно зафыркали и повернули головы на звук.

Элли приласкала малыша, погладила по головке, стараясь успокоить, чтобы зверек не плакал. Потом потянулась рукой к ошейнику и расстегнула пряжку-липучку. Липучка расстегнулась с громким треском. Взрослые рапторы дернули головами.

И один из них медленно двинулся к Элли.

— Ч-черт! — едва слышно пробормотал Геннаро.

— Не двигайся! — велел Грант. — Спокойно!

Взрослый раптор подошел. Его длинные изогнутые когти громко клацали о бетонный пол. Животное остановилось как раз напротив Элли, которая сидела на корточках возле маленького рапторчика, спрятавшись за металлическим ящиком. Малыш был полностью на виду у взрослого, а рука Элли все еще лежала на ошейнике. Взрослый раптор приподнял голову и втянул носом воздух, принюхиваясь. Огромная голова была совсем рядом с рукой Элли, но велоцираптор не видел девушку за металлическим ящиком. Из пасти раптора быстро высунулся и спрятался обратно раздвоенный на конце язык.

Грант потянулся к газовой гранате, отцепил ее от пояса, положил палец на щеку. Геннаро предостерегающе поднял руку и кивком показал на Элли.

Девушка была без противогаза.

Грант повесил гранату обратно и взялся за электрошокер. Взрослый раптор все еще стоял совсем рядом с Элли.

Элли разжала пальцы и выпустила ошейник. Металлическая коробочка лязгнула, упав на бетон. Большой раптор чуть дернул головой и склонил ее набок, с любопытством разглядывая упавший предмет. Потом двинулся вперед, чтобы получше исследовать непонятную штуковину... Но тут молодой рапторчик, освобожденный от мешавшего ошейника, радостно заверещал и ускорился, к своим. Взрослый остался возле Элли. Потом он медленно повернулся и ушел назад, к середине гнезда.

Геннаро облегченно вздохнул.

— Господи... Ну что, можно уже уходить?

— Нет, — сказал Грант. — По-моему, нам как раз пора заняться делом.

Грант надел очки ночного видения, и в флуоресцентном зеленом свете стал внимательно осматривать с высоты бетонного вала первое гнездо. Гнездо было сделано из тонких веточек и грязи, вылеплено в форме широкой округлой корзины с невысокими бортиками. Алан насчитал остатки четырнадцати яиц. Он не мог, конечно же, пересчитать сами яйца или даже осколки скорлупы — они были давным-давно разбиты на мелкие кусочки, разбросаны по всему полу и растоптаны. Зато внутри самого гнезда сохранились четкие отпечатки яиц, пролежавших там довольно долго — их-то Алан и считал. Очевидно, велоцирапторы строили гнезда незадолго перед тем, как откладывать яйца, — яйца ложились на неполностью высохшую грязь, и поэтому от них остались такие четкие отпечатки. Кроме того, Алан заметил, что по крайней мере одно яйцо было раздавлено — значит, из этой кладки вывелось не больше тринадцати детенышей.

Второе гнездо было наполовину разрушено. Но Грант все-таки насчитал там примерно девять отпечатков яиц. В третье гнездо было отложено пятнадцать яиц, но три из

них явно были раздавлены раньше, чем вывелись детеныши.

— Ну, и сколько получается всего? — спросил Геннаро.

— Тридцать четыре новорожденных, — сказал Грант.

— А сколько их здесь сейчас?

Грант покачал головой. Маленькие животные все время бегали по всей пещере, метались туда и сюда, гонялись друг за дружкой.

— Я тоже смотрела, — сказала Элли, подсвечивая себе потайным фонариком на блокнот. — Можно сделать фотографии, чтобы потом убедиться, но вот что я заметила — у всех малышей рисунок на мордочках разный. Я насчитала тридцать три штуки.

— А подростков?

— Двадцать два. Кстати, Алан, ты заметил кое-что странное в их поведении?

— Например? — шепотом спросил Грант.

— Например, посмотри, как перемещаются они в пространстве пещеры. В этом, похоже, есть какая-то закономерность...

Грант нахмурился.

— Здесь довольно темно...

— Да нет же, ты только посмотри! Посмотри, сперва вон на тех, маленьких. Когда они играют, то бегают и скачут где угодно, во всех направлениях. Но когда малыши собираются вместе и стоят — обрати внимание, как ориентированы их тела. Все они поворачиваются мордочками либо к вон той стене или к противоположной. Похоже, они как будто выстраиваются в линию.

— Даже не знаю, Элли... Думаешь, это как-то связано с взаимоотношениями животных внутри колонии? Какая-то инфраструктура сообщества? Как это бывает у пчел?

— Нет, по-моему, здесь что-то другое... — ответила Элли. — Не настолько определенное.

— Так ведут себя только маленькие детеныши?

— Нет. Они все так делают. И взрослые тоже. Посмотри сам! Говорю же тебе, они как будто выстраиваются в линию.

Грант нахмурился. Судя по всему, Элли подметила верно — животные передвигались внутри пещеры совершенно беспорядочно, но когда они останавливались, чтобы осмотреться или отдохнуть, то всегда располагались совершенно определенным образом — так, словно на бетонном полу были нарисованы какие-то невидимые линии.

— Черт, даже не знаю... — сказал он. — Может, там какой-нибудь сквозняк?..

— Я не чувствую никаких сквозняков, Алан.

— Интересно, что бы это могло означать? Какой-то вид общественной организации, выраженный в пространственном расположении?

— Вряд ли, — сказала Элли. — Они ведь все так поступают — и взрослые, и самые маленькие.

Геннаро постучал пальцем по циферблату часов.

— Напомню вам, что все эти интересные штуки закончатся меньше чем через сутки, — в циферблат его часов был вделан компас.

Грант спросил:

— Вы часто пользуетесь компасом, когда выступаете в суде?

— Нет, — адвокат покачал головой и объяснил: — Эти часы мне подарила жена. На день рождения, — он посмотрел на компас. — Ну... Не знаю, почему они так выстраиваются... Но все они как будто поворачиваются в направлении на северо-восток — юго-запад.

Элли сказала:

— Может быть, они слышат что-то оттуда и поворачивают головы, чтобы лучше прислушаться?

Грант нахмурился.

— А может, это какое-то ритуальное поведение, — продолжала высказывать предположения Элли. — Видо-специфическое поведение, которое служит для того, чтобы отличать своих от чужих... А может, и нет, — Элли вздохнула. — А может, они — экстрасенсы. Может, динозавры — экстрасенсы. Или это какой-то способ общения...

Грант размышлял примерно о том же самом. Пчелы общаются друг с другом посредством особых перемеще-

ний в пространстве, выполняя что-то вроде танца. Возможно, динозаврам тоже свойственно нечто подобное?

Геннаро смотрел, смотрел на рапторов, а потом спросил:

— А почему они не выходят наружу?

— Велоцирапторы — ночные животные.

— Да, но все равно, создается впечатление, что они почему-то здесь прячутся.

Грант пожал плечами. И в следующее мгновение маленькие детеныши все разом пронзительно заверещали и возбужденно запрыгали. Взрослые какое-то время с любопытством смотрели на малышей и прислушивались. А потом, с криками и воплями, которые эхом разносились по огромной пещере, все до единого динозавры развернулись в одну сторону, ринулись бежать к бетонному тоннелю и быстро скрылись в темноте.

Хаммонд

Джон Хаммонд тяжело опустился на скользкий от грязи, мокрый склон холма и перевел дыхание. «Господи, как же тут жарко!» — подумал он. Жарко и влажно. Старику казалось, что он дышит сквозь пропитанную водой горячую губку. Он посмотрел вниз, на маленький ручеек, который струился по дну оврага метрах в десяти от того места, где он присел. С тех пор когда он выбрался из холодной журчащей воды и начал карабкаться наверх, кажется, уже прошли нескончаемые часы. Лодыжка сильно покраснела и распухла. Теперь Хаммонд вообще не мог опираться на поврежденную ногу. Ему приходилось прыгать вверх по склону на одной ноге, которая зверски болела от непривычных усилий.

Хаммонду очень хотелось пить. Прежде чем отойти от ручейка, он напился вволю, хотя уже тогда знал, что это неразумно. А теперь у него кружилась голова и весь мир как будто вертелся вокруг. Старику было трудно удерживать равновесие. Но он знал, что должен вскарабкаться на вершину холма и выбраться на дорожку. Хаммонду казалось, что несколько раз он даже слышал наверху чьи-то шаги, и каждый раз старик кричал изо всех сил, призывая

людей на помощь. Но его голос почему-то звучал очень глухо и разносился недалеко. Его до сих пор никто не обнаружил и не спас. А между тем приближались вечерние сумерки, и Хаммонд понимал, что, так или иначе, он непременно должен до ночи взобраться наверх, что бы там ни происходило с его ногой. И он упорно лез вверх по склону.

«Будь они прокляты, эти чертовы дети!»

Хаммонд встряхнул головой, надеясь, что в голове немного прояснится. Он карабкался по склону холма уже больше часа, но до сих пор успел одолеть только треть расстояния, отделявшего его от спасительной тропинки. Хаммонд очень устал и дышал часто и тяжело, как старая больная собака. Поврежденная нога страшно болела. Голова кружилась. Старик, конечно же, понимал, что никакая непосредственная опасность ему не угрожает — он был совсем недалеко от гостиницы и всего в сотне шагов от своего бунгало. Но, господи боже, как же он устал! Сидя на мокрой земле на склоне холма, он думал о том, что не хочет больше никуда ползти, вообще не хочет больше шевелить ни рукой, ни ногой.

И странно было бы, если бы он не устал — ведь ему уже, как никак, добрых семьдесят шесть лет! Это совсем неподходящий возраст для того, чтобы ползать по оврагам, невзирая на то, что Хаммонд был довольно крепким стариком и для мужчины его возраста у него было прекрасное здоровье. Хаммонд вообще рассчитывал прожить не меньше ста лет — это совсем нетрудно, надо только как следует заботиться о себе и сразу решать все проблемы, как только они возникают. И у него определенно было, ради чего жить. Ему надо еще построить другие парки. Сотворить другие чудеса...

Хаммонд услышал негромкий стрекот. Он подумал, что это щебечут какие-то мелкие птицы, спрыгнувшие на землю с нижних ветвей деревьев. Карабкаясь по склону холма, он все время слышал разные звуки, которые издавали мелкие зверушки — крысы, опоссумы, змеи.

Стрекот стал громче, и маленькие комочки земли покатались вниз по склону где-то ниже того места, на котором присел отдохнуть Хаммонд. Кто-то там копошится...

Старик повернул голову и увидел маленького зеленого зверька, который скакал к нему со дна оврага. Потом он заметил еще одного такого зверька, еще и еще...

«Компи», — подумал Хаммонд, и его пробрала дрожь. Стервятники.

Компи казались совсем неопасными. Размером каждое такое животное было примерно с курицу, и двигались они, так же потешно дергая головой вверх и вниз, как куры. Но Хаммонд знал, что укусы прокомпсогнатусов ядовиты. В их слюне содержится медленно действующий яд, который помогает компи добывать раненых и ослабленных животных.

«Раненых животных!» — со страхом подумал Хаммонд.

Компи рассеялись по склону холма вокруг Хаммонда и стали с интересом его разглядывать. Первый зверек остановился примерно в полутора метрах от Хаммонда, так, что старик не мог до него дотянуться, и сперва просто смотрел на сидящего человека. Другие зверьки тоже подобрались поближе и выстроились в линию позади первого. Они смотрели на Хаммонда, время от времени подпрыгивали на месте, стрекотали и размахивали в воздухе маленькими когтистыми передними лапками.

— А ну, пошли отсюда! Кыш! Кыш! — прикрикнул на них Хаммонд и поднял с земли камень.

Компи отступили назад, но не больше чем на полметра. Они совсем не боялись человека. Зверьки как будто знали, что он не сможет причинить им вреда.

Хаммонд разозлился, отломал ветку от ближайшего дерева и замахнулся на компи. Компи радостно заверещали, бросились врассыпную и попрятались среди листвы. Похоже, зверушки решили, что старик играет с ними в такую вот интересную игру.

Хаммонд снова вспомнил про яд. Он вспомнил, как одного из служителей, ухаживавших за молодыми животными, как-то раз укусил прокомпсогнатур. Этот служитель рассказывал потом, что яд компи действует вроде наркотика — от него человек делается сонным и умиротворенным. И это совсем безболезненно.

Просто очень хочется заснуть и не просыпаться.

«Вот чертовщина!» — подумал Хаммонд. Он подобрал еще один камень, хорошенько прицелился и швырнул, попав одному из компи прямо в грудь. Маленькое животное встревоженно заверещало и перекувыркнулось через хвост — удар камня отбросил его назад. Все остальные компи сразу же отбежали подальше.

«Вот так-то лучше», — подумал Хаммонд.

Он повернулся к зверькам спиной и начал карабкаться дальше вверх по склону. Опираясь обеими руками о палки, Хаммонд прыгал на здоровой левой ноге, которая ужасно болела от этих непомерных усилий. Он пропрыгал так не больше трех метров, когда один из компи внезапно вскочил ему на спину. Хаммонд выпустил палки и замахал руками, стараясь сбросить с себя зверька, но потерял равновесие, упал и съехал вниз по склону. Когда он остановился, второй компи стремительно подскочил к нему, куснул за руку и быстро отпрыгнул в сторону. Хаммонд с ужасом смотрел, как из прокушенных пальцев сочится кровь. Потом снова повернулся и упорно полез обратно, вверх по склону, к тропинке.

Еще один компи запрыгнул ему на плечи и укусил сзади за шею. Хаммонд вскрикнул от боли и рукой смахнул с себя настырного зверька. Потом повернулся, тяжело дыша, и посмотрел на компи. Зверьки окружили его со всех сторон. Они подпрыгивали на месте, радостно стрекотали и наклоняли головы, разглядывая Хаммонда. Из прокушенной шеи по плечам и спине стекала теплая струйка крови.

Хаммонд лег спиной на склон холма. Он вдруг почувствовал себя как-то отстраненно, по телу разливалось удивительное спокойствие и расслабленность. Он понял, что на самом деле все нормально. Не было сделано никаких ошибок. Наоборот, это Ян Малкольм все напутал в своем анализе. Хаммонд лежал совершенно спокойно, как дитя в колыбели, на него нахлынуло приятное умиротворение. Когда еще один компи подскочил и укусил его за лодыжку, старик только слегка пошевелил ногой, чтобы отогнать зверька. Маленькие настырные твари подоновились ближе. Вскоре они уже прыгали совсем рядом, словно какие-нибудь птицы, весело щебеча, возле

лежащего на земле Хаммонда. Старик чуть приподнял голову, чтобы посмотреть на еще одного компи, который вспрыгнул ему на грудь. Маленький зверек оказался на удивление хрупким и легким, как пушинка. Хаммонд почти не почувствовал боли, когда компи прокусил ему шею.

Берег

Преследуя так торопливо покинувших свою пещеру динозавров, Грант бежал по извилистому бетонному тоннелю и совершенно неожиданно выскочил на пляж, к берегу Тихого океана. Вокруг, куда ни глянь, весело резвились, прыгая по песку, маленькие велоцирапторы. Но постепенно, один за другим, молодые животные отбегали и прятались в тени пальмовых деревьев, на краю болотистых мангровых зарослей. Животные выстроились в линию в том самом странном порядке, на который обратила внимание Элли, и стали смотреть на океан. Все велоцирапторы, как один, смотрели куда-то на юг.

— Ни черта не понимаю, — проронил Геннаро.

— Я тоже, — признался Грант. — Могу сказать только одно — они явно не любят солнечного света, — на пляже было очень солнечно, и только океан был подернут легкой туманной дымкой. Почему же все рапторы одновременно внезапно оставили гнезда? Из-за чего вся колония разом собралась на океанском берегу?

Геннаро сверился со стрелкой компаса на своих часах и посмотрел, каким образом выстроились животные.

— Северо-восток — юго-запад. Они стоят точно так же, как раньше.

Чуть дальше от пляжа, где-то в глубине зарослей, слышался низкий гул электрических проводов ограждения.

— Ну, по крайней мере, мы теперь знаем, каким образом им удалось выбраться из вольера, — сказала Элли.

Со стороны океана послышался рокот дизельных моторов, и на юге из тумана показались очертания корабля. Большое грузовое судно медленно двигалось куда-то к северу.

— Так вы думаете, они прибежали сюда поэтому? — спросил Геннаро.

Грант кивнул.

— Наверное, они давно слышали, что сюда приближается корабль.

Когда грузовик проходил мимо, все велоцирапторы тихо стояли и пристально смотрели на корабль, только иногда какой-нибудь из малышей тихонько попискивал. Гранта буквально заворожила поразительная согласованность действий этих животных — вся колония рапторов вела себя как единая слаженная группа. Но, может быть, и не стоило сейчас так удивляться... Алан припомнил всю последовательность событий с самого начала — как животные вели себя в пещере.

Сперва заволновались самые маленькие детеныши. Потом на это обратили внимание взрослые. А затем все животные вместе выбежали на берег. Это значит, что более молодые животные, с очень острым слухом, первыми обнаружили приближающийся корабль, а потом взрослые вывели всю колонию на пляж. Присматриваясь к поведению животных на пляже, Грант заметил, что взрослые и здесь заботятся о маленьких. И на пляже рапторы располагались не беспорядочной толпой, а в определенном порядке. Когда животные расселись, они не теснились, и не толкались, и не разбегались далеко от остальных — все расположились в таком же строгом порядке, как внутри пещеры. Скорее всего, это был обычный порядок расположения велоцирапторов внутри колонии. Каждый взрослый занимал территорию шириной примерно в десять метров, вокруг взрослого кучкой сгруппировались самые маленькие детеныши. Подростки держались посередине между взрослыми и чуть впереди.

Кроме того, Грант заметил, что взрослые тоже не все одинаковы. Вон то животное, с отчетливой темной полосой вдоль головы, — это определенно самка, и она устроилась в самом центре колонии, расположившейся на пляже. Эта же самая самка держалась в центре гнездовья внутри пещеры. Алан подумал, что, наверное, как и в некоторых обезьяньих стадах, у велоцирапторов существует внутренняя иерархия по типу матриархата, а эта самка с

полосой на голове — главная в колонии самка-альфа. Самцы, насколько Алан понял, держатся ближе к краям группы, чтобы при необходимости защитить своих от врагов.

Однако, в отличие от обезьян, у которых общественная организация в стаде была довольно свободной и гибкой, динозавры располагались в строго определенном порядке, почти как военное подразделение. И опять же возникал вопрос: почему все животные ориентированы в северо-восточном — юго-западном направлении? Этого Грант совсем не мог понять. Но, с другой стороны, чему же тут удивляться? Он ведь был палеонтологом, а палеонтологи так долго занимались раскопками окаменевших остатков костей, что успели позабыть, насколько мало сведений можно почерпнуть при изучении только скелетов. По костям можно узнать — и то довольно приблизительно — о внешнем виде животного, о его росте и весе. По костям можно определить места прикрепления мышц, и, следовательно, с некоторой долей вероятности предположить, как животное двигалось при жизни — то есть кое-что узнать о его повадках. Узнать о распространении среди вымерших животных некоторых болезней, оставляющих следы на костях. Но только по скелету практически невозможно выстраивать хоть сколько-нибудь достоверные предположения об общем поведении животных.

Но поскольку у палеонтологов не было иного материала для изучения, кроме окаменелых остатков костей, они и изучали только кости. Так же, как многие другие палеонтологи, Грант очень хорошо разбирался в устройстве скелета ископаемых животных. И постепенно он, подобно другим его коллегам, начал забывать о недоказуемых возможностях — о том, что динозавры могли оказаться совершенно иными животными, о том, что их повадки и социальная организация могли быть совсем иными, совершенно невообразимыми для людей, представителей исторически более молодого класса млекопитающих. А значит, если уж динозавры настолько схожи с птицами...

— О господи! — проговорил Грант.

Он смотрел на велоцирапторов, которые выстроились

вдоль берега в стройном, размеренном порядке, и безмолвно глядели на корабль. И до него внезапно дошло, на что именно он смотрит.

Геннаро сказал:

— Эти животные как будто решительно намереваются отсюда удрать...

— Нет, — возразил Грант. — Они вовсе не собираются убегать.

— Вы уверены?

— Да, — ответил Грант. — Они собираются мигрировать.

Надвигающаяся тьма

— Миграция! — воскликнула Элли. — Поразительно!

— Да, — согласился Грант. Он улыбался.

Элли спросила:

— Как ты думаешь, куда они собираются мигрировать?

— Не знаю... — ответил Алан, и тут из тумана вынырнули большие военные вертолеты, оснащенные тяжелым вооружением, и со свистом и ревом понеслись над островом. Заметив вертолеты, велоцирапторы встревожились и разбежались по пляжу. Один вертолет отделился от остальных, развернулся и полетел над линией прибоя, а потом приземлился на пляже. Двери распахнулись, на песок выскочили солдаты в темно-зеленой униформе и побежали к Гранту, Элли и Геннаро. Грант услышал быструю испанскую речь и увидел, что Малдун и дети уже сидят внутри вертолета. Один из солдат сказал по-английски:

— Пожалуйста, идите с нами. Пожалуйста, поскорее, у нас нет времени.

Грант оглянулся на то место, где только что толпились рапторы, но пляж был пуст. Все животные мгновенно куда-то исчезли, как будто их здесь никогда и не было. Солдат чуть подтолкнул его к вертолету. Алан позволил отвести себя под свистящие лопасти боевой машины и взобрался на борт через широкий дверной проем. Малдун наклонился и прокричал ему прямо в ухо:

— Они хотят отвезти нас отсюда, и прямо сейчас!

Солдаты затолкали Гранта, Элли и Геннаро в салон, усадили в кресла и помогли пристегнуть ремни безопасности. Тим и Лекс радостно размахивали руками, и Грант вдруг как будто впервые увидел, какие они еще маленькие и как дети устали. Лекс зевала, положив голову брату на плечо.

Коста-риканский офицер подошел к Гранту и прокричал:

- Сеньор, это вы тут главный?
- Нет, — ответил Алан. — Я здесь не главный.
- Пожалуйста, кто из вас главный?
- Не знаю...

Офицер повернулся к Геннаро и задал адвокату тот же самый вопрос:

- Это вы тут главный?
- Нет, — ответил Геннаро.

Офицер посмотрел на Элли, но ничего не стал у нее спрашивать. Дверь так и осталась открытой, когда вертолет начал подниматься в воздух, и Грант подался вперед, надеясь последний раз увидеть велоцирапторов. Но вертолет быстро взмыл выше верхушек деревьев и полетел над островом к северу.

Грант наклонился к Малдуну и крикнул:

- А что с остальными?

Малдун прокричал в ответ:

— Они уже забрали Хардинга и рабочих. С Хаммондом произошел несчастный случай. Его нашли в овраге возле бунгало. Упал, наверное.

- С ним все в порядке?
- Нет. До него добрались компи.
- А как Малкольм?

Малдун покачал головой.

Грант слишком устал, чтобы еще о чем-то беспокоиться. Он отвернулся и стал смотреть сквозь открытую дверь вертолета на проплывающий внизу остров. Уже начинало темнеть, и в наступающих сумерках Алан смутно различил на берегу озера молодого рекса с окровавленной мордой, склонившегося над разодранной тушей хадрозавра. Молодой тиранозавр поднял голову, проводил взглядом пролетающий вертолет и заревел.

Откуда-то снизу доносились звуки взрывов, и вскоре

Алан увидел еще один вертолет, который кружил над окутанным туманом зданием Гостевого центра, а потом на месте Гостевого центра вспыхнул ярко-оранжевый огненный шар, и Лекс испуганно закричала, а Элли обняла девочку за плечи и притянула к себе, чтобы малышка не видела этого кошмара.

Грант не сводил взгляда с острова и увидел промелькнувших внизу гипсилофодонтов, которые скакали легко и изящно, как газели, а в следующее мгновение позади них вспухли ослепительные оранжевые пятна взрывов. Вертолет набрал высоту, повернул к востоку и полетел над океаном в сторону материка.

Грант откинулся на спинку сиденья. Он думал о динозаврах, стоявших на пляже и собиравшихся мигрировать, и гадал, куда бы они отправились, если бы смогли, а потом понял, что никогда уже этого не узнает. И от этой мысли ему стало одновременно легко и грустно.

Коста-риканский офицер снова подошел к Гранту и наклонился к самому его лицу.

— Вы здесь главный?

— Нет, — ответил Алан.

— Пожалуйста, сеньор, кто из вас главный? Кто за это все отвечает?

— Никто, — сказал Грант.

Вертолет набрал скорость и полетел к континенту. Стало прохладнее, и солдаты вручную захлопнули дверь. Тогда Грант в последний раз оглянулся назад и увидел на фоне темно-багрового неба и моря удаляющийся остров, затянутый густым туманом, в котором то и дело вспыхивали ослепительно-яркие пятна взрывов. Вспышки следовали одна за другой так быстро, что казалось, весь остров вдруг засиял — яркая точка в сгущающейся ночной темноте.

Эпилог: Сан-Хосе

Проходили дни. Правительство Коста-Рики отнеслось к ним очень доброжелательно — их поселили в довольно хорошей гостинице в Сан-Хосе. Им разрешалось свободно входить и выходить из гостиницы и звонить по телефону кому угодно. Но выезжать из страны им запре-

тили. Каждый день к ним приходил молодой сотрудник американского посольства. Он спрашивал, не нуждаются ли они в чем-нибудь, и заверял, что Вашингтон делает все возможное, чтобы ускорить их отправку на родину. Но ведь погибло слишком много людей — и это неоспоримый факт. И на территории, принадлежащей Коста-Рике, едва не произошла экологическая катастрофа — и это тоже неоспоримый факт. И правительство Коста-Рики подозревало, что во всем этом виноват Джон Хаммонд и его планы относительно острова Нублар. При таких обстоятельствах правительство не было настроено слишком поспешно отпускать выживших после катастрофы на острове. Коста-риканское правительство не соглашалось даже дать разрешение на похороны Хаммонда или Яна Малкольма. Костариканцы выжидали.

Алана Гранта каждый день приглашали в разные правительственные учреждения, и там его расспрашивали всякий раз разные правительственные чиновники — неизменно вежливые и проникательные. Они снова и снова заставляли его повторять всю историю. Как Грант познакомился с Джоном Хаммондом? Что Гранту было известно о его проекте? Как Грант получил факс из Нью-Йорка? Почему Грант отправился на остров? Что произошло на острове?

Одни и те же вопросы, одни и те же ответы, снова и снова, изо дня в день. Одна и та же история.

Алану долго казалось, что ему не верят, думают, что он их обманывает и не говорит чего-то, что они так хотят услышать — хотя он даже вообразить себе не мог, чего именно от него добиваются. Но, как выяснилось, это просто у коста-риканских правительственных чиновников была такая странная манера выжидать.

И вот, наконец, однажды, когда Алан сидел возле плавательного бассейна и смотрел на купающихся Тима и Лекса, к нему подошел незнакомый американец в хаки.

— Мы с вами никогда раньше не встречались, — заговорил американец. — Меня зовут Марти Гутьерес. Я ученый, работаю здесь, на научно-исследовательской станции Карара.

— Кажется, это вы обнаружили тот экземпляр прокомпсогнатуса? — припомнил Грант.

— Да, совершенно верно, — ответил Гутьерес, присаживаясь рядом с Грантом. — Вам, наверное, очень хочется уехать домой?

— Конечно, хочется, — сказал Грант. — Осталось всего несколько погожих дней, пока еще можно проводить раскопки, а потом наступит зима... Может быть, вы не знаете, но в Монтане первый снег обычно выпадает уже в августе.

Гутьерес спросил:

— Наверное, именно поэтому Фонд Хаммонда спонсировал раскопки только в северных районах? Потому что неповрежденный генетический материал динозавров мог лучше сохраниться в местности с холодным климатом?

— Я тоже так думаю.

Гутьерес кивнул.

— А он был неглупый старик, этот мистер Хаммонд...

Грант ничего не ответил. Гутьерес откинулся на спинку стула, помолчал немного, а потом сказал:

— Власти не сообщили вам этого, потому что бояться и потому что их возмущает то, что вы натворили... Но, знаете ли, последнее время в сельскохозяйственных районах страны происходит нечто довольно странное.

— Животные кусают детей?

— Нет, к счастью, это уже прекратилось. Но началось кое-что другое. Этой весной в районе Исмалойи — это немного к северу отсюда — какие-то неизвестные животные стали объедать посевы, причем очень необычным образом. Эти животные каждый день перемещались с места на место почти по прямой линии — прямой, как стрела, — и двигались от побережья к горам, в высокогорные джунгли.

Грант заинтересованно поднял голову.

— Это очень напоминает миграцию животных, — продолжал Гутьерес. — Что вы на это скажете?

— А какими культурами они питались? — спросил Грант.

— Ну, в этом тоже есть определенная странность. Они поедали только бобовые и сою, а еще — иногда — цыплят.

— Пища, богатая лизином, — заметил Грант. — И что случилось с этими животными?

— Вероятнее всего, они ушли в джунгли, — ответил

Гутиерес. — Как бы то ни было, их так и не удалось обнаружить. Конечно, отыскать их в джунглях будет очень не просто. Исследовательские партии могут десятилетиями блуждать в Исмалойских горах, но так ничего и не найти.

— И нас держат здесь потому, что...

Гутиерес пожал плечами.

— Правительство обеспокоено. Возможно, появятся еще какие-нибудь новые животные. Новые неприятности. Власти тревожатся.

— А как считаете вы лично — остались ли еще какие-нибудь другие животные? — спросил Грант.

— Я не знаю. А вы?

— Я тоже. Трудно сказать...

— Но вы подозреваете...

Грант кивнул.

— Да. Возможно, и есть. Скорее всего, есть.

— Я тоже так думаю.

Гутиерес поднялся. Кивнул в сторону бассейна, где резвились Тим и Лекс.

— Детей они, наверное, все-таки отправят домой, — сказал он. — Нет смысла удерживать их здесь, — Гутиерес надел солнцезащитные очки. — Надеюсь, вам здесь понравится. Коста-Рика — премилая страна, доктор Грант.

— Вы хотите сказать, нас никогда не отпустят домой? — спросил Алан.

— Никого из нас никуда отсюда не отпустят, доктор Грант, — ответил Гутиерес с улыбкой, потом повернулся и пошел к выходу.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
ПРОИСШЕСТВИЕ В «ИнГене»	5
Пролог	
УКУС РАПТОРА	10
1. ПЕРВОЕ ПОВТОРЕНИЕ.	19
Почти рай	19
Пунтаренас	25
Пляж	32
Нью-Йорк	35
Порядок данных	39
2. ВТОРОЕ ПОВТОРЕНИЕ.	42
Берег Внутреннего моря	42
Скелет	58
Коуэн, Свейн и Росс	68
Планы	71
Хаммонд	80
Чотиу	86
Точка приложения усилий	88
Аэропорт	94
Малкольм	97
Исла-Нублар	103
Добро пожаловать на остров	107
3. ТРЕТЬЕ ПОВТОРЕНИЕ	110
Парк юрского периода	110
Когда Землей правили динозавры	117
Экскурсия	124
Наблюдательный пост	149
Версия 4.4	163
Наблюдение	171
Экскурсия	181
Наблюдательный пост	187

Большой рекс	195
Наблюдательный пост	204
Стегозавр	211
Наблюдательный пост	220
Гнездовья динозавров	227
4. ЧЕТВЕРТОЕ ПОВТОРЕНИЕ	243
Дорога	243
Возвращение	257
Недри	260
Бунгало	266
Тим	275
Лекс	284
Пульт управления	293
Дорога	297
Пульт управления	307
В парке	314
Пульт управления	322
Парк	329
Рассвет	340
В парке	352
5. ПЯТОЕ ПОВТОРЕНИЕ	364
Поиски	364
Авиарий	372
Тиранозавр	388
Пульт управления	404
6. ШЕСТОЕ ПОВТОРЕНИЕ	427
Возвращение	427
Энергоснабжение	464
Гостиница	471
7. СЕДЬМОЕ ПОВТОРЕНИЕ	491
Уничтожение мира	491
Все под контролем	495
Почти парадигм	510
Спуск	516
Хаммонд	525
Берег	529
Надвигающаяся тьма	532
ЭПИЛОГ: Сан-Хосе	534

Литературно-художественное издание

Майкл Крайтон

ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА

Редактор *В. Татаринов*
Художественный редактор *С. Курбатов*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *Н. Самойлова*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.03.2001

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.

Тираж 7000 экз. Заказ 6985.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 085377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО»

101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103061, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2

Единая справочная служба: (095) 974-21-31

E-mail: mgl@logosgroup.ru

contact@logosgroup.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1

Тел./факс: (095) 932-74-71

ООО «Унитрон индастри». Книжная ярмарка в СК «Олимпийский».

г. Москва, Олимпийский пр-т, д. 16, метро «Проспект Мира».

Тел.: 785-10-30. E-mail: bookclub@cityline.ru

Дистрибьютор в США и Канаде — Дом книги «Санкт-Петербург»

Тел.: (718) 368-41-28. Internet: www.st-p.com

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК» представляет
самый широкий ассортимент книг издательства «ЭКСМО».

Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Всегда в ассортименте новинки издательства «ЭКСМО-Пресс»:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Дом книги на ВДНХ»

ТОО «Дом книги в Медведково». Тел.: 476-16-90

Москва, Заревый пр-д, д. 12 (рядом с м. «Медведково»)

ООО «Фирма «Книинком». Тел.: 177-19-86

Москва, Волгоградский пр-т, д. 78/1 (рядом с м. «Кузьминки»)

ГУП ОЦ МДК «Дом книги в Коптево». Тел.: 450-08-84

Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 31/1

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Любите читать?

Нет времени ходить по магазинам?

Хотите регулярно пополнять домашнюю библиотеку и при этом экономить деньги?

**Тогда каталоги Книжного клуба
“ЭКСМО” – то, что вам нужно!**

Раз в квартал вы **БЕСПЛАТНО** получаете каталог с более чем 200 новинками нашего издательства!

Вы найдете в нем книги для детей и взрослых: классику, поэзию, детективы, фантастику, сентиментальные романы, сказки, страшилки, обучающую литературу, книги по психологии, оздоровлению, домоводству, кулинарии и многое другое!

Чтобы получить каталог, достаточно прислать нам письмо по адресу: **101000, Москва, а/я 333.**

Телефон горячей линии: **(095) 232-0018**

Адрес в Интернете: **<http://www.eksmo.ru>**

E-mail: **bookclub@eksmo.ru**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЮ

ВНЕ ЗАКОНА

Риск и азарт – братья удачи

Герои этих книг загнаны в угол. Они вынуждены самостоятельно восстанавливать справедливость. Как правило, им с законом не по пути. Они становятся желанной добычей и для преступников, и для милиции. Кто в итоге окажется быстрее и хитрее?

НОВИНКИ ВЕСНЫ '2001:

С. Рокотов «Мне тебя заказали»
В. Пронин «Победителей не судят»
С. Рокотов «Час совы»

Книги можно заказать по почте:
101000, Москва, а/я 333. Книжный клуб «ЭКСМО»
Наш адрес в Интернете: <http://www.bookclub.ru>

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЭКСМО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЮ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

«Русский бестселлер» – это самые напряженные сюжеты, самые захватывающие погони, самые жестокие схватки, самые неожиданные развязки...

И далеко еще до «эры милосердия», потому что преступников на просторах нашей родины осталось немало...

НОВИНКИ ВЕСНЫ '2001:

- С. Алешина** «Крошка-месь»
- С. Алешина** «Недолго музыка играла»
- В. Карышев** «Воровской общак Паши Цируля»
- М. Серегин** «Киллер по прозвищу Карлсон»
- М. Серова** «Незванный гость»
- М. Серова** «Спасайся кто может»
- С. Заверев** «Святой: Забей стрелку в аду!»
- В. Платова** «Смерть на кончике хвоста»

Все книги объемом 400-500 стр., иллюстрации.

Книги можно заказать по почте:

101000, Москва, ул. Чкаловская, 43-45 «ЭКСМО»

Тел.: (495) 433-3333, факс: (495) 433-3333, e-mail: eks@eks.ru, <http://www.eks.ru>

ЭКСМО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЮ

«КРИМИНАЛ»

Чем живут современные бандиты? Как расширяют сферы влияния преступные группировки? Почему все операции правоохранительных органов для них подобны комариным укусам? Как происходит слияние преступности и власти? Как действуют аферисты, воры, грабители и как от них убежать? Настало время разобратся.

**Серия «Криминал» – РЕАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ,
ПРОВЕРЕННЫЕ ФАКТЫ**

НОВИНКИ ВЕСНЫ'2001:

В. Солонин «Девочки по вызову»

В. Карышев «За «базар» – отвечаю»

Все книги объемом 400-500 стр., твердый, целлофанованный переплет, шитый блок

Книги можно заказать по почте:

101100, Москва, ул. Б. Садовая, 33/35 Экспресс-ЭКСМО
Телефон: 4-44-61-00-00. URL: www.eks-mo.ru

ISBN 5-04-007249-X

9 785040 072491 >

■ «Я ВЕЗДЕ ЧУЖОЙ.

В ГОЛЛИВУДЕ МЕНЯ ВОСПРИНИМАЮТ
КАК ВЫСОКОЛОБОГО ГАРВАРДСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА,
А ЛИТЕРАТУРНАЯ БРАТЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ,
НАПРОТИВ, ПОСМАТРИВАЕТ СВЫСОКА, КАК НА АВТОРА
ПОВЕРХНОСТНЫХ СОЧИНЕНИЙ, РАССЧИТАННЫХ
НА НЕ СЛИШКОМ ВЗЫСКАТЕЛЬНЫЙ ВКУС ТОПЛЫ.
НУ И ПУСТЬ. ЛЮДИ МНЕ ДОКУЧАЮТ.
ГОРАЗДО ИНТЕРЕСНЕЕ ПРОСТО ЗАНИМАТЬСЯ
СВОИМ ДЕЛОМ».

Майкл КРАЙТОН

■ «МАЙКЛ КРАЙТОН — ОТЕЦ ТЕХНОТРИЛЛЕРА».

«ТАЙМ»